

Варяжский пленник

Варяжский пленник

Варяжский пленник

ЮРИЙ ВРОНСКИЙ

Кукша,
варяжский
пленник

АЛЕКСАНДРИ ЕЛЕНА
МАРКОВЫ

Сага
о неведомых
землях

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1997

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
В18

Редколлегия серии
Наталья Будур
Любовь Горлина
Сергей Кондратов
Ирина Шурыгина

Художники
Елена Грачёва
Татьяна Хрычёва

Серия «Викинги»
подготовлена Издательским центром «ТЕРРА»
совместно со Скандинавским культурным центром «НОРД»

ISBN 5-300-01494-X

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю

7

Юрий Вронский
Кукша, варяжский пленник

9

Сага о неведомых землях

Александр Марков
Сага о Харальде Мореходе

231

Александр и Елена Марковы
Сага о западных землях

339

Александр Марков
Сага об Эрлинге

439

Александр Марков
Южный поход Эрлинга

565

К ЧИТАТЕЛЮ

Удивительная история походов викингов — разбойников с Севера, в страхе державших несколько веков всю Европу, — на протяжении многих веков волновала литераторов.

На эту тему писали Сигрид Унсет и Райдер Г. Хаггард, Август Стриндберг и Эсайас Тегнер, Валерий Брюсов и Константин Батюшков, Бьёрнстjerne Бьёрнсон и Хенрик Ибсен.

Не утихает интерес к «викингской» теме и в наши дни. Прилавки магазинов в Европе и Америке, а последнее время и в России заполнили различные современные фэнтези, в которых смелые и глупые северяне без разбора рубят головы направо и налево.

Естественно, что наша серия была бы немыслима без современных романов наших отечественных авторов. Тем не менее особенное внимание мы уделяли «качеству» включаемых в серию произведений.

Уже вышли книги наших соотечественников — известных писателей «нового поколения» Марии Семеновой и Александра Торопцева и «восходящей звезды» современной русской фэнтези Елизаветы Дворецкой.

В очередной том включены повести замечательного писателя Юрия Вронского, хорошо знакомого читателям уже не один десяток лет, и совсем еще молодых авторов Елены и Александра Марковых, книги которых отличает, прежде всего, прекрасная стилизация под язык саг.

Надеемся, что этот том не оставит Вас равнодушными!

Счастливого плавания на викингских драккарах!

ЮРИЙ ВРОНСКИЙ

Кукша, варяжский пленник

ВСТУПЛЕНИЕ

Пасковый весенний день. Ни облачка, ни ветерка. Не шелхнутся прошлогодние былинки у опушки бора. Но в вершинах древних сосен слышится немолчный шум, и кажется, будто над миром летит чей-то глубокий бесконечный вздох.

На высоком правом берегу Тихвины — порожистой лесной реки — раскинулась деревня Домовичи. Деревня невелика — всего несколько изб. Стоят они среди огромных валунов — не в ряд, а как придется.

Окон в избах нет. Двери низкие с высоким порогом, в ширину они больше, чем в высоту. Чтобы войти в избу, надо низко наклониться и, перешагивая порог, высоко поднимать ноги. А рослый человек и наклонившись рискует задеть спиной притолоку.

Кровли выложены дерном по берестяной подстилке. Они уже запестрели весенними цветами, особенно густо на скатах, обращенных к солнцу. Из волокового отверстия* в кровле струится дымок. Печь в избе никогда не гаснет — ведь от нее и тепло и свет.

* Волоковые отверстия устраивали в крышах или стенах для вывода из помещения дыма, когда еще не было печных труб.

Живут в деревне домовичи, люди, ведущие свой род от дедушки Домового, доблестного воина, искусного охотника и рыбака, неутомимого землепашца и на всякое дело умельца. Он, по преданию, первый из словен* срубил избу в этих местах, спокон веку заселенных людьми племени весь**.

Прежде жил дедушка Домовой далеко отсюда, на Волхове-реке, близ Ильмень-озера. Да замучили данями-поборами князя — еще деды-прадеды Гостомыслы***. Решил дедушка податься куда-нибудь в отдаленное место, куда не дотягиваются княжеские руки. Стал расспрашивать мимоезжих купцов. Купцы ведь по торговым делам забираются даже и на край земли. Они и поведали дедушке про реку Тихвину. Леса, мол, там нехожены, земли не паханы — живи — не хочү.

Тронулся дедушка в путь со всей семьей и родней, со скотиной и скарбом, на трех больших челнах. Трудный был путь, однако добрались все живы-здоровы. Не совсем там оказалось так, как рассказывали купцы. Жил уже и на Тихвине народ — волосы белые, глаза светло-голубые, будто выцветшие на солнце. Рыбаки да охотники.

Поначалу ошетинились, а потом — ничего, найдется, говорят, и вам место. К тому же дедушка не утаил, что он и кузнец, и гончар, и на всякое дело умелец. Такой-то человек всюду ко двору. Зажили дружно, на праздники друг к другу ходили, домовичи женились на местных светлоглазых девушках, а местные парни — на домовичских.

Однако со временем и сюда дотянулись долгие княжеские руки — как-то весной, точно гром с ясного неба, свалились на Тихвину сборщики дани. Дедушка-то Домовой этого, понятно, уже не увидел. Еще и после него несколько поколений прожили спокойно. А теперь вот опять весна, самая радостная пора, а радости нет.

В деревне недавно побывали варяги, посланные ладожским князем. Они не удовольствовались той данью, что к их приходу собрали домовичи, и пошли шарить по избам и клетям. Забрав все, что им приглянулось, они пустились дальше вниз по реке.

---

* Словене — восточно-славянское племя, жившее на территории нынешней новгородской области. Одно из племен, составивших впоследствии русский народ.

** Весь — угро-финское племя, жившее на севере нынешней России. Одно из племен, составивших впоследствии русский народ.

*** Гостомysl — последний словенский князь.

Тихо в ограбленной деревне. Не слышать гомона играющих детей. Даже брехливые псы и те умолкли. Только уцелевший петух, глупая птица, хотя и видел, как варяги сворачивали шеи его товарищам, нет-нет, да и закукарекает как ни в чем не бывало.

Домовичи безропотно позволили себя ограбить, потому что в деревне нет воинов. Здешние жители в позапрошлом году проявили непокорность и, объединившись с соседями, прогнали сборщиков дани, не дав им ни шкурки. Тогда ладожский князь прислал своего воеводу с дружиной — усмирять строптивых.

Тяжко на сердце у Невзоры, вдовы, живущей в крайней избе, недалеко от обрыва. Когда домовичи дрались с княжескими дружинниками, у нее убили мужа, и осталась она с пятью сиротами — четырьмя девками и сыном. А нынче, после очередного прихода варягов, пропал и сын, отрок десяти лет, на которого была вся надежда.

Ублажала Невзора Домового, идол которого стоит в красном углу, угощала его хлебом и рыбой, молоком и медом, просила найти и вывести из лесу ее сына, если он заплутал. Ходила с подношениями в лес, к огромной, в три обхвата сосне, уговаривала Лешего, если он держит ее сына, отпустить его домой. Спускалась к реке, умоляла веселых водяниц отдать хоть тело сына, — известно, что живыми-то водяницы еще никого не отпускали.

Однако сына ее нет как нет, ни живого, ни мертвого. Верно, зверь задрал отрока в лесу и никогда больше мать не увидит единственного сына.

Глава первая ХАЛЬВДАН ЧЕРНЫЙ

Хальвдан Черный — славный мурманский* князь, или, по-здешнему, конунг. Он правит Вестфоллом, Рингерике, Румерике, Хедмарком и некоторыми другими землями. Конунг Хальвдан — мудрый и справедливый правитель, в его владениях царит мир, во всех делах конунгу сопутствует удача, урожаи при нем хорошие, и народ любит его.

Обширное хозяйство у Хальвдана Черного, чего только нет у него на усадьбе! Вот просторный хлев, конунг большое внимание уделяет разведению быков, их немало требуется для прокорма многочисленных родичей, домочадцев и гостей, но особенно для праздничных пиров, посвященных богам и богиням.

Для жертвоприношений и для стола в хозяйстве конунга также разводят коней, свиней и петухов, надо сказать, что это главные жертвенные животные варягов. Есть на усадьбе овчарня, где зимует большое стадо овец. Овцы — замечательные животные, их тоже можно приносить в жертву и употреблять в пищу, они дают теплый мех и шерсть, а кроме того, — бараний жир, который идет для светильников.

Каждый знает, что хорошие урожаи, чем так прославлено правление Хальвдана Черного, можно поддерживать только постоянными жертвами, и это первейшая обязанность конунга.

Бывали случаи, что какой-нибудь конунг пренебрегал своей обязанностью, тогда в стране, которой он правил, наступал недород. Опомнившись, конунг резал множество голов скота, приносил обильные жертвы, но не достигал никакого успеха. На следующий год он приносил человеческие жертвы. Толку не было по-прежнему.

---

* Мурманский — норвежский.

Людам приходилось прибегать к последнему средству — приносить в жертву Одину, верховному богу, самого конунга и омыwać жертвенник его кровью. Только такой ценой удавалось вернуть урожай в свою землю.

Помимо хлева, конюшни, овчарни, свинарника и птичника, в королевской усадьбе есть амбары, сenniки, различные кладовые и погреба, соколятня, кузня, дом для гостей и другие постройки.

Шумно в усадьбе, с раннего утра до позднего вечера доносится из кузни звон молотов о наковальни, не смолкает кукареканье множества петухов, из кожевенной, шорной и прочих мастерских слышится заунывное пение разноплеменных рабов.

Однако сегодня здесь царит особенное оживление. В малом загоне режут скот, в поварне стряпают всевозможные яства, из погреба выкапывают бочки с хмельным медом и приятным на вкус слабым пивом — любимым напитком женщин и детей. Конунгова усадьба готовится к пиру. Накануне вечером из далекой Гардарики* приплыли викинги**. Их предводитель Хаскульд — давнишний приятель Хальвдана Черного. Он всегда охотно вступал в дружину конунга, когда требовалось отразить нападение врага или усмирить непокорных.

Знакомы Хальвдану и некоторые другие викинги. Конунг не раз беседовал с чернобородым Тюрм, бывалым воином, много повидавшим на своем веку. Его мать была рабыней, ее купили на торгу в Хедебю, в Дании, однако Тюр весьма достойный человек, несмотря на свое происхождение.

Рыжий великан Сван тоже бывал в гостях у Хальвдана. Это доблестный воин, берсерк***, он не побоится выйти один против дюжины.

Викинги привезли с собой белобрысого отрока лет десяти-одиннадцати, с которым они все очень ласковы. Однако про него не скажешь, что он платит им той же монетой. Он утрюм и молчалив, впрочем, кажется, он не понимает по-мурмански.

Просторная гридница, где происходят пиры конунга Хальвдана

---

* Гардарики — страна крепостей, древне-скандинавское название Руси.

** Викинги — жители Северной Европы VIII—XI веков, промышленявшие морским разбоем и торговлей. То же, что варяги.

*** Берсерк — свирепый воин, который в битве приходил в исступление, выл, как дикий зверь, кусал свой щит и был, согласно поверью, неуязвим.

Черного, освещена множеством жировых светильников, они укреплены на витых железных ножках, воткнутых в земляной пол. Посреди пола горит очаг, перед ним расположено почетное сиденье конунга, украшенное с двух сторон резными столбами. Стены гридницы сплошь затянуты коврами с изображениями особенно знаменитых битв.

Конунг — человек крепкого сложения, у него длинные, чуть не до пояса, седые волосы и борода. Он указывает гостям место напротив себя, у другой стены, там расположено второе почетное сиденье, на нем размещается предводитель Хаскульд и его ближние мужи. Один из них Тюр, он сажает рядом с собой белобрысого отрока. Остальные садятся на лавки по обе стороны почетного сиденья. Чем ближе место к огню, тем оно считается почетнее.

Конунгу, как и прочим участникам пира, не терпится послушать, что расскажут люди, прибывшие из далеких краев, однако лицо его выражает только важность и спокойствие. Он ни за что не позволит себе торопить гостей.

Над каждым из мужей, своих и прибывших, поблескивают доспехи, повешенные на стену: меч, секира, щит и шлем. Звучат заздравные речи, в могучие глотки воинов льется хмельной мед из рогов, оправленных серебром. Мало-помалу гости начинают рассказывать о далекой стране Гардарики, о ее городах, о Ладогe, которой правит знаменитый морской конунг Одд Стрела.

Гардарики — богатый край, но там неудобно совершать викингские набеги, потому что нет спасительного морского простора. Одд Стрела придумал, как без набегов пользоваться всеми дарами тех земель. Для этого он захватил город Ладогу, что на реке Волхов, укрепился в нем и покорил или перебил окрестных князей, пользуясь их взаимной враждой. Ладога стоит на таком месте, что в нее стекаются богатства с трех сторон: с запада — рабы, с севера — пушнина, а с востока — золото, серебро и драгоценные ткани. Правда, к югу от Ладоги, при истоке Волхова из Ильмень-озера, расположен город Хольмгард, по-местному Словенск*. В последнее время он начал расти и богатеть, и, значит, часть богатств, идущих с юга и востока, оседает там. Конечно, он как бельмо на глазу, но со временем его можно было бы захватить.

---

* Словенск позже стал называться Новгородом.

Возвращаясь в Норвегию из Гардарики, Хаскульд и его люди грабили берега Балтийского моря и взяли немало добычи, хотя тамошние места были уже опустошены до них.

Глаза пирующих то и дело останавливаются на отроке, которого опекает Тюр. Не только женщинам и девушкам, сидящим на женской скамье у торцовой стены, — пожилым воинам, умудренным жизнью, тоже любопытно узнать, откуда взялся отрок и зачем он понадобился викингам. Уголек любопытства жжет даже охладелое сердце конунга, завершающего свой жизненный путь.

Наконец Хаскульд, заметив его взгляд, невольно брошенный на отрока, говорит:

— Я думаю, что теперь нам следует рассказать о Кукше. Лучше всего это, пожалуй, сделать Тюру.

Тюр не заставляет долго себя уговаривать, он осушает только что поднесенный ему рог и начинает рассказывать.

Глава вторая ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Собирали мы нынешней весной дань для ладожского конунга и приплыли в одну словенскую деревню. Угощение нам приготовили щедрое, мед лился рекой. Однако дани оказалось маловато, нетрудно было сообразить, что жители решили восполнить медом недостаток белок и куниц.

Мед медом, а дань данью. Не хотите отдавать добром, возьмем силой. Пошли мы по избам и клетям. Сунулись со Сваном в одну избу, а навстречу нам баба бешеная, встала на пути, кричит что-то, не пускает.

Если б это было не в Гардарики, мы бы ее недолго думая убрали с дороги мечом, но там нельзя — конунг не велит людей зря убивать, они ведь как-никак его данники. Мы даже пригрозить той бабе не можем, не знаем толком по-ихнему, а она, того гляди, в глаза вцепится.

Стал ее Сван оттаскивать, чтобы пройти, вдруг, откуда ни возьмись, выскакивает отрок и на Свана. Да так бесстрашно! Он мне сразу понравился. Ах ты, волчонок, думаю, хороший волк из тебя со временем вырастет!

Я даже рассмеялся, когда он Свана боднул головой в живот и начал колотить его кулаками. Только Сван, как известно, до шуток не охоч. Быстро надоела ему эта забава, отшвырнул он отрока, отшвырнул бабу и хотел пройти. Глядь, отрок опять на него, только уже с топором. Тогда я вмешался, отнял у него топор. Там девчонки стояли — видно, сестры его, — велел им утащить отрока прочь, пока не поздно. Жаль мне его стало, ведь убьет, думаю, его Сван!

Глава третья ОПЯТЬ ОН

Взяли мы все, что могли, и покинули ту деревню. Плыть дальше нельзя, на пути опасный речной порог, так что идем лесом, в обход порога. Вдруг слышу, позади меня что-то зазвенело. Оборачиваюсь, оказывается, в Сванов шлем камень угодил. Да увесистый, с гусяное яйцо будет! Несдобровать бы Свану, попади камень ему в лицо!

Камни не птицы, сами по лесу не летают. Гляжу, за кустами кто-то прячется. Я как увидел круглые серые глаза, сразу понял — опять тот отрок! Бросился к нему Сван, лишь тогда пустился он улепетывать. Сван за ним в погоню, а мы сели ждать. Недолго, думаю, нам ждать, не уйти бедняге от Свана, другого такого бегуна, как Сван, может, во всей Норвегии больше нет. Сижу я, и грустно мне. Наверно, думаю, уже настиг Сван отрока, обнажил меч и рассек пополам маленького храбреца. Сейчас явится с окровавленным мечом.

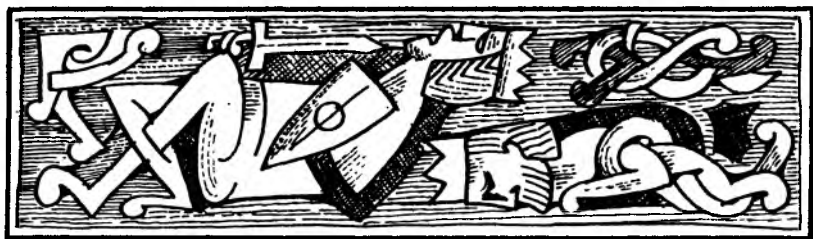
Однако Свана все нет и нет. Мало-помалу затеплилась у меня надежда, что он потерял мальчика в лесу. Ну что ж, поищет, поищет и вернется. Ждем уже изрядно, кто-то говорит: не заблудился ли наш Сван, может, поискать, покликать?

Вдруг в стороне от нас выскакивает из чащи мальчишка, рот разинут, глаза выкатились, бежит прямо к реке. Один из наших хотел было его подстрелить, я не дал. Не мешай, говорю, Свану, это его добыча.

Слышу приближается Сванов топот, а вот он и сам. Вылетает из чащи, меч обнажен, лицо багровое, на лице ярость, несется вслед за отроком.

Бедняга уже на скале, а оттуда деваться некуда, потому что под скалой порог ревет, и ярости в нем, пожалуй, не меньше, чем в Сване.

Не дал мальчишка себя зарубить, сам прыгнул в порог, на верную гибель, будто посмеялся над Сваном: оставайся, мол, ни с чем! Словом, поступил, как настоящий викинг.

Глава четвертая

ВОСКРЕСЕНИЕ ОТРОКА

Не сразу мы тронулись в путь. Свану необходимо было излить гнев. Начал он рубить деревья. Долго рубил. Рычал, пеной плевался, совсем как порог, что украл у него жертву. Наконец устал, лег и некоторое время лежал в бессилии, как бывает у берсерков.

Мы тем временем сели обедать, и разговор зашел о погибшем отроке. Одни, как и я, жалели, что погиб такой храбрый мальчик. Другие возражали, что он, наоборот, трус и спятил от страха, иначе зачем бы ему загонять самого себя в ловушку, откуда нет пути, кроме как в гибельную стремнину.

Тогда я сказал:

— Он был не из тех, кто может спятить от страха, — я видел, как он защищал свою мать. Это был настоящий викинг в душе, и мне очень жаль, что он погиб.

Мудрый Хаскульд поддержал меня.

Наконец Сван пришел в себя, и мы тронулись в путь. Представьте себе наше изумление, когда, отыскав брод, мы переправились через реку и на другом берегу увидели мальчишку! Он был цел и невредим, даже рубаха на нем была сухая. Он преспокойно спал, а в руке держал пращу, заряженную хорошим камнем. Упрямый волчок снова подстерегал Свана! Однако ждать ему пришлось слишком долго, и бедняга крепко уснул.

Наши парни подкрались к нему и схватили его. Вы бы поглядели, как он брыкался и вырывался! И тут его увидел Сван. Я участвовал со Сваном во многих битвах, но такой ярости, какая на него напала в тот раз, я, признаться, не видывал.

Выхватывает Сван меч и кидается к отроку. Ладно, Хаскульд

помешал, а то бы наш берсерк сделал из мальчика начинку для пирога.

Однако викинги не поняли, почему Хаскульд заступился за отрока, иные даже начали ворчать. Пришлось Хаскульду объяснить.

— Кто мне скажет, — спрашивает он, — почему духи реки вынесли мальчишку на берег живым и невредимым?

Все молчат, и Хаскульд говорит:

— Потому что его гибель не угодна судьбе! Не очевидно ли, что отрок пользуется ее особенной благосклонностью? А раз так, возьмем его с собой, и он принесет нам счастье!

Хорошо иметь умного предводителя! Ведь каждый из нас изумился, увидев отрока спящим на берегу после пребывания в страшном пороге, — порог должен был изжевать его и выплюнуть обезображенный труп! Однако только Хаскульд сообразил, что отрок спасся неспроста, что сама судьба посылает его нам как знак своего расположения.

Кто посмеет пренебречь указанием судьбы? Могущественные боги? Но и самих богов судьба одаряет удачей или метит неудачей.

Каждый знает, что судьба может наделять людей разными видами счастья или несчастья. Есть люди, которым неизменно везет в битвах, а есть такие, которых постоянно преследуют беды. Одни своим присутствием на корабле вызывают попутный ветер, другие навлекают бурю. Неудачников опасно иметь на судне, лучше сразу выбрасывать их за борт.

Наш найденыш не погиб в страшной пасти порога и спасся от не менее страшного меча Свана — две такие удачи в один день внушают доверие.

У нас, как известно, особенно ценятся люди, вызывающие попутный ветер. Когда впоследствии викинги убедились, что счастливый отрок наделен и этим видом удачи, я окончательно успокоился за его жизнь, потому что тут уж и Сван сменил гнев на милость.

Глава пятая У ЛАДОЖСКОГО КНЯЗЯ

Пока плыли мы в Ладогу, привязался я к Кукше все равно что к сыну. Сперва не желал он меня признавать. Бывало подхожу к нему с лаской, а он, того и гляди, зарычит или укусит. Этим-то он мне и понравился. Зато, не скрою, я почувствовал гордость, когда он мало-помалу начал приручаться.

Вскоре убедился я: не зря мне казалось, что он может укусить руку, протянутую к нему с лаской. Приплыли мы в Ладогу и сразу попали на пир. Одд Стрела, ладожский конунг, встретил нас приветливо, Хаскульда и меня усадил на почетное сиденье рядом с собой. Другим тоже оказал всяческую честь.

Полюбопытствовал он, конечно, что за отрок с нами. Когда поведали мы ему о Кукше, конунг самолично приказал налить в самый красивый рог меда и отнести Кукше: раз, мол, он воин, пусть пьет.

Захотелось конунгу рассмотреть Кукшу поближе, и подозвал он его к себе. Кукша не робеет, подходит. Конунг улыбается, берет его за подбородок, и тут выхватывает Кукша нож из ножен и всаживает его конунгу в руку.

Не понравилось мне, как конунг с Кукшей обошелся, пнул он его, точно пса, хорошо еще — не искалечил. Вижу, Хаскульду это тоже не понравилось. Однако промолчали мы.

Только начались у нас с конунгом с того раза нелады. Кто-то нашептал ему, будто Хаскульд утаил часть конунговой дани. Дальше — больше. Кончилось тем, что покинули мы конунга, уплыли из Гардарики.

Жаль было оставлять Гардарики. Благословенная страна! Нигде нет столь дешевых рабов, нигде нет такого изобилия драгоценной

пушнины. Серебро и золото с Востока щедро течет в Гардарики! Меду, подобного тамошнему, нет на всем свете! А какие там рабыни!

Одно плохо — жизнь чересчур спокойная. Викинг нет-нет да и затоскует по морю, по набегам, по сражениям. А там, того и гляди, моль паруса побьет*. Мы с Хаскульдом давно уже собирались их проветрить. Но не уплыли бы мы оттуда навсегда, кабы не распря с Оддом. Впрочем, есть тому и еще одна причина, более важная.

Спору нет, Одд Стрела — доблестный вождь, настоящий морской конунг, избородил все моря. Особенно знаменит он как лучник. У него полон тул заколдованных стрел, на каждой магические руны** начертаны. От его стрелы никто не может уйти. Не зря он зовется Одд Стрела.

Однако викинг должен, как видно, хоть время от времени выходить в море. От морской соли крепнет сердце. А тому, кто позволяет себе расслабиться, судьба перестает посылать удачу. В последнее время нам с Хаскульдом стало казаться, что счастье оставило Одда.

И, конечно, не случайно Кукуша ударил ладожского князя ножом, это судьба Кукушиной рукой пометила Одда Стрелу знаком неудачи. Рассудили мы, что плохо кончит ладожский конунг и незачем нам делить с ним его несчастливую судьбу.

---

* Паруса у викингов были шерстяные.

** Руны — древнегерманские, преимущественно древнескандинавские письмена.

Глава шестая ПОБЕГИ КУКШИ

Впрочем, я взялся о Кукше рассказывать, а не о ладожском конунге.

Истинную правду говорил Хаскульд, что судьба бережет Кукшу. Пока мы были в Ладоге, он дважды пытался бежать. Один раз ночью он слез по наружной стене крепости, не имея ни веревки, ни лестницы, а когда стал спускаться по крутому земляному валу, сорвался. Любой другой непременно сломал бы шею, а ему хоть бы что! Мы ходили смотреть то место — верная гибель!

Другой раз он спустился из крепости по веревке, сел в лодку и поплыл. На следующий день к вечеру мы его нагнали. Как видите, опять ему повезло — ведь пока он плыл, его могли поймать какие-нибудь бездельники и продать в рабство. А если бы ему и удалось добраться до дома, он сгинул бы в неизвестности, теперь же его ждет будущее знаменитого воина.

Но самое удивительное случилось позже, когда мы уже покинули Ладогу.

Остановились мы на ночлег на реке Неве неподалеку от финской деревни. Сходили в деревню, купили меду. Кукшу я, по обыкновению, брал с собой. Из предосторожности ночевали мы на корабле, отойдя немного от берега. Тамошние жители — народ воинственный, при случае и сами не прочь пограбить. Просыпаемся утром — Кукши нет.

Вспомнил я, что жена старейшины, которая нам мед продавала, разговаривала с Кукшей. Наверно, она и сманила его. Приходим в деревню, говорим старейшине: мы-де хотели бы сохранить со здешними жителями мир да любовь и ожидаем от жителей того же. Поэтому мы просим вернуть нам похищенного отрока.

Старейшина отвечает, что ему ничего не известно о похищении. Он уверен, что отрока в деревне нет, ибо люди его рода не могли что-нибудь предпринять без его ведома. Чтобы у нас не было сомнений, он предлагает нам обыскать деревню.

Обыскали мы избы, облазили клетки да амбары и ни с чем вернулись на берег. Однако все уверены, что Кукша где-то здесь. Скорее всего, его спрятали в лесу. Но лес велик, его не обшаришь.

Устроили мы совет: как быть, плыть дальше, смирившись с потерей Кукши, или напасть на деревню и заставить ее вернуть отрока?

Всем было ясно, что предстоящие походы в богатые западные земли без Кукши не будут столь удачными, как с ним. К тому же все мы успели привыкнуть к нему и особенно сильно почувствовали это, когда потеряли его.

Самые воинственные предлагали немедленно отомстить финнам — напасть на деревню, жителей перебить, имущество разграбить, а деревню сжечь. Кто-то из более осторожных напомнил, что в Ладогe говорят, будто у здешних финнов есть в тайных местах особые била, вроде огромных барабанов, которыми финны в случае нападения подают весть соседям. Весть мгновенно облетает всех единоплеменников, и жители окрестных деревень спешат на помощь своим. Как бы не попасть в беду, ведь Нева в их руках.

Хаскульд, как всегда, предложил мудрое решение. Он сказал:

— Устроим погром ночью. Внезапное ночное нападение сулит верный успех и наименьшие потери. Сейчас мы снимемся с якорей и пройдем немного вниз по реке, пусть финны думают, что мы уплыли своей дорогой. Тогда им уже незачем будет прятать Кукшу. А мы в укромном месте дождемся ночи, вернемся и нападeм на деревню. Зажoжем несколько домов, чтобы было светло, и начнем убивать и грабить. Я уверен, что мы найдем там и Кукшу. Покончив со своим делом как можно скорее, мы без промедления тронeмся в путь и утром будем уже в Балтийском море. И пусть хоть все финны этой страны, а вкупе с ними и словене и кто угодно ополчатся на нас!

Большая часть викингов одобрила предложение, но всегда есть и такие, которые сомневаются. Хаскульда спросили:

— Разве не черное дело убивать ночью?

Хаскульд и тут нашелся. Он засмеялся и сказал:

— Не знал я, что в наши дни кто-то еще может принимать в рас-

чет подобную чепуху. В старые времена глупые люди верили, правда, что ночное убийство — дело незаконное. Но разве великий Годфред не ночью разорил поморский Рерик? И разве Олав дожидался утра, чтобы сжечь Зеебург?

Не тратя больше времени на разговоры, мы подняли якоря и поплыли вниз по реке, чтобы найти место для стоянки.

Не успели мы приготовить обед, глядим: мимо нас Кукиша в лодке плывет и так гребет, будто за ним тролль гонится. Окликнули мы его в берестяной рупор и ждем, как он себя поведет. Он сразу, не задумываясь, к нам повернул. Ага, значит, нас он и искал. Не стану скрывать, обрадовались мы, словно сто лет не видались. И он тоже...

Тут Тюр с улыбкой взглянул на отрока и замолк.

Глава седьмая ХАРАЛЬД И КУКША

Викинги подарили конунгу Хальвдану парус для большого боевого корабля и много драгоценных собольих и бобровых шкурок из Гардарики. Конунг весьма доволен подарками. Он предложил всем гостям, у которых нет каких-либо важных и неотложных дел дома, остаться у него на зиму.

Кукша нравится Хальвдану. Старый конунг быстро понял, что викинги не ошибаются, видя в отроке будущего доброго воина. Конечно, в его возрасте все мальчишки любят воинские упражнения и готовы целый день махать деревянными мечами, разбившись на пары или на отряды по несколько человек. Но такой одержимости в постижении воинского искусства, какую проявляет это словенский отрок, конунг не видывал, пожалуй, за всю свою долгую жизнь.

У конунга есть сын по имени Харальд. Харальд и словенский отрок примерно одного возраста. Харальду очень полезно иметь для воинских упражнений такого сильного противника.

Мальчики, кажется, уже подружились. В этом тоже нет ничего плохого. Такая дружба несколько не унижает достоинства будущего конунга. Отрок не раб, хотя и пленник. Сами викинги, похищая Кукшу, не предназначали его для рабской доли. Сказать по правде, из таких зверенышей и не получается хороших рабов.

Мудрый старый конунг, чью власть скоро уже унаследует его сын, знает, как дорог в этом беспокойном мире такой дружинник, который с малых лет привык любить своего вождя и видит в нем скорее друга, нежели господина. А в Кукше хорошо еще то, что у него в этой стране ни роду, ни племени — словом, никаких привязанностей. Такой человек будет особенно предан.

Харальд, гордый и вспыльчивый, на диво сдержанно переносит удачные удары, наносимые Кукшей. Вспыхнет, закусит губу и продолжает сражаться, только делаясь более внимательным и осторожным.

Конунг Хальвдан, который иногда наблюдает за их поединками, с удовольствием видит, как его сын, учась воинскому искусству, одновременно учится житейской мудрости. Да, да, всегда рассчитывать, никогда не поддаваться ослепляющей силе гнева! Что ж, это утешительно, после его смерти власть попадет в надежные руки!

В словенском отроке старые опытные воины сразу отметили, помимо ловкости, ярость, овладевающую им во время боя. Иной раз ему не хватает одного деревянного меча на поединок, он разбивает его в щепки о щит противника. Воины переглядываются и одобрительно покачивают головами. Мурманцы ценят и искусство боя, и воинскую страсть.

Гутторм, дядя Харальда по матери, его воспитатель и главный наставник в воинском деле, считает, что воин должен, помимо меча и секиры, в совершенстве владеть копьем и метко стрелять из лука. И Харальд с Кукшей мечут копье, изо всех сил колют им можжевельный куст и стреляют в цель из лука.

У Харальда есть собственный настоящий меч, хотя Харальд не посвящен пока что в мужчины и, значит, не имеет права носить меч на поясе как воин. Меч откован из самой лучшей стали, только размером поменьше взрослого. Мальчики по очереди с азартом рубят прутья Харальдовым мечом.

На родине Кукуша слыл среди отроков искусным пращником. Он и здесь не забыл любимую пращу, обучил своему искусству Харальда, и, скитаясь по окрестностям, они редко пропускают какое-нибудь дерево, чтобы не метнуть в него камень, благо камней в Норвегии не меньше, чем на родине Кукуши.

Дружба мальчиков крепнет день ото дня. Их редко видят врозь. Харальд выразил желание ночевать вместе с Кукшей в гостевом доме, где живут викинги, и отец охотно разрешил ему это — пусть сын побольше бывает с воинами и поменьше с женщинами.

Теперь Харальд и Кукуша спят рядом, едят вместе и подолгу где-нибудь пропадают вдвоем. Особенно любят они забираться в огромную сумрачную оружейную. Все стены ее увешаны оружием и

доспехами. В столбы, поддерживающие кровлю, как и в стены, вбиты кованые крюки и гвозди, на них тоже висят щиты, кольчуги и шлемы.

Давно уже не было войн, и оружейную никто не посещает, тут и там виднеются нетронутые кучки земли, это кроты без помех роют свои норы.

Мальчики сидят на древних, источенных жучком и временем сундуках, в которых хранятся смазанные бараньим салом старые мечи, секиры и наконечники для копий. Кукша среди мурманов быстро выучился чужому языку, и теперь они с Харальдом ведут бесконечные беседы, рассказывают друг другу сказки и мечтают.

Кукша видит на столбе кольчугу, превосходящую остальные размером и более прочих потемневшую от пыли и ржавчины. Видно, ее перестали чистить сто, а может, и двести лет тому назад.

Харальд говорит, что эта кольчуга принадлежала его предку Ингви-Фрейру, богу, от которого произошли Инглинги, род конунгов, правящих в Норвегии и Швеции.

Сыновья и внуки Фрейра, люди весьма могучего телосложения, еще пробовали надевать кольчугу, но всем она оказывалась велика, и в конце концов ее перестали примерять. Так она и висит теперь без дела.

Харальду нравится, когда Кукша рассказывает о своей жизни на родине. Его рассказы о Гардарики совсем непохожи на рассказы викингов. Оно и понятно, ведь викинги были чужеземцами, а Кукша там родился и вырос.

Особенно оживляется Харальд, если Кукша вспоминает о драках или об охоте. К охоте Кукшу отец начал приучать с малолетства и брал его с собой, даже идя на медведя.

Сам Харальд больше всего говорит о своих мечтах, а мечтает он о викингских походах. Ему нужны несметные сокровища, добыть же их легче всего морским разбоем.

С восхищением рассказывает Харальд о том, как викинги разграбили и сожгли богатые города юга. Знаменитый датский морской конунг Рагнар Кожаные Штаны лет пятнадцать назад поднялся по реке в глубь земли франков и разорил там славный город Париж. Другие храбрые викинги тоже постоянно разоряют города франков и разных иных народов.

Харальд слышал, что где-то далеко-далеко на юге есть сказочный город Рим, он во много раз больше и богаче Парижа. Считается, что Рим — величайший и прекраснейший город мира. Заветная мечта Харальда — разграбить и сжечь этот знаменитый город. Вот откуда можно привезти богатую добычу и громкую славу!

Харальд сможет отправиться в поход, когда ему стукнет двенадцать лет — с этого возраста мурман считается мужчиной и имеет право носить на поясе меч.

Мальчики часто бродят по лесу с луками и пращами, упражняются в меткости, охотясь на мелкую дичь. Однажды на закате они выходят на поляну неподалеку от конунговой усадьбы. На поляне возвышается курган. Харальд говорит:

— Знаешь, кто здесь похоронен? Моя бабка, королева Аса. Она умерла, когда меня еще не было на свете. Говорят, она умерла молодой и красивой.

Помолчав он добавляет:

— Видишь, какой большой курган? Ее похоронили в корабле, потому что она была знатная женщина, и дали в дорогу все, что нужно для жизни в загробном царстве. Даже любимую служанку закопали вместе с ней.

— Живьем? — спрашивает Кукша.

— Да.

Кукша смотрит на темный курган, за которым пылает желтое закатное небо.

— Как думаешь, — спрашивает он, — твоя бабка со своей служанкой и сейчас там?.. Или в загробном царстве?

Харальд задумывается. Такой вопрос никогда не приходил ему в голову. Известно, что знатного человека хоронят в корабле, повернутом носом на юг, к морю, чтобы покойный, когда положено, мог отправиться в путь. Но, с другой стороны, все знают, что покойники иногда выходят из своих могил. Так было, например, и с бабкой Асой.

— Не знаю, — говорит Харальд. — Думаю, что сейчас их там нет. Но, когда надо, они возвращаются.

— А когда им бывает надо? — тихо спрашивает Кукша, глядя на курган.

— Когда дело какое-нибудь есть.

— А какое у них здесь может быть дело? — снова спрашивает Кукша.

— Чудной ты! Разные могут быть дела... Вот, к примеру, в ночь, когда я родился, бабка Аса вышла из кургана. Знаешь зачем?

— Нет.

— Затем, чтобы сказать вису*:

*Ныне родился
Конунг великий.
Харальдом будут
Звать его люди.
Землю норвежскую
Всю воедино
Он под своею
Рукой соберет.*

— Это она про кого? — спрашивает Кукша. — Неужто про тебя?

— А то про кого же? — отвечает Харальд и приосанивается. — Отец владеет четырьмя областями, а я буду владеть всей страной. Такого конунга в Норвегии еще никогда не было!

Кукша восхищенно восклицает:

— Вот это да!.. Здорово, ничего не скажешь!

Когда они покидают поляну, Кукша оглядывается на курган. Там был зарыт живой человек.

---

* Виса — стихотворение из восьми строк, которое сочинялось на случай.

Глава восьмая СЕСТРЫ ХАРАЛЬДА

Приходит зима. Сыплет мелкий густой снег, и кажется, что над каменистыми холмами, над лесами, над конунговой усадьбой просто висит сырая белая мгла. Но на глазах растут, словно разбухают, сугробы вокруг домов и хозяйственных построек, все тяжелее становятся снежные шапки на крышах. По утрам иной раз приходится лопатами прокладывать дорожки, чтобы попасть в конюшню или в кладовую.

С наступлением холодов Харальд и Кукша реже бывают в оружейной, потому что она не отапливается. Зато они чаще заходят в кузню, там всегда пышет жаром от горна. Они подолгу наблюдают за работой кузнецов, которые обращаются с раскаленным железом ловко и уверенно, не хуже, чем женщины с тестом.

Но особенно уютно по вечерам в девичьей горнице. Там собираются конунговы дочери и служанки. Они прядут или ткут. Сестры Харальда — белокурые румяные девушки. У них длинные распущенные волосы, которые они старательно расчесывают. Голову поверх волос они повязывают лентой, расшитой золотыми нитями, бисером или драгоценными камнями. Лента эта не только для красоты, ее повязывают прежде всего затем, чтобы волосы не мешали работе. На руках у сестер золотые и серебряные запястья, пальцы унизаны перстнями.

Они кажутся Кукше красавицами, но больше всех ему нравится Сигню, которая с ним ласковее других. Она уже совсем взрослая, ей двенадцать лет, поэтому она относится к нему покровительственно.

Хотя девушки — конунговы дочери, они много работают: сидят

прялкой или ткut на кроснах* льняные и шерстяные ткани. Сестры очень веселые и часто рассказывают смешные случаи или затевают шутиливую перебранку. Но поздно вечером, когда вся усадьба засыпает, здесь звучат страшные истории и сказки. Девушки к этому времени перестают работать, вооружаются старыми тупыми ножами и начинают искать друг у друга в голове.

Коптят и потрескивают льняные светильни в жировых площадках. Сигню сидит на лавке, а Кукша стоит перед ней на коленях, уткнувшись лицом в подол ее платья, и цепенеет от блаженства, когда Сигню ножом раздвигает его густые жесткие волосы у самых корней.

Как сладко замирать от ее прикосновений и от страха, слушая рассказы о назойливых покойниках, что выходят из своих могил и мешают людям спокойно жить, или о горных чудовищах троллях, которые любят теплую человеческую кровь! Мало-помалу он погружается в омут сна и оказывается дома, голова его лежит на коленях у старшей сестры Денницы, и она чешет ему голову ножом. Потрескивает лучина и с коротким шипением гаснут искры в корыте с водой.

В углу тихо и обиженно мычит теленок, которого разлучили с коровой и внесли в избу, чтобы он не замерз в хлеву. Входит Кукшина мать, ставит на лавку большой горшок с вечерним удоем. Пахнет парным молоком.

Сейчас Кукша выпьет чашку молока и залезет на полати, на медвежьи и овчинные шкуры. Он будет уже засыпать, когда сестры тоже влезут на полати и Денница, как обычно, ляжет возле него. А может, это не Денница, а Сигню? Хорошо бы они обе всегда были рядом с ним.

Потом все пропадает, нет больше ни Денницы, ни Сигню. Какая-то неодолимая сила сковывает его по рукам и ногам, на груди он ощущает неимоверную тяжесть. Он кричит в отчаянии и просыпается. Кукша лежит на лавке, на нем сидит Сигню, она заливается громким смехом. Крутом хохочут ее сестры и служанки.

Спросонья все они кажутся Кушке сказочными колдуньями. Сигню хохочет громче всех, зубы у нее белые, как творог. Глаза, прозрачные, с темной обводкой, сверкают. Хохоча, она раскачивается и запускает пальцы в волосы Кукши, будто собирается оторвать ему голову.

---

* Кросна — ткацкий станок.

На шее у Сигню на золотой цепочке болтается крохотный мешочек из тонкой козловой кожи. Она говорила как-то, что в мешочке особый заговоренный корешок, который предохраняет от злого глаза. Корешок ей дала одна старая колдунья, финка.

Кукша хочет подняться и не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. «Разве сама она не колдунья? — со страхом думает он. — Колдунья и есть, только не старая, а молодая и красивая». И Кукша робко просит Сигню расколдовать его, чтобы он мог встать.

Хохот становится таким громким, что, того и гляди, обвалится крыша. Понемногу Кукша приходит в себя, остатки сна улетучиваются, и он обнаруживает, что, пока он спал, его привязали к лавке. Кукша смущенно улыбается и, глядя на смеющуюся Сигню, тоже начинает смеяться.

Сигню отвязывает его и говорит:

— Крепко же ты спишь! Мы тебя привязали и начали звать: Кукша, вставай, мол! А ты хоть бы что! Кричим тебе в уши, а ты не просыпаешься. Потом мне надоело, что ты спишь, и я села на тебя. А ты так страшно закричал во сне, что я даже испугалась!

Кукша глядит на Сигню — какая она красивая, какое у нее доброе, веселое лицо, неужели она только что казалась ему колдуньей?

Глава девятая ПОСВЯЩЕНИЕ

Дни становятся все светлее. Позади праздник Юль — середина зимы. В этот день конуг Халвдан принес обычную жертву — откормленного коня, чтобы умолиť Солнце поскорее вернуться.

Дети наряжались маленькими духами гор, воды и полей, водили хороводы, славили Солнце и звали его поскорее вернуться с весной, теплом и зеленью. Взрослые надевали козлиные шкуры и кружились в неистовой пляске, посвященной Солнцу. Праздник завершился веселым пиром, в котором участвовали все от мала до велика.

С приближением весны у викингов только и разговоров, что о походах в богатые западные и южные земли. По всей Норвегии идет молва о Хастинге — морском конунге мурманского роду-племени, который обосновался в Дублине и оттуда совершает набеги на западные берега франкской земли.

Хастинг не грабит малой шайкой, у него целый флот, и он, подобно Рагнару Кожаные Штаны, имеет возможность нападать даже на большие города. Это вождь великой храбрости и редкой удачливости, а по красоте и обходительности ему нет равных. Говорят, будто никто никогда не слышал от него ни единого грубого слова.

Надоела зима бородатым морским разбойникам. В нетерпеливом ожидании весны то и дело кто-нибудь принимается точить и без того острый меч, чистить сверкающий шлем. Не в радость уже пиры и охота — первое развлечение мужчин.

Однако по утрам все чаще слышен звон сосулек, намерзающих под стрехой. Скоро, скоро уже придет пора конопатить и смолить корабли, которые пока что отдыхают от бурь и походов в длинных корабельных сараях!

Иной раз чернобородый Тюр вздохнет и скажет Кукше мечтательно:

— Повезло тебе, парень. Мальчишкой побываешь в невиданных странах! Иные по сто лет живут, а дальше своей овчарни ни шагу!

Молчит Кукша, а сам думает: «Дались мне ваши невиданные страны!» И вспомнит он родные Домовичи. Как-то там сейчас! Матушка, чай, все глаза проплакала по единственному сыну. И милые его сестры зимними вечерами небось не слюной, а горячими слезами смачивают кудель, сидя за прялкой. Сам он не плакал ни разу, с тех пор как увезли его мурманы. Иной раз так хочется, но он ни-ни! Ведь он давно уже взрослый.

Викинги тоже так считают. Они рассудили, что Кукше должно быть уже не меньше двенадцати лет и пора посвятить его в мужчины. Изнывающие от безделья воины рады развлечению, все они принимают участие в подготовке к торжественному действу.

По их заказу местные оружейники изготавливают для Кукши круглый варяжский щит с медными бляшками. Серебряник спешит выковать ко дню посвящения шейную серебряную гривну* с молоточками бога Тора. Хотели викинги заказать для Кукши и кольчугу, но раздумали — тяжела она для неокрепших отроческих костей.

В сундучке Тюра лежит сарацинский шлем, весь изукрашенный золотыми узорами и непонятными сарацинскими письменами. Тюр раздобыл его на Волге. Шлем не лезет ни на кого из викингов, он хранится у Тюра как красивая игрушка. С двумя суконными подшлемниками шлем приходится Кукше впору, и Тюр счастлив, что может подарить его отроку.

Конунг Хальвдан Черный ради такого случая выделяет из своих оружейных запасов меч доброй франкской работы. Его когда-то привезли из похода, он несколько короче обычного, и о причинах этого было много споров. Одни считали, что по-видимому какой-то франк заказал меч для своего малолетнего сына, чтобы тот сызмала привыкал к хорошему оружию, другие полагали, что просто меч принадлежал франку маленького роста. А кто-то возражал, что франки тут ни при чем, что это римский меч, какими-то путями оказавшийся во франкской земле, где он и попал к викингам в числе

---

* Гривна — шейное украшение в виде обруча

прочей добычи. Так или иначе, он покуда больше подходит Кукше, чем обычный викингский меч.

В один прекрасный вечер, в ту пору, когда румяные сумерки незаметно растворяются в синеве и над полоской зари загорается первая звезда, из усадьбы выходит вереница людей. Возглавляют и замыкают шествие воины со смоляными светочами.

Под подошвами сапог хрустит наст. Один из воинов несет петуха, и петух недовольно квохчет. Шествие направляется вверх по склону холма. На его вершине, на поляне, окруженной старыми корявыми соснами, стоит идол Одина.

Среди идущих нет рабов, нет зависимых людей, нет женщин, здесь только свободные мужи, только воины. Вон тот седой муж с длинной бородой и длинными волосами, на котором драгоценный багряный плащ, подбитый бобром, сам конунг Хальвдан Черный. Его окружают немолодые дружинники, долгие годы разделявшие с ним все превратности судьбы.

Достигнув вершины холма, воины заполняют поляну, обступают Одина. В ушах у него висят большие серьги, усыпанные сверкающими камнями, на шее несколько золотых гривен, руки унизаны запястьями.

Полоска зари на западе угасает, и одноглазый Один, освещаемый колеблющимся пламенем светочей, кажется грозным и страшным. Выхваченные огнем из темноты, стволы и сучья сосен похожи на обнаженные человеческие тела, сведенные судорогой страданий. Глядя на них, невольно вспоминаешь о человеческих жертвах, приносимых здесь на огромном камне у подножья идола.

Кукше указывают его место — перед лицом Одина, близ камня-жертвенника. Кукша здесь единственный, кто стоит с непокрытой головой. Его обходят четыре воина, они совсем юные, едва переступившие отроческий возраст, у каждого из них в правой руке яркий, только что зажженный светоч. Юноши становятся с четырех сторон от Кукши — с севера, востока, юга и запада — и замирают в неподвижности.

Возражается тишина, которую нарушает лишь потрескивание горящих светочей и квохтанье петуха.

К Кукше медленно приближается конунг Хальвдан, в руках у него большие ножницы. Он поднимает с Кукшиного затылка прядь

волос и отстригает ее. После этого конунгу подносят меч на широком узорном поясе.

Конунг отдает ножницы, принимает меч и собственноручно препоясывает Кукшу.

Кукша чувствует, как широкий пояс подпирает ему нижние ребра, от чего он кажется себе выше и стройнее. У старого конунга не сразу получается застегнуть большую блестящую пряжку. Кукша хочет помочь ему, но не смеет пошевелиться.

Наконец пряжка застегнута. Теперь к Кукше подходит Хаскульд и вручает ему щит. Вслед за Хаскульдом выступает Тюр и надевает на обнаженную Кукшину голову блестящий сарацинский шлем.

Сейчас Кукше надо сказать то, что он выучил еще накануне. В горле у него сухо от волнения, чужим голосом он произносит:

*В битве не трусит.
Друга не выдаст
Тот, кто звенящим
Мечом опоясан,
В царстве подземном
Не место мужчине —
Ждет его Один
В светлой Вальгалле.*

Кукше подают петуха и большой тяжелый нож. Он должен отсечь петуху голову и вылить его кровь на жертвенник у подножия Одина. Звучит высокое тонкое пение рогов, ему вторят грубые голоса барабанов, похожих на лукошки для меда.

Отныне Кукша — мужчина, отныне он воин, теперь от него самого зависит добыть себе славу и богатство. Вереница воинов возвращается в усадьбу, там будет пир в честь новопосвященного.

Кукше кажется, будто он не идет по мерзлому снегу, а плывет по воздуху. Его переполняет гордость, никогда еще это чувство не владело им с такой силой.

Глава десятая

ХАРАЛЬД И КУКША БРАТАЮТСЯ

Слушая разговоры викингов о том, как весной они отправятся в поход, Харальд хмурится. Сейчас, после посвящения Кукши в воины, ему ясно, что Кукша уплывет с викингами.

Однажды Харальд не выдерживает.

— Возьмите меня с собой! — просит он Тюра.

Озадаченный Тюр не сразу находит, что ответить.

— Об этом не может быть и речи! — говорит он наконец.

— Почему?

— Тебя отец непустит.

— Ну, это мы еще посмотрим!

И Харальд решительной походкой выходит из гостевого дома. Весь тот день его никто больше не видит, и в гостевом доме он не ночует. Понятно, что конунг Хальвдан отказал ему. Наутро он все-таки появляется.

— Весной, когда вы отправитесь в поход, — говорит он Тюру, — я убегу с вами. Отец все равно простит меня, когда я вернусь с добычей и славой.

— Нет, — отвечает Тюр, — мы тебя не можем взять. Хаскульд не захочет ссориться с Хальвданом. Ты сам это должен понять.

Харальду нечего возразить, и он умолкает.

Оставшись наедине с Кукшей, Харальд просит его:

— Не ездь в поход, останься со мной, мне будет скучно без тебя. Подождем, пока мне исполнится двенадцать лет и отправимся вместе.

— Что ты! Они нипочем не оставят меня! — отвечает Кукша.

— Но ведь ты не раб, хотя они и взяли тебя в плен! Это твое

дело — ехать или оставаться. Ты такой же гость моего отца, как и все другие.

— Да если я вздумаю остаться, они увезут меня насильно, как из моей родной Гардарики. Не для того они меня сюда тащили, чтобы поселить в вашей усадьбе.

— Я спрячу тебя, — продолжает уговаривать Харальд, — и им придется уплыть без тебя.

— Они спросят про меня у конунга, и он все равно выдаст меня.

— А я, — подхватывает Харальд, — попрошу отца не отпускать тебя, я скажу ему, что ты мне нужен, что ты мой будущий дружинник. Ведь ты теперь свободный муж и волен служить кому захочешь. Вот увидишь, отец послушается меня. И пусть они посмеют украсть тебя, как украли в твоей Гардарики!

— Нет, нет! — испуганно восклицает Кукша. — Только не проси отца!

— Почему? — удивленно спрашивает Харальд.

— Не проси его меня оставлять! — умоляет Кукша.

— Но почему?

Кукша молчит, угрюмо глядя в сторону.

— Почему?

— Мне надо быть в походе, — выдавлирует Кукша.

— Вот ты какой друг! — обиженно восклицает Харальд. — Подождать немного и отправиться в поход вместе со мной ты не хочешь, а с ними хочешь!

— Я должен быть с ними!

— Скажи почему, и я отстану от тебя.

— Не могу, — тихо, но твердо отвечает Кукша.

Глаза Харальда засветились любопытством. У Кукши есть какая-то тайна! Харальд не отстанет от него, пока не узнает, в чем дело! Однако упрямый Кукша не желает рассказывать.

Несколько дней Харальд выпытывает у Кукши его тайну, прибегая ко всяким уловкам и ухищрениям, но успеха не достигает. Наконец он смирился. Или делает вид, что смирился. Однажды он предлагает Кукше смешать кровь. Если два человека смешают в земле свою кровь, они станут братьями навек.

Харальд и Кукша идут в оружейную. Там они укрепляют в земле два испещренных рунами копыя так, чтобы наконечники скрещива-

лись наверху, а между вкопанными в землю древками было расстояние в два шага, и выкапывают ямку как раз под скрещением накопечников. После этого они проходят рядом в образовавшиеся ворота, каждый надрезает левую ладонь и поливает кровью вырытую землю. Перемешав землю с кровью, они заполняют ямку этой землей и заравнивают ее так, будто здесь ничего и не было. Потом они опускаются на колени, клянутся мстить друг за друга, как брат за брата, и призывают в свидетели всех богов. Встав, они подают друг другу руки.

Отныне Харальд и Кукша — побратимы. Отныне у них все общее — и радость, и горе, они должны помогать друг другу в беде и, если надо, делиться последним, отныне у них нет тайн друг от друга.

Харальд больше не в силах терпеть, он сторает от любопытства. Едва они выходят из оружейной и прикладывают к порезам снег, чтобы унять кровь, как он объявляет с торжеством в голосе, что теперь-то уж Кукша ему расскажет, что у него за нужда непременно отправиться в поход с викингами, они побратимы и не должны ничего скрывать друг от друга!

Кукша ошеломленно хлопает глазами. У него мелькает подозрение: уж не за тем ли только, чтобы выведать его тайну, затеял Харальд с ним побрататься? Нет, не может быть! Ведь каждый с пеленок знает, что побратимство — дело нешуточное.

Однако делать нечего, Кукше приходится поведать своему побратиму обо всем, ничего не утаивая.

Никогда еще Харальд не слушал его с таким вниманием. Он негодует, если Кукша рассказывает слишком торопливо или недостаточно подробно. В самых волнующих местах он заставляет Кукшу замедлять повествование, перебивая его разными вопросами, чтобы подольше насладиться волнением. Кукша уже не помнит многих подробностей, и, сам того не замечая, придумывает их, чтобы украсить свой рассказ.

Глава одиннадцатая ВАРЯГИ В ДОМОВИЧАХ

Дело было весной, рассказывает Кукша, возвращаюсь я из лесу с грудой хвороста на волокуше, в деревне тихо, только куры квохчут да ребятишки малые играют. Мне играть некогда, с той поры, как отца убили, я и сею, и пашу, и сено кошу. Словом, вся работа мужская на мне — один ведь я мужик в семье остался. И другие мои сверстники также. Мужиков-то почти всех без мала побили княжеские дружинники.

За что мужиков побили? А вот за что.

Притесняли нас сильно варяги — сборщики княжеской дани, с каждым разом все больше и больше им давай. Не выдержали мужики. Однажды на сходке решили: побьем, мол, варягов, если опять потребуют больше прежнего.

Сказано — сделано. Весной приплывают варяги и требуют столько, что и захочешь отдать, да неоткуда взять. Мужики помнят уговор, побросали сохи да бороны, похватали копья да топоры и побили сборщиков. А которых живьем взяли, тех казнили по обычаю. Пригнули к земле два дерева, привязали руку-ногу к одному дереву, руку-ногу — к другому и отпустили. У нас всегда татей* так казнят.

На другой год присылает князь воеводу с дружиной — наказывать. Крепко бились мужики, однако сила солому ломит: почти все полегли. Так и осталась деревня без мужиков.

Возвращаюсь я, значит, из лесу с хворостом. Вдруг слышу крик:

— Плыву-у-ут!

---

* Тать — вор.

А кто плывет, ясно: гости незванные-непрошенные. Гляжу на реку, река на солнце сверкает — больно глазам. Однако различаю: сверху идут четыре лодки, в каждой по две пары весел, по человеку на весле. Шибко гребут, скоро здесь будут. Народ высыпал из домов, все на реку глядят.

Погодя утыкаются лодки носами в берег. Выскакивают из них варяги, народ рослый, как на подбор. У каждого щит, копье, меч и секира. Вдвое против прежнего стал посылать князь людей после того случая. Значит, вдвое больше народу надо поить и кормить.

Наш старейшина встречает варягов хлебом-солью, кланяется. Да и как не кланяться, коли знает он, что мало собрали домовичи беличьих и кунных шкур, меньше того, что установил ладожский князь? А где взять установленное? Мужиков-то перебили, охотиться теперь некому.

Ведет старейшина варягов в дом, там для них дань приготовлена и стол накрыт. Сядут варяги за стол, а снохи старейшины начнут обносить гостей хмельным медом да снедью. Сколько захотят варяги, столько и прогостят — метлой ведь их не выметешь.

Стали варяги смотреть дань, и, конечно, мало им показалось, говорят: давайте еще столько. Старейшина опять кланяться, упрашивать: нет, мол, больше, неоткуда взять. А те и слушать не хотят, не дадите добром, сами найдем, где взять, разделились по двое и пошли шарить по избам да по клетям.

Я на дворе был, когда к нашему дому двое подошли. Один черный, с горбатым носом, другой великан с рыжей гривой. Это были Тюр и Сван. Сван мне особенно не понравился — дух от него ненавистный. Однако стою, словно замороженный, и гляжу, как они к клетки подходят. В клетях-то одежда хранится. Вижу, Сван хочет в клеть войти, а матушка встала на колени перед дверью и не пускает его.

— Бояре, — говорит, — добрые! Пожалейте сирот, не забирайте одежды!

Сван ее, конечно не слушает, да и не понимает он по-нашему. Скалится, хватает матушку ручищей своей, вроде как играет. А матушка его руку отталкивает, свое твердит. Он снова тянется к ней, и вижу я, что матушка сердится! Оказывается, обижает ее Сван!

Заревел я дурным голосом, бросился на Свана и что есть силы

боднул его головой в живот. А у него под плащом железо. Ушибся я и пуще рассвирепел, колочу варяга кулаками по чем попало.

Рассердился варяг и отшвырнул меня. Потом матушку оттолкнул от двери, да так, что полетела она к избе на ведра и ушаты. Вскрикнула матушка, гляжу, а из руки у нее хлещет кровь — напоролась она на топор.

Тут уж я совсем разум потерял, схватил тот топор и прыгнул на Свана. Однако Тюр меня поймал и отнял топор. Подскочили ко мне сестры, потащили меня прочь, в избу. Я реву, вырываюсь, сестры плачут, умоляют утихнуть: пожалей матушку, мол, и всех нас, кабы хуже нам не сделали.

Затих я помаленьку. Вижу, матушка в избу входит, рука у нее тряпицей завязана, а тряпица от крови намокла. Я уж больше не реву и не говорю ничего, только думаю: надо отомстить за материнскую кровь. Каждый знает, если кровные обиды, обиды рода, остаются неотомщенными, душа рода начинает хворать, чахнуть и может вовсе погибнуть. А ведь для человека нет беды страшнее. Лучше погибнуть самому, чем дать погибнуть роду.

Глава двенадцатая

В ЗАСАДЕ

На другой день я с самого утра слежу за варягами. Наконец вижу, собираются в дорогу, деревенских коней навьючивают — ниже по реке порог, на лодке плыть опасно, нужно обходить посуху. А лодки там пустыми на веревках сплавляют.

Побежал я в бор и затаился среди можжевёловых кустов близ тропки, по которой пойдут варяги. Размотал пращу, камень в нее заложил, жду. На поясе мешок висит, в нем запасные камни.

Надо, думаю, попасть Свану в рожу, раз он в шлеме и в кольчуге, иначе моя затея ни к чему. Я, ожидая, все прикинул, предусмотрел — и чтобы ветки не помешали пращу раскрутить, и чтобы варяги меня раньше времени не заметили.

Сосны шумят, порог бушует, однако слышу — конские копыта по песку стучат, глухо так — тук, тук... Это варяги вьючных коней в поводу ведут. Ну, Кукша, готовься!

Показались копья среди сосен, плывут, покачиваются над кустами можжевельника, а самих варягов еще не видать. Но вот и они — один за другим проходят по открытому месту.

Страшно ли было? Нет, не страшно. Коли боишься, и не берись за такое дело — сиди за прялкой или за кроснами.

Гляжу, вот и мой враг идет. Раскручиваю пращу, отпускаю конец. И надо же было ему, шишку* рогатому, споткнуться о сосновый корень! Камень мой вместо рожи его красной попал ему по шлему, зазвенело на весь бор, будто в гусли ударили.

---

* Шишок — сказочное существо, враждебное человеку.

Глава тринадцатая ПОГОНЯ

Мне уже некогда другой камень в пращу закладывать — Сван не мешкает, сразу за мной припустился.

Бегу я в глушь лесную, слушаю, как позади сапожищи топочут, а сам думаю: погоди, ужо, заманю тебя в дебри лесные, наиграюсь с тобой всласть, загоняю до седьмого пота, а потом и влеплю камень в рожу твою ненавистную.

Мне сперва показалось, что ему меня нипочем не догнать, я на-легке, а на нем и сапоги, и шлем, и кольчуга, и даже щит болтается за спиной. Бегу себе, мешок с камнями у пояса рукой придерживаю, чтобы не мешал, даже веселюсь: сыграю, мол, я с тобой шутку, шишок рогатый.

Слышу, топот вроде ближе стал. Я нажимаю. Однако Сван не отстает. Не знал я варягов, особенно этих, которых у вас берсерками зовут. Призвал на помощь Лешего. Помог он мне немножко. Там в одном месте узкий проход в можжевёловых зарослях. Я юркнул в него, а Сван застрял. Ну отстал он от меня чуть-чуть.

Камни мне мешать начали. Все равно, думаю, не даст мне рогатый метнуть в него камень. Отвязываю мешок, кидаю его назад через голову. Оглядываюсь, вижу, озадачил я его. Остановился он, поднял мешок, высыпал камни на мох. А как понял, что я над ним посмеялся, закричал дурным голосом и опять за мной!

Без мешка бежать легче. Однако мне уже не до шуток, надо голову спасать. Леший больше не помогает. Поворачиваю обратно к реке. Топот сзади не отстает. До чего ж силен проклятый варяг! Сам-то я бегу из последних сил, дышу, как кузнечные мехи, лицо горит, точно в бане на полкё.

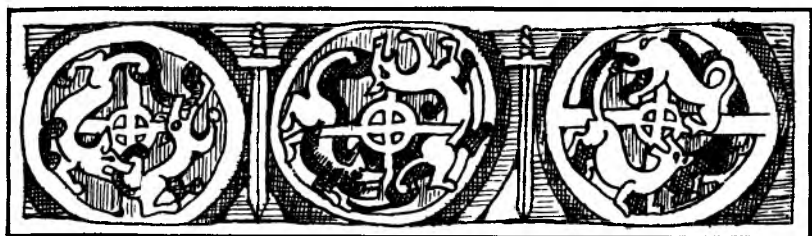
Только бы, думаю, мне сейчас на варягов не выскочить. А далеко обегать их моченьки моей уже нет. Наконец увидели нас варяги. Гляжу, один варяг лук из налучника достает, стрелу из тула тянет. Конец, думаю. Однако другой его останавливает. Уж не ведаю, меня ли пожалел или не захотел, чтобы тот помешал Свану самому меня прикончить.

Варяги смотрят на нас, смеются, что-то кричат, видно, подбадривают, точно мы со Сваном наперегонки бежим.

Из-за деревьев река в глаза светом ударила. Ну, кажется, ушел я от рыжего. Выскочил на скалу, подо мной стремнина бурлит, пеной плюется — в том месте скалы сжимают реку, тесно ей, она и бесится.

Наши домовичские ребята ту стремнину знают как свои пять пальцев: где нырнуть нужно, чтобы в вир не затянуло, где перевернуться ногами вперед, чтобы головой о камень не ударило. Мы туда летом ходим прыгать. Неведомо, кто и придумал эту забаву. Называется то место Отрокова стремнина. Гибнет ли кто-нибудь? А как же, конечно, гибнут. Только редко. Кто не очень ловок, тот ведь и не лезет.

Выскочил я, значит, на скалу, а прыгать боязно — вода в эту пору студеная. Однако думай не думай — прыгать все равно надо. С той скалы пути уже больше никуда нет. Помянул я Сварога, главного бога нашего, помянул Водяного и прыгнул.

Глава четырнадцатая ВАРЯЖСКИЙ ПЛЕННИК

Обожгло меня, точно я в кипятке очутился. С непривычки чуть память не отшибло — я ведь никогда прежде в такую-то пору не купался. Однако одолел я все же Отрокову стремнину.

Ниже по течению река опять становится шире, стремнина распадается на несколько потоков, тут ее сила иссякает. Выбрался я из воды и по россыпи валунов перешел на другой берег.

Выжал рубаху, повесил сушить на можжевёловый куст. Сам бегаю, прыгаю вокруг, чтоб согреться; сильно я продрог, вода-то холоднее, чем в ключе.

Влез на сосну, поглядеть, не блестят ли на том берегу варяжские шлемы, не мелькают ли копья. Нет, не видать, хотя должны бы уже показаться.

Пониже стремнины брод, там варяги перейдут на этот берег. Мне нужно подождать, пока они реку перебредут и дальше отправятся, а потом воротиться на свой берег — и домой.

Жду-пожду, варягов нет. Рубаха моя высохла, надел я ее. Когда согрелся я и зубами-то лязгать перестал, опять начал думать про место. Досадно мне, что не сделал я дела, жаль упускать проклятого варяга. Думал-думал и решил еще раз попытать счастья у брода.

Отыскал два хороших голыша, пошел к броду и сел ждать. Место там не такое удобное, как было в бору, да делать нечего. Метну, думаю, в рогатого камень, пока он еще на реке будет, чтоб успеть удрать.

Удрать-то там просто. За сосняком болота начинаются, больно хороши там трясины. Я те болота насквозь знаю — мы туда за клюквой ходим. Если незнающий погонится за мной, то на свою погибель.

Солнышко греет, так хорошо, тепло, спокойно, будто и нет на свете никаких варягов. Начинает меня долить дремота. Только бы не уснуть, думаю. А сон тут как тут.

Проснулся я, когда меня уже за руки схватили и над землей подняли. Проспал я варягов!

Тащат меня, а я брыкаюсь, что есть мочи. Пустое это дело, конечно, руки-то у них, как клещи. Однако что ж мне еще остается делать? Рычу я и все вырваться норовлю, точно зверь из капкана.

С реки цепочкой поднимаются варяги, и в самом хвосте Сван. Увидел меня, глаза кровью налились, что у быка бодучего, хрипит, на губах пена. Выхватывает меч и кидается ко мне.

Тут Хаскульд как гаркнет что-то громовым голосом. Сван и ухом не повел. Тогда Хаскульд швырнул ему под ноги щит, Сван споткнулся и упал.

Упасть-то упал, а меча из рук не выпустил, что значит воин! В тот же миг вскакивает и с боем кидается на Хаскульда. Тут подоспели остальные, сдавили его щитами, а Хаскульд вышиб меч у него из рук.

Мало-помалу Сван успокоился, и его отпустили. Дышит тяжело, будто на нем целый день пахали. Нагнулся, поднял свой щит. На него никто не смотрит. Больше уже он не пытается меня убить, спокойно прячет меч в ножны.

Не понимаю я, с чего это Хаскульд за меня заступился.

Вижу, однако, что и варяги не понимают. Глядят на предводителя, словно ждут, чтобы он растолковал им, в чем дело. Иные хмурятся — недовольны, видать.

Хаскульд словно усмехается, а после говорит им что-то. Гляжу, варяги повеселели, головами кивают, улыбаются: видно, по сердцу им то, что он им сказал. И уж совсем дивное дело — на меня поглядывают ласково, точно я у них гость долгожданный. Лопочут мне что-то, только без толку, я ведь тогда ни слова не знал по-варяжски.

Плыву я в лодке с варягами и думаю: быть бы оборотнем! Обернуться бы вороном, полететь обратно в Домовичи, удариться оземь перед матушкой и обернуться опять отроком: здравствуй, родная матушка, вот он я! Или шукой на время стать. Да, хорошо... Только не всякий это может.

Везут меня неведомо куда. Уплывают назад пороги-перекаты,

уплывают тихие плесы. Берега проплывают мимо, словно прощаются со мной и торопятся назад, к моему дому. А дом-то от меня все дальше и дальше, и на сердце тоска.

Вот и устье, река Сясь. Сажу в лодке, и одно у меня дело: думать. За всю жизнь я столько не передумал, сколько за ту дорогу. Теперь я пленник. В рабство, наверно, меня продадут. Однако удивительно мне, что варяги так ласковы со мной, никто пальцем не заденет, есть дают что получше. Не слыхивал я, чтобы с рабами так обходились.

Тюр, тот добрее всех, — учит меня варяжским словам, нашел мне одежду потеплее, я ведь из дому в одной рубахе ушел, следит, чтобы я наедался досыта. Не о каждом отец родной так печется, как чернобородый Тюр обо мне.

Только рыжий Сван косо на меня поглядывает, однако и он ничего плохого мне не делает.

А я все думаю, думаю: о матушке, о сестрах, о погибшем отце, о роде домовичей. Кто же теперь будет мстить за обиды нашего рода? Я вон попытался, и ничего у меня не вышло. Может, я мал еще и взял на себя дело не по силам? Много слышал я песен и преданий про подвиги местников за наш род, но не слыхал, чтобы там говорилось про отроков вроде меня.

И решил я убежать при первом удобном случае. Вернусь, думаю, в Домовичи, подрасту, стану настоящим сильным воином, а тогда разыщу Свана и убью его.

Глава пятнадцатая

ЛАДОГА

Плывем мы вниз по реке, смотрю, она становится все шире и шире. Только что было тихо, солнышко припекало, а тут, откуда ни возмись, потянуло свежим ветром. Я глянул вперед, а берега не видно, только вода и небо. Догадался я, что это великое озеро Нево*. Слышу, и варяги то же говорят.

На том озере волны не хуже, чем на море. Раз налетел такой ветер, что наши лодки даже на берег выбросило. Хорошо, там камней не было, песок один, а то бы разбило в щепки.

Переждали ветер, вошли в устье большой реки и поплыли вверх по течению. Тюр говорит мне: Волхов. И про эту реку я слышал. Говорят, она прежде называлась Мутная, потому что она и вправду мутная.

По берегам Волхова лес не тянется сплошной стеной, как у нас, чаще поля да деревни попадают. Недолго мы там плыли, глядь — за излучой — детинец: крутой земляной вал, на нем рубленые стены и башни. Кругом домики. Посады. Тюр говорит:

— Ладога!

Так вот где, думаю, сидит ненасытный варяжский князь, которому, сколько ни собирай куниц да соболей, все мало!

Подплываем мы к Ладоге, а там по берегу лодок да кораблей видимо-невидимо! Дивно мне: я таких больших судов сроду не видел, да еще у каждого на носу на длинной шее голова страшная скалится. Оторопь меня взяла: уж не сам ли чародей Волхв тут по-прежнему княжит?

---

* Ныне Ладожское озеро.

Что за чародей? А вот послушай. В незапамятные времена пришел на берега этой реки с берегов Варяжского моря великий муж, по имени Словен, и сел там с родом своим. От него и пошло наше племя — словене. Старшего сына его звали Волхв. Был Волхв исполин ростом и знаменитый оборотень. Оборачивался он змеем лютым и залегал в реке, на пути у тех, кто по ней плывет. Всех, кто не хотел ему поклоняться, он либо пожирал, либо, истерзав, топил. От него река Мутная и прозвалась Волховом. Его-то я и вспомнил, как увидел страшные головы на корабельных носах.

Пристали мы к берегу. По берегу народ снует. С оружием, без оружия — всякий. Я никогда столько людей зараз не видывал. Гляжу, варяги мои лодок с княжеской данью сами не разгружают и мне не приказывают — все за них рабы делают. Рабы, как один, бритоголовые, в железных ошейниках. Рубахи на них драные, веревками подпоясаны.

Поднялись мы на берег, идем к детинцу. Рабы мешки тащат, мы налегке идем. Непохоже, что варяги мне рабскую долю готовят. А что у них на уме, не ведаю.

Перешли по мосту через речку малую, входим в детинец. Много в детинце разных построек — и жила*, и конюшни, и кладовые, однако я сразу понял, которая тут княжеская изба. Не потому, что она самая большая, а потому, что над нею, на коньке, опять голова страшного змея возвышается.

Не зря, думаю, я рассудил, что ладожский князь змей-оборотень. Тут всюду его знаки. Теперь понятно, почему варяги не убили меня, почему так заботливо кормили всю дорогу и сейчас не заставляют ничего тащить вместе с рабами — они меня холили, потому что решили принести в жертву змею-людоеду, своему князю. Похолодело у меня в животе.

---

* Жило — жилое помещение.

Глава шестнадцатая ПИР У ЛАДОЖСКОГО КНЯЗЯ

Мы угадали как раз на княжеский пир. Князь обрадовался, встал навстречу, Хаскульда и Тюра усадил возле себя, на свое княжеское сиденье. Для остальных тоже место нашлось. Меня посадили рядом со Сваном, напротив князя. Между нами — очаг.

Я боюсь смотреть на князя, а не смотреть не могу. Князь — настоящий великан, глазищи, как сковороды, ручищи, как лопаты. Волосы светлые, длинные, чуть не до колен, борода в две косички заплетена, торчат те косички вперед, точно раздвоенное змеиное жало. На шее у князя золотая гривна, на ней молоточки нанизаны. Сиденье княжеское двумя столбами резными украшено, на каждом по идолу, один — молот к груди прижимает, другой так стоит. Теперь-то я знаю, что это варяжские боги Тор и Один, а тогда не знал.

Смотрю я на князя и жду, что со мной дальше будет. Сызмала я наслышан, что уж больно любят великаны-людоеды свежую человечину, особенно ребят, вроде меня. Хоть бы я ему не понравился!

Пока, вижу, он за меня приниматься не собирается, налегает на конину да на зверину. Там на столе всего полно — жареное, пареное, вареное; мясо, рыба, овощи. Поглядываю на дверь — нельзя ли удрать незаметно? Однако, пока не напьются, об этом нечего и думать.

Еще когда пристали к Ладоге, заметил я на берегу хорошие маленькие челноки, одному как раз впору. Вот все напьются, думаю, выберусь отсюда, столкну один из тех челноков в воду — и поминай как звали! Только бы поскорей напились! Ем впрок, неизвестно, когда еще придется есть, прячу куски за пазуху.

Вдруг замечаю, что на меня все смотрят. В чем дело? Может, заметили, что я еду прячу? Оказывается, князь велел наполнить рог медом и дать его мне. Ну, думаю, добирается и до меня! Только я ему в руки так не дамся! Пощупал нож на поясе.

Подходит ко мне рабыня, подает рог. Я взял его и не знаю, что дальше делать. Сван говорит:

— Пей!

Это-то я уже выучился понимать по-варяжски. Выпил рог, и закружилось у меня в голове. Все мне стало трын-трава. А Хаскульд что-то рассказывает князю, тот смеется и на меня поглядывает. Близо, думаю, мой конец. Только погоди радоваться, змей нена сытнй, я хоть мал да удал!

От меду того хмельного сделался я храбр не в меру.

Слышу зовет меня Хаскульд: поди, мол, сюда! Встаю, иду к ним. Страху ни на мизинец. Подхожу, а сам глаз с князя не спускаю, чтобы не застал он меня врасплох.

Звал-то меня Хаскульд, но я знаю, что к князю он меня звал, потому и останавливаюсь перед князем: вот он, мол, я! Улыбается князь, берет своей ручищей меня за подбородок. Я недолго думая, выхватываю нож и ему в ручищу!

Пнул он меня ногой в живот так, что я через очаг перелетел и плюхнулся у ног Свана, без мала на своем месте очутился. Поднял меня Сван с полу, посадил, вернее сказать, положил на лавку. Долго я разогнуться не мог, а когда разогнулся, вижу спускает князь рукав, кто-то уже успел перевязать ему руку чистой тряпицей.

Князь улыбается кисло, точно у него рот полон клюквы, опять велит рабыне подать мне рог с медом. Тюр смотрит на меня, головой качает. Хаскульд сидит хмурый, в пол уставился.

Выпил я рог, глядь: снова передо мной рабыня с медом. И все кругом тоже стали пить больше прежнего. Однако показалось мне, что давешнего веселья уже нет. После второго или третьего рога свалился я с лавки и, что дальше было, ничего не помню.

Глава семнадцатая ПОПЫТКИ БЕЖАТЬ

После того пира очнулся я в дружинной избе. Весь день пролежал как мертвый после меда княжеского, а Тюр меня молоком отпаивал. Если бы кто-нибудь надо мной тогда копьё занес, я бы не пошевелился — убивай на здоровье, мне жизнь не дорога. Так худо мне было.

Отошел я, живу себе, князь меня не трогает, варяги на меня не гnevаются, словно и не было ничего. Дивное дело. Однако в другой раз меня на пир уже не взяли. А мне только того и надо.

Дождался я темноты и прокрался к стене детинца. Тихо-тихо взбираюсь по лестнице. Сапоги мне Тюр подарил, так я их еще в дружинной избе разул, чтобы дозорные шагов моих не услышали.

Взошел наверх, внизу Волхов-река чернеет, светлая дорожка от месяца по воде на тот берег по воде убегает. Стал я спускаться по стене снаружи. Как уж я там голову не сломал! Это не то, что по углу избы лазить. Детинец хитро строили, все бревна вровень стесали.

Спустился я кое-как до земляного вала. Что дальше делать? Свернулся калачиком, обхватил руками колени, пригнул голову, сколько можно, и — была не была! — покатился вниз. Как ни берег голову, все же ударился внизу о камень и память потерял.

Не знал я, когда побег затевал, что варяги на кораблях стражу на ночь оставляют. Эти-то сторожа услышали меня, когда я на берег скатился, и подобрали беспамятного.

Опять мне от варягов никакого наказания, только, если на пир идут, оставляют со мной раба — стеречь меня. А Тюр пуще прежнего со мной возится, даже стал меня воинскому делу обучать, особенно бою на мечях.

Приметил я как-то в конюшне длинную веревку, видно, с зимы валяется, сено ею на волокуше перехлестывали. Закопал я ее в углу под соломенной трухой. Нашел вожжи старые, выброшенные — туда же снес. Так помаленьку набралось у меня веревок изрядно.

И вот однажды ночью вышел я из дружинной избы до ветру — а сам в конюшню! Связал я там все свои веревки крепко-накрепко и смотал в моток. Моток большой, тяжелый получился. Надел я его на себя через голову и пошел. Поднялся опять на стену детинца, привязал веревку к столбу и начал спускаться. В этот раз спустился без шума, отвязал челнок и поплыл вниз по течению, стараясь не шуметь веслами.

На другой день догнали меня варяги. Плыл я по озеру Неву. Солнце клонилось к закату. Еще издалека завидел я погоню — сперва там, где небо с водой сходится, показалась черная точка, потом точка в жучка превратилась. Машет лапками жучок — вниз, вверх, вниз. Это весла поднимаются и опускаются.

Гляжу я по сторонам, а спрятаться некуда — я и сам как муха на полотенце. Мелководье да ровный берег песчаный. Повернул я все же к берегу, гребу изо всех сил. Слышу, зашуршал мой челнок днищем по песку и сел. Выскочил я из него, вода мне по щиколотку, бегу, только брызги во все стороны. Добежал до берега — ни деревца, ни кустика, крутом один песок. А дальше песчаные гряды, как застывшие волны.

Словом, поймали меня и привезли обратно в Ладогу. И, веришь, опять ничего не сделали. Князю меня не отдают, в рабство не продают, за побеги не наказывают. Тюр со мной, как с сыном, возится. Чудно!

Глава восемнадцатая ВАРЯГИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПУТЬ

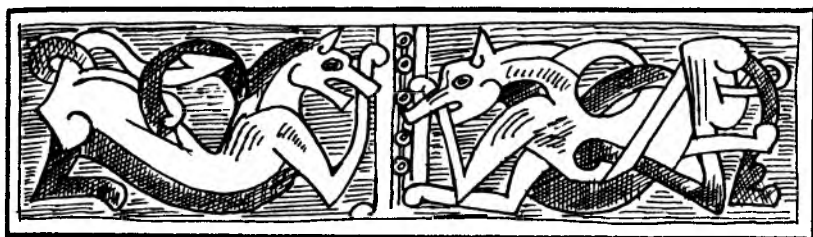
После того пира, на котором я князя ножом пырнул, Хаскульд хмурый ходит. И другие из его ватаги тоже не так веселы, как прежде. Что-то у них с князем вышло. Из-за меня, видно.

Гляжу, собираются мои варяги в путь-дорогу. Корабль осмотрели, починили, где надо, продовольствия запасли, добро погрузили и отправились. Меня, конечно, тоже не забыли. Один из тех кораблей, что удивил меня в Ладогe, оказался их. К ним присоединились еще некоторые варяги из княжеской дружины.

На носу корабля голова какого-то лютого чудища. Тюр называет его драконом. И сам корабль называется драконом из-за этого чудища. На корабле пятнадцать пар весел, каждым веслом гребет один человек. Гребут все по очереди, только меня не заставляют — больно велики весла.

Вышли из устья на озеро Нево. Сперва долго на север плыли, чтобы мели миновать, потом повернули на запад. Тут ветер стал попутным, корабельщики оставили весла, подняли полосатый парус. Корабль, как конь, вперед рванулся. Управляется с ним теперь один кормчий кормовым веслом. Варягам весело, а на меня тоска напала, хоть волком вой. Смотрю назад, где-то там далеко-далеко мой дом, и с каждым мигом он все дальше. Увижу ли я его когда-нибудь? Завезут меня варяги на край света, откуда и птица назад дороги не найдет, не то что отрок вроде меня!

Судя по сборам, варяги отправились теперь куда-то за тридевять земель. Добрый корабль при попутном ветре не плывет, а летит. Когда расшибает носом волну, под носом у него вырастают огромные седые усы. Эх, думаю, дракон ты, драконище, кабы не на запад ты плыл, а на восток!

Глава девятнадцатая ЧУДСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Озеро Нево позади осталось. Дракон влетел в исток большой реки. Немалая река Волхов, а эта больше! Здесь, вниз по течению да при попутном ветре, дракон идет еще быстрее. Однако на склоне дня ветер стихает, варяги снова берутся за весла. Впрочем, гробут недолго, пора и на ночлег устраиваться. Пристают к берегу, снимают с корабельного носа драконью голову — боятся, как видно, прогневать здешних богов.

Чуть пониже стоянки — деревня. Тюр и еще несколько варягов отправляются туда. Тюр берет меня с собой.

Входим в деревню, я, по обычаю домовичей, каждому встречному кланяюсь и доброго здоровья желаю. Только не нашего языка здесь народ живет, никто меня не понимает, хотя иные улыбаются и что-то говорят по-своему. Слышу: говор-то знакомый, похожий на говор наших соседей. У нас там по Тихвине весь живет. Племя такое.

Гляжу, у избы старик стоит. Поздоровался я с ним, как сызмала от соседней веси научился, и он мне отвечает: здравствуй, мол. Выходит, вишь, невская-то чудь* и наша весь, почитай, одного языка.

Подходим мы к самой большой избе, дверь с резными косяками, на вершине кровли птица. Навстречу хозяйка. Я здороваюсь, и она в ответ здоровается, да с ласковой примолвкой, а голос-то у нее, как у матушки, хоть и речь другая. И пахнет от нее, как от матушки, дымом и парным молоком.

---

* Чудью называли несколько разных угро-финских племен. Западная чудь — это предки нынешнего эстонского народа, а большая часть восточной — вошла в состав русского народа.

Варяги пришли сюда меду хмельного купить. Продала она им, сколько просили, и стала угощать: наливает ковш из жбана и подает каждому по очереди. И со всеми заговаривает по-своему, у одного спрашивает, хорош ли мед, у другого — далеко ли путь держите. Никто, конечно, ее не понимает. Догадался я, что это она нарочно, проверяет, не разумеет ли кто из варягов ее язык.

Потом меня начала расспрашивать, кто я, да откуда, да как попал к варягам. Расспросила и опять с варягами разговаривает, только теперь уже по-варяжски. Вижу, она о чем-то их просит, потому что головами мотают: нет, мол.

После того говорит она мне:

— Постарайся убежать ночью, когда они уснут, и приходи ко мне, я тебя спрячу.

Хотела и мне налить, потом передумала, наливает молока.

— Ни к чему тебе мед, — говорит, — после меда слишком сладко спится.

Глава двадцатая НОЧНОЙ ПОБЕГ

Варяги — народ храбрый, однако осторожный. Ночуют на драконе, а дракон на якоря поставили в нескольких саженьях от берега.

После доброго ужина все спят крепким сном. Меду за ужином один я не пил. Угощали меня, конечно, да, спасибо, Тюр заступился. В темноте на берегу еще костер догорает, где пировали варяги. Тихо. Только спящие храпят да быстрая вода речная у борта журчит.

Я ощупью пробираюсь на корму. Месяц еще не взошел, темь такая, что собственных ног не видно, того гляди, наступишь на кого-нибудь.

Вот оно! Чувствую, теплое — чья-то рука. Отдернул я ногу, будто на змею наступил, замер. Ничего, обошлось, помычал варяг и затих.

Пошел дальше — кому-то на бороду наступил. Этот закричал по-варяжски, умолк, а потом заговорил сердито. Я стою ни жив ни мертв. Пробормотал что-то варяг и снова захрапел.

Конечно, проще было сразу прыгнуть за борт, чем пробираться на корму, да боялся я: вдруг кто-нибудь услышит всплеск и решит, что пьяный варяг за борт свалился. Поднимут тревогу, запалят светочи, начнут искать.

Добрался я до кормы, ухватился за якорный канат и спустился в воду. Вода студеная, сразу-то даже вздохнуть не могу, будто черствым куском подавился. Разжал я пальцы, и подхватило меня течение.

Вылезаю из воды, гляжу: далеко вверх по реке остатки варяжского костра мерцают, изрядно отнесло меня. Оно и лучше, к деревне ближе.

Припустил я бегом вдоль берега. Чтоб в пути не сбиться, на при-

брежную воду смотрю, в ней звезды небесные струятся-переливаются.

Вот и деревня — крыши на звездном небе чернеют. Вышел на дорогу. Она за день нагрелась, еще остыть не успела. Быстро зашагал я по ней. Ноги мне были вместо глаз. Чуть свернешь — трава холодная, в росе. Вижу впереди огонек. Это та добрая женщина приотворила дверь и лучину перед нею зажгла, чтоб мне в потемках не плутать, ища ее избу.

Не успел я постучать, дверь отворяется, на пороге она сама. Обнимает, как родного сына, шепчет:

— Мокрый, бедняга, продрог!

Глава двадцать первая ДОМОВОЙ

В избе тепло, пахнет квашней. Хозяйка дает мне сухую рубаху.

— Теперь пойдем, — говорит, — отведу тебя в надежное место.

Мне уходить неохота, хорошо у нее в избе, как дома у матушки, ребятишки по лавкам спят, и меня в сон клонить начало. Однако встаю и иду следом за ней прочь из избы.

Берет она меня за руку и куда-то ведет. Глаза к темноте попри-
выкли, вижу: идем лугом, различаю лес впереди. К лесу она меня и
ведет.

В лесу уже вовсе ничего не видать. Она дорогу знает, а я за ней,
как слепой иду. Шли мы, шли, наконец остановились. Велит она
мне нагнуться. Нагнувшись, делаем с нею несколько шагов. Куда-
то входим, верно. И тут она открывает над нашими головами лаз.
Лаз тот ведет в какое-то помещение, и, вижу, оно чуть-чуть освеще-
но. Влезаем туда по лестнице — по наклонному столбу с заруб-
ками. В помещении — очаг, в очаге угли тлеют. У стены идола
стоят, один большой, другой поменьше. Это, вишь, здешнее чудс-
кое капище.

Женщина говорит:

— Здесь тебя не найдут.

Кидает она на угли бересту, раздувает огонь, приносит толстых
сухих поленьев. Хорошо стало, пламя над дровами приплясывает,
дым к крыше, к волоковому отверстию поднимается. Светло, тепло.
Приносит она охапку сена.

— Вот, — говорит, — тебе постель. Живи здесь, пока варяги не
уплывут своей дорогой. А там видно будет. Еды здесь достаточно,
боги всегда готовы поделиться с людьми, попавшими в беду.

Гляжу: возле идолов вяленая рыба, мясо положено, деревянная чашка с кислым молоком стоит.

Женщина ушла, а я в углу на сено лег. Идолы на меня усталились, страшновато мне, одно я себе твержу: наверно, добрые они, иначе женщина не привела бы меня сюда.

Лежу, гляжу на идолов, боязнь мало-помалу прошла, уютно. Проваливаюсь я куда-то, а на сердце сладко, весело.

Очнулся я в родной избе. Никого в ней нет. Посреди избы светец стоит, в нем лучина горит. И лучина эта не простая — горит она и не сгорает.

Зову матушку, сестер — никто не откликается. И вдруг вместо них невесть откуда является витязь. Усищи вот такие, шлем, как жар горит, у пояса меч. Гляжу, а это Домовой, предок нашего рода. Я его сразу узнал, хоть и не видел никогда.

Глянул он на меня грозным взглядом — оторопь меня взяла. Говорит громовым голосом:

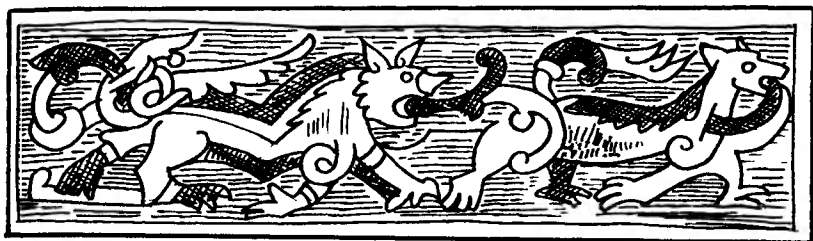
— Ты хочешь вернуться домой, а сам еще не отомстил за кровь матери!

Откуда-то взялись матушка и сестры, стоят у стены, как идолы чудские, кивают речи Домового. Хочу что-то сказать в свое оправдание и ни слова не могу вымолвить.

А Домовой пошел к двери. У порога остановился, вынул меч из ножен и поставил его возле косяка. И сияет тот меч, что солнечный луч.

— Вот тебе меч. Убьешь обидчика — вернешься домой.

Матушка и сестры опять кивают. Гляжу: где ж Домовой? Дверь вроде не отворялась, а Домовой пропал, будто его и не было. Матушки и сестер тоже не видать — вместо них у стены стоят недвижные чудские идолы. И меча нет — падает сквозь щель солнечный луч.

Глава двадцать вторая ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВАРЯГАМ

Вылез я наружу — солнце уже высоко. И напал на меня страх: вдруг варяги уже уплыли? Огляделся я: капище, в котором я ночевал, посреди лесной поляны стоит, на четырех пнях, как на птичьих ногах, корни, как лапы. Такие же избушки на курьих ножках ставят в лесу и наши соседи — весь.

Нашел я тропу, по которой мы с хозяйкой пришли, и припустился по ней. Кругом сосны огромные, толстые, вьется тропинка между ними, через корни перепрыгивает. Бегу я и думаю: если варяги уплыли, мне конец. Зачем жить, коли отомстить за кровь рода я уже не могу, а вернуться домой не смею? И так мне захотелось увидеть варягов, словно нет для меня на свете людей дороже!

Как я буду мстить, я и не думал тогда. Бегу и одно твержу: только бы не уплыли, только бы не уплыли! В лесу сумрачно, лишь иногда сверкнет солнечный луч, как меч, что Домовой мне оставил. Не знаю, может, это и был меч.

Наконец лес кончается, тропка ведет лугом в деревню. Я деревней бежать не хочу, вдруг встречу там эту добрую женщину? Что я ей скажу? Да и нельзя мне сейчас задерживаться. Бегу в обход деревни.

Вижу: над варяжской стоянкой дымок поднимается. Обнадежил он меня немного, может, думаю, не уплыли еще! Выбегаю на берег, на косогор, смотрю: пусто, лишь голье тлеет. Глянул на реку, тоже пусто.

Упал я ничком на траву и лежу. Ни о чем не думаю, будто у меня и дел никаких нет. Лежу себе, и все. Долго лежал. Потом встал, спустился к воде, поплелся по берегу.

Иду и камешки ногой в воду бросаю. Ухвачу пальцами и кину,

ухвачу и кину. И слушаю, как они булькают. Стали мне лодки попадаться, вытщенные на песок. И словно проснулся я. Столкнул один челнок в воду и давай грести!

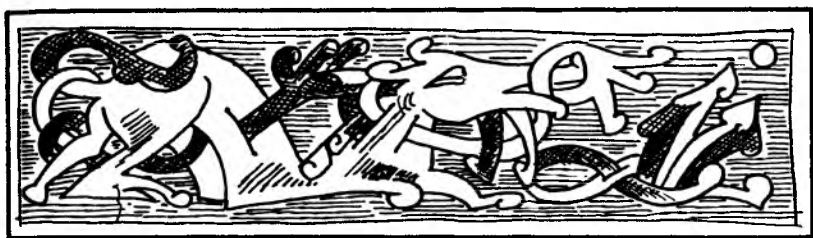
Знаю, конечно, что догонять в долбленной лодочке добрый варяжский корабль дело пустое, однако гребу что есть мочи. А что мне еще делать? Гребу и думаю: буду плыть, пока не найду варягов или не погибну в чужом краю.

И вот чудо: недолго мне и плыть-то пришлось! Не оставил меня Домовой своей заботой. Миновал я деревню, проплыл еще немного, глядь: стоит в луке дракон, а варяги мои на берегу у костра сидят, обед стряпают. Обрадовался я, и варяги тоже. Накормили они меня, и поплыли мы дальше опять вместе.

Покуда плыли морем сюда к вам, судьба не послала мне случая убить Свана, а, может, все дело в том, что у меня не было настоящего оружия. Ныне же у меня есть меч, и я убью Свана, когда буду с варягами в походе.

Ну вот, все я тебе рассказал, ничего не утаил.

Теперь Харальд знает, что нешуточное дело обязывает Кукшу отправиться в поход с викингами. Возразить тут нечего, более того, он должен помочь Кукше в его деле, только еще не знает, как к этому подступиться, но он непременно что-нибудь придумает!

Глава двадцать третья ЗАМЫСЕЛ ХАРАЛЬДА

Добрый меч у Кукши: ударишь на лету подброшенную тряпку — тряпка пополам. От души, видно, пожаловал его Кукше старый конунг. Когда никто не видит, Кукша вынимает меч из ножен и подолгу любуется им или начинает размахивать, воображая, будто рубит Свана. Ему объяснили, что меч у него ромейский, из далеких южных краев, там народ помельче северного, потому и меч покороче. Ромейский меч хорош как отроческое оружие, когда же Кукша станет взрослым мужем, у него будет меч, как у остальных, а этот он в свою очередь подарит какому-нибудь отроку.

Кукша вспоминает меч, который Домовой оставил ему у порога чудского капища и который превратился в солнечный луч. Может быть, это тот же самый меч?

Теперь Харальд и Кукша рубят прутья каждый своим мечом. Спору нет, хорошей меч и у Харальда, но чужой меч или собственный — тут нет никакого сравнения. Свой словно и блестит ярче, и свистит веселее, и в руке сидит крепче.

Судьба вручила Кукше оружие для того, чтобы он мог отомстить, дело только за удобным случаем. Однако, пока он гость конунга, об убийстве Свана не может быть и речи, ведь Сван тоже гость. Кто из смертных решится поправить закон гостеприимства?

Однажды Харальд говорит Кукше:

— Я придумал. Тебе незачем весной уплывать с викингами. Мы разделаемся со Сваном здесь.

Кукша вопросительно смотрит на Харальда.

— Мы его отравим, — говорит Харальд.

— Как отравим? — изумленно восклицает Кукша.

— Очень просто. Дадим яду в питье. Тут неподалеку в лесу живет одна колдунья, финка, она и лечит, и ворожит, и варит всякие ядовитые зелья — из трав, из кореньев, из жаб, из змей — из всего. Колдунья даст мне самый страшный яд, если я попрошу.

Однажды еще в младенчестве Кукша видел, как на лугу возле Домовичей подыхала корова. Изо рта у нее ручьем бежала слюна, и она часто-часто дышала. Потом у нее начались судороги, а немного погодя она вытянула ноги и затихла. Взрослые говорили, что корова наелась ядовитого вёху, которого много растет на соседнем болотце.

— Не надо травить, — растерянно просит Кукша.

— Почему не надо? — говорит Харальд. — Сам же сказал, что должен отомстить. А мы теперь побратимы: твоя обида — моя обида, твоя месть — моя месть. Хорош я буду, если не помогу тебе в таком деле.

— Его надо... убить мечом, — говорит Кукша. — Кровь за кровь...

Ему не по себе, он никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из Домовичей кого-нибудь отравил. Да и Домовой говорил о мече, а не об отраве.

— Кто же спорит! — восклицает Харальд. — Конечно, убить мечом было бы лучше! Но как это сделать? Вызвать Свана на поединок? Сван — берсерк, а берсерки, как известно, в бою неуязвимы. Напасть неожиданно или прикончить сонного? Это значит нарушить мир и погрязнуть закон гостеприимства. Мой отец — человек справедливый и никогда не простит такого убийства!

— А если отравить, простит? — удивленно спрашивает Кукша.

— Чудной ты, — снисходительно отвечает Харальд, — ведь об этом никто не узнает!

И он с увлечением рассказывает о своем замысле:

— Я выпрошу у колдуни самый лучший яд и дам ей за это марку* серебра. Не за горами большой пир по случаю весеннего жертвоприношения дисам**. Когда пирующие захмелеют, я насыплю в один рог яду и пошлю его с рабыней Свану. Никто не обратит внимания, что еще один пирующий свалился с лавки — там многие

---

* Марка — древнескандинавская мера веса, равная приблизительно 216 г, и денежная единица.

** Дисы — сверхъестественные существа женского пола, олицетворяющие силы плодородия.

будут валяться. А наутро никому не покажется удивительным, что один так и не встал — на пирах ведь нередки случаи, когда упиваются до смерти.

Кукише не нравится Харальдова затея. Раз Свана нельзя убить в поединке, поскольку он берсерк и в бою неуязвим, Кукиша отправится с викингами в поход и выждет подходящего случая, когда Сван будет лежать после битвы в приступе берсеркского бессилия, и прикончит его. Справедливая месть допускает подобное действие, если силы настолько неравны. Но тайно расправиться с гостем доброго конунга Хальвдана, у которого ты сам в гостях!..

Кукиша просит друга не трогать Свана, но Харальд неумолим. Он уже весь поглощен своим замыслом и во что бы то ни стало должен его осуществить. Таков уж Харальд — сын конунга Хальвдана — всякое дело он доведет до конца!

Глава двадцать четвертая ДАР КОЛДУНЬИ

К колдунье мальчики пробираются на лыжах по сосняку, растущему на склонах высоких холмов. К ее дому не ведут ни тропинки, ни лыжни — перед мальчиками нетронутая снежная целина. Давно, как видно, никто не бывал у колдуньи. То и дело приходится огибать поваленные бурей сосны. Кукша неотступно думает о том, как помешать Харальдовой затее, но ничего придумать не может. А просить бесполезно — Харальд все равно сделает по-своему.

Впереди между сосен забелелся просвет. Это поляна, там у подножия скалы стоит хижина колдуньи. Возле опушки Харальд говорит Кукше:

— Подожди здесь. Она терпеть не может, если к ней является больше одного человека.

Кукша остается ждать в лесу, а Харальд выходит на поляну и бежит к хижине. Он останавливается перед низенькой дверью с высоким порогом и стучится в нее лыжной палкой. Дверь открывается, как черная пасть, и глотает Харальда. Кукша успевает заметить мелькнувшее в двери желтое лицо, обрамленное длинными седыми космами.

От нечего делать он разглядывает жилище колдуньи. Перед ним маленькая хижина из нарезанного дерна, потонувшая в пушистых сугробах, на нее нахлобучена высоченная снеговая шапка, над шапкой поднимается синеватый дымок. Хижина стоит среди огромных камней, иные больше ее самой. На камнях тоже высятся снежные шапки.

Кукша давно уже заметил, что в Норвегии не рубят домов из бревен, как у него на родине. Здесь забивают в землю толстые колья

и оплетают их прутьями или, обтесав, забивают как можно плотнее друг к другу. Получившиеся стены обмазывают глиной, а потом обкладывают нарезанным дерном или камнями, которые слегка обтесывают, чтобы лучше держались. Щели между камнями тоже забивают глиной. Кровли такие же, как в Домовичах — дерновые на берестяной подстилке, — но покоятся они не на стенах, а на особо врытых в землю столбах.

Харальд говорит, что его отец давно собирается построить новую гридницу из бревен, как строят в Гарадарики. Но здесь, в Норвегии, негде взять добрых мастеров для такого дела. Рабов с востока не привозят, а свободные, что воины, что торговцы, бывающие в Гарадарики, не стремятся освоить там плотницкое ремесло.

Из хижины колдуньи доносится бляенье коз. На Кукшу наплывают воспоминания о родном доме. Плохо одному, в одиночестве тоска сдавливает сердце, словно капкан. Что ж, однако, так долго нет Харальда? Наверно, старуха не хочет давать яду, и Харальд ее уговаривает, стремясь, по обыкновению, во что бы то ни стало добиться своего. Хотя бы колдунья оказалась еще упрямей, чем он!

Вдруг Кукша видит над хижинкой вместо синеватой струйки густые желтые клубы. А немного погода желтый дым начинает идти слабее, и постепенно его сменяет прежняя синеватая струйка. Сомнения нет, ведьма колдует. Значит, решила, как видно, дать яду, не посмела отказать конунгову сыну!

Наконец снова распахивается черная пасть двери, и появляется Харальд. Опять мелькают седые космы и желтое лицо. Когда Харальд приближается, Кукша видит, что глаза у него красные, точно он плакал.

Бежать обратно легче — они бегут по собственной лыжне. Харальд весело рассказывает:

— Сперва не хотела давать. Большого быка, говорит, ты задумал свалить. Боюсь, что тебе это не удастся. Есть силы, которые не хотят этой смерти. — Тут Харальд с усмешкой взглядывает на Кукшу: — Это она про тебя! Я, конечно, начал уговаривать. Долго уговаривал, наконец берет она из каменной ступы какой-то желтый песок, а из деревянной — зеленый и кидает в пламя. Что тут началось! Повалил дым, поднялась вонь — я чуть не задохнулся! Она пригнула меня к земле и говорит: «Смотри!» А у меня из глаз слезы, ничего не вижу.

Когда дым рассеялся, колдунья говорит: «Вот тебе то, чего ты просишь, только, сдастся мне, что не судьба еще быку околет. Сдастся мне, не от яда он околет, а падет от меча, и не здесь, а в дальних краях. Будь, говорит, поосторожнее, юный господин!» — «Это уж, отвечаю, не твоя забота!» Отсыпаю ей серебра — не берет. «Раз я не уверена в успехе дела, говорит, так и плату вперед брать не буду. Коли выйдет дело, принесешь, не забудешь, а нет — значит, квиты. Боюсь, от того, что ты задумал, будет у тебя больше огорчений, чем радостей».

Помолчав Харальд добавляет:

— Вишь, сколько накаркала, серая ворона!

— А может, не напрасно она каркала, — с надеждой говорит Кукша, — может, лучше ее послушаться?

Харальд громко смеется, даже чересчур громко; в смехе его слышится натужность.

— А ты и рад! Все, мол, сходится — и в дальнем походе, и от меча, все, как ты хочешь! Да это она просто боится, как бы Хальвдан не узнал, вот и отговаривает. Так же как и ты. Ты ведь тоже боишься! Ведь боишься?

Молчит Кукша, а Харальд меж тем продолжает:

— Не бойся! Никому и в голову не придет, что мы его отравили.

Он останавливается и достает из-за пазухи крохотный кожаный мешочек, точно такой же, как у Сигню. Харальд развязывает его и говорит:

— У нее на стенах много развешано таких мешочков, откуда она знает, в котором что? Гляди!

Они оба с любопытством рассматривают щепотку таинственного серого порошка, похожего на золу, но обладающего таким страшным могуществом.

— Зола! — говорит Харальд. — Помогает от изжоги!

Он высовывает язык и тянется кончиком языка к порошку, вот-вот коснется. Кукша цепенеет от ужаса, а Харальд, взглянув на него, весело хохочет. Перестав смеяться, он говорит с удивлением:

— Чудно, так и подмывает попробовать!

Глава двадцать пятая

СИГНЮ

На дворе яркое солнце, по сугробам стелются синие тени. Студено, а Кукше все кажется, что он чувствует запах талого снега. Весна еще не пришла, но уже дразнит ноздри.

Харальдовы сестры беззаботно катаются на санках с горы. Харальд и Кукша присоединяются к ним. Санки маленькие, с широкими полозьями. Они рассчитаны на двоих, и Кукша садится вместе с Сигнью. Вот Кукша и Сигнью съезжают по склону холма среди утонувших в снегу молоденьких сосенок. Все быстрее и быстрее летят расписные санки, оставляя позади облако снежной пыли.

Кукша правит. У него в руках две палки, просунутые в особые гнезда, он нажимает то на одну, то на другую, в зависимости от того, в какую сторону надо повернуть. Сигнью сидит сзади и крепко обнимает его. У Кукши дух захватывает от нарастающей скорости и от близости Сигнью. Кукша чувствует, что она, такая взрослая и насмешливая, сейчас полагается на него, на его силу и ловкость.

Они медленно всходят на холм и снова вихрем съезжают, и так без конца. Когда они в очередной раз поднимаются по склону холма, таща за собой санки, Кукша набирается решимости и просит:

— Сигнью, сшей мне такой же мешочек, как у тебя!

— Для чего он тебе?

— Я тоже боюсь злого глаза, я стану, как и ты, носить в нем корешок.

Сигнью хохочет, все-то она хохочет, зубы ее сверкают, как снег.

— Боишься злого глаза? — восклицает она. — Мужчина ничего не должен бояться, он должен бояться только угодить в гости к старой Хель.

Кукша вспыхивает от стыда. Он хорошо знает, что Хель — это хозяйка подземного царства, мрачного и унылого. Она наполовину синяя, наполовину цвета сырого мяса, ее легко узнать по сутулой спине и свирепому виду. К ней попадают те, кто умирает от старости и болезни. Храбрые воины, павшие в битве, отправляются в Вальгаллу — во дворец бога Одина, они живут там весело и беззаботно: с утра бьются на мечах и копьях, к вечеру прекрасные девы валькирии лечат-исцеляют их раны, и воины садятся за огромный стол, где на почетном сиденье восседает сам Один. Они пируют в свое удовольствие, а наутро все начинается сначала.

Кукша сердится, он горячо возражает Сигню, нет, он не трус, он ничего не боится, даже старухи Хель. Насмешница Сигню тут же ловит его на слове — ведь он сам сказал, что боится злого глаза. Кукша путается, лепечет какую-то невнятицу, мешая мурманскую речь со словенской. Ему трудно обманывать, он не привык к этому, обычно, когда он хочет что-нибудь скрыть, он просто молчит. А сейчас ему приходится врать — и кому! — прекрасной Сигню!

Прекрасная Сигню к тому же и хитра. Кукша не замечает, каким любопытством загораются ее глаза, когда она слушает его сбивчивую речь.

— Возьми мой мешочек вместе с корешком! — говорит Сигню. — Он на золотой цепочке!

Кукша мотает головой:

— Нет, твоего я не возьму! Сшей мне другой.

— Бери! — уговаривает его Сигню. — Чем он тебе нехорош?

— Мне не нужен на золотой цепочке, — отвечает Кукша, — мне нужен на простой льняной веревочке.

— Чудной ты! — говорит Сигню, совсем как брат. — Никогда еще не видела викинга, который предпочитает лен золоту. Ну, заменим цепочку на веревочку!

— Поехали! — кричит вконец запутавшийся Кукша.

И вот они снова летят с горы. Когда санки проносятся там, где сосенки растут чаще и где от Кукши требуется особенное внимание и ловкость, Сигню внезапно закрывает ему глаза. Кукша изо всех сил крутит головой, но поздно — они наскакивают на молодое упругое деревце и вверх тормашками катятся под гору. Такая шутка может стоить шеи!

Кукша поднимается и ищет глазами Сигню. Она лежит неподвижно в нескольких шагах от него. Глубоко увязая в снегу, Кукша спешит к ней. Видя, что она по-прежнему не шевелится, он тревожно окликает ее.

Внезапно Сигню оживает, с хохотом хватая его за ноги и валит на снег. Начинается борьба — каждый стремится оседлать другого. Глаза Сигню, прозрачные, с темной обводкой, оказываются то внизу, то наверху. Кукша и Сигню скатываются по склону, взметая снежную пыль.

Когда они поднимаются в гору, таща за собой санки, Кукша думает, искоса поглядывая на Сигню: «Если бы можно было побрататься с ней, а не с Харальдом!» Ему кажется, что девушка гораздо надежнее своего брата. И к тому же она наверняка не захочет, чтобы в усадьбе ее отца совершилось такое злодейство.

— Сигню! — вдруг говорит Кукша.

Сигню удивленно поворачивается к нему.

— Клянись, — продолжает он взволнованно, — клянись молчать о том, что я тебе сейчас скажу!

— Клянусь Фрейей*! — быстро произносит она и смотрит на Кукшу, с нетерпением ожидая, что он скажет.

Кукша рассказывает ей о замысле ее брата и о своем намерении помешать ему. Кукша не ошибся, Сигню тоже не нравится затея Харальда, она готова помочь Кукше и еще раз торжественно клянется блюсти тайну.

Хвала Одину, у Кукши есть теперь союзник!

---

* Фрейя — богиня любви у древних скандинавов.

Глава двадцать шестая БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Надо спешить — пир, посвященный дисам, будет уже совсем скоро. Сигню исполнила свое обещание — под рубахой у Кукиши на льняной бечевке висит теперь точно такой же мешочек, как у Харальда. Кукиша насыпал в него золы, и ему остается только подменить Харальдов мешочек своим.

Поздний вечер. В гостевом доме затихают бесконечные рассказы о подвигах и грабежах, о смешных и страшных случаях, о ведьмах и привидениях. Прерывается игра в кости. Даже самых заядлых игроков в шахматы одолевает усталость. Викинги гасят пальцами свечильни и укладываются спать на помостах, выстланных соломой и шкурами.

Теперь дом освещается только пламенем очага, горящего посреди земляного пола. На бревенчатых стенах поблескивают доспехи. Над каждым из спящих висит его снаряжение — кольчуга, меч и секира, шлем и щит. Викинги строго блюдут такой порядок. В случае нужды каждый воин даже в темноте может быстро облачиться в свои доспехи и приготовиться к бою.

Над Кукишей и Харальдом тоже висит их оружие — хороший воин сызмальства привыкает к военному порядку. Пламя очага бросает красноватый отблеск на выдавшие виды доспехи взрослых воинов и на отроческое оружие Кукиши и Харальда.

Кукиша ждет, чтобы уснул его побратим. Он волнуется, и от волнения на него нападает сонливость. «Только бы не уснуть прежде Харальда!» — твердит он себе. Веки его тяжелеют, смыкаются, и он раздвигает их пальцами.

А Харальд сегодня, как на зло, особенно разговорчив, он и не

думает спать. По обыкновению, он мечтает о том, как они с Кукшей, сделав Кукишино дело, будут вместе ходить в заморские походы и непременно вступят в дружину знаменитого Хастинга, а потом Хастинг погибнет славной смертью, и викинги провозгласят морским конунгом знатного и доблестного Харальда. Кукиша, понятно, будет его правой рукой. Вот тут-то и начнутся главные подвиги Харальда и Кукиши.

Когда умрет старый конунг Хальвдан, его сын Харальд, а с ним и Кукиша, уже прогремевшие на весь мир войны, вернутся в Норвегию отбирать власть у людей, нагло захвативших ее в отсутствие законного наследника. Сделавшись конунгом, Харальд начнет с помощью Кукиши выполнять предсказание бабки Асы — покорять соседние земли.

Харальдова болтовня убаюкивает Кукишу, наконец он не выдерживает и проваливается в бездонный мрак. Среди ночи Кукиша просыпается, словно от толчка. Он садится и озирается, не сразу понимая, где он. Угли очага еле освещают гостевой дом. Кругом слышится храп и свист, кто-то надсадно кашляет.

Кукиша вглядывается в лежащего рядом Харальда. Лицо его спокойно, дыхание ровно и почти беззвучно. Кукиша тяжело вздыхает. Сейчас он сделает обманное дело со своим другом, который так любит его, с побратимом, что смешал свою кровь с его, Кукишиной, кровью.

Протянув руку к Харальдовой шее, Кукиша вытаскивает у него из-под рубахи мешочек с ядом. Харальд что-то бормочет, мычит и переворачивается на другой бок. Отпрянув, Кукиша замирает, потом снова склоняется над Харальдом.

Кукиша пребывает в нерешительности, а потом поступает дерзко и просто — он подсовывает ладонь под голову Харальда и немного приподнимает ее. Это совсем не нарушает крепкого отроческого сна. Кукиша снимает с шеи Харальда мешочек и надевает на нее свой. Теперь можно спокойно спать и Кукише.

В гостевом доме царит безмятежный сон. Спят Кукиша и Харальд, спят бородатые, длинноволосые войны, спит берсерк Сван, не подозревая, какой спор шел о его жизни и смерти. Узнает ли он когда-нибудь, что в эту ночь судьба отвела от него мучительную смерть, неотступно приближавшуюся к нему в последние дни?

Глава двадцать седьмая ГИБЕЛЬ ХАЛЬВДАНА ЧЕРНОГО

Снег с крыш уже стоял, обнажились вершины бугров, а в низинах еще синеватые сугробы. Но и их дни сочтены, они незаметно съеживаются, уползая все дальше в тень, в лесные чащи, уступая место прошлогодней траве.

Солнце поедает снеговые шапки, всю зиму пригнетавшие еловые лапы к земле. Когда изъеденные остатки снега с шумом рушатся к подножию дерева, освобожденная еловая лапа шевелится, как живая, и поднимается вверх, приветствуя солнце.

Все в усадьбе радуются ранней весне — и знатный воин, сидящий на пирах у конунга на почетном сиденье возле огня, и жалкий раб, грызущий кусок окаменелого овечьего сыра в хлеву на теплом навозе. Оба блаженно жмурятся, выходя на двор и подставляя лицо весеннему солнцу, хотя весна сулит им разные вещи — одному заманчивые походы за добычей и славой, а другому увеличение ненавистой, безысходной работы.

Славный конунг Хальвдан Черный собирается в гости к своему другу ярлу* Сигурду. Путь к нему лежит через фьорд. Старый верный управляющий конунга Бьёрн не советует конунгу ехать по льду.

Да, обыкновенно в эту пору и даже гораздо позже люди преспокойно ездят на саних по фьорду, однако в этом году очень уж ранняя весна, старику кажется, что лед должен быть ненадежен и не следует рисковать.

Но Хальвдан только посмеивается. Весело сверкают его зубы, бе-

---

* Ярл — наместник конунга, воевода.

лые и крепкие, несмотря на преклонный возраст. Седые длинные волосы и борода блестят на солнце, как чистое серебро. Весна. Вкусно пахнет талым снегом и преющей на проталинах земель.

Владения Хальвдана благоденствуют. Сердце конунга радуется и ранней весне, и прочности власти, и верности жителей страны. Он хороший конунг. Он живет не зря. Судьба к нему благосклонна. Никогда его ничто не подводило — ни здоровье, ни люди, ни силы природы. Почему на этот раз должно быть иначе, с какой стати подведет его сегодня лед фьорда?

Слуги запрягают пару коней в легкие сани. Чудо что за сани! Все они сплошь изрезаны затейливой резьбой, по углам украшены звериными головами с оскаленными пастьями. Внутри сани поверх соломой выстелены медвежьими шкурами.

Конунг с сыном садятся в сани, и кони трогаются. Правит юный Харальд. Он помахивает бичом, посвистывает и покрикивает. Но сытые кони не нуждаются в поощрении. Они и сами, того гляди, пустятся вскачь.

Следом из усадьбы выезжает целая вереница саней, это дружинники и гости Хальвдана Черного. Среди гостей и Кукша в одних санях с Тюром и Сваном. С тех пор как он избавил Свана от смерти, он чувствует к нему уже гораздо меньше неприязни.

Хорошо вдыхать встречный ветер, хорошо не быть рабом, что всю зиму греется теплом навозной кучи, хорошо быть дружинником или гостем конунга и мчаться на пир к гостеприимному ярлу!

Что за кони у Хальвдана Черного, соколы, а не кони! Особенно веселится сердце, когда сани летят под гору и возницы с трудом сдерживают коней. Вот как сейчас, когда внизу раскинулся ослепительно белый фьорд и на него с берега одна за другой вылетают упряжки.

Но что это? На месте передней упряжки появляется черное неровное пятно. Передней упряжки больше нет. Есть только зияющий злобещий пролом. Все, кто следовал сразу за упряжкой конунга, поспешно сворачивают в сторону и осаживают коней.

Люди выскакивают из саней и бросаются к полынье. На поверхность воды всплывают обломки льда, вода клокочет и пузырится, точно она сама негодует, что вынуждена была поглотить столь славного мужа и его юного сына.

Юного сына? Но Харальд жив и невредим, он стоит на льду у края пролома и не отрываясь глядит в воду. В последнее мгновение, когда сани пошли вслед за конями под воду, он успел перепрыгнуть на лед. Он, наверно, из тех, про кого в народе говорят: в воде не тонет и в огне не горит.

Харальд как замороженный глядит на пузыри, обломки льда и соломины, всплывающие на поверхность.

Глава двадцать восьмая ХАРАЛЬД — КОНУНГ

Четыре области — Рингерики, Румерике, Вестфолл и Хедмарк — спорили за честь похоронить в своей земле прах славного Хальвдана. В конце концов сошлись на том, чтобы разделить тело конунга на четыре части и каждую похоронить в одной из четырех областей. Насыпали четыре кургана, и каждый был назван именем Хальвдана.

Новым конунгом провозглашен Харальд, сын покойного Хальвдана Черного. Управлять государством до совершеннолетия юного конунга и возглавлять войско будет Гутторм, дядя Харальда по матери.

Харальд уже не собирается в викингские походы, он государь, у него дела поважнее, он должен выполнить пророчество бабки Асы, а она, как известно, сказала про своего внука:

*Землю норвежскую
Всю воедино
Он под своею
Рукой соберет.*

Кукша останется при нем. Предстоит пиршество по случаю весеннего жертвоприношения дисам, на нем будет отмищена Кукшина обида, и Кукше незачем уплывать с викингами.

— А если берсерк не сдохнет здесь от яда, — говорит Харальд, — значит, проклятая ведьма сказала правду и ему суждено погибнуть где-то в дальних странах от меча. Но тут уж я ничего не могу поделать, такова его судьба.

Нет, конунг Харальд не собирается отпускать Кукшу с викинга-

ми, для них обоих лучше, если он останется. Кукша должен понять, как ему повезло, что он попал к Харальду, у Харальда он заслужит славу и богатство, а со временем, может быть, даже женится на одной из его сестер. Каждый знает, какая это высокая честь — жениться на сестре конунга.

В смятении бродит Кукша по усадьбе и по берегу. Фьорд уже очистился ото льда, корабли тех, кто собирается в поход, спущены на воду и теперь покачиваются на якорях у островков, отделяющих простор фьорда от берега. Викинги намерены отправиться в путь сразу же после жертвенного пира и сейчас время от времени плавают к кораблям на лодках — возят припасы и налаживают оснастку.

Если они уплывут без него, ему, возможно, уже никогда больше не представится случай отомстить. Но уплыть наперекор воле Харальда — значит, поссориться с ним. Тогда прощай женитьба на конунговой сестре! А ведь даже знатные люди почитают за честь породниться с конунгами. Он представляет себе, как про него говорят: «Кукша? Тот, что в родстве с норвежскими конунгами?» — «Да, он самый». И от этой мысли Кукша испытывает странное удовольствие.

Как, однако, переменился Харальд, став конунгом! Он не ночует больше в гостевом доме на общем помосте, теперь он спит в отцовской опочивальне на отцовской кровати с резными стойками и парчовым пологом. Кукша слышал, как старшие говорили, что Харальд поступает правильно, что конунгу не к лицу продолжать мальчишеское баловство, даже если он пребывает еще в мальчишеском возрасте.

Харальд уже не собирается в заморские походы сам и не отпускает Кукшу, он заранее примиряется с тем, что обида его друга и побратима, возможно, останется неотмщенной. Какой же он, однако, после этого друг и побратим? Он не только не желает помогать, но и мешает!

Невольно Кукше вспоминается, как в тот раз, когда они смешили кровь, у него возникло подозрение, что Харальд предложил побрататься лишь для того, чтобы выведать его тайну. В душу Кукши закрадывается сомнение: «Может быть, у конунгов все иначе, чем у остальных людей, и они по-другому понимают закон дружбы и побратимства?»

Глава двадцать девятая ПИР ХАРАЛЬДА

Это первое празднество при новом конунге. Кажется, пир удался на славу. Впрочем, он еще не кончен. Сказать, что пир удался, можно будет лишь в том случае, если ничто не омрачит его и он завершится так же хорошо, как и начался.

На пиру множество людей с разных концов страны. Они воспользовались праздником, чтобы приехать и помянуть покойного конунга, которого все уважали за мудрость и справедливость, а заодно познакомиться с новым конунгом, совсем еще юным, но, как говорят, властным и решительным.

Щедро льется мед в рога, искусно отделанные серебром, с серебряными лапками, чтобы их можно было ставить. Служанки с ног сбиваются, разнося по столам подносы с яствами. На служанок покрикивает управляющий Бьёрн, всю жизнь верно служивший покойному конунгу и распорядившийся у него на пирах.

На почетном сиденье вместе с конунгом Харальдом по правую руку от него сидит Гутторм, конунгов дядя и воспитатель, по левую — Кукша, друг и побратим. Напротив них, на втором почетном сиденье, сидит Хаскульд, близ него Тюр, Сван и прочие Хаскульдовы воины.

Много уже выпито, но жажда пока что не ослабела. Гости поминуют умерших, и прежде всего покойного Хальвдана. Пьют они и за здоровье юного конунга, желая ему во всем быть подобным отцу.

Больше всех пьют Хаскульд и его товарищи. Гостеприимный конунг особенно внимателен к ним. Да и как же иначе? Ведь это друзья его побратима, в котором он души не чает. Впрочем, каждый разумный конунг старался бы расположить к себе таких доблестных

и бывалых воинов. Чего стоит хотя бы Сван, бесстрашие и сила которого известны далеко за пределами Норвегии!

К Хаскульду и его друзьям то и дело подходят служанки с полными рогами, посланные то конунгом, то его управляющим Бьёрном. Чаще всех подносят Свану, очевидно, конунг полагает, что у самых неистовых воинов должна быть самая неистовая жажда.

Наконец, некоторые из товарищей Хаскульда начинают сдавать, Тюр, сидящий рядом со Сваном, уже еле держится на лавке, однако ему неохота покидать веселый пир и одному тащиться спать в гостевой дом. Кое-кто из остальных тоже клюет носом.

В гриднице жарко. Мед в жбанах, внесенный к началу пира, успел согреться. В сених меж тем стоят полные бочки холодного меда. Не худо бы дать гостям освежиться!

Харальд подмигивает управляющему Бьёрну, тот понимающе кивает и покидает гридницу. Вскоре из двери, ведущей в сени, появляется служанка, держа перед собой большой наполненный рог, она идет ко второму почетному сиденью и отдает рог Тюру. Вслед за нею показывается другая служанка с таким же рогом и направляется к Свану.

Юный конунг пожирает Свана глазами, когда тот принимает от служанки рог. Кукша тоже весь напрягается, словно тетива лука. У него вдруг возникает сомнение: да подменил ли он мешочек с ядом? Ведь он мог спросонья перепутать и надеть на шею Харальда тот же мешочек, что и снял. А может, он и вообще в ту ночь не просыпался и все, что он тогда делал, ему только приснилось! Видя, что Сван собирается пить, Кукша вскакивает, чтобы бежать к Свану и на всякий случай выбить рог у него из рук. Поняв Кукшино движение, Харальд хватается за плечо и сажает на место.

— Не мешай ему, — шепчет Харальд Кукше в ухо, — пусть полечится от изжоги!

В это время Сван взглядывает на юного конунга и кричит ему, что пьет этот рог скорби в память его отца, славного конунга Хальвдана Черного. С этими словами он выпивает содержимое рога и возвращает рог служанке.

Кроме Харальда и Кукши, в гриднице есть еще один человек, который с особенным вниманием следит за происходящим. Это Сигню, сидящая на женской скамье в конце гридницы.

Рядом со Сваном сидит Тюр, осоловело глядя на только что принесенный рог, он не в силах больше пить и не знает, что делать. Сван избавляет его от сомнений, забрав у него рог и единым духом осушив его в честь ныне здравствующего конунга Харальда.

Едва Сван успевает опорожнить рог, как Тюр сползает с лавки и валится на пол. Если бы Тюр хотя бы пригубил принесенный ему мед, Харальд мог бы, пожалуй, решить, что служанки перепутали рога и Тюр отравлен вместо Свана.

Но Харальд ясно видел, что Тюр не прикоснулся к напитку, что Сван выпил оба рога. Юный конунг не верит своим глазам, он спрашивает у Кукши, так ли все было, как он видел, и Кукша подтверждает, что Харальд не ошибается.

Проклятая ведьма права — не время еще умереть могучему берсерку! Харальд говорит это Кукше, и тот кивает. Кукша испытывает громадное облегчение, он не может скрыть радостной улыбки.

Однако Харальд даже не замечает его радости. Харальд взволнован: у него на глазах сбылось пророчество. Значит, судьбу ничем не отворишь. Но, значит, так же неотвратимо сбудется и пророчество бабки Асы, ведь не зря же она выходила из кургана!

Нет, беспокойному Харальду мало того, что он видел, он недоверчив, как все конунги. А вдруг колдунья обманула его и насыпала в мешочек золы? Может, она потому и предсказывала так уверенно, что Сван не умрет на пиру?

Харальд уже забыл, что все дело он затеял для того, чтобы отомстить за Кукшину обиду. Теперь он поглощен одним — проверить колдунью, проверить судьбу. Его увлекает эта удивительная игра. К тому же, проверяя предсказание колдуни, он как бы проверяет и предсказание бабки Асы.

Сейчас он прикажет своим людям убить Свана, когда тот выйдет из гридницы. Если колдунья права, то и из этого ничего не получится, и, значит, Сван действительно должен погибнуть от меча в дальних краях. Но если людям удастся его убить, значит, Харальда обманули, значит, яд был не яд, а простая зола, средство от изжоги!

Щеки Харальда пылают, сообщая Кукше о своем намерении проверить колдунью, он почти не понижает голоса. Кукша невольно оглядывается на Гутторма. Но Гутторм ничего не слышит, он поглощен разговором с ярлом Сигурдом.

— Если проклятая ведьма посмеялась надо мной, — говорит Харальд, — завтра она пожалеет об этом!

Кукша догадывается, что сделают с колдуньей, если Свана сегодня убьют. Однако ему и в голову не приходит, какая буря бушует в душе Харальда, как страстно он желает спасения Свану, хотя сейчас прикажет убить его, только сперва обдумает, кому из надежных людей поручить убийство. Конунг спрашивает совета у своего побратима, но побратим не может сказать ничего вразумительного.

Кукша не знает, как быть. Он находит глазами Сигню на женской скамье и встречается с нею взглядом. Сигню улыбается ему. Однако ее удивляет Кукшин растерянный вид. В чем дело? Ведь все, кажется, вышло так, как он хотел. Кукша видит, что Сигню встревожена, но не может ей ничего объяснить.

Наконец любопытство побеждает Сигню, и она придумывает, как поступить. Она выходит в сени, потом возвращается, неся два рога холодного меда, и направляется к Харальду и Кукше.

— Мне показалось, что вам жарко, — говорит она, подавая им мед, и садится рядом с ними.

Но Харальду не до браги, он поднимается и вместе с Бьёрном выходит в сени, ему надо отдать кое-какие распоряжения.

Сигню оглядывается на Гуторма — тот по-прежнему занят беседой с ярлом Сигурдом и не обращает на них внимания.

— В чем дело, говори скорее, — шепчет она Кукше.

Кукша рассказывает ей о том, что задумал ее брат. Сигню слушает и кивает. Потом она берет из рук Кукши рог и, напевая, идет через гридницу к скамье напротив. Остановившись перед Сваном, она протягивает ему рог и произносит вису:

*Тот, кто пьет сегодня
На пиру всех больше,
Должен остережся,
Выходя отсюда.
Сталь мечей звенящая
Жаждет крови воина.
Помни, рыжий воин,
Предостереженья!*

Сказав это, Сигню, не оглядываясь, идет прочь к женской скамье.

Сван мгновенно трезвеет, он смотрит вслед прекрасной деве, он знает, что таких вещей зря не говорят. Могучий берсерк не из тех, кто в бездействии ожидает своей судьбы. Если его подстерегает опасность, он бросается ей навстречу, нечего жмуриться, от судьбы все равно не спрячешься!

Судя по словам прекрасной Сигню, дело касается его одного. Значит, незачем поднимать лишний шум и впутывать других. Выпив рог, принесенный девой, Сван встает и направляется к двери. Распахнув ее ногой, он обнажает меч и выходит из гридницы.

Никто не замечает исчезновения Свана, в гриднице по-прежнему царит веселый пьяный гомон. Немного погодя возвращается Харальд, он садится на свое место и говорит Кукше:

— Ведьма не соврала — Сван ушел живым. А старик Бьёрн и еще двое лежат мертвые. Мои люди бросились было искать проклятого берсерка, но я им сказал, чтобы не тратили попусту времени.

Кукша с удивлением замечает, что лицо конунга Харальда озарено радостью.

Глава тридцатая ОТПЛЫТИЕ

Готовые к отплытию корабли стоят на якорях на открытой воде фьорда, отделенной от берега цепью островков. Кораблей три, на одном предводительствует Хаскульд, на двух других — братья Хринг и Хравн. Братья и Хаскульд решили объединиться для похода.

Викинги ждут попутного северного ветра. Хаскульд и его люди не очень-то веселы, хотя и отправляются в долгожданный поход, о котором столько говорили зимой.

Вчерашний пир закончился намного хуже, чем можно было ожидать. Во время пира пропал Сван, один из лучших воинов ватаги. Он убил троих людей конунга, в том числе управляющего Бьёрна, а сам как в воду канул.

Однако еще хуже, может быть, то, что своенравный Харальд не отпустил Кукшу, несмотря на незаконность такого действия. Юный конунг с самого начала показывает коготки. Он не похож на своего покойного отца, которого все так любили и уважали. Разве при Хальвдане Черном возможны были такие беззакония?

Попутного ветра все нет. Хринг со своего корабля кричит в берестяной рупор, что надо отправляться на веслах, что попутного ветра может и не быть. Хаскульд отвечает, что спешить некуда и лучше все-таки подождать еще немного.

В это время из-за островков показывается лодка. Она приближается к дракону. В ней один гребец. Может быть, в лодке сидит Сван? Нет, на Свана гребец не похож, слишком мал ростом. Да ведь это Кукша! Он удрал от конунга, чтобы отправиться с ними в поход. Вот настоящий викинг!

Кукшу встречают ликованием. Этот отрок несомненно вестник

счастливой судьбы. Суровые, обычно сдержанные воины радуются, как мальчишки, тормозят и расспрашивают Кукшу.

Оказывается, конунг Харальд, не уверенный в том, что Кукша останется у него по доброй воле, велел запереть его в оружейной и держать там, пока не уплывут викинги. Такой поступок конунга окончательно решил дело. Свободолюбивый Кукша уже не мог оставаться у него. При помощи меча и секиры Кукша сделал подкоп под стену и убежал.

Впрочем, самым трудным и опасным делом были не подкоп и побег — следовало еще пробраться в гостевой дом, Кукша ни за что не хотел оставлять там свои доспехи. Вот тут-то легко было попасться. Хорошо, что большая часть Харальдовой челяди не знала, что Кукша посажен под замок в оружейную. Было у Кукши и еще одно дело в усадьбе, о котором он викингам не сказал, — проститься с Сигню.

Благодарение судьбе, Кукша вернулся! Так вот чего ждал мудрый Хаскульд, оттягивая отплытие! На корабле уже нет и следа уныния, которое только что царило. Радость оттого, что вновь обретен Кукша, почти начисто смыла огорчение от потери Свана.

Однако радоваться рано. В протоке между островками появляются боевые корабли. Это корабли конунга. Сомнения нет, конунг ищет Кукшу.

— Давай поднимем якоря, — говорит Тюр, обращаясь к Хаскульду, — и попытаемся уйти от них на веслах.

— У меня нет желания, — отвечает Хаскульд, — проверять, чьи корабли более быстроходны, конунговы или наши. Тем более, что направление ветра благоприятно для них, а не для нас.

Кукша поникает. Значит, зря он старался, ему сейчас придется перейти на корабль Харальда и вернуться в усадьбу.

— Надо выбить дно у двух бочек, — продолжает Хаскульд, — а Кукше залезть в них. Мы свяжем их выбитыми доньями друг к другу и бросим за борт.

Корабли конунга подходят к дракону. Харальд кричит:

— Выдайте мне Кукшу, если хотите сохранить со мной мир. Он обманул меня, и я должен его проучить.

— Государь, — отвечает Хаскульд, — здесь нет Кукши. Если не веришь, можешь обыскать корабль.

Харальд и несколько его дружинников переходят на дракона и тщательно обыскивают его.

— Попробуйте поискать на корабле Хринга, — говорит Хаскульд, когда конунг прекращает поиски, — мне кажется, кто-то не так давно переплывал туда на лодке.

Конунг отправляется к кораблю Хринга и обыскивает его. Тем временем Хаскульд велит достать бочки, выпустить Кукшу и снова бросить бочки за борт. Продрогшему в ледяной воде Кукше дают переодеться в сухое.

Харальд, не найдя никого на корабле Хринга, задумчиво глядит на дракона. На его детском лбу появляются две поперечные складочки.

— Как же мы не догадались, — говорит он вдруг своим дружинникам, — заглянуть в те бочки, что плавают возле корабля. Я уверен, что Кукша там! Плыдем скорее к дракону!

Видя, что конунг возвращается к его кораблю, Хаскульд велит взять несколько мешков из клади, спрятать там Кукшу и снова положить мешки так, чтобы для Кукши оставалась пустота величиной в один мешок.

Подойдя к дракону, Харальд велит достать и развязать бочки. Убедившись, что они пусты, он подозрительно обшаривает глазами каждый предмет на корабле Хаскульда и возвращается на свой корабль.

— Государь, — говорит Хаскульд ему вслед, — может быть, не мешает теперь обыскать корабль Хравна?

Юный конунг искоса взглядывает на Хаскульда и отворачивается. Ему кажется, что Хаскульд издевается над ним. Конунговы корабли ни с чем направляются к берегу.

Вскоре начинает дуть северный ветер, и на всех трех кораблях поднимают паруса. Корабли, истомленные долгим стоянием на якорях, вольно устремляются на юг. Викинги видят, как наперерез им от одного из островков идет лодка. Человек, сидящий в ней, гребет сильно и умело. Это Сван.

Вещий Хаскульд, как всегда, оказался прав, не желая уплыть без Кукши. С появлением удачливого отрока, незамедлительно поднимается попутный ветер, а вслед за тем находится и Сван. Шумное веселье сопровождает возвращение берсерка на корабль. Даже Кукша радуется ему, как родному.

После ночной стычки с людьми конунга Сван прятался на островках, ожидая, когда его товарищи тронутся в путь. Он видел конунговы корабли и думал, что ищут его.

Корабли выходят из фьорда в открытое море. Холодное солнце, холодный ветер. Вода вдали темно-синяя, с отливом в черноту. По ней бегут стада белых барашков. Вблизи вода вздыбливается зелеными волнами, сквозь которые просвечивает солнце.

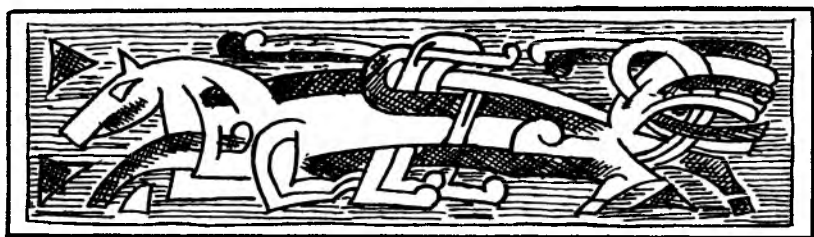
Кукша смотрит на море. Он сейчас не думает ни о доме, ни о долге мести, что тяготеет над ним. Он просто смотрит на море и слушает свист ветра в снастях да уханье волны, разрубаемой носом корабля.

Настал час, и он уплывает от Харальда, лукавого побратима и своевольного конунга. От Харальдовой веселой и доброй сестры. Сегодня Кукша впервые видел слезы на глазах хохотушки Сигню. Жаль, что Сигню — сестра Харальда! Кукша уж больше никогда ее не увидит. Как бы ни сложилась его судьба, вряд ли он снова ступит на землю, которой правит конунг Харальд.

Колдунья ни в чем не обманула Харальда — похожий на золу порошок все-таки оказался ядом. Кукша высыпал его вечером в том месте, где выливают помои, а наутро узнал, что там сдохли петух и две курицы, копавшиеся в помоях.

На всякий случай Кукша сжег в очаге мешочек, который честная колдунья дала в свое время его побратиму.

Быстро сгорел среди пылающих угольев крохотный кожаный мешочек. Так же быстро сгорела дружба Харальда и Кукши. Нет, как видно, проку в дружбе между конунгом и простым смертным!

Глава тридцать первая ВСТРЕЧА С ДАТСКИМИ ВИКИНГАМИ

Три мурманских корабля плывут на юг вдоль западных датских берегов. Датские берега не похожи на норвежские, не видать ни гор, ни скал, песчаные просторы отделяют от моря ровные зеленые луга и буковые рощи.

Здесь хозяйничают все, кому не лень, — и пришельцы из других земель, и датские любители быстрой наживы. Несколько лет тому назад в междоусобной борьбе погибли почти все члены конунгского рода, и страна распалась на множество областей, враждующих между собой. Некому теперь собрать силы и дать отпор викингам, нагло опустошающим страну. Молодые даны, знатные и незнатные, больше склонны к грабительским походам в Англию и землю франков, нежели к защите родных берегов, а нередко и сами грабят берега своего отечества.

Прибрежные жители покидают земли, где стояли их селения, ныне сожженные викингами, и уходят в глубь страны. Кое-где жители строят укрепленные бурги, в которых затворяются со всем своим скарбом, едва завидят на море полосатые паруса.

Самые бедные и убогие никуда не бегут и не прячутся, считая бедность надежной защитой. Но и они не всегда оказываются правы — случается, что викинги врываются и к ним, отбирают последние припасы и в гневе на то, что пожива слишком мала, сжигают их жалкие лачуги.

Людям Хаскульда, Хринга и Хравна иной раз не удастся здесь раздобыть даже пропитание, и им приходится тратить свои запасы. Но викинги не унывают — впереди, на западе, их ждут богатые страны!

Кукше не приходится грести — еще мал, и он коротает время с теми, кто отдыхает от гребли.

Тюр рассказывает молодым викингам, что здесь, в Дании, многие отступаются от богов своих предков — Одина, Тора и прочих — и поклоняются Иисусу Христу, Богу, распятому на кресте. Не мудрено, что даны терпят такие бедствия, — как может их защитить Бог, который не смог защитить самого себя!

Рассказывает Тюр и о том, как иные даны, мурманы или свеи делают вид, что переходят в новую, христианскую веру, чтобы получить подарки, положенные при крещении.

— Один император франков, — говорит Тюр, — это у них самонабольший конунг, требовал, чтобы все люди, которые прибывают к нему, принимали крещение, то есть отрекались от своих богов и начинали веровать в Распятого. Как-то являются к нему с полсотни викингов и говорят: «Окрести нас. Мы желаем отныне веровать в твоего Бога». Императора долго упрашивать не надо. Викингов тут же крестят и, по франкскому обычаю, раздают крещеным белые одежды и разные подарки — деньги, украшения и всякую снедь. Случилось так, что одежд на всех не хватило. Викинги, понятно, начинают рвать их на части — делить как положено, чтобы было поровну. А самый старый швырнул императору полученное одеяние и говорит: «Я принимал крещение двадцать раз и всегда получал хорошую одежду, а ныне мне дали мешок, больше подходящий пастуху, нежели воину».

Викинги смеются. Конечно, что это за Бог, если он позволяет такие шутки со своей верой! Впрочем, они знают, что и их могучие боги часто прощают людям святотатство. Знаменитый воитель Фритьоф Смелый осквернил и сжег храм бога Бальдра, любимца богов и людей, и не только не поплатился за это, но, напротив, вознесся на вершину славы и удачи.

Есть среди викингов двое или трое таких, что на всякий случай приняли христианство, но поклоняются и своим богам. Они рассудили: пусть им помогает и распятый Бог и боги предков! Кто-то из них говорит Тюру:

— Бог Один сам повесился на дереве, чтобы обрести мудрость. Откуда мы знаем, зачем дал себя распять Иисус Христос?

Кончатся датские берега, корабли плывут вдоль островов, на-

селенных фризами. Фризы — знаменитые суконщики, их цветные сукна скупают разноплеменные купцы и везут во все страны, даже далеко на Восток. Викинги, возвращающиеся с запада, стараются купить в здешних землях побольше сукон, если не удастся добыть их грабежом.

Впереди показываются два лесистых острова. Чтобы спрямить путь, Хаскульд направляет корабль в пролив между ними. Справа и слева проплывают уютные зеленые берега, изрезанные удобными бухтами.

Вскоре викинги обнаруживают, что входить в пролив не следовало — на их пути появляются четыре боевых корабля, два идут от одного острова, два — от другого. Видно, они прятались до поры в укромных бухтах.

Можно еще попытаться удрать, викингскому кораблю не нужно разворачиваться, чтобы плыть назад, достаточно гребцам пересестись на сундучках, заменяющих им лавки, таким образом, чтобы оказаться лицом к вражеским кораблям.

Однако викинги стыдятся удирать. К тому же, несмотря на совершенство викингского корабля, остановка и начало движения назад сопряжены с потерей времени, выгодной для преследователей.

Но самая страшная потеря заключается в другом. Опытные воины хорошо знают: у тех, кто спасается бегством, неизбежно падает боевой дух, у тех же, кто преследует, он, напротив, неуклонно нарастает.

— Это даны, — говорит Хаскульд. — Приготовимся к бою и будем продолжать свой путь. Но если они не нападут на нас, мы тоже не будем их трогать.

На кораблях Хринга и Хравна согласны с мнением Хаскульда.

Все надевают доспехи и проверяют оружие. Кукша тоже надевает свой сарацинский шлем и разматывает пращу. Он искоса поглядывает на Свана — ведь это та самая праща, с которой Кукша когда-то охотился за ним! Но Сван не обращает на Кукшу и его пращу никакого внимания. Ноздри его раздуваются, и ветер шевелит длинную рыжую гриву.

Корабли сближаются настолько, что уже можно переговариваться. На самом большом из встречных кораблей возле мачты стоит человек в синем шелковом плаще. Он кричит:

— Как зовут старших на ваших кораблях?

Хаскульд кричит ему в ответ:

— Меня зовут Хаскульд, а еще со мной братья Хринг и Хравн. А как твое имя?

— Мое имя Атли, — отвечает человек в синем плаще, — со мной мой брат Ацур! У вас есть выбор: либо вы сойдете на берег, а мы заберем ваше добро, либо мы нападём на вас и перебьем всех до единого.

Слыша его речи, Хаскульд и прочие викинги убеждаются, что перед ними действительно даны, ибо только даны говорят так неразборчиво, будто у них во рту горячая каша.

Хаскульд оглядывается на корабли Хринга и Хравна и видит, что гребцы на них стараются изо всех сил, чтобы вовремя поспеть к месту боя, а Хринг, Хравн и остальные стоят в полной боевой готовности.

Тогда Хаскульд спрашивает у своих товарищей, что они думают насчет предложения Атли. Викинги отвечают, что, по их мнению, надо как можно скорее начать битву. И Хаскульд кричит предводителю данов:

— Не спешి делить добычу, Атли! Мне кажется, что победа пока еще в руках у судьбы!

Глава тридцать вторая МОРСКАЯ БИТВА

Корабли, оскалив хищные звериные пасти и оцетинившись копьями, устремляются навстречу друг другу. Атли хватает тяжелое копье и мечет его в корабль Хаскульда. Оно насмерть поражает воина, стоящего впереди. В следующее мгновение один из воинов Атли забрасывает крюк на корабль Хаскульда и начинает притягивать его к себе.

Не дожидаясь, пока корабли сойдутся бортами, Сван перепрыгивает еще весьма широкую полосу воды и оказывается на корабле Атли. Вслед за ним прыгают другие.

Атли поднимает секиру и наносит страшный удар по щиту Свана. Щит расщепляется пополам, но в следующий миг Сван отсекает руку врага, сжимающую секиру. Атли отбрасывает щит за спину и левой рукой поднимает секиру. Но в нем уже нет прежнего проворства, Сван отсекает ему вторую руку прежде, чем Атли успевает занести секиру для удара. Атли спотыкается, падает на колени и куда-то уползает. Вскоре он появляется у борта корабля, держа обрубками рук черный ларец. Сделав последнее усилие, он прыгает за борт. Атли отправился в Вальгаллу вместе со своим золотом, как велит воинам Один.

Оставшись без щита, Сван берет меч обеими руками и рубит направо и налево. Он рычит, как дикий зверь, с губ его падает пена. Некоторые из тех, что последовали за ним на корабль Атли, заражаются его неистовством, и звон боевой стали смешивается с диким рычанием и воем бойцов.

Люди погибшего Атли падают один за другим, натиск слишком силен. Оставшиеся в живых не выдерживают и начинают прыгать за борт, кто не тонет сразу, тот плывет к берегу.

Тем временем с другой стороны к дракону подходит еще один вражеский корабль, и людям Хаскульда приходится туго. Даны наводняют носовую часть дракона. Хаскульд вынужден вернуться с корабля Атли на выручку своим.

Хаскульд — опытный воин. Несколько данов безуспешно пытаются одолеть его. С третьего вражеского корабля кто-то метнул в него копье. Хаскульд успел отскочить в сторону, и копье поразило дана, который зашел сзади и хотел нанести удар Хаскульду в спину.

Хаскульд пронзает мечом двоих, а третьего сталкивает щитом в воду. Неожиданно на его пути вырастает могучий воин, это Ацур, брат убитого Атли. Его меч уже обагрен кровью многих людей Хаскульда. Ацур зловеще улыбается и не спеша идет на Хаскульда.

— Мне жаль тебя, — насмешливо говорит Ацур, — ты уже не сможешь никому рассказать об этой славной битве.

Хаскульд отступает, потом изловчившись, наносит сильный удар. Меч глубоко вонзается в щит Ацура. Тот отводит щит в сторону, и меч Хаскульда переламывается у самой рукоятки.

Безоружный Хаскульд пятится перед нарочито медленно надвигающимся на него противником. Но тут в правую руку Ацура попадает камень. Ацур роняет меч, Хаскульд подхватывает его и, недолго думая, закалывает врага.

Камень, попавший в руку Ацура, пущен Кукшей. Битва на драконе кипит в носовой части судна, а в кормовой нет никого, кроме Кукши. От глаз сражающихся его отчасти заслоняет мачта, на которой косо висит рея со свернутым парусом. Кукша не теряет времени даром — возле него большой запас камней, и он мечет их туда, где, по его мнению, они нужнее всего.

Один из вражеских воинов замечает отрока с пращей как раз в то мгновение, когда он спасает своего предводителя от верной гибели. Дан устремляется к отроку, держа наготове окровавленное копье, которым он только что пронзил Хаскульдова воина.

Кукша успевает метнуть в него камень, но дан заслоняется щитом, и камень, с громким стуком ударившись о щит, бессильно падает на палубу. Кукша бежит прочь, по дороге он на всякий случай обнажает свой меч, хотя и понимает, что меч мало поможет ему в схватке со взрослым воином.

Кукше ничего не остается, как прыгнуть в воду. Нет, уже не ус-

петь, пока он будет вскакивать на борт, дан как раз достанет его копьем. Неожиданно для преследователя, а может быть, и для самого себя, Кукша останавливается и поворачивается лицом к врагу. Дан, ухмыляясь, поднимает копье, и Кукша в отчаянии швыряет в него свой меч.

К сожалению, меч на лету переворачивается и попадает в лицо врага не острием, а рукояткой. Но и этого достаточно для того, чтобы враг замешкался, а Кукша проскочил мимо него, уйдя таким образом из ловушки.

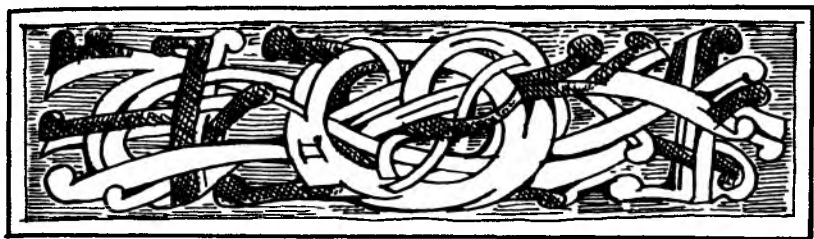
У преследователя разбита правая бровь, и кровь заливает ему глаз. Дан задыхается от ярости, он больше не хочет продолжать игру в кошки-мышки, он изо всех сил кидает копье, целясь бегущему от року между лопаток. Копье с шипением обгоняет Кукшу и глубоко вонзается в настил палубы, оно пролетело значительно левее цели. Правый глаз воина залит кровью, а он не успел сообразить, что если видишь только левым глазом, то и копье надо кидать левой рукой.

Воин вынимает из ножен меч и с проклятиями бросается вслед за Кукшей. Кукше ясно, что теперь ему не уйти, рассвирепевший дан сейчас настигнет его — и конец. Ведь у Кукши в руках уже нет даже его короткого меча. Если бы успеть прыгнуть в воду!

Вдруг с носа корабля Атли на дракона перепрыгивает какое-то косматое чудовище с рыжей гривой. Оно вырастает на пути Кукши. Возможно, это то самое существо, которое мурманы называют троллем, потому что простому смертному такой прыжок не под силу. Тролль, конечно, явился, чтобы уничтожить его, Кукшу. Чудовище в бешенстве оттого, что дерзкий мальчишка заставил взрослого воина так долго возиться с собой. Кукша не пытается спастись, одно дело тягаться с человеком, пусть даже очень сильным, и совсем другое — с троллем или шишкой. Это безнадежно.

Однако вражеский воин, увидев тролля, в страхе пятится, он тоже, как видно, не ждет от него добра. И правда, тролль, едва очутившись на палубе, устремляется к дану. Дан в отчаянии прыгает за борт и плывет в сторону открытого моря.

Тролль, оказавшийся Сваном, выдергивает из палубы копье и мечет его вдогонку датскому викингу. Копье попадает между лопаток, плывущий сразу погружается в воду, а вскоре исчезает в воде и древко копья.

Глава тридцать третья КУКША В НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ

Тем временем люди Хринга и Хравна тоже не мешкают, они стремительно нападают с двух сторон на корабли, сцепившиеся с драконом. Братья бьются как одержимые, каждый сжимает одной рукой меч, другой — секиру, натиск их подобен буре, никто не может устоять перед ними. Мало-помалу чаша весов склоняется в пользу Хаскульда, Хринга и Хравна, несмотря на первоначальное численное превосходство у Атли и Ацура.

Наконец раздается высокий звук рога, возвещающий о конце сражения, он такой мирный, словно где-то неподалеку пастух созывает коров на пастбище. Даны, потерявшие обоих предводителей, не выдержали и запросили пощады.

Сеча была жестокая, погибло много народу с обеих сторон. Погиб Хравн, его кто-то так ударил копьем в спину, что наконечник вышел из груди. Обезумевший от потери Хринг ринулся на вражеские корабли и начал убивать всех подряд, несмотря на то, что даны объявили, что сдаются на милость победителей. Видя, что просьба о пощаде не принесла им спасения, даны стали прыгать за борт, а некоторые снова взялись за оружие.

Кое-как Хаскульду удается утихомирить Хринга, и оставшиеся в живых даны помогают перетаскивать добро на корабли победителей. Победители забирают все оружие, кроме того, что Хаскульд великодушно оставляет побежденным, забирают сукно, которое даны успели награть здесь в стране фризов, и много всякой прочей добычи, в том числе немало золота и серебра.

В стане победителей больше всего павших приходится на ватагу Хаскульда. Дракон завален телами и своих и врагов. Победители по-

нимают, что дело решила прежде всего доблесть Свана и людей, которых он еще вначале заразил своим бесстрашием и яростью.

А самого Свана что-то не видать. Неужели доблестный берсерк погиб? Тюр безуспешно ищет его тело на корабле Атли.

Нет, Сван не погиб. Когда он убил дана, охотившегося за Кукшей, и собирался снова ринуться в гущу сражения, звук рога возвестил об окончании битвы, и бранный шум стих. Сван поднял бочонок с медом, осушил его и швырнул пустой бочонок за борт. Потом он рухнул, как подкошенный, и теперь лежит в приступе берсеркского бессилия.

Возле него стоит Кукша, в руке у него блестящий меч, сослуживший ему сегодня добрую службу. Перед Кукшей Сван, распростершийся на палубе.

Вряд ли судьба пошлет более удобный случай — теперь ему легко убить берсерка и легко скрыть, что убил он. На корабле валяется много окровавленных тел, кому придет в голову, что Свана убил Кукша!

Отчего же он, однако, медлит?

Раздувая ноздри, Кукша ловит запах Свана, он хочет распалить себя и тогда погрузить меч в горло врага своего рода. Но это не помогает, запах Свана уже не кажется ему столь враждебным, как раньше, более того, Кукша улавливает в нем что-то приятное.

Кукша пытается вспомнить матушку, но матушка, и сестры, и родной дом словно подернуты плотной дымкой. И в душу его закрадывается сомнение, есть ли они на самом деле? Все это было так давно, что, может, и не было вовсе...

В голове его крутится и не находит разрешения одна и та же мысль: если бы не подоспел Сван, вражеский воин убил бы Кукшу. А если бы Кукша погиб, некому было бы сейчас убить Свана. Значит, Сван спас его на свою погибель? Снова и снова Кукшина мысль бежит по заколдованному кругу, и никак ей из него не выскочить.

Явился бы сейчас Домовой и подсказал, как быть! Однако Домового Кукша не видел с тех пор, как ночевал в чуждом капище. Домовой тоже словно прячется в дымке. Да и был ли он?

Кукша садится на балку, положенную поперек судна: убивать удобнее стоя, а думать — сидя. Убрать меч в ножны он забывает и недвижно сидит, опершись подбородком на рукоятку.

Глава тридцать четвертая

БУРЯ

При дележе добычи Кукша получает долю наравне со всеми. Викинги говорят о том, что к Кукше на редкость благосклонна судьба и что это справедливо с ее стороны, ибо он храбрый и умелый воин.

Кукше приятно слышать похвалы бывалых бородатых воинов, но особенно тешит его гордость то, что он получил долю в добыче наравне со взрослыми. Теперь он рад, что не убил Свана, как бы он сейчас смотрел в глаза остальным?

Кукша захвачен опьянением победы, это чувство похоже на то, которое он испытывал после охоты с отцом на медведя. Как жаль, что никто из домовичских сверстников не видит его торжества! Да и взрослые сейчас бы качали головами и говорили:

— Да, Кукша — настоящий воин, не хуже своего отца.

Только какой-то червячок точит его сердце, — нет, Кукша, не все ладно, не все хорошо, нечего тебе так радоваться! Но Кукша старается не обращать на него внимания. Что ему до каких-то червячков, ведь он вместе со взрослыми воинами участвовал в настоящей морской битве, они победили в ней, и теперь все его хвалят!

Время от времени викинги пристают к берегу или входят в устья рек. В прибрежных селениях слышатся крики и стоны, мольбы о пощаде. Викинги убивают всех, кого могут убить, и уносят все, что могут унести. Остальное имущество и дома они сжигают, а скот режут, и мясо, которое они не смогли взять с собой, гниет на берегу. Иные воины развлекаются тем, что подбрасывают младенцев и ловят их на копья. Это в обычае у викингов. Тюр не одобряет подобного развлечения.

— Скверное это занятие, — говорит он, — скверное и недостойное война. Недаром знаменитый вождь Альвир Детолуб запретил своим воинам так делать.

Но викинги только посмеиваются над его упреками, называя его самого Тюром Детолубом.

Во время набегов корабли обычно стоят на якоре в море или на реке, а воины отправляются на берег в лодках. Кукша остается с теми, кто сторожит корабли. Он не видит того, что происходит в разоряемых селениях, только видит, как вдали начинает клубиться дым пожаров, а погода возвращаются в лодках воины и перетаскивают на корабли мешки и сундуки с награбленным добром.

Все было точно так же, когда они плыли вдоль берегов Балтийского моря, направляясь в страну мурманов, только добыча была беднее.

Сван, после того как спас Кукшу, очень привязался к нему, часто заговаривает с ним, сулит, что вот уже возьмет его с собой в набег — пора ему привыкать к настоящей воинской жизни.

Кукша боится смотреть Свану в глаза: вдруг он догадается, что Кукша еще совсем недавно собирался убить его. Однако ему хочется, чтобы его взяли в набег, ведь он уже взрослый воин, они сами столько раз говорили об этом! Но Тюр неизменно возражает против этого, нечего спешить, Кукша еще мал.

Меж тем корабли минуют берега Англии и плывут на запад вдоль Северной части Франкской империи. Здесь они редко пристают — берега сильно опустошены данами, то и дело встречаются их корабли. Иные из кораблей данов нагружены добычей, это видно по их осадке, но Хаскульд и Хринг уклоняются от столкновений.

Скоро берег Франкской империи повернет на юг, там начинается открытый океан, который, как полагают викинги, нигде не кончается.

Дует сильный юго-восточный ветер. Кукша смотрит, как красные полосатые паруса двух других кораблей ныряют в волны. Каждый раз кажется, что теперь-то уж они скрылись навсегда. Однако корабли ухитряются вынырнуть, и игра начинается сначала.

Несмотря на то что викинги плывут далеко от берега, ветер оттуда дует горячий, как из печи. Его нисколько не остужает большое водное пространство. Солнце палит нещадно. Но никто не раздева-

ется — солнце расслабляет человека, подставляющего ему голое тело. Впрочем, время от времени порыв ветра срывает пенные гребни с волн, и тогда водяная пыль и брызги освежают мореходов. К вечеру ветер продолжает усиливаться, так что даже приходится спустить паруса. Смеркается, но крепчающий ветер не дает приблизиться к берегу, и темнота застает викингов на воде.

Ночью разыгрывается буря с грозой. Уже непонятно, откуда дует ветер и куда несет корабли, гребцы и кормщики напрягают все силы, чтобы корабли не развернуло бортом к ветру. Те, кто не занят на веслах, черпают воду. Викинги стараются не потерять из виду другие корабли. К счастью, в этом им помогают беспрерывно вспыхивающие молнии. Только бы не унесло в бесконечный океан!

С приближением утра гроза кончается, но ветер не стихает. Он лишь меняет направление и становится пронизывающе холодным. Люди достают из сундуков теплую одежду.

Утром ветер ослабевает, но зато откуда-то приносит густой, как молоко, туман. Чтобы не потеряться, люди на разных кораблях, постоянно перекликаются друг с другом. Голоса их увязают в тумане, словно в груде неспряденной шерсти.

Никто не знает, где они, может быть, далеко в открытом океане и им уже никогда не найти никакой земли. А может быть, наоборот, их несет сейчас к неизвестному берегу, где их поджидают предательские подводные камни.

На склоне дня туман рассеивается, и появляется солнце. Викинги видят вдали высокий берег, кое-где изрезанный глубокими бухтами. Вскоре ветер совсем стихает. Однако со стороны берега доносится сильный шум прибоя. Это о прибрежные камни разбивается зыбь. Старшие на кораблях полагают, что их, вероятно, принесло к берегам франкской земли.

Берега кажутся пустынными и безлюдными. Измученных мореходов это радует — они входят в одну из бухт и становятся на якорь. Теперь они могут как следует отдохнуть после напряженной борьбы с морем, не опасаясь нападения встревоженных местных жителей или своего брата викинга.

Глава тридцать пятая ХАСТИНГ

На закате дозорные поднимают тревогу. В горле бухты появляются корабли. Они медленно входят в бухту, их много, не меньше пяти десятков. Освещенные сзади закатными лучами, ярко пылают красные полосы на парусах. За ними горит золотистое небо, море похоже на расплавленное золото.

Корабли, плывущие по золоту, — если бы это был сон, он сулил бы богатство.

Против света трудно разглядеть, что за люди на кораблях. Зато отчетливо виден лес копий, чернеющий над ними. Кто бы ни были эти люди, ясно одно — вступать в бой с такой силой бессмысленно.

На кораблях меж тем спускают паруса и берутся за весла. Теперь уже видно, что палубы заполнены бородатыми воинами в полном вооружении. На переднем корабле стоит высокий человек в золоченом шлеме и пурпурном плаще. Он говорит:

— Кто вы такие и что здесь делаете?

Ему не приходится напрягать голос, чтобы быть услышанным, хотя расстояние между ним и теми, к кому он обращается, довольно большое. Слова его доносятся по тихой вечерней воде так отчетливо, будто он стоит рядом. По выговору слышно, что он мурман. Похоже, он несколько удивлен, встретив здесь неизвестных воинов.

Ему отвечают, что перед ним Хаскульд и Хринг со своими людьми, что они попали в сильную бурю и теперь не знают, где, собственно, находятся. Кроме того, они непрочь узнать, кто перед ними.

— Меня зовут Хастинг, — отвечает человек в пурпурном плаще, — а находитесь вы на западном берегу земли франков.

Его имя производит сильное впечатление. Кукиша глядит на него во все глаза. Так это и есть тот знаменитый морской конунг Хастинг, о котором столько говорилось на зимовке у Хальвдана Черного!

А Хастинг меж тем продолжает:

— Я слышал о вас только доброе, Хаскульд и Хринг!

Предводители Хаскульд и Хринг весьма польщены словами знаменитого морского конунга. Они тоже, в свою очередь, отвечают, что слышаны о нем с самой лучшей стороны.

— Позвольте узнать, — спрашивает Хастинг, — а где Хравн, брат Хринга?

Узнав, что Хравн погиб, Хастинг говорит:

— Это большая потеря, Хравн был славный воин. Я разделяю твое горе, Хринг. Однако от судьбы не уйдешь. Уверен, что Хравн — один из почетнейших гостей в Вальгалле у Одина.

Когда корабли Хастинга приближаются настолько, что можно разглядеть цвет глаз у собеседника, Хастинг говорит:

— Мне бы хотелось, чтобы вы вступили в мою дружину: я собираюсь в большой поход и мне нужны храбрые люди. Если же вы откажетесь, я вынужден буду забрать ваше добро и ваши корабли, а вас высадить на берег.

Хаскульду и Хравну не приходится уговаривать своих людей — все воины кричат, что они с радостью вступят в дружину знаменитого морского конунга, они долго искали его и счастливы, что наконец нашли.

Корабли Хастинга становятся на якорь. Вечереет. На кораблях загораются смоляные светочи. Оказывается, бухта, в которую после бури попали воины Хаскульда и Хринга, становище Хастинговой дружины. Отсюда его воины отправляются в набеги, здесь делят добычу и пируют после удачных грабежей.

Вот и сейчас на всех его кораблях начинается пир. Старые Хастинговы дружинники приглашают на свои корабли вновь принятых, а Хаскульда и Хринга зовет к себе в гости Хастинг, на корабле которого уже воздвигнут шелковый шатер. Хаскульд берет с собой Тюра, Свана и Кукшу.

Кукиша глаз не спускает с Хастинга. Морской конунг очень хорош собой, у него длинные золотистые волосы и кудрявая борода, светло-зеленые глаза, крашенные ресницы и тонкий нос с горбинкой.

Не зря столько говорят про обходительность Хастинга. Каждому из присутствующих кажется, что именно его Хастинг отмечает своим вниманием. Несколько раз он обращается к Кукше, при этом лицо его озаряет дружеская улыбка. Кукша испытывает неизъяснимое удовольствие оттого, что с ним разговаривает такой замечательный человек.

Гости узнают, что теперь, вместе с ними, у Хастинга шестьдесят два корабля. Морской конунг считает, что это хороший флот, с таким флотом можно совершить великие дела. Он сообщает гостям о своей заветной мечте. Его мечта: разорить прекраснейший и богатейший город мира — Рим.

При слове «Рим» Кукша вздрагивает. Это не укрывается от взора Хастинга. Морской конунг спрашивает Кукшу, почему он так встре-пенулся, услышав об этом городе. Кукша смущается, не зная, что ответить, но Хастинг продолжает допытываться, и в голосе его столько дружелюбия, что Кукша наконец рассказывает, как они с Харальдом, сыном Хальвдана Черного, мечтали о походе в Рим.

— Вот видите, — говорит Хастинг, — эту мечту морской ветер давно уже носит по всему свету. Мне кажется, нам не мешает поторопиться, чтобы кто-нибудь не опередил нас.

Глава тридцать шестая В РИМ!

По дороге в Рим Хастинговы корабли огибают берега Испании и Лузитании*. Ветер то и дело доносит незнакомые, волнующие запахи. Вокруг городов и селений тянутся бесконечные сады с неведомыми сказочными плодами.

Здесьние жители выращивают много винограда, из него делают хмельной напиток — вино, которое викинги любят, может быть, даже больше своего хмельного меда. Впрочем, не все жители делают вино — смуглым худощавым маврам их бог вино запрещает.

Кукша уже успел отведать винограда, персиков и апельсинов, а кислого лимона одолеть не смог, изошел слюной. Зато пахнет лимон, пожалуй, слаще всех остальных плодов. Кукша смотрит на проплывающие мимо берега и с упоением нюхает большой желтый лимон.

По склонам холмов виднеются оливковые рощи. Из плодов оливок дают вкусное оливковое масло. А на вид дерево самое обыкновенное, на ракиту похоже. Повсюду близ берегов легонько колышут огромными длинными листьями диковинные деревья — пальмы.

Блаженная земля! В такой земле жить — и умирать не надо! Не захочешь ни в Вальгаллу к мурманскому Одину, ни к словенскому Сварогу на небо.

Вода в здешнем море и та особенная. Она радостно переливается на солнце голубым и зеленым цветом, невиданным на севере. А до чего тепла — хоть целый день не вылезай! Кукша вспоминает, как на родине он докупывался в реке до того, что слова сказать не мог — зубы, бывало, лязгают, того гляди, язык себе отхватишь.

---

* Лузитания — древнее название Португалии

Прекрасны здешние города и селения, утопающие в зелени садов. Затейливые башенки, светелки, крылечки, и всюду что-то резное, что-то плетеное, точно кружева. Постройки большей частью каменные, добротные.

Однако кто побывает здесь после посещения Хастинговой дружины, тот не узнает цветущих городов и селений — от них остаются только закопченные камни.

Нападая, викинги, по обыкновению, забирают добро и убивают всех, кто не успел убежать, разве что иной раз берут в плен молодых красивых женщин, на которых всегда спрос у работорговцев.

Забрав то, что им приглянется, воины поджигают все прочее. Грабят воины ради добычи, а убивают и жгут ради славы. Разорить город дотла считается большим подвигом, и чем больше город, тем больше подвиг.

Зимой на пирах они будут хвастать друг перед другом: «Мы разорили такой-то город!» «А мы сожгли такой-то!»

Впрочем, не только на зимних пирах, но и во время плавания тоже немало можно узнать о подвигах, а иной раз случается услышать и о неудаче. Кукша глядит, как вдали медленно уплывают назад диковинные пальмы, и слушает рассказ бывшего Тюра.

— С той поры минуло уже полтора десятка лет. Вот так же приплыли мы в эту благословенную страну на многих кораблях. Сколько мы тут разорили городов да селений, и не упомнить. Назову три славных города — Кадис, Лисабон и Севилью.

Лисабон с Кадисом у моря стоят, а чтобы захватить Севилью, пришлось по реке подняться. Хорошая река, большая, Гвадалквивир называется. Уж столько мы там добра взяли — и не счесть. Боялись, корабли потонут, — пришлось часть добычи за борт выбросить. Словом, сперва все шло — лучше некуда. Однако судьба не меч — в руки не возьмешь. Собирают проклятые мавры войско несметное и кораблей видимо-невидимо.

Тюр вздыхает.

— Много наших кораблей тут погибло, много храбрых воинов покоится на дне этого ласкового моря. А еще больше взяли в плен и после повесили в Севилье на пальмах — вот на таких, как эти.

И Тюр кивает в сторону пальм, что горделиво колышут на берегу своими листьями. Кукша представляет себе, как на каждом из этих

деревьев под огромными листьями висит по несколько викингов в шлемах и кольчугах. А Тюр продолжает:

— Говорили мавры, будто двести отрубленных голов, в том числе и голову нашего предводителя, послал эмир Абдаррахман, их конунг, в другую страну, где конунгом сидел его приятель: вот, дескать, полюбуйся, уничтожил наш Господь Аллах свирепых северных пришельцев за их злодеяния.

А нескольких человек, в том числе и меня, мавры пощадили, вернули нам один корабль и велели плыть к своим — рассказать все, как было. Насколько мне известно, впервые с тех пор появляются наши корабли здесь. Мавры-то небось думают, что навек нам сюда дорогу заказали. Как бы не так!

Однако морской конунг Хастинг, видимо, держит все же в голове урок, полученный здесь мурманами полтора десятка лет тому назад — не слишком задерживается в этом изобильном солнечном краю. Ведь если Хастинга постигнет участь незадачливых предшественников, то его мечту — разграбить Рим — осуществит кто-нибудь другой!

Впрочем, викинги не обходят стороной юг Испании, Марокко и Балеарские острова — всюду они сеют смерть и разорение. Добравшись до устья Роны, викинги поднимаются по ней далеко в глубь земли франков.

После этого они некоторое время плывут по морю, никого не трогая, и, найдя удобную бухту, останавливаются на зимовку. Викинги договариваются с местными жителями сохранять мир и торговать. До весны они живут в свое удовольствие, проводя время в пиррах и забавах, а весной снова пускаются в путь дальше на восток.

Красные паруса мурманских кораблей полощутся над лазурными водами Лигурийского моря. Слева от кораблей проплывают берега прекрасной Италии. Позади дымятся ограбленные города и селения, впереди викингов ждут новые подвиги и новые сокровища. Говорят, здесь уже рукой подать до Рима, «вечного города», как его называют.

— Посмотрим, так ли уж он вечен, — с усмешкой говорит Хастинг, вглядываясь в голубоватую дымку, в которой тонут очертания дальних берегов.

Ему не терпится совершить главный подвиг своей жизни. Рагнар Кожаные Штаны сжег Париж и многие другие города франкской империи. Спору нет, это славные подвиги. Однако, если он, Хастинг,

разграбит и разорит Рим, его деяние навсегда останется в памяти людей как величайший подвиг всех времен!

Местные жители, которых по дороге расспрашивает Хастинг, говорят, что Рим узнать нетрудно — это самый большой и прекрасный город на свете! Они уверяют, что Рим ни с чем не спутаешь, как только Хастинг увидит Рим, он сам это сразу поймет.

В одно прекрасное утро викинги огибают гористый мыс, далеко выдающийся в море, и попадают в обширный залив. В глубине залива устье реки. Входя в реку, викинги обнаруживают, что на левом берегу, чуть повыше устья, стоит большой красивый город.

Издали кажется, что он сплошь состоит из беломраморных дворцов, храмов и пышных садов. Викинги, как зачарованные, глядят на открывшееся их глазам великолепие.

— Это Рим! — произносит Хастинг сдавленным от волнения голосом.

Глава тридцать седьмая НАПАДЕНИЕ НА ГОРОД

Жители города Луна со страхом прислушиваются к тревожным звукам. Дозорные на сторожевых башнях изо всех сил бьют колоутушками в чугунные била. В соборе на площади святого Павла ударили в колокола.

Звуки эти могут означать только одно: у стен города появился враг. Но что это за враг, откуда он взялся? Даже самые старые и мудрые теряются в догадках.

Горожане бросают привычные дела — ремесленники оставляют гончарный круг или сапожную колодку, аристократы прерывают приятную беседу за прохладительными напитками — все устремляется на улицу.

На каменистом холме возвышается дом бургграфа*. Это красивый дом в городе, сложен он из лунного камня, того самого, который добывают в окрестностях Луны. Бургграф — мудрый правитель и хороший воин. Может быть, лучше сказать «хороший воин в прошлом», ибо он уже в преклонных годах. У бургграфа есть страсть, которой он отдает все свободное время. Эта страсть — цветоводство.

Он и сейчас в своем розарии возле дома. Розарий невелик, но для любителя цветов являет собой зрелище весьма притягательное. На небольшом клочке земли разместилось множество разновидностей роз — и местных, и привозных. Здесь и белоснежные цветы, и желтые разных оттенков, и розовые, и огненно-красные.

Предмет особой гордости бургграфа — новая разновидность, которую вывел он сам, потратив на это многие годы. При беглом

---

* Бургграф — правитель города

взгляде цветок кажется совершенно черным. Но если приглядеться, особенно при ярком солнечном свете, увидишь, что сквозь черноту лепестков просвечивает красное, словно в лепестках тайно пульсирует кровь. Бургграф говорит, что цветок олицетворяет вечное бремя жизни и смерти.

Роза бургграфа стала одной из достопримечательностей города, приезжим непременно сообщают о ней, и всякий, кто любит цветы, отправляется полюбоваться ею. Она уже носит имя своего создателя, и бургграф с тайным удовлетворением думает, что не разрушение городов и не убийство множества людей, а этот прекрасный печальный цветок обессмертит его имя.

Розы — существа нежные и любят, чтобы за ними ухаживали. Первая забота, конечно, удобрения. Тонкостями этого дела владеет далеко не всякий. Неумелый, вместо того, чтобы помочь цветам, погубит их. Кроме того, у прекрасных созданий есть страшный враг — тля. Эти отвратительные крохотные твари полчищами набрасываются на молоденькие листочки и основания бутонов, и, если прозеваешь очередное такое нападение, прощайся со своими прекрасными нежными друзьями.

Особенное влечение проклятая тварь выказывает к черной розе. Недавно бургграф составил новый, весьма сильный яд для погубления тли и теперь осторожно мажет кисточкой места ее скопления. Он так поглощен своим занятием, что несколько мгновений не осознает смысла звуков, летящих над городом. Наконец до него доходит, что это гудит набат. Он поспешно облачается в доспехи, препоясывается мечом и, вскочив на коня, скачет в штаб городской рати.

В городском соборе уже началась неурочная служба. Епископ возносит к Господу молитвы об избавлении города от неведомых язычников. Храм полон молящихся, главным образом женщин и стариков — в такие часы место истинно благочестивого мужчины не в церкви.

С городских стен и холмов взору открывается широкое устье, переходящее в простор залива. По сверкающей глади движутся несколько десятков кораблей. Человеку с острым зрением видно, что на носу у каждого из них возвышается какая-то голова на длинной шее, а на корме — хвост. Мерно шевелятся ряды длинных весел. Кажется, будто приближается стадо чудовищных сороконожек.

Городские фонтаны журчат по-прежнему, в садах громко щебечут птицы. Но никто уже не слышит этих звуков, еще недавно доставлявших столько удовольствия людям, у которых был досуг их слушать.

Воины городской рати спешат проверить оружие и доспехи, тащат на стены метательные орудия и камни. Все горожане, способные носить оружие, отныне составляют ополчение. Каждый отправляется к месту сбора того отряда, к которому приписан.

Городские ворота пока еще распахнуты, в них вливается толпа перепуганных насмерть жителей предместий, которым нападение врагов грозит бедой в первую очередь. Жители гонят скот и подталкивают повозки, нагруженные скарбом. Истощенное мычание коров и жалобное блеяние коз сливаются с плачем детей и рыданиями женщин.

Но вот ворота затворены, мосты, перекинутые через ров, убраны, город замирает в напряженном ожидании.

Викинги пытаются взять город с налету, однако вынуждены отступить с большими потерями. Начинается осада. Она длится несколько дней, не принося осаждающим никакого успеха. Викинги раз за разом храбро бросаются на приступ, но каждый раз их приступ бывает отбит, и они откатываются назад, потеряв много людей.

Жители города отчаянно защищаются. Они засыпают нападающих градом стрел, дротиков и камней. Самое страшное — это камни. От камня, брошенного сверху, не спасает ни шлем, ни кольчуга. А камней в этом городе, как видно, неиссякаемый запас. Да и не мудрено, у них ведь все постройки каменные — в случае чего, можно начать разбирать дома.

Если какому-нибудь ловкачу удастся все же забраться по лестнице на крепостную стену, на него с такой яростью кидаются защитники города, что воин, каким бы доблестным он ни был, в конце концов погибает.

Горожане и во время затишья не оставляют викингов в покое — на стенах города установлены метательные орудия, которые довольно далеко мечут большие камни. После того как горожанам удалось разбить у викингов несколько кораблей, пришлось отвести корабли подальше от города.

Викинги пробуют взобраться на стены ночью, под прикрытием

темноты, но, слышав шум, защитники города бросают со стен горящую просмоленную ветошь и, осветив таким образом поле сражения, берутся за камни.

В расчеты Хастинга не входит долгая осада, подобное занятие не для викингов. Но как быть? Неужто так и уйти ни с чем, оставив «вечный город» неразоренным, не совершив главного подвига жизни? Хастинг велит оставить город в покое, чтобы бранный шум не мешал ему думать, и погружается в размышления. По прошествии нескольких дней удачливого морского конунга осеняет дерзкая мысль.

Глава тридцать восьмая ВЗЯТИЕ ГОРОДА

Дозорные на стенах и башнях неусыпно следят за вражеским станом, примечая малейшее передвижение викингов, любое их приготовление, чтобы очередной приступ не застал горожан врасплох.

Сегодня на глазах у защитников города происходит нечто необычное — от стана викингов отделяются трое и идут прямо к главным воротам. Они безоружны и, вне всякого сомнения, посланы для переговоров.

Их впускают в город. Один из послов, сухощавый, с черной бородой, немного умеет говорить на франкском наречии. В Луне едва ли не каждый третий знает по-франкски, поэтому без труда отыскивается человек, понимающий чернобородого. Посол объясняет, что у них важное дело к владельцам города и к самому главному священнику.

Их препровождают в Большой городской совет. Туда вскоре прибывают бургграф и епископ. Послы сообщают им цель своего посещения.

— Хастинг, конунг датский, — говорят они, — волею судьбы лишившийся престола у себя на родине, и люди, последовавшие за ним в изгнание, низко кланяются вам, владельцам этого прекрасного города. Быть может, вам уже ведомо, что мы, изгнанники из Дании, после долгих блужданий по бурным морям попали наконец в державу франков. Судьба предоставила нам эту страну взамен нашей потерянной отчизны, мы вторглись в нее и после множества кровопролитных битв с франками привели ее в покорность нашему конунгу.

Но когда мы начали там господствовать, мы поняли, что для нас

нет на свете ничего дороже нашей суровой северной родины. И мы, вняв зову смутных надежд, пустились в обратный путь. Однако встречные западные и северные ветры вконец измотали нас, и вот мы, не по своей воле, а по жестокой нужде, оказались на вашем берегу.

Теперь мы просим вас: дайте нам мир, чтобы мы могли запасти продовольствия. Вождь наш тяжело болен, он полагает, что это ваш Бог поразил его за то, что он напал на вас вместо того, чтобы сразу попросить о помощи. Он жаждет принять от вас крещение и спасти свою душу и взывает к вашему милосердию и благочестию и просит о погребении в городе, если успеет принять крещение.

На это епископ и бургграф отвечают:

— Согласны. Заключаем с вами вечный мир и крестим вашего вождя в веру Христову. И дозволяем вам покупать все, что захотите!

И вот заключен мир, на берегу начинается торговля, а также веселое дружелюбное общение, главным образом с помощью знаков, ибо никто не знает языка друг друга. Невесть откуда взявшиеся загорелые светлоглазые воины — щедрые покупатели, они платят, не торгуясь. В их кожаных кошельках, как видно, золота и серебра что камней в окрестностях Луны. Кроме того, у них обветренные мужественные лица. Такие мужчины не могут не привлекать внимания женщин, местные красавицы охотно обмениваются с пришлыми воинами взглядами и улыбками. Среди торгующих и покупателей снуют любопытные мальчишки, особенный их интерес вызывает белобрысый воин такого же, как они, возраста.

Меж тем епископ готовит купель в баптистерии* возле городского собора, освящает воду, велит зажечь свечи. И вот несколько рослых воинов приносят в баптистерий Хастинга, сам он ходить уже не может, да что там ходить, у него едва хватает сил поднимать веки с крашеными ресницами, чтобы видеть епископа и бургграфа, своего крестного отца.

Епископ и бургграф поднимают его из святой купели, и верные воины относят своего новокрещенного вождя на корабль.

На другое утро к городским воротам снова подходят трое послов. Препровожденные к епископу, они сообщают, что их вождь,

---

* Баптистерий — особая постройка для крещения.

датский конунг Хастинг, минувшей ночью скончался. Перед смертью он просил, чтобы его, новокрещенного, похоронили в городе в освященной земле вместе с другими христианами. Он завещал крестному отцу и епископу все свои воинские доспехи, драгоценные украшения и прочее имущество.

— Вот малая частица, — говорят послы, — того, что завещал вам конунг Хастинг.

И, став на колени, кладут к ногам епископа груды драгоценностей. Тут и серебряные сосуды, и золотые шейные гривны, и запястья, усыпанные дорогими камнями. Тронутый благочестивыми устремлениями покойного, а так же великолепием его даров, епископ позволяет предать земле прах северного варвара по христианскому обряду. Чужеземный князь будет погребен в городе, в монастыре святого Маврикия.

Настежь отворяются главные городские ворота. В них втягивается погребальное шествие. Во главе шествия идут несколько воинов, которые несут перед собой мечи и боевые топоры покойного, отделанные золотом и драгоценными камнями, другие несут кольчугу, сверкающий золотом шлем и пурпурный плащ из дорогой заморской ткани. За ними несут открытые ларцы, содержимое их слепит глаза, как будто наполнены они осколками солнца.

Следом за дарами несут на погребальных носилках прах прозревшего язычника. Крики и рыдания оглашают воздух. Зеваки, собравшиеся поглазеть на необычные похороны, могут поклясться, что никогда не слышали столь громкого выражения скорби. Дикие язычники чувствуют горечь утраты, несомненно, острее, нежели благочестивые христиане. Носилки сопровождает свита, состоящая из отборных воинов.

По обе стороны ворот стоят стражники и считают входящих в город. Отсчитав условленное число людей, ворота затворяют.

Сквозь вопли и рыдания едва слышен колокольный звон, созывающий народ в церковь. От городских ворот впереди погребального шествия выступает хор мальчиков со свечами и крестами. Их ангельские голоса тонут в грубых проявлениях варварской скорби. Встречать прах раскаявшегося грешника явилось духовенство в праздничном облачении, градские старейшины со знаками отличия и женщины высшего сословия в турнурных одеждах.

Христиане сменяют язычников у носилок и вносят их в монастырь, где для Хастинга приготовлена могила. Погребальные носилки ставят посреди храма. Бургграф с блестящими от слез глазами кладет в изголовье крестника несколько прекрасных черных роз — впервые его любимицы срезаны с родного куста, но торжественность случая стоит такой жертвы.

Взволнованный епископ служит прощальную мессу. Звучит невидимый как бы небесный хор. Народ благоговейно внимает службе. Меж тем язычники, которых, по-видимому, не слишком трогает христианское богослужение, незаметно растекаются по храму и за его пределы, и скоро их остается в храме совсем немного. Впрочем, поглощенные молитвой люди не обращают на это внимания.

Голос епископа звучит все проникновенней. Господь милостив к тем, кто оставляет пагубные заблуждения и ступает на стезю истины — новообращенный умер, но Господь не позволил смерти обезобразить его красивые черты. Покойник лежит на погребальных носилках, как будто он жив и здоров, его цветущему виду могли бы позавидовать многие из живущих.

Епископ с умилением глядит на обрамленное золотистой бородой лицо, не поддавшееся загару, как это часто бывает у рыжих людей, светлую кожу покойного оттеняют бургграфовы черные розы. Эти сильные руки с золотистыми волосками, которые загубили столько невинных душ, теперь навсегда неподвижно сложены на груди. Но что это? Шевельнулся большой палец правой руки! Нет, показалось...

Наконец месса завершается, епископ велит отнести тело к могиле. Правая рука покойника снова шевелится, сползает с груди и хватает спрятанный под саваном меч. Покойник спрыгивает с носилок, бросается на епископа, в ужас заслонившегося служебником*, и поражает несчастного сверкающим мечом. В следующее мгновение та же участь постигает незадачливого крестного отца.

Часть викингов бросается к дверям, чтобы никто не вышел из церкви, остальные истребляют прихожан. Поглядеть на необычные похороны собралось много жителей города, и, по обычаю, каждый вооруженный, входя в храм, оставил оружие в особом приделе.

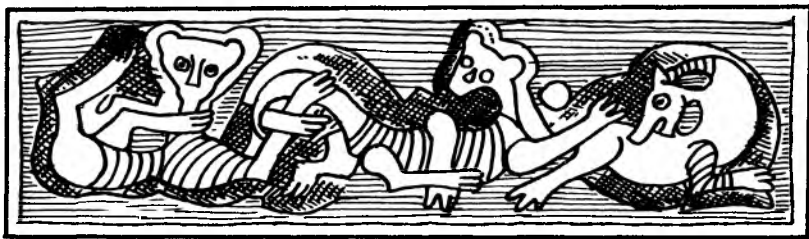
* Служебник — книга, по которой отправляется церковная служба.

Покончив с теми, кто был в церкви, викинги устремляются наружу. Одни из них бегут вниз по улице, ведущей к главным городским воротам, и, изрубив, стражу, отворяют их. Другие начинают убивать всех, кто попадает на глаза.

В городские ворота врываются викинги, они мгновенно наводят город. Застигнутые врасплох, рассредоточенные по стенам воины городской рати и ополченцы не в состоянии дать сколько-нибудь серьезный отпор. То, что происходит в городе, вернее назвать не битвой, а избиением.

Скоро не остается в живых ни одного защитника города. Викинги приступают к грабежу, попутно истребляя жителей. Только женщина, если она молода и красива, может не бояться смерти. Смерть ей не грозит, ее ждет вечная неволя — за нее дадут хорошую цену на одном из рынков, где торгуют людьми.

Глава тридцать девятая КУКША РАССТАЕТСЯ С ВИКИНГАМИ

Сердце Кукши полно ликования — Сван взял его с собой!
Берсерк сказал:

— Это будет великий подвиг. Потомки никогда не забудут тех, кто сегодня разграбит Рим. Ты непременно должен участвовать в таком славном деле.

На этот раз Тюр не стал спорить. И то сказать, ведь Кукша уже взрослый воин, его препоясали мечом больше года тому назад. К тому же Сван прав: не каждый день судьба предоставляет викингу возможность пограбить Рим.

Сам Тюр, поскольку он знает по-франкски, был в числе послов, а потом отправился сопровождать гроб с телом Хастинга.

Кукша и Сван среди тех, кто ворвался в город, когда викинги, хоронившие Хастинга, отворили ворота. Из презрения к этим изнеженным южанам Сван не надел ни шлема, ни кольчуги, а щит закинул на спину. Кукша ни на шаг не отстает от Свана и видит, как берсерк играючи справляется с защитниками города. Он так ловко владеет мечом, что кажется, будто у него в руке не один, а три меча.

Никто не может напасть сзади на рыжего косматого великана в белой рубахе, потому что за ним неотступно следует отрок в сарацинском шлеме с обнаженным мечом. Один горожанин в отчаянии попытался сразить отрока. Несчастный поплатился жизнью — отрок хорошо усвоил уроки, полученные в усадьбе Хальвдана Черного.

Защитников города больше не видать. Сван шарит глазами и никого не находит. А ведь он не успел даже размяться. Сван и Кукша углубляются в глухой немощеный проулок, по обе стороны которого тянутся каменные заборы, увитые виноградом.

Свану кажется, что в таком месте непременно должны скрываться насмерть перепуганные защитники города. Он раздувает ноздри, словно пытается уловить запах врага. Вдруг он подпрыгивает и повисает на оgrade. Через мгновение он уже наверху. Кукша берет за древко копья, и Сван поднимает его к себе, как поднимают бадью из колодца. Они спрыгивают в сад.

Перед ними красивый дом из белого камня с высокими дверями и огромными окнами. Окна и двери распахнуты настежь. Сван с копьем наперевес, а Кукша с обнаженным мечом устремляются в двери. В доме, по-видимому, пусто.

Они бегут вглубь и оказываются в маленьком внутреннем дворе, в который с четырех сторон выходят окна и двери комнат. Дворик вымощен гладким белым камнем, посредине фонтан — огромная беломраморная чаша, и в ней бронзовый голый мальчик. Мальчик держит за шею гуся, а у гуся из разинутого клюва бьет вверх струя воды.

Вдруг Кукше показалось, что до его слуха донесся отдаленный детский плач. Он смотрит на Свана, тот ничего не слышал. «Померилось», — думает Кукша.

В доме мертвая тишина, ее нарушает только журчание фонтана. «Конечно, померилось», — повторяет про себя Кукша. Он с любопытством разглядывает хорошенького полнотелого мальчика и красивых рыбок, плавающих в мраморной чаше фонтана.

Тем временем Сван, отдав Кукше копье — оно слишком длинное, с ним неудобно в помещении, — идет осматривать покои, не притаился ли в них кто-нибудь.

Кукша слышит оклик Свана и, пройдя через покои, оказывается у окон, из которых видна зеленая лужайка с дорожками, выложенными белым камнем, а за нею заросли кустарника, усыпанного большими красными цветами. Глядя на кустарник, Сван говорит:

— По-моему, там кто-то прячется.

Кукша тоже так думает, он даже уверен в этом, он чувствует, что оттуда тянет запахом, который ни с чем не спутаешь: так пахнет испарина страха. Кукша молчит. Ему почему-то не хочется подтверждать догадку Свана.

И вот они оба явственно слышат плач ребенка. Сван выскакивает в окно и мчится к кустам. Кукша поспешает за ним, он немного

отстает, потому что тащит тяжелое копьё. Они останавливаются, напряженно вглядываясь в заросли и прислушиваясь. Плач не повторяется. Вдруг Сван срывается с места, бросается в кусты и с хохотом возвращается, держа за ногу ревущего младенца.

За Сваном бежит худощавая черноволосая женщина в белом одеянии. Она протягивает руки, пытаясь отнять младенца, и быстро-быстро что-то говорит на непонятном языке. Сван берет копьё из рук оторопевшего Кукши и высоко подбрасывает младенца.

Душераздирающий визг оглушает Кукшу. Женщина с перекошенным ненавистью лицом, хищно согнув пальцы, как кошка прыгает на Свана, намереваясь вцепиться ему в лицо. Сван отбрасывает ее ногой и обнажает меч. Кукша видит, как женщина падает спиной на бронзовые кувшины. Сван делает шаг к женщине, распростертой на белых четырехугольных плитах. Неожиданно для самого себя чужим голосом Кукша кричит:

— Стой!

Сван останавливается и с недоумением оборачивается к Кукше. Глаза его налиты кровью, Сван похож на разъяренного быка. Кукша даже не заметил, как занес меч. Обими руками изо всех сил опускает он меч на то место, где под рыжей гривой должна быть могучая бычья шея.

Тем временем в городе начинается грабеж. Здесь немало золота и серебра, шелка и бархата, вина и масла. Самые большие сокровища вывозят из собора, там обнаружили изобилие драгоценной церковной утвари.

Викинги общаривают и богатые дома и жалкие лачуги, церкви и кладбищенские склепы, грузят тяжелую кладь на ослов, которых много бродит по городу, и возят добро на корабли.

Хастинг велит ловить жителей, оставшихся в живых и приводить к нему. Он требует, чтобы ему указали дворец папы римского, наместника распятого Бога на земле. Хастингу отвечают, что дворец папы римского находится в Риме.

— А разве это не Рим? — спрашивает Хастинг.

— Нет, — отвечают ему, — это Луна.

Полагая, что над ним издеваются, Хастинг в бешенстве рассекает мечом очередного насмешника.

Однако в конце концов ему приходится поверить, что он находится не в Риме, а совсем в другом городе. Луне далеко до Рима, говорят Хастингу, Рим в тысячу раз больше и богаче нашей Луны!

Ярость вождя викингов не знает предела. Хастинг велит перебить всех жителей, какие еще только остались в этой проклятой Луне, а по вывозе добра разрушить и сжечь все, что возможно. Покончив же с городом, истребить все живое на милю* вокруг.

Викинги опытни в делах разрушения, они знают, что надо на-тащить в здания побольше соломы, дров и смолы. Когда огонь разгорается, в помещении становится жарко, как в огромной печи. Деревянные перекрытия сгорают, рушатся потолки и кровли. Иной раз помещение накаляется так сильно, что трескаются даже прочные каменные своды.

Но всего этого Кукша уже не видит. Зарубив Свана, он выходит из проулка на большую улицу и бредет к городским воротам. Город кишит викингами. Попадаютъ знакомые лица. Сперва Кукше кажется, что каждый встречный догадывается, что он убил Свана. Сейчас кто-нибудь ткнет в него пальцем и крикнет:

— Кукша убил Свана!

Однако скоро он убеждается, что никому до него нет дела, а если кто-нибудь замечает и узнает его, то приветливо подмигивает и спешит осматривать очередной дом или нагружать на осла имущество.

Кукша выходит из города и спускается к реке. Он чувствует такую усталость, будто на нем возили камни. Как во сне, он сталкивает в воду лодку и прыгает в нее. Он не знает, куда он поплывет. Это неважно. Важно, что кровожадный Сван, обидчик рода домовичей, лежит на дорожке, выложенной четырехугольными белыми камнями, обagrив своей кровью чужую землю. Кукша выполнил свой долг, который тяготел над ним и о котором он, к стыду своему, почти забыл.

С викингами его ничто больше не связывает.

Река увлекает лодку вниз, к морю. В устье возле левого берега стоят корабли. На одном из них в корабельном сундучке спрятана Кукшина доля добычи, захваченной викингами в разных местах. Кукша опасается, как бы сторожа с кораблей не заметили его, поэто-

---

* Норвежская миля — 10 км.

му он на всякий случай ложится на дно лодки — пусть думают, что течение несет пустую лодку.

Кукша лежит на спине и глядит в небо. Такого синего неба не увидишь на Домовичах. Кукша не знает, что с ним будет дальше, и не думает об этом.

Постепенно им овладевает блаженство, какого он никогда прежде не испытывал. Он сознает, что течение уносит его в открытое море, но не в силах пошевелиться и нарушить сладостное оцепенение. Наконец он чувствует, как челнок начинает медленно подниматься и опускаться. Это дышит море. Сегодня оно спокойное и безмятежное, оно ласково баюкает маленького Кукшу в своих огромных объятиях, и он сладко засыпает.

Глава первая ЦАРЬГРАД

Великий, счастливый, царственный город! Каких только имен не носил он на протяжении своей долгой жизни — Византий, Константинополь, Царьград, Миклагард! И кто поручится, что не было других, не удержавшихся в памяти людской? Никому не ведомо, когда возник он на холмистом мысу, с двух сторон защищаемый морем.

С юга его омывает Пропонтида*, в темно-синих волнах которой пляшут по воле ветра паруса, с северо-востока его отделяет от суши залив Золотой Рог с сотнями, а может быть, тысячами мачт, выстроившихся вдоль единой, во всю длину залива пристани.

Суда с вытасченными на берег носами отдыхают здесь после опасных странствий, где их трепали страшные морские бури и подстерегали свирепые морские разбойники.

В тихую погоду, когда спит морской прибой, из города доносится шум другого прибоя — это тысячи людских голосов, скрип повозок, вопли ослов, стук молотов в кузницах, слитые в единый гул. В зависимости от направления ветра гул то становится тише, то вновь нарастает.

* Предморье.

Еще издалека взору путника предстает прекраснейший город Вселенной, раскинувшийся на семи холмах, окруженный грозными стенами небывалой высоты и толщины. По склонам холмов лепится бесчисленное множество подпернутых голубой дымкой домов, там и сям сверкают белизной огромные дворцы, утопающие в зелени, и над всем этим великолепием царят синие и золотые купола знаменитых царьградских церквей.

Не мудрено, что пресвятая Богородица, заступница рода человеческого, оказывает великому городу особое покровительство и неизменно приходит ему на помощь в случае нападения врагов.

Восхищенный путник, впервые увидевший Царьград, думает: «Вот он, город, который называют счастливым, поскорей бы войти в него, ведь это, наверно, все равно, что войти в Царство Небесное!»

Впрочем, Кукша ни о чем таком не думал, когда его с несколькими десятками других рабов расковали и вывели из трюма сарацинского судна, причалившего к пристани в бухте Золотой Рог.

Прошло несколько дней отдыха на подворье за пределами царьградских стен, когда невольников хорошо кормили и ничего не заставляли делать, и вот Кукша стоит голый на невысоком помосте в крытой галерее рядом с товарищами по несчастью.

Здесь невольничий рынок. Вдоль помоста лениво похаживают разомлевшие от жары люди, большей частью немолодые мужчины. Это покупатели. Время от времени кто-нибудь из них останавливается, разглядывает невольника и бредет дальше. Рабов нынче в Царьград привозят много, поэтому покупатели не спешат истратить свои деньги, придирчиво копаются в живом товаре.

Иные поднимаются на помост, щупают мышцы у несчастных, покорно ожидающих своей участи, задирают им губы, заставляют разевать рот.

Зубы осматривают особенно внимательно, ибо качество зубов — один из главных признаков здоровья.

Покупатель, сделавший выбор, подходит к хозяину товара — чернолицему сарацину* в белоснежном бурнусе. Кукша догадывается, что начинается торг, хотя и не понимает ни слова. Покупатель горячится, кричит, а невозмутимый сарацин сверкает в ответ

---

* Сарацинами жители Европы называли мусульман, главным образом арабов.

белозубой добродушной улыбкой. Наконец торг завершается, покупатель отсчитывает деньги и знаком приглашает купленного раба следовать за ним.

Торговец невольниками считает Кукшу немым. Корсиканские сарацины, приезжавшие с партией рабов в Сицилию, уступили ему отрока за бесценок, честно объявив о его недостатке. У торговца не было повода изменить свое мнение на этот счет, и он тоже не спрашивает высокую цену за белоголового невольника. К тому же невольник очень молод и, по-видимому, ничего не умеет делать. Все его достоинство заключается лишь в крепком здоровье.

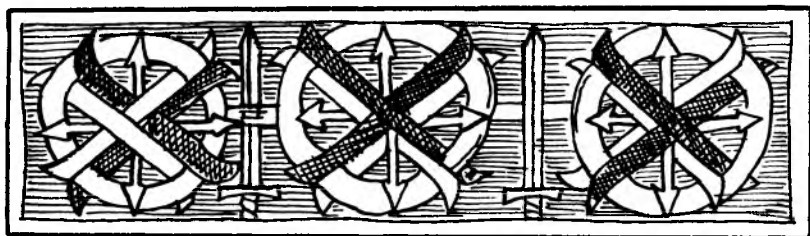
Если бы в Большом царском дворце знали, что на одном из невольничьих рынков Царьграда продается храбрый и искусный воин с севера, его бы не замедлили выкупить, ибо царскую гвардию набирают большей частью из иноземцев варварского происхождения — хазар и выходцев из Тавроскифии — так жители Византийской империи называют Русь. Чернолицый сарацин неплохо заработал бы на немом отроке.

Но ни во дворце, ни на рынке никто ничего такого не знает, поэтому сарацин получает за невольника всего пять номисм*. Кукшу уводит с рынка тощий старичок с маленькой лысой головой, похожей на высушенную головку мака. Выходя на солнце из-под навеса, старичок надевает шляпу с широкими обвислыми полями и становится похожим на гриб поганку, каких много растет на родине Кукши в сырых лединах и ельниках. Впрочем, старик кажется добродушным.

Царьград ошеломляет Кукшу шумом и многолюдством. Ему и в голову не приходило, что может быть собрано столько народу в одном месте. Он идет со стариком, который держит его за руку, чтобы не потерялся, и озирается по сторонам. Глаза и уши его почти не различают ничего в отдельности — ни людей, ни животных, ни голосов, все сливается в один пестрый хоровод красок и звуков, от которого голова кружится, как от хмельного меда.

---

* Номисма — византийская золотая монета, обычно с изображением правящего императора.

Глава вторая СВЕЧНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Как боялся Кукша когда-то, что варяги продадут его в рабство! Тогда эта доля миновала его. Однако он сделался рабом, едва успев выполнить долг кровной мести. Может быть, рабская доля — возмездие за то, что он медлил с выполнением долга?

Хозяина Кукши зовут Епифаном. Он свечник. Неподалеку от храма святой Софии он снимает помещение, где у него лавка и мастерская. Епифан небогат, в его мастерской работают трое — двое рабов и один наемник. Недавно у него умер старый раб, и ему пришлось раскошелиться на нового.

Кукша, его напарник сириец Антиох и наемник Димитрий делают одну и ту же работу, только в обязанности наемника входит еще надзирать за Кукшей и Антиохом. Целыми днями они изготавливают сальные свечи. К батожкам, аршинным гладко струганным палочкам, привязывают слабо скрученные пеньковые светильни, по полтора десятка на батожок. Подготовив дюжину батожков, их кладут в макальню, в которую налито горячее сало: надо, чтобы светильни утонули в нем и как следует пропитались.

Погодя батожки вынимают и, расправив светильни, кладут концами на особые подставки, под которыми стоит корыто для стекающего сала. Когда сало в макальне охладится и начнет застывать возле краев, в него снова окунают пропитанные и уже затвердевшие светильни. Окунув, очередной батажок кладут на подставки и берут следующий. Так раз за разом, слой за слоем на светильнях нарастает сало, пока они не превращаются в свечи. Нижние, слишком длинные и заостренные концы обрезают о нагретый над жаровней лист меди, и свечи готовы.

Дни идут, похожие друг на друга, как готовые свечи. Рано утром Антиох будит Кукшу. Кукша раздувает огонь под котелком с водой. Сейчас они будут завтракать. На завтрак полагается ячменная или кукурузная лепешка с кружкой кипятку. Антиох тем временем разводит огонь под котлами с салом, сало будет растопляться, пока они едят. Приходит Димитрий, он строго следит, чтобы рабы не сидели за едой слишком долго.

Если хочешь, можешь намазать сала на лепешку, это не возбраняется. К сожалению, оно частенько бывает тронутым и пованивает, так что Кукша не решается взять сала, боясь испортить лепешку. Однако Антиоха запах несколько не смущает, он благодушно обнажает два желтых зуба, его улыбка как бы говорит: «Ничего, привыкнешь!»

В середине дня обед. Он состоит из чечевичной или фасолевой похлебки и нескольких сушеных рыбок. Справедливости ради следует сказать, что хозяин не скупится на попорченные плоды и овощи, благо плоды и овощи, даже самые лучшие, в Царьграде баснословно дешевы. В праздник к обычному обеду добавляется горсть изюма на брата и немного прогорклого оливкового масла. На ужин снова миска похлебки.

Жизнь кажется Кукше невыносимой. Самое ужасное — однообразие и безысходность. Сегодня то же, что вчера, завтра то же, что сегодня. И так будет всегда. Неужто с этим можно смириться? Единственное, что у него теперь осталось — это наступающая после каждого дня ночь. Измученный Кукша добирается до тростниковой циновки в углу и сразу засыпает.

Сон — это не только отдых, это побег на волю. Ведь ему пока еще снятся картины, большей частью далекие от его нынешнего существования. Сны переносят его в усадьбу Хальвдана Черного, где царит смешливая Сигню, и в какие-то непостижимые края, в образе которых смешиваются черты виденных в походах стран.

Но чаще всего он видит свои Домовичи, а себя в Домовичах — снова маленьким. Его окружают родные лица, еще жив отец, живы даже дедушка с бабушкой. Сам он маленький, а кругом — большие, все его любят, и ничего плохого с ним случиться не может, если надо, его защитят и утешат.

Иногда ему снится буря — над ним встает насквозь просвечен-

ная солнцем волна, которая вот-вот поглотит его, и спасения нет. Но бывают сны и пострашнее. Вот он сопровождает Свана, он понимает, что должен как можно скорее зарубить варяга, иначе конец. Он пытается обеими руками поднять меч, но руки его внезапно слабеют, и он никак не может вернуть им силу. Сван со смехом оборачивается, и... Кукшу спасает Антиох, который будит его, проснувшись от его задушенного крика.

Если бы Кукшу спросили, давно ли он в Царьграде, ему трудно было бы ответить. Он помнит, что, когда он уплыл от викингов и его выловили в море сарацины, была весна, а до этого он зимовал с викингами в южных пределах франкской земли. Но сколько времени прошло с тех пор — полгода, год или два, — он не мог бы сказать. Несколько раз как будто принималась осень, лили холодные дожди, даже выпадал снег, но проглядывало солнце, снег быстро стаявал, и до зимы дело, кажется, так ни разу и не дошло.

Мало-помалу Кукша осваивает греческую речь. Его учит разговорчивый Антиох, лишившийся собеседника, когда умер предшественник Кукши. Антиох, которого никто не предупреждал, что новый раб — немой, попытался заговорить с ним. Убедившись, что отрок его не понимает, старый раб ткнул себя в грудь пальцем и сказал:

— Антиох!

Кукша тоже ткнул в себя пальцем и сказал:

— Кукша!

Свечник Епифан, узнав, что у молодого раба нет того изъяна, из-за которого торговец невольниками продал его столь дешево, очень обрадовался и велел Димитрию и Антиоху учить его греческому языку. Однако к отроку так и прилипла кличка «Немой», и никто не называет его иначе, даже Антиох, слыхавший его настоящее имя.

Димитрий доволен, что болтливый Атиох избавил его от обязанности учить человеческой речи нового раба. Раб ему не нравится. Димитрию чудится в нем что-то неукротимо звериное. Взгляд юного варвара не назовешь кротким или покорным. Проклятый дикарь никогда не опускает глаз перед своим начальником!

Сказать по правде, Димитрий — человек маленький, живет он со своей семьей в великой бедности и всю жизнь терпит унижения от сильных мира сего. Но именно поэтому ему так нужно хоть над кем-то чувствовать себя господином. Хоть над этим жалким рабом по

ключке Немой. Однако он не чувствует себя господином! Более того, он должен со стыдом признаться самому себе, что даже побаивается Немого. Да, да, побаивается, несмотря на свою власть над ним.

Это бесит Димитрия. Ему необходимо утвердить свое господство. Он должен что-то сделать, например, вытянуть Немого батожком вдоль спины. Но Димитрий не решается на такое действие без повода, потому что тогда он не ударит достаточно уверенно и только испортит все дело. А повода проклятый варвар не дает — к работе его не придерешься, он легко перенимает навыки опытного Антиоха. Глядя на него, можно подумать, что он всю свою жизнь делал сальные свечи. Димитрий придирчиво наблюдает за работой молодого раба, ожидая, когда тот наконец допустит оплошность. Вскоре наблюдение превращается в настоящую охоту.

Глава третья СКИФ*

Когда Димитрия нет поблизости, Антиох рассказывает Кукше всякие ужасы о жизни рабов в Царьграде.

— Хозяин, — говорит Антиох, — если захочет, может уморить раба голодом и холодом, может избить и убить его. Тут неподалеку дом одного богатого вельможи, так этот самый вельможа мучает своих рабов голодом и жаждой, зимой не дает им теплой одежды, и бедняги страдают от стужи. Он постоянно и за дело, и без дела, избивает их плетью и всячески издевается над ними. Впрочем, бывают вещи и похуже, — продолжает Антиох, озираясь по сторонам и понижая голос, — я слышал от людей, что жена одного знатного сановника отрезала языки рабам, а потом и их самих велела разрезать на куски и бросить в море за то, что они донесли мужу о ее неверности. А еще был такой случай: раб из богатого дома потерял дорогую чашу и сам бросился в море, боясь пыток.

Ничего подобного не слыхивал Кукша в усадьбе Хальвдана Черного. И там, конечно, рабство не мед. Кукша помнит, как, глядя на рабов, он всегда радовался, что сам он не раб. Но жизнь царьградских рабов еще тяжелее.

Антиох рассказывает все новые и новые истории. Его память хранит неиссякаемый запас всяческих случаев, один другого страшнее. В голове Кукши они постепенно сплетаются в один безысходный клубок страданий, без начал и концов. Кукша прерывает Антиоха и спрашивает, не бывает ли так, чтобы кто-нибудь из рабов убежал, и Антиох говорит:

---

* В Византии наших предков называли тавроскифами или скифами.

— Иногда кто-нибудь не выдержит и убежит. Но это безнадежно, по всем дорогам вокруг Царьграда ходят особые отряды стражников, их дело ловить беглых рабов. Стражники жестоко истязают пойманных и препровождают их в темницы. Там руки и ноги беглецов забивают в колодки, несчастные мучаются, потому что не могут пошевелиться. По возвращении к хозяину их ждет новая расправа. А жаловаться раб может только Богу, на земле у него нет заступника.

По словам Антиоха, Кукша должен радоваться, ему повезло, что он попал к Епифану. Епифан — хороший хозяин, у него рабы всегда едят досыта. Он благочестивый, богобоязненный человек, усердно читает «Жития святых» и никогда не лишает своих рабов положенных им свободных дней. Таких дней в году три — это праздники Пасха, Вознесение и Пятидесятница. Епифан не заставлял в эти дни работать даже Скифа, хотя тот был некрещеный.

Кто такой Скиф? Это умерший раб, Кукшин предшественник. Скиф — это, собственно, не имя, его так называли потому, что он происходил из скифских племен. Родом он был откуда-то с севера и рассказывал, будто у них там чуть ли не полгода лежит снег.

Антиох говорит, что Скиф обликом был похож на Кукшу — такой же белобрысый и светлоглазый. Кто знает, может быть, Кукша и Скиф — земляки. Скиф, подобно Кукше, попал в рабство совсем молодым. Он рассказывал, что люди у него на родине, даже одного языка, часто нападают друг на друга ради добычи, особенно ради пленных, которых продают купцам. Купцы же везут пленных на продажу к сарацинам или христианам. В один из таких набегов Скифа взяли в плен, и он попал в рабство в Царьград.

Сначала Скиф сильно тосковал по родине, даже отказался принять святое крещение, надеясь, что его боги, если он будет им верен, вызволят его из неволи. Годы шли, а Скиф все оставался рабом, видно, власть его богов не простиралась на Царьград. Со временем Скиф забыл и имена этих богов, и свое собственное имя, и родной язык.

— И ты забудешь, — говорит Антиох Кукше. Он улыбается, но большие черные глаза его остаются печальными. Он часто улыбается: приветливо Кукше, подобострастно Димитрию. — В конце концов, продолжает Антиох, — Скиф перестал мечтать о возвращении

на родину. Умер он возле котла с растопленным салом. Выронил черпак, ткнул носом в пол и умер. И мы с тобой так умрем.

Антиох уверен, что тех, кто обездолен на этом свете, на том ждет вечное блаженство. Как же иначе? Ведь не может же Бог допустить такой несправедливости, чтобы человеку и при жизни страдать и после смерти мучиться! Сын Божий сказал: те, что на этом свете были последними, на том станут первыми. В праздники Антиох ходит в церковь и возвращается просветленный, будто уже побывал на том свете. Кукше тоже хочется в церковь, но он некрещеный.

Разговорчивый Антиох охотно рассказывает все, что знает сам, и Кукша узнает от старика много нового. Оказывается, Сын Божий, Иисус Христос, чью слабость высмеивали викинги, был распят на кресте вовсе не из-за слабости, а нарочно принес себя в жертву, чтобы умиловать Бога-отца, перед которым люди тяжело провинились. Они так сильно оскорбили Его, что их невозможно было простить без очень большой жертвы. Прежде люди всегда отдавали Богу лучших быков и баранов, но это были слишком пустяковые жертвы для искупления их грехов. Поэтому Сын Божий и принес в жертву Отцу самое дорогое для Него — Себя.

Кукша не уверен, что люди стоят такой жертвы, однако ему по сердцу великодушный Сын Божий, добровольно пошедший на муку. Мужества у него ничуть не меньше, чем у самого доблестного викинга, только оно у него другое. И еще Кукше нравится, что Христос учил богатых быть добрыми к бедным, а сильных — милостивыми к слабым. Кукше кажется, что он и сам всегда так думал, только не мог сказать этого словами. Правда, ему трудно понять, почему он должен подставить правую щеку, если его ударят по левой. Он привык думать, что на удар всегда следует отвечать ударом.

Коли в Царьграде любой человек, даже раб, как говорит Антиох, может принять святое крещение, Кукша хотел бы это сделать, и как можно скорее. Несомненно, здешний Бог могущественнее его родных богов, раз ему поклоняется столько народу.

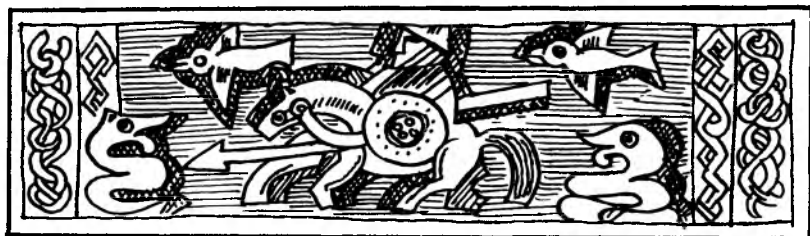
Может быть, этот Бог, который столь добр и могуществен, поможет Кукше вернуться на родину! Кукша день и ночь будет молить Его об этом и станет всегда поступать так, как Он велит!

Ясно, что Скиф зря отказался от крещения, Кукша не повторит его ошибки.

Но здесь, в Царьграде, дело обстоит иначе, чем в стране франков, где император крестил викингов, как только они его об этом просили, здесь к крещению нужно долго готовиться, знакомясь с христианским учением. Такая подготовка называется оглашением и длится не менее двух лет.

Кукше, поскольку он раб, надо обратиться со своим делом к хозяину. Нет, Кукиша может не бояться отказа, это единственное, в чем не отказывают даже рабу.

Глава четвертая

СТОЛКНОВЕНИЕ С ДИМИТРИЕМ

По соседству с лавкой Епифана находится мастерская, где делают восковые свечи. Оттуда доносится благоухание воска, и Кукше чудится, будто он в родных Домовичах после сбора лесного меда. Погрузившись в воспоминания, он не замечает, что на него смотрит Димитрий. Наемник уже давно обнаружил у Немого странную черту — иногда Немой работает, явно не сознавая этого. По выражению его лица видно, что он где-то за тридевять земель отсюда, а здесь только его руки, выполняющие привычную работу. До сих пор руки не подводили раба, но вечно так продолжаться не может, когда-нибудь он обязательно допустит оплошность. Особенно если этому помочь. Димитрий наливает в макальную слишком остывшего сала и замирает в ожидании.

Да, Кукша сейчас не здесь, он за околицей родной деревни у костра, сложенного из ольховых и березовых дров, он помогает бортникам, добытчикам лесного меда, среди которых и его отец. Бортники сваливают в котел опорожненные соты, растапливают их и выливают воск в особые низкие посудины. Когда он остывает, его выколачивают из посудин, и получаются круги воска, за которые хорошо платят заезжие купцы. Надо заботиться, чтобы воск в котел попадал чистый и не пригорал — пригоревший стоит в несколько раз дешевле.

Кукша не замечает, что за ним внимательно следит Димитрий, не замечает, что сало в макальне слишком холодное и пристаёт к свечам комками. Он спокойно окунает свечи в макальную и вешает их на подставки, батажок за батажком.

В Домовичах никто никогда не спрашивал купцов, куда поедет

домовичский воск. Кому какое дело? А здесь в мастерской, изготавливающей восковые свечи, Кукша часто видит точно такие же круги, как те, что отливают в Домовичах. Кто знает, может быть, они оттуда и привезены?

На подставках все больше неровных свечей. Димитрий напрягается, как кошка, выслеживающая мышь. Близок час его торжества! Проклятый раб заплатит ему за все!

Кукша меж тем начинает обрезать готовые свечи о горячий лист меди. Запах воска будит тоску о доме и мысли о побеге. Но куда бежать? Ведь он даже не знает, в какой стороне его родина. Судя по царьградскому солнцу, можно догадываться, что она лежит на север от Царьграда. Впрочем, даже если бы он и знал туда дорогу, все равно у него ничего не вышло бы, ведь, как говорит Антиох, на всех дорогах полно стражников. Нет, о побеге нечего и думать. Недаром его здесь никто не стережет.

— Где были твои глаза, скотина? — вдруг слышит Кукша. Голос Димитрия исполнен негодования. Как же, ведь на подставке полно некрасивых свечей, за которые хозяин его не похвалит!

От неожиданности Кукша вздрагивает, батажок, покрытый застывшим салом, выскальзывает у него из рук, свечи падают на горячую медь и мгновенно оплавляются почти наполовину. Кукша проворно поднимает уроненный батажок, но поздно — полтора десятка свечей пропали.

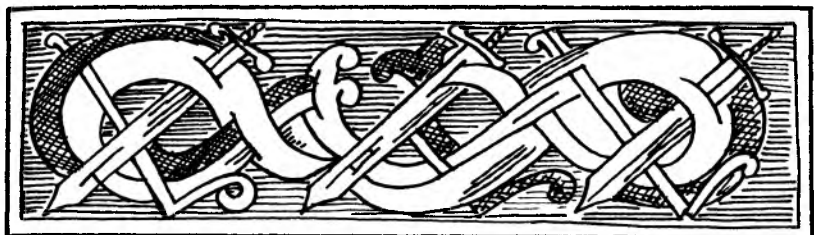
Димитрий тут как тут. Он вырывает у Кукши из рук батажок, переводит гневный взгляд с испорченных свечей на Кукшу. Его душит праведный гнев, он размахивается и бьет Кукшу по лицу связкой горячих оплавленных свечей. Кукша не успевает защититься, удар обжигает ему щеку, левую щеку.

Если верить Антиоху, Кукша должен теперь подставить правую. Но на это он еще не способен, он готов сделать многое из того, что велит распятый Бог, только не это. Наверно, сейчас он навсегда лишится Его помощи, и не видать ему родины, как своих ушей. Что подлаешь, значит, не судьба!

Кукша выхватывает из котла с салом медный черпак на длинной деревянной ручке. Димитрий испуганно следит за его действиями. Кукше плевать, что перед ним, рабом, свободный, полноправный гражданин Византийской империи. Хоть бы это был хозяин Епифан

или даже сам царь, все равно он получил бы свое! Димитрий закрывает голову, и удар приходится на руки. Удар столь силен, что Димитрий со стоном валится наземь.

Кукше не известно, что делают в Царьграде с рабами, поднявшими руку на свободного. Антиох ему про это никогда не рассказывал. Но если бы Кукша взглянул сейчас на Антиоха, он увидел бы ужас в глазах старого раба, увидел бы, что Антиоха бьет дрожь, что старик пытается что-то сказать и не может. По всему этому Кукша мог бы заключить, что ему нечего ждать пощады. Однако он ничего не видит. Ноздри у него раздуваются, как у загнанного коня. Пощады он, впрочем, и не ждет. Помешкав мгновение, он швыряет черпак и бросается на улицу в пеструю шумную толпу.

Глава пятая РЯБОЙ

Уже много дней Кукша бродит по городу, не решаясь ни с кем заговорить и не отвечая, если к нему обращаются. Ночует он то в нише какого-нибудь здания, то в углу крытого портика вместе с городскими оборванцами или бродячими псами, которые увеличивают собой несметные толпы царьградских нищих. Он предпочитает улицы, расположенные подальше от храма святой Софии, там лавка Епифана, там он скорее наткнется на кого-нибудь, кто его знает. Но и вдали от святой Софии ему постоянно мерещится, будто кто-то смотрит на него чересчур внимательно.

На узких царьградских улицах тесно стоят двух- и трехэтажные дома. Стремясь выгадать место, их строят так, что этажи выступают один над другим и повсюду над улицей нависают закрытые балконы с непременными боковыми окнами. На подоконниках стоят вазы с цветами, из-за цветов целыми днями на улицу глазуют любопытные. Кукшу путают эти праздные взгляды, ему все чудится, что из окон глядят неспроста.

Малолюдные улицы и переулки кажутся Кукше более безопасными, но, чтобы раздобыть еды, он вынужден толкаться на самых шумных улицах и площадях.

Он никогда в жизни не попрошайничал и не крал, поэтому, несмотря на голод, ему не приходит на ум попросить или украсть. Он подбирает выброшенные торговцами гнилые плоды или овощи, и это его единственная пища.

Когда Кукша проходит мимо пекарен, голову ему кружит горячий хлебный дух. Из харчевен доносится нестерпимый запах жареного мяса. Зеленные лавки завалены соблазнительными плодами.

Прямо под открытым небом торговцы жарят рыбу — пищу царьградских бедняков.

Кукша останавливается посмотреть, как жарят рыбу, все равно спешить ему некуда. На большой сковороде кипит оливковое масло, в него, издавая страшное шипение, шлепаются свежие голубоватые рыбины. Когда они подрумянятся с одного бока, торговец с небрежной ловкостью переворачивает их на другой.

По улице, шатаясь и петляя, идет пьяный. Когда он проходит мимо торговца рыбой, его вдруг неудержимо влечет на таганок. Торговец не успевает оттолкнуть пьяницу, сковорода опрокидывается и несколько рыб падают на землю.

Торговец накидывается на пьяницу с кулаками. Пьяница не остается в долгу. Между ними завязывается драка. Возле дерущихся сразу собирается толпа любителей даровых развлечений. Зрители хохочут, дают советы, подбадривая то одну, то другую сторону — словом, получают от зрелища полное удовольствие.

Кукша глядит на золотисто-коричневую рыбину, лежащую на земле. Сердце в груди у него колотится так, что он слышит его удары. Ему и невдомек, что за ним наблюдает здоровенный детина с рябым лицом.

«Раз она извалялась в земле, ее уже никто не купит, значит, все равно она пропащая», — думает Кукша, но никак не может решиться взять рыбу. «Ну, бери, бери, — понукает он себя, — ведь драка кончится, и тогда будет поздно».

Кукша воровато озирается по сторонам, Рябой делает вид, будто поглощен дракой. Убедившись, что на него никто не смотрит, Кукша нагибается, хватает рыбу и пускается бежать. Вскоре он сворачивает в узенький крытый переулок, настолько темный, что даже днем его освещают фонари, в которых горят масляные плошки. Кукша забивается под деревянную лестницу, идущую снаружи дома, и набрасывается на еду. Вдруг он слышит, как рядом с ним кто-то произносит:

— Хорошо ли поджарилась рыбка, дружок?

Перед Кукшей, загораживая ему дорогу к бегству, опускается на корточки огромный человек. В тусклом свете Кукша видит большое рябое лицо, косматую бороду и густые черные брови. Судя по одежде, этот человек — нищий, один из бесчисленного множества нищих, наводняющих Царьград.

— Дай-ка ее сюда!

Рябой протягивает руку к рыбе. Кукша невольно прячет рыбу за спину. Рябой со вздохом опускает руку. Кукша видит на его лице улыбку.

— Нехорошо поступаешь, — укоризненно говорит Рябой. — Украл у меня рыбину и не отдаешь.

— Я не крал, — выдавливает из себя Кукша. Это первые слова, которые он произнес с тех пор, как убежал из мастерской.

— Где же ты ее взял?

— Нашел.

— Где нашел?

— На земле.

— А как она там очутилась?

— Упала.

— А почему упала?

— Прохожий повалил таганок.

— Верно. А зачем он его повалил?

— Он пьяный.

— Вот это ты врешь, — склбится Рябой. — Он не пьяней тебя, он твой сообщник. Он только притворился пьяным. Я видел, как вы с ним сговаривались, что он опрокинет сковороду и затеет драку, а ты тем временем украдешь рыбу.

Эта ложь поражает Кукшу, он не находит, что возразить, и изумленно таращит глаза на Рябого.

— Отдавай рыбу или я кликну стражников!

При упоминании о стражниках Кукша съеживается. Он протягивает рыбу Рябому. Пусть берет, пусть подавится, только бы поскорей проваливал.

— Вот так-то лучше! — замечает Рябой, беря рыбу.

Однако он и не думает уходить. Он счищает землю с рыбы, а потом неторопливо ест, выплевывая кости к Кукшиним ногам. При этом он поглядывает на Кукшу. Наконец он спрашивает:

— Ты кто?

Кукша молчит, глядя в землю.

— Молчишь? — говорит Рябой. — То-то! А я знаю, кто ты.

У Кукши сжимается сердце, он напрягается, словно ожидая удара.

— Да, знаю, — продолжает Рябой. Он умолкает, глядя в упор на Кукшу, и вдруг выпаливает: — Ты беглый раб!

«Погиб!» — думает Кукша. В голове молнией вспыхивает мысль — оттолкнуть Рябого и бежать. Так он и делает. Но он слишком ослаб за время голодных скитаний по Царьграду. Рябой вцепляется в него мертвой хваткой. Кукша скоро понимает, что ему не вырваться из рук этого здоровенного оборванца, он готов заплакать от мучительного чувства бессилия. Его вдруг охватила такая слабость, что даже начало клонить в сон.

Убедившись, что Кукша оставил попытки вырваться, Рябой выпускает его из рук и толкает на прежнее место. Словно в полудреме, Кукша вяло думает, что Рябой сейчас кликнет стражу и его, Кукшу, потащат в темницу. Там его забьют в колодки, как рассказывал Антиох, будут долго мучить, а потом казнят. Конечно, казнят. Ведь он не просто убежал — он ударил свободного!

Неужели где-то на свете есть деревня Домовичи, в которой постоянно слышен шум порога, в которой есть матушка, чья одежда пахнет коровьим молоком, навозом и дымом, и нет стражников, колодок и темниц?

Однако Рябой не спешит звать стражу. Он доволен, что его догадка подтвердилась, с торжеством в голосе он сообщает Кукше:

— Я даже понял, откуда ты родом, по твоей белобрысой морде. А когда услышал, как ты говоришь, у меня и сомнений не осталось.

Рябой поднимает рыбий хвост, безнадежно извивавшийся в земле, и, повертев, кидает его на колени Кукше.

— На, ешь! Радуйся, что я сегодня добрый!

Кукша обглаживает рыбий хвост и тщетно пытается сообразить, что надо от него Рябому? Если он не собирается сдавать Кукшу страже, то почему не уходит? А Рябой ковыряет в зубах и, словно подслушав Кукшины мысли, говорит:

— Надо бы тебя сдать страже. Да уж больно я сегодня добрый. Сам не знаю, что на меня нашло.

У Кукши отлегло от сердца. Рябой меж тем продолжает:

— Предлагаю тебе хорошее дело — быть моим рабом. Согласен?

Кукша молчит.

— Если станешь мне служить, я не донесу на тебя. А не станешь — донесу. Так станешь?

Кукша поспешно кивает.

— Пойдем, — говорит Рябой, поднимаясь. — Отныне я твой господин. Только не вздумай убежать. Убежишь — плохо твое дело. Я все равно тебя найду и тогда уж обязательно сдам стражникам. А будешь меня слушаться, тебе же лучше. Как тебя зовут?

— Немой, — отвечает Кукша.

Кукшин ответ развеселил Рябого.

— Хорошее имя! — говорит он. — Надо бы лучше, да некуда! Отныне ты и на самом деле будешь немой. Значит, заруби себе на носу: ты немой. Так оно надежнее. Ты слишком прост, у тебя ничего не стоит выведать, кто ты и откуда. Говорить будешь, только когда я разрешу, понял?

Кукша кивает.

— Вот так, — одобрительно говорит Рябой. — Если видишь, что к тебе кто-то обращается, мычи. Знаешь, как мычат немые?

И Рябой показывает: глухо мычит и разводит руками.

— Повтори, — велит он Кукше.

Кукша повторяет, и Рябой остается доволен. Теперь Кукша его раб.

Поистине счастливый город Царьград! Здесь даже нищий может в один прекрасный день обзавестись рабом!

Глава шестая АНДРЕЙ БЛАЖЕННЫЙ

По улицам трусцой бежит человек, время от времени подпрыгивая, как делают дети. Губы его шевелятся, он улыбается каким-то своим мыслям. Трудно сказать, молод он или стар. Волос и бороды он не стрижет и, как видно, нечасто моется. Из-за грязи не разобрать, седой он или белокурый. Одежда его состоит из ветхой тряпки, болтающейся на чреслах. Необыкновенная худоба его открыта взорам прохожих. Это Андрей Блаженный.

Навстречу ему важно шествует богатый горожанин в желтой шелковой хламиде. У него холеная иссиня-черная борода. Пальцы его сверкают дорогими перстнями, в калите*, подвешенной к поясу, звякают монеты. Горожанин надменно оглядывает прохожих, он не устает упиваться сознанием своего превосходства. Заметив богача, Андрей останавливается, глаза его загораются весельем, точно он увидел что-то очень забавное.

— Дай мне что-нибудь! — просит Андрей.

— У меня ничего нет, дурачок, — отвечает горожанин.

— А я тебя узнал! — говорит Андрей.

— Кто же я? — спрашивает богач, приосанившись.

— Ты тот самый верблюд, коему нипочем не пролезть в игольное ушко!

— Что ты мелешь, безумный? Будто вообще есть такие уши, в которые можно пролезть...

— Узки и прискорбны уши, — продолжает Андрей, — ведущие в

---

* Калита — сумка, подвесной карман.

Царство Небесное, а ты больно толст и тучен. Иного осла так навьючат, что бедняге не пройти по узкой улочке.

— Хоть ты и убогий, — кисло улыбается горожанин, — а лаешь не хуже доброго пса.

— Дай убогому златицу*, — просит Андрей.

— Нет у меня златицы.

— Тогда дай медницу** или кусок хлеба.

— Я тебе сказал: ничего у меня нет! — огрызается горожанин. — На всех не напасешься. Вы только и знаете, раз богатый, значит, давай. А знали бы вы, сколько мы, богатые, совершаем всяких добрых дел! Кто жертвует на храмы, на приюты?

Горожанин снова приосанивается и становится еще более важным, а взгляд Андрея грустнеет.

— Множество пчел в улье, — говорит он, — но одни входят, другие выходят, так же и муравьи. А море, от всей Поднебесной принимая и пожирая реки, не насыщается. Разинул пасть свою змей великий, и никто не может наполнить чрево его снедью, а глотку золотом.

— Болтаешь невесть что, — говорит богач, — одно понятно, что наглости в тебе не по убожеству твоему!

— Привыкла земля, — продолжает Андрей, — все отдавать богатым, этим лакомым обжорам, кумиролобцам и сребролюбцам. Но как море и змей не бывают сыты, точно так и богатые!

Последние слова Андрей говорит уже в спину уходящего богача, который наконец сообразил, что ему нет никакой пользы от бессмысленных речей юродивого. И Андрей пускается дальше, бормоча что-то о бездушных камнях и страшном нелицемерном судии.

Оказавшись в шумной сутолоке одной из самых людных улиц, Андрей прикидывается пьяным, натывается на прохожих, выкрикивает бессмыслицы. Люди толкают его, бьют по шее, плюют в лицо, колотят палками по голове, а он на все отвечает дурацким смехом.

На другой улице на Андрея набрасывается толпа мальчишек, они валят юродивого, привязывают к его ноге веревку и, впрягшись, волокут Андрея по земле. Остальные пинают его ногами и кричат:

---

* Златица — золотая монета.

** Медница — медная монета.

— Бешеный, бешеный!

Кто-то раздобыл горшок саж, и все с хохотом мажут ею лицо юродивого. Прохожие останавливаются и с интересом следят за мальчишеской забавой. А мальчишки волокут Андрея дальше. На хлебном торгу они бросают его и отправляются поискать себе какого-нибудь нового развлечения. Юродивый поднимается с земли, и завсегдатаи хлебного торга видят на его измазанном лице кроткую улыбку. Кое-кто окликает его:

— Как поживаешь, Блаженный?

— Что-то давно тебя не видать!

— Вконец ты отоцал, того гляди, ребра кожу прорвут!

Некоторые сердобольные люди дают ему оболы*, другие — хлеба или овощей, третьи — жареной рыбы или сыру: на хлебном торгу продается всякая снедь. Андрей принимает подаяния и идет к ближайшей харчевне. Там он все до крошки раздаст таким же нищим, как он сам.

Двое хорошо одетых юношей стоят неподалеку, наблюдая за Андреем. Один из них, судя по одежде, служит в царской гвардии. Он дергает товарища за рукав.

— Нам пора идти, милый Афанасий, — говорит гвардеец. — Не забывай, что мы торопимся.

— Сейчас, сейчас, дорогой Патрокл, — отмахивается Афанасий. Он так растроган незлобностью и кротостью юродивого, что у него увлажняется взор. — Нет, ты только вдумайся, — восклицает он, — самый жалкий из всех отверженных — и он же самый щедрый! Он отдает все, что имеет!

Афанасий снимает с себя плащ и подходит к юродивому:

— На, добрый человек, прикрой свою наготу.

Юродивый смотрит на него пронизательным взглядом, надевает плащ и вприпрыжку пускается прочь, что-то выкрикивая и улыбаясь бессмысленной улыбкой.

Он прибегает на шумную рыночную площадь, каким в Царьграде несть числа. Торговцы, покупатели и праздношатающийся люд встречают юродивого насмешками и глумливыми приветствиями. Огромный рябой оборванец, увидев на юродивом плащ, склбится и

---

* Обол — византийская медная монета

подходит к нему. Следом за оборванцем плетется белоголовый отрок.

— Да ты никак с обновой! — говорит оборванец, не спуская глаз с плаща. — Ну-ка дай пощупать! Товар что надо, ничего не скажешь. Где взял? Украл небось?

Андрей не отвечает рябому оборванцу. Его заинтересовал отрок. Юродивый делает шаг к нему и кричит:

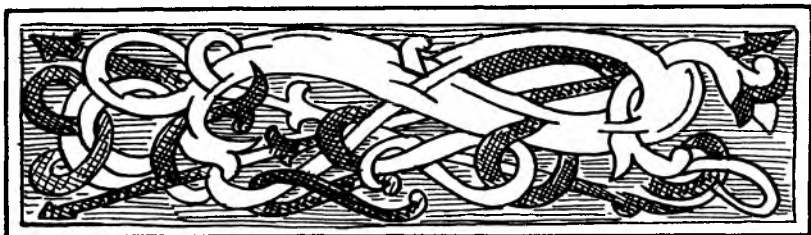
— Грязь! Грязь! Хозяин твой грязь! Беги грязи, юноша! — С этими словами он кладет на лицо отрока свои грязные руки, и тот брезгливо отшатывается.

— Ну ты руки-то не больно распускай! — говорит оборванец. — Ишь ты, обижать бессловесного!

— Беги грязи, бессловесная скотина! Пастух твой грязнее грязи! — кричит юродивый отроку и трусцой отправляется дальше.

Поздно ночью Андрей Блаженный укладывается спать в углу портика на голых каменных плитах. На одну полу плаща он ложится, другой укрывается. Едва задремав, он чувствует, что с него кто-то стягивает плащ. Андрей приподнимается, чтобы помочь вору вытянуть плащ из-под своего тела. Он видит, как на улицу, освещенную луной, выбегает светлоголовый отрок с его плащом в руках и как к нему тотчас подходит огромный человек и забирает плащ. Оба уходят вместе. Андрей тяжело вздыхает и закрывает глаза.

— Хищные патриаршьи дети, — бормочет он, — заблудшая юная душа!..

Глава седьмая

КАБАК МУСТАФЫ

Оказывается, в царственном городе нет равенства даже среди нищих. Они заполняют форумы и улицы Царьграда, их столько, что вряд ли кто-нибудь решится сосчитать их. Но среди них есть тысяча, а может быть, немного больше или меньше таких, которые находят-ся под покровительством патриаршьяго двора. Горожане называют их насмешливо «патриаршьи дети».

Патриаршьях детей легко узнать по бычьим загривкам, сытым рожам и багровым от пьянства носам. Они значатся в особых списках, по которым им каждый месяц раздают свинцовые жетоны — тессеры. По этим жетонам патриаршьи дети получают деньги, хлеб, мясо, а иногда и одежду. Патриаршьи дети пользуются безраздельным правом просить милостыню у церкви святой Софии, возле которой находится патриарший двор. Святая София — главная церковь Царьграда и всего христианского мира, поэтому попрошайничество здесь гораздо прибыльнее, чем где бы то ни было.

На паперти этого храма не составляет труда насобирать за день сто оболов, в то время как бедному поденщику редко удастся заработать тяжелым трудом более десяти. Не диво, что патриаршьи дети весьма неохотно принимают в свою среду новых людей и без пощады избивают всякого, кто осмеливается самовольно просить милостыню у святой Софии. Не брезгают они и воровством.

Рябой, новый хозяин Кукши, — один из этих избранных. Пока в святой Софии идет служба и к вратам храма тянется вереница прихожан, Рябой лежит на паперти, изображая расслабленного, он жалобно гнусавит:

— Подайте Христа ради расслабленному!

И голос его сливается с множеством других голосов. Здесь слепые, горбатые, безногие, безрукие, покрытые гнойными язвами и струпами, бесноватые и расслабленные, настоящие и мнимые, здесь все виды человеческого убожества, какие только встречаются под синим небом этой благословенной страны.

Если поток прихожан иссякает, гнусавый гомон становится тише, начинаются сплетни, игра в кости, вспыхивают перебранки, иногда возникает драка.

Главное время сбора милостыни наступает по окончании службы. Прихожане, просветленные молитвой и ангельским пением церковного хора, густой толпой выходят из храма. Сейчас они особенно щедры, даже самые скупые почитают своим долгом расстаться с несколькими лептами*. Тут надо только не зевать.

Когда запирают ворота величайшего Божьего храма Вселенной, Рябой покидает паперть и отправляется в кабак, дабы подкрепиться вином и какой-нибудь едой. В Царьграде несчетное число кабаков и харчевен, но Рябой предпочитает тот, что содержит сарацин Мустафа. Его и Мустафу связывают давние приятельские отношения.

Дом, в котором помещается кабак Мустафы, от старости врос в землю, и можно сказать, что кабак находится в подвале — в него ведут несколько стертых ступеней.

Рябого обдает духотой и винным запахом. Ему приятны и эта духота и винный запах, как, впрочем, и всем посетителям заведения.

Жители ближайших улиц и переулков, большей частью поденщики и нищие, любят бывать у Мустафы. Трудно найти другого столь радушного и любезного хозяина. На смуглом лице его неизменно сияет белозубая улыбка, для каждого у него припасено доброе слово. Он охотно поверяет в долг, если знает, что за должником не пропадет. У Мустафы пришедший чувствует себя не посетителем, а гостем. Словом, хозяин кабака — золото, а не человек. Кабы еще был он не магометанской веры, Царство Небесное было бы ему обеспечено.

Однако не все придерживаются такого мнения о Мустафе. Некоторые утверждают, будто он занимается скупкой краденного. Другие считают его иродом, отнимающим последний кусок хлеба у голод-

---

* Лепта — то же, что обол.

ных детей, бессовестным грабителем, разоряющим семьи бедняков, а иные в глаза называют упырем. Это женщины, несчастные жены пропойц, оставляющих в кабаке свой жалкий заработок. Впрочем, кому какое дело до мнения женщины!

Рябой не скучает у Мустафы. Насытившись, он попивает вино, наблюдает за тем, что происходит в кабаке, прислушивается к разговорам, запоминает лица. Одни посетители уходят, другие приходят. Есть и такие, что просиживают в кабаке целый день. Вспыхивает переправка, она быстро перерастает в драку, грохочут падающие лавки, звенит разбитая посуда. Рябой поднимается и помогает Мустафе умирять буйствующих. Когда Рябой в кабаке, драка угасает быстро — Рябого боятся.

Драка — это чепуха. Рябого интересует другое. Из ближнего угла долетает подозрительный разговор, и Рябой наостряет уши. Какой-то не в меру захмелевший посетитель доверительно сообщает собутыльникам:

— Слыхали, Пьяница-то до чего додумался? Размалует себе рожу, переоденется и с толпой бездельников слоняется по городу! Напьются и избивают кого ни попадя! И это царь! Слыханное ли дело!

Один из его товарищей, тот, что потрезвее, пробует переменить разговор:

— Говорят, во Фракии опять ничего не уродится. Все как есть сгорело!

Но пьяный не унимается, он перебивает своего товарища:

— Нет, что бы там ни говорили про его отца, но Феофил действительно был царь! Покойник тоже переодевался и ходил по городу, но зачем? Он самолично блюл справедливость, следил, чтобы торговцы не вздували цен, не обманывали бедняков! А этот что?

Ему кажется, что он говорит тихо, но на самом деле он почти кричит. Наиболее трезвый из собутыльников пытается утихомирить не в меру разговорившегося товарища.

— Тише ты! — шипит он и опасливо оглядывается на Рябого.

Рябой делает вид, что поглощен вылавливанием мухи из чаши с вином и не слышит разговора. Ему известен болтливый посетитель, он здешний, из завсегдатаев, его не надо выслеживать, узнавать, где живет. Нужно лишь запомнить лица собутыльников. Потом Рябой

сообщит об участниках предосудительного разговора Мустафе, на котором, как на всех кабатчиках, лежит обязанность осведомлять власти о настроениях среди посетителей.

Во втором часу ночи*, как велит градской эпарх, управитель Царьграда, Мустафа закрывает заведение. Посетители неохотно покидают подвал, некоторых Рябому приходится подталкивать к выходу. Наконец кабак пустеет, и Мустафа запирает дверь на засов. Он гасит лишние светильники, оставляя один огарок сальной свечи. Рябой рассказывает Мустафе о посетителе, произносившем опасные речи.

— Который? — спрашивает Мустафа. — Рубец на висок? Феофан зовут? Хорошо, дорогой! Он у меня уже есть заметка.

Мустафа давно живет в Царьграде, но чисто говорить по-гречески так и не выучился.

— Кто слушал, запомнил? — продолжает он.

— Уж не без того! — отвечает Рябой и в свою очередь задает вопрос:

— А как дела с тем, который болтал, что-де его царственность законопатила в монастырь свою мать и сестер?

— А! — улыбается Мустафа. — Он уже площадь Пелагий**, дорогой!

Но вот друзья переходят к делам более насущным.

— Что даешь, дорогой? — спрашивает Мустафа.

— Нынче бедновато, — отвечает Рябой и достает из сумы плащ Андрея Блаженного.

Кабатчик долго щупает плащ, подносит поближе к свету.

— Почем хочешь, дорогой?

Рябой набирает в грудь побольше воздуха и говорит, махнув рукой:

— Ладно уж, чего там! Давай два милиарисия***, чтобы не торговаться, и делу конец!

Мустафа присвистывает и изумленно поднимает брови:

— Два милиарисий за этот старье? Крест на тебе нет!

— Ну, а твоя цена какая? — осторожно спрашивает Рябой. Он не отрываясь глядит на Мустафу.

---

* В восемь часов вечера по нашему времени.

** Во рву на площади Пелагия хоронили казненных преступников.

*** Милиарисий — византийская серебряная монета. Равен 24 оболам.

— Ешь мой кровь, забирай двадцать обол!

— Ишь ты какой добрый! Да за двадцать оболов я лучше сам изношу!

— Износи, дорогой! — улыбается Мустафа.

— Ну уж ладно, — примирительно говорит Рябой, — давай полтора милиарисия, и по рукам!

— Совсем с ума сошел! — восклицает Мустафа. — Получай милиарисий, отдавай плащ! Не хочешь, получай плащ, отдавай милиарисий.

Рябой соглашается на милиарисий, Мустафа снова щупает плащ, протягивает Рябому серебряную монету и весело говорит:

— Баба придет, кричит: Мустафа — упырь! Опять придет кричать, скажу: зачем Мустафа — упырь? Рябой — упырь, Мустафа не упырь!

В дверь стучат: тук, тук, тук-тук-тук, тук, тук, тук-тук-тук... Это условный стук. Рябой идет к двери и отодвигает засов. Входит Кукша. Рябой оттопыривает край Кукшиной сумы, запускает в нее руку, выкладывает на стол шелковый женский покров и мягкие, расшитые золотом сарацинские туфли. Еще он достает из Кукшиной сумы небольшую, туго набитую деньгами мошницу, но ее на стол не кладет, а сразу прячет. Рябой доволен: его раб не зря провел день.

Видно, что Кукша здесь не в первый раз, он, не спрашивая, идет к затухающему очагу, над которым висит лоснящийся от сажи котел. В котле еще слышно ленивое бульканье. Кукша наливает себе полную глиняную миску густой бобовой похлебки и, обжигаясь, жадно ест.

Рябой не морит Кукшу голодом — не потому, что у него доброе сердце или он хорошо усвоил евангельские поучения о любви к ближнему. Просто его слуге, чтобы исправно служить, необходима сила и проворство, а от голода, как известно, человек слабеет и становится вялым.

До сих пор Рябой сам занимался воровством, прирабатывая к подаванию. Теперь у него совсем другая жизнь. Зачем ему воровать? За это могут избить или, еще хуже, бросить в темницу. Теперь для него ворует беглый скифский раб. Дело чистое. Немой, надо думать, не скоро попадется — больше всего на свете он боится угодить в

лапы к стражникам. А когда он все-таки попадется, это ничем не грозит Рябому. Какое отношение имеет почтенный царьградский нищий к беглому скифскому рабу? Да мало ли их тут в Царьграде скрывается от своих хозяев и от правосудия!

Раб оказался ловок и сметлив. Пришлось, конечно, дать ему несколько уроков. Иногда Рябой поощряет его намеками: если-де Немой будет стараться приносить побольше добычи, то Рябой со временем позаботится о благоприятных переменах в его судьбе.

Да, воровать Рябому теперь незачем, Он мог бы и не валяться больше на паперти, но на это он не пойдет — шутка ли каждый день терять сотню оболлов! У Рябого есть давняя мечта: накопить достаточно денег, купить возле города усадьбу с домом и виноградником, жениться и зажить уважаемым человеком. Особенно его привлекает мысль завести у себя в саду павлинов. Он считает, что всякий настоящий богач непременно должен держать павлинов. Иногда Рябой, подвыпив, делится своими мечтами с другом кабатчиком, но тот только посмеивается над ним.

— Не надо павлин — голос дурной и денег стоит. Лучше соловей — голос приятный и поет задаром!

Кукиша наелся и должен уходить — больше ему здесь делать нечего. Он медлит, его разморило от горячей пищи, и глаза у него слипаются, он с удовольствием прикорнул бы где-нибудь в уголке, но ему не позволяют.

— Где ночует? — спрашивает Мустафа, когда за Кукшей затворяется дверь.

— Это его дело, — отвечает Рябой.

— В свой каморка не пускаешь? — улыбается Мустафа.

— Еще чего? — говорит Рябой. — Я завел себе раба, чтобы он на меня работал, а не для того, чтобы заботиться о его ночлеге.

— Ай-ай-ай! — качает головой Мустафа. — Мудрый башка Рябой. Другой такой мудрый не видал!

— Сегодня мой раб хорошо потрудился, — важно говорит Рябой, — тащи самого лучшего вина, плачу наличными!

На столе появляются вино и закуска.

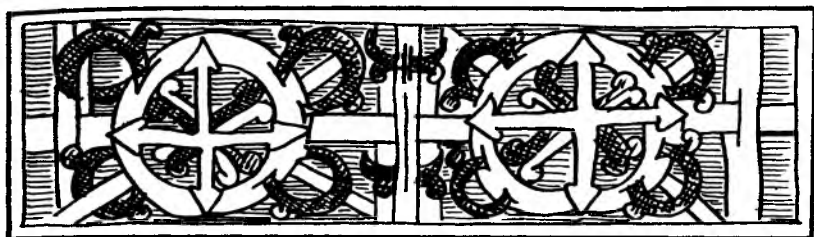
— Жалко, вам, сарацинам, закон не позволяет пить, — говорит Рябой, — а то бы выпили вместе. Ничего, я все равно выпью за твое здоровье. Слыхал, умер Фома Безносый, старик из нашей братии?

Тысячу золотых нашли у него после смерти! Все стражникам досталось! Эх, мне бы эту тысячу — стал бы я на паперти валяться, как же! Я бы купил усадьбу, женился...

— Никогда не купишь, — смеется Мустафа, — всегда скажешь: мало накопил, надо подкопить еще! Как Фома Безносый!

Рябой скрипит зубами. Мустафа не верит ему, ну и ладно, но Рябой еще докажет. И это будет скоро, потому что теперь у Рябого есть раб. А Мустафа с усмешкой говорит:

— Где хранишь деньги? Храни у Мустафы, надежно будет!

Глава восьмая В ЦАРЬГРАДСКОЙ БАНЕ

Посещение бани — одно из любимейших развлечений царьградских жителей. Поэтому в городе великое множество общественных бань, и, судя по их красоте, власти на их постройку денег не жалеют. В домах самых богатых царьградцев есть собственные бани, но несмотря на это, они с удовольствием ходят в общественные, хотя там одновременно с ними могут мыться последние бедняки.

Кукша давно мечтает побывать в бане. Он купается иногда в Пропонтиде или Золотом Роге, умывается в Ликосе, ручье, текущем по городу, но в бане — молча, как говорят у него на родине, он не мылся с тех пор, как покинул Домовичи. Рябой иногда посещает баню, однако раба с собой не берет, считает это баловством и пустой тратой денег. Ведь за Немого надо заплатить целых пять оболов!

Однажды Кукша, прежде чем отдать очередную добычу Рябому, утаивает из нее пять оболов и кладет их за щеку. Пока они с Рябым подкрепляются, он следит за тем, чтобы не проглотить монету с едой. Утром он отправляется в баню.

Когда он поднимается по широкой мраморной лестнице и переступает порог, сердце у него колотится так, словно он идет на опасную кражу. Возле двери, сидя за маленьким бронзовым столиком, дремлет громадный тучный привратник-эфиоп. Он взымает плату с посетителей, которые вымылись и покидают баню. Когда Кукша проходит мимо него, эфиоп открывает заплывшие салом глазки и снова закрывает их. Здесь же помещение для служителей, здесь можно купить мыло, губку, взять простыню, нанять банщика.

Миновав это помещение, Кукша попадает в четырехугольный

зал с потолком-куполом, в котором множество крохотных окошек со стеклянными колпачками. Других окон нет, и купол кажется небесным сводом, усеянным крупными южными звездами.

Вдоль стен тянется каменная лавка, чтобы раздеваться. Посередине стоят два изваяния из белого мрамора — одно изображает Эскулапа, греческого бога врачевания, другое — Гигию, его дочь, богиню здоровья. Гигия, красивая сильная девушка, держит в руках чашу и кормит из нее змею. Вокруг богов расположены три мраморных бассейна, в которых можно плавать.

Отсюда две двери ведут в круглое помещение, тоже весьма обширное, хотя и поменьше первого. Здесь в самой середине бьет вверх струя воды, низвергающаяся в круглый мраморный бассейн. По стенам полукруглые ниши, в них над глубокими каменными лопатками бронзовые краны в виде дельфиных морд, один для горячей воды, другой — для холодной.

Следующее помещение восьмиугольное, его стены состоят из множества глубоких арок, часть которых ведет в отдельные комнаты. Здесь намного теплее, чем в предыдущих помещениях, даже, можно сказать, жарко, а посреди зала сделан большой круглый помост из мраморных плит. На нем банщики разминают и растирают желающих. Греки, или ромеи, как они себя называют, придают этому большое значение.

Отсюда коридор ведет в самый отдаленный зал. Он меньше прочих, и в нем стоят три небольшие купели с горячей водой. Помимо той двери, в которую вошел Кукша, в зале есть еще одна низенькая дверь, Кукша толкает ее и попадает в глухой дворик, своего рода колодец, образованный каменными стенами без окон и дверей. Во двореке валяются метлы, старые медные тазы, разошедшиеся бочки и еще какой-то хлам. В углу стоит длинная ветхая лестница, рядом с нею к стене прислонены два пожарных багра. Тут, на взгляд Кукши, нет ничего интересного, и он возвращается в баню.

Все полы в бане выложены мраморными плитками, но они не холодят ступню. Ясно, что они нагреты, только непонятно как. Кукша не знает, что под баней есть духовая подземная печь, которая постоянно топится, а горячий дым по многочисленным трубам проходит под мраморными плитами пола и внутри стен. Он и нагревает пол, стены, воздух и воду.

Кукша переходит из помещения в помещение, мылится благовонным мылом, трет тело мягкой греческой губкой — благо всюду валяются обмылки и брошенные губки. Он распаривается в горячих купелях, плавает в бассейнах, окружающих беломраморные изваяния. Бассейнов не зря три — в одном вода теплая, в другом — средняя, а в третьем — ледяная, точно в роднике.

Кукша заходит в восьмиугольное, самое жаркое помещение и наблюдает, как ловкие сильные мужчины, обливаясь потом, разминают и растирают посетителей. Один из них приглашает Кукушу лечь на помост, но Кукша отрицательно качает головой.

Здесь, в восьмиугольном помещении, конечно, очень жарко, но все же этой жаре далеко до жары домовичьей бани, когда нужны рукавицы, чтобы хлестать себя веником, не обжигая паром руки. Кукша вспоминает запах горелого хлеба, который стоит в бане, когда на раскаленную каменку поддают квасу, и все здешние благовония меркнут.

Зато здесь, в Царьграде, и горячую, и холодную воду выплевывает начищенная морда морского чудища. А в Домовичах надо натаскать воды в кадку, потом калить камни и кидать в воду, покада не закипит.

— Поплоше мовни у нас на Волхове против царьградских, — вдруг раздается рядом чей-то голос, словно откликаясь на Кукушины мысли.

— Поплоше, что и говорить, — соглашается другой голос.

Кукша глядит на говорящих, как на выходцев из загробного мира. Перед ним два здоровенных молодых мужчины, оба плечистые, оба светловолосые, сероглазые, похожие как братья. А речь их до того родная, что и голоса кажутся знакомыми, хотя он никогда прежде не видывал этих людей.

— Добра мовенка, — говорит первый, — мовенка хоть куда! Однако нашему брату худо без каменки да без веничка!

— Ой, худо! — вторит другой.

— А поляне*, — продолжает первый, — мовен-то вовсе не строят.

— Не строят, — откликается другой.

---

* Поляне — восточнославянское племя, жившее по среднему течению Днепра на правом берегу. Назывались также Русью или киянами. Одно из племен, составивших впоследствии украинский народ.

— Мовен-то не строят, — опять говорит первый, — вот и нет привычки мыться. Ведь и здесь не больно часто ходят в мовню-то, одно знают нас дразнить: «Мовенные!»* А мылись бы почаще, не было бы нужды рожу скоблить**! А то — колтун, мол, в бороде!

Оба, довольные, смеются.

Дальше первый говорит, что у полян даже в их стольном городе Киеве ни одной мовни нет, что поляне летом моются в Днепре да в речках, а зимой и вовсе не моются.

— В печах моются, — подает голос другой, — истопят, уголье выребут, соломы настелют и моются.

— Какое уж мытье в печи! — возражает первый.

— Что верно, то верно, — соглашается второй, — в печи не мытье.

Кукше хочется заговорить с ними, узнать, кто они такие и как попали в Царыград, но он не решается. Ведь они тоже станут расспрашивать его, откуда он здесь взялся. Он беглый раб и вор и должен будет врать о себе. Рябой верно говорил — ему ничего не стоит запутаться и выдать себя. Неизвестно, как отнесутся они к беглому рабу, хотя бы и единоплеменнику. Поэтому Кукша молчит, лишь во все глаза глядит на словен и слушает такую родную, такую понятную речь.

Наконец словене встают и идут в первый зал. Возле их одежды, прислоненные к лавке, стоят два коротких меча. Как видно, словене — ромейские воины. Они попивают вино, принесенное служителем, и не спешат одеваться. Один из них говорит:

— Сейчас кваску бы! А еще лучше хмельного меду!

— Кваску не худо бы! — вторит другой. — А меду, конечно, и того лучше!

Кукше не хочется уходить, он нарочито медленно одевается, однако это получается все равно очень скоро, потому что вся его одежда состоит из одной рубахи. Заметив уставившегося на них парня, словене угощают его вином. Кукша пьет, и по его телу разливается блаженство, он только сейчас обнаружил, что после бани испытывал сильную жажду. Словене пробуют заговорить с ним, но он мотает головой и отвечает мычанием, как учил его Рябой.

— Болезный! — говорит один из них с состраданием.

Кукше не хочется покидать этот теплый, влажный, чудесный

---

* «Мовенный» — мифическое существо, обитающее в мовне.

** У полян было в обычае брить бороду.

мир, где царят два прекрасных беломраморных идола, где он услышал — впервые за несколько лет — родную речь. Однако пора и честь знать. Кукша поднимается и выходит в помещение для служителей. Там он останавливается в растерянности. Пропали пять оболов, которые он носил за щекой. Кукша лезет в рот пальцами и шупает сперва за одной щекой, потом за другой. Монетки нет.

Возле выхода неотлучно сидит эфиоп. Когда посетители покидают баню, он пробуждается от дремы и смахивает ладонью в выдвинутый ящик монеты, оставляемые ими на столике.

Кукша пытается сообразить, где он мог выронить деньги. Может быть, когда нырял в одном из бассейнов? Он возвращается и на глазах удивленных единоплеменников снова лезет в бассейн. Обыскав бассейны и обойдя все залы, Кукша так и не находит своей монетки. Он заглядывает даже во дворик с хламом, но и здесь монетки нет.

Ему приходит в голову проверить, нельзя ли отсюда убежать через стену, что пониже других, и он взбирается по лестнице, насколько ее хватает, а дальше карабкается по изъеденной временем кирпичной кладке. Наконец он наверху. За стеной он видит сад и двухэтажный дом, выходящий лицом на другую улицу. Дом состоит из двух зданий, соединенных по верху крытым переходом. Под ним ворота. Они отворены.

Внизу, вдоль стены, на которой сидит Кукша, тянется какое-то строение, судя по запаху, конюшня. Одним концом конюшня упирается в дом, и окно второго этажа выходит на ее крышу. Кукша отмечает, что ничего не стоит, прыгнув на крышу конюшни, забраться в дом, ибо хозяева не сочли нужным сделать решетки на окнах, выходящих во двор. Он уже привык на все смотреть глазами вора. Однако сейчас он озабочен только одним — как ему вырваться из западни, в которой он очутился.

Увидев, что ворота дома отворены, Кукша решает сбегать за своей рубахой и рискнуть спуститься в сад, чтобы выскользнуть в ворота. Но во дворе слышатся голоса, из-за деревьев появляются люди. Кукша торопливо сползает по стене, нащупывает ногой лестницу. Нет, не стоит и пробовать выбраться из бани этим путем, тут попадешься еще вернее. Лучше он попытается проскочить под носом у сонного эфиопа.

Кукша снова в помещении для служителей. Тут и там стоят и сидят несколько праздных банщиков, завернутых в голубые простыни с красной полосой по краю, чтобы их не путали с посетителями. Кукша неспешным шагом идет к выходу, и, дойдя до столика, внезапно бросается вперед.

Но выскочить на улицу ему не удастся. Эфиоп, столь неуклюжий с виду, необычайно проворно вскакивает и, перегнувшись через столик, успевает крепко схватить Кукшу за шиворот. Кукша дернулся изо всех сил, надеясь освободиться ценой рубахи. Однако рубаха слишком прочная, из грубой толстой ткани, она не желает рваться! Эфиоп валится на столик, но рубахи из рук не выпускает. Кукша начинает крутиться, рассчитывая вывернуться из огромных черных лап служителя. Возможно, это ему удалось бы, если бы не вошедший в это мгновение посетитель, который кинулся на помощь эфиопу.

Но и вдвоем они не в силах надолго удержать крутящегося и брыкающегося Кукшу. К ним на помощь подспевают скучающие без дела банщики. Попытки вырваться становятся безнадежными.

— Побегу за стражником, — говорит посетитель и выбегает на улицу.

Кукша дергается, рычит, но ничего не может поделать. В это время выходят словене. Оба в одинаковых хитонах и плащах с круглой золотой пряжкой на груди, оба с мечами на боку. Происходящее привлекает их внимание. Они видят, что несколько человек держат парня, которого они только что угощали вином. Им любопытно, что случилось.

— Вот, господа царские гвардейцы, — отвечает один из служителей, — полюбуйте! Хотел убежать, не заплатив положенного. Ничего, сейчас придет стража, там ему пропишут!

— Да, может, у него денег нет, — говорит один из гвардейцев.

— Нет денег, не ходи в баню! — отвечает служитель.

— Да, может, ему без бани и жизнь не в жизнь, — продолжает гвардеец.

— Ничего там ему объяснят, что такое жизнь! — зловеще произносит служитель.

— Из-за чего разговор-то? — спрашивает гвардеец эфиопа. — Из-за пяти оболов небось?

Эфиоп подтверждает, что именно так. Гвардеец достает мошницу и отсчитывает в ладонь эфиопа деньги.

— Вот тебе пятьдесят оболов! Ты доволен?

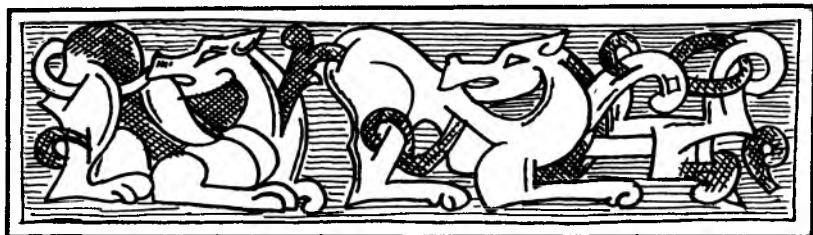
Эфиоп подобострастно кивает, он очень доволен.

— Подумаешь, деньги — пять оболов! — говорит гвардеец. — Разговору больше!

Второй гвардеец откликается:

— И то сказать, разговору больше...

Кукшу отпускают. Он, не мешкая и не говоря ни слова, лишь взглянув благодарно на гвардейцев, юркает за дверь и пускается наутек.

Глава девятая ГОЛОДНЫЙ БУНТ

С самой весны нещадно палит солнце. За лето не выпало ни одного дождя. От зноя все кажется белесым — и раскаленная земля, и дома, и одежды прохожих. На полях Фракии, области примыкающей к Царьграду, горит хлеб. Деревенские жители обходят крестным ходом свои нивы с молением о дожде. Люди поднимают глаза к небу, но оно не отзывается на их мольбы. Встречая друг друга, жители сокрушенно вздыхают: в прошлом году ничего не уродилось, а в этом будет еще хуже!

С каждым днем растут цены на хлеб. Торговцы, пользуясь случаем, стараются продать его подороже, а иные придерживают свой хлеб в ожидании еще более высоких цен.

Власти распорядились срочно закупить для столицы как можно больше зерна в Сицилии, и царьградцы каждый день с утра жадно всматриваются в синюю даль Пропонтиды, в ту сторону, откуда должен показаться караван судов с сицилийским хлебом. И вот приходит известие, что каравана не будет — его захватили сарацинские морские разбойники.

Более трех десятков лет назад сарацины большой силой высадились на острове Крите и отторгли его от Византийской империи. С той поры благословенный остров превратился в злое разбойничье гнездо, ставшее грозой для торговых морских путей и побережий империи.

Тает последняя надежда. Откуда теперь ждать спасения? Многие из тех, что еще недавно, радуясь дороговизне, спешили распродать свой хлеб, вовсе перестают им торговать — боятся, как бы самим не остаться без хлеба. Цена на хлеб за несколько дней вырастает вдеса-

теро против прежней. Страшно подумать о тех, кто и в благополучное-то время еле сводил концы с концами!

Растут цены на продовольствие — растет тревога в сердцах горожан. Она не минует ни бедных, ни богатых. Обитателям красивых особняков пока что не грозит голодная смерть, но они могут видеть из окон ослабевших от голода людей, которые валяются на мостовых, на городских лестницах, у подножий прекрасных изваяний и под мраморными колоннами портиков, напоминая издали кучки грязных лохмотьев. Многие из этих несчастных уже никогда не поднимутся.

Важный сановник, осторожно выглядывающий на улицу из-за оконного занавеса, вдруг встречает взгляд, горящий безумной ненавистью. Сановник в страхе отшатывается от окна, хотя с улицы его не видно. Казалось бы, чего ему бояться? Он отделен от улицы и от голодной толпы толстыми каменными стенами, прочными оконными решетками и преданностью многочисленной челяди, живущей возле него в сытости и довольстве. Но он боится, страх жесткой рукой сдавливает ему горло, не помогают ни стены, ни решетки, ибо воздух на улице и в особняке один и тот же, а в воздухе пахнет бунтом. Многие заблаговременно покидают столицу и отправляются в загородные имения, чтобы там переждать надвигающиеся события.

Однако не все улавливают тревожный запах бунта. По Волыньскому торгу шествует горожанин в желтой шелковой хламиде. На лице его не заметно и следа беспокойства. Он надменно оглядывает людей в лохмотьях, брезгливо переступает через тех, кто лежит на его пути. Его хламида в лучах предвечернего солнца пылает, словно золото.

Следом за ним на некотором расстоянии идет Кукша, привлеченный звяканьем монет в калите богатого горожанина. Кто знает, может быть, подвернется удобный случай и Кукше удастся вытащить из калиты кошелек с деньгами?

На ступеньках портика сидит изможденная женщина, ее черные глаза из-за страшной худобы кажутся огромными. На руках она держит младенца с такими же черными, как у нее, глазами. Глаза младенца неподвижны, и по ним ползают мухи. Женщина бормочет:

— Баю-баюшки-баю, мой маленький ангелочек. Пусть тебе приснится прекрасная царевна. Вырастешь большой — женишься на ца-

ревне, будешь жить во дворце и никогда не узнаешь горя. Баю-бай, мой сладкий!

Она качает младенца, мухи слетают и снова садятся ему на глаза. Женщина сердито отгоняет их:

— Кыш, кыш, проклятые!

Она видит идущего мимо горожанина в желтой хламиде.

— Добрый господин, — кричит женщина, — дай кусочек хлеба моему ребеночку!

Горожанин не отвечает, она поднимается и идет за ним, кланя хлеба.

— Отстань, — сердито говорит горожанин. Взглянув на младенца, он добавляет: — Ему уже не нужно хлеба.

Женщина наклоняется к младенцу и словно только сейчас замечает, что он мертв. Она начинает причитать:

— Бедный маленький ангелочек! Он умер! Он покинул меня навсегда! Ведь он в раю, а его грешную матушку ждет преисподняя!

Вдруг женщина протягивает мертвого младенца к горожанину и истошно вопит:

— Ты, ты его уморил! Ты пожалел ему кусочек хлеба! Будь ты проклят, сатана!

Женщина бежит за горожанином, он отталкивает ее, и она, не выпуская из рук ребенка, падает на ступеньки портика.

Какое-то смутное воспоминание шевелится в Кукшиной душе. Что-то подобное он уже видел. Он силится вспомнить, что именно, где и когда, но никак не может. Ему кажется: еще мгновение, еще маленькое усилие, и он все вспомнит, однако вскоре и то смутное, что неуловимо витало где-то рядом, вместо того, чтобы отчетливо всплыть в памяти, совсем отлетает прочь и без следа растворяется в знойном городском воздухе.

На горожанина бросаются тощие всклооченные ведьмы в лохмотьях. Они с визгом вцепляются ему в волосы, в бороду, в одежду. Из глотки горожанина вырывается крик ужаса, глаза его белеют, он судорожно отбивается.

К женщинам присоединяются страшные, заросшие грязью мужчины. Горожанин падает, его пинают ногами, топчут, рвут на нем одежду.

Не теряя времени, Кукша срывается с места и бросается в толпу.

Ему перепадает несколько ударов, но он не обращает на них внимания. Он наклоняется и нащупывает на извивающемся теле горожанина калиту. Ему требуется один миг, чтобы извлечь из нее кошелек с деньгами.

Выбравшись из толпы, Кукша отходит в сторонку и наблюдает, как обезумевшие от голода и гнева люди бьют горожанина. Кто-то хватается за ноги и волочет по земле вниз лицом. Горожанин уже не шевелится. Насытившись зрелищем, Кукша отправляется к Мустафе. Он идет по улицам и переулкам, знакомым ему как свои пять пальцев, легко сбегает и взбегает по каменным лестницам, ведущим с одной улицы на другую. Он насвистывает песенку, слышанную от бродячих певцов. Ему ни грустно, ни весело. Он не думает ни о прошлом, ни о будущем. Будущего у него нет, а думать о том, что прошло, мало толку. Сейчас он придет в кабак Мустафы. Там он увидит ненавистную рожу Рябого, зато там же его ждет чашка горячей фасоли и несколько жареных рыбок. Рябой не скупится на еду для своего раба. Хорошо быть сытым!

Тем временем толпа, разгоряченная расправой с богатым горожанином, бросается к ближайшей хлебной лавке. На двери лавки висит большой кованый замок. Люди пытаются камнями сбить его, но он не поддается. Откуда-то появляется тяжелая длинная скамья. Несколько человек раскачивают ее и, как тараном, разбивают ею дверь.

Ворвавшись в лавку, люди обнаруживают, что там пусто, хоть шаром покати. Они бросаются в пекарню. В пекарне тоже пусто. Тогда толпа устремляется к хлебному складу, где хранится мука владельца лавки. Высадив ворота склада, люди набивают рты мукой. Самые сообразительные под шумок волокут прочь мешки с мукой или зерном.

Толпа растет на глазах. Подобные же толпы возникают и на других улицах и площадях, хотя там никто еще не слыхал о происшедшем на Вольвом торгу. Видно, крепко запахло бунтом в раскаленном царьградском воздухе, и запах этот повсюду кружит людям головы.

Какие-то несчастные в слепой ярости поджигают дома особенно ненавистных богачей. Неразборчивое пламя, однако, перекидывается и на те части города, где живет беднота, оно пожирает все подряд, забирая нередко и жалкое имущество несчастных поджигателей.

Тут и там над вечерним Царьградом появляются страшные заре-

ва. Еще издалека слышны треск и гудение огня, вопли и стенания погорельцев. В городе возникают местные ветры, которые дуют в направлении горящих улиц. Пожарные дружины бессильны перед разгулом огня.

Как всегда на пожарах, возле пылающих зданий суетится множество воров, которые безжалостно грабят тех, на кого обрушилась беда, не разбирая, к бедным или богатым принадлежат пострадавшие. Случается, что воры снимают последнюю рубашку с бедняка, чудом спасшегося из огня.

Кукша тоже не прохладается. Рябой, приняв от него мошницу с деньгами и прочую добычу, говорит, что бунт бывает не каждый день и что нельзя упускать случай, столь благоприятный для промысла. Отправляя Кукшу снова на дело, Рябой щедро угощает его, даже подносит чашу красного вина. Вино слегка ударяет Кукше в голову. Стражники уже не кажутся ему опасными, ему даже хочется предпринять что-нибудь рискованное.

Он набредает на толпу, скопившуюся перед особняком знатного вельможи, и останавливается поглазеть. Особняк освещен заревом пожаров и смоляными светочами. Он представляет собою два двухэтажных дома, соединенных железными воротами, над которыми устроен крытый переход. В один из домов ведет дверь, тоже железная. Дверь и ворота украшены большими медными заклепками и выглядят весьма внушительно. Окна первого этажа расположены высоко, чтобы дотянуться до подоконника, понадобилось бы встать кому-нибудь на плечи. Кукша видит, что на первом этаже между ставнями и подоконником пробивается свет, а на втором темно — все жители дома собрались вниз, чтобы защищаться.

К толпе присоединяются все новые и новые люди, многие приносят камни, кувалды, ломы и даже лопаты. Наконец толпа чувствует себя достаточно сильной, страсти ее накалились до предела, и она кидается на приступ. Ворота и дверь содрогаются от ударов.

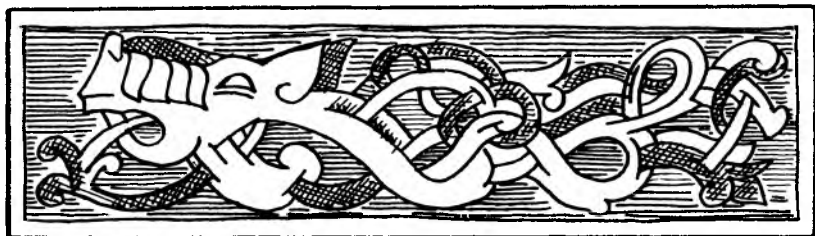
В боковом окне балкона, нависшего над улицей, отворяются железные ставни, и на осаждающих низвергается водопад кипятка. Раздаются душераздирающие вопли, и толпа откатывается назад. Из другого балконного окна в толпу летят стрелы. Все они попадают в цель. Кукша видит, как стрела насквозь прошивает стоящего рядом с ним оборванца, и невольно отбегает в сторону.

Однако отпор порождает в толпе не страх, а ярость. В ответ на стрелы в окно летят камни, стрельба прекращается. Изнутри тянут за цепи, прикрепленные к ставням, и ставни затворяются. Люди снова кидаются на приступ, некоторые стоят с камнями наготове, чтобы швырнуть их в окна, если ставни откроются. Ворота и дверь издают под ударами ужасающий грохот, но не поддаются. Осада затягивается. Кукше это надоедает. Ему хочется, чтобы что-нибудь произошло — пусть рухнут ворота или, на худой конец, возобновит стрельбу этот меткий лучник.

Кукша не сочувствует ни одной из сторон. За время своих скитаний по Царьграду он привык к мысли, что ему нечего ждать от толпы, кроме побоев или выдачи в лапы стражников. Но и таинственные обитатели богатых особняков не возбуждают в нем никаких чувств, кроме любопытства. Говорят, что в таких домах много золотой и серебряной утвари. Неплохо бы проверить эти разговоры.

Внезапно его осеняет, что именно к этому особняку примыкает дворик с лестницей, который он обнаружил во время посещения бани. Оттуда ничего не стоит проникнуть в особняк, пока толпа осаждает его с улицы и приковывает к себе внимание хозяев и челяди.

Глава десятая ЛАРЧИК С ПАВЛИНАМИ

Не мешкая больше, Кукша выбирается из толпы и бежит на другую улицу, где расположена баня. К счастью, у него есть с собой деньги. После того как он едва не попал в руки стражников, оказавшись без денег, он всегда носит милиарсий в потайном кармашке на поясе.

В бане у порога по-прежнему дремлет тучный эфиоп. Когда Кукша проходит мимо, эфиоп открывает глаза и подозрительно глядит ему вслед. Эфиоп, как видно, помнит этого парня. Кукша подходит к банщику, сидящему возле вороха свежих простынь, берет одну и мычит, вопросительно глядя на него. При этом он показывает один палец, два, три: сколько, мол, стоит? Банщик в ответ растопыривает пятерню. Пользование простыней стоит пять оболов, как и посещение бани.

В бане безлюдно, в этот тревожный вечер царьградцам не до мытья. В зале с беломраморными идолами Кукша раздевается, оставляя на себе лишь пояс с ножом, и накидывает на плечи простыню. Он идет в помещение с тремя малыми купелями, толкает низкую дверь и выходит во дворик.

Взобравшись на стену, Кукша осматривается. Он видит, что на втором этаже темно, а из окон первого сочится теплый свет. Этот свет слишком слаб, при нем невозможно разглядеть, есть ли кто-нибудь во дворе или он пуст. Но если Кукша ничего не может разглядеть во дворе, то и его не видно ни со двора, ни из дома.

Кукша уверенно опускается на крышу конюшни и идет к окну. Некоторые из черепиц шевелятся под ногой. Если бы не грохот и крики осаждающих, черепицы сейчас отчетливо звякали бы в ноч-

ной тишине. Но вот и окно — два ряда небольших стекол, вправленных в гипсовые рамки. Кукша разбивает обломком черепицы одно стекло и кое-как пролезает внутрь.

Отстранив занавесь из плотной ткани, он заглядывает в комнату и обнаруживает, что ошибался, полагая, будто весь второй этаж неосвещен. Перед ним колеблется пламя свечи, которого он не видел из-за занавеси. Свеча укреплена в канделябре, поставленном на мраморный столик возле окна. В том же канделябре стоят три новых незажженных свечи. Горящая ненамного короче их. Значит, здесь кто-то недавно был и может прийти опять. Надо бы, пока не поздно, вернуться восвояси. Но Кукше не хочется уходить с пустыми руками, и он, отодвинув в сторону канделябр, влезает в комнату.

Это спальня. Слева стоит резная золоченная кровать под шелковым пологом с вытканными на нем павлинами среди виноградника, у стен видны низкие скамейки с мягкими сиденьями и кресла. В углу стоит укладка с дверцами и выдвижными ящиками. Вся утварь, так же, как кровать, украшена резьбой и позолочена. Над укладкой ликами на восток висит несколько икон. Дверь занавешена, на полу, выложенном красным кирпичом, лежат ковры.

Кукша еще никогда не бывал в столь богатом и красивом жилище. У него разбегаются глаза, он не знает, с чего начать. А ведь он пробрался сюда не для того, чтобы любоваться чужой богатой жизнью. Может быть, ему пойти дальше и посмотреть, что в других комнатах? Если там темно, можно взять свечу.

Он намеревается взять свечу, как вдруг в промежутке между ударами в ворота явственно слышит скрип ступеней. Кто-то поднимается в спальню. Кукша рванул было к окну, но, сообразил, что ему уже не успеть вылезти в узкий проем. Оглянувшись направо и налево, он прячется за пологом кровати и вынимает нож. Чтобы не ждать опасности вслепую, он прорезает в шелке отверстие и одним глазом глядит на дверь. Дверная завеса откидывается, и в комнату входит красивый чернобородый мужчина со свечой в руке. На боку у него висит короткий меч.

Внимание вошедшего привлекает канделябр. По-видимому, ему кажется, что канделябр стоит немного в стороне от своего обычного места. Он окидывает беспокойным взглядом комнату, подходит к укладке и надавливает большим пальцем на какой-то бугорок. Один

из ящиков сам собой выдвигается. Мужчина достает оттуда ларчик, поднимает крышку и заглядывает в него. Потом он становится на скамейку и прячет ларчик за икону с изображением святого, сидящего на коне и держащего в руке тонкое длинное копье.

Внезапно мужчина оборачивается, словно почувствовав, что за ним кто-то неотступно наблюдает. Обнажив меч, он сходит со скамейки и медленно идет к кровати, отведя руку со свечой в сторону, чтобы пламя не мешало ему смотреть. Взгляд у него пристальный и настороженный.

Порыв ветра врывается в разбитое Кукшей окно и шевелит занавесь. Мужчина переводит взгляд на окно, прыгает к нему и несколько раз колет шевелящуюся ткань. Убедившись, что там никого нет, он откидывает занавесь и видит разбитое стекло. Ветер колеблет пламя свечи в канделябре. Откуда-то снизу, перекрывая шум осады, доносится тревожный женский голос:

— Георгий! Георгий!

В это время грохот прекращается, его сменяет торжествующий вой толпы. Видно, ворота все-таки не выдержали. Мужчина кидается вон из комнаты, слышно, как он стремительно бежит вниз по лестнице.

Выйдя из укрытия, Кукша прячет нож и достает из-за иконы бронзовый ларчик. На ларчике изображены павлины и виноград. Открыв его, Кукша замирает в восхищении — в нем драгоценности, они мерцают и переливаются, словно ларчик полон небесных звезд.

Снизу доносится шум борьбы. Кукша не ждет ее исхода, он протискивается в окно и вскоре уже шлепает босыми ногами по нагретому мраморному полу бани. Предстоит пройти мимо эфиопа. Но бояться нечего, ведь у Кукши есть деньги, а ларчик не так уж велик, чтобы заметно изменить вид Кукшиной сумы.

И все-таки Кукша волнуется, подходя к привратнику. Он положил монету на стол и охотно ушел бы, не дожидаясь сдачи, однако заставляет себя терпеливо смотреть, как привратник жирными черными пальцами отсчитывает деньги. Незачем вору привлекать к себе лишнее внимание. Получив сдачу, он не спеша рассчитывается с банщиком за пользование простыней.

И вот Кукша на улице. Он догадывается, что в суме его настоящее сокровище, что свободному с таким богатством можно жить,

оставив воровство. Свободному, но не ему. А он раб, даже хуже, чем просто раб, он беглый раб, и над ним постоянно тяготеет опасность быть схваченным, даже если он не попадется на воровстве. И все-таки он на мгновение задумывается, не удрать ли ему от Рябого. Нет, Рябой все равно найдет его и тогда ему конец.

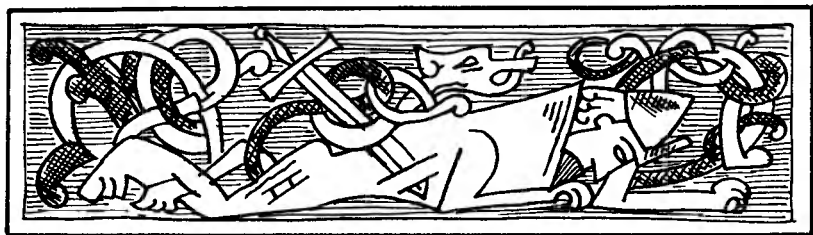
Кукша отскакивает в сторону с проезжей части улицы и прижимается к стене. Мимо него проносится отряд всадников. Немного погодя ему встречается большой отряд пеших воинов, оцетинившийся копьями. По четыре в ряд воины торопливо шагают в ту же сторону, куда проскакали всадники. До Кукшиных ушей долетает, или ему чудится, недовольный голос одного из воинов:

— Глупый народ греки. Хочешь бунтовать, бунтуй себе днем на здоровье. А ночью-то зачем? — говорит воин на родном Кукше словенском наречии.

И другой голос вторит ему:

— Что верно, то верно. Ночью бунтовать не дело.

Кукша глядит вслед воинам, удаляющимся в ночной темноте. Это царские гвардейцы идут расправляться с бунтовщиками. Видно, стражники и городское войско уже не в силах совладать с разбушевавшимися голодными толпами.

Глава одиннадцатая МОГИЛЬНЫЕ ВОРЫ

Пора бы уже Рябому избавиться от своего раба и переменить наконец жизнь. Ведь ему ничего не стоит теперь осуществить заветную мечту — купить усадьбу и завести павлинов. В день бунта Рябой сразу стал богатым человеком. И надо же, на ларчике с драгоценностями, что принес ловкий Немой, изображены именно виноградник и павлины!

Конечно, раба лучше всего убить, чтобы ни одна живая душа никогда не узнала, откуда у Рябого состояние. Господь, словно нарочно, прибрал Мустафу в тот же вечер, когда Рябой разбогател. Ведь, кроме Немого, про его дела знал только один Мустафа. Нет, Рябой отнюдь не жалеет, что озлобленные женщины разорвали в тот вечер кабатчика. Он и тут успел под шумок кое-чем попользоваться.

Раньше, до погрома, в кабаке хозяйничал сарацин Мустафа, теперь хозяйничает христианин Петр — какая разница? Что выгадали эти несчастные? Ничего. Выгадал только он, Рябой. А то, что Петр, в отличие от Мустафы, боится скупать краденое, беда небольшая — в Царьграде найти скупщика краденного проще простого.

А нужда в скупщиках у Рябого, конечно, есть. Немой каждый день приходит с добычей, он делает большие успехи в воровском ремесле, если бы он был свободным, он бы со временем прослыл первым вором Царьграда. Разве решишься избавиться от такого работника? Утром ты от него избавишься, а вечером будешь думать: вдруг он сейчас принес бы еще один ларчик с павлинами!

Например, сегодня Рябой отправляет своего раба на хорошее дело. Умерла жена придворного сановника, и ее похоронили в склепе в загородном имении. Рябой узнал это, толкаясь среди зевак, гла-

зевших на погребальное шествие. Он сопровождал тело покойной до места погребения и таким образом узнал, где ее похоронили. Рябой считает, что грабить богатых покойников — одно из самых прибыльных занятий. Сперва он сам ходил с Немым на подобные дела, а теперь отправляет одного. От нынешнего ночного предприятия он ждет хорошей добычи. Как жаль, что богатые умирают гораздо реже бедных!

По случаю предстоящего дела Рябой угощает своего раба, он помнит, как окупилась его щедрость в день бунта. С той поры он частенько подносит Немому чашу дешевого вина. Сейчас они сидят в кабаке у Петра, и Рябой, по обыкновению, прислушивается к пьяному гомону.

В кабак, нащупывая дорогу суковатой палкой, входит слепой. Он просит угостить его вином и за это обещает рассказать поучительную историю о том, как он сделался слепым. Подвыпившие благодущные посетители не прочь послушать слепого, что им стоит купить для него чашу-другую! Слепого сажают за стол, ставят перед ним вино, и он начинает свой рассказ.

— Был в Царьграде мор, и умерла девица, дочь богатого вельможи. А перед смертью она попросила отца своего, чтобы ее похоронили в загородной усадьбе, у церкви, что стоит там среди виноградников. Был я тогда могильным вором.

Рябой и Кукиша переглядываются, слепой же меж тем продолжает, прихлебывая из чаши:

— И вот на закате солнца отправился я прочь из города, чтобы успеть выйти до закрытия городских ворот. Иду, а навстречу мне Андрей Блаженный. «Не ходи, говорит, несчастный, туда, куда идешь. И не твори того дела, которое замыслил. Худо тебе будет». — «Не твоего дурацкого ума дело, говорю, куда я иду и что замыслил».

А Блаженный не унимается: «Коли так, говорит, уж не видеть тебе солнца, не видеть тебе дня, не видеть образа человеческого, ибо затворятся ставни дома твоего и более не отворятся и померкнет день и не просветится веки!» Пренебрег я его словами и пошел своей дорогой. Блаженный же вслед мне повторяет: «Запомни, несчастный, коли сотворишь задуманное, не видеть тебе солнца!» Рассердился я, обернулся и кричу ему:

«Юрод ты бешеный, кричу, даром тебя называют бешеный —

бесы тебе сообщают чужие тайны! Пойду и проверю, правду ли ты баешь или пустое болтаешь». Засмеялся и пошел.

Вышел за ворота, дошел до имения того вельможи и, дождав-шись темноты, отвалил камень со склепа усопшей. Влез в склеп, со-влек с покойницы драгоценный саван, снял покров, расшитый золо-том и жемчугом, и хотел уйти. Да пожадничал, решил снять и сороч-ку. И едва ее снял, как мертвая девица подняла правую руку и удари-ла меня по щеке. И тотчас я ослеп. Стою, челюстями лязгаю от ужаса, колени дрожат, не держат, подгибаются.

Отверзла уста свои мертвая девица и говорит: «Окаянный! Уж коли не боялся ты ни Бога, ни ангелов его, так хоть постыдился бы видеть женское тело обнаженным. Хватило бы тебе и того, что взял сперва, хоть сорочку оставил бы несчастному телу моему! Но умыс-лил ты сделать меня посмешищем во второе пришествие перед всеми святыми девами. Только уж больше ты не украдешь никогда». Сказав это, встала девица, облеклась в сорочку и саван, надела по-кров на голову. А потом опять легла с миром и уснула.

Я же, несчастный, еле нашел стену виноградную, чтобы добрать-ся оттуда к дороге, и так, шаря руками, от стены к стене и пришел к городским воротам. Тем, кто спрашивал меня о причине моей сле-поты, я тогда не рассказал, как было на самом деле. Потом, смилив-шись, поведал всю правду одному своему приятелю. И с тех пор на-чал просить милостыню и тем кормиться. Иной раз сижу и утробе своей говорю: будь ты проклята, ненасытная, ведь из-за тебя я сле-поту получил. Кто кормилец утробе своей, а не душе, кто крадет ради нее, тот получает, что я получил. Так-то, братцы. Налейте еще винца!

— Враки все это, — неуверенно говорит Рябой.

Он поднимается и выходит из кабака, Кукша идет вслед за ним.

— Кто такой Андрей Блаженный? — спрашивает Кукша. — Не тот ли юродивый, с которого я стянул плащ как-то ночью?

— Он самый, — утрюмо отвечает Рябой.

Кукша задумывается. Вдруг Андрей Блаженный захочет ему отомстить и тоже накличет на него слепоту? Кукша не робкого де-сятка, за свой недолгий век многожды смотрел смерти в глаза, не от-ворачиваясь, а этот убогий нагоняет на него страх. Оно и понятно, ведь Андрею Блаженному помогают бесы, а против подобных сил человек мало что может.

Рябой дает Кукше последние наставления, и Кукша отправляется на дело. Он выходит на Месу, главную улицу Царьграда, пересекающую весь город, и медленно бредет к Харисийским воротам. Под мышкой у Кукши воровской ломик, завернутый в мешок, на сердце тяжело, ноги не хотят идти в ту сторону. Он бы вернулся, да Рябому это не понравится. Рябой частенько напоминает, что он спас Кукшу и человеком сделал. Кукша должен быть ему благодарен, а коли не будет благодарен, то Рябой сдаст его стражникам.

Теперь с Кукшиной помощью Рябой разбогател. Кукша помнит, что еще викинги считали самой лучшей добычей вещицы, подобные тем, которые лежат в бронзовом ларчике. Он видел, какое сделалось у Рябого лицо, когда Рябой открыл ларчик. У Рябого к тому же должно было скопиться немало денег за время, что на него работает Кукша, ведь Рябой тратит лишь малую толику украденного. Однако обещанных перемен в своей судьбе Кукша что-то не замечает.

Он бы завладел всем богатством Рябого, если бы знал, что делать дальше. В тот вечер, когда он возвращался с ларчиком в кабак Мустафы, еще не зная, что кабак разгромлен, а Мустафа погиб, он встретил человека большого роста, который торопливо шагал, согнувшись под тяжестью мешка. Человек с мешком не заметил Кукшу, а Кукша сразу признал в нем Рябого, но, признав, не стал окликать. Ему пришлось в голову выследить его, чтобы узнать, где он живет. Кукша так и сделал. Рябой вошел в дверь трехэтажного каменного дома, а немного погодя Кукша увидел, что в верхнем оконце загорелся свет. Вскоре оконце занавесили рядом.

Рябой, конечно, там и хранит свое богатство. Недаром он тащил туда то, что награбил при разгроме кабака. Это-то Кукша сообразил позже, когда узнал про погром. Но он еще раньше видел, что к нательному поясу Рябого привязан ключ с хитрой головкой, это наверняка и есть ключ от его жилища. Если овладеть этим ключом...

Кукша идет к Харисийским воротам и смотрит вдоль улицы, он все время ждет, что появится Андрей Блаженный. А ну как он и в самом деле встретит юродивого, и юродивый напророчит ему то же, что слепому? Неужто пойти на кражу и ослепнуть? Мало-помалу Кукша распаляется, в нем кипит негодование против этого злобного дурачка, который сует нос не в свое дело. Хорошо бы заманить юродивого в глухое место и убить его! Кукша взвешивает в руке ломик.

Сойдет! Много ли надо такому тщедушному существу, как Андрей Блаженный!

В это мгновение Кукша замечает, что навстречу ему трусит тощий человек, он обнажен, лишь на чреслах его болтается ветхая грязная тряпка. И оттого, что Кукша шел и думал об этом человеке, встреча с ним повергает его в растерянность. Поравнявшись с Кукшей, юродивый приветливо спрашивает:

— Куда путь держишь, юноша?

Сейчас, думает Кукша, сейчас этот бесноватый скажет, что ему известно про то, кто украл его плащ, а также про то, куда и зачем держит путь Кукша, и накличет ему слепоту. Надо поскорее, не дожидаясь его злобных пророчеств, ударить его ломиком и бежать прочь. Но на улице много людей — пропадешь в два счета. И Кукша, не отвечая, ускоряет шаг. Авось отстанет проклятый юрод, не успеv изречь свои прорицания.

Однако юродивый вприпрыжку перегоняет Кукшу и загораживает ему дорогу.

— Что же ты не отвечаешь, юноша? — ласково спрашивает он. — Язык проглотил?

Кукша вспоминает, что он немой, показывает на свой рот и разводит руками: рад бы, мол, поговорить с тобой, да, вишь, не могу, немой я. Для убедительности он нечленораздельно мычит.

По лицу юродивого пробегает усмешка. Он говорит:

— Покажи-ка мне язык!

Кукша старательно высовывает язык, едва не доставая до подбородка. Юродивый весело смеется:

— Ты такой же немой, как и я. Не хитри со мной, юноша. Ты, видно, не знаешь, что немыми бывают глухие с младенчества, и притворяешься неудачно, изображая немого и не изображая при этом глухого.

— Как так? — растерянno спрашивает Кукша и тут же больно прикусывает себе язык, но уже поздно — он проговорился.

— А так, — отвечает юродивый, — когда у человека во рту есть язык, он не умеет разговаривать, только если он глухонемой. Впредь делай вид, что ты глухой, а то иные не поверят в твою немоту.

Кукша пытается сообразить, сказал ли юродивый что-нибудь опасное для него, а тот продолжает, но уже не насмешливо, а печально:

— Не иди тем путем, на который направляет тебя Рябой, ибо сей путь — путь гибели. Заруби это на сердце, юноша.

Андрей Блаженный потрусил прочь, а Кукша еще долго стоит на месте, размышляя над словами юродивого, наконец поворачивается и медленно бредет назад. Он робко отворяет дверь и заглядывает в кабак Петра. На лице Рябого появляется недоумение и тревога. Он сразу встает и выходит на улицу. Они сворачивают за угол, в поперечную улицу, потом в безлюдный переулок.

— Говори, — разрешает Рябой.

— Я встретил этого Блаженного, — тихо говорит Кукша.

— Ну и что же?

— Он сказал, что я такой же немой, как и он. И заставил меня заговорить.

— Так ему известно, что ты не немой?

— Да.

— Говорил ли он тебе еще что-нибудь?

— Он не велел мне идти туда, куда ты меня послал.

— Вон оно что!

Рябой погружается в мрачное раздумье. Он впервые почувствовал опасность с тех пор, как перестал воровать самолично. «Слепой не соврал, — думает он, — проклятый юрод вправду все видит насквозь. Я у него как на ладошке. Вот уж не чаял, что этот убогий встанет мне поперек пути! Дурак, дурак, но ведь он может навести на след и умных!» Вслух Рябой произносит:

— Его надо убить и поскорее. Сделай это сегодня, если не хочешь с его помощью угодить в лапы к стражникам. Пойди отыщи его и следуй за ним по пятам, пока не представится удобный случай. Смотри, не погори, делай чисто.

Глава двенадцатая ОХОТА ЗА АНДРЕЕМ

Кукша находит Андрея на одной из самых людных площадей и уже не упускает его из виду. Солнце скрылось за домами, скоро на Царьград опустятся короткие южные сумерки, а за ними упадет ночь, черная как сажа, — самое лучшее время для черных дел.

Удивительно, откуда берутся силы в этих костях, обтянутых кожей? Ведь юродивый все время в движении, и большей частью бегом. Иной упитанный давно бы уже рухнул в изнеможение на его месте, а этот бежит себе и бежит, то вприпрыжку, то так. И хоть бы что!

На Хлебном торгу Андрея встречает толпа подвыпивших гуляк. Верховодит у них худощавый юноша лет двадцати с накрашенными губами и нарисованными бровями. Лицо у него бледное, словно присыпанное мукой. Он велит поймать юродивого. Гуляки с хохотом ловят Андрея и тащат его в ближайший кабак.

Кукша остается ждать на площади, не спуская глаз с кабака. Ждать ему приходится долго. Гуляки, накупив вина и снеди, садятся за стол и пируют. Кукша видит их сквозь решетку окна. Смеркается, в кабаке зажигают светильники. Окна отворены, и на улицу доносятся громкие разговоры, хохот и пьяные крики.

Время от времени кто-нибудь из гуляк бьет Блаженного по шее или тычет кулаком в бок. Блаженный выкрикивает какую-нибудь бессмыслицу, и все дружно хохочут. Он делает попытку убежать, но его хватают и снова сажают за стол.

Есть ему не предлагают, и Андрей протягивает руку к блюду с мясом. Накрашенный юноша ударяет его по руке. Кто-то кричит:

— Бедняга хочет есть!

Теперь у гуляк новое развлечение — они по очереди наклоняются к тощему как смерть юродивому и с чавканьем жуют у него над ухом. Андрей снова тянется к мясу и снова получает по руке. Тогда он говорит с обычной своей улыбкой:

— Царь земной, дай мяса, не корчи скупца!

Гуляки переглядываются и заливаются хохотом. Накрашенный юноша ставит на стол стеклянную чашу с вином, ему надо освободить руку, чтобы ударить юродивого.

Андрей хватается за чашу, быстро выпивает вино и, разбив чашу о голову юноши, выбегает вон.

С гиканьем и свистом гуляки кидаются за ним и, поймав, волокут назад. Они немилосердно колотят его и пинают ногами. Особенно старается покрашенный. От ожесточения он побледнел еще больше.

После закрытия кабака пьяная ватага бредет по улицам, криками и громким пением нарушая покой горожан, задирая и избивая редких прохожих. Андрей Блаженный идет вместе с ними. Его уже никто не держит, он мог бы незаметно ускользнуть, но он не делает этого.

За ватагой неотступно следует Кукша, отстав от нее не более чем на три-четыре шага, — он боится в темноте потерять Андрея, если тот вздумает убежать от ватаги. В руке у Кукши завернутый в мешок увесистый ломик.

Бесчинствующих гуляк окружает и хватает ночная стража. Кукша не успевает скрыться и тоже попадает в это бредень. Всех схваченных ведут в караульное помещение. Гуляки, обезумев от вина, совсем страх потеряли — бьют стражей порядка по чем ни попадя. Им и горя мало, что за это можно угодить в темницу.

В караульном помещении пьяниц начинают раздевать и бить, но они, к удивлению стражей, заливаются хохотом. Андрей Блаженный не сводит глаз с покрашенного юноши. Юношу распирает смех. Вдруг он становится серьезным и властным голосом восклицает:

— Как вы смеете поднимать руку на своего государя?

Стражи застывают, обалдело глядя на юношу. Наконец, убедившись, что перед ними и в самом деле человек, чье изображение чеканят на золотых монетах, то есть император Византии Михаил III, прозванный в народе Пьяницей, стражи падают ниц к ногам покра-

шенного юноши. Михаил медлит несколько мгновений, чтобы дать возможность своим незадачливым подданным испытать всю полноту страха, и милостиво произносит:

— Государь благодарит вас за исправную службу!

И гуляки веселой гурьбой вываливаются на улицу. Кукша тоже норовит вслед за ними и Андреем выскользнуть из караульного помещения. Но ему это не удается:

— Стой, ты куда? — рывкает один страж, преграждая ему дорогу. Он раньше других опомнился от испуга. Подозрительно оглядев Кукшу с ног до головы, он говорит, обращаясь к начальнику караула: — Парень не из этих. Что прикажете с ним делать?

— Задержать! — отвечает начальник и подходит к Кукше. Ему стыдно допущенной оплошности и хочется заглушить стыд, поэтому он полон служебного рвения. — Ты кто таков? — грозно спрашивает он Кукшу.

В караульное помещение возвращается Андрей Блаженный. Он козлом прыгает через порог и подбегает к начальнику.

— Поди прочь, убогий! — отмахивается от него начальник и снова обращается к Кукше: — Так кто же ты таков?

Кукша мычит и разводит руками, со страхом поглядывая на Андрея Блаженного. Сейчас проклятый юродивый скажет: «Он такой же немой, как и я», — и Кукше конец.

Андрей Блаженный отбирает у Кукши завернутый в мешковину ломик и дает ему пинка.

— Пошла, пошла вон, бессловесная скотина! — приговаривает Андрей и пинками гонит Кукшу к двери.

Стражи безразлично сторонятся и дают им дорогу.

— Ишь, слепней испугался, убежал с пастбища, озорник! Вот я тебе ужо задам! — укоризненно бормочет Андрей, подталкивая Кукшу к двери.

Стражи смеются, и Кукша с Андреем беспрепятственно покидают караульное помещение. На улице Андрей сует Кукше какой-то предмет — Кукша узнает свой ломик. Андрей Блаженный возвращает ему оружие, от которого должен погибнуть!

Кукшу начинает томить какое-то неуловимое воспоминание, будто что-то подобное в его жизни уже было. Однако никакие усилия уловить неуловимое не помогают.

Они долго идут молча. «Что же ты медлишь? — говорит себе Кукиша. — Делай свое дело, пока не поздно!» Наконец Андрей спрашивает:

— Где ты ночуешь, юноша?

— В Большом портике, — отвечает Кукиша.

— Прощай пока, скоро увидимся, — говорит Андрей и пропадает во мраке.

Глава тринадцатая НА БЕРЕГУ ЛИКОСА

Косые утренние лучи хлынули в Большой портик, длинные тени колонн ложатся на каменные плиты пола, чередуясь с солнечными полосами. По портику летают голуби, хлопанье их крыльев гулко разносится под сводами. Портик выглядел бы сейчас торжественно, если бы на полу не виднелись разбросанные повсюду фигурки бездомных людей.

Солнце падает Кукше на лицо, и он открывает глаза. Перед ним на корточках сидит Андрей Блаженный. Он улыбается Кукше. Как видно, он давно уже ждет Кукшиного пробуждения. Андрей дает Кукше краюху хлеба:

— На, поешь, юноша!

Кукша берет хлеб, разламывает пополам и протягивает половину Андрею. Тот отрицательно мотает головой.

— Ешь, ешь! — ласково говорит он.

Кукша ест молча. Если падают крошки, Андрей подбирает их и бросает голубям. Когда Кукша съедает хлеб, Андрей говорит:

— Теперь идем в укромное место, я хочу с тобой поговорить.

С этими словами он хватает Кукшу за руку и куда-то тащит. Кукша покорно, как ребенок, следует за ним, даже не пытаясь высвободить руку. Некоторое время они петляют по узеньким улицам и переулкам, потом пересекают широкую Месу как раз там, где накануне Кукша повстречал Андрея. По мере удаления от Месы все меньше становится добротных каменных домов и все больше попадаетесь убогих гнилых лачуг. Мостовых нет, то и дело встречаются зловонные лужи, в них довольно жмурятся на солнце щетинистые свиньи. На месте выгоревших улиц чернеют еще не застроенные пустыри.

Наконец Андрей и Кукша подходят к оврагу, по дну которого чуть слышно журчит ручей — это Ликос. Они спускаются по крутому склону и, напившись, садятся на берег ручья. «Чудно, — думает Кукша, — сам привел туда, где его удобно убить!»

И вдруг он вспоминает то, чего так и не мог вспомнить вчера. Палуба дракона после кровавой битвы и Сван, который только что спас Кукшу, чтобы Кукша мог убить его.

— О нашем разговоре никто никогда не услышит, хорошо?

Юродивый смотрит на Кукшу, на дне глубоких глазниц светятся бледно-голубые глаза, кажется, будто они видят насквозь.

Кукша кивает. Молчать — это ему не в труд, жизнь не приучила его к болтливости. Недаром его уже давно никто не называет иначе, как Немым.

Кукша с удивлением слушает голос Андрея Блаженного, никогда в жизни он не слышал такого голоса. Он почти ничего не понимает из того, что говорит юродивый, только слушает, как звучит его речь. Разве есть еще на свете голос, в котором бы звучало столько мягкости и доброты? Может быть, только голос матери был столь же мягок и добр, когда Кукша был совсем маленький и она склонялась над его лубяной колыбелью. Но голос юродивого вместе с тем не похож на голос матери.

— Да ты ничего не понимаешь из того, что я говорю! — восклицает Андрей Блаженный. — Ты плохо знаешь по-гречески?

Кукша кивает. Да, он плохо знает по-гречески. Его никто никогда не учил слушать такие диковинные речи. Если бы не Антиох, большой любитель поговорить, Кукша, наверно, и вовсе не выучился бы греческому.

— Ты скиф? — спрашивает юродивый и вдруг заговаривает с Кукшей на его родном языке.

Да, Кукша слышит родную речь, хотя она и отличается от той, что звучала в Домовичах. Иногда в речи Андрея мелькают греческие слова, и Андрей, если видит, что они непонятны Кукше, объясняет их.

Однако и теперь до Кукши туго доходит смысл того, что говорит Андрей Блаженный — потому ли, что Кукша отвык от родной словенской речи, или потому, что его завораживает голос юродивого.

Кукше хочется плакать. Ни боль, ни страх, ни отчаяние ни разу не выдавили из него слезинки с тех пор, как он плакал от злости и

бессилия, колотя могучего Свана возле родного дома. Он думал, что совсем уже закаменел. И вот слезы неудержимо текут из его глаз по щекам и щекочут в носу. Он знает, что не мужское это дело — плакать, ему стыдно, но он не может остановиться.

Увидев на его лице слезы, юродивый замолкает. Он смотрит на Кукшу спокойно, без удивления и гладит его по голове.

И тут Кукшу окончательно прорывает. Он валится на землю ничком и разражается рыданиями. Он яростно грызет жесткую траву, в рот ему набивается песок. Плач Кукши мало схож с человеческим плачем, скорее он напоминает вой и рычание раненого зверя. Но, сказать по правде, не звериная ли жизнь у этого юноши?

Над ним яркой синевой сияет прекрасное враждебное небо, под ним чужая враждебная земля, во рту у него жесткая трава чужой земли, и нет у него на земле приюта, ибо дом его где-то на другом конце света, и он никогда его не увидит. Ничего нет на свете нужнее родного дома и ничего нет недоступнее!

— Блаженны плачущие, ибо они утешатся, — тихо, самому себе, говорит юродивый, — блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

— Я хотел тебя убить! — вдруг кричит Кукша.

— Знаю, юноша, — ласково отвечает юродивый, — ничего, хотел и расхотел.

— Это я утащил у тебя плащ!

— Знаю, юноша, — говорит Андрей, — зато теперь ты не пожалеешь для меня последней рубашки.

Мало-помалу Кукша затихает, и Андрей говорит ему:

— Нельзя тебе возвращаться к Рябому.

Андрей наклоняется и поднимает с земли ломик, завернутый в мешковину.

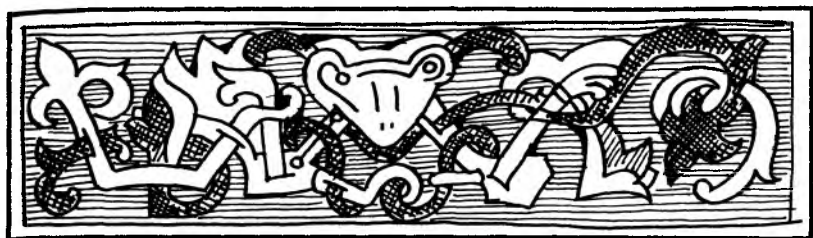
— Это тебе больше не понадобится.

Он кидает ломик через ручей в зыбкую грязь, и его начинает медленно засасывать.

Кукшу пронзает догадка: до этого мгновения юродивый предоставлял ему возможность убить себя!

Андрей ведет Кукшу вдоль ручья, потом они поднимаются по склону оврага, и Андрей показывает Кукше рытую пещеру, из-за кустарника невидимую постороннему взгляду.

— Жди меня здесь, — говорит Андрей Блаженный и куда-то уходит.

Глава четырнадцатая АФАНАСИЙ

Кукшу приютил друг Андрея Блаженного молодой набожный горожанин Афанасий. Отец Афанасия богат, занимает высокую придворную должность, перед Афанасием открыта завидная возможность службы при дворе и продвижения вверх по лестнице чинов, но он не стремится в залы царского дворца, он погружен в раздумья о смысле жизни, в изучение богословских и философских сочинений.

Афанасий посещает беседы у патриарха Фотия, где собираются наиболее ученые и склонные к размышлению царьградцы и куда приезжают просвещенные люди даже из отдаленных провинций. В этом кругу избранных Фотия признают самым умным и образованным человеком империи. Несмотря на юный возраст Афанасия, патриарх нередко устаивает его беседы наедине.

Сам Афанасий считает себя учеником Андрея Блаженного. Впервые он увидел юродивого случайно на Хлебном торгу: Афанасий и его друг Патрокл куда-то торопились, и вдруг внимание Афанасия привлек нищий, раздававший только что собранную милостыню. Потом Афанасий снова встретил юродивого, на этот раз Афанасий был один, никуда не спешил и заговорил с юродивым. Этот человек потряс его душу. Афанасий и Андрей Блаженный подружились. Время от времени они видятся и подолгу беседуют где-нибудь в укромном месте — зазвать Андрея Блаженного домой Афанасию удается очень редко.

В доме Афанасия с рабами обращаются хорошо. Пища у них простая, но добротная. Афанасий ест то же, что и рабы его отца. В пост он никогда не позволяет себе съесть скоромное и следит, чтобы

рабы тоже постились. К рабам он обращается не иначе, как «сударь». Время от времени он собирает их в своей спальне для благочестивых бесед. Узнав, что Кукша некрещеный, но хотел бы креститься, Афанасий стал заниматься с ним особо, чтобы подготовить его к принятию крещения.

С самого начала Афанасий проникся дружеским участием к Кукше. Да и как могло быть иначе, если Кукшу привел к нему Андрей Блаженный? Афанасий часто беседует с Кукшей и даже учит его грамоте. Беседы у них не только о божественном, они разговаривают обо всем на свете. Афанасий смотрит на Кукшу, как на живое чудо, ведь Кукша за свою короткую жизнь успел повидать столько стран, сколько видел не всякий бывалый купец-мореход. Сам Афанасий прожил лет на пять больше Кукши, а еще не выезжал за пределы царьградских окрестностей. Он расспрашивает Кукшу о неведомых краях, ему любопытно, что тамошние жители едят и как одеваются, в каких домах живут и в какого бога веруют.

Особенно удивительной страной кажется Афанасию родина Кукши. Подумать только, там чуть ли не полгода землю покрывает глубокий снег и стоит такой мороз, что по рекам ездят на конях совершенно так же, как здесь по дорогам! И все ходят в меховой одежде, тогда как здесь меха носят только богатые люди, да и то больше для украшения, чем по нужде.

А сколько там изводят дров, ведь, по словам Кукши, топят непрерывно! Правда, Кукша говорит, что с дровами там просто, покупать их не надо, потому что кругом леса без конца и края.

В самые холодные дни в лесу слышно, как от мороза трещат деревья. Страшно подумать о такой лютной стуже! В Царьграде одного дня столь суровой зимы было бы достаточно, чтобы тысячи бездомных, подобных Андрею Блаженному, погибли все до единого.

Не нравится Афанасию, что в северных странах до сей поры поклоняются деревянным или каменным богам. В ужас и негодование повергает его то, что в жертву этим богам приносят людей. Он поражается глубине человеческого заблуждения. Эти северяне просто-душно почитают истинным бога, который может потребовать человеческой крови, тогда как на деле истинный Бог не только не принимает кровавых человеческих жертв, но и самого себя принес в жертву ради людей.

Немало дивится Афанасий тому, что Кукша в свои годы уже бывалый воин и участвовал в настоящих битвах. Когда Кукша рассказывает об убийстве Свана, Афанасий взволнованно восклицает:

— Видит Бог, ты, язычник, поступил тогда как настоящий христианин!

Кукша спрашивает, почему не видать Андрея Блаженного, разве нельзя как-нибудь помочь этому несчастному, чтобы хоть теперь, когда на дворе зима, он не ходил нагишом и не ночевал, где придется. Афанасий смущается и, поколебавшись, говорит:

— Твой вопрос повергает меня в замешательство, ибо Андрей в свое время взял с меня слово никому не рассказывать о нем правды. Но тебе, раз он сам тебе открылся, я могу и даже должен, мне кажется, кое-что о нем сказать. Это такой человек, которому мы не можем ничего дать, дать может только он нам. Понимаешь?

Кукша не понимает, но кивает головой.

— Так вот. Когда-то я просил его поселиться у нас. Мы богаты, мой отец — добрый и благочестивый человек, он не стал бы чинить мне препятствий в таком деле. Мне ничего не стоило приютить Андрея, если бы он захотел этого. Но он со своей обычной веселой кротостью отказался. И мне стало стыдно. Я ведь и раньше понимал, что его жизнь — это не просто жизнь, а подвиг, ведь я знаю, что в свое время он добровольно оставил вполне благополучное существование. Но нам, обычным людям, так трудно преодолевать свои обычные понятия!

Если Афанасию трудно, то Кукше и подавно. Он с отчаянием думает, что ему, например, никогда не постичь удивительного христианского учения. Он спрашивает:

— А Христос поможет мне вернуться на родину, когда я приму святое крещение?

— Как ты, однако, привязан к родной земле! — удивляется Афанасий. — Впрочем, оно и понятно, здесь ты несчастный раб, отверженное существо, не мудрено, что ты стремишься сердцем туда, где тебе жилось лучше.

Помолчав, Афанасий спрашивает:

— Скажи, а если ты станешь свободным гражданином Византийской империи, неужто ты по-прежнему будешь рваться из этой благословенной страны на свою засыпанную снегом родину?

Кукша в затруднении, он не знает, что отвечать. Ведь ему не известно, что значит быть свободным гражданином Византийской империи.

— Через несколько месяцев, я думаю, это станет тебе известно, — задумчиво говорит Афанасий. — Недаром Господь послал тебе Андрея Блаженного.

Видя недоумевающий взгляд Кукши, Афанасий словно спохватывается:

— Больше я тебе пока ничего не скажу, я и так сегодня наговорил слишком много.

Глава пятнадцатая СНОВА РЯБОЙ

Для домочадцев Афанасия Кукша — новый раб, купленный Афанасием для личных услуг. Кукше не надо больше притворяться немым, он должен лишь скрывать, что живет в Царьграде уже давно. Сицилийские сарацины, у которых якобы купил его Афанасий, привезли его только что, а по-гречески он выучился еще в Сицилии.

Перемена в жизни Кукши столь разительна, что иногда ему не верится, что это явь, а не сон. Он содрогается при воспоминании о своей недавней жизни. Афанасий даже обронил, что Кукша через несколько месяцев станет свободным. Неужели это возможно? А может, Кукше просто послышалось? Ему этого не проверить — у него нет привычки переспрашивать.

Благодарный Кукша из всех сил старается, чтобы от него в доме был прок: колет дрова для кухонного очага, раздувает угли в жаровнях, рубит мясо, метет полы и лестницы. Слуги, видя его усердие, беззастенчиво сваливают на него свои обязанности, но ему это несколько не в тягость.

Афанасий запретил поручать Кукше какие-нибудь дела вне дома. Он объяснил свое запрещение боязнью, как бы Кукша не заблудился. Однажды в отсутствие Афанасия повар велел Кукше сбегать в зеленную лавку — понадобилось несколько пучков сушеных пахучих трав. Он напутствовал Кукшу:

— Не бойся, заблудиться тут негде. Выйдешь из ворот, поверни направо и так иди все прямо, никуда не сворачивай. В конце улицы будет торговая площадь. Там глянешь опять направо и сразу увидишь зеленную. Назовешь своих господ и скажешь, что я тебя при-

слал. Возьми, что надо, — и назад. Главное, не зевай по сторонам и ни с кем не болтай.

Кукша давно уже носа не высовывал за ворота, и для него стало привычным уютное чувство безопасности. И вот он снова на улице. Она ему хорошо знакома, как и большинство улиц и площадей Царьграда. Знает он и зеленную лавку — когда-то он подбирал возле нее гнилые плоды. На той самой торговой площади, куда он идет сейчас, его выследил Рябой, когда Кукша подобрал упавшую жареную рыбу. Кукша идет торопливо, пугливо озирается, во всех мужчинах большого роста ему чудится Рябой.

Выйдя на торг, он поворачивает к зеленой лавке и натывается на Рябого. Мгновение Кукша стоит в замешательстве, соображая, в какую сторону лучше бежать. Этого достаточно, чтобы Рябой железной хваткой вцепился в него. На лице Рябого злобное торжество. Отстранив Кукшу на расстояние вытянутых рук и склоняя голову то направо, то налево, Рябой разглядывает его.

— Ты, я вижу, принарядился, — насмешливо говорит Рябой, — прямо жених! — И добавляет примирительно: — Петр все спрашивает, куда, мол, девался Немой? А я не знаю, что и отвечать. В темнице, думаю, бедняга, а может, жадные торговцы убили сердечного. А ты, слава Богу, жив, здоров и на воле! Ну, рассказывай, куда ты запропастился?

Кукша не отвечает, и Рябой начинает сердиться:

— Что? Сорвал хороший куш и решил жить сам по себе, а Рябого по боку?

Кукша продолжает молчать, и Рябой раздражается упреками:

— Кто тебя подобрал, когда ты подыхал с голоду? Кто тебя кормил? Кто ремеслу выучил? Кто? Ну, отвечай же, неблагодарная тварь!

Невесть почему, Кукше вдруг приходит в голову изобразить немом. Глядя прямо в глаза Рябому, он корчит дурацкую рожу и нечленораздельно мычит.

— Ах ты, скифский пес! — шипит Рябой и так сжимает Кукшины плечи, что, кажется, вот-вот захрустят кости. — А ну, пойдем в сторонку, потолкуем!

Но сейчас Кукша не сдается так просто, как в тот раз под лестницей в переулке, где днем и ночью горят фонари. Тогда от голода у Кукши темнело в глазах, если он наклонялся, а теперь не темнеет.

Кукуша резко падает вперед. Плечи его высвобождаются, в клешнях Рябого остается только Кукушина шерстяная накидка. Кукуша ударяет его головой в живот, вернее в то место, где кончается грудная клетка. Рябой охает и, скорчившись, хватается за живот. Он пробует что-то сказать или крикнуть и не может. Кукуша вырывает у него из рук свою накидку и бросается в толпу.

Некоторые праздные люди, видевшие, как он боднул Рябого и что-то вырвал у него, пытаются задержать Кукушу, но они действуют вяло, потому что у пострадавшего не слишком почтенный вид: кто их знает, из-за чего сцепились эти бедняки, стоит ли стараться ради кого-то из них! Во всяком случае, на вознаграждение тут рассчитывать нечего! Кукуша без труда увертывается от чьей-то руки и скрывается в рыночной суете.

Он кружит по улицам, а потом возвращается на торговую площадь — вряд ли Рябой ждет его там. Взяв в зеленой лавке все, что нужно, Кукуша бежит домой.

Хорошо, что Рябой думает, будто Кукуша зажил самостоятельной воровской жизнью, значит, он будет искать его прежде всего в харчевнях и кабаках, а там Кукуша не бывает. Однако он, конечно, станет похаживать и здесь, где видел Кукушу. Надо держать ухо востро. Если они опять встретятся, Рябой, возможно, не будет больше пускаться в разговоры, а сразу кликнет стражников.

Глава шестнадцатая КУКШУ ВЫКУПАЮТ

Миновала зима с ледяными дождями и сырыми снегопадами, и снова на безоблачном небе сияет милосердное солнце. Облегченно вздыхают бездомные бедняки, дожившие до весны. Увы, не у всех хватило сил ее дожидаться. Многих за зиму сволокли в огромные ямы, вырытые на городских окраинах, и оставили гнить под открытым небом. Так спокон веку хоронят в Царьграде безродных бедняков и казненных преступников.

Но никого уже не печалят зимние беды. Живые радуются солнцу, а мертвые одинаково равнодушны и к теплу и к стуже. Приближается самый большой праздник православных — Пасха, и город полон торжественного ожидания. Царьградцы прибирают к празднику свои дома и улицы. С наступлением Пасхи кончается долгий Великий пост, и, отстояв в церквах вечерню, всенощную и заутреню, горожане отправятся домой и сядут за праздничный стол. С этого времени разрешается есть мясо и пить вино.

В свечной лавке Епифана торговля идет не слишком бойко — к празднику даже небогатые люди стараются купить восковых свечей вместо сальных, поэтому у Епифана достаточно времени, чтобы читать «Жития святых». Вот и сейчас он сидит перед налоем, отстранив подальше от глаз толстую пергаментную книгу.

В лавку входит богато одетый юноша с красивым умным лицом. Это посещение удивляет Епифана — богатые люди не ходят в лавку сами, они присылают слуг. Епифан встает и с подобострастной улыбкой приветствует юношу. Он говорит о погоде, о приближении праздника. Епифан пытливо вглядывается в лицо юноши, пытаясь угадать, чем вызвано необычное посещение.

Юноша делает большой заказ на свечи, сразу оплачивает его и говорит, что пришлет за свечами слугу. Епифан рад хорошему покупателю, однако он видит, что не ради этой покупки явился к нему юноша. Так и есть, посетитель обращается к Епифану с просьбой, которая озадачивает старого лавочника. За свой долгий век Епифан не слыхивал ничего подобного: чтобы вот так, ни с того ни с сего, приходили в лавку к свечнику и просили продать раба, да вдобавок именно того, который давно уже пропал! Старик даже переспрашивает: он туговат на ухо и опасается, не ослышался ли.

— Нет, ты не ослышался, — говорит юноша, — я действительно намерен купить у тебя раба по кличке Немой.

— Но ведь он сбежал еще в позапрошлом году! — восклицает Епифан. — Сбежал и как в воду канул!

— Тем легче, — говорит странный покупатель, — тебе с ним расстаться.

— С кем, прошу прощения? — спрашивает старик.

— Я неточно выразился, — отвечает юноша, — я хотел сказать: тем легче тебе решиться на эту сделку. Если бы раб был у тебя по-прежнему, ты бы, очевидно, не стал его продавать, по крайней мере, за те пять номисм, что уплатил за него на невольничьем рынке. А раз он сбежал, у тебя нет оснований отказываться от этой сделки. Тебе возвращают пять номисм за раба, которого у тебя все равно нет, твое дело лишь подписать купчую — и раб переходит в мою собственность.

«Уж не мошенник ли какой-нибудь? — думает Епифан, внимательно глядя на него. — Нет, на мошенника не похож. Хотя, кто его знает! Может, позвать все же стражников?» Старик переводит взгляд с лица посетителя на отвернутую дверь, за дверью пестреет уличная толпа, стражников поблизости не видеть.

— Стражников звать не надо, — говорит посетитель, перехватив взгляд Епифана. — Ты меня ни в чем не уличишь, только потеряешь пять золотых, которые уже почти вернулись в твой кошелек.

Такой довод кажется расчетливому лавочнику вполне разумным, он согласен, что стражники им ни к чему. Однако он ни в чем не любит спешки, особенно в таком важном деле, как купля-продажа раба. Поэтому он говорит:

— Перед тем, как сбежать, негодяй искалечил моего главного ра-

ботника! Бедняга чуть не месяц лечился, я вынужден был давать ему на лекарства...

— Сколько же ты хочешь за это? — перебивает его юноша.

Торговец медлит с ответом, он колеблется, боится продешевить и в то же время опасается, как бы не отпугнуть странного покупателя чрезмерным требованием. А юноша, как назло, проявляет нетерпение, не давая ему как следует подумать. Наконец Епифан решается:

— Четыре номисмы. И еще номисму за то, чтобы этот разговор остался между нами. Тогда будет ровно десять. — Голос старика дрожит от волнения. — Я думаю, это не слишком высокая плата за такого хорошего раба... а также за лекарства... и за простой искалеченного работника... К тому же в последнее время рабы подорожали, а Немой — очень толковый раб, правда, не скрою, он немного строптив... но..

Покупатель мягко прерывает его:

— Прошу прощения... ведь пострадавший от Немого — свободный, если я не ошибаюсь?

— Ты не ошибаешься, — отвечает Епифан.

— Так у него, по-видимому, есть семья? — спрашивает покупатель.

— Конечно! — подтверждает старик. — Жена и пятеро детей.

— И они, наверно, любят ходить на ипподром? — допытывается юноша.

— Как все жители Царьграда! — отвечает торговец.

— Небось, они иной раз не прочь поставить на хорошего возницу?

— Возможно, — говорит старик уже с легким недоумением.

— Я думаю, они не будут в обиде, — заключает юноша, — если я передам им через тебя еще десять или двадцать номисм на игру, помимо тех десяти, что причитаются тебе?

Епифан внимательно глядит на юношу, стараясь сообразить, шутит он или говорит серьезно — от такого чудного покупателя можно ожидать чего угодно. Наконец старик понимает, что над ним смеются. Он мрачнеет, а голос юноши становится жестким:

— Получи свои пять номисм, и давай составим купчую. А нет, я ухожу.

И юноша делает шаг к выходу. Испуганный лавочник остано-

ливает его, отпирает крохотную комнатку, и оба входят в нее. Старик покрывает кусок папируса мелким ровным почерком. Наконец купчая составлена и скреплена подписями, деньги переходят из мошницы покупателя в железную укладку торговца, и Кукуша становится собственностью юноши. На улице юношу ждет Афанасий, он бросается к нему навстречу.

— По твоему лицу, дорогой Патрокл, — взволнованно говорит Афанасий, — я вижу, что дело сделано! Не так ли?

— Все в порядке! — отвечает Патрокл. — Хитрый лавочник хотел выманить у меня лишние пять номисм, но это ему не удалось: я все время помнил твою просьбу — не давать ему ни одного лишнего обола.

— Трудно выразить словами, как я благодарен тебе, дорогой Патрокл! Я уверен, если бы я пошел к лавочнику сам, у меня бы ничего не получилось!

Юноши направляются к дому Афанасия — теперь остается написать отпускную, и Кукуша свободен. Афанасий доволен, что выкупая Кукушу уложилась в пять номисм, полученных от Андрея Блаженного. Учитель ни за что не хотел, чтобы Афанасий выкупал Кукушу на свои деньги, и был бы огорчен, если бы его денег не хватило.

Глава семнадцатая
ПРИВЯЗАННОСТЬ К РОДИНЕ

Получив отпускную, Кукша остается в доме Афанасия. Теперь он живет здесь в качестве наемного слуги. Он свободен, может идти, куда ему вздумается. Но идти особенно некуда. Где ему будет лучше, чем в доме доброго Афанасия, который для Кукши больше, пожалуй, старший брат, нежели хозяин!

За то время, что Кукша живет у Афанасия, он вырос, налился силой, и, когда идет по улице, молоденькие служанки, да и не только служанки, заглядываются на статного белокурого молодца.

Неплохо живется Кукше, чего еще желать! Но странное дело, чем благополучнее складывается его жизнь, тем настойчивее его одолевают мысли о родине. Когда он с утра до ночи лил свечи под неусыпным надзором Димитрия, когда бездомный скитался по Царьграду и губил свою душу на службе у Рябого, реже он думал о Домовичах, не так его мучила тоска по родине.

А тут недавно высоко над Царьградом пролетали журавли из вечно теплых стран на далекий родной север, так у него чуть не разорвалось сердце. Точно таким же клином полетят они над Домовичами и такое же непонятное печальное курлыканье будут ронять с неба на родную Кукшину землю.

Афанасий не устает удивляться Кукшиной привязанности к неприветливой холодной родине. Он допрашивает Кукшу:

— Ну, а если бы ты сделался богатым здесь, в Царьграде, если бы у тебя появился свой дом, рабы, виноградники в окрестностях города, ты все равно мечтал бы вернуться на родину?

В ушах Кукши еще звучит удаляющееся курлыканье, он тихо говорит:

— Не знаю...

Однажды в кружке патриарха Фотия шел разговор не столь ученый, как обычно. Рассуждая об ослаблении у молодежи чувства любви к отечеству, сокрушались, что бывают случаи, когда ромей переходит в мусульманскую веру и даже сражается против своей отчизны.

Афанасий, самый молодой участник беседы, задумчиво сказал:

— В нашем доме есть слуга, северный тавроскиф по происхождению. Он совсем юн, ему лет пятнадцать или шестнадцать. Он необычайно привязан к родине, которую видел в последний раз еще лет десяти или одиннадцати и которой больше никогда не увидит. Какая устойчивость чувств! А ведь он вчерашний язычник, он лишь недавно выучился читать и писать!

Разговор пошел о том, что византийскому государству следует предпринимать всяческие усилия к тому, чтобы распространять свет христианского учения среди северных варваров. Михаил, священник церкви святого Акакия, сказал, глядя куда-то вдаль, может быть, в заснеженные просторы неведомой Тавроскифии:

— Я верю, что на почве молодого народа, грубого, но чистого сердцем, православие расцветет так пышно, как нигде и никогда еще не расцветало. Вспомните, ведь не случайно проповедь апостолов Господа нашего нашла гораздо больший отклик у необузданных язычников, нежели у ведающих закон иудеев.

Юный Патрокл, начальник одного из гвардейских отрядов, заметил:

— Распространение православия среди северных варваров способствовало бы прекращению их разорительных набегов и помогло бы нам подчинить их.

— Так оно и будет, — сказал патриарх Фотий. — Среди скифов, живущих к востоку от Тавриды, уже много христиан, свет православия проникает от них и дальше на восток — к хазарам. Очень важно, чтобы теперь истина как можно скорее отправилась в поход на север. Тогда империя и христианство получили бы могучего союзника против наступающих мусульман.

Из патриаршских палат на площадь Августеон Афанасий выходит вместе с Патроком.

— Скажи мне, — спрашивает Патрокл, — отчего ты не хочешь

сделать карьеру в гвардии? Здесь тоже нужны просвещенные и благочестивые люди, я и мои друзья оказали бы тебе немалую помощь.

Афанасий отвечает:

— Гвардейская карьера не для меня. Мне с младенчества нравилась жизнь созерцательная. Я гораздо более склонен к размышлению, чем к действию. Поэтому я и готовлюсь вступить в духовное звание.

— Ну что же, дай тебе Бог, — говорит Патрокл.

Не доходя изваяния императора Юстиниана, они прощаются, Патроклу надо идти в Большой царский дворец, где он служит, а Афанасий поворачивает направо, на Месу. Уже простившись с приятелем, Афанасий вдруг что-то вспоминает и окликает его:

— Дорогой Патрокл, — говорит он, — ты только что звал меня вступить в гвардию. Предлагаю тебе человека, гораздо более подходящего для этого дела, нежели я, — настоящего, испытанного воина, родом тавроскифа. Это Кукша, мой слуга, о котором я давеча говорил и которого ты великодушно помог мне выкупить. Среди тех, кто служит его царственности, есть и Кукшины единоплеменники, так что никого не удивит появление во дворце еще одного тавроскифа. А у тебя, между прочим, будет там верный человек.

Удивительный город Царьград! Здесь ничего не стоит умереть с голоду, но, если повезет, можно весьма преуспеть, даже не прилагая к тому особых усилий. Судьбу человека может круто повернуть случай пустяк, случайная встреча или разговор двух приятелей. Глядишь, вчерашний раб в один прекрасный день становится царским гвардейцем, получает короткий ромейский меч, шлем с гребешком и чешуйчатый панцирь, не говоря уже о хорошем жалованье, носит красивую одежду и живет в царском дворце. Вот какие вещи случаются в Царьграде!

Глава восемнадцатая В БОЛЬШОМ ЦАРСКОМ ДВОРЦЕ

Когда-то Кукшу поразили своим богатством конунг Хальвдан Черный: чего только не было в его обширной усадьбе! Но против византийского царя мурманский конунг — жалкий бедняк, его жилище — убогая лачуга по сравнению с самым незначительным строением из тех, что составляют Большой царский дворец.

Этот дворец занимает огромное пространство и состоит из бесчисленного множества самых разнообразных зданий. Здесь семь перистилей — отдельно стоящих сеней с колоннадами, четыре церкви, девять часовен, столько же молелен, четыре караульных помещения с казармами для гвардейцев, три большие галереи, семь второстепенных галерей, пять палат для приемов, три трапезные, десять особых палат для членов царской семьи, библиотека, оружейная, открытые террасы, с которых можно любоваться морем, манеж, где царь с приближенными катается верхом, две бани, восемь отдельных дворцов, окруженных садами, и гавань. Над всем этим возвышается башня, увенчанная крытой площадкой, похожая на сарацинский минарет. Башня имеет важное значение для безопасности государства, и в ней постоянно находится особый отряд.

При покойном царе Феофиле, отце нынешнего царя, жил хитроумный изобретатель Лев Математик. Ему пришло в голову связать царский дворец со всеми провинциями империи посредством светового вестника. Мысль эта понравилась царю Феофилу и была осуществлена.

На вершинах гор учредили световые посты. Каждый пост имеет большое вогнутое зеркало на оси, которое, запалив перед ним яркий огонь, поворачивают в нужную сторону. Огонь заслоняют и снова

открывают, и это условное мигание обученные ромеи читают точно так же, как грамоту, привезенную гонцом на взмыленном коне.

С тех пор, едва в какую-нибудь провинцию вторгается враг, на тамошнем световом посту загорается огонь, другие посты передают сигнал дальше, и таким образом тревожная весть быстро достигает башни, стоящей в саду Большого царского дворца.

Днем и ночью каждые два часа на вершину башни по витой лестнице всходят дозорные — четыре гвардейца, непременно ромеи родом, чтобы сменить своих товарищей и в продолжении двух часов зорко вглядываться в даль. Если на каком-нибудь световом посту дозорные замечают огонь, они тоже в ответ зажигают огонь, сообщая, что сигнал принят.

Башню, стоящую в саду дворца, царьградцы называют маяком или минаретом.

Кукша никогда не плутал в лесу, живя на родине, ему даже не приходилось задумываться, в какую сторону следует идти, он просто шел куда надо, как ходят лесные звери. Здесь же он теряется, в глазах у него рябит от золоченой лепнины, сверкающего мрамора, бронзовых дверей, резьбы по камню и дереву. Ему кажется, что, если бы не маяк, гвардейцам ничего не стоило бы заблудиться, идя к месту несения службы.

Страшко и Некрас, так зовут гвардейцев, встреченных Кукшей в бане, говорят, что им случалось видеть, как на крыше маяка отдыхают перелетные птицы, которые каждую весну прилетают вить гнезда на их родину.

Все покои Большого дворца расположены так, что царь, оставаясь дома, может присутствовать на богослужении, на приемах важных лиц в парадных палатах, на торжественных обедах и даже на зрелищах ипподрома, ибо царская ложа на ипподроме, соединенная с остальными помещениями, тоже, собственно, продолжение Большого дворца.

Кукша живет в той части дворца, что примыкает к площади Августеон и называется Халка. Здесь находятся знаменитые Бронзовые сени, покрытые позолоченной бронзовой черепицей, и железные ворота — главные ворота дворца. Через них царь в сопровождении пышной свиты выходит на площадь. Здесь, в Халке, три караульных помещения, отсюда гвардейские отряды отправляются для несения

службы — для охраны дворцовых покоев или для участия в торжественных церемониях.

Один из внутренних дворов, тот, что примыкает к манежу, служит площадкой для воинских упражнений гвардейцев — они здесь лазят по канатам, карабкаются на гладкий столб, бегают, прыгают, скачут верхом, борются, бьются на мечах, мечут копыя и стреляют в цель.

Кукше больше всего нравится на этом дворе, здесь он чувствует себя в своей тарелке. Впрочем, скоро Кукша замечает, что другие посещают этот двор совсем не так охотно, как он. Многие гвардейцы, особенно тавроскифы, предпочитают сидение в кабаках всему остальному, словно беря пример с молодого царя Михаила. Исключения составляют черные, словно вымазанные сажей, эфиопы, заведенные еще покойным Феофилом. Но эфиопов осталось мало, и все они уже немолоды.

Кукше чудно, что Большой дворец, этот город в городе, и есть жилище того накрашенного юноши, которого он видел, когда охотился за Андреем Блаженным. Говорят, дворец — это царский дом, дом царской семьи. Но невозможно понять, зачем человеку, какая бы семья у него ни была, дом, состоящий из такого множества домов, и такое неисчислимое количество прислуги. Интересно, бывал ли молодой царь во всех этих зданиях?

Самого царя сейчас нет в Большом дворце. Говорят, он гораздо больше любит дворец, расположенный за пределами Царьграда, в предместье святого Маманта.

Страшко с Некрасом рассказывали Кукше, что до недавнего времени по аллеям и колоннадам Большого дворца в сопровождении служительниц гуляли четыре веселые черноглазые девушки — сестры царя. Жили они в особом дворце из карийского мрамора, который построил для них покойный отец царь Феофил.

По утрам царица Феодора, пышнотелая властная женщина, в окружении приближенных шествовала в Золотую палату приветствовать своего беспутного сына.

Теперь никого из них нет в Большом дворце — Михаил спроводил в монастырь и матушку и сестер. Вернее будет сказать, что устроил это дядя Михаила по матери, кесарь Варда. Дядя потакает племяннику во всех его порочных наклонностях, лишь бы племянник не совался в государственные дела, предоставляя их дяде.

Однажды Кукша становится свидетелем удивительного события.

Зрелище конных состязаний — самое любимое развлечение царьградцев, и интерес к состязаниям отнюдь не ослабевает оттого, что в них участвует в качестве возницы сам царь Византии.

Наступает день больших игр. Над ипподромом растянута тент, подбитый пурпуром, для защиты зрителей от солнечного зноя. Под этот тент собираются чуть ли не все жители столицы. Здесь первые богачи и последние бедняки, медлительные старцы и юркие мальчишки. Вход сюда никому не возбраняется и не стоит ни одной лепты. Помимо царьградцев на ипподроме много приезжих из других частей империи и со всех концов света. На каждом шагу слышно, как чужеземный говор мешается с греческой речью. Здесь, на ипподроме, отсвет пурпура ложится, не разбирая, и на лицо властителя полумира, и на лицо жалкого нищего.

Кукша с секирой на плече охраняет одни из четырех главных ворот ипподрома — те, что возле кафизмы. Кафизма — это здание, стоящее в начале ипподрома, со стороны святой Софии. Оно не общается ни с ареной, ни с трибунами. В нем находится царская ложа и ложи сановников и сенаторов. Над царской ложей возвышается башня, украшенная четверкой бронзовых коней. Говорят, что коней этих еще в стародавние времена привез царь Феодосий с острова Хиос. Ниже царской ложи расположена терраса с колоннами, ее занимают царские телохранители.

Телохранители охраняют пустую ложу, в ней нет царя. А где же царь? Он мчится сейчас по желтому песку ипподромной дорожки, изо всех сил стараясь обойти того, кто мчится впереди него.

Заезд следует за заездом. С каждым заездом увеличивается количество коней в упряжке, все труднее возницам управляться с конями, все жарче накаляются страсти зрителей. То и дело по трибунам прокатывается ужасающий рев. Это ревет ипподром, обладатель стотысячной глотки, ведь трибуны его вмещают сто тысяч человек!

В Царьграде четыре ипподромных общества — «голубые», «зеленые», «белые» и «алые», общества эти называются димами. Каждый дим содержит свои конюшни, своих коней и возниц, поэтому колесницы и одежда возниц окрашены в соответствующие цвета.

Различные димы, так же как и их сторонники, испытывают, конечно, различные чувства, ибо здесь радость и восторг одних неизбежно оборачиваются досадой и разочарованием других. Но ипподомная толпа все эти разнообразные чувства выражает одинаково — ревом. Иногда страсти достигают такой силы, что враждующие димы бросаются друг на друга, и происходит побоище. На этот случай какой-то предусмотрительный император выстроил стены, отделяющие арену от зрительских трибун.

Число коней в упряжке возрастает до семи. Взмокшие от пота возницы, и среди них молодой царь, напряженно ждут знака, чтобы начать очередной заезд. В левую руку каждого возницы сходится пучок многочисленных вожжей, в правой он держит длинный извивающийся бич.

В это время световой вестник приносит сообщение, что сарацины вторглись в малоазийские владения империи. Протонотарий, один из высших чиновников государства, в смущении и страхе подходит к царю, чтобы сообщить ему дурную новость.

— Я должен передать твоей царственности, да продлит Господь твои дни, — говорит он, запинаясь, — передать твоей царственности донесение доместика схол*: сарацины опустошают Фракисию и Опсикий и приближаются к Малангинам...

— Как ты смеешь, — закричал на него царь, — беспокоить меня своими разговорами в такой важный момент, когда все мое внимание сосредоточено на том, чтобы вон тот средний не перегнал левого!

Бедный протонотарий прикусил себе язык. Однако слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Тревожная весть мгновенно облетает трибуны, зрители уже не получают от состязаний прежнего удовольствия, увеселение непоправимо испорчено.

Взбешенный царь в тот же день отдает приказание уничтожить световой вестник и скрыть маяк, стоящий в дворцовом саду.

Загадочное существо — человек. Про Кукшу не скажешь, что он испытывает священный трепет перед наместником Бога на земле, живущим среди сказочной роскоши. Кукша видел его размалеван-

---

* Доместик схол — высшее должностное лицо в военных силах Византийской империи.

ным ночью в каталажке, где пристало находиться вора и бездомным бродягам, а не помазанникам Божиим. Кукше известно, как отец ромеев обошелся со своей собственной матушкой и сестрами. Ему жаль обреченной на разрушение башни, на которой отдыхают перелетные птицы по дороге в родные северные края. Он частенько дивится тому, как много глупого и подлого творится во дворце. И в то же время, когда он шагает по городу и люди оглядываются на него, молоденького гвардейца, он надувается от гордости, ему лестно сознавать, что про него думают: этот юноша — царский гвардеец, он живет в Большом царском дворце!

Глава девятнадцатая КРЕЩЕНИЕ КУКШИ

В канун Пасхи Кукша принимает святое крещение. Вместе с Кукшей крестятся несколько тавроскифов из царских гвардейцев. Крещение производится весьма торжественно, в Большой крестильнице, примыкающей к храму святой Софии. Крестить гвардейцев будет сам патриарх. Голые, покрытые гусиной кожей гвардейцы, стоя возле огромной беломраморной купели, с трепетом ждут патриарха.

Наконец появляется он сам вместе с духовенством. Только что в особой раздевальне он переоделся в сверкающее белизной облачение. У него бледное смуглое лицо, обрамленное седеющей курчавой бородой. Умные карие глаза скользят по лицам гвардейцев и на мгновение задерживаются на Кукше. В них мелькает любопытство — патриарх догадывается, что перед ним тот самый тавроскиф, о необычайной судьбе которого ему однажды рассказывал Афанасий.

Выйдя из купели и одевшись, новокрещенные с горящими свечами в руках вереницей идут в храм святого Петра, примыкающий, как и Крестильница, к святой Софии. Сияет солнце. Порыв ветра приносит запах моря. Пламя свечей колеблется, и новокрещенные поспешно прикрывают его ладонями.

В храме святого Петра патриарх мажет миром, благоухающим священным маслом, чело Кукши и других гвардейцев и возвращается в храм святой Софии для свершения литургии*. Новокрещенных ведут туда же. Там по окончании литургии они должны исповедаться в грехах и причаститься Святых Даров.

---

* Литургия — главнейшее из христианских богослужений.

И вот Кукша стоит в величайшем и великолепнейшем храме Вселенной, в котором горят, не угасая, пять тысяч золотых лампад. Он слушает дивное пение и молитвы, почти не разбирая слов. Прекрасные звуки входят в него вместе с благоуханием воска и смолистым запахом ладана и помогают улететь в неведомую высь. Удивительно, что здесь, в этом огромном богатом храме царят запахи, к которым Кукша был привычен дома. А ведь это лучшие благовония из всех, какие он знает.

Когда литургия заканчивается, новокрещенные исповедуются, а потом подходят к священнику в облачении из серебряной парчи, он дает каждому маленький кусочек хлеба и ложечку красного вина. Съесть освященного хлеба и выпить освященного вина — и значит причаститься Святых Даров. После этого каждый целует золотой крест, который патриарх держит в правой руке.

Теперь он, Кукша, христианин, как все царьградские жители. Теперь у него новое христианское имя — Георгий. Он назван так в честь святого великомученика Георгия Победоносца, которого на иконах изображают обычно верхом на коне. В руке Георгия длинное тонкое копье, вонзенное в пасть крылатого змея.

Кукша находит глазами икону. Когда он глядит на святого Георгия, ему всегда кажется, что тонкое копье вот-вот переломится. Кукша, бывший викинг, знает, сколь прочным должно быть боевое копье. Но Афанасий говорит, что святой Георгий не нуждается в тяжелом варяжском копье, ибо битва его бестелесна и победа его — это победа духа света над духом тьмы. Кукше еще трудно это понять, но он не привык задавать слишком много вопросов. Он надеется, что когда-нибудь Бог вразумит его, только для этого надо жить по Его заветам.

Все новокрещенные выходят из храма на главную паперть и здесь, как подобает христианам, раздают милостыню. Кукша по совету Афанасия заранее наменял мелочи для раздачи нищим и теперь, поворачиваясь направо и налево, кидает монеты в протянутые руки. Вот его новенький обол падает в очередную ладонь, большую и заскорузлую. Слышится знакомый гнусавый голос:

— Подайте Христа ради расслабленному!

Кукша смотрит на нищего. Перед ним широкое рябое лицо. Мнимый расслабленный с изумлением уставился на Кукшу.

— Ишь ты! — только и может произнести Рябой.

Для Кукиши эта встреча тоже неожиданность, хотя он мог бы помнить, что Рябой просит милостыню именно здесь, у святой Софии. Мгновение оба молчат. Наконец Рябой, оглядев Кукишу с ног до головы, говорит негромко:

— Приходи на Фоминой неделе к Петру. Не придешь — пожалеешь! Говорю в последний раз.

— Приду, — спокойно отвечает Кукиша, — отчего не прийти!

Глава двадцатая СВИДАНИЕ С РЯБЫМ

Выйдя из Халки и миновав изваяние Юстиниана, Кукша вступает на Месу. В начале Месы по обеим ее сторонам расположены лавки златокузнецов*. Это самые богатые ремесленники Царьграда, недаром они имеют дело с золотом, серебром и драгоценными камнями. В их лавках продаются украшения, иные из которых стоят столько, сколько простому труженику не заработать и за десять жизней. Подобные вещицы должны быть и в ларчике у Рябого, в том самом ларчике, что Кукша украл во время бунта.

На Кукше одеяние царского гвардейца. Сбоку у него болтается меч. Кукша уже совсем не тот, каким был, пока ходил без оружия. Человек, препоясанный мечом, гораздо увереннее в себе, нежели человек без меча. Меч изменяет даже его осанку — голова поднимается выше, спина делается прямее. Такой человек без колебания берет у другого то, что ему нужно. Вот и Кукша, он чувствует, что он не только в силах, но и вправе так поступить. Не зря он скитался с викингами, в него успел проникнуть дух разбойничьего удалства, царящий на их быстроходных длинных кораблях. Впрочем, Кукша убежден, что в деле, которое он задумал, нет греха, ведь он собирается лишь отобрать у вора ворованное.

С Месы Кукша сворачивает в одну из поперечных улиц. Уверенно шагает он по узеньким улочкам и переулкам, то карабкающимся вверх, то круто сбегаящим вниз, спускается и поднимается по каменным лестницам. А ведь именно эти улицы и лестницы чаще

---

* Златокузницы — ювелиры.

других бывали свидетелями его страха и отчаяния. Все это в прошлом и никогда не вернется!

Наконец Кукша попадает в самую темную и зловонную часть города. Здесь живут бедняки, нищие и воры. Он подходит к кабаку Петра и толкает ногой дверь. Его обдает винным духом и пьяным гомоном.

В кабачке ничего не изменилось — те же завсегдатаи с мутными глазами, так же радушно хозяин потчует посетителей. Рябой сидит на своем обычном месте. Кое-кто из посетителей с любопытством разглядывает Кукшу — в кабаках и харчевнях этой части города гвардейцы появляются редко.

Рябой уже слегка под хмельком, он глазами указывает Кукше на скамейку. Кукша, в свою очередь, движением головы указывает на дверь. Рябой кивает и, допив из чаши вино, вслед за Кукшей выходит на улицу.

Они идут молча. Рябой косит глазами на Кукшину одежду. Когда они оказываются достаточно далеко от заведения Петра, Рябой говорит с невольным подобострастием:

— Я смотрю, моя школа пошла тебе впрок — ты, кажется, неплохо живешь. Не боишься так высоко заноситься? Ну, выкладывай, как тебе удалось влезть в гвардейскую шкуру? Может, и я...

Кукша не отвечает, и Рябой спрашивает:

— Чего молчишь, как истукан?

Кукша продолжает молчать, Рябого это уже сердит:

— Давно нечесаный ходишь? Ты знаешь: я могу и почесать! Ну, разомкни уста, змей!

Кукша корчит дурацкую рожу, мычит, показывает на рот и разводит руками. Рябой багровеет от ярости. Он бы влепил сейчас оплеуху этому наглому сопляку, да опасается привлечь внимание прохожих — больно уж заметная на Немом одежда. Поэтому Рябой только шипит:

— Тебе повезло, что ты пришел сегодня. Завтра я собирался заявить на тебя. Какой прок, думаю, щадить эту неблагодарную тварь...

— Довольно болтать, — прерывает его Кукша, — пойдем туда, где нет посторонних глаз и ушей. Там и потолкуем.

В Кукшином голосе Рябой улавливает уверенность и твердость.

Это что-то новое. Он вперяет в Кукшу внимательный взгляд. Кукша больше не произносит ни слова. Предложение его кажется Рябому разумным, но ему не нравится наглость, которой Кукша набрался, пока жил сам по себе. Надо дать ему острастку.

— А не хочешь ли, — спрашивает Рябой, — чтобы я кликнул стражников?

— Пожалуй, — отвечает Кукша. — Вон идут двое, может, мне самому их кликнуть?

— Хватит шуток! — огрызается Рябой. — Я тебе позволяю резать пасть, чтобы ты говорил о деле, а не ломал дурака.

Когда стражники проходят мимо и удаляются, он говорит уже более миролюбиво:

— Так рассказывай о своих делах!

— Пойдем на Кожевенную, — отвечает Кукша, — там после пожара должны быть хорошие пустыри.

Они приходят на Кожевенную, почти полностью выгоревшую во время бунта, там на пустыре среди отбросов и обгорелых камней буйно разрослись кустарники и сорные травы. Кукша обнажает меч и говорит:

— У тебя на натальном поясе висит ключ. Давай его сюда.

Рябой долгим угрюмым взглядом глядит на Кукшу.

— Ключ? — произносит он наконец. — Какой ключ?

— Тот, что у тебя на поясе, — повторяет Кукша. — Давай его сюда, да поживее.

— Нет у меня никакого ключа!

— Или ты отдашь его по доброй воле, — говорит Кукша, — или я тебя прикончу и возьму его сам!

— Да на что он тебе сдался? — спрашивает Рябой, вымученно улыбаясь и стараясь не смотреть на сияющее острие меча. Проклятый раб оказался не так прост — он прознал-таки про его чердачную каморку!

— Я уже сказал тебе: отдай мне ключ, а там поговорим.

Рябой мешкает, он прикидывает, нельзя ли убежать. Нет, пока он будет поворачиваться, Немой успеет проткнуть его своим мечом. Но отдать ключ — значит лишиться ларчика с драгоценностями и всего накопленного! И именно теперь, когда Рябой почти уже решился приобрести наконец собственный дом, виноградник и павлинов!

Рябой выхватывает нож и стремительно, точно огромная дикая кошка, бросается на Кукшу. Он не знает, что перед ним искусный воин, а не просто переодетый вор. Кукша в одно мгновение успевает проколоть Рябому запястье правой руки и отскочить в сторону. Рябой роняет нож и скрипит зубами от боли. Кукша стоит сбоку с мечом наготове.

— Ключ! — требовательно говорит он.

Рябой задирает подол рубахи, прижимает его локтем раненой руки, а левой рукой пытается отвязать ключ. У него ничего не получается, и Кукша говорит:

— Убери-ка руку!

Рябой убирает, Кукша делает свистящий взмах мечом, и ключ падает на землю.

— А теперь поди прочь, — говорит Кукша, — и не вздумай мне мешать. Знай: я уже не беглый раб, а полноправный подданный его царственности!

И вот Кукша поднимается по выщербленным каменным ступеням старого трехэтажного дома. Лестница такая узкая, что старик, попавшийся навстречу, становится боком, чтобы пропустить необычного посетителя. Старик со страхом и почтением смотрит на царского гвардейца, невесть зачем забредшего в этот бедный дом.

Та часть лестницы, что ведет на третий этаж, деревянная. Она еще уже, ее ступени скрипят жалобно, точно живые. Перила такие ветхие, что Кукша боится к ним прикасаться. Как только здесь ходит грузный Рябой?

Громко, со стоном лязгает пружина огромного, под стать Рябому, замка, и Кукша входит в каморку. Здесь сумрачно, узкое окно занавешено рогожей. В одном углу грубо сколоченный стол и стул, в другом — охапка сухого тростника, на подоконнике глиняный кувшин с отбитым горлышком и изгрызенный мышами огарок свечи. Больше в каморке ничего нет.

Кукша и не ожидал, что ларчик будет стоять на виду. Он начинает обшаривать каморку, прощупывает охапку тростника, заглядывает под стол, но нигде ничего не находит. Он берет с подоконника кувшин, но и в нем лишь плещется на донышке вода.

В Кукшино сердце закрадывается беспокойство: а вдруг Рябой хранит все в другом месте? Коли так, сейчас он должен потешаться

над Кукшиной глупостью, несмотря на свою рану. Действительно, почему Кукша решил, что сокровище окажется непременно здесь, в этой каморке?

Да, но если здесь ничего нет, зачем было Рябому, рискуя жизнью, бросаться на Кукшу?

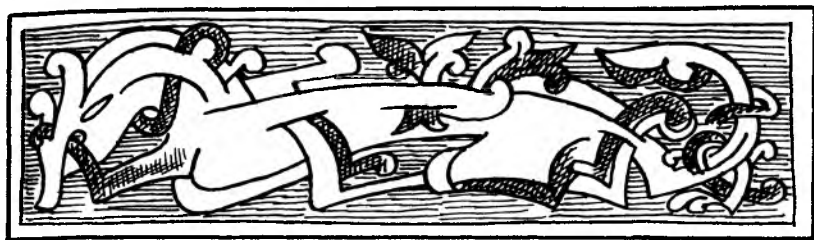
Кукша снимает с окна рогожу, чтобы было посветлее, и снова принимается за поиски. Он перетряхивает весь тростник, ощупывает донья стола и стула, сдвигает их на всякий случай с места, осматривает пол, стены, потолок, окно, дверь, выходит за порог каморки, обследует ступеньки, косяки и притолоку. Нигде ничего.

Он возвращается в каморку, садится на стул и тупо смотрит в окошко. Напротив видны такие же оконца. Поэтому и завешивает Рябой свое окно рядом — не хочет, чтобы видели, чем он тут занимается. Но ведь оттуда можно увидеть лишь окно и подоконник, не более. Зачем же бережливый Рябой озаботился приобретением рядом?

В это время на подоконнике появляется крохотная мышь. Она выкатывается откуда-то из-за кувшина и в две короткие перебежки оказывается возле огарка. Кукша по привычке всех домовичей топает, чтобы спугнуть ее, и она исчезает, будто растворяется в воздухе.

Откуда же она, однако, взялась на подоконнике? Кукша встает, подходит к окну и снова берет кувшин. На этот раз он замечает, что в углу между камнями выщерблена щелка, достаточная, чтобы могла пролезть мышь. Еще он замечает, что, начинаясь от щелки, по подоконнику идет едва различимый зазор, который можно было бы принять за трещину, если бы он не был слишком ровным. Ясно, что один из камней подоконника не скреплен с другими известкой.

Кукша пробует его пошевелить, но камень не поддается. Тогда Кукша засовывает конец меча в мышиную щелку. Камень сдвигается без особого труда. Под ним открывается тайник, в котором лежит увесистый холщевый кошель, а рядом — бронзовый ларчик, изукрашенный гроздьями винограда и длиннохвостыми павлинами. На крышке ларчика чернеют несколько катышков мышинного помета.

Глава двадцать первая НАПАДЕНИЕ РУСИ

Весной 860 года от Рождества Христова на Царьград напала безбожная Русь. Русы приплыли на двухстах кораблях-однодеревках и обложили город. Часть их кораблей вошла в Золотой Рог, цепь, которой он, казалось бы, был так надежно заперт, не послужила достаточным препятствием. Очевидцы рассказывают: русы разгоняли корабль и перед самой цепью все быстро перебежали на корму, нос корабля задирался, русы перебежали на нос, и корабль благополучно переваливал через цепь.

Говорят, что, войдя в Босфор из Евксинского Понта*, северные варвары начали с того, что разорили дотла деревню Леосфений и разрушили храм, воздвигнутый еще аргонавтами в честь гения, оказавшего им помощь. Продвигаясь к Царьграду, русы не пощадили ни одного даже самого малого селения. Путь их отмечен дымом пожаров и кровью христиан. Теперь они рыщут по окрестностям Царьграда, разоряют селения и монастыри и убивают жителей. Особенную неприязнь у варваров вызывают монахи. Русы распинают их, отрубая им головы, расстреливают их из лука, вбивают им в черепа гвозди. Предводительствуют русами нечестивые** князья Оскольд и Дир.

Русы свалились как снег на голову вскоре после того, как было выполнено приказание царя и уничтожен световой вестник. Нежданно-негаданное нападение обрушилось на столицу, словно кара небесная за безумство молодого царя. А сам царь, как на грех, недавно отправился в поход против сарацинов и забрал с собой в числе

---

* Евксинский Понт — Черное море.

** Нечестивый — незаконный, неуважительный к святыне.

прочих войск большую часть царьградского гарнизона. Друнгарий флота* Никита Орифа спешно послал весть о нашествии царю в Малую Азию, но царя все нет и нет.

Великий Царьград охвачен страхом и тоской. День и ночь жители столицы молят Господа ниспослать избавление от невиданного врага. День и ночь горят у образов тысячи лампад и восковых свечей и возносятся к небу благоуханный синий дым ладана.

Патриарх Фотий во главе длинного шествия обходит с иконой городские стены и просит небо даровать стенам прочность, а людям мужество. Он идет во Влахернскую церковь и всю ночь молится перед образом Пресвятой Богородицы, имеющей, как известно, особое попечение о главном городе христианского мира. Наутро патриарх и царьградское священство берут ризу Богородицы — величайшую святыню, постоянно хранящуюся во Влахернской церкви, и с пением несут ее вокруг Царьграда по городским стенам, чтобы омочить ее край в водах Золотого Рога. Небеса сегодня не пылают яркой синевой, как обычно, они будто подернуты легкой целомудренной дымкой. Мир объят умиротворенной тишиной, словно природа решила явить всем враждующим образец неземной любви и кротости.

Те из варваров, что прорвались в бухту, держатся все-таки ближе к выходу в Босфор, чтобы не отрываться от основных сил, а Влахернский дворец и Влахернская церковь расположены в глубине бухты. Возможно, язычники и видят издали, что у христиан происходит какое-то непонятное действо, возможно, даже догадываются, что затевается что-то против них, но помешать они не в силах — слишком велико расстояние.

Внезапно разыгрывается страшная буря, небывалая в эту пору года. Волны, как вырвавшиеся из клеток дикие звери, набрасываются на корабли русов, швыряют их на берег и разбивают вдребезги о камни и скалы. Русы гибнут во множестве. Счастливее других сейчас те, кто находится в закрытом от ветров Золотом Роге.

Когда буря стихает, наконец появляется долгожданный царь Михаил с войском и наносит русам большой урон. Остатки русов отступают от города и намереваются отплыть восвояси.

---

* Друнгарий флота — высшее должностное лицо в военно-морских силах Византии

Царьград ликует. По церквам вместе с синим кадильным дымом к небесам возносятся благодарственные молебны. Неожиданно являются послы от нечестивых князей Оскольда и Дира. Это светлоглазые люди завидного телосложения. У большинства русов бритые головы, оставлена только длинная прядь — чуб. Видно, что они стараются отрастить и усы подлиннее. А бород не носят. На них длинные рубахи льняного полотна, расшитые на груди, и сапоги с высокими голенищами, обвязанные вперехлест сыромятными ремешками.

Но есть среди послов также длинноволосые и бородатые, эти в рубахах без вышивки, зато с золотыми пряжками. Обуты они в короткие сапоги, тоже обвязанные ремешками.

Царь принимает послов в особой палате Большого дворца, называемой Магнавра. Трудно придумать более подходящее помещение, чтобы поразить воображение бедных варваров. Для этого оно, собственно, и предназначено. Русы поднимаются по мраморной лестнице и входят в Магнавру. Забыв про необходимость соблюдать достоинство, они с дикарским любопытством разглядывают то, что открывается их взорам.

Торцовая стена залы — это огромная ниша в виде раковины, по обе ее стороны две колонны поддерживают тяжелые занавесы. Несколько ступеней ведут к возвышению в глубине раковины. Там стоит золотой престол, сверкающий драгоценными камнями. Справа и слева от престола застыли телохранители царя, вооруженные дубинками. У возвышения поднялись на задние лапы два позолоченных льва, на золотых деревьях сидят искусно сделанные диковинные птицы, издали похожие на яркие цветы.

Ряды колонн из красного мрамора отделяют от залы два узких прохода, над стенами которых тянутся галереи. Там, в сумраке галерей, пожирая чужеземцев глазами, сидят придворные дамы.

Невеста откуда появляется царь, владыка полумира, то ли он незаметно выходит из-за занавеса, то ли чудесным образом возникает из воздуха. У него бледное, бескровное лицо, его шелковые одежды, расшитые золотом, алмазами и жемчугом, светятся и переливаются всеми цветами радуги, обут он в пурпуровые сапожки, а на голове у него золотой сверкающий венец. Царь всходит на престол, и львы сразу начинают рычать, как живые, а птицы оглашают залу дивным пением.

Сейчас послам полагалось бы упасть ниц перед наместником Бога на земле, и толмач свистящим шепотом умоляет их об этом, но, может быть, чересчур нов и необычен для северных дикарей такой обычай или слишком уж оглушило их великолепие греческого царя и убранство залы, особенно механические львы и птицы, только русы, словно не слыша толмача, по-прежнему стоят в оцепенении, круглыми от изумления глазами разглядывая рычащих львов и поющих птиц. А бледный юноша безучастно сидит на престоле и смотрит куда-то поверх голов этих грубых варваров.

Вдруг русы видят, что царский престол поплыл ввысь. Теперь их внимание приковано к царю. Послы, разинув рты, поднимают головы вслед за улетающим на небо властелином великой империи. Наконец толмачу удается уговорить русов, они опускаются на колени и касаются лбами пола. Толмач возглашает, что его царственность повелитель ромеев изъявляет милостивое согласие выслушать послов.

Послы сообщают, что русские князья Оскольд и Дир, прозревшие от своих языческих заблуждений, желают принять святое крещение и просят царя быть их крестным отцом.

В продолжение этого разговора царь на своем престоле парит под сводами потолка. Послы не видят, чтобы у него хоть раз зашевелились губы, однако толмач говорит, что государь растроган просьбой и готов выполнить ее. Русским князьям разрешается войти в город в сопровождении свиты, состоящей не более чем из пятидесяти человек и без оружия. Русам оказана высочайшая честь — государь соглашается быть крестным отцом князей, а крестить их будет сам царьградский патриарх. Прочих русов, которые пожелают принять святое крещение, окрестят в церквах за пределами города.

Царьград отступил от своего правила, по которому изъявивший желание креститься проходит двухлетнее испытание — «оглашение». На этот раз Господь уже испытал несчастных язычников нежданной-негаданной бурей, и теперь у них нет сомнений, что Бог христиан и есть истинный Бог. По крайней мере, у их князей.

Глава двадцать вторая ОСКОЛЬД И ДИР

Возле святой Софии толпятся жители Царьграда, пришедшие поглазеть на новокрещенных варварских князей Оскольда и Дира. Любопытных так много, что все не поместились в соборе. Среди толпы и Кукша. Люди поднимаются на цыпочки, толкаются, взгляды всех устремлены на главные врата. Наконец раздаются крики:

— Выходят, выходят! Вон они!

В церковных вратах появляются князья. Один из них небольшого роста, черноволосый, другой высокий и белокурый, по облику настоящий варяг. Шлемы князья держат в руках, но сразу по выходе из крытого притвора надевают на головы. На князьях синие корзна* с малиновой подкладкой. Их сопровождает вереница воинов, все они тоже при выходе покрывают головы шлемами. Странно видеть воинов в шлемах, но без мечей, копий, щитов и прочего. Безоружный воин словно стрекоза, у которой оборваны крылья.

Кукша всматривается в лица князей, они кажутся ему знакомыми. А князья меж тем приближаются, вот они проходят рядом, и Кукша узнает в них Хаскульда и Тюра.

С этого мгновения Кукша теряет покой. Ведь Хаскульд и Тюр приплыли из Тавроскифии, а там его родина! Они княжат в Тавроскифии и, конечно, возвратятся туда же. Не посылает ли ему добрый распятый Бог возможность вернуться на родину за то, что он принял святое крещение?

Надо поскорее повидаться с Хаскульдом и Тюром, они не век бу-

---

* Корзно — княжеский плащ, который накидывался поверх другой одежды и доспехов и застегивался на правом плече.

дуг прохладяться в Царьграде. Однако Кукша не решается отправиться к ним в одиночку, ему неизвестно, что они думают о его исчезновении в Луне и о гибели Свана. На всякий случай он берет с собой своих друзей Страшко и Некраса — не станут же убивать троих царских гвардейцев.

Страшко и Некрас тоже мечтают вернуться на родину, но византийские цари не любят отпускать наемников и чинят препятствия тем, кто хочет уехать. Обыкновенно варвары, состоящие на царской службе, до того привыкают к сладкой жизни в Царьграде, что забывают о родном доме. Накопив денег, они женятся и навек остаются среди греков. Однако Страшко ни о чем, кроме дома и Волхова, думать и говорить не может, а Некрас всегда думает и говорит то же, что и Страшко.

По дороге к Оскольду и Диру Страшко рассказывает:

— Вечером лягу спать, глаза закрою и мечтаю: течет Волхов наш полноводный, а на берегу мовни рубленные стоят. И самая большая мовня — наша. И в ней дедо, тятя и дядя. Хлещут друг друга вениками без жалости, сыплют шутками-прибаутками. Я еще маленький, а туда же. Дедо выскакивает из мовни и меня на руках выносит. А дело осеннее. Кидает он меня в студеную воду, как щенка, а я еще плавать не умею. Без мала утонул. Воды я тогда нахлебался — еле отходили. А зимой тоже хорошо. Дедо, бывало, учит меня в снегу крутиться, сам красный, что твоя малина спелая! А тут даже снегу путем не бывает. Да как же без снегу-то?

— Что правда, то правда, — откликается Некрас, — без снегу нам никак нельзя.

И вот все трое сидят в княжеском шатре, разбитом на самом большом русском судне. Здесь же, кроме Хаскульда и Тюра, присутствует еще несколько воинов, иные из них знакомы Кукше. В черной бороде Тюра появились серебряные нити, а Хаскульд как будто и не изменился, только весь его облик стал еще более властным. Оба не скрывают изумления и радости при виде Кукши, хотя викинг и подобает сдержанность. Когда проходят первые мгновения удивленных громких возгласов, наступает очередь рассказов. Гости и хозяева сидят на корабле, пьют темно-красное греческое вино и беседуют.

Кукша рассказывает Хаскульду и Тюру, как он потерял Свана во

время разгрома Луны. Не найдя его, он решил вернуться на корабль и в лодке уснул, точно усталый берсерк. Его унесло в море, где он был подобран сарацинами. Сарацины дважды продавали его, и так он оказался в Царьграде.

Тюр в свою очередь рассказывает, что после разграбления Луны они с Хаскульдом пережили еще немало приключений, побывали во многих краях, а после вступили в дружину поморского конунга Рюрика, которого позвали княжить те же племена, что прежде платили дань Одду Стреле.

Одд хотя и был доблестным вождем, а плохо кончил — его данники возмутились против него, они перебили всю его дружину, а самого привязали к двум пригнутым деревьям и, отпустив их, разорвали пополам. Кукша помнит, небось, как он ударил Одда ножом? Хаскульд понял тогда этот знак судьбы, и они вовремя покинули ладожского конунга. После гибели Одда Стрелы викинги, вспоминая Кукшу, называли его Вещим.

Рюрик сперва княжил в Ладоге, а потом ему удалось осуществить то, о чем мечтал Одд, — завладеть Хольмгардом. Хольмгард — это торговый город при истоке Волхова из Ильмень-озера. Местные прежде называли его Словенск, а потом, когда он разросся, стали называть Новгород.

Хаскульд и Тюр отпросились у Рюрика в поход на Царьград, а по дороге захватили Киев и стали в нем княжить. Там они собрали большое войско из словен, варягов и полян, которые еще зовутся русью, и отправились в Царьград.

За время своих странствий Хаскульд и Тюр успели убедиться, что христианская и магометанская вера больше, чем языческая, способствуют процветанию власти конунгов. Однако величие и могущество греческого царя затмевают все, что Хаскульд и Тюр видели до сих пор. Не мудрено, что они, сами ставшие конунгами, давно уже подумывали о принятии христианства. Когда же христианский Бог наслал на них эту ужасную бурю, напоминая им об их намерении, у них больше не осталось колебаний и намерение стало твердым решением.

— Мы трое, — говорит Кукша, — хотим покинуть греческого царя. Согласны ли вы увезти нас тайно, если царь не захочет нас отпустить?

Хаскульд усмехается.

— Ты мог бы об этом и не спрашивать, — отвечает он. — Мы увезли тебя от конунга Харальда, увезем теперь и от царя Михаила. А эти люди, раз они твои друзья, всегда могут рассчитывать на нашу помощь.

Глава двадцать третья ПРЕДЛОЖЕНИЕ АФАНАСИЯ

Патрокл передал Кукше, что Афанасий ищет его, чтобы поговорить о важном деле. Но Кукша боится встречи с Афанасием — как он посмотрит в глаза своему благодетелю, ведь он задумал бежать, и это после того, как его спасли от рабства и устроили на почетную службу, о которой можно только мечтать!

Кукша мучается от собственной неблагодарности, но сейчас он не в силах думать ни о чем, кроме приближающегося отплытия русов. Все свободное от службы время он проводит вне городских стен, на берегу, где лежат вытащенные из воды длинные корабли. Русы латают, конопатят, смолят свои суда, потрепанные бурей. Слышится стук деревянных молотков, плывет тревожный запах смолы.

Скоро Кукша покинет Царьград и отправится в Великую Скуфь, как иногда греки называют огромную страну, где затерялась его родина. Нет сомнений, что сам христианский Бог посылает Кукше счастливый случай за то, что он принял крещение. К тому же Кукша не жалел денег на свечи и на милостыню, моля Господа помочь ему вернуться домой.

Нельзя же не видеть благоволения Господня и в том, что Кукша покидает Царьград богатым человеком — в холщевом кошеле и бронзовом ларчике оказалось целое состояние. Жаль только, что попытка вернуть Афанасию деньги за выкуп была безуспешной. Афанасий не взял денег, сказав, будто Кукшу выкупил не он.

Среди русов оказалось немало словен, Кукша помогает им чинить корабли. Проходящие мимо царьградские моряки или торговцы останавливаются и подолгу пялят глаза на человека со смоляным квачом в руках, которого по одежде можно принять за царского гвардейца.

Вот из городских ворот появляется еще один любопытный и тоже направляется к Кукше. Зеваки надоели ему. К тому же человека, замыслившего побег, не могут не беспокоить лишние наблюдатели. Однако на этот раз идет не наблюдатель. Кукша узнает Афанасия, и у него сжимается сердце. Придется поведать Афанасию о своих намерениях, он не может его обманывать. Кукша услышит горькие заслуженные упреки, но ничего не поделаешь.

Афанасий подходит к Кукше, лицо его сияет.

— Вот где ты пропадаешь! — восклицает он. — А у меня к тебе важное дело. Я давно понял, что ты решил бежать из Константинополя на кораблях Оскольда и Дира. Да и мудрено не понять: как не воспользоваться такой оказией! Но тебе незачем бежать. Я переговорил с патриархом, который весьма благоволит к тебе, и патриарх испросил у его царственности дозволения для тебя оставить службу и плыть в Скифию. А на будущий год патриарх и его царственность по просьбе Оскольда и Дира отправят туда епископа с причтом и поповедниками. В числе сопровождающих епископа буду, по-видимому, и я.

Кукша не верит своим ушам, тонкие кости Афанасия хрустят в объятиях Кукши. Сдавленным голосом Афанасий умоляет отпустить его, ибо если Кукша его задушит, то ему нечего и мечтать о возвращении на родину — дорога его будет не дальше плахи. Наконец счастливый Кукша отпускает Афанасия. Но ему тут же приходит в голову мысль, которая омрачает его радость.

— Афанасий, — говорит он, — ты поплывешь в Киев, к киевским князьям, а ведь это еще не моя родина. Я поплыву дальше, на север. Я должен заранее предупредить тебя, что у киевских князей я не останусь.

— Я это знаю, — отвечает Афанасий, — я лишь хочу помочь тебе вернуться домой, а мне от тебя ничего не надо.

Кукша стыдно — он ждал упреков, а Афанасий только и думал, что о его благе.

— Как мне отблагодарить тебя, — говорит Кукша, — ты приютил меня, выкупил из рабства и теперь помогаешь вернуться домой!

— Благодарю не меня, а Андрея. Ради него я приютил тебя. И это он, а не я выкупил тебя из рабства. Андрей просил меня хранить это

в тайне, но теперь я могу раскрыть тебе ее — ведь ты навсегда покидаешь Царьград. Он выведал, что свечник Епифан купил тебя на невольничьем рынке за пять номисм. Он подсчитал, что, если просить милостыню, он сможет собрать тебе на выкуп примерно через полгода. Я хотел взять деньги у своего отца — что для него пять номисм? Но Андрей мне запретил это делать. В течение полугода он собирал по оболу и каждый день приносил мне собранное, пока не накопилось достаточно. Мне было тяжело нести бремя твоей благодарности, и я счастлив, что могу наконец открыть тебе правду.

Кукиша не может вымолвить ни слова, к горлу его подступают слезы. Откуда в этом мире, где крутом только и делают, что грабят, мучают и убивают друг друга, мог взяться такой человек, как Андрей? Кукиша изо всех сил старается сдерживать слезы, но слезы побеждают, они текут по щекам, щекочут в носу и капают на голубой хитон, который в этих местах сразу темнеет. Не дивно ли, что он не умел плакать, пока ему случалось испытывать только боль и страх, голод и холод, что плакать его научила безмерная человеческая доброта?

Афанасий с мягкой улыбкой, похожей на улыбку Андрея, молча глядит на Кукишу. Кукиша, как маленький, вытирает глаза подолом гвардейского хитона.

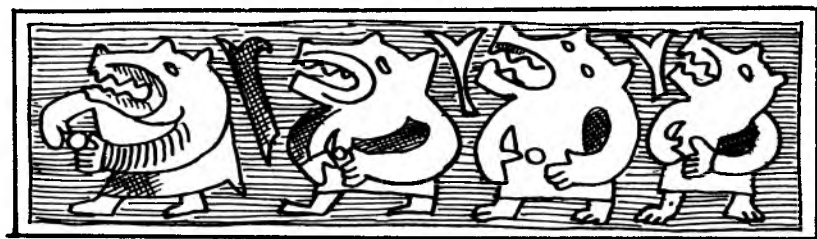
— Афанасий, — говорит он, — я не хочу уезжать, не повидав на прощание Андрея. Ты ведь еще встретишься с ним до моего отплытия?

Афанасий утвердительно кивает.

— Попроси его, — говорит Кукиша, — прийти проститься со мной. Я хочу получить его благословение в дорогу.

Афанасий обещает уговорить Андрея, наверно, это возможно — ведь Андрей любит Кукишу и при каждой встрече справляется о нем.

— И раз ты плывешь в Киев, — продолжает Кукиша, — я обязательно дождусь тебя там.

Глава двадцать четвертая ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С АНДРЕЕМ

Кукша не идет, а летит по городу. Он знает, что он сделает! Он выкупит Антиоха из рабства! От радостного волнения Кукша не замечает прохожих, а они, завидев гвардейца, не то пьяного, не то повредившегося в уме, опасливо отходят в сторонку. Румяный вельможа в синей хламиде не хочет уступить дорогу какому-то пьяному варвару, хотя бы и состоящему на царской службе, и Кукша едва не сбивает его с ног. Вслед ему несутся проклятия, но Кукша не слышит их.

Сперва он выкупит Антиоха, а потом отдаст Андрею Блаженному ларчик, отнятый у Рябого. Там такое богатство, что Андрею больше не нужно будет вести нищенскую жизнь, страдать от голода и холода, терпеть побои и унижения. Андрей сможет купить себе дом, рабов, красивую одежду и жить припеваючи. Он сможет мыться хоть каждый день. И ему не нужно будет просить милостыню, чтобы сделать доброе дело.

Как давно Кукша здесь не был — с того самого дня, когда он ударил черпаком наемника Димитрия! Вот тот портик, где помещается свечная лавка, а вот и она сама. Проходя мимо отворенной двери лавки, Кукша заглядывает в нее и видит своего бывшего хозяина, сидящего за книгой. Епифан совсем не изменился, он все такой же высушенный и по-прежнему отодвигает читаемую книгу подальше от глаз. Странное чувство испытывает Кукша, видя человека, собственностью которого он был когда-то.

Из свечной мастерской несет знакомым смрадом. Кукша переступает порог, и в него вперяются три пары глаз. Он знает только одного из троих — Димитрия. Кукша окидывает взглядом

мастерскую — здесь все как было: те же котлы, корыта, подставки, батошки, те же циновки в углах, только рабы новые. Он ищет глазами Антиоха, хотя уже понимает, что его здесь нет. В мастерской должно быть два раба и наемник, и все они перед ним. Димитрий узнал Кукшу, он оробел и невольно попятился в глубину помещения.

— Где Антиох? — спрашивает Кукша.

— Антиох недавно умер, господин, — отвечает один из рабов.

Значит, Кукше здесь делать нечего, он поворачивается и уходит. Перед глазами у него кроткая щербатая улыбка Антиоха. Кукша слышит его голос: «Выронил черпак, ткнулся носом в пол и умер. И мы с тобой так умерем».

Ночью Кукша долго не может уснуть. Давно уже слышится похрапывание Страшка и ровное дыхание Некраса, а к нему все не идет сон. Вихрем проносятся в его голове печальные мысли и воспоминания, перемешиваясь с мечтами и надеждами. Сожаление о том, что он не успел выкупить Антиоха, гасится предвкушением того, как он отдаст Андрею Блаженному ларчик с сокровищем. Ужас при мысли, что и он, Кукша, мог бы закончить свою жизнь у котла с растопленным салом, разрешается вздохом облегчения и всплеском радости: теперь ничто уже не помешает ему уехать! И среди всего этого снова всплывает мечта о Домовичах. Вот он выходит из лодки на берег возле родной деревни, а люди, и среди них матушка и сестры, встречают его с удивлением и страхом, как выходца из страны мертвых. И долго приходится убеждать их, что за это время он так ни разу и не умер, хотя случаев умереть у него было много. Все дивятся его рассказам, и он становится первым человеком в Домовичах.

Под утро он засыпает, и ему снится сон. Будто стоит он в толпе народа, а рядом с ним Страшко, Некрас и другие гвардейцы, и все с длинными копьями, и сам он тоже с копьем. Стоят они на склоне крутого холма, над ними большой деревянный крест, а на кресте тощий, как смерть, человек.

Руки и ноги распятого прибиты к кресту большими коваными гвоздями. По толпе проносится шум, Кукша улавливает слова: он уже умер, пора его снимать! Откуда-то появляется гвардейский начальник Патрокл, он велит Кукше и его товарищам снять распятого. Они приставляют к кресту лестницу, выдергивают клещами гвозди, и Кукша узнает в распятом Андрея Блаженного. Да, это

Андрей Блаженный! Он уже умер, а Кукша так и не успел отдать ему ларчик!

Кукша начинает горько плакать и вдруг слышит голос Андрея:

«Я не умер. Это я для них умер, а для тебя я вечно буду жив. Где бы ты ни был, ты всегда узнаешь меня по этим знакам».

И Андрей показывает Кукше руки, пробитые гвоздями.

«Больно тебе?» — спрашивает Кукша.

«Уже нет», — отвечает Андрей.

Вокруг них ни души, они идут по пустынному, словно вымершему Царьграду. «Надо отдать ларчик!» — спохватывается Кукша. Андрей, улыбаясь, берет ларчик своими пробитыми руками и швыряет его. Кукша видит, как ларчик, становясь все меньше, летит над семью царьградскими холмами, над храмами, над стенами, отделяющими город от моря, и падает в синюю Пропонтиду. Слышится далекий всплеск.

«Вот так», — говорит Андрей голосом Рябого, и перед Кукшей уже не Андрей, а Рябой.

Рябой спрашивает:

«Ну что, выгадал?»

И злорадно хохочет. Кукше почему-то страшно, он пытается убежать и не может, а Рябой тянет свои огромные заскорузлые лапы к его горлу. Кукша просыпается от собственного крика.

Никакого Рябого нет, рядом на своих ложах спокойно спят его друзья, один похрапывает, другой дышит легко и ровно, как младенец. Сумрак еще гнездится по углам, но он редет и тает на глазах.

Утром, при разводе на караул, Патрокл сообщает Кукше, что Афанасий ждет его вечером к себе домой, там Кукша застанет того, с кем хотел встретиться.

И вот Кукша в спальне Афанасия. Горит свеча. Андрей не пожелал сесть в кресло или на ложе — он, скрестив ноги, примостился в уголке на полу. Кукша вдруг оробел и не знает, с чего начать. Чтобы не стеснять его, догадливый Афанасий под каким-то предлогом выходит из комнаты. Кукша наконец решается и говорит:

— Ты знаешь, я завтра уплываю в Скифию и больше тебя не увижу. Никто ко мне не был так добр, как ты. На прощание я хочу подарить тебе вот это.

Кукша извлекает из-под плаща бронзовый ларчик, украшенный

виноградом и павлинами, и кладет его на пол перед Андреем. С усмешкой взглянув на ларчик, Андрей вопросительно смотрит на Кукшу. Но взгляды их не встречаются, Кукша, подавшись вперед, пристально глядит на руки Андрея, ему показалось, что на них следы от гвоздей.

Андрей, кивнув на ларчик, спрашивает:

— Что там, золото?

— Да! — отвечает Кукша.

— Но зачем оно мне?

— Как — зачем? — говорит Кукша. — Ты не будешь больше голодать, а зимой мерзнуть, у тебя будет дом, рабы, хорошая одежда... Никто не посмеет тебя обидеть, потому что ты будешь, как все...

— Чистое сердце! — вздыхает Андрей. — Если бы твое золото обладало хоть малой толикой этой чистоты! Итак, ты принес его мне. А что ты с ним сделаешь, если я не возьму его?

— Не знаю, — растерянно говорит Кукша.

— Я хочу дать тебе добрый совет, — продолжает Андрей. — Скажи, последуешь ли ты моему совету?

Кукша кивает.

— Золото — идол алчных, — говорит Андрей, — на нем вся грязь мира. Завтра, когда твой корабль отойдет подальше от берега, брось этот ларчик в воду. Пусть он лежит на дне Пропонтиды, там достаточно глубоко, и он никогда не попадет больше в человеческие руки.

Глава двадцать пятая ПРОЩАЙ, ЦАРЬГРАД!

Корабли отчаливают от царьградского берега, и патриарх трижды осеняет их крестным знамением.

Оскольд весел. Мало того, что он теперь христианин, как греческий царь, — они с Диром и теми, кто крестился вместе с ними, не остались внакладе, несмотря на то, что пришлось вернуть часть награбленной добычи, — царь, их крестный отец, щедро одарил своих крестников. Дир, в отличие от Оскольда, задумчив.

Кукша вместе со Страшком и Некрасом плывет на корабле своих единоплеменников. Страшко и Некрас прячутся до поры среди бочек и мешков с припасами. На корабле, кроме Кукши, нет ни одного христианина. Кукшины земляки славятся своим упрямством, и не мудрено, что они так упорно держатся дедовских обычаев.

На других судах плывут люди разного роду-племени. Тут и словене, и чудь, и варяги, есть тмутараканцы и бродники*, но больше полян и их соседей. Среди этого разноплеменного народа тоже преобладают люди, держащиеся старой веры. Однако некоторые из полян и часть варягов крестились в Царьграде по примеру своих князей. Тмутараканцы же и бродники — издавна христиане.

Есть в караване судов и другие христиане — это купцы из полян и варягов. Они продали в Царьграде пушнину, воск, мед и рабов, купили там паволоки**, украшения, дорогие вина и теперь плывут назад. Страшко говорит, что купцы часто принимают крещение, потому что греки предпочитают иметь торговые дела с христианами.

* Бродники — славяноязычное население Дона. Предки современных донских казаков.

** Паволоки — шелковые ткани.

Снова Кукша в море! Снова он слушает мерный скрип множества уключин и журчание воды вдоль корабля. Под скамейкой, на которой он сидит, покоится его деревянный, окованный медью сундучок. В сундучке Евангелие, кое-что из одежды, холщовый кошель и бронзовый ларчик. Кукша глядит, как удаляется каменистая береговая полоса и высокие стены Царьграда. Наконец, когда ему кажется, что отплыли достаточно далеко, он выдвигает из-под скамейки сундучок и открывает его. Никто не обращает на Кукшу внимания — все глядят на удаляющийся Царьград.

Кукша достает кошель и ларчик, рассеянно смотрит на павлина искусной работы, на гроздь винограда, полуприкрытую листьями. Он задумчиво поднимает крышку. Содержимое ларчика вспыхивает, словно он полон звезд небесных. Вот этот перстень с изумрудом или это тонкое запястье, усыпанное алмазами, стоят столько, сколько простому труженику не заработать и за десять жизней. Кукша захлопывает крышку, опускает ларчик за борт и разжимает пальцы. С негромким всплеском сокровище навсегда исчезает в прозрачных волнах Пропонтиды. Точно так же он поступает и с холщовым кошельем.

— Ты что-то уронил? — спрашивает Страшко.

— Заботу! — отвечает Кукша.

Да, теперь у Кукши нет никакой заботы, связывающей его с Царьградом. Он, как и все, спокойно глядит на великий, счастливый, царственный город, который уплывает все дальше и дальше. Все ниже и ниже опускаются встающие, словно из воды, приморские стены, зато все виднее город на семи холмах, все больше открывается взору золотых куполов и беломраморных дворцов, утопающих в пышной зелени. По склонам холмов лепятся, как пчелиные соты, бесчисленные дома.

Город подернут голубоватой целомудренной дымкой, и, глядя отсюда, издалека, трудно поверить, что там гнездится столько горя, грязи и нищеты. Мало-помалу дымка густеет, Царьград растворяется в ней и сам на глазах превращается в голубой дым, становится небом.

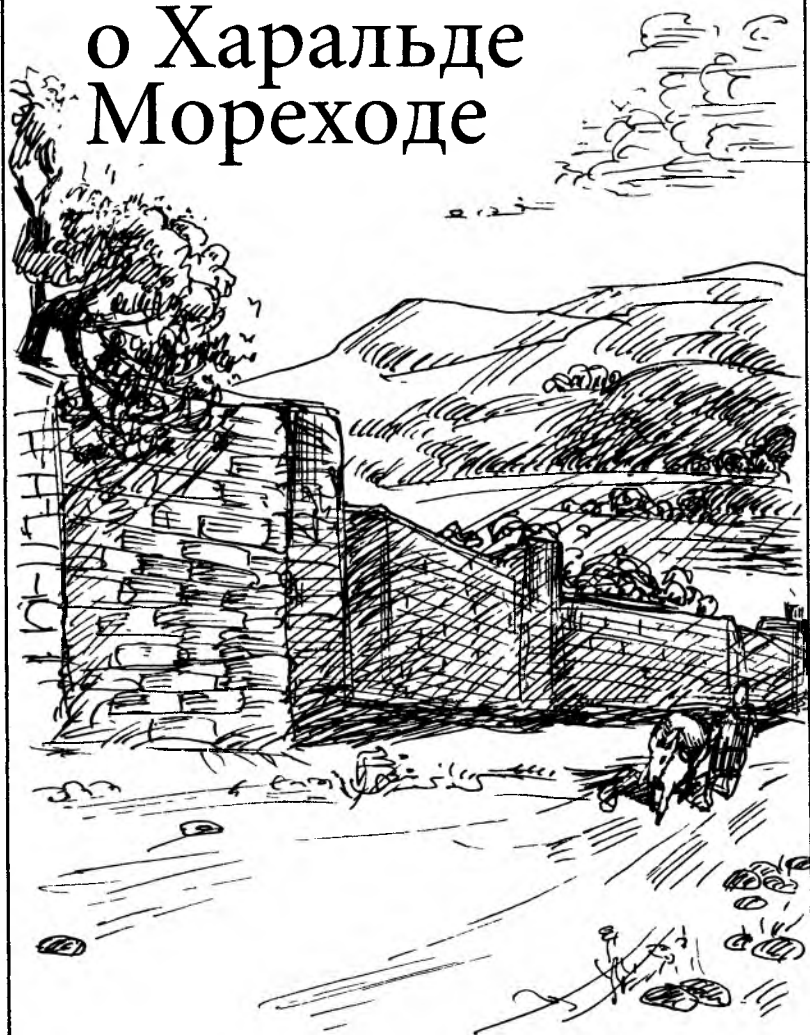
Мерные взмахи множества весел, воронки на воде от лопастей, мерные рывки корабля вперед. Журчит вода вдоль корабельных бортов, за кормой кипит пенистый след, он тянется сзади, покуда на него не наступает следующий корабль.

АЛЕКСАНДР МАРКОВ

Сага о Харальде Мореходе

I

789 год

Жил человек по имени Хрут. Двор его стоял на южном берегу пролива Олесунд в Суннимёри. Хрут был не богат. Он ловил треску в проливе и держал немного скота. У Хрута был сын по имени Харальд.

Он слыл драчуном и задирой, и в округе его не любили. По соседству с Хрутом жил бонд по имени Хёгни. Он тоже не имел большого богатства и жил ловлей рыбы. Дочь Хегни звали Сигрун. Говорят, другой такой красавицы не было в то время в Норвегии.

Харальд и Сигрун с детства были дружны и играли вместе. Когда оба выросли, они вдвоем пасли овец на склоне горы Винбьёрг, что находилась между их дворами.

Однажды Харальд приехал к Хёгни в лучших своих одеждах, с серебряным запястьем на руке. Сигрун встретила его и сказала, что отец поехал ловить рыбу с сыновьями.

— Хотела бы я знать, какое у тебя к нему дело, что ты так нарядился.

Харальд ответил:

— Хочу просить у него твоей руки

Сигрун засмеялась и сказала:

— Забудь и думать об этом.

— Странно мне слышать от тебя такие слова, — сказал Харальд. — Или ты, как и другие соседи, считаешь меня драчуном и разбойником?

— Вовсе нет. По мне, так ты мухи не обидишь. Но я не хочу прожить жизнь, как моя мать, не видя ни богатства, ни настоящего веселья. И уж скорее бы я вышла за человека, который и вправду чтит память и славу предков

— Какая там слава, — говорит Харальд. — Предки наши были кто рыбаками, кто торговцами до четвертого колена, а дальше их никто и не помнит.

— Найдутся люди, которые помнят больше.

Сигрун велела Харальду следовать за ней и повела его тропой через лес. Вот они приходят к холму, поросшему высокой травой, без единого дерева на склонах.

— Знаю это место, — сказал Харальд. — Здесь хорошая трава, и напрасно вы ее не косите.

Сигрун сказала:

— Это не простой холм. Это курган великого воина.

Харальд удивился и спросил, что же за воин здесь похоронен.

— Звали его Готольв, а жил он четыре сотни зим назад. Говорят, не было ему равных в бою. Перед ним разбегались полчища папаров и гуннов. От его меча пала тысяча врагов.

— И впрямь, великий воин этот Готольв, — сказал Харальд. — Откуда ты знаешь о нем?

— Отец говорит, что мы ведем от него свой род.

Харальд сказал:

— Не захочет ли Готольв поделиться своей славой с кем-то из нас?

— На холме лежат могучие чары, — сказала Сигрун. — А время героев давно миновало.

Харальд возвращается домой, а наутро тайно от всех едет к кургану. Он пускает коня пастись, а сам берет лопату и начинает раскапывать холм. Он трудится до тех пор, пока не выбивается из сил. Тогда он едет домой, думая завтра продолжить работу.

На другое утро отец разбудил его раньше обычного со словами:

— Вставай, негодник, и погляди, что ты сделал с нашим лучшим

конем. Недаром все считают тебя разбойником и никчемным человеком.

Харальд идет в стойло и видит: конь лежит мертвый, и ребра у него торчат из-под шкуры, словно он издох от голода.

— Не печалься, отец, — говорит Харальд. — Не иначе, тут виновны колдовские чары, либо же он наелся ядовитой травы. Обещаю тебе возместить этот убыток десятикратно.

— Что ты мелешь, глупец, — говорит Хрут. — Смотрел бы лучше за скотиной, чем раздавать пустые обещания

Харальд идет пешком к кургану и видит: от ямы, что он выкопал накануне, не осталось и следа, и все опять заросло травой. Харальд снова принимается за работу, и к вечеру у него готова яма вдвое глубже прежней. И теперь уже, кажется ему, недалеко и до середины холма. Но когда он приходит на другое утро, нигде не видно ни ямы, ни выброшенной земли, ни снятого дерна. Склоны холма кажутся нетронутыми, и трава зеленеет повсюду, как прежде.

Харальд возвращается домой и целый день ходит утрюмый, и все думают, что ему жаль коня.

Проходит четыре дня. Потом Харальд встает затемно и идет к кургану. По пути он режет на черенке лопаты тайные руны и колдовские знаки и бормочет заклятья. Он начинает копать с таким усердием, что пот катится с него градом. К вечеру он чуть не падает с ног от усталости, но не бросает работы. В тот миг, когда солнце заходит за гору Винбьерг, острие его лопаты ударяется в деревянную дверь внутреннего покоя кургана. Тотчас же падает пласт земли, и вся дверь обнажается. Лезвие лопаты вспыхивает, словно бы оно было не железное, а деревянное, и истлевает в прах до самого черенка.

Дверь кургана отворилась, и на Харальда повеяло такой вонью, что в глазах потемнело. За дверью стояла мгла, и лился оттуда бледный зеленый свет.

Харальд сказал:

*Готольв, готовь
Достойную встречу
Славы наследнику!
Время пришло
Для бури мечей,*

*Снова земля
Героев родит.
В могильную мглу
Смело ступаю.*

Готольв сказал:

*Давно уж готов
В подземном чертоге
Горький удел
Юному Харальду.
Холод земли
Разом остудит
Жаркую кровь,
О ищущий смерти!*

Харальд шагнул в проем. Тут сам Готольв вышел ему навстречу. А был он великан, трех сажен ростом. Он схватил Харальда за горло и стал душить. У Харальда в руках был только осиновый черенок от лопаты, заостренный там, где входил в лезвие. Харальд изловчился и всадил со всей силы черенок мертвецу в брюхо. Готольв тотчас же выпустил Харальда, отступил на девять шагов и издал ужасный, протяжный вопль. После этого он рассыпался в прах.

Одни полагают, что причиной тому были руны, которые Харальд вырезал на черенке лопаты; люди же менее суеверные объясняют все проще. Ведь издавна известно, что осина — лучшее оружие против мертвецов.

Харальд вынес из кургана оружие Готольва: меч, щит и бронзовый кинжал, а также множество золотых и серебряных украшений. Рассказывают, что было там не менее восьми марок чистого золота.

ПЛАВАНИЕ НИАЛЛА В СТРАНУ БЕЛЫХ ЛЮДЕЙ

Повесть эту сложил и записал Ниалл, сын Фебала, первый из филидов славного Муйредаха, сына Кормака из рода Уи Бриуйн, короля Коннахта. Ниалл изложил здесь правдиво, искусно и благочестиво все то, что сам он пережил и увидел во время своего удивительного плавания в Западном Океане.

Трижды девять сотен мужей Ирландии собрались на широком дворе королевского замка в Круахане, чтобы приветствовать великого Муйредаха, сына Кормака, неустрашимого, краснолицего, грозного, непобедимого, в тот день, когда он взял в жены прекрасную Грайне, дочь Арта, из рода Туат Лойн.

Поистине великолепен был Муйредах, когда ехал он с молодой женой из божией церкви после венчания в колеснице из чистого золота.

И воскликнули все:

— Нет в Ирландии другого короля, столь могучего, мудрого и прекрасного, чем ты, о Муйредах! Нет жены красивее и достойнее, чем златокудрая Грайне!

Великий пир устроил Муйредах в Круахане. Больше, чем песчинок на морском берегу, было там серебряных блюд с лучшими яствами и золотых чаш с изысканными напитками. Три дня и три ночи продолжался пир. А потом выступил перед гостями Ниалл, сын Фебала, и, взяв свою серебряную арфу, запел он песнь радости. И все гости, сколько их было, веселились и хохотали до упаду. А когда все насмеялись вдоволь, запел Ниалл сонную песнь, и все тотчас же заснули и проспали три дня и три ночи. Отдохнувшими и полными сил разъехались мужи и жены Ирландии со свадебного пира и всюду славил Муйредаха и Грайне.

Три зарока лежали на Муйредах: никому не отказывать в просьбе более двух раз подряд, не принимать пищу у людей, чьего имени не знаешь, и не обходить своего дома против солнца.

Месяца не прошло со свадьбы Муйредах, когда двое странников появились у дверей королевского покоя. Позвал Муйредах Ниалла, сына Фебала, первого филида, и сказал:

— Взгляни, о Ниалл, кто эти двое, что стоят у дверей моего дома. Верно, это святые монахи из Клонмакферта пришли за своей долей королевских доходов.

Ответил Ниалл:

— Вижу я двоих незнакомцев: жену и мужа. Муж росту малого, бледен лицом, с красными глазами и черными волосами. Одна половина его плаща — черная, другая — белая.

— Знаешь ли ты этого человека, о Ниалл?

— Не ведаю, кто он, если не Койра, сын Рианга, великий друид и прорицатель, владеющий могучими заклятиями Фет Фроге и Фет Доральтах.

— А кто эта женщина с ним?

— Облик ее не сулит добра: одна рука у нее и одна нога, и одни глаз посреди лба, нос крючком, волосы черные, спутанные и волочатся по земле, а росту в ней три сажени и три вершка. Я не знаю ее имени, но, по всему судя, может она принести немало зла.

— Впустить ли мне в дом этих двоих, о Ниалл?

— Мой совет тебе: гони их прочь от дверей.

Тогда Муйредах спросил Аэда мак Ройга, лучшего из своих воинов:

— Впустить ли мне в дом этих двоих, о Аэд?

— Ты должен впустить их, — сказал Аэд. — Если не хочешь нарушить законы гостеприимства и навлечь на себя гнев могучего Койры.

— И так уже я навлек на себя его гнев, — воскликнул Муйредах. — Ибо от моей руки пали трижды девять братьев и племянников Койры в битве у горы Сиаб Фремайн! Поистине, не знаю я, как мне поступить.

Сказала тогда Грайне, дочь Арта:

— Ты должен впустить их, и пусть Койра предскажет нам судьбу, если он прорицатель. Не тебе, о Муйредах, бояться колдовских чар!

Тогда Муйредах впустил странников в дом, и они сели у очага. Собрались там все воины Муйредах. Рабы короля подали мясо и пиво. Тут Койра, сын Рианга, сказал:

— Прикажи убрать это мясо, о Муйредах, слишком жестко оно для королевского стола. Позволь моей жене угостить тебя сегодня.

Одноглазая женщина произнесла заклятье, и посреди покоя появилась чудо-свинья ростом с быка, гладкая и розовая. И тут же на столах встали девять больших кувшинов с душистым, сладким вином, лучше которого не найти во всей Ирландии.

Рабы Муйредах зарезали свинью, изжарили ее и подали всем мясо свиньи. И Муйредах и все его воины ели мясо, и казалось им, что никогда они не пробовали ничего вкуснее. И у всех, кто ел мясо свиньи, не стало четверти силы в руках и ногах. Так Муйредах нарушил зарок и принял пищу у человека, чьего имени не знал.

Одноглазая женщина запела колдовскую песнь, и так прекрасен был ее голос, что все воины застыли и онемели, очарованные чудесным пением. И не стало у них еще четверти силы.

— Зачем ты пришел, о Койра? — спросил Муйредах. — Чего ты хочешь от меня?

— Я пришел просить у тебя Грайне, дочь Арта, ибо поклялся я Конну, сыну Лайра, королю сидов из Бойру, найти для него в жены прекраснейшую из дочерей Ирландии.

— Не могу я выполнить твою просьбу, — сказал Муйредах. — И стыдно должно быть тебе просить такое, ведь Грайне — моя жена, и никогда я не соглашусь на такой позор, чтобы отдать ее Конну, сыну Лайра.

Трижды повторил свою просьбу Койра, и трижды Муйредах отказал ему, и так нарушил второй зарок.

Сказал Койра:

— Раз не хочешь ты добром отдать Грайне, найдем мы средство забрать ее против твоей воли.

Тогда Муйредах вскочил в великом гневе и приказал воинам выкинуть за дверь Койру и его одноногую жену. Но Койра прикрыл рукой правый глаз, простер левую руку и произнес страшное заклятие Фет Фроге. И такая немощ охватила воинов Муйредах, что ни один из них не сумел подняться. Только сам Муйредах, Ниалл и Аэд сохранили силу и вдвоем бросились на обидчиков. Койра и жена его

выбежали из дома, а Муйредах преследовал их. Трижды обежал Койра вокруг дома Муйредаха против солнца, и король не отставал от него. Так нарушил Муйредах третий зарок.

Наконец Муйредах настиг Койру и замахнулся своим могучим копьём Га Дагу, и Ниалл, подоспев, обнажил свой славный меч Ригальтах.

В этот миг Койра и жена его вдруг исчезли, словно их и не было. Дружны они были с сидами из холма Бойру, и сиды наложили на них заклятие Фет Фиатах. Колдовской туман, волшебная мгла скрыли их от людских глаз.

Раздался из пустоты голос Койры:

— Скоро отомщу я тебе, Муйредах, за все обиды, что ты нанес мне. Лишишься ты и жены, и царства, и самой жизни.

Тем временем посмотрела вокруг себя Грайне, дочь Арта, и видит: исчез королевский покой, и все воины, и замок, и город. Оказалась Грайне словно бы посреди ровного луга. Долго ходила Грайне в высокой траве и звала Муйредаха, Ниалла, Аэда, своих рабынь и служанок, но никто не откликнулся на ее зов. Наконец Грайне заметила двух человек и, присмотревшись, едва узнала в них Койру и его жену. Ибо Койра был теперь высоким и статным воином, а жена его — златокудрой красавицей с щеками красными, как солнце на закате, и руками белыми, как молоко.

Подожли они к Грайне и сказали, что нет ей больше дороги в мир людей: по велению Конна, сына Лайра, похищена она у мужа и теперь будет жить в мире сидов.

— И никогда бы не удалось нам околдовать тебя, и заклятие Фет Фиатах отскочило бы от тебя, как горох от стены, если бы Муйредах, твой муж, не нарушил все свои зарок.

И еще они сказали, что Грайне должна идти в холм Бойру и стать женой Конна, короля сидов.

Горько заплакала Грайне и вновь стала призывать Муйредаха. Койра и жена его смеялись над ней и говорили:

— Поистине, сквозь тебя сейчас прошел Муйредах и не услышал твоих воплей, да ведь и он тебя зовет, а разве ты слышишь?

Поняла тогда Грайне, что придется ей подчиниться, как ни велико было ее горе. Пошла она в сид Бойру и стала женой Конна, сына Лайра. С тех пор не видел ее никто из людей.

Скажем теперь о Муйредах. Пришел он в великий гнев, узнав о похищении милой жены, и возжаждал мести. Посоветовал ему один монах, святой клирик из Клонмакферта, пойти к сиду Бойру с тремя сотнями мужей и срыть весь холм, так чтобы осталось ровное место. Муйредах послушал совета, пришел к холму и приказал сровнять его с землей.

Когда коннахты добрались до середины холма, из земли донесся стон, и ужасный голос сказал:

— Горе вам, Ирландцы! Гибель вас ждет за то, что вы совершили над нами! Злая напасть, черный недуг, кровавые реки! Парус надут, ворон на стяге, кровь на копье! Мгла едет с востока, от Лохланна до Альбы вскипело море!

Побледнел Муйредах и пал на колени, ибо не стало у него силы в ногах. Все же он приказал довершить начатое, воскликнув:

— Поздно теперь отступать!

Холм срыли, и с тех пор то место зовется Маг Бойру.

ЗАПИСКИ ПРЕПОДОБНОГО КЛИРИКА
ПАТРИКА О'КОННОРА
О ПЛАВАНИИ В СТРАНУ БЕЛЫХ ЛЮДЕЙ,
ИНАЧЕ НАЗЫВАЕМУЮ БОЛЬШОЙ ИРЛАНДИЕЙ

Как известно всем образованным людям, нет в Ирландии более славной и мощной твердыни благочестия, просвещения и веры Христовой, чем монастырь Клонмакферт на озере Лох Ри. Как бы ни пытались монахи из Армы и Инис Мора оспаривать наше первенство, никто не посмеет отрицать, что именно мы, святые иноки Клонмакферта, привели в лоно церкви Христовой ютов и диких пиктов, отстояли в неравной борьбе с заблудшим Римом единственно верный способ совершения святого причастия; мы же, наконец, изгнали друидов и колдунов из всей земли западных Уи Нейллов и срыли до основания чародейскую гору Слиаб Бойру.

Неисповедимы пути Господни! Почему именно на нас, при нашем благочестии, скромности и заслугах, обрушил Господь карающий меч свой? Почему именно нас смела и погубила ниспосланная Господом лютая орда разъяренных варваров? Думается мне, то была не кара за грехи, а испытание на верность Господу. Сильнее всех испокон веку страдали те из детей адамовых, кого Господь возлюбил и вознес над толпой. В страдании познаешь Бога, а мир и благополучие изнеживают дух.

Как же случилось, что я, Патрик О'Коннор, смиренный монах, оказался заброшен на утлом суденышке в заповедные дали Западного Океана, в неведомые земли?

Нетрудно сказать. В то время правил южным уделом земель Уи Бриуйнов в восточном Коннахте Муйредах, сын Кормака, муж доблестный, но неразумный. Он знал с друидами и колдунами и мало

прислушивался к словам набожных людей. За это покарал Муйредаха Господь: умерла у него молодая жена, которую король любил больше жизни.

Задумался тогда Муйредах о своих грехах и пришел в Клонмакферт просить совета и помощи. И я, Патрик О'Коннор, дал ему разумный и добрый совет. Я велел ему во искупление грехов скрыть чародейский холм Слиаб Бойру, известный также как сид Бойру. На этом холме собирались ведьмы и чародеи. Они творили там языческие обряды, служили сатане и совершали прочие мерзости.

Король внял совету и отправился к названному холму со своим войском, и было их там три десятка человек. Мы, монахи, тоже собрались и пришли Муйредаху на подмогу, числом сто десять. Начали мы копать, и работали с Божьей помощью легко и быстро, ибо земля там мягкая и камней мало. Добрались мы до середины горы, как вдруг из-под лопат посыпались человеческие кости. То был прах людей, захороненных в древние времена по языческому обряду, в неосвященной земле. Великий страх обуял тогда Муйредаха и многих других, ибо они боялись мести мертвецов. Но мы освятили захоронение, и погребли тот древний прах по христианскому обычаю, и вернулись к работе.

Тут появился возле ямы некий Койра, сын Рианга, известный нечестивец, друид и растлитель душ слабых. Сказал он:

— Вон отсюда, о глупый, недостойный Муйредах! Мало тебе, что ты убил моего брата и племянника у горы Слиаб Фремайн и отобрал у них двух коров! Теперь ты еще хочешь лишить меня этого священного холма! И вы, монахи, тоже убирайтесь! Не смейте раскапывать холм!

Еще он пригрозил, что обитающие в холме злые духи жестоко покажут нас за содеянное. И предрек Койра Муйредаху скорую и мучительную смерть, а славному монастырю Клонмакферт — позор и разрушение.

Стал Койра прыгать на одной ноге и, прикрывая правый глаз, выкрикивать дьявольские заклятья. Тут Муйредах и все его люди, объятые ужасом, бросились прочь от Слиаб Бойру, и бежали, роняя оружие, до самой королевской крепости. А мы, монахи, не стерпев богохульства, хотели схватить Койру и убить его. Но тот лишь смеялся и говорил, что нам не подойти к нему из-за могучих заклятий, что его оберегают. Тогда я выступил вперед и сказал, что знаю молитву, со-

ставленную самим святым Колумбой, против которой бессильны заклятья друидов. И я прочел эту молитву, которая начинается словами:

*Господь великий, благостный
Да пребудет с нами вовек.*

После этого мы беспрепятственно подошли к Койре и отрубили ему голову. Затем мы продолжили работу и срыли сид Бойру до самого основания.

II

Харальд принес золото Хруту, своему отцу, и сказал:
— Возвращаю тебе долг, как было обещано. Думаю, этих денег хватит не на десять, а на сорок коней.

Хрут онемел, увидев такое богатство. Долго он не мог раскрыть рта, а после спросил, откуда у Харальда это золото. Харальд ответил, что взял его в кургане Готольва. Тогда Хрут пришел в большой гнев и сказал:

— Забирай свое золото, нечестивец, осквернитель могил! Если нет у тебя почтения к предкам, побоялся бы хоть гнева богов! Теперь ты проклят богами, уж это точно. Не принесет тебе счастья твое богатство, как сказано:

*Золото звонкое,
Клад огнекрасный,
Погубит тебя!*

И как ты мог так опозорить нас перед всей округой! Тебя и так-то мало кто любит, а теперь нас и вовсе не пустят на порог честные люди. Убирайся вон из дома, мерзавец!

Хрут схватил золотое запястье и бросил его сыну в лицо, так что у Харальда из носа потекла кровь.

— Будь по-твоему, отец, — сказал Харальд. — Но не проси меня потом вернуться.

Харальд забрал деньги и оружие Готольва и отправился в лес Рунмёрк, что к востоку от Олесунда. Там он сделал себе землянку и некоторое время жил, промышляя охотой. Однажды он пришел к бонду, что жил по соседству, чтобы купить немного хлеба, браги и сыру. Но бонд сказал, что не возьмет проклятого золота и прогнал Харальда со двора.

На тинге на мысу Фрейра Харальда объявили вне закона за богохульство и осквернение могил. Теперь он не мог показываться людям на глаза.

Спустя недолгое время Харальд встретил в лесу шайку разбойников, таких же, как он сам, объявленных вне закона и изгнанных. Главаря разбойников звали Торгейром, а всего их было семнадцать человек. Харальд стал разбойничать вместе с ними. Они нападали на прохожих людей и отнимали у них добро, а иногда забирались в усадьбы и воровали скот и припасы.

На другое лето Харальд тайно пришел на гору Винбьерг, чтобы встретиться с Сигрун. Он поднимается на вершину и видит: Сигрун пасет овец на южном склоне горы, как обычно. Он спускается к ней, и она тепло его приветствует и говорит, что рада его видеть.

— Хотя таких, как я, найдется немного. Не кажется ли тебе, Харальд, что начинают сбываться слова твоего отца? Может, и впрямь, проклятое золото скоро тебя погубит?

— Я так не думаю, — ответил Харальд. — Вряд ли мне что-нибудь может угрожать, пока я живу в лесу и сторонюсь людей.

— Во всей округе не найдешь бонда, который не держал бы зла на Торгейра и его шайку. Уж очень вы стали донимать нас. И не забывай, что людям известно, где вы скрываетесь.

— Можешь ты дать мне какой-то совет?

— Я могу лишь обещать, что предупрежу вас в случае опасности.

— Да будет счастье тебе и твоему роду. И я не останусь перед тобой в долгу.

Харальд достал красивую золотую застёжку для плаща и сказал, что хочет подарить ее Сигрун. Сигрун долго молчала, но потом протянула руку и взяла подарок.

— Будь что будет, — сказала она. — Верно, не я первая, кто добровольно берет на себя проклятие.

В конце лета Сигрун пришла в лес Рунмёрк к разбойникам и сказала:

— Бонды собрали войско и идут сюда, чтобы разделаться с вами.

— Сколько у них народу? — спросил Торгейр.

— Сто и три дюжины. По-моему, вы должны бежать, если не хотите расстаться с жизнью.

— Это единственное, что нам остается, — сказал Торгейр.

— Я отведу вас в место, где вы будете в безопасности какое-то время, — сказала Сигрун.

Она повела разбойников на юг, через горы, к заливу Хегни. Там они перешли по узкому перешейку на остров Бирк. Этот перешеек обнажается только на малой воде.

— Бонды не станут преследовать вас так далеко, — сказала Сигрун. — Они успокоятся на том, что вы ушли из их округи.

Некоторое время Торгейр и его люди жили на острове Бирк. Они ловили треску в заливе и грабили окрестные дворы. Сигрун оставалась с ними. Она сказала, что ей больше по душе жить с разбойниками, чем у отца, потому что здесь жизнь богаче и вольнее, и не приходится терпеть нужды, как раньше.

Однажды все разбойники ушли на промысел, а Харальд и Сигрун остались стеречь лагерь. Сигрун сказала:

— Что собирается делать Торгейр дальше?

— По-моему, он доволен нашей жизнью здесь, и постарается, чтобы все шло по-прежнему. Хотя мне кажется, что мы способны и на большее.

— Я тоже так считаю, — сказала Сигрун. — Глупо грабить этих бондов, у них у самих-то ничего нет. Да и не слишком это хорошо, по-моему, разбойничать в своей стране.

— Верно, — сказал Харальд. — Но ты же знаешь, что мы вынуждены так поступать.

В то лето несметно расплодились лемминги. Они шли с востока в таком множестве, что казалось, будто течет река. Там, где сидели Харальд и Сигрун на острове Бирк, они тоже шуршали повсюду в траве, и видно было, как они целыми стаями падают со скалы в залив.

— Мыши, и те не знают ныне покоя, — сказала Сигрун. — Такие

времена настают. Как будто они указывают нам путь, и мы могли бы побежать вслед за ними.

— Мало толку бросаться в море, не умея плавать, — сказал Харальд. — Но я был бы не прочь отправиться в чужие страны, будь у нас корабль.

— Того золота, что ты взял в кургане, хватит на два корабля, — сказала Сигрун. — Но нам нужен особый корабль, быстрый и легкий, который мог бы ходить по мелководью, за которым нельзя угнаться, и чтобы мы могли нести его на плечах, если понадобится.

— Где же найти такой корабль?

— Я знаю человека, который сумеет его построить.

— Тогда можно сказать, что мы сделали выбор, и я верю, что наше решение правильное.

ПЛАВАНИЕ НИАЛЛА

Трижды девять дней и столько же ночей Муйредах раскапывал сид Бойру. Он оставался крепок телом и духом, хотя земля изрыгала проклятия, и тяжелым камнем легли на сердце короля злые пророчества.

По истечении названного срока вышел Муйредах из своего шатра и видит: скачет к сиду с севера Ниалл, сын Фебала. На черном коне он скакал, и черны были его одежды, а с морды коня падала пена, ибо скакали они, не останавливаясь, от самого Круахана. Ниалл подъехал к королю, и конь его упал замертво к ногам Муйредах. Сказал король:

— Видно, не с доброй вестью ты спешил ко мне, о Ниалл!

— Истинно так, — ответил Ниалл. — Черны мои вести, как плащ на моих плечах и как этот конь у твоих ног. Слишком долго тебя не было с нами, о Муйредах!

*Три несчастья пришли,
О, горе великое!
На землю твою,
Ты слышишь, Муйредах!
Увы зароки нарушившему!
Проклятие сидов — правду сказал я! —
Пало на нас. Поистине,
Нет больше силы у короля!*

— Каковы эти три несчастья, о верный Ниалл?

— Нетрудно сказать. Вот первое: пала половина скота от неведомой хвори. Второе несчастье: не уродился хлеб. Третье: пришли в

страну полчища бурых мышей, и пожрали они все наши запасы, и пишу для людей, и корм для скота.

Сгорбился Муйредах, услышав эти слова, и спал румянец с его щек.

— Верно ты сказал, видно, нет у меня больше силы, если хлеб в моей земле не родится, скот падет, а мыши пожирают запасы. И мало кто из моих людей встанет теперь на мою защиту, случись кому-то из соседей напасть на меня. Скажут люди: зачем нам такой король? Горе мне!

— Не время сейчас предаваться скорби, — сказал Ниалл. — Ибо есть еще и четвертое несчастье.

— Говори, верный Ниалл, и Господь поможет моему духу не сокрушиться от этих бед, будь их у тебя в запасе еще хоть три дюжины.

— Рассказывают люди, о Муйредах, что пришел Кондла, сын Финнлиата, из уладских земель, к Диармаиду, сыну Фейдлимида, королю северных Уи Нейллов, с тремя сотнями мужей. Сказал Кондла: «Трижды девять сыновей было у Финнлиата, моего отца, короля уладов. После его смерти стали мы делить отцовскую землю, но, как ни старались, так и не смогли найти в ней двадцать семь равных наделов: все получалось двадцать шесть. Тогда мы бросили жребий, и выпала мне злая участь, и я остался без земли». «Зачем же ты пришел ко мне, Кондла?» — спросил Диармайд. «За советом, — ответил Кондла. — Ибо я не знаю, где мне найти себе землю». «Не удастся тебе добыть землю, — сказал Диармайд. — Если только ты не победишь Муйредаха, сына Кормака, и не отнимешь у него его царства». «Как же мне одолеть его, — воскликнул Кондла. — Ведомо всем: нет в Ирландии другого воина, столь же неустрашимого, доблестного и могучего, как славный Муйредах». «Мы соединим наши силы и вместе пойдём на Муйредаха, а потом поделим его землю поровну, — сказал Диармайд. — И можешь не бояться мощи Муйредаха, ибо нет уж у него прежней силы. Он нарушил три своих зарок и навлек на себя проклятие сидов из Бойру. Теперь в его землях хлеб не родится, скот пал, а мыши пожирают запасы. И мало кто из его людей встанет на его защиту, случись кому-то из соседей напасть на него. Скажут люди: зачем нам такой король? Пусть лучше правят нами доблестный Диармайд и славный Кондла! Поистине, голыми руками можно сейчас взять Муйредаха в его крепости, и пинком ноги вы-

швырнуть его за дверь! Побегит он от нас быстрее ветра, пока не загоним мы его в глубокие, черные воды озера Лох Ри! Правду я сказал».

На другой же день пошли Диармайд и Кондла на Круахан с огромной ратью; и по левую руку шагали грозные улады, а по правую — коварные, жестокие северные Уи Нейллы. В двух дневных переходах от твоей крепости они стоят сейчас, о Муйредах. И ты должен поспешить, если хочешь отстоять свою честь и кровью врагов смыть позор со своего имени.

Поднялся тогда Муйредах во весь рост, лицо его налилось кровью, а волосы встали дыбом. Воскликнул он:

— Оставьте работу, о мои верные воины! Срыли мы холм, свершилась месть! Бросьте лопаты, возьмите мечи, просуньте пальцы в петли копий! Поспешим в Круахан, отстоим свою землю, не позволим подлым врагам угнать наш скот, а нас обратить в рабство!

Оставили тогда коннахты работу, взяли оружие и пошли за королем на север, в Круахан. Поднявшись на гору Слиаб Фремайн, король остановился и посмотрел на глубокие, черные воды озера Лох Ри. И было ему страшное видение: будто бы всколыхнулись воды, и появилась из них змеинная голова девяти сажен в длину, на тонкой длинной шее. Огнем пылали глаза чудовища, а из пасти сыпались красные угли. Испугался король, ибо испокон веку не водилось в Ирландии змей, а уж таких чудищ и подавно. Воины тоже увидели змея и в страхе пали на землю. Муйредах сказал:

*Тяжки грехи мои!
Змей небывалый
Вспенил воды Лох Ри,
Пламя бьется в глазах.
Злое знамение не сулит мне победы,
Близка моя смерть!
В замке моем коварный Кондла
Кровью коннахтов стены зальет,
Сбылись пророчества!
Но не отступит Муйредах!
Трижды три сотни мужей
Падут от руки его у входа в дом,*

*И столько же в доме,
Прежде, чем Кондла повесит
Мою голову у седла.*

Затем поспешил Муйредах в Круахан и вошел с войском в крепость. В тот же час подоспели Кондла и Диармайд. Окружили они дом короля, и по левую руку встали злобные улады, а по правую — подлые, кровожадные северные Уи Нейллы.

ЗАПИСКИ ПАТРИКА О'КОННОРА

В то лето Господь посылал ирландцам страшные знамения, предвещавшие, как мы увидели после, нашествие варваров и разрушение Клонмакферта. Мы, монахи, вели счет этим знамениям прилежно и со всем старанием, так что иные из нас насчитали до трех дюжин. Я же упомяну лишь три: бурые мыши, расплодившиеся сверх всякой меры и понимания; недород овса и ячменя; появление ужасного длинношеего чудища в озере Лох Ри. Последнее диво особенно огорчило нас, и даже повергло некоторых в уныние и страх, ибо, как всем известно, земля Ирландии издавна была любезна Богу, и так преисполнена благочестия и очищена деяниями святых и непорочных монахов, что в ней никогда не водилось змей и иной ядовитой нечисти, что так и кишит в иных не столь просвещенных странах.

Все названные знамения смутили народ и ослабили власть всех королей: родовых Ри Туайте, и удельных Руи Ри, и старших Ри Руирех, и верховного короля Ард Ри Муйрхертаха. По всей стране усилились смуты и междоусобицы.

Одним из первых пал жертвой этих кровавых бед несчастный Муйредах, сын Кормака. Два короля с севера, Кондла Уладский и Диармайд Уи Нейлл, пришли к стенам Дин Бо, крепости Муйредаха, что к югу от Круахана в восточном Коннахте. К тому времени проклятые мыши съели либо испортили все запасы в Дин Бо, и король не мог долго продержаться, будучи осажденным и отрезанным от своих полей и пастбищ. К тому же почти все его войско разбежалось, одолаваемое голодом, страхом и бурыми мышами.

III

На другой день Харальд сказал Торгейру: — Я хочу, чтобы мы купили корабль и отправились воевать за море, в чужие страны. Там мы возьмем добычу побогаче. Довольно отбирать крохи у нищих бондов: пора найти лучшее применение нашей храбрости.

— Нам и здесь хватает еды и браги, — сказал Торгейр. — Бонды боятся нас, и едва ли кто-то осмелится снова против нас выступить. Я не собираюсь отказываться от всего, что мы имеем здесь, ради глупых выдумок. Выбрось ты лучше эту дурь из головы.

Харальд долго пререкался с Торгейром, но тот стоял на своем. Тогда Харальд в гневе схватил меч и сказал, что вызывает Торгейра на поединок.

Они стали биться, а разбойники стояли кругом и смотрели. Бой продолжался недолго. Харальд нанес Торгейру рану в правое плечо, и Торгейр признал себя побежденным. Харальд сказал разбойникам:

— Теперь, по праву, я буду вашим конунгом вместо Торгейра. И вот мое решение: мы поедем воевать за море.

Харальда спросили, в какую страну он собирается и много ли там добычи. Харальд сказал:

— Купцы с Фарерских островов рассказывали моему отцу, что нет богаче людей, чем папары. Больше всего добра можно взять в крепостях папаров, в монастырях. А самые большие и богатые монастыри, если верить тем купцам, на западе, в Вестманналанде, в Ирландии.

Разбойники решили, что это разумные слова, и согласились идти за Харальдом, куда он пожелает.

Сигрун привела на остров своего родича Хёскульда, строителя кораблей. В то время не было в Норвегии более искусного мастера. Харальд сказал, что отдаст Хёскульду все свое золото, если он сделает такой корабль, какой ему нужен.

— Я согласен, — сказал Хёскульд. — Но вам всем придется немало потрудиться. Я построю такой боевой корабль, какого еще не бывало. Давно я ждал случая приложить свое умение, и я рад, что наконец-то смогу показать себя по-настоящему.

На другой же день они начали работу и трудились, не покладая рук, лето и зиму. Хёскульд ни на шаг не отходил от корабля. Он почти вовсе не спал и даже ночами все ходил вокруг корабля и что-то бормотал.

По округе пошли слухи, что на острове Бирк в заливе Хегни строится чудо-корабль. Многие приходили издалека взглянуть на это диво, и кое-кто из них оставался в дружине Харальда.

Корабль, который построил Хёскульд, был двадцати сажен в длину и трех в ширину. В нем было пятнадцать скамей для гребцов. Все доски были сшиты еловыми корнями. На носу Хёскульд вырезал голову ястреба. Даже с полным грузом киль корабля погружался в воду всего на два локтя. Корабль был легким, и люди Харальда могли нести его на плечах.

Когда корабль спустили на воду, всем показалось, что никогда они не видели ничего красивее этого корабля.

— Работа на славу, — сказал Харальд Хёскульду. — Ты заслужил свое золото.

Хёскульд взглянул на деньги, потом на корабль, и сказал:

— Забери назад половину. Я не могу расстаться с этим кораблем. Я поеду с тобой, куда бы ты ни отправился.

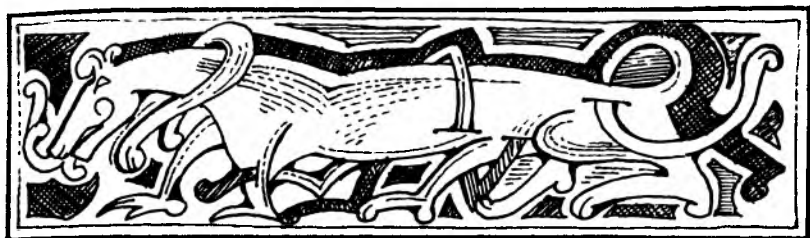
— Хорошо ты решил, друг, — сказал Харальд. — Я охотно возьму тебя. И все же оставь себе все золото. В таком деле мне не хотелось бы скупиться.

Харальд назвал корабль Ястреб Готольва, Готольвсхаук. Сигрун вышла на стяге ворона, и этот стяг укрепили на носу корабля.

Они решили немедля выступить в поход. И вот все взошли на корабль. Сигрун сказала:

*Боги нам шлют
Ветер с востока,
Вспенились волны
В заливе Хёгни.
Крылья раскинул
Готольва ястреб —
Чует он битву!
Ворону пир
В Вестманнalandе
Грядет кровавый!*

С попутным ветром они вышли в море.

ПЛАВАНИЕ НИАЛЛА

Послал Диармайд Кримтайна, сына Котайда из рода Фир Ройс, своего филида, к королевскому дому разведать, там ли Муйредах и его воины. Кримтайн подкрался к дому, заглянул во все окна и вернулся.

— Расскажи, что ты видел, о Кримтайн! — сказал Диармайд.

— Я видел большой покой, и в нем девять раз по трижды девять мужей, все как на подбор, статные, крепкие, краснолицые, золотоволосые. В боевых доспехах сидят они у очага, у каждого в руке меч, а на плече щит. По целому барану жарят слуги для каждого из них.

— Кто эти люди, о Диармайд? — спросил Кондла.

— Неведомо мне, кто они, — ответил Диармайд. — Если только это не славные дружинники Муйредах, сына Кормака. Трижды три наших воина убьет каждый из них у входа в дом. Поистине, Кондла, надо тебе отступить! Уведем войско, вернемся домой!

— Не могу я, — сказал Кондла. — Мгла страха туманит твой дух. Позором покроем мы себя, если уйдем, не забрав головы короля!

— Скажи, кого еще ты видел, о Кримтайн! — сказал Диармайд.

— Видел я двух мужей, ростом выше других, широкоплечих, неустрашимых. Гневом горят их глаза. В серебряных доспехах сидят они у очага. Один из них точит меч, а другой играет на арфе. Могучее, длинное копье в левой руке у каждого из них. По целому кабану жарят для них слуги.

— Кто это, о Диармайд?

— Знать не знаю, ведать не ведаю, — ответил Диармайд. — Если это не Аэд мак Ройг и Ниялл мак Фебал. Во всей Ирландии не найти им равных. Трижды девять наших воинов сразят они у входа в дом, и столько же в доме. Поистине, Кондла, надо тебе отступить!

— Не могу я, — сказал Кондла. — Мгла страха туманит твой дух. Позором покроем мы себя, если уйдем, не забрав головы короля.

— Кого еще ты видел, о Кримтайн?

— Я видел мужа, ростом на голову выше всех, грозного, ужасного, великолепного. Огнем ярости пылают его глаза. Сидит он на королевском месте в золотых доспехах. Он отдает приказания, и все в доме слушаются его. Целого быка жарят для него слуги.

— Кто это, о Диармайд?

— Во всю жизнь не догадаться мне, кто это, — ответил Диармайд. — Если не сам Муйредах, сын Кормака. Трижды три сотни мужей сразит он у входа в дом и столько же в доме. Отступись, о Кондла! Уведем войско, вернемся домой!

— Не могу я, — сказал Кондла. — Мгла страха туманит твой дух. Позором покроем мы себя, если уйдем, не забрав головы короля.

— Раз так, идем к дому, — сказал Диармайд.

Поднялись улады и северные Уи Нейллы и бросились к дому. Закипела жаркая битва вокруг стен и у входа. Пало там воинов без счета с обеих сторон. Наконец ворвались враги Муйредаха в дом. Муйредах сразил девять сотен мужей у входа и столько же в доме, и изломал он все свое оружие. Осталось у него лишь копье Га Дагу. Воскликнул Муйредах:

— Королевский подарок шлю тебе, Кондла!

Муйредах метнул копье Га Дагу, и попало оно Кондле в грудь, и, пролетев насквозь, убило еще девять мужей за его спиной. После этого вырвался Муйредах с боем из дома, и с ним Аэд, сын Ройга, и Ниалл, сын Фебала, и еще два воина. Отбились они от врагов и ушли лесом на юг, в Маг Лиахру. Оттуда они направились в Клонмакферт просить убежища, и монахи впустили их и спрятали за могучими стенами. Сказал Муйредах:

— Поистине, теперь я король только сам над собой!

Велика была печаль Муйредаха, и горько скорбел он об утраченном царстве и своих грехах. Однажды позвал он Ниалла и сказал:

— Посоветуй мне, мудрый Ниалл, как мне уменьшить эту печаль, что камнем лежит у меня на сердце?

— Нетрудно сказать, — ответил Ниалл. — Откажись от царства, забудь о благах мирских, стань монахом и служи Господу так же верно, как мы служили тебе — и покой придет в твое сердце.

— Так я и сделаю, — сказал Муйредах. — Добрый совет ты дал мне, мой верный Ниалл.

Стал Муйредах монахом.

Тем временем прознали Айсиль, сын Кондлы Уладского, и Диармайд, сын Фейдлимида, король северных Уи Нейллов, что скрывается Муйредах в монастыре Клонмакферт. Пришли они под стены монастыря с большим войском и стали требовать голову Муйредаха. Сказали они, что не выпустят никого из ворот и никого не впустят до тех пор, пока не выдадут им Муйредаха живым или мертвым. Сплошным кольцом окружили они Клонмакферт и держали осаду три дня и три ночи. К исходу же третьей ночи ужас великий пришел на землю Ирландии.

ЗАПИСКИ ПАТРИКА О'КОННОРА

Муйредах вывел остатки войска за стену и первым напал на врагов, чтобы пробиться в Клонмакферт, где он надеялся найти убежище. В той схватке погибло не менее двух десятков воинов, и сам Кондла Уладский пал от руки Ниалла, сына Фебала, филида короля Муйредах. Лишь четверо мужей прорвались вместе с Муйредахом сквозь строй воинов Севера и ушли через Маг Лиахру в Клонмакферт. Все они постриглись в монахи и стали жить праведной жизнью, но недолго это продолжалось.

Мало показалось Диармаиду Уи Нейллу, что отобрал он у Муйредах царство, захотел он забрать у него и голову. Пришел он с войском к монастырю и осадил его, и стал требовать выдачи Муйредах. Давно уже в Ирландии не совершались дела столь недостойные, нечестивые и богомерзкие, как в это злосчастное лето.

Многие иноки, увидев, какая смута и нечестие охватили зеленый остров Ирландию, решили уйти подальше от мирских сует и, отправившись за море, найти уединение и покой на пустынных островах в бескрайнем океане. Я был одним из них. Мы построили два больших корабля. На крепкие рамы из тиса натянули мы умело сшитые бычьи шкуры, по семь шкур на каждый корабль, сделали скамьи, и мачты, и весла, и прочные паруса. Стояли корабли на островке, что напротив монастыря, в озере Лох Ри, и все уже было готово к отплытию, когда пришло в Ирландию новое горе, и было оно хуже всех прежних. Сбылись злые пророчества друида Койры, и испили мы полную чашу страданий и позора, и не смягчил Господь гнев Свой.

IV

Харальд направил корабль на юг, вдоль берега. Возле мыса Санднес они заметили другой корабль, похожий на Ястреба, хоть и не такой красивый.

— Не твоя ли работа, Хёскульд? — спросил Харальд.

— Скорее, кого-то из моих учеников.

Когда корабли сблизились, Харальд обратился к незнакомцам и сказал:

— Кто вы и зачем идете нам наперерез? Уж не хотите ли вы напасть на нас? Если так, клянусь, вы не успеете оглянуться, как отправитесь кормить рыб.

Те сказали, что не собираются нападать.

— Мы разбойники из Хёрдаланда. Есть среди нас изгнанные и объявленные вне закона и такие, кого разыскивают, чтобы убить. Мы слышали, что ты едешь в Ирландию, и решили к тебе присоединиться. Нам нельзя оставаться дома, да и хочется посмотреть чужие страны.

— Тогда вы должны признать меня своим конунгом и подчиняться мне. А добычу я буду делить поровну между всеми.

— Мы согласны на такие условия.

Дальше они плывут вместе. У острова Скатей они видят еще два корабля, похожих на Ястреба. Харальд сказал:

— Много же у тебя учеников, Хёскульд!

— Было бы больше, — ответил тот. — Но кто бы мог подумать, что в Норвегии будет такая нужда в боевых кораблях.

С этими двумя все вышло так же, как и с первым, и теперь у Харальда было уже четыре корабля.

Сигрун сказала:

— Видно, много нынче в Норвегии лихих людей, что им стало тут тесно и они так и рвутся в чужие страны.

Всех этих разбойников прозвали викингами (заливниками), потому что они собирались в заливах и там строили корабли.

Вскоре Харальд повернул корабли на запад, и они плыли открытым морем, пока не достигли Фарерских островов. В то время там жили норвежские рыбаки и ирландские папары-отшельники.

Харальд ненадолго задержался на островах, чтобы пополнить запасы пищи, воды и дров. Здесь тоже нашлись лихие люди, и многие из них просились на корабли Харальда. Харальд никому не отказывал, и когда он ушел с островов, на кораблях было уже более сотни воинов.

Их плавание было удачным, и в середине лета они достигли Пентландсфьорда в Шотландии, которую также называют Альбой. Отсюда Харальд направился к Гебридским островам. Там викинги перезимовали, а на другое лето поплыли дальше на юг и вскоре подошли к берегам Ирландии. Они приблизились к земле и увидели остров к западу от нее, а на острове — большую деревянную крепость с высокими башнями. Все обрадовались, а Сигрун сказала:

— Теперь я вижу, что ты, Харальд, не обманул нас. Ясно, что мы попали в очень богатую страну. Только богачи могут построить такую красивую крепость.

Из пролива навстречу викингам вышли на веслах пять больших кожаных лодок. Викинги приготовились к бою. Вестманны подплыли к ним, но не стали нападать и обратились к ним на своем языке. У Харальда на корабле было немало фарерцев, понимавших западную речь, и кое-кто из норвежцев выучился за время плаванья немного говорить по-ирландски. Предводитель вестманнов назвался Брианом и сказал, что он знатного рода и отец его был конунгом, но потерял землю и власть в междоусобных распрях.

— Теперь мы живем тем, что грабим дворы и крепости по побе-

режью, — сказал Бриан. — И поскольку вы, как мне кажется, тоже люди не мирные, я решил потолковать с вами и договориться, чтобы вы не грабили в тех же местах, что и мы.

Харальд сказал:

— Я не собираюсь идти у вас на поводу, и не потерплю, чтобы мне указывали, куда направлять корабли. Но, по-моему, для нас обоих будет лучше, если мы станем воевать вместе. Вы знаете здешние края, но корабли у вас тихоходные и неуклюжие. У нас же быстрые корабли, но мало опыта.

Бриан сказал, что согласен попробовать.

— Что это за крепость на острове? — спросил Харальд. — Много ли там богатств?

— Это монастырь Инис Мор, — сказал Бриан. — Богатств там не счесть, но взять их нам не под силу. Никому еще не удавалось боем овладеть этой крепостью.

— Посмотрим, — сказал Харальд.

Он велел плыть к острову. Викинги высадились под стенами крепости, и люди Бриана поступили так же, хоть и было видно, что им это не по нраву. Харальд взял в левую руку стяг с вороном, а в правую меч Готольва. Он издал боевой клич и побежал к земляному валу, окружавшему монастырь. Викинги не отставали от него, а вестманны Бриана шли позади и наступали без большой охоты. Папары заперли ворота и встали на вершине стены, что венчала земляной вал, и приготовились защищаться. Викинги стали взбираться на вал. Тогда один из папаров крикнул:

— Ступайте прочь! Разве вы не боитесь гнева нашего Бога?

Это было сказано на северном языке, так что все норманны поняли. Ирландские папары ездили в Англию и Данию обращать людей в свою веру, и там выучились северному языку. Все папары знают по многу языков, считая один тайный, которого никто, кроме них, не понимает.

Харальд сказал:

— Наш бог с нами. Вот его птица!

И он высоко поднял стяг. Норманны увидели своего ворона и побежали вперед еще быстрее и решительнее. Они добрались до вершины вала и принялись карабкаться на стену. У них не было лестниц, и они подставляли к стене бревна и взбирались друг другу

на плечи. Папары стали бросать в них копья и стрелять из луков, и разбивали им головы тяжелыми камнями. Никому не удавалось добраться до верха стены.

Харальд обернулся и увидел, что люди Бриана только еще поднимаются на вал.

— Не слишком-то вы смело нападаете, — крикнул Харальд. — Теперь я вижу, какие вы храбрецы!

— Мы не боимся сражаться, — ответил Бриан. — Но опасаемся бога папаров.

Тут из ворот крепости выбежала большая рать. Папары ударили в тыл викингам, а людей Бриана стали теснить к морю. Те недолго сопротивлялись и бросились бежать к кораблям. Норманны оказались между стеной и вражеским войском. На валу началась кровавая битва. Харальд убил троих врагов мечом Готольва. Его дружинники тоже защищались отважно и стояли насмерть. Тут копье попало в левую руку Харальда, и он выронил стяг. Викинги увидели, что стяг пал, и решили, что конунг убит. Тогда многие обратились в бегство. Некоторым удалось пройти вдоль стены, спуститься с вала и добраться до кораблей.

Пятнадцать викингов, что стояли рядом с Харальдом и видели, что он только ранен, собрались вокруг конунга. Всех их охватила боевая ярость. Они подобрали стяг и высоко его подняли. Потом они встали плечом к плечу и тесным строем пошли на папаров. Харальд шел в середине строя. Папары не выдержали их натиска и раступились, и викингам удалось пройти к кораблям.

Они тотчас же отплыли и направились к материку. Здесь они прошли немного на запад вдоль берега и высадились в тихой бухте. Харальд сказал Бриану:

— Лучше тебе не плыть дальше с нами. Толку от тебя совсем не так много, как можно подумать с виду. Не стоило мне с тобой связываться.

— Я не хотел нападать на монастырь, — сказал Бриан. — И впредь не стану этого делать, потому что бог папаров очень силен.

— Не думаю, что дело здесь в боге, — сказал Харальд. — Просто мы нападали не так решительно, как следовало бы.

Они разбили лагерь и переночевали. На другой день викинги увидели, что у них совсем не осталось еды. Харальд сказал:

— Позор нам, если мы не сумеем даже прокормить себя! А ведь мы еще хотели разбогатеть.

Бриан сказал:

— Поблизости есть богатый двор. Там мы сможем взять не менее пяти коров, зерна и других запасов.

— Так пойдем и возьмем, — сказал Харальд.

Они отправились вслед за Брианом и вскоре пришли к круглой земляной крепости с деревянными воротами. Вокруг стены были луга, и там пасся скот. При виде войска вестманны спешно заперли ворота. Викинги издали боевой клич и побежали вперед. На этот раз люди Бриана не отставали. Они перелезли через стену и попали на круглый двор с земляными и каменными строениями. Там было много народу, на мало кто пытался сопротивляться. Вскоре все бросились бежать через ворота в поле. Викинги преследовали ирландцев и многих убили. Один из бегущих вдруг остановился, сел и стал завязывать башмак. Харальд подошел к нему и спросил, почему он не бежит. Тот ответил на северном языке:

— Боюсь, что мне не добраться сегодня домой, даже если я буду бежать весь день. Ведь мой дом в Норвегии.

— Как твое имя и как ты здесь очутился?

— Меня зовут Тьельви, я купец из Вика. Я попал в плен к ирландским дибергам*, и меня продали в рабство в этот дом. Я был тут рабом четыре года, и так мне это опостылело, что я не стал убежать, когда вы напали. И теперь вижу, что не ошибся, ведь вы, судя по всему, мои земляки.

Харальд предложил Тьельви вступить в его дружину, и тот охотно согласился.

Викинги взяли в том дворе немало скота и зерна. Потом они вернулись к кораблям. По совету Бриана они некоторое время плыли вдоль берега на запад и на юг и нападали на дворы и крепости ирландских бондов. Так продолжалось до конца лета. У викингов было теперь вдоволь еды, но ни золота, ни серебра они нигде не добыли. Многие дружинники стали роптать и говорили, что Харальд не очень-то спешит выполнять свои обещания. Сигрун сказала:

— Вот уж не думала, что ты отступишься при первой же неудаче

---

* Морским разбойникам.

и снова возьмешься за старое. Похоже, это папарское копье, что попало тебе в руку, отняло у тебя не только силу, но и мужество.

И многие другие, как и Сигрун, хотели захватить какой-нибудь богатый монастырь.

Харальд сказал:

— Я и сам бы рад отомстить папарам и взять стоящую добычу. Но вы помните, что у нас вышло под Инис Мором. А Бриан не станет нам больше помогать в таком деле.

Тьельви сказал:

— Могу дать тебе хороший совет. Ведь я давно живу в этой стране и знаю здешние дела. Ирландцы все время воюют друг с другом, и нам нужно этим воспользоваться. Мы можем встать на сторону какого-нибудь конунга, если увидим, что его положение лучше, чем его врагов. А что до монастырей, то с ними не стоит связываться: они слишком сильны.

Сигрун сказала:

— Расскажи о всех распрях и войнах, какие сейчас есть в Ирландии, а я постараюсь придумать что-нибудь подходящее.

Тогда Тьельви стал говорить и рассказал о многих распрях. Едва он заканчивал один рассказ, Сигрун требовала, чтобы он продолжал. В числе прочего Тьельви рассказал о конунге Мюредаке. Этот конунг владел землями в глубине страны. Два других конунга, Дьярмад и Контла, победили Мюредака, но Контла пал в битве. Его убил воин по имени Ньяль. Вся земля и добро Мюредака достались Дьярмаду. Сам Мюредак едва спасся. Он попросил убежища у папаров, и те пустили его с четырьмя воинами в свою крепость.

— Хороша ли эта крепость? — спросила Сигрун.

— Очень хороша, — сказал Тьельви. — И одна из лучших. Там полным-полно золота. Называется она Клонмакферт.

В тот день Сигрун больше не просила Тьельви рассказывать. Она пошла к Харальду и сказала, что нужно воспользоваться распрей Мюредака и Дьярмада и попробовать так повернуть дело, чтобы сами ирландцы помогли им добыть золото Клонмакферта.

— Я не мастер говорить, — сказал Харальд. — Едва ли я сумею столкнуться с конунгами вестманнов.

— Дело мужчины сражаться, — сказала Сигрун. — В остальном ты можешь рассчитывать на меня.

Потом Сигрун спросила Бриана, что он думает об этой распре.

— Мне нечего тут сказать, — ответил Бриан. — Кроме того, что я не стал бы оплакивать Мюредака, погибни он сам в той битве. Ведь это его родичи отняли землю у моего отца.

— Тогда ты, наверное, был бы не прочь покончить с ним?

— Я бы не отказался, будь у меня такая возможность. Но на Клонмакферт я не пойду: довольно с меня и одной попытки. Только глупец может надеяться взять силой монастырь папаров.

— Я и не ждала, что ты будешь рваться в бой. Но этого и не понадобится. Будет достаточно, если ты приведешь своих людей под стены монастыря и прстоишь там вместе с нами какое-то время. Всё самое трудное достанется нам, как обычно. За это ты получишь голову Мюредака и положенную долю добычи, если удастся ее взять.

— Дурное это дело — нападать на монастыри, — сказала Бриан. — Но видно, придется мне согласиться, раз уж вы так просите.

На другой день Сигрун сказала Харальду:

— Отправляйся с войском на юг, в Клонмакферт. Бриан укажет тебе дорогу. А я поеду сначала на восток, в Динбу, к Дьярмаду. Возможно, я буду у стен Клонмакферта раньше тебя. И я постараюсь привести туда ирландское войско.

— Мне не хотелось бы расставаться с тобой, — сказал Харальд.

— Наш поход без тебя едва ли будет удачным. Но, видно, такова судьба. И я, конечно, не стану тебя отговаривать. Пусть Один поможет нам встретиться под стенами Клонмакферта!

Сигрун и Тьёльви с дюжиной воинов пошли на восток вглубь страны. В одном дворе они взяли повозку и четырех лошадей. Дальше они ехали в этой повозке. Тьёльви показывал, куда ехать. Они ни на кого больше не нападали, и вестманны тоже их не тревожили, так что вскоре они благополучно прибыли в Динбу, крепость Мюредака. Динба была окружена высоким валом с изгородью наверху, а внутри стоял дом, сложенный из больших камней. Ворота были открыты. Викинги въехали во двор и сошли с повозки. Во дворе кишели лемминги. Из дома выбежали ирландские воины.

— Мы пришли с миром, — сказала Сигрун. — И хотим говорить с конунгом Дьярмадом.

Сигрун уже знала много слов на западном языке, а Тьёльви под-сказывал ей, когда она что-то забывала.

Норманнов пригласили в дом и посадили у очага. В доме тоже было полно леммингов. Повсюду бегали огромные черные собаки. Они ловили леммингов и ели их. Вокруг очага сидели воины, пять или шесть дюжин. Слуги жарили им уток, гусей и собак. На почетном месте сидел конунг Дьярмад. При нем был меч длиной в рост человека и тяжелое копье. По правую руку от конунга сидел рыжеволосый юноша. Это был Эйсиль, сын Контлы. Конунг приветствовал гостей и спросил, кто они, откуда и зачем пришли к нему.

— По вашему виду не скажешь, что вы робкого десятка, и похоже на то, что вы не в первый раз сегодня взяли оружие в руки. Должно быть, вы хотите вступить в мою дружину. Я был бы рад принять на службу таких молодцов.

Сигрун поблагодарила конунга и сказала:

— Мы не можем вступить в вашу дружину, государь, потому что уже служим другому конунгу, Харальду из Суннмёри. Но мы хотим помочь вам в одном деле, которое вы уже пробовали совершить, но добыча ускользнула у вас из-под носа.

— Какое это дело? — спросил Дьярмад.

— Добыть голову Мюредака, вашего врага.

Тут Эйсиль, сын Контлы, вскочил и воскликнул:

— Ничего не пожалею для тех, кто поможет мне добыть головы Мюредака и Ньяля! Не могу я спать спокойно, пока отец мой не отмщен!

Дьярмад велел Эйсили уgomониться и сказал:

— Пустые это слова, чужеземка. Папары не выдадут Мюредака. Уж не хочешь ли ты, чтобы я стал воевать с папарами?

— Скорее всего, обойдется без боя. Мы подойдем к монастырю со своим войском, а вы со своим. Этого хватит, чтобы напугать папаров до смерти. Они сами будут рады отдать Мюредака, а также выкуп, который мы с них потребуем за то, что они укрыли у себя вашего врага. Если же они запрямятся, мы силой возьмем все, что нам нужно. Ведь мы другой веры и не боимся бога папаров. От вас требуется только держать монастырь в осаде, пока мы не закончим дела.

Дьярмад сказал:

— В Клонмакферте много сокровищ. Никто не знает, как всё повернется. Мы должны заранее договориться, как будем делить добычу, или, вернее сказать, выкуп, который заплатят папары.

— Вы получите четвертую часть добычи, — сказала Сигрун.

— Это слишком мало, — сказал Дьярмад.

Сигрун не ответила, и они с Дьярмадом некоторое время смотрели друг на друга. Потом Дьярмад сказал, что согласен на ее условия.

Сигрун была очень красива, и мало нашлось бы мужчин, которые сумели бы отказать ей хоть в чем-то.

На другой день Дьярмад выступил из Динбы с двумя сотнями воинов и направился на юг в Клонмакферт. Сигрун и викинги ехали на повозке следом за войском. Два дня они провели в пути и на третий пришли к озеру.

Монастырь стоял на берегу. Воины Дьярмада разбили лагерь и встали под стенами Клонмакферта с севера и запада.

— Где же твое войско? — спросил Дьярмад у Сигрун.

— Харальд конунг придет на кораблях.

Тут Дьярмад пришел в гнев и стал бранить Сигрун.

— Выходит, ты обманула меня! И как только я мог так легко поддаться твоим уговорам! Ведь река, что соединяет озеро с морем, мелководна. Боевые корабли не войдут даже в устье! Вашим людям придется обносить все мели, и до зимы они сюда не доберутся.

— Они будут здесь через три дня, — сказала Сигрун.

— Это ложь, — ответил Дьярмад. — Но знай: если через девять дней войска не будет, вы жестоко заплатите за свой обман.

Дьярмад и Эйсиль потребовали у папаров в крепости голову Мюредака и получили отказ.

Теперь нужно рассказать о Харальде.

Он плыл с войском на юг вдоль берега, пока не достиг устья реки Синанд. В этой реке много мелей, особенно в устье. Бриан сказал, что кораблям не войти в реку.

— Подождем большой воды, — сказал Харальд.

Как только прилило, Харальд повел свои корабли в устье реки. Они миновали мели и быстро пошли на веслах вглубь страны. Бриан попытался сделать так же, но его корабли не смогли там пройти, потому что глубже сидели в воде. Людям Бриана пришлось обносить мели, и они сильно отстали от норвежцев.

Корабли Харальда двигались вверх по реке. Они ни разу не задели килем дна. Однажды викинги заметили на берегу каких-то ирландцев, которые громко кричали и махали руками.

— Что они кричат? — спросил Харальд.

— По-моему, они говорят, что мы проплыли там, где не проплывал еще ни один большой корабль, — сказал Хёскульд. — Им не приходилось видеть такой работы. Они говорят, что наши корабли, похоже, могут пройти везде, где мокро.

Викинги плыли по реке до озера Дерг. Миновав озеро, они снова вошли в реку и поднимались по ней до озера Ри. У западного берега озера они увидели островок, а напротив него большой монастырь.

— Думается мне, это и есть Клонмакферт, — сказал Харальд. — И похоже, Сигрун сделала все, как обещала: я вижу войско под стенами.

Они подплыли к островку и высадились. Там были два больших кожаных корабля и несколько папаров. Викинги убили папаров и отдыхали недолгое время. Незадолго до рассвета Харальд поднял своих людей и сказал:

— Довольно спать, пора приниматься за дело. Ждать Бриана мы не будем: сами знаете, какая от него польза, когда дело доходит до битвы. Возможно, мы застанем папаров врасплох. К тому же это ирландское войско, что стоит под стенами, должно нас поддерживать.

Викинги взойшли на корабли и подплыли к монастырю. Они высадились почти под самой стеной и побежали к крепости. Было еще темно, и небо застилало тучи. Вдруг с запада послышался топот и звон оружия. Викинги не знали, кто там: свои или враги. Внезапно с фланга на них обрушилась большая рать папаров. Харальд кинул боевой клич и бросился в самую гущу схватки. Хёскульд Корабел бился с ним плечом к плечу. Они прорубились далеко вперед и разли направо и налево, не разбирая, кого рубят. Вражеское оружие ни разу не коснулось их, словно были они неуязвимы. Обе рати смешались, и битва кипела уже по всему берегу.

В это время в лагере ирландцев Сигрун сказала Дьярмаду:

— Я слышу шум битвы на востоке, со стороны озера. Харальд конунг сдержал слово: он пришел во время и сразу вступил в бой. Будь же и ты честен, помоги ему.

— У нас не было такого уговора, — сказал Дьярмад. — Я не стану помогать ему до тех пор, пока он не войдет в монастырь.

— Это верно, что у нас не было уговора, — сказала Сигрун. — И все же ты, Дьярмад, ничтожный человек и трус. Ты и в рабы не годишься Харальду конунгу.

— Замолчи, собака! Я не собираюсь терпеть поношения жалкой простолюдинки!

Дьярмад схватился за меч, но Сигрун не двинулась с места и спокойно смотрела ему в глаза. Тогда Дьярмад сказал:

— Будь по-твоему, хоть это и не принесет нам добра. Сейчас ты увидишь, что я вовсе не трус.

Дьярмад поднял войско и повел его к месту битвы. Когда они пришли туда, уже совсем рассвело. Папары к тому времени отступили за стену, а викинги собирались на берегу у кораблей. У них было много убитых и раненых.

— Привет тебе, Харальд! — сказала Сигрун. — Похоже, и на этот раз с тобой не было удачи.

— Я не уйду отсюда, пока не возьму эту крепость, — сказал Харальд. — Что-то твое войско не очень спешило нам на подмогу.

— Нужно привыкнуть к тому, что чаще всего нам придется рассчитывать только на себя.

В тот день викинги дважды пытались взобраться на стены, но папары хорошо защищались и каждый раз отбрасывали нападавших. Викинги сильно разгневались из-за этих неудач. Все так и рвались в бой.

На другой день они снова пошли на приступ. Нескольким воинам удалось добраться до вершины стены. На папары набросились на них и всех убили. В той схватке на каждого норманна нападало по десять или больше папаров. Харальду снова пришлось отступить. Многие тогда поклялись не оставить от монастыря камня на камне, когда они все же ворвутся туда. Харальд сказал:

*Кружится ворон
У Клонмакферта,
Красен туман
Над озером Ри.
Ныне в крови
Клинка у папаров,
Завтра себя
Славой покроем!*

ПЛАВАНИЕ НИАЛЛА

Едва солнце окрасило на восходе в пурпур могучие стены Клонмакферта, увидели монахи на озере странные, зловещие корабли. Были они длинные и узки, как ножи, а носы их загибались, как когти льва. Словно птицы, летели они, едва касаясь вершушек волн, над глубокими, черными водами озера Лох Ри. Полосаты были их паруса, и черные вороны кружили над ними.

Позвал Муйредах Ниалла, сына Фебала, и спросил его:

— Что это за корабли идут к монастырю под парусами, и почему их вид кажется мне таким зловещим?

Ответил Ниалл:

— Никогда я не видел таких кораблей, что летели бы, подобно птицам, едва касаясь вершушек волн. Не иначе, как из далекого, сумрачного Лохланна пришли они, чтобы нести смерть всему, что есть в мире доброго и прекрасного. А вид их потому кажется тебе зловещим, что понял ты: сбываются пророчества Койры, сына Рианга. Ведь это по его призыву и по воле коварных сидов из Бойру пришли к монастырю кровожадные лохланнахи.

— Рука моя сильна, как прежде, — сказал Муйредах. — И я готов достойно встретить врагов. Видно, придется нам либо победить, либо погибнуть.

Созвал тогда преподобный Брандан, аббат Клонмакферта, всех монахов, и велел им приготовиться к тяжелой битве.

Вот подошли корабли к берегу, и с каждого сошло по три сотни утрюмых, могучих, безжалостных воинов. Последним ступил на землю их предводитель, ужасный, жестокий, безобразный великан Гарольд Лохланнах. Был он семи сажень ростом, и клыки торчали у него из пасти, как у дикого вепря. На плече у него сидел железный ворон.

Гарольд Лохланнах вскричал страшным голосом, и от этого крика застыла кровь в жилах у всех монахов, и затряслись монастырские стены. Железный ворон взлетел с плеча великана и пронесся над Клонмакфертом, роняя железные перья, и каждое перо было как меч и разило насмерть того, в кого попадало. Увидели лохланнахи ворона и бросились вперед. Выли они и рычали подобно своре боевых псов.

Отец Брандан помолился Господу и повел монахов в бой. Сошлись войска у стен Клонмакферта, и была там кровавая битва. Лохланнахи в бою теряли разум и человеческое обличье и становились подобны бешеным волкам или львам. Отбрасывали они оружие и рвали монахов когтями и грызли зубами до смерти.

С самых древних времен не было в Ирландии битвы ужаснее, чем эта. В самой середине схватки бились Муйредах, Ниалл и Аэд. По девять мужей Лохланна сразил каждый из них. Храбро сражались монахи, не дрогнули они, не побежали перед лютой звериной ордой. Так крепко они стояли, словно сам Господь бился в их рядах. Наконец лохланнахи отступили к своим кораблям, а святые инок вернулись за крепкие стены. Триста монахов погибло в той битве.

Послал Брандан гонцов к Диармаиду и Айсилью со словами:

— Приди нам на подмогу, о Диармайд! Ты видишь, какая беда обрушилась на землю Ирландии. Пора оставить наши распри. А если не хочешь ты сам помогать нам, сними хотя бы осаду и пропусти наших людей, чтобы смогли мы дать весть верховному королю Муйрхертаху.

Сказал Диармайд:

— Не приду я вам на подмогу, и не сниму осады, и не пропущу ваших людей к Ард Ри Муйрхертаху, пока не получу головы Муйредаха, сына Кормака. Таково мое слово.

Вернулись гонцы в Клонмакферт ни с чем.

На другой день лохланнахи снова пошли на приступ, и был их натиск еще ужаснее, чем первый. Но и на этот раз монахи не устрашились, и не пустили врагов в монастырь, и отбросили их от стен назад к кораблям. Погибло в той битве три сотни святых иноков.

На третий день все повторилось снова. Опять не удалось чужеземцам ворваться в крепость, но и монахов стало меньше еще на три сотни.

Увидел тогда коварный Гарольд Лохланнах, что не может он силой взять Клонмакферт. Призвал он тогда на помощь Конна, сына Лайра, короля сидов из Бойру. Предстал перед ним Конн, словно вырос из-под земли. Сказал Гарольд Лохланнах:

— Я пришел на твой зов, о Конн, с тремя тысячами неустрашимых воинов приплыл я из далекого, сумрачного Лохланна, чтобы отомстить твоим обидчикам, что срыли сид Бойру и лишили тебя пристанища. Третий день уже стоит мое войско под стенами Клонмакферта. Трижды мы пытались взобраться на стены, и трижды монахи прогоняли нас обратно к кораблям. Помоги нам, о Конн, одолеть этих строптивых монахов!

— Я помогу, — сказал Конн. — Сегодня же ночью придет к тебе помощь.

Конн исчез, а Гарольд Лохланнах до самой ночи сидел неподвижно на берегу озера Лох Ри, погруженный в свои злобные мысли.

ЗАПИСКИ ПАТРИКА О'КОННОРА

Рано утром, еще до рассвета, мы увидели на озере четыре незнакомых корабля. По виду они не были похожи на наши, шли очень низко и сидели в воде неглубоко. Брат Кумайл сказал, что это, должно быть, те морские разбойники, что два месяца назад напали на Инис Мор. Мы все согласились с Кумайлом и послали разбудить отца Брандана, чтобы он принял необходимые меры на случай нападения.

Отец Брандан немедленно явился, собрал всех иноков и сказал, что мы должны преисполниться мужества и быть готовыми к жестокой битве, потому что разбойники эти очень отважны, воинственны и беспощадны. Еще отец Брандан сказал, что, по мнению ученых мужей из Инис Мора, эти пираты родом из Норвегии, страны, лежащей от Дании к северу, которую мореплаватель Пифей назвал Туле.

Пока мы вооружались, разбойники высадились на островке, где стояли наши корабли. Мы опасались, что норвежцы похитят их, ведь корабли были превосходные. Однако разбойники, видимо, не заметили кораблей.

Тут мы вспомнили, что на островке оставались двое монахов, и сильно обеспокоились.

В последствии мы узнали, что их обоих убили, но в то время их судьба была нам неизвестна. Мы слышали голоса с островка, но не могли с такого расстояния отличить вопль о помощи от пьяного крика или языческой песни.

Отец Брандан вывел нас в поле к югу от монастыря. Там мы спрятались в овраге, решив внезапным ударом отбросить разбойников от стен.

Войска Диармайда стояли в половине лиги от нас к западу, а также на севере и северо-востоке.

Норвежцы высадились напротив ворот и сразу побежали к монастырю. Они громко вопили и, должно быть, предвкушали легкую поживу.

Их главарь нес дьявольскую хоругвь с вороном. Эта отвратительная птица, питающаяся, как говорят, падалью, считается священной у темных северных племен.

Мы не стали ждать, пока язычники добегут до ворот, и обрушились на них со всей мощью и решительностью, на какую были способны. Именно таким маневром, сказал отец Брандан, удалось прогнать этих варваров от Инис Мора.

Наше нападение было внезапным, и несколько разбойников сразу пали под нашими мечами. Однако остальные варвары нимало не испугались, остановили наш натиск и даже стали сами теснить нас к оврагу.

Норвежцы так разъярились, что стали подобны безумцам или диким зверям. Битва опьяняла их, как вино. Многие рычали по-звериному и даже грызли края щитов, а лица их так исказились от злобы, что в них трудно было признать людей. Да и можно ли назвать людьми этих слуг дьявола?

Сражение продолжалось около получаса и было на редкость ожесточенным. Лишь благодаря большому превосходству в числе нам удалось, с Божьей помощью, заставить разбойников отступить.

Отец Брандан отвел нас обратно за стены и велел накрепко запечатать ворота. Он сказал, что более не будет совершать вылазок, дабы сократить наши потери. В бою погибло шестьдесят четыре инок, варваров же не более двадцати. Это говорит о высоком ратном искусстве норвежцев.

Уже после того, как войска разошлись, к месту битвы приблизился Диармайд со своей ратью. Увидев, что сражение уже закончилось, Диармайд отвел воинов обратно.

Мы были обеспокоены поведением Диармайда, поскольку не знали, чью сторону он принял бы, подоспев во время. Многим монахам показалось, что он равно боится и нас, и норвежских разбойников.

Весь день мы усердно молились за души павших братьев и за наше избавление, хотя в последнее мало кто верил. Варвары не ушли от монастыря, а разбили лагерь, и видно было, что они собираются либо овладеть монастырем, либо погибнуть.

Дважды в тот день мы отражали атаки.

Ни одному из варваров не удалось проникнуть в монастырь, что подтвердило молву о неприступности наших стен и укрепило наш дух.

Отец Брандан сказал, что более всего опасается сговора между Диармайдом и язычниками.

Он отправил к Диармайду посольство, и главой посольства назначил меня, Патрика О'Коннора.

Я явился к Диармайду и обратился к нему с такими словами:

— Стыдно должно быть тебе, Диармайд, выступать против святых иноков в столь грозный и роковой час, когда варвары с севера ополчились против веры Христовой и хотят разрушить и разграбить лучшее, что есть в Ирландии. Мы просим тебя прийти к нам на помощь, чтобы мы могли вместе одолеть разбойников. А наши собственные дела мы уж как-нибудь уладим после. Подумай о своей душе, Диармайд. Господь дает тебе возможность искупить грехи. Горе тебе, если ты ее упустишь.

Тут Диармайд залился слезами и сказал, что горько раскаивается в содеянном.

— Я давно бы уже снял осаду, — добавил он. — Если бы не обещал Айсилю, сыну Кондлы Уладского, головы Муйредаха и Ниалла в уплату за гибель его отца. Но теперь-то я отбросил сомнения и твердо стою на вашей стороне. К несчастью, сил у меня пока недостаточно для битвы с варварами. Я уже послал за подкреплением, и как только оно подоспеет, сразу нападу на язычников. Если же разбойники — да не допустит того Господь! — сумеют проникнуть в монастырь, я немедленно приду к вам на помощь, не дожидаясь подкрепления. Клянусь славой своего рода, могучего клана Уи Нейллов, и нашим прародителем Ниаллом Девяти Заложников, что не нарушу обещания.

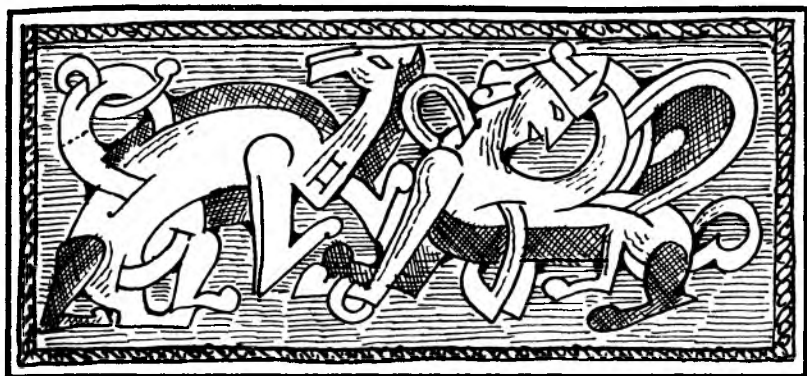
— Спаси Господь твою душу, — сказал я Диармайду и с тем вернулся в Клонмакферт.

В течение двух последующих дней норвежцы неоднократно

пытались взять монастырь приступом, но мы, благодарение Господу, успешно противостояли их атакам. Однако силы наши таяли, а подкрепление к Диармайдуну все не приходило.

Тем не менее мы, безусловно, сумели бы продержаться еще долго, и в конце концов дождались бы помощи и спасения. Не сила варварского оружия погубила нас, а подлая измена.

V

На рассвете другого дня Сигрун одна подошла к стене. Воины на башне окликнули ее и спросили, кто она и чего хочет. — Я Сигрун, дочь Хёгни из Суннмёри. А вы кто?

Те сказали, что перед ней Мюредак из Динбы, скальд Ньяль и Одд, бывший дружинник Мюредака.

— Вы-то мне и нужны, — сказала Сигрун. — Я слышала, что здесь неподалеку есть люди, которые много бы дали за ваши головы. Говорят также, что именно вы трое — причина всех бед, что обрушились на Клонмакферт.

— Что до Дьярмада и его войска, то это не такая большая беда, как может показаться, — сказал Мюредак. — Дьярмаду не взять крепость, да он и не решится идти на приступ. Другое дело — эти чужеземные разбойники. Но ведь ты, похоже, одна из них.

— Это неважно, — сказала Сигрун. — Я хотела бы помочь вам. Вы, наверное, думаете, что вам удастся продержаться еще долго. Но это напрасные надежды, потому что скоро к нам на помощь придет Бриан, конунг разбойников, с большим войском. У вас есть только один способ спасти монастырь и себя — бежать отсюда тайно от всех. Тогда у Дьярмада не будет больше причин осаждать крепость, и мы тоже снимем осаду, ведь мы с ним заодно.

— Как же мы можем бежать, когда крутом враги?

— Я проведу вас к берегу и постараюсь сделать так, чтобы этого никто не заметил, — сказала Сигрун. — Там есть лодки, и вы сможете уплыть, куда захотите.

— Это хорошее предложение, — сказал Мюредак. — Но мне непонятно, чего ради ты взялась нам помогать, и это кажется мне подозрительным.

— Я и не собиралась помогать вам даром. Я хочу, чтобы вы сначала пустили меня в крепость и разрешили выбрать те сокровища, которые мне понравятся. Я возьму золота, сколько захочу. Ведь в крепости много богатств. Только после этого я отведу вас к лодкам.

— Но мы не можем взять сокровища. Они не нам принадлежат, и, к тому же, их охраняют.

— Это меня не касается, — сказала Сигрун. — Либо вы соглашаетесь на мои условия, либо не позднее, чем через пять ночей, Клонмакферт будет разрушен.

Сигрун добавила, что придет за ответом завтра ночью. В условленное время она снова пришла к стене. Мюредак, Ньяль и Одд ждали ее. Они сказали, что согласны провести ее в сокровищницу.

— Как я попаду в крепость? — спросила Сигрун.

— Мы спустим тебе лестницу.

— Мне это не подходит. Я не собираюсь карабкаться по лестнице, как воровка. Если вы хотите спасти свои жизни, вам придется открыть мне ворота.

— Странная это просьба, — сказал Ньяль. — И я бы решил, что ты обманываешь нас, если бы не верил тебе, как себе, из-за твоей красоты.

Сигрун пришла к Харальду и сказала:

— Завтра ночью я подойду к воротам, и ирландцы впустят меня. Ты должен загодя прийти туда так, чтобы никто не заметил, с дюжиной воинов. Вы спрячетесь под самой стеной у ворот. Как только снимут засовы, вы ворветесь в крепость.

— Ловко же у тебя все выходит, — сказал Харальд.

— У меня есть к тебе просьба, — сказала Сигрун. — Пощадите тех людей, что откроют ворота.

— Ты могла бы попросить и о большем, — сказал Харальд. — Мы перед тобой в долгу. Конечно, мы не тронем этих людей, раз ты так хочешь.

Ночью Харальд с несколькими воинами подкрался к воротам. Они спрятались в высокой траве под стеной. Сигрун пришла вслед за ними. Мюредак окликнул ее из-за ворот.

— Это ты, Сигрун?

— Я. Все ли вы сделали, как было уговорено?

— Да.

— Тогда открывайте ворота.

— Поклянись, что ты не обманешь нас. Ты пришла одна?

— Даю вам слово, что норманны вас не тронут. Откройте ворота и увидите, обманула ли я вас.

Мюредак открыл ворота. Харальд и его люди тотчас же вскочили и ворвались в крепость. Харальд прокричал боевой клич. Викинги в лагере у озера в ту ночь не ложились спать и ждали наготове. Папары не успели взять оружие, как все войско Харальда было уже в монастыре. Мюредак, Ньяль и Одд пытались защищаться, но викинги навалились на них толпой, обезоружили и связали. Потом они стали врываться в дома и убивали всех, кто им попадался. Их ярость была столь велика, что папары не могли устоять перед ними. Вскоре почти все они были убиты. Норманны вынесли золото из сокровищницы и сложили его грудой посреди крепости. Потом они стали поджигать дома. Один воин подбежал к Харальду с охапкой искусно сшитых кож с непонятными письменами.

— Я нашел это в одном из домов. Там много таких кож. Папары отчаянно их защищали, видно, это для них большое сокровище. Что с ними делать?

— Не знаю, на что они годны, — сказал Харальд. — Разве что пустить их на башмаки. Боюсь, как бы они не принесли нам вреда, ведь они покрыты какими-то рунами.

Хескульд Корабел сказал:

— Вели их сжечь, Харальд. Это колдовские книги папаров. На них начертаны тайные заклинания. Говорят, в таких кожах заключена вся сила папаров.

Харальд приказал сжечь кожи.

Викинги разрушали и жгли дома и убивали уцелевших папаров до самого рассвета. Харальд и Сигрун развязали Мюредака, Ньяля и Одда и велели им идти, куда хотят. За воротами Ньяль обернулся и сказал:

— Никогда бы вам не взять крепость, если бы ты, Сигрун, не одурачила нас, пользуясь своей красотой. Мы поплатились за свою доверчивость.

В это время небольшой отряд папаров вышел из какого-то тайного убежища. Папары встали тесным строем и быстро пробились к воротам. Викинги не ожидали, что кто-то в монастыре еще остался в живых, и не успели задержать их. Папары побежали к лодкам. Тут один из них увидел Мюредака, бросился к нему и отрубил ему голову.

Папары сели в лодки, доплыли до островка и спустили на воду кожаные корабли. Потом они направились на юг через озеро.

Утром Дьярмад пришел в монастырь и стал требовать своей доли добычи. Викинги очень разгневались. Хёскульд Корабел сказал:

— Стыдно слушать этого удальца. Другого такого умника еще поискать надо: постоял немного возле крепости, ни разу не вступил в бой, а теперь хочет получить свою долю. По-моему, Харальд, нужно гнать его в шею.

Сигрун сказала:

— Дьярмаду была обещана четверть добычи за то, что он будет держать крепость в осаде.

— Он получит свою долю, — сказал Харальд. Потом он взял золотой крест с изображением прибитого гвоздями человека. Это был бог папаров. Харальд отрубил один из концов креста и бросил Дьярмаду.

— Вот тебе четверть!

Викинги засмеялись, а Дьярмад побагровел от гнева и выбежал за ворота.

— Похоже, нас ждет еще одна битва, — сказал Харальд. — Судя по всему, она будет легкой.

Он вывел войско за стену. Дьярмад уже собирал своих людей, и видно было, что они готовятся к бою. В это время на озере показались пять кожаных кораблей. Они быстро шли на веслах к Клонмакферту.

— Это Бриан, — сказал Харальд. — Возможно, хоть от этого союзника нам будет какая-то польза.

Люди Бриана успели высадиться и построиться в боевом порядке прежде, чем войско Дьярмада приблизилось. Дьярмад увидел, что

к Харальду пришло большое подкрепление, и приказал своим отступать. Не прошло и часа, как они скрылись в лесу на севере.

Викинги вернулись в монастырь. Там остался неразрушенным только самый большой дом. В нем было много крестов, а посередине стоял плоский камень. Этот дом назывался церковь, и в нем папары служили своему богу. Викинги забрали оттуда всю золотую и серебряную утварь. На плоском камне они принесли в жертву Одину конунга папаров. Ему вырезали на спине кровавого орла. Сигрун пела хвалу Одину, стоя на этом камне в крови по щиколотку. Потом Харальд велел сжечь церковь.

Викинги нашли в кладовых много хлеба, мяса и пива, а также отличное вино. Они пировали до поздней ночи. Харальд поделил добычу между всеми, считая и людей Бриана. Каждому досталась большая доля.

Бриан сказал:

— Зачем вы разрушили дома, и почему не пощадили пленных?

— Мы хотели посмотреть, так ли силен бог папаров, как многие говорят, — сказал Харальд. — Теперь ясно, что это ложь: нет у него никакой силы.

ПЛАВАНИЕ НИАЛЛА

Ночью Муйредах, Ниалл и Аэд несли дозор на стене Клонмакферта. Вдруг видят они: словно из-под земли выросла перед ними юная дева. Даже в лунном свете румяными были ее щеки, а волосы золотыми, и так была она хороша собой, что Муйредах, Ниалл и Аэд онемели от изумления. Когда они справились с немотой, Муйредах спросил Ниалла:

— Кто эта юная дева, и почему при одном взгляде на нее мне кажется, что глаза мои слепнут, а сердце перестает биться?

— Не знаю я этой девы, — ответил Ниалл. — Но точно скажу: испокон веку не бывало в мире людей подобной красоты. Должно быть, дева эта из дочерей сидов. Берегись, Муйредах, как бы не попасть нам под власть ее чар.

Муйредах сказал:

— Думается мне, что это сама Грайне, дочь Арта, вернулась ко мне из мира сидов в новом, волшебном обличье. И так она кажется мне еще прекраснее, чем прежде.

Заговорила тогда незнакомка звонким и ясным голосом и сказала:

— Привет тебе, славный Муйредах, и вам привет, доблестные Ниалл и Аэд. Мое имя Син, а пришла я из дальней, туманной страны, вам неведомой.

Станным был говор незнакомки, словно долго жила она в ином мире и стала уж забывать людскую речь.

— Зачем ты пришла к нам, прекрасная Син? — спросил Муйредах.

— Чтобы спасти вас, — ответила дева. — Дошли до меня вести о вашей беде, и задумала я прийти к вам на помощь. Ибо только из-за вас троих обрушились на Клонмакферт все нынешние несчастья. Я

помогу вам выйти из крепости незамеченными, посажу в свою лодку, что мчится быстрее ветра, и отвезу на запад, в свою волшебную страну, если вы сделаете то, о чем я вас попрошу.

— Назови же свою просьбу, — сказал Муйредах.

— Просьба моя пустяковая: откройте ворота и впустите меня в моеастьрь. Не властна я над судьбой монахов, пока не ступит моя земля на священную землю Клонмакферта.

— Не смеем мы открывать ворота без позволения отца нашего настоятеля Брандана, — сказал Аэд. — Лучше мы спустим тебе лестницу.

— Лежит на мне зарок: не подниматься по лестницам, — сказала Син. — Из доброй земли Ирландии черпаю я свою силу, и сразу исчезнет все мое могущество, едва лишь взойду я на третью ступеньку. Вы должны выбрать одно из двух: открыть ворота или погибнуть, ибо не более, чем через пять ночей сокрушит Гарольд Лохланнах стены Клонмакферта, если не смогу я увести вас.

Сказал Муйредах:

— Откроем ли мы ворота, впустим ли деву в крепость? Ответьте, мои верные Ниалл и Аэд.

— Не откроем, — сказал Ниалл. — Не могут быть добрыми помыслы сидов. Обман скрыт в ее сладкоголосых речах. Но если и правду она говорит, превыше всего — наш долг перед этой святой обителью и верность отцу Брандану.

— Нужно открыть ей, — сказал Аэд. — Не верю, что может замышлять злое дева, прекраснее которой не найти среди людей. И как иначе спасти нам себя от ярости ужасного великана Гарольда Лохланнаха?

— Не схожи ваши советы, — сказал Муйредах. — Значит, мне самому решать. И вот что я решаю: мы не откроем ворот, не совершим этого греха перед Господом и отцом Бранданом.

Сказала Син, услышав эти речи:

— Даже против вашей воли спасу я вас, ибо больше всего на свете хочу я вам добра.

Произнесла Син тайное, могучее заклинание и наложила на всех троих нерушимые чары любви. И почувствовали Муйредах, Ниалл и Аэд, что отныне не в силах они противиться ее воле, и ничего не желают так страстно, как служить ей и выполнять ее желания.

— Завтра ночью я приду снова, — сказала Син. — И вы откроете мне ворота и впустите меня в монастырь.

— Что ты сделала с нами, о прекрасная Син! — воскликнул Муйредах. — Ведь теперь мы не в силах противиться твоей воле, и ничего не желаем так страстно, как выполнять твои желания! Ах, зачем ты наложила на нас нерушимые чары любви!

— Скоро вам откроются мои помыслы, — молвила Син и исчезла.

Муйредах, Ниалл и Аэд весь день провели в скорби и молитвах, но не смогли избавиться от могучих любовных чар. Не нашли они также и сил поведать отцу Брандану о том, что с ними случилось.

И, хотя теперь уже ясно видели все трое, что не с добрыми помыслами приходила Син, и обман скрыт в ее сладкоголосых речах, не смогли они противиться ее воле, и ночью, тайно от других монахов, открыли ворота Клонмакферта.

Но не было за воротами прекрасной Син, лишь смех ее донесся из темноты. Вместо девы шагнул навстречу Муйредаху ужасный, огнеглазый великан Гарольд Лохланнах. Завопил он тысячей звериных голосов, и железный ворон на его плече каркнул так, что пригнулись и затрещали стены Клонмакферта. И тотчас же трижды девять сотен воинов Лохланна ворвались в монастырь.

Монахи спали, когда раздался вопль Гарольда Лохланнаха, и не успели приготовиться к бою. Только Муйредах, Ниалл и Аэд встали у ворот и преградили врагам путь. Насмерть стояли они, и скоро выросла перед ними гора из тел, голов, рук и ног павших мужей Лохланна.

Тут встала перед тремя героями Син, коварная сида, и сказала:

— Остановись, о Муйредах! Пощади моих воинов!

И тотчас ушла вся сила из рук Муйредаха, и он выронил меч и щит, и упало оружие со звоном к его ногам. Подскочил к Муйредаху Гарольд Лохланнах, взмахнул мечом, и слетела с плеч голова короля.

Снова стали враги наступать, и теперь только Ниалл и Аэд стояли у них на пути. Вдвое выше стала гора из тел убитых врагов, что лежала перед ними.

Вновь сказала Син:

— Пощадите моих воинов!

И не стало силы в руках у Аэда и Ниалла. Тотчас подскочил к ним Гарольд Лохланнах. Воскликнул тогда Ниалл:

— Что совершила ты, о прекрасная, коварная Син! Нет тяжелее греха, чем предавать смерти тех, кто забыл о своем долге ради любви к тебе!

Сказала Син:

— Пусть эти двое останутся живы.

Тогда Гарольд Лохланнах опустил свой меч, а его воины связали Ниалла и Аэда и положили их под стеной монастыря.

Потом кинулись чужеземцы в дома и церкви и стали грабить, жечь, разрушать все без разбора. Не осталось в монастыре камня на камне, и не уцелел никто из монахов, кроме малой горстки, кто сумели пробиться к воротам и уплыть на лодках по озеру Лох Ри.

Гарольд Лохланнах сжег все священные книги, и порубил кресты, и осквернил все Божии храмы. А святого отца Брандана он сам растерзал когтями на алтаре, и разбросал кровавые клочья по всей церкви, а сердце и печень сожрал.

Так бесновались злые, ненасытные, кровожадные лохланнахи в Клонмакферте всю ночь и весь день.

Рано утром вышел Диармайд, сын Фейдлимида, король северных Уи Нейллов, из своего шатра и увидел густой черный дым, поднимающийся над Клонмакфертом.

— Горе мне! — воскликнул Диармайд. — Не пришел я на помощь монахам, не внял их мольбе, и вот теперь чужеземцы оскверняют храмы, жгут священные книги и рубят кресты. Поспешим же в монастырь и спасем то, что еще можно спасти.

Повел Диармайд войско к воротам. Гарольд Лохланнах вышел ему навстречу со всей своей ратью. Вот стали они сближаться, как вдруг Диармайд увидел на озере пять боевых кораблей. Подошли они к берегу, и сошло с кораблей большое войско. Встало оно рядом с лохланнахами, и предводитель его обнял великана Гарольда, словно родного брата.

Крикнул Диармайд этому человеку:

— Кто ты такой и почему помогаешь этому ужасному и кровожадному великану Гарольду Лохланнаху?

— Я Бриан, сын Фергуса, король клана Туат Фиахрах. Три года назад я лишился земли, и теперь разбойничаю. А помогаю я великану Гарольду Лохланнаху, потому что он мне дороже родного отца, и мы поклялись никогда не оставлять друг друга в беде.

— Поистине, — сказал Диармайд. — Не я самый грешный из королей Ирландии! Ведь я только осадил Клонмакферт, чтобы получить голову Муйредаха, моего врага, а этот человек сам сражается на стороне лиходеев и оборотней, сам помогает кровопийцам и врагам веры Христовой! Уйдем отсюда, о мои верные воины! Ничем уже не поможем мы Клонмакферту и милой Ирландии, ничем не смоем с нее этот позор.

Велел Диармайд своему войску отступать, и ушли они на север в Круахан, и оставили Клонмакферт на растерзание варварам и разбойникам.

ЗАПИСКИ ПАТРИКА О'КОНОРА

Причиной наших бед и на этот раз оказался Муйредах и его бывшие слуги, ныне послушники, Ниалл и Аэд.

За время своего царствования Муйредах привык предаваться плотским утехам, порой грубым и неумеренным, и дух его изнежился и почти не в силах был противостоять дьявольским искушениям. То же самое можно сказать и о его слугах.

К несчастью, они слишком короткое время провели в Клонмакферте, и мы, нерадивые монахи, не успели приучить их к смирению и скромности, укротить их гордыню и обуздать распущенность нравов. За это пришлось нам поплатиться сполна, как будет видно из дальнейшего.

Однажды Муйредах, Аэд и Ниалл несли дозор на восточной стене, недалеко от ворот. Глубокой ночью подошла к стене некая дева, и показала она Муйредаху необычайно красивой, хоть и непонятно, что уж там он мог разглядеть в потемках и с большой высоты.

— Кто ты, прекрасная дева? — спросил Муйредах.

— Я Син, дочь Хакена. Я приплыла из Норвегии вместе с разбойниками.

При виде сей девы Муйредах и его слуг охватило греховное вожделение; попали они в дьявольские сети, и, не слушая голоса разума, сами очертя голову кинулись навстречу гибели. Стали они просить деву, чтобы она вошла в монастырь и возлегла с ними. Так просили они ее и умоляли, забыв о смирении и долге и нисколько не заботясь о добром имени послушника Клонмакферта, до тех пор, пока дева не согласилась на их уговоры.

— Я возьмю с вами, — сказала она, — если вы дадите мне золота и самоцветов из монастырской сокровищницы.

— Мы дадим тебе все, что ты пожелаешь, — сказали горе-подслушники, подлые слуги сатаны Муйредах, Ниалл и Аэд.

— Тогда будьте готовы завтрашней ночью открыть ворота, — сказала Син.

На другой день Муйредах и его бывшие слуги попросились держать ночью дозор у ворот. В условленный час они открыли засовы, чтобы впустить чужеземную блудницу и утолить свою похоть. Но когда ворота открылись, не юная красотка бросилась в их объятия, а грозные и беспощадные норвежские воины сбили их с ног, не дав опомниться. Главарь разбойников Гарольдиус хотел убить всех троих, но коварная Син за них заступилась. Их связали и оставили лежать у ворот.

Язычники тем временем устремились в монастырь. Произошло все это так внезапно, что многие монахи не успели даже вооружиться. Разбойники врываются в храмы и кельи и грабили, жгли и убивали всю ночь. Никому не было от них пощады, и погибли тогда все иноки, и сам отец Брандан пал геройской смертью, защищая алтарь храма святого Патрика.

Лишь тридцать девять монахов сумели уцелеть в этой кровавой бойне. Они спрятались в глубоком подвале в скриптории и просидели там до середины дня. Я, Патрик О'Коннор, прятался там вместе с остальными. Наконец наверху смолкли вопли истязаемых братьев, и слышны были только пьяные, глумливые крики норвежцев, праздновавших победу.

Горько скорбели мы о павших и о милой нашей обители и проклинали трусливого Диармайда, не пришедшего нам на помощь в сей страшный час. Вскипела в нас ненависть к проклятым варварам. Мы вышли из подвала и, призвав Господа, напали со всей яростью на пирующих язычников. Никто из нас уже не думал о смерти, и многих мы убили, мстя за поруганные святыни и непорочную кровь святых иноков.

Пробившись к воротам, мы увидели на земле связанных Муйредаха, Аэда и Ниалла, подлых предателей, погубивших ради своей необузданной похоти наш славный, прекрасный монастырь. Охватил тогда меня праведный гнев, и я подбежал к Муйредаху и отрубил ему голову, оборвав эту греховную, жалкую жизнь. Хотел я и двух других отправить вслед за первым, но варвары уже настигали нас, и мы по-

спешили к берегу. Там мы сели в лодки и, добравшись до островка, спешно спустили на воду свои корабли, приготовленные для дальнего плавания. Мы сразу же подняли паруса и с попутным ветром поплыли на юг.

Вскоре мы увидели пять других кораблей, плывущих нам навстречу на веслах. К ужасу своему узнали мы в людях, что плыли на кораблях, воинов Бриана, сына Фергуса, главаря разбойников-дибергов. Бриан спешил, как мы узнали позже, на помощь Гарольдиусу, чтобы вместе с ним грабить и жечь несчастный наш Клонмакферт. Но, как видно, слишком грозным показался Бриану наш вид, либо же осеняла нас в тот час десница Господня, ибо не осмелился Бриан напасть на нас и проплыл мимо. Мы же, возблагодарив Господа, продолжили свой путь туда, где река Синанд, вытекая из озера, начинает свой бег к Западному Океану.

VI

Утром викинги стали грузить добычу на корабли. Харальд заметил неподалеку Ньяля и Одда. Они бродили вокруг лагеря норманнов и словно не решались ни уйти, ни приблизиться. Харальд окликнул их и спросил, почему они не уходят.

— Некуда нам идти, — ответил Ньяль. — У нас нет другого дома, кроме этого монастыря. К тому же скоро все ирландцы будут знать, что это мы открыли врагам ворота Клонмакферта. Любой тогда почтет за благое дело убить нас. Я не говорю уже о Дьярмаде и Эйсиле, для которых нет ничего желаннее нашей смерти. Есть у нас и другие причины не уходить.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Харальд.

Одд сказал:

— Похоже, нам остается только просить тебя взять нас в свое войско.

Ньяль сказал:

— Я тоже так считаю, хоть мне и не по душе ваше ремесло. Однако выбирать не приходится, ведь иначе нас ждут лишь позор и смерть.

— Не уверен, что от вас будет большая польза, — сказал Харальд. — Но и вреда вы не сможете принести, уж это точно. Могу взять вас на какое-то время, а там посмотрим.

Ньяль и Одд остались в дружине Харальда. Ньяль был скальдом. Он пел норманнам ирландские песни, и это их забавляло, хотя они и мало что понимали.

На третий день после взятия Клонмакферта люди Харальда увидели большую рать, приближающуюся с севера. Харальд спросил у Ньяля, что это за войско и кто его предводитель.

— Точно не скажу, — ответил Ньяль. — С такого расстояния трудно разглядеть стяги и одежду воинов. Вероятнее всего, это Мюркьяртан, верховный конунг ирландцев. И ему незачем идти сюда, кроме как для того, чтобы расправиться с вами.

— Этого следовало ожидать, — сказал Харальд. — Слишком далеко мы забрались вглубь страны и слишком надолго здесь задержались. Не всегда поймешь сразу, где кончается храбрость и начинается глупость. Вступать в бой мы не будем: эта битва не сулит нам никакой добычи, кроме смерти, ведь войско Мюркьяртана раз в тридцать больше нашего. Нужно поскорее уходить.

Викинги и бриановы разбойники взошли на корабли и спешно отплыли. Они направились на юг, к реке. Войско Мюркьяртана преследовало их по берегу. Корабли были доверху нагружены золотом, серебром, вином, мясом и другой добычей. Разбойники пересекли озеро и двинулись вниз по реке Синанд. На другой день они достигли озера Дерг. По озеру они нарочно плыли медленно, чтобы Бриан мог догнать их. Едва они снова вошли в реку, путь им преградила запруда из огромных деревьев.

— Похоже, нам приготовили встречу, — сказал Харальд. Он спросил у Ньяля, кто мог сделать этот завал.

— Не знаю, — ответил Ньяль, — Но вряд ли ошибусь, если скажу, что его сделали люди Эохайда, сына Эогана, конунга муманов, что правит южной частью Ирландии. Его земли тянутся по левому берегу реки.

Харальд сказал:

— Войско Эохайда наверняка сидит в засаде в лесу. На этот раз, судя по всему, нам не избежать битвы.

Харальд окликнул Бриана и велел ему обходить завал по правому берегу.

— А мы попытаем счастья на левом. И пусть тот из нас, кому будет полегче, придет на помощь тому, кто окажется в беде.

Ньяль сказал:

— Вот уж не подумал бы, что человек, так жестоко поступивший с Клонмакфертом, способен на благородный поступок.

— Я вовсе не из благородства выбрал опасный берег, — сказал Харальд. — Нам так сподручнее: не придется переходить реку по бревнам.

Харальд повел половину воинов вперед, в лес, чтобы не дать ирландцам подойти к берегу. Остальные во главе с Хескульдом принялись переносить корабли и добычу.

Не успел Харальд отойти от реки на две сотни шагов, как в его людей полетели стрелы и копья. Вестманны появлялись повсюду из-за деревьев и нападали там, где норвежцы менее всего ожидали. Викинги храбро защищались, но силы были неравны.

— Отступать нельзя, — сказал Харальд. — Скорее зовите Бриана. И дайте нам знать, когда корабли будут на воде.

Люди Эохайда теснили норманнов с трех сторон. Те викинги, что остались у кораблей, успели перенести только Ястреб Готольва и треть груза. Они кричали Бриану, чтобы он шел на подмогу, но им никто не отвечал. Корабли Бриана по-прежнему стояли у берега выше запруды, а людей не было видно. Хескульд сказал:

— Придется оставить корабли и самим идти на помощь Харальду.

В лесу тем временем шла жаркая битва. Из отряда Харальда уцелело не более половины.

— Неважные новости, — крикнул Хескульд. — Похоже, Бриан сбежал вместе с добычей и всеми своими вестманными, а корабли бросил.

— Чего еще ждать от трусливого пса, — сказал Харальд. — Будем отступать к кораблям, и кто сможет, спасется.

Люди конунга Эохайда стали заходить в тыл викингам, чтобы отрезать их от реки. Теперь норманны были окружены со всех сторон. Харальд приказал пробиваться назад, к кораблям, и сам пошел впереди, прорубая себе дорогу мечом Готольва. Ньяль и Одд сражались плечом к плечу с викингami и, если и уступали им в храбрости, то не намного.

Бой был очень жестоким. Только тридцать шесть норманнов добрались живыми до Ястреба. Они сразу поплыли вниз по реке, а ирландцы осыпали их стрелами.

На берегу выше запруды остались три корабля, много припасов и целая груда золота. Люди Эохайда кинулись делить деньги, и это спало викингов от преследования.

Они плыли всю ночь, и на утро миновали устье реки. Тут поднялась сильная буря, и пошел снег. Харальд сказал:

— Пора подумать о том, где провести зиму. В это время года уже поздно выходить в море, поэтому придется зимовать в Ирландии. Вряд ли Эохайд и Мюркьяртан станут рыскать за нами по всей стране. Найдем подходящий мыс и построим земляную крепость.

Они переждали бурю и поплыли вдоль берега на север. Вскоре они подошли к длинному мысу. Харальд велел разгрузить корабль и приниматься за постройку землянок и вала. Никто не успел еще сойти на берег, как с севера из-за мыса вышли восемь ирландских боевых кораблей и несколько десятков деревянных лодок.

— Что это за войско? — спросил Харальд.

— Точно не знаю, — сказал Ньяль. — Но я вижу стяги Мюркьяртана, верховного конунга.

— Похоже, нам не удастся спокойно перезимовать в этой стране, — сказал Харальд. — Ирландцы следят за каждым нашим шагом. Придется выходить в море, несмотря на непогоду.

— Ветер дует с севера, — сказал Хескульд Корабел. — Мы не уйдем от погони, если станем грести боком к ветру. Поплывем лучше на юг, вдоль берега. Тогда мы быстро оставим Мюркьяртана позади.

Викинги поплыли на юг, и вскоре флот Мюркьяртана отстал так сильно, что почти скрылся из виду. К этому времени Ястреб Готольва снова подошел к устью реки Синанд. Здесь норманны увидели еще два кожаных корабля, идущие им навстречу. Хескульд сказал, что корабли ему знакомы.

— Это те самые, что стояли на островке напротив Клонмакферта. И пусть я никогда не вернусь домой, если люди, что сидят там на веслах, не папары, сбежавшие от нас во время битвы.

Харальд сказал:

— Пусть плывут, куда хотят. Не будем их трогать: взять с них все равно нечего.

— Мы должны убить их, — сказала Сигрун. — Ведь это они, должно быть, пустили Мюркьяртана и Эохайда по нашему следу. К тому же нам пригодятся их корабли: на Ястребе теперь тесновато.

— Будь по-твоему, — сказал Харальд. — Надеюсь, это не займет много времени.

Папары, завидев викингов, повернули на запад и стали грести в открытое море. Харальд направил корабль вслед за ними. Ястреб Готольва быстро настигал папаров, хоть те и налегали на весла из всех сил. Спустя какое-то время Ньяль сказал:

— По-моему, скоро нам всем придется расплачиваться за легковерие и уступчивость. Нельзя было слушать советов этой женщины. Смотрите: вы так увлеклись погоней, что не заметили даже, как переменялся ветер.

Тут повалил такой густой снег, что скрылись из виду и корабли папаров, и берег. Все небо затянуло тучами, и стало темно, как ночью. Ветер повернул к востоку и быстро стал усиливаться. Вскоре разразилась такая буря, какой никому из людей Харальда не приходилось видеть. Норманны попытались вернуться к берегу, но не могли выгresti против ветра. У многих так замерзли руки, что им пришлось бросить весла. Корабль отяжелел от мокрого снега и едва не шел ко дну. Только самые сильные продолжали грести и удерживали корабль на волнах.

— Что ты скажешь теперь о боге папаров, Харальд? — спросил Ньяль. — Не думаешь ли ты, что это его месть?

— Я думаю, что нужно грести, — ответил Харальд.

ПЛАВАНИЕ НИАЛЛА

После битвы лохланнахи развязали Аэда и Ниалла и велели им уходить.

— Куда мы пойдем, друг мой Аэд? — спросил Ниалл. — Где нам теперь искать пристанища и у кого просить помощи? Мы потеряли все, что имели, считая честь и доброе имя.

— Поспешим на восток, в Тару, и оповестим Муйрхертах, верховного короля, о том, что здесь случилось.

— Не пойдем мы в Тару, — сказал Ниалл. — Не станет нас слушать Муйрхертах, а велит утопить или бросить на растерзание боевым псам. Да и никто во всей Ирландии теперь не пустит нас на порог. Поистине, горек наш удел!

Еще он сказал:

*Черные дни нас ждут.
Нет больше веры предателям.
На беду коварная Син
Гибельной страстью пронзила мне грудь,
Могучим заклатьем лишила воли.
Ей место в аду рядом с нами.
Одна только смерть, о храбрый Аэд,
Рану мою остудит.*

— Пойдем в Маг Лиахру, — сказал Аэд. — Укроемся в лесу и будем жить, сторонясь людей, и замаливать наш грех до конца жизни.

Встали они и пошли в Маг Лиахру. Пройдя три сотни шагов, разом остановились оба, и Аэд сказал:

— Трудно мне сегодня шагается.

— Похоже на то, Аэд, что коварная Син по-прежнему держит нас своим заклятьем и по-прежнему лежат на нас чары любви.

Трижды они пытались уйти от монастыря, и трижды словно стена вставала перед ними, едва удалялись они от стен на триста шагов. Упали тогда оба на землю и зарыдали от горя и отчаяния.

— Остается нам только вернуться в монастырь, — сказал Ниалл.

— И отдаться под власть жестокой Син и ужасного великана Гарольда Лохланнаха. Как ни горек этот выбор, другого нам не дано.

Понуриив головы, вернулись Аэд и Ниалл к стану язычников. Вышел им навстречу великан Гарольд Лохланнах. Он был великаном только во время битвы и когда замышлял недоброе, а в иное время не сильно отличался от простых людей. По правую руку от Гарольда стояла прекрасная Син.

— Позволь нам остаться с тобой, Гарольд, — сказал Ниалл. — После того, что мы совершили, не найти нам пристанища во всей Ирландии, никто не пустит нас на порог, так жестоко обошлась с нами Син. Не можем мы и уйти, ибо сильнее железных цепей держат нас нерушимые чары любви, что наложила на нас Син могучим заклятьем.

— Что вы умеете делать? — спросил Гарольд Лохланнах.

Аэд сказал:

— Умею бросать копьё на семьсот шагов, разить восьмерых одним ударом меча, взмахом щита разбивать головы троим, скакать в боевой колеснице быстрее ветра, так что головы врагов сыпятся на землю по обе стороны от меня, словно град.

— А я умею играть на арфе лучше всех в Ирландии, — сказал Ниалл. — И складывать песни, что сильнее заклятий. Знаю сонную песнь, лишь слышав которую, все засыпают, и песнь радости, что развеет любую печаль; о враге же могу сложить песнь поношения, что покроет его позором, как дегтем, до конца его дней. А в бою я из всех ирландцев второй после Аэда.

Сказал тогда Гарольд Лохланнах:

— Ответь, о Син, взять ли мне этих двух героев в свое войско?

— Возьми их, — сказала Син. — И береги, как зеницу ока, ибо нет в твоём войске более славных и могучих мужей, чем эти двое.

— Я беру вас, — сказал Гарольд. — И в знак дружбы готов исполнить одну вашу просьбу, если то будет в моих силах.

— Тогда обещай нам, — сказал Ниалл. — Не нападать больше на монастыри Ирландии и ее дворы, не убивать и не грабить ни монахов, ни знатных людей, ни простолюдинов, и никогда не нарушать первым мира до тех пор, пока ты остаешься в нашей стране.

— Обещаю вам это, — сказал Гарольд.

Не прошло и трех дней, как увидели лохланнахи неисчислимую рать, идущую на них с севера. Красны от гнева были лица могучих, неустрашимых воинов Ирландии, ярко сверкали их доспехи, грозно гремело оружие.

— Горе мне! — вскричал Гарольд Лохланнах. — Не иначе, как сам Муйрхертах, верховный король, пришел за моей головой! И зачем только я приплыл сюда из далекого, сумрачного Лохланна! Горе мне!

Бросились тогда лохланнахи к кораблям и в великом страхе поплыли обратно, туда, откуда пришли. И Бриан, сын Фергуса, поплыл за ними на своих кораблях.

Так они плыли три дня и три ночи, пока не миновали озеро Лох Дерг. При входе в реку напало на лохланнахов войско Эохайда Эоганахта, короля муманов из Кайсиля. Началась у реки жестокая битва, и пала там половина войска Гарольда Лохланнаха. Воззвал тогда Гарольд к Бриану, сыну Фергуса, и сказал:

— Приди мне на помощь, о Бриан! Одолевают меня могучие муманы.

— Не приду я тебе на помощь, — сказал Бриан. — Напрасны твои мольбы. Давно уже камнем на шее висит у меня клятва, что дал я тебе когда-то по своему неразумию и алчности. Но теперь я считаю себя свободным от клятвы, ибо не могу простить тебе злобы и жестокости, с какими ты разрушил славный Клонмакферт и перебил святых иноков. Но, памятуя о нашей дружбе, не стану я и на сторону Эохайда Эоганахта, а просто уйду прочь со своим войском, и пусть Господь решает твою судьбу. Прощай же, Гарольд Лохланнах, и да не встретимся мы с тобой ни в этом, ни в ином мире.

Увидели воины Лохланна, что близка их гибель, и побежали к кораблям. Только одному кораблю удалось отплыть от берега. Лишь три раза по девять мужей ушли живыми от мечей грозных муманов, и сам Гарольд Лохланнах едва спасся.

Поплыли они вниз по реке, и в начале зимы добрались до моря. Хотел Гарольд Лохланнах пристать к берегу и перезимовать, но уви-

дел там огромное войско. В другом месте попробовал он сойти на землю Ирландии, но и там ждало его войско, готовое к бою. Стал тогда Гарольд Лохланнах плавать вдоль берега и искать место для зимовки. Но верховный король Муйрхертах спустил с цепи двух ужасных ядовитых псов. Каждый из них был ростом с быка. Они бежали за кораблем и нигде не давали ему пристать. Увидел Гарольд Лохланнах, что не найти ему на земле Ирландии места для зимовки, и взвыл он тогда, заревел страшным голосом, и взмолился своим злым богам. Тут встал перед ним Конн, сын Лайра, король сидов из Бойру. Сказал Конн:

— Что ты воешь, что ты ревешь! Никто уж тебе не поможет: ни бог монахов, ибо разрушил ты Клонмакферт и надругался над святынями, ни твои злые боги, ибо поклялся ты не нападать больше на монастыри и дворы Ирландии, ни я, ибо взял ты в свою дружину Аэда мак Ройга и Ниалла мак Фебала, моих заклятых врагов. Не у кого тебе теперь просить помощи и совета. Одинок ты отныне, и отвернулись от тебя все боги. Прощай же, Гарольд Лохланнах, и не зови меня больше.

Исчез Конн, а Гарольд Лохланнах завыл и заревел еще громче и яростнее, и стал рвать на себе одежду и волосы. Говорил он так:

— Злая судьба обрекла меня на гибель, ибо негде мне перезимовать, а в это время года ни один корабль не дойдет до далекого, сумрачного Лохланна! Да и ветры теперь дуют только с востока!

Сказала прекрасная Син:

— Не печалься, Гарольд Лохланнах. Не все еще потеряно. Видишь, я не ушла с господином моим, Конном, сыном Лайра, а осталась на корабле, хоть и не ради тебя, а ради этих двух героев, Ниалла и Аэда. Ибо из-за меня они лишились доброго имени, и я в долгу перед ними.

— Спаси же нас, Син! — воскликнул Гарольд Лохланнах.

— Спроси совета у мудрого Ниалла, и сделай, как он скажет, и спасешься.

Спросил тогда Гарольд Лохланнах совета у Ниалла, сына Фебала, и сказал Ниалл:

*Есть острова на запад от нас,
Нет им названия в языке людей.*

*Их великолепие не выразить словом.
Ликом светлы их обитатели,
Они не знают болезней и старости
Не смолкает смех, не скудеют столы
На тех островах, островах Блаженных
Там прекрасные девы в благоуханных садах
С невиданных деревьев срывают плоды,
Не слышно там бега времени,
Как мгновение, пролетает год
На милых островах, островах Юности.*

Воскликнула Син:

— Поистине, ничего не желаю я так страстно, как попасть на эти острова.

Тогда Гарольд Лохланнах направил корабль на запад.

ЗАПИСКИ ПАТРИКА О'КОННОРА

Миновав озеро Лох Ри, мы пристали к берегу и тотчас же послали двух гонцов в Тару к королю Муйрхертаху, чтобы он пришел с войском и отомстил варварам за совершенное злодеяние. Затем мы двигались вниз по реке до озера Лох Дерг. Здесь мы послали еще двух гонцов в Кайсилъ к королю Эохайду, чтобы он преградил разбойникам путь к отступлению. После этого мы поплыли дальше и с Божьей помощью в начале зимы добрались до океана. Мы хотели провести зиму в монастыре Инис Мор, а весной плыть за море в поисках уединенных островов для отшельнической жизни, ибо не могли мы после того, что случилось, оставаться более на земле Ирландии.

Но едва мы вышли из реки в море, как увидели норвежский корабль, и разглядели стяг с вороном. Мы подумали, что этот корабль, должно быть, разминулсЯ с нами в озере Лох Дерг и сумел уйти от воинов Эохайда. Разбойники быстро приближались, и их вид и поведение не давали возможности сомневаться в их намерениях. Несомненно, они хотели убить нас и отобрать корабли.

Мы стали грести, что было сил, и думали лишь о том, как бы спастись от погони. Не удивительно, что мы не заметили, как удалились от берега на опасное расстояние. В это время поднялась сильнейшая буря, и нас понесло в открытое море. Так, с одной стороны, мы спаслись от разбойников и отправились в Западный Океан, как и хотели, с другой же стороны, наше плавание началось значительно раньше, чем мы рассчитывали, и в далеко не наилучшее для подобных дел время года.

VII

Буря продолжалась почти двое суток. Семь человек умерли от холода и усталости.

Потом ветер стих, и мгла рассеялась, но небо по-прежнему застилало тучи. Нигде не было видно земли. Викинги не могли определить стороны света и не знали, где находятся.

Хёскульд сказал, что их, должно быть, отнесло очень далеко на запад.

— Есть ли здесь кто-нибудь, — спросил Харальд. — Кто знает море к западу от Ирландии?

Ньяль сказал:

— Старые люди говорят, что на западе, по ту сторону океана, лежат Острова Блаженства, по-ирландски Тирмар. Каждый из них вдвое или втрое больше Ирландии, а всего их пятьдесят. Там не бывает зимы, а люди не стареют и живут вечно. Жители этих земель все время пируют и веселятся, и год для них пролетает как мгновение. Кроме того, там много деревьев со сладкими плодами.

— Не стоит верить этим рассказам, — сказал Харальд. — Если где-то и есть такие земли, живым людям туда не попасть.

Ястреб Готольва много дней плыл в открытом море. На корабле совсем не осталось пищи и дров. Дул сильный ветер, и погода была холодная. Викинги собирали дождевую воду и снег, и этого едва хватало, чтобы утолить жажду.

Сигрун сказала:

— Если завтра мы не увидим какой-нибудь земли, люди начнут умирать, и не исключено, что я буду одной из первых. Как глупо погибать от голода, когда у нас есть корабль, чуть не доверху нагруженный золотом и серебром!

— Нечему тут удивляться, — сказал Няль. — С тех пор, как вы похитили золото Клонмакферта, вас преследуют неудачи. По-моему, это неспроста. Ведь золото принадлежало богу папаров.

— Я бы выбросил в море всю добычу, — сказал Харальд. — Если бы знал, что это поможет нам спастись. Верно говорят, что жизнь дороже всего.

— Ты, Харальд, похоже, совсем одурел от страха. — сказала Сигрун. — Придумал бы чего-нибудь получше, чем бросать деньги в море.

— Да и вряд ли это теперь помогло бы, — сказал Няль

На другой день ненадолго вышло солнце, и они поняли, что ветер по-прежнему несет их на запад. Вскоре после этого они заметили что-то впереди, им показалось — камень. Они подплыли ближе и увидели, что это маленький скалистый островок. Сигрун сказала:

— По-моему, там какой-то человек, либо у меня от голода помутилось в глазах.

— Я тоже вижу человека, — сказал Харальд и добавил, что на островке должна быть пища и вода, раз там живет человек.

— Если только это не какой-нибудь несчастный, который спасся после кораблекрушения и теперь умирает от голода на этой скале.

Харальд направил корабль к островку, и викинги сошли на берег. На камне у самой воды сидел старик с длинными, до пят, седыми волосами. На нем не было никакой одежды. Он сдирал с камня ракушки и ел их сырыми. Норманны пытались заговорить со стариком, но тот в ответ только мычал и крутил головой. Викинги решили, что он либо обезумел, либо забыл людскую речь. Они осмотрели островок и увидели, что на нем не растет ничего, кроме мха, и нет никакой еды. Посередине островка была яма, в которую собиралась дождевая вода.

Ньяль нарвал морской травы и стал есть. Он сказал, что в Ирландии это самая обычная пища. Тогда все остальные тоже стали есть морскую траву и ракушки. Многие нашли, что это лучше, чем ничего.

Викинги взяли этой еды на корабль и запаслись водой. Харальд хотел забрать с собой волосатого человека, но когда викинги попытались поймать его, он закричал таким ужасным голосом, что они побоялись к нему подойти. Сигрун сказала:

— Лучше его оставить. Вполне возможно, что это оборотень или какое-нибудь другое опасное существо. Человек не смог бы так долго жить здесь, питаясь одной травой и ракушками. Да и как он мог сюда попасть без корабля или лодки?

Викинги отплыли от этого острова и направились дальше на запад. Когда остров скрылся из вида, Ньяль и Одд сказали, что волосатый человек мог быть ирландским папаром.

— Папары иногда поселяются в одиночку на безлюдных островах и живут там до самой смерти.

— Зачем они это делают? — спросил Харальд.

— Они совершают этот подвиг во славу своего бога. Бог не дает им погибнуть даже там, где нет ни воды, ни пищи.

— Станный у папаров бог, — сказал Харальд. — Нрав у него крутой, а понять его непросто. Я рад, что не служу ему. Наши боги не морят нас голодом на камнях посреди океана.

На другой день викинги увидели вершины гор большой земли. Все очень обрадовались. Харальд сказал:

— Похоже на то, что нам все же удастся пережить эту зиму.

Ястреб Готольтва подошел к островкам в половине дня пути от земли. Островки были скалистые, на одном из них росло немного леса. Все было завалено снегом.

Викинги заметили на снегу два корабля. Они подошли ближе и узнали корабли папаров из Клонмакферта. Рядом были землянки, и из них шел дым. Харальд велел готовиться к бою.

— У папаров должна быть еда, но я не уверен, что они отдадут ее добром.

Викинги сошли на берег и направились к землянкам. Все были так измучены плаванием, что едва держались на ногах. Из землянок появились папары. Харальд сказал:

— Их здесь больше, чем я думал, да и ноги мои ступают почему-то не так твердо, как обычно. Похоже, битва будет тяжелой. Но у нас нет другого способа добыть пропитание. У нас не хватит сил на охоту или ловлю рыбы, если мы не отберем у папаров их запасы.

Один из папаров обратился к викингам на северном языке. Он назвался Патрюгом и сказал:

— Напрасно вы нас преследуете. У нас больше нет золота: вы забрали все, что было.

— Золота нам больше не надо, — сказал Харальд. — У нас его полный корабль, но в море от денег не много проку. Нам нужна еда. Мои люди много дней ничего не ели. Выбирайте: отдадите вы нам добром свои припасы, и тогда мы не тронем вас и поплывем зимовать на ту большую землю, или вы будете защищаться, и тогда мы не пощадим никого.

Патрюг сказал:

— Ты бы, конечно, выбрал второе, потому что подумал бы: остаться без припасов зимой — верная смерть, а в бою еще неизвестно, кто победит. Но мы выбираем первое и охотно дадим вам еды. Мы поступаем так вовсе не из страха перед вашим оружием. Ведь нас больше, мы не измучены голодом и легко одолели бы вас.

— Это ваше дело, что выбирать, — сказал Харальд. — Решили отдать еду, так отдавайте скорее. Мне безразлично, почему вы выбрали так, а не этак.

— И все-таки я договорю, — сказал Патрюг. — У нас есть две причины поделиться с вами припасами. Одна причина такая: наш Бог не оставляет в беде тех, кто верно ему служит. К тому же Он всемогущ. Мы надеемся, что Он не даст нам умереть с голоду. Вторая же причина в том, что наш Бог велит помогать всем, кто в этом нуждается: нищим, больным и слабым.

Папары принесли хлеб и сушеную рыбу, и викинги с жадностью набросились на еду. Только Ньяль и Одд остались у корабля, потому что боялись папаров. Но те заметили их, и Патрюг сказал:

— Вас следовало бы убить, но бог велел нам прощать обидчиков. К тому же вы и так получили сполна. Идите и ешьте вместе со всеми.

Когда все насытились, Сигрун сказала:

— Взгляни, Харальд, по-моему, этот папар не лгал. Им и впрямь не составило бы труда с нами разделаться.

Все папары к тому времени вышли из землянок. Их было больше, чем викингов, и выглядели они здоровыми, сытыми и крепкими.

Харальд сказал:

— Одного я не пойму: как вы попали сюда раньше нас, ведь корабли у вас тихоходные.

— Бог вел нас прямым путем, — сказал Патрюг. — А вас заставил долго скитаться по морю.

— Что-то слишком часто я слышу о боге папаров, — сказал Харальд. — Мне это уже порядком надоело.

Харальд хотел погрузить еду на корабль и плыть к большой земле. Патрюг сказал, что им лучше остаться на острове.

— Припасов все равно не хватит на всю зиму, а вместе нам сподручнее будет добывать себе пропитание.

Харальд решил все же плыть, но как только викинги стали носить еду на корабль, началась снежная буря. Корабль пришлось вынести на берег.

— Прав был Патрюг, — сказал Харальд. — Лучше нам остаться.

Викинги сделали себе землянки возле землянок папаров. Они ловили рыбу на тихой воде между островками, и ловля почти всегда была удачной. Многие из людей Харальда были рыбаками до того, как стать разбойниками. Папары рыбачили вместе с норманнами. Улов делили поровну между всеми.

Викинги прожили на острове восемь дней, а на девятый Патрюг пришел к Харальду и сказал:

— Не одолжишь ли ты мне кое-что из вашей добычи? Я говорю о золотой и серебряной утвари, о крестах и о фигурах нашего бога.

— Вот так просьба, — сказал Харальд. — Уж не лишил ли тебя рассудка твой бог? Бери хоть все, и можешь держать у себя, пока мы не соберемся в обратный путь. Любопытно посмотреть, какой прок тебе будет от этих побрякушек.

— Ты это скоро увидишь, — сказал Патрюг.

Папары взяли золото и серебро. На другой день вечером они вышли из землянок, наряженные в дорогие одежды, с белыми стягами и факелами. Они несли кресты, золотые чаши и фигуры распятого Бога. Папары принялись ходить вокруг землянок и громко петь на непонятном языке. Было совсем темно, валил густой снег, и золото

блестело в свете факелов. Викинги смотрели на это шествие, и многие нашли, что оно очень красиво.

— Что у вас за праздник? — спросил Харальд.

Патрюг перестал петь и сказал:

— Мы празднуем Рождение нашего Бога. Это большое событие.

Сигрун сказала:

— Мне нравится, как вы поете. По-моему, не может быть совсем уж никчемным бог, которому служат с таким усердием. Пожалуй, я приняла бы вашу веру, если бы вы обещали мне, что ваш бог будет мне покровительствовать.

— Это я тебе обещаю, — сказал Патрюг.

На другой день Сигрун приняла веру папаров. После нее так же поступил Харальд и многие другие норманны.

Хескульд Корабел отказался принять крещение.

— Я больше верю в свои руки и в свою работу, — сказал он. — Бог папаров не сумел погубить Ястреба, а я уверен, что он хотел этого. Пусть лучше все остается по-старому. Да и вам не будет большой пользы от того, что вы сделали.

ПЛАВАНИЕ НИАЛЛА

В самый разгар зимы вышли лохланнахи в море, и было их плавание долгим, трудным и ужасным. Кончилась на корабле еда, и не осталось дров. Весь корабль был засыпан снегом до верхушки мачты, так что казалось, будто плывет сугроб. Лохланнахи выли и стонали от голода, и лязгали зубами от холода, и призывали своих богов, но тщетно. Когда кто-то умирал голодной смертью, остальные бросались на него и пожирали, торопясь, чтобы мясо не остыло, и дрались за каждый кусок. Воскликнул Гарольд Лохланнах:

— Клянусь, если удастся мне спастись, оставлю я своих злых богов, покаюсь в грехах и приму истинную веру!

Вот увидели лохланнахи камень посреди океана, а на камне старца. Одеждой ему служили его волосы. Обратился к старцу Ниалл, сын Фебала, и спросил его, кто он такой, как попал на этот камень и чем живет, если нет у него ни дома, ни огня, ни лодки, ни скота, ни хлеба. Ответил старец:

— Я Дубтах О'Тул, клирик из святой обители Инис Тера. Девять лет назад отправился я на малой лодочке искать уединенного места для служения Богу и безгрешной жизни. Привел Господь мою лодку к этому камню, и как только я ступил на берег, ветер подхватил лодку и унес на запад. Два дня я провел без пищи, в слезах и молитвах, а на третий день Господь даровал мне чудесного лосося. Три года питался я этим лососем, и все он не кончался. Потом снова не стало у меня еды, и опять два дня я голодал, а на третий день дал мне Господь второго лосося. Так повторялось трижды. Вот теперь я как раз доел третьего лосося и пощусь, уповая на Господа.

Поклонились лохланнахи святому старцу и поплыли дальше. Вскоре подошли они к лесистому островку и увидели там корабли и людей.

— Ответь мне, мудрый Ниалл, — сказал Гарольд Лохланнах. — Кто эти люди на острове?

— Нетрудно сказать, — ответил Ниалл, — ведь это мои братья, святые иноки из Клонмакферта.

— Сойдем на берег, покаемся в грехах и попросим у монахов еды, — сказал Гарольд Лохланнах.

Тогда все разбойники сошли на берег, только Ниалл и Аэд остались на корабле.

— Горько скорбим мы о том, что совершили, — сказал Ниалл. — И стыдно нам показываться на глаза святым инокам.

Монахи приветствовали лохланнахов и накормили их досыта. Старший из монахов, отец Патрик О'Коннор, сказал, что прощены разбойникам все их грехи, ибо совершили они их по темноте своей и неразумию. Заплакал тогда Гарольд Лохланнах и остальные разбойники, и сказали они, что никак не ожидали милосердия от тех, с кем обошлись так жестоко. И приняли все лохланнахи истинную веру, и в тот же день покаяться и крестились.

Сказала Син:

— Тяжелее всех мои грехи, и едва ли сумею я вымолить прощение. Много невзгод я вынесла за время плавания, но мучения эти я терпела не напрасно, ибо мои глаза наконец открылись, и я поняла, что нет в мире другого бога, равного по мудрости, славе, красоте и величию богу монахов. Если бы было возможно, я с радостью приняла бы крещение, но едва ли моей мечте суждено сбыться.

Сказал Патрик О'Коннор:

— Нет такого греха, которого Господь не простил бы покаявшемуся и уверовавшему в него.

И Син тоже крестилась в тот день.

Отец Патрик увидел на корабле Ниалла и Аэда и сказал:

— Рядом с вами эта женщина подобна напроказившему ребенку, а эти разбойники — и вовсе невинные младенцы. Но даже вас мы прощаем, потому что не было в вашем поступке злого умысла и вашими руками двигала чужая воля.

Обрадовались Ниалл и Аэд великой радостью и, пав на колени, горячо и с большой страстью возблагодарили отца Патрика.

Все, кто приплыл с Гарольдом Лохланнахом и Син, остались зимовать на островке у монахов. Жили они дружно и без раздоров всю зиму.

ЗАПИСКИ ПАТРИКА О'КОННОРА

Мы долго плыли, не встречая земли. Все мы сильно страдали от холода. Благодарение Господу, мы успели запастись всем необходимым для отшельнической жизни. У нас было даже немного скота и посевное зерно. К несчастью, наше плавание было таким долгим, что к концу его пришлось съесть и овец, и почти все зерно. Но мы решили, что такова воля Всевышнего, и больше сожалели не о том, что в дальнейшем будем лишены хлеба, шерсти и молока, а о том, что сейчас нам больше нечего съесть.

Наконец мы увидели землю, но, подойдя ближе, поняли, что это всего лишь скалистый островок. На вершине островка стоял старец, одетый в собственные волосы. Приглядевшись, я узнал преподобного Дубтаху О'Тула, который пять лет назад отбыл на запад с целями, подобными нашей.

Дубтах О'Тул жевал нечто бурое, произрастающее в море, и, глядя на нас, осенял себя крестным знамением.

Мы сошли на берег и, почтительно приблизившись к отцу Дубтаху, стали расспрашивать его о жизни на островке и о судьбе корабля, на котором он отплыл из Ирландии, и о других монахах, что были на том корабле. Преподобный Дубтах, судя по всему, слышал наши речи, но не удостоил нас ответом, несмотря на наши просьбы. Тогда мы принялись рассказывать о своем плавании и предлагали Дубтаху теплую одежду и книги. Сначала он лишь тяжело вздыхал, а потом махнул рукой, повелевая нам замолчать.

— Уезжайте, — сказал он. — Вы слишком многоречивы.

И мы подивились благолепию, коим исполнена была жизнь святого отца Дубтаху. Мы попросили его отпустить нам грехи, на что он кивнул головой, и больше мы ничего от него не услышали. Но мы

сочли, что от такого человека достаточно и кивка. Затем мы отплыли от острова, не смея более тревожить покой этого ревнителя веры.

Двумя днями позже мы прибыли к лесистому островку в виду большой земли. Здесь мы решили провести остаток зимы, ибо приближался праздник Рождества, а встречать его в море не только не в традициях Клонмакферта, но и просто неслыханно.

На третий день нашей жизни на острове мы были до крайности удивлены, вновь увидев в море корабль норвежских разбойников. Мы усмотрели в этом перст Божий и решили более не убегать от норвежцев, а встретить их спокойно, мужественно и с достоинством, как подобает истинным христианам.

Разбойники сошли на берег, и мы узнали среди них Гарольдиуса, их главаря, и Син, чья красота так прельстила падкого до соблазнов Муйредаха и оказалась столь губительной для славного Клонмакферта. Еще мы увидели на корабле ненавистных предателей Ниалла и Аэда, но это не сильно нас удивило, потому что таким людям самое место среди разбойников.

Норвежцы сначала хотели напасть на нас, но их остановила кротость и христианское смирение, с какими мы их встретили. Мы поделились с разбойниками скудными крохами, оставшимися от наших запасов, и позволили им провести зиму на острове вместе с нами.

Мы решили, что следует попытаться обратить этих язычников в истинную веру, и сразу же принялись за дело со всей осторожностью, действуя умело и не торопясь, но и решительно. Здесь нам немало пригодился опыт тех из нас, кто в числе прочих проповедовал, и весьма успешно, христианство в Дании. Дело пошло на удивление легко и быстро, и уже вскоре после Рождества большинство разбойников всем сердцем приняли веру Христову.

VIII

Весной викинги и папары на трех кораблях направились к большой земле на западе. На островке остались двое папаров. Они решили там поселиться, потому что считали, что здесь никто не будет мешать им петь молитвы и делать все, что заблагорассудится. Папары поступают так время от времени, и тогда их называют отшельниками. Харальд дал островкам название: Вестманнаэйяр, Острова Ирландцев. Островок, где они провели зиму, он назвал Папей, Остров Папаров.

Всем очень хотелось узнать, что за земля лежит впереди. Сигрун сказала:

— Может быть, это один из Островов Блаженства, о которых говорил Ньяль. Ведь это очень большая земля, и лежит она на западе за океаном.

Они подошли к этой земле и увидели, что она гориста, а по берегам всюду черный песок. Склоны поросли лесом, кое-где были хорошие луга, и на проталинах уже появилась первая трава.

Эта земля была впервые открыта Харальдом Мореходом, хотя ныне об этом мало кто помнит. Позже ее заново открыл Гардар, который обошел ее кругом и узнал, что это остров.

Гардар назвал страну Гардарсхольм, но это название вскоре забылось. Со времен первопоселенца Ингольва земля, о которой идет речь, зовется Исландией.

Некоторое время викинги и папары плыли вдоль берега и высаживались в разных местах.

Страна была обширна и безлюдна, богата лесом, рыбой и пастбищами, но бедна дичью. Наконец они остановились в тихом фьорде и построили землянки.

Викинги решили провести в этой стране лето и зиму, а на другой год плыть в Норвегию. Там они хотели купить побольше зерна, скота и рабов, а потом вернуться сюда и жить вольно и богато.

Папары же все до единого хотели стать отшельниками. Патрюг собирался в этом году разведывать страну, а на другой год плыть вдоль берега и высаживать своих людей по одному или по двое в самых глухих и укромных местах.

Однажды Сигрун сказала, что видела с вершины горы еще одну землю дальше на западе, по ту сторону широкого пролива.

— Та земля может оказаться лучше этой. Я считаю, что мы должны доплыть до нее и посмотреть, может быть, это и есть Острова Блаженства.

Харальд сказал:

— Напрасно ты веришь этим сказкам.

Викинги несколько раз поднимались на гору, но не видели никакой земли. Сигрун сказала, что ее видно не во всякую погоду. Тогда некоторым показалось, что они и впрямь видят что-то похожее на далекий берег. Все же Харальд и все остальные викинги стояли на том, чтобы плыть в Норвегию.

— Не следует брать больше, чем можешь использовать. Нам вполне хватит и этой страны.

Какое-то время Сигрун не заговаривала о плавании на запад. Она вела себя скромно и была с Харальдом любезнее, чем обычно.

К концу лета викинги построили большой дом и запаслись на зиму рыбой, тюленьим мясом и ягодами. Многие находили, что жизнь в новой стране куда лучше, чем в Норвегии. Викинги одевались в богатые одежды, носили золотые запястья, цепи и кресты из клонмакфертской сокровищницы и считали себя богачами.

Однажды в начале зимы Харальд сказал Сигрун:

— Помнишь ли ты, о чем мы говорили четыре зимы назад в доме твоего отца?

— По-моему, ты хотел тогда взять меня в жены. Но я сказала, что пойду только за самого смелого и достойного человека, а ты в то время еще никак не показал себя.

— С тех пор многое изменилось. И я надеюсь, что теперь ты не откажешь мне, если я повторю свое предложение.

Сигрун ответила со смехом:

— Многие назвали бы меня лгуньей, если бы я сказала, что не ждала этого. И все же я должна подумать, прежде чем согласиться или отказаться.

— Как долго ты собираешься раздумывать? Признаться, я надеялся, что теперь-то уж ты согласишься сразу. Ведь я достиг большего, чем любой из наших земляков. И имей в виду: я не позволю делить из себя посмешище.

— Что ж, я могу согласиться и сразу, — сказала Сигрун. — Но только в том случае, если ты выполнишь мою просьбу.

— Назови ее.

— Я хочу, чтобы летом мы поплыли не в Норвегию, а дальше на запад, искать Острова Блаженства. На следующей новой земле, которую мы найдем на западе, мы обвенчаемся по христианскому обычаю.

— Выходит, ты уже подговорила папаров плыть на запад?

— Вовсе нет, но я думаю, что они не устоят перед соблазном повидать Острова Блаженства, если увидят, что мы собираемся туда плыть.

Харальд сказал:

— Похоже на то, что ты победила в этом поединке. Кто знает, может, нам и впрямь повезет, и мы найдем еще более богатую землю. Ведь здесь никто раньше не плавал. Впрочем, дружинники вряд ли поддержат такое решение.

— Об этом не беспокойся, — сказала Сигрун. — Вот увидишь, все будет в порядке.

На другой день Харальд собрал викингов и объявил, что весной они поплывут на запад в поисках более богатой и обильной земли.

Тут поднялся большой шум, как и ожидал Харальд. Многим этот замысел показался опасным, а дело — не стоящим. Почти все хотели

плыть в Норвегию, как было уговорено сначала. Харальд принялся спорить с дружинниками, но его не слушали. Тогда Харальда охватил гнев, и дело уже почти дошло до схватки, как вдруг поднялся Ньяль, ирландский скальд, который плавал вместе с викингами. Кто-то крикнул:

— Эй, замолчите! Похоже, Ньяль решил спеть нам Примирительную Песнь. Это было бы очень кстати.

Ньяль часто развлекал норманнов песнями, и в дружине его любили. Его слово на сходах дружины значило много, и с ним редко спорили. Ньяль мог сложить обидчику Позорную Песнь, а викинги этого очень боялись. Многие предпочли бы лишиться правой руки, чем так ослабиться.

— Напрасно вы раскричались, — сказал Ньяль. — Конунг правильно решил. Если только старики не врут, мы можем найти на западе такие земли, где нам не понадобится ни скот, ни зерно для посева. Жить мы там будем куда лучше, чем в этой скудной стране, где кругом одни ледники и лавовые поля. Нужно послушаться конунга и плыть на запад. Конечно, этот путь может оказаться более опасным, но ведь нам не привыкать к трудам и лишениям. По-моему, у вас есть только одна причина противиться воле конунга: трусость. А уж трусов я сумею прославить так, что они позавидуют утопленникам.

Многие после этого стали говорить, что согласны плыть на запад, но кое-кто по-прежнему сомневался. В это время Сигрун привела к месту схода Патрюга и сказала:

— Послушайте святого отца!

Патрюг сказал:

— Я слышал, что вы тут спорите, и хочу помочь вам разрешить спор, если мне будет позволено. Мы передумали оставаться в этой стране и решили плыть дальше на запад. Мы полагаем, что предания об Островах Блаженства не могут быть совсем лживыми. Мы просим вас поплыть с нами. Вместе нам будет легче найти Острова и разведать их, ведь мы не такие бывалые мореходы, как вы.

Патрюг добавил, что это путешествие может принести немалое богатство и великую славу, а также что это хороший способ оказать услугу святой церкви и искупить грехи, ведь для церкви нет лучшего приобретения, чем новая богатая страна, обращенная в христианство. Патрюг сказал, что непременно обратит в христианство жителей

Островов, если окажется, что они язычники. Предводитель папаров говорил долго и всячески убеждал норманнов плыть на поиски островов. Дело кончилось тем, что все, кто еще сомневался, оставили сомнения и согласились отправиться на запад.

Весной, как только лед во фьорде растаял, викинги и папары вышли в море на двух кораблях. Третий корабль и несколько папаров остались в этой стране, где они прожили год.

Ястреб Готолява и корабль Патрюга взяли курс на запад, и вскоре земля исчезла из вида.

ПЛАВАНИЕ НИАЛЛА

Едва наступила весна, все монахи и воины Лохланна взошли на корабли и направились к большой земле, что виднелась на западе. Они осмотрели эту землю и нашли, что она огромна, величественна, пустынна и сурова. С гор там стекали ледяные реки, повсюду простирались черные каменные поля, твердые и гладкие, как сплошная плита, и даже песок там был черный, как уголь.

Отец Патрик, Гарольд Лохланнах и прекрасная Син решили остаться в этой стране на год.

Однажды Ниалл, сын Фебала, пришел к Син и сказал ей:

— О прекраснейшая и коварнейшая из женщин! Нет у меня сил более терпеть эти адские муки, не могу я выносить это пламя, сжигающее мое сердце! Зачем, о, зачем наложила ты на меня могучие чары любви!

— Чего ты хочешь, Ниалл? — спросила тогда Син.

— Хочу, чтобы ты выбрала одно из трех. Либо убей меня своей рукой, либоними страшное заклятье, лишившее меня воли и разума, либо утоли страсть, тобою же зажженную, и стань моей женой!

Улыбнулась прекрасная Син и сказала:

— Ведомо мне, что самому тебе не по душе первый выбор, но того я не знаю, какой тебе милее: второй или третий.

Сказал Ниалл:

— Раз уж ты спрашиваешь, то я отвечу по чести и без обиняков, что милее мне третий выбор.

— Я согласна стать твоей женой, о Ниалл, — сказала Син. — Меня пленили твои песни. Но сначала ты должен выполнить мое условие. Задумала я уговорить Гарольда Лохланнаха отправиться на поиски Островов Блаженных. Запали мне в душу твои рассказы об этих

чудных Островах, так что ни о чем другом я и думать не могу. Сегодня я пойду к Гарольду Лохланнаху и попрошу его направить корабль на запад и искать Острова Блаженных. Гарольд поспорит немного, но потом согласится. На другой день соберет он дружину, трижды девять воинов Лохланна, и объявит свою волю: плыть на запад и искать Острова. Тогда многие станут говорить, что не подчинятся такому приказу, потому что хотят скорее плыть домой, в далекий, сумрачный Лохлани. Гарольд тогда разгневается и выхватит меч. И в этот самый миг ты, Ниалл, должен встать и громко, во всеуслышанье, поддержать Гарольда Лохланнаха. Назови тех, кто не хочет плыть на запад, трусами и ничтожными людьми, и пригрози, что сложишь для них песнь поношения. Как только ты это скажешь, о Ниалл, воины согласятся плыть на запад и искать Острова.

— Я сделаю все, как ты просишь, — сказал Ниалл. — Станешь ли ты после этого моей женой?

— Обещаю тебе, что стану твоей женой, как только мы достигнем Островов Блаженных.

— Что же будет, если мы не найдем их?

— Тогда мы будем плыть до тех пор, пока не отыщем какую-нибудь землю, столь же плодородную и обильную, как зеленый остров Ирландия, и там я стану твоей женой.

Вздыхнул тогда Ниалл и сказал так:

— Я согласен на твои условия, о Син! И с моей стороны тут не будет обмана.

На другой день собрал Гарольд Лохланнах войско и сказал о своем решении. И все вышло в точности, как предрекла многомудрая Син. И в условленное время встал Ниалл, сын Фебала, и сказал все то, что было обещано. И тогда воины Лохланна перестали перечить своему предводителю, и решили плыть на запад, как только сойдут льды.

Так хорошо и складно говорил Ниалл, что даже отец Патрик, слышавший его речь, переменял свое прежнее решение и задумал плыть на поиски Островов Блаженных вместе с лохланнахами.

Как только сошли льды, Гарольд Лохланнах и отец Патрик ступили на корабли, каждый со своими верными людьми, и отправились на поиски чудесной земли, где никто не слышал о старости и смерти.

ЗАПИСКИ ПАТРИКА О'КОННОРА

После столь удачного обращения норвежских разбойников в истинную веру мы начали подумывать и о том, как бы возвратить святой церкви сокровища Клонмакферта, а именно ту их часть, что находилась в руках Гарольдиуса и его людей. По нашим подсчетам выходило, что это примерно одна шестая часть, что составляет двести кумалов. Вернуть эти деньги церкви представлялось нам делом настолько важным, что ради него мы готовы были не пожалеть и самой жизни.

Поначалу мы надеялись, что разбойники, приняв христианство, раскаются в содеянном и сами отдадут нам золото, но не тут-то было. Гарольдиус уже поделил сокровища поровну между всеми, и каждый относился к своей доле так, словно она была им честно заработана. Казалось, они по своей простоте и неучености и впрямь забыли, как достались им эти деньги.

Хотя они охотно одалживали нам отдельные предметы для совершения обрядов, о том, чтобы забрать у них сокровища насовсем, мы не смели и думать.

Отнять золото силой мы не могли, а посему приходилось надеяться на случай и собственную хитрость. Прежде всего мы, конечно, не должны были отпускать от себя Гарольдиуса, поэтому весной мы поплыли вместе с разбойниками к большой земле на западе.

Земля эта оказалась весьма подходящей для отшельнической жизни: она была достаточно велика, удалена от населенных стран и в меру сурова. Насколько можно было судить, людей здесь никогда не бывало.

Мы провели в этой стране год, и в продолжение названного времени всячески старались укрепить в норвежцах веру в Бога и доверие

к нам, монахам. Однако случая достичь нашей главной цели все не представлялось.

Однажды разбойница Син, дочь Хакена, явилась ко мне и завела такой разговор.

— Мне кажется, святой отец, — сказала она. — Что вы давно уже чем-то обеспокоены. Не сочтите за дерзость, но я догадываюсь о причине вашей тревоги.

— Всем нам есть о чем тревожиться, — ответил я уклончиво, ибо сам не понимал еще до конца, к чему она клонит, и боялся спугнуть добычу слишком прямым намеком.

— Вы боитесь, — продолжала эта умная женщина, — что Гарольдиус весной вернется в Норвегию вместе со всем грузом, который есть на корабле.

— Нам и вправду будет жаль, если так случится, — сказал я. — Но мы надеемся уговорить Гарольдиуса задержаться здесь еще на год.

— Гарольдиус уже долго живет здесь рядом с вами, но толку из этого вышло меньше, чем вам бы хотелось. Боюсь, как бы этот лишний год не принес те же плоды, что и первый. Но я могу вам помочь.

— Весьма неожиданно, — сказал я, — слышать подобное от женщины, из-за которой только и пал Клонмакферт, а его сокровища оказались в руках разбойников!

— Если я сумела сокрушить Клонмакферт, то сумею и вернуть вам деньги. Но вам придется мне помогать и делать все, что я скажу.

Затем Син поведала мне, что все разбойники полны желания как можно скорее ехать в Норвегию, тогда как сама она хочет плыть на запад, чтобы отыскать пресловутые Острова Блаженных.

— Подобно тому, как вам — мысли о золоте Клонмакферта, мне не дают покоя слова Ниалла об этих чудесных Островах, — сказала дерзкая Син. — Я хочу, святой отец, чтобы вы пришли на наш разбойничий сход и сказали, что это очень разумно — плыть на поиски Островов и что вы сами решили отправиться туда и хотите просить нас, норвежцев, присоединиться к вам.

— Допустим, я так и поступлю, — сказал я. — Что за этим последует, и каким образом мы сможем вернуть святой церкви утраченные богатства?

— Мы вместе поплывем на запад, и как только достигнем какой-

либо земли, более богатой, чем эта, даже если то будут и не Острова Блаженных, я в самом скором времени сделаю так, что вы получите назад свои деньги.

Я внимательно следил за женщиной и прислушивался к ее голосу, стараясь уловить признаки обмана или неискренности, но ничего подобного не обнаружил. Всё же сомнения одолевали меня, и я сказал:

— Как я могу верить твоим обещаниям, Син, после того, что ты сделала с нами? Кроме того, нам было бы все же проще задержать Гарольдиуса в этой стране, и уж что-нибудь мы бы да придумали.

Тогда Син посмотрела на меня странным, необычным и удивительным взглядом, а надо сказать, что глаза у нее красивы, черны и глубоки, и я на мгновение даже убоялся, что попаду под власть колдовских чар.

— Сделайте, как я прошу, святой отец, — сказала она. — И тогда, возможно, я добавлю что-нибудь к той награде, которую уже обещала вам.

Я задумался над этими словами, ибо они показались мне весьма важными, хоть я и не мог понять, о чем она вела речь и что могла добавить к золоту Клонмакферта эта темная, неученая разбойница из чуждедальной страны. И чем больше я думал, тем сильнее охватывало меня странное волнение, причину которого я не мог уяснить.

Наконец, как следует поразмыслив, я дал ей свое согласие, ибо решил, что не может такая женщина, неученая и проч, обвести вокруг пальца человека столь искушенного, мудрого и образованного, каковым я привык себя считать.

Я сделал все, как она просила, и кончилось дело тем, что следующей весной мы отправились вместе с разбойниками на поиски сказочных Островов, о которых веками пели поэты во всей зеленой Ирландии.

IX

Корабли сорок дней шли открытым морем. Погода стояла хорошая. Большую часть пути дул попутный ветер. Викингам приходилось плыть медленнее, чем позволяли корабль и погода, чтобы папары не отстали от них слишком сильно. Наконец на юго-западе показалась земля.

Норманны стали изо всех сил грести к берегу, чтобы побыстрее высадиться. Они думали, что нашли Острова Блаженства. Но когда они ступили на берег, то увидели, что здешняя земля мало похожа на то, о чем рассказывал Няль. Они не нашли здесь сказочных садов с душистыми плодами, но страна показалась им весьма плодородной и богатой. Местность была низменная, лесистая, с хорошими пастбищами и множеством ручьев и рек. На берегу было много птиц, а в ручьях — рыбы.

Викинги и папары вернулись на корабли и долго плыли вдоль берега, пока не достигли устья огромной реки. Они поднялись немного по этой реке и остановились на правом берегу. Там были красивые холмы, покрытые цветами, а дальше тянулись леса с множеством дичи. Норманны решили, что эта страна лучше той первой, где они провели прошлую зиму. Они задумали поселиться навсегда в этой новой стране.

Папарам тоже понравилась страна. Они принялись вместе с норманнами строить дома и церковь. Викинги нашли в лесу старое кострище и поняли, что земля обитаема.

Однажды из леса вышли пятеро туземцев. Это были высокие люди с красноватой кожей, большими носами и черными волосами, в одеждах из шкур и птичьих перьев. Вооружены они были луками и копьями с костяными наконечниками. Туземцы долго разглядывали дома и людей возле домов. Потом они ушли обратно в лес.

Патрюг сказал, что хочет найти селение этих туземцев, чтобы заключить с ними мир и обмениваться товарами, а в последствии, если будет возможно, обратить их в христианскую веру. Вместе с двумя другими папарами он пошел за туземцами и так добрался до их селения.

Туземцы оказались людьми мирными и невоинственными и хорошо приняли папаров. Патрюг подарил местному конунгу железный нож с костяной рукоятью и бронзовый кубок. Конунгу очень понравились подарки. Туземцы и папары стали часто посещать друг друга и обмениваться мелкими вещами.

Папары быстро выучились языку туземцев, поскольку они к этому весьма способны и знают по многу языков, как уже было сказано.

Патрюг был очень доволен жизнью в новой стране. Он назвал ее Большой Ирландией, поскольку страна и впрямь была необъятно велика. Туземцы же называли места, где поселились люди Патрюга и Харальда, Хвитрамманланд (Страна Белых Людей). Они дали ей это имя по цвету кожи пришельцев, ведь у них самих кожа была красная или красно-бурая. Папары начали строить себе второй корабль из жердей и оленьих шкур. Патрюг хотел отправить на этом корабле половину своих людей в Ирландию, чтобы они рассказали о новой стране и привезли сюда побольше монахов, а также скот, зерно и рабов.

Осенью Харальд напомнил Сигрун о ее обещании.

— Пора тебе сдержать слово, — сказал он. — Ведь я выполнил все, о чем ты просила.

— Это верно, — сказала Сигрун. — И мне нравится земля, которую мы открыли, хоть это и не Острова Блаженства. Все-таки я не зря заставила тебя пуститься в это плавание. Что же до нашей свадьбы, то я хотела бы сыграть ее после Рождества.

— Зачем так долго ждать? — спросил Харальд.

— На то у меня есть разные причины. Помимо прочего, мне нужно время, чтобы приготовить свадебный наряд, а помочь мне некому, ведь я здесь единственная женщина.

Сигрун принялась шить свадебную одежду, но дело у нее продвигалось медленно.

В самом начале зимы Сигрун сказала Харальду:

— Похоже, некому будет обвенчать нас по христианскому обычаю.

— Что ты мелешь, — сказал Харальд. — Кому же делать это, как не нашим друзьям папарам. Они большие мастера в этом и отлично знают все обряды.

— Нашей дружбе с папарами скоро придет конец, — сказала Сигрун. — Удивительно, что ты сам до сих пор ничего не замечаешь. Разве ты еще не понял, что папары только о том и думают, как бы вернуть свое золото? Затем они и поехали сюда с нами, чтобы при первой возможности отобрать у нас наше богатство. А ведут они себя так мирно лишь затем, чтобы мы перестали их остерегаться и позволили захватить себя врасплох.

— Откуда тебе это известно? — спросил Харальд.

— Я подслушала их разговор вчера ночью. Они обсуждали, согласятся ли туземцы помочь им с нами справиться.

— В таком важном деле я не могу принять решение, пока у меня нет других свидетельств, кроме женских слов. Да ты и сама не будешь утверждать, что всегда говоришь правду. Не исключено, что ты просто затаила гнев на папаров и хочешь моими руками отомстить им за какую-то давнюю обиду.

— Тебя не назовешь легковым, — сказала Сигрун. — Лучшим свидетельством для тебя, наверное, был бы папарский меч, отрубающий тебе голову, пока ты спишь. Но раз ты не хочешь поверить мне на слово, то я, так и быть, постараюсь найти доказательства, ведь речь идет и о моей жизни тоже.

Несколько дней все было спокойно. Потом Сигрун сказала Харальду, что теперь он может своими глазами убедиться в ее правоте.

— Папары украли у нас чуть ли не половину золота.

Харальд пошел к нише в стене дома, где викинги хранили свои сокровища. Он долго перебирал то, что там лежало, а после сказал:

— Здесь действительно многого не хватает. Но как ты докажешь, что это дело рук папаров?

— Пойди к ним сам и посмотри.

Харальд и Сигрун направились к дому Патрюга. Харальд сразу распахнул дверь и вошел. Патрюг сидел у очага и разглядывал золотую чашу из клонмакфертской сокровищницы, что лежала у него на коленях. На полатах было еще несколько золотых чаш и крестов, а папары столпились вокруг них и о чем-то негромко переговаривались. При виде Харальда все замолчали.

— Я очень рад, Харальд, — сказал Патрюг, — что эти сокровища наконец-то будут возвращены святой церкви, которой они по праву принадлежат.

— Ты, похоже, рехнулся, Патрюг, — сказал Харальд. — Немедленно отдай назад все, что взял.

— Ты поступаешь бесчестно и не по-христиански, — сказал Патрюг. — Мы ни за что не отдадим золото, потому что оно наше!

Сигрун сказала:

— Чего ты еще ждешь, Харальд?

Тогда Харальд в гнев выбежал из дома и прокричал боевой клич. Викинги тотчас же вооружились и побежали к конунгу. Хёскульд Корабел поднял стяг. Все войско собралось на лугу между домами.

— Папары обокрали нас, — сказал Харальд. — Теперь ясно, чего стоит их дружба. Они с самого начала мечтали только о том, как бы заполучить наше золото. Идем на них и перебьем всех до единого!

Папары выбежали из дома и приготовились к бою. Патрюг стал что-то кричать викингам и как будто оправдываться, но его никто не слушал. Норманны бросились вперед, войска сошлись, и началась битва.

Папары защищались стойко и мужественно, к тому же их было больше. Все же викинги стали одерживать верх. Папары отступали, пока не оказались между стеной дома и харальдовой дружиной.

Харальд рубился в самой середине схватки. В одной руке у него был щит, в другой — меч Готольва. Он убил пятерых врагов и прорубил себе дорогу к тому месту, где стоял Патрюг. Увидев Харальда, Патрюг поднял руку и крикнул:

— Остановись, Харальд! Ты убиваешь невинных! Мы оба пали жертвой женских козней.

Харальд сказал:

— Если ты не лжешь, Сигрун жестоко поплатится за это. Вернешь ли ты золото?

— Верну, если ты так этого хочешь. Я и не собирался брать его против твоей воли.

Харальд крикнул своим воинам, чтобы они отходили:

— Папары согласны вернуть золото, и похоже на то, что они его и не крали!

В это время из леса донеслись необычные громкие крики, а потом из-за деревьев стали выбегать туземцы с копьями. Харальд обернулся, и тут Патрюг воткнул ему в спину кинжал.

— Больше мне не придется терпеть твое соседство, грязный разбойник! И все золото будет нашим!

Харальд сказал:

— Напрасно я не верил Сигрун. Из вас двоих всё же ты — больший обманщик.

Харальд ударил Патрюга мечом и отрубил ему левую руку. После этого Харальд упал и умер.

Туземцы напали на викингов с тыла, и папары, увидев подкрепление, с новой силой ринулись в бой.

— Мы окружены, и конунг убит! — крикнул Хёскульд. — Надо пробиваться к Ястребу!

Несмотря на время года, погода была теплая и тихая, река еще не замерзла, и корабль викингов стоял на воде.

Схватка продолжалась недолго, и почти все норманны были убиты.

Только восемь человек вместе с Хёскульдом пробились сквозь туземное войско, добежали до корабля и отплыли от берега.

— Похоже, мы кое-кого оставили, — сказал Хёскульд. — Я нигде не видел Сигрун, и мне показалось, что Ньяля и Одда тоже не было с нами во время битвы. Надеюсь, боги поступят по справедливости со всеми, кто остался на этом берегу.

Хёскульд направил корабль на юг. Они плыли одиннадцать дней, и в пути еще один человек умер от ран. Они пристали к острову в устье небольшого фьорда и провели там зиму.

Зима была теплой, а местность оказалась богата рыбой и дичью. Весной Хёскульд отправился в обратный путь на восток. Плавание

было долгим, но окончилось благополучно. В конце лета Ястреб Готольва подошел к Фарерским островам.

К тому времени норвежцы уже прогнали с островов почти всех папаров. Здесь теперь было много викингов, которые совершали отсюда набеги на Ирландию и Шотландию.

Хёскульд и его спутники остались на островах. Все они скоро снова стали ходить в викингские походы, кроме Хёскульда, который жил на Фарерах и строил корабли до самой смерти. От Хёскульда нам стало известно все то, что здесь рассказано о Харальде Мореходе и его плавании в Страну Белых Людей.

ПЛАВАНИЕ НИАЛЛА

Долго плыли лохланнахи и святые монахи по бескрайнему зеленому океану, и вот подошли они к неведомой земле. Они высадились и увидели, что земля эта богата, плодородна, обильна, благоуханна и красива. Много чудес они встретили, о которых здесь нет места рассказывать. Чуднее же всего были жители этой земли: с кожей цвета меди, с носами, свисающими до подбородка; в одеждах из птичьих перьев. Но сами-то они думали, что выглядят превосходно, а вид монахов и разбойников казался им диким, безобразным и смешным, особенно их белая кожа и светлые волосы. Оттого-то туземцы и стали называть эти края Тир-на-Фер-Финн, Страна Белых Людей.

Спустя немного времени обратилась прекрасная Син к Ниаллу, сыну Фебала, с такими словами:

— Ты честно исполнил свое обещание, а теперь пора и мне исполнить свое.

Ответил Ниалл:

— Воистину так, о прекраснейшая из женщин, и мне отраднo, что ты верна своему слову, хоть мы и не нашли Островов Блаженных.

— Возможно, мы еще найдем их. Я думаю, каждый человек может найти свои Острова, если у него достаточно силы.

— Когда же мы обвенчаемся, о Син?

— Я бы рада обвенчаться с тобой поскорее, но не в моей это власти. Хоть велико мое могущество, но и я не всеильна. Посватался ко мне могучий Гарольд Лохланнах, и я не смею ему противиться, потому что тогда он в гневе убьет меня или возьмет силой.

— Неужели ты обманешь меня, о Син, и выйдешь за ужасного Гарольда Лохланнаха?

— Я скорее умру, чем выйду за него, — сказала Син. — Думаю,

что мне удастся все уладить, но для этого нужно время и твоя помощь. Верь мне, Ниалл, из всех людей ты — последний, кого я хотела бы обмануть.

— Что я должен делать? — спросил Ниалл.

— Помоги мне вынести сокровища Клонмакферта из дома лохланнахов и отнести их отцу Патрику.

— Что ты задумала, Син? — воскликнул Ниалл. — Такое деяние может обернуться реками крови!

— Это меня не остановит, — сказала Син. — Ибо я связана тремя клятвами, и для меня нет другого выхода, кроме как поссорить лохланнахов и монахов.

— Что же это за клятвы, о Син?

— Первую дала я отцу Патрику: вернуть ему золото Клонмакферта. Другую я дала Гарольду Лохланнаху: стать его женой. Третью — тебе, о Ниалл! Поистине, дорогой ценой я заплатила за то, чтобы попасть в эту дивную страну! И я не могу исполнить третью клятву, пока не освобожусь от двух других.

Глубоко задумался тогда Ниалл, сын Фебала. Как ночь черны были его мысли; великая скорбь сжала тисками его сердце, а по щекам скатились две кровавые слезы, ибо стал ему ясен жестокий замысел Син, и он понял, что нет у них иного пути к спасению, чем этот, безжалостный, залитый кровью и полный смертей, усыпанный отрубленными головами.

— Я помогу тебе и на этот раз, — сказал Ниалл. — Ибо тот, кто раз пошел за тобой, уже не может вернуться и идет до конца. Я не хочу, чтобы ты стала женой ужасного Гарольда Лохланнаха, и мне кажется справедливым, что золото Клонмакферта вернется к монахам. И вот что еще я скажу тебе, Син: нет никого ни в мире людей, ни в мире сидов, кто бы так же бесстрашно, как ты, и так же мудро, решительно, жестоко и вдохновенно играл бы своей судьбой, и для кого жизнь и смерть были все равно что фигурки для игры в фидхелл. И едва ли я буду жалеть о том, что именно ты наложила на меня чары любви.

Глубокой ночью, когда все лохланнахи заснули, а храп великана Гарольда разносился на девять лиг вокруг, вынесли Ниалл и Син золото Клонмакферта из дома лохланнахов и отдали его отцу Патрику.

— Я исполнила свое обещание, — сказала Син. — Радуйся, святой отец!

— Знает ли Гарольд Лохланнах о том, что ты сделала? — спросил отец Патрик. — Не воспротивился ли он тому, что ты хочешь забрать его добычу?

— Он не воспротивился, — ответила хитрая Син. — И храп его, который ты слышишь, тому свидетельство.

Наутро обнаружил Гарольд Лохланнах пропажу, и заревел он страшным, воинственным голосом, и сказал:

— Где мое золото? Где мое золото?

— У монахов оно, — сказала жестокая Син. — Пойди и взгляни.

Прокричал тогда Гарольд Лохланнах боевой клич, и собралось вокруг него все его войско, трижды девять могучих мужей.

Ниалл, сын Фебала, взял свой щит и славный меч Риальтах, и пошел на зов Гарольда, ибо хотел он честно исполнить свой долг, как ни горько ему было сражаться против святых монахов, бывших своих братьев.

— Постой, Ниалл, — сказала Син. — Прошу тебя, не иди в эту битву.

— Как же могу я не идти в эту битву, если обещал я верно служить Гарольду Лохланнаху?

— Ты уже обманул его, украв золото, и еще хуже обманешь, взяв меня в жены. Не прибавит тебе бесчестья третий обман! К тому же обещал ты идти за мной до конца, и пора уже выбрать, кто тебе дороже: я или Гарольд.

— О, горе мне! — воскликнул Ниалл. — Поистине, руки мои опускаются, и ноги подгибаются из-за этого ужасного и гибельного положения, в которое мы попали, о Син!

— Ты помог мне исполнить первую клятву, и чует мое сердце, что скоро я освобожусь и от второй. Но чем бы ни кончилась эта битва, о мой верный Ниалл, победитель не простит мне того, что я сделала, будь то монахи или лохланнахи, ведь правда неизбежно станет им известна. Похоже, на всех дорогах нас ждет смерть, о Ниалл!

— Одно нам остается, о Син, любезная моему сердцу: бежать в лес и скрываться там до последней возможности.

— Я согласна бежать с тобой, — сказала Син. — Хотя смерть поджидает нас и на этой тропе.

И еще Син сказала так:

*Три обещания дала я.
Имела б три жизни — всех бы лишилась,
Каждое обещание стоит жизни.
Одно уж исполнено — слову верна я,
Но Патрика радость недолгою будет.
От второго избавлюсь: коварная клятва
Кровью и пиром волков обернется.
Лишь третье исполню по велению сердца,
С тем, кто сердцу мил, уйду я в лес.
В неведомый край, на Остров Блаженства,
Навстречу смерти уйду я в лес.*

Услышал эти слова Аэд, сын Ройга, и воскликнул он:

— Позвольте мне пойти с вами, о друг мой Ниалл, и ты, прекрасная Син! Каждый из вас мне дороже жизни, и я не оставлю вас, что бы ни случилось, до самого конца.

— Благодарю тебя, мой добрый, отважный Аэд! — сказал Ниалл. — Мы с радостью примем твою помощь.

Побежали они втроем и скрылись в лесу в тот миг, когда сошлись у реки войска лохланнахов и монахов и началась там кровавая битва.

Два дня шли по лесу Син, Ниалл и Аэд, и по ночам мягкая трава служила им постелью, а небо крышей. И не было в жизни Ниалла ничего счастливее двух этих коротких дней. Сказала Син:

— Поистине, я нашла то, что искала. И не зря я так рвалась на запад, поверив твоим песням, о Ниалл. Не Страной Белых Людей назову я эту землю, а Страной Исполнения Желаний, ибо здесь я сумела добиться того, чего хотела, и оказалась сильнее своей судьбы.

На третий день разбудил Аэд Ниалла и Син до зари и сказал:

— Вставайте скорее, ибо я слышу погоню.

— Должно быть, в той битве монахи одержали верх, — сказала Син. — И пустили по нашему следу своих друзей — туземцев.

— Бежим! — сказал Аэд.

Тут из-за деревьев показались длинноносые, краснокожие воины, одетые в перья, и было их несметное множество.

— Встань поодаль, о Син, — сказал Ниалл. — А мы с Аэдом встретим этих воинов, как велит нам наш долг.

Туземцы напали на Ниалла и Аэда подобно стае разъяренных

псов, и огласился весь лес топотом ног, громом оружия и боевыми криками. Ниалл и Аэд встали спиной к спине, так что враги не могли к ним подступиться, и защищались умело и отважно, как подобает героям. Каждый из них убил по девять врагов. Тогда один из туземцев метнул камень, а другой выстрелил из лука, и попал камень в голову храброго Аэда, а стрела пронзила ему грудь. Сказал Аэд:

— Вот и пришла моя смерть, о друг мой Ниалл.

Обернулся Аэд к Син и сказал:

— Прости меня, Син, что не смогу я больше сопровождать вас, ибо путь мой уже завершен.

Упал храбрый, могучий, верный, молчаливый Аэд, и умер у ног Ниалла.

Грозно обрушился тогда Ниалл на врагов, мстя за возлюбленного друга. Еще девятых он поразил насмерть, а остальные разбежались, убоявшись его гнева.

Ниалл и Син похоронили Аэда и оплакали его могилу кровавыми слезами, и пошли дальше вдвоем. Шли они теперь медленно, ибо Ниалл в той битве был ранен трижды, и, когда он шел, на траве за ним оставался кровавый след. Прекрасная Син помогала ему идти и не давала упасть.

Так шли они до ночи, и остановились у ручья с прохладной водой. Син промыла раны Ниалла, и увидел Ниалл слезы на ее прекрасных щеках.

— Верно ли я понял, о Син, что раны мои смертельны?

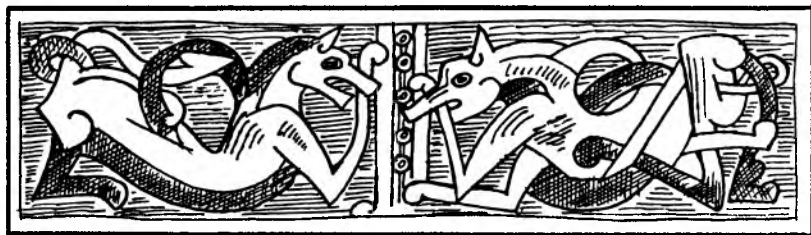
— Увы, мой друг! Горе...

Утром услышали...

Здесь я кончаю свою повесть, ибо...

(далее рунами на северном языке)

Волчий волос,
Змеиная кровь,
Зуб лошадиный
Псу Патрюгу!
Печень ему
Вырву живому —
Последняя клятва
Сигрун из Суннмёри.

ЗАПИСКИ ПАТРИКА О'КОННОРА

Подробный и обстоятельный отчет о том, как мы достигли страны, названной мною Большой Ирландией, вкупе с описанием страны, ее богатств и местных жителей, а также рассказ о действиях, предпринятых нами с целью последующего обращения туземцев в Христову веру, уже написаны мною и отправлены в Ирландию. Я надеюсь по возвращении снять копии с этих документов и присовокупить их к моим запискам, а посему не буду здесь повторяться и расскажу лишь о том, что не попало в отчеты, а именно о норвежских разбойниках и о судьбе золота Клонмакферта.

Вскоре по прибытии в Большую Ирландию, или Тир-на-Фер-Финн, я напомнил разбойнице Син о данном ею обещании, и спросил, скоро ли будут возвращены сокровища, а также когда я смогу получить тот таинственный прибавок к награде, о котором она упоминала. Син стала просить отсрочки, говоря, что сумеет уладить все не раньше весны.

Не скрою, что ее слова меня разгневали, и я сказал:

— Дочь моя, если через неделю золото Клонмакферта не будет возвращено, мы заберем его силой, а твоих соплеменников накажем со всей строгостью, как положено за грабежи, убийства и поджоги. Обстоятельства изменились, дочь моя. Мы больше не боимся твоих друзей, ибо туземцы на нашей стороне и в любой момент готовы прийти к нам на помощь.

Следует помнить, что слова эти были сказаны в гневе и не вполне соответствовали истине, ибо я отнюдь не был уверен в надежности туземцев и по-прежнему весьма опасался военной силы Гарольдиуса. Но на Син моя речь, очевидно, произвела должное впечатление.

— Будь по-вашему, святой отец, — сказала она. — Вы получите золото в ближайшие дни. Но не взыщите, если все пойдет не так гладко, как хотелось бы.

Я не придал тогда значения ее намекам, о чем теперь горько сожалею.

Я спросил ее, какой добавок к награде она собирается мне дать. Син ответила, что пока не хочет раскрывать эту тайну, но что я непременно получу его. Она повторила это дважды и особо отметила, что я самым наинепременнейшим образом получу добавок, но так и не сказала, какой.

Признаюсь, эти слова лишь усилили мое любопытство, и я вновь испытал то странное волнение, о котором говорил выше.

Через два дня Син и Ниалл, этот предатель, ушедший из монахов в разбойники, принесли мне чуть менее трети украденного золота, если быть точным, шестьдесят два кумала. Я поблагодарил Син и спросил, когда будет остальное.

— Скорее всего, сегодня же, — сказала она.

Прошло совсем немного времени — мы только успели пересчитать деньги, — как в дом ворвался Гарольдиус и, окинув нас бешеным взглядом, выбежал прочь. Тотчас же мы услышали его крик, которым он обычно звал свое войско на битву. Нетрудно было догадаться, что произошло: Син взяла золото без ведома Гарольдиуса и сказала ему, что сокровища украли монахи. Я до сих пор не могу понять, почему сразу не разгадал ее козней, ведь все было так ясно. Должно быть, эта женщина действительно обладает колдовской силой.

Я выбежал вслед за Гарольдиусом и попытался объяснить ему, что в действительности произошло, но тщетно. Гнев лишил его рассудка, и он даже не услышал меня.

Пока Гарольдиус собирал и строил свое войско, один из братьев монахов уже мчался со всех ног к туземцам, чтобы позвать их на помощь. Ведь мы предвидели, что мир с норвежцами может оказаться непрочным, и, как могли, подготовились к этому.

Разбойники напали на нас очень яростно, и нам поначалу пришлось туго. Гарольдиус все время норовил добраться до меня. Наконец ему это удалось. Спасая свою жизнь, я поведал ему о нашем уговоре с Син и о том, что золото нам принесла она.

— Ах ты подлый обманщик! — вскричал Гарольдиус. — Сейчас я с тобой разделаюсь, презренный поп!

Тут, на мое счастье, из лесу послышались крики туземцев, спешащих нам на помощь. Гарольдиус замешкался, и я, улучив момент, ловко ударил его кинжалом в грудь. Однако разбойник оказался на редкость силен: хоть я и поразил его в самое сердце, он сумел перед смертью ударить меня мечом, нанеся жесточайшую рану. Моя левая рука повисла на лоскуте; впоследствии брат Кумайл, умелый лекарь, не смог ее спасти, и руку пришлось отнять.

Я сразу лишился чувств, а когда очнулся, битва уже закончилась. Туземцы с нашей помощью перебили всех разбойников, кроме восьмерых, удравших на корабле. Золото, благодарение Господу, хранилось у разбойников не на корабле, а в доме. Хоть и дорогой ценой, но мы получили его назад. Надеюсь, что эти деньги дадут возможность святой церкви надежно утвердиться в Большой Ирландии.

Вскоре после битвы обнаружилось одно досадное обстоятельство, огорчившее меня едва ли не больше, чем потеря руки. Среди убитых разбойников не оказалось Ниалла, Аэда и Син. Не видели их также и среди тех, кто уплыл на корабле. Это означало, что три опаснейших мерзавца скрываются где-то в лесу, возможно, совсем рядом, и продолжают замышлять против нас подлости. Мысли об этом мучили меня сильнее боли в руке, и я немедленно велел передать туземцам приметы беглецов и убедительную просьбу найти их и убить.

Уже на третий день мне принесли голову Аэда, а на четвертый я получил известие о смерти Ниалла. Таким образом, туземцы дважды настигали разбойников, и оба раза Син удавалось уйти. Вероятно, преследователи по простоте своей думали, что главное — расправиться с мужчинами, а женщина не представляет особой опасности. Увы, я не догадался во время объяснить им, что с этими тремя всё наоборот.

После битвы прошло уже четыре месяца, а Син до сих пор не поймана. Рана моя зажила, но я по-прежнему не могу спать спокойно. Более половины братьев уплыли на восток, в Ирландию, с вестями о новой стране и с деньгами для покупки необходимых товаров и кораблей. В Большой Ирландии со мной осталось двенадцать монахов. Мы днем и ночью несем караул, но кому как не мне знать, что Син способна пройти сквозь любые препятствия, особенно если пре-

пятствия эти суть живые люди. Подозреваю, что рано или поздно она объявится здесь, чтобы отомстить за убитых сородичей и за Ниалла, который, по-видимому, был ей особенно дорог. Стыдно признаться, но я боюсь этой женщины. Думаю, она с самого начала замышляла убить меня и именно это имела в виду, обещая дать мне нечто вдобавок к золоту Клонмакферта. Кажется, я наконец догадался, что это за добавок. Имя ему — смерть.

Временно оставляю свои записки. Последние строки я допишу, когда Син будет поймана и убита. Если же...

АЛЕКСАНДР И ЕЛЕНА
МАРКОВЫ

Сага о западных землях

ПРОЛОГ

Эта сага записана Сигфусом, сыном Гудбранда, монахом аббатства святого Олава в Рейкъярдале в Исландии в лето от Рождества Христова 1565. Сигфус взялся за этот труд вскоре после того, как славный наш мореплаватель Йон, прозванный Гренландцем, вернулся из своего путешествия. Йон побывал в Гренландии, куда вот уже более ста лет из-за льдов не мог пройти ни один корабль. Йон разведдал побережье от Заслон-горы до Медвежьих островов и нигде не нашел белых людей. Где раньше стояли дома поселенцев, теперь развалины, на месте пастбищ — лед и голые камни. На Херьольвовом мысу Йон нашел мертвого человека, обличем норманна, в изношенной одежде и высокой бургундской шапке. Росту тот человек был малого, чуть что не карлик, с кривыми ногами и большой головой. Йон решил, что это, наверно, последний гренландец. Рядом с ним лежал железный нож с костяной ручкой, до того сточенный, что и лезвия-то почти не осталось. На том же мысу Йон отыскал среди развалин несколько старых кож с письменами. Кожи большею частью сгнили, и не везде можно было разобрать написанное. Йон отнес эти кожи на корабль и после передал Сигфусу.

Во время своего плавания Йон встретил множество узкоглазых, плосконосых язычников, которые раньше назывались скрелингами, а теперь именуются индейцами. Попадались среди них и бородатые люди со светлыми волосами. Это, должно быть, потомки белых женщин, которых скрелинги забирали в рабство. Кое-кто из скрелингов говорил на нашем языке, и от них Йон узнал многое о судьбе гренландских поселенцев.

Сигфус немало потрудился над обрывками кож с Херьольвова мыса, и ему удалось прочесть почти все, что там написано. Это оказались саги о древних временах. В одной из них говорится о мятежнике Эрлинге, который двести зим назад подчинил себе Гренландию, прогнал епископа и утвердил в стране старую веру. В другой саге рассказано об Эйрике Рыжем, первооткрывателе Гренландии, и его детях, которые плавали в Виноградную Страну. Лейв, сын Эйрика, открыл Виноградную Страну в лето 1003 от Рождества Христова. Недавно она была заново открыта южанами и теперь называется Америкой.

Эта гренландская сага об Эйрике более подробна, чем та, что сохранилась у нас в Исландии. Сигфус считает, что она также более правдива, потому что во всем совпадает с рассказами бородатых скрелингов.

Люди недаленовидные скажут, что сейчас не время составлять саги. В Исландии, мол, наступили темные времена: голод, нищета и болезни. Людям едва хватает сил, чтобы выжить, и никому нет дела до книг. Отчасти это верно. Страна наша раньше была богаче и лесом, и пастбищами, и рыбой, да и зимы не были такими суровыми. Однако главная беда не в том, что мы потеряли свои богатства, а в том, что у нас больше не рождаются люди, подобные Эйрику и другим героям давних времен. Всего-то и осталось у нас хорошего, что старые книги; и в них, быть может, наша судьба и последняя надежда. Стариков уж не переделать, но молодые, если захотят быть похожими на предков, глядишь, и вернут стране былое богатство и славу.

Если же этого не случится, нас может постигнуть судьба гренландцев. Вот почему Сигфус, сын Гудбранда, решил составить эту новую сагу об Эйрике Рыжем и его детях и об их плаваниях в Западные Земли. Пусть люди прочтут ее и увидят, какими достойными и отважными людьми были их прародители. Пусть они увидят также и

ошибки предков. Сигфус считает, что причины гибели гренландцев можно найти уже в тех давних временах, когда страна только начала заселяться.

Сигфус составил эту сагу по рассказам бородатых скрелингов, а многое переписал с тех кож, что передал ему Йон.

Ныне часто случается так, что молодые читают саги и не понимают, о чем там речь, да и старики не всегда могут помочь им. Поэтому Сигфус подробно разъяснил здесь все, что непонятно нынешним неучам, и то, что многими уже забыто.

I

Начинается эта сага с того, что правил Норвегией Хакон Могучий. Он был не королевского рода, но правил как конунг. По рождению Хакон был хладирским ярлом.

Жил в Норвегии человек по имени Торвальд. В молодости он ходил в викингские походы и стяжал себе большую славу. Нужно сказать, что викинги занимались разбоем и грабили корабли и селения в чужих странах. Это считалось самым достойным делом, и никто не видел здесь греха.

Торвальд всегда возвращался из походов с богатой добычей. Он отличался силой, выносливостью и гордым нравом. Жену Торвальда звали Хельга. У Торвальда и Хельги был сын по имени Эйрик, прозванный Рыжим. Эйрик с малых лет удивлял людей упрямством и своенравием. Только к советам отца он прислушивался, в остальном же всегда поступал по-своему.

Торвальд был щедр, часто давал пиры и богато одаривал своих гостей. Многие считали, что он живет не по средствам. К тому же Хельга не очень умело вела хозяйство. Год за годом, и усадьба Торвальда обеднела. Сам он был уже слишком стар, чтобы ходить в викингские походы.

Жил человек по имени Тьостольв. Он приходился Торвальду дальним родичем. Однажды Тьостольв собрался плыть на своем корабле на юг, в Данию и страну Саксов. Он хотел взять с собой Эйрика. Вот Торвальд зовет к себе Эйрика и говорит:

— Не хочешь ли ты отправиться в викингский поход с Тьостольвом, нашим родичем?

Эйрик сказал:

— Вряд ли мне найдется достойное место на корабле Тьостольва,

ведь я не вышел ростом. Да и добычи мне, думаю, достанется немного. Другое дело, будь у меня свой корабль.

И Эйрик остался в то лето дома.

Жил человек по имени Хаги. Он был дружинником Хакона ярла. Хаги владел обширными землями и богатой усадьбой. В его доме ни в чем не было недостатка.

Однажды Хаги созвал соседей на осенний пир. Торвальд и Эйрик тоже были приглашены. Накрыли длинный стол, стены завесили тканью, как полагалось к празднику. Гостям подали хорошее угощение. Эйрик выпил очень много браги. Он несколько раз выходил во двор. Вот Эйрик снова встал из-за стола и оперся рукой о стену. Хаги позвал своего работника, чтобы тот помог Эйрику. Но Эйрик оттолкнул этого работника и сказал:

— Обойдусь без твоей помощи!

Хаги сказал Торвальду:

— Не удивительно, что твой сын отказывается от помощи. Ведь он и сам не любит помогать кому-то, даже собственному отцу. Если бы он заботился о тебе так же рьяно, как пил за этим столом, ты мог бы устроить пир не хуже моего.

— Нечего кичиться своим богатством, — сказал Торвальд. — Ты не с оружием в руках добывал его. Ведь ты любимчик Хакона ярла и всем, что у тебя есть, обязан ему.

Хаги сказал:

— Что плохого, если ярл отблагодарил меня за верную службу. Твоего-то сына он не возьмет в дружинники, ведь всем известно, что Эйрик испугался пойти в поход с Тьостольвом.

Торвальд промолчал. Тогда многие гости стали насмехаться над Торвальдом и Эйриком. Эйрик сказал:

— Видно, из меня и впрямь плохой помощник. И все же я готов сделать то, на что у отца не хватает духа. Ты, Хаги, расскажешь о моей трусости ярлу, если доживешь до завтра.

С этими словами Эйрик вынимает меч и убивает Хаги. Затем Эйрик и Торвальд побежали к выходу. Два родича Хаги, Бьярни и Торд, бросились на них с оружием. Торвальд ударил Бьярни мечом и разрубил его пополам, а Эйрик расправился с Тордом. После этого Эйрик и Торвальд вернулись в свою усадьбу.

Люди много говорили об этих убийствах, и все сходились на том,

что недолго теперь отцу и сыну оставаться в живых. Хельга, жена Торвальда, сказала:

— Напрасно вы думаете, что стены нашего дома защитят вас от гнева ярла. Придется вам либо покинуть страну, либо погибнуть.

Торвальд и Эйрик согласились с ней и решили уехать из Норвегии, как только будет возможно. Торвальд сказал, что намерен поехать в Исландию, «потому что там нет ни конунгов, ни ярлов, и каждый сам себе господин». В ту осень было уже поздно выходить в море. Торвальд отправился просить своих родичей и друзей, чтобы те помогли ему продержаться зиму. Почти все отказали ему в поддержке, потому что мало кому хотелось становиться врагом ярла. Согласились поехать с Торвальдом только два его друга, Альгольв и Гейр. Всего в усадьбе Торвальда собралось 25 человек, способных носить оружие. Начало зимы прошло спокойно. Ударили сильные морозы. Эйрик сказал:

— Похоже, наши враги боятся, что их злость остынет, едва они выйдут из дому.

Накануне праздника середины зимы люди Торвальда заметили множество вооруженных людей. Они шли на лыжах прямо к главному строению. Торвальд сказал:

— Это люди Хакона ярла. Их вдвое больше, чем нас. Поспешим в дом и будем защищаться, пока сможем.

Они укрылись в доме и принялись бросать копья в нападавших. Дружинники подбежали к дому. Торвальд и Эйрик тогда встали по обе стороны двери. Они хотели первыми встретить врагов. Вот засов не выдержал и первый дружинник вбежал в дом. Эйрик бросился на него и зарубил, едва тот переступил порог. Следом ворвались сразу несколько человек. Началась битва. Люди Торвальда храбро защищались. Гейр убил двоих врагов, Альгольв — четверых. Эйрик зарубил троих дружинников, и среди них Кетиля Старого, приближенного ярла. Люди ярла нападали с большим упорством. Вскоре Альгольв и Гейр были убиты, и с ними еще пятеро защитников дома. Торвальда ранили в правую руку: ему отрубили кисть. Тогда Эйрик сказал отцу:

— Нужно бежать отсюда. Терять нам нечего: нас и так уже обвиняют в трусости, и если мы погибнем здесь, это дела не изменит. А оставшись в живых, мы сумеем рассчитаться с обидчиками.

— Не по душе мне это, — сказал Торвальд. — Но, видно, ничего другого не остается. Ведь я ранен и не могу больше сражаться.

Они выбежали из главного зала через пристройку во двор, надели лыжи и ушли в лес. Была сильная пурга, и ветер замел их следы.

Ярловы дружинники убили всех мужчин в усадьбе и разграбили дом. Они оставались там весь следующий день, надеясь, что Торвальд и Эйрик вернутся. Потом они забрали все добро и ушли.

Торвальд с сыном шли всю ночь и наутро добрались до усадьбы Альгольва в Гудбрандсдале. В доме там остались только женщины, а все мужчины и сам Альгольв погибли, защищая усадьбу Торвальда. Торвальд идет к Грелед, дочери Альгольва, и рассказывает ей о том, что случилось. Потом он просит укрыть их до весны, когда они смогут покинуть страну.

— Оставайтесь у меня, — сказала Грелед, — и будь что будет. У нас теперь одна судьба, ведь кроме вас, некому отомстить за моего отца.

Торвальд и Эйрик прятались у Грелед до весны. У Альгольва был боевой корабль. Он стоял в Согнефьорде. Как только сошел лед, Торвальд стал просить Грелед одолжить ему этот корабль.

— Если ты согласишься, то скоро, возможно, мы сумеем наконец-то отблагодарить тебя, как подобает.

— Не сомневаюсь в этом, — сказала Грелед. — Я дарю тебе корабль, Торвальд, с тем условием, что ты не откажешь мне и моим домочадцам в месте на этом корабле, когда поплывешь в Исландию. Ведь ярл, говорят, уже проведаль, где вы прячетесь, и он не склонен миловать своих врагов.

Эйрик, и с ним 16 человек, тотчас же поехали в Согнефьорд, вошли на корабль и поплыли к усадьбе Хаги. Торвальд остался дома, потому что не мог держать меч с тех пор, как потерял кисть правой руки. Эйрик достиг дома Хаги вечером, когда уже стемнело. Викинги сошли на берег и направились к дому. Эйрик встал у двери. Какой-то человек вышел во двор, и Эйрик ударил его мечом. Тот сразу умер, не успев вскрикнуть. Спустя недолгое время другой работник вышел из дому, и его постигла та же участь. Но этот работник громко закричал перед тем как умереть. Тогда из дома выбежало сразу много народу. Большинство были безоружны, потому что в доме Хаги не ожидали нападения. Викинги убили их всех, а потом

ворвались в дом. Они перебили всех мужчин и взяли богатую добычу. Затем они сожгли дом и вернулись на корабль.

Эйрик и его люди благополучно достигли Согнефьорда и оттуда верхом направились к усадьбе Альгольва. Торвальд сказал:

— Теперь мы смыли пятно со своей чести, и нет больше причин откладывать отъезд.

Они спешно снарядили корабль для дальнего плавания, и уже через пять дней вышли в море. Грелёд поехала с ними, как и хотела. Торвальд и Эйрик в благодарность за поддержку отдали ей половину добычи.

II

Они пробыли в море сорок дней и благополучно достигли Исландии. У Рогового побережья они бросили якорь и сошли на берег. Неподалеку от места, где они высадились, находился двор Орма, сына Эйвинда. Орм был годи, а это значит — староста и к тому же языческий жрец. В то время и в Исландии, и в Норвегии все были язычниками. У Орма было капище, и там стояли идолы: деревянные фигуры Одина, Тора и других богов. Орм часто приносил им жертвы, хотя многие уже тогда считали, что это глупость — верить в богов.

Орм вышел навстречу Торвальду и Эйрику и спросил, кто они и откуда прибыли. Те назвали.

— Мы хотим здесь поселиться, — сказал Торвальд. — Тесновато нам стало в одной стране с Хаконом ярлом.

— Это нетрудно устроить, — сказал Орм. — И вряд ли вам придется жалеть о своем решении.

— Я тоже так думаю, — сказал Торвальд. — Если правда все то, что рассказывают об Исландии.

Орм сказал, что поможет им найти жилье.

— А пока вы можете погостить у меня.

Тогда Эйрик сказал:

— Едва ли нам понадобится чья-то помощь. У нас хватит денег, чтобы купить столько земли, сколько нам нужно.

Орм сказал:

— Делайте как хотите. Но от ваших денег будет мало проку, если вы станете зазнаваться и не заручитесь поддержкой влиятельных людей.

— Это мы еще посмотрим, — сказал Эйрик. — К тому же у нас

есть кое-что посильнее денег, и наши враги в Норвегии уже убедились в этом.

Орм вернулся к себе и был весьма сердит. Его жена Торгерд спросила, что это его так разгневало. Орм сказал:

— Сюда приехали два викинга, и вид у них такой, словно они собираются захватить страну. Похоже, это новое соедство не сулит нам ничего хорошего. И вряд ли мы станем долго терпеть их выходки.

Торвальд и Эйрик купили на Роговом побережье хутор, который назывался Скалы, и поселились там. Надо сказать, что в то время дома в Исландии строили не так, как теперь. Главное строение в Скалах было длиною в шестьдесят сажен, а шириною в восемь. Длинные стены там были земляные, а короткие — из бревен. Крыша была двускатная, крытая дерном, а потолка не было вовсе. Вдоль стен шли деревянные скамьи и спальные ниши, а посередине — очаг длиною в четыре сажени и большие земляные печи. В них варили пищу. К главному дому были пристроены хлевы для скота и светелка, где жили незамужние девушки.

Эйрик взял на себя все заботы по хозяйству. Дела у него быстро пошли в гору, так что пришлось нанять еще десять работников к тем пятнадцати рабам, которые у них были. Эйрик держался гордо и независимо и не держал дружбы ни с кем из соседей.

Однажды зимой Торвальд заболел. Он целыми днями лежал на лавке и не мог подняться. Вот Торвальд почувствовал приближение смерти и велел позвать Эйрика.

— Сын мой, — сказал Торвальд. — Уже третью зиму мы живем здесь в Исландии, и дела у нас как будто идут хорошо. Почему же ты все время мрачен и зол и сторонись людей? По-моему, никто здесь не мешает тебе жить, как ты хочешь. Люди не лгали, когда говорили, что в Исландии нет другого конунга, кроме закона.

— По мне, так и этого многовато, — сказал Эйрик.

— Чего же ты хочешь?

— Не знаю, — говорит Эйрик. — Но порой мне бывает жаль, что не рожден я конунгом.

— Ты слишком много хочешь, — говорит Торвальд. — Вот тебе мой совет: отправляйся на нашем корабле в викингский поход. Я не вижу иного способа утолить твою злобу. Заодно ты сможешь добыть себе славу и богатство.

— Что проку в богатстве, — говорит Эйрик, — если не можешь распорядиться им, как считаешь нужным. К тому же, по-моему, викингские походы — на такое уж славное дело. Нынче много всякого сброда можно встретить в море.

Торвальд помолчал и немного погодя сказал:

— Мне не всегда было просто понять тебя, Эйрик, вот и сейчас я не знаю, что у тебя на уме. И все же я хочу, чтобы ты выполнил мою последнюю волю. Ты должен жениться на достойной женщине, и лучше всего, если это будет исландка из знатного рода. И я хочу, чтобы ты поклялся мне не затевать распрей ни с кем в этой стране, если, конечно, тебя не вынудят обстоятельства.

Эйрик обещал исполнить волю отца. Вскоре Торвальд умер. Эйрик похоронил его с великими почестями и насыпал над ним курган, как полагалось у язычников.

Весной Эйрик поехал в Хаукадаль — Ястребиную долину — и посватался к Тьодхильд, дочери Ёрунда. Тьодхильд была хороша собой, но своенравна и несговорчива. Они сыграли свадьбу той же весной в Ястребиной долине. Потом Эйрик и Тьодхильд поехали в Скалы.

Эйрик захотел пристроить к дому светлицу для Тьодхильд, но у него не было леса. Тогда он пошел к Орму, сыну Эйвинда и сказал, что хочет купить у него половину холма к западу от Скал. Этот холм принадлежал Орму. В то время там росли березы и ели. Теперь там пустошь.

— Я не хочу продавать землю, — сказал Орм. — Но могу продать бревен, сколько тебе нужно.

Эйрик настаивал на своем и сулил Орму большие деньги, но тот не соглашался. Тогда Эйрик сказал:

— Ты, верно, думаешь, что я так и буду бегать к тебе всякий раз, как только мне понадобится пара досок. Но ты этого не дождешься.

— Не понимаю, чем тебе не нравится мое предложение, — сказал Орм.

— Не удивительно, — сказал Эйрик. — Я от многих слышал, что меня трудно понять. Тогда ты, должно быть, не поймешь и того, что я скажу сейчас.

— Ну и что же ты скажешь?

— А то, что тебе следует поблагодарить моего отца Торвальда: ты обязан ему больше, чем кому-либо другому.

Потом Эйрик вернулся к себе в Скалы и был в большом гневе.

— Собирайтесь, — сказал он своим людям. — Я не намерен больше оставаться здесь на Роговом побережье.

Никто не смел ему перечить, потому что его очень боялись. Тем же летом Эйрик продает усадьбу и перебирается на юг, в Ястребиную долину. Там он расчищает незанятый участок земли возле Озерного Рога и строит двор. Своему новому жилью он дает название Эйрикова усадьба. Эйрик и здесь ведет себя заносчиво, не желает ни с кем знаться и все делает по-своему. Скоро пошли у него нелады с соседями, а особенно с Вальтьовом из Вальтьового двора и с Храфном Драчуном из Двора игрищ.

Эйрик сдружился с Торбьёрном, сыном Вивиля. Торбьёрн жил на Купальном Склоне. Он был годи, жил на широкую ногу и слыл очень щедрым человеком. Нрав у Торбьёрна был такой же гордый и неуступчивый, как у Эйрика. Люди говорили, что это их и сблизило.

На вторую зиму после того, как Эйрик переселился в Ястребиную долину, Тьодхильд родила сына. Его назвали Лейвом. Мальчик рос крепким и сообразительным.

У Эйрика были два раба-ирландца, Кьяртан и Бран. Они пасли овец. Однажды три овцы потерялись, и пастухи поехали верхом их разыскивать. Вот они поднимаются на обрыв, что возвышался над усадьбой Вальтьова. Они видят внизу каких-то овец, и им кажется, что это те самые, которых они ищут. Кьяртан и Бран спускаются к Вальтьовому двору. Здесь они теряют овец из вида. Пастухи выезжают на ячменное поле Вальтьова, рыщут там повсюду и топчут посеы. Вальтьов видит это и говорит своим работникам:

— Глядите, вон скачут люди Эйрика Рыжего. Поедем и проучим их хорошенько, чтоб неповадно было впредь топтать мои поля.

В то время у Вальтьова гостил Храфн Драчун. Он сказал:

— Давно пора это сделать, и сейчас как раз подходящий случай.

Они садятся на коней, всего семь человек, и скачут к ирландцам. Те пускаются наутек, но их настигают, и Вальтьов сшибает обоих на землю древком копыя. Потом Вальтьов, Храфн и их люди избили эйриковых рабов и привязали их, окровавленных и едва живых, к лошадям лицами назад. Лошади пришли домой в Эйрикову усадьбу, а ирландцы так и сидели на них, пока их не отвязали.

— Вот так штука, — сказал Эйрик. — Кто же это вас так отделал?

Узнав о случившемся, Эйрик сказал:

— Я поклялся не связываться в распри, пока возможно. Поэтому я не стану мстить вашим обидчикам. Да я и сам поступил бы так же, будь я на месте Вальтьова. Но я считаю, что только тот достоин называться мужчиной, кто умеет постоять за себя. Решайте сами, что вам теперь делать.

Некоторое время все было спокойно. Вальтьов и Храфн поначалу опасались мести и были настороже. Вот подошло время вызовов в суд. Люди ожидали, что Эйрик начнет тяжбу против соседей, но Эйрик не сделал этого. Он даже не поехал на альтинг. Надо сказать, что в то время на альтинг съезжались многие знатные люди и простые бонды со всей Исландии. Там принимались законы и разбирались тяжбы, и не было в стране другой власти, кроме этого всенародного собрания.

Вальтьов и Храфн увидели, что Эйрика нет на тинге. Тогда они совсем расхрабрились. Храфн был большим болтуном. Он заходил в землянки, что во множестве стояли на поле тинга, и всем своим родичам и друзьям рассказывал, как они с Вальтьовом «укротили Эйрика Рыжего».

— Теперь-то он перестанет задаваться, — говорил Храфн. — Вот, даже не решился приехать на тинг, видно, со стыда не хочет никому попадаться на глаза. Есть такие люди: строят из себя героев и кричат больше всех, пока кругом тихо, а как дойдет до дела — их и след простыл.

Торбьёрн с Купального склона услышал эти речи и после тинга поехал напрямик к Эйрику и рассказал ему обо всем, что там говорил Храфн. Эйрик усмехнулся и сказал:

— Плохо мое дело. Так недолго и трусом прослыть, — и велел позвать Кьяртана и Брана.

— Не пойму, что вы за люди такие, — сказал Эйрик своим рабам, — что позволяете избивать себя и даже не думаете возвращать долги. Поезжайте немедленно к Вальтьову и поступите с ним, как считаете нужным.

Ирландцев не пришлось долго упрашивать. Они тотчас же сядутся на коней и едут к Вальтьовову двору. Они поднимаются на гору и устраивают обвал на усадьбу Вальтьова. Огромные камни с грохотом летят в долину и пробивают в трех местах стену главного

дома. Дом обрушивается, и под обломками погибают сам Вальтьов и многие из его людей. А Кьяртан и Бран возвращаются в Эйрикову усадьбу. Эйрик сказал:

— Давно бы так.

И обещал дать им обоим вольную после сенокоса.

Жил в Ястребиной долине человек по имени Эйольв, по прозвищу Дерьмо. Его стали звать так с тех пор, как один сосед пришел требовать с него уплаты долга, а он спрятался в отхожем месте, со страху не посмотрел, куда ступает, и встал на подгнившую доску. Эйольв приходился родичем Вальтьову. Двор Эйольва и Двор Игриш, где жил Храфн Драчун, стояли ограда к ограде. Вот Эйольв узнает о случившемся и спешит к Храфну за советом.

— Как ты думаешь, сосед, — говорит Эйольв, — сам собой случился этот обвал, или тут не обошлось без злого умысла?

— Сам собой только пол в отхожем месте проваливается, — говорит Храфн. — А на том склоне камни всегда держались крепко. Обвал устроил Эйрик Рыжий или его рабы. И я первый назову тебя трусом, если ты не отомстишь за родича.

— Не лучше ли начать тяжбу против Эйрика и обвинить его в убийстве?

— Не выйдет, — отвечает Храфн. — Ведь для этого нужны свидетели.

— Тогда, может быть, ты захочешь поехать со мной? Один я едва ли одолею Эйрика. Народу у него много, да и сам он, говорят, силен, как бык, хоть и не вышел ростом.

— Этого еще не хватало, — говорит Храфн. — Чего ради я стану впутываться в это дело? Убит твой родич, а не мой.

— Не так уж ты отважен, как про тебя рассказывают, — говорит Эйольв. — Но я не стану долго тебя упрашивать. Поеду один, и будь что будет.

Он уходит от Храфна, и руки у него дрожат, и он все время держит пряжку у себя на плаще.

На другой день Эйольв берет меч, копье и щит и скачет на восток, к усадьбе Эйрика. С ним едут восемь его людей. Вот они приезжают на луг, где рабы Эйрика пасли овец. Там были Кьяртан, Бран и еще двое работников. Эйольв скачет прямо к ним, громко кричит и машет копьем.

— Вот она, наша вольная, — говорит Кьяртан Брану. — Ловко же наш хозяин умеет загребать жар чужими руками.

Эйольв пронзил Брана копьем, а его люди зарубили Кьяртана. Два других пастуха убежали.

— Повезло нам, — сказал Эйольв. — Отомстили за Вальтьова и не получили даже ни одной раны.

— По-твоему, это достаточная месть? — спросил один из работников. — За такого знатного человека, как Вальтьов, следовало убить кого-то поважнее, чем эти два раба.

— Нет уж, — сказал Эйольв. — Кто мудр, должен знать меру. Едем домой, да поживее.

Они направились сначала в соседнюю усадьбу и объявили о совершенном убийстве. В то время считалось недостойным, совершив убийство, не объявить о нем. Такое убийство называлось тайным умерщвлением. Затем Эйольв вернулся в свою усадьбу.

Пастухи прибежали к Эйрику и рассказали о том, что случилось.

— Это меняет дело, — сказал Эйрик, — теперь я свободен от клятвы.

И он идет в чулан, где хранилось оружие, и берет меч и копье. Потом он надевает синий плащ с большой медной застежкой на груди и направляется к выходу.

— Куда это ты собрался? — спрашивает Тьодхильд.

— К Эйольву, куда же еще, — отвечает Эйрик.

— Не стоит этого делать. Ты и так уже нажил много врагов.

— И еще больше дал поводов для насмешек, когда оставлял безнаказанными обиды, которые мне наносили. Хватит с меня. Я еду, и немедленно.

— Сколько человек ты возьмешь с собой?

— Не потащу я много народу к Эйольву Дерьмо. Поеду один.

Но женщины настояли, чтобы он взял хотя бы одного работника.

— Да помогут тебе боги, — сказала Грелёд, дочь Альгольва.

— Спасибо на добром слове, — сказал Эйрик. — Надеюсь, мне не понадобится ничья помощь.

Эйрик и его работник по имени Коль сели на коней и поехали к усадьбе Эйольва. У самого дома они спешились. Эйрик постучал в дверь древком копья. Из дому вышел Эйольв с секирой в руках. Уви-

дев Эйрика, Эйольв бросился обратно и попытался закрыть дверь. Но Эйрик удержал дверь ногой и вошел в дом.

— Что-то ты дрожишь, Эйольв. Видно, жалеешь, что тебя выловили из нужника, когда ты провалился туда десять зим назад. Ну, да я в том не виноват. Уж я бы точно не подал тебе руки.

С этими словами Эйрик рубит Эйольва мечом по шее так, что голова слетела с плеч. Тут подбегают работники Эйольва, но не решаются напасть. Эйрик выходит во двор, и они с Колем садятся на коней. Эйрик говорит громко, так, чтобы его слышали в доме:

— Я, Эйрик, сын Торвальда, объявляю об убийстве Эйольва, сына Хамунда. Я объявляю об этом по закону, в день убийства, так, что меня слышат.

Эйрик едет на восток, и вскоре видит под холмом усадьбу Храфна Драчуна. Она называлась Двор Игрищ, потому что там каждую зиму играли в мяч на льду тростникового озера. Эйрик остановил коня и некоторое время сидел молча. Потом он сказал:

— Теперь поздно поворачивать. Все равно этого не избежать, так лучше сделаем это сейчас, чтобы два раза не ездить.

И он поскакал вниз, к дому Храфна. Он увидел каких-то женщин и спросил, дома ли хозяин. Те сказали, что Храфн косит сено с пятью работниками.

— Тем хуже для него, — сказал Эйрик.

Он поехал на луг, разыскал Храфна и крикнул ему:

— Бросай-ка косу и бери оружие, да поживее!

— Ты, видать, совсем сдурел, Эйрик, — сказал Храфн. — Что это тебе взбрело в голову? Мы, кажется, не враждуем.

— Ты называл меня на альтинге трусливым рыжим недоростком. Теперь у тебя есть возможность проверить это на деле. Посмотрим, хватит ли у меня роста, чтобы дотянуться до тебя острием копья.

— Вранье, — сказал Храфн. — Не говорил я этого. Впрочем, раз ты сам награждаешь себя такими прозвищами, то я, пожалуй, не стану спорить. И если вам так хочется поскорее сдохнуть, что вы нападаете вдвоем на шестерых, то я и тут не буду возражать.

Храфн взял меч и прикрылся щитом. Его работники тоже вооружились. Эйрик метнул в Храфна копье. Острие пробило щит, вонзилось Храфну в глаз и вышло из затылка. Храфн умер на месте. Тогда

Эйрик бросился на людей Храфна с мечом. Коль от него не отставал, и они ранили двоих, а остальных обратили в бегство.

— Хватит на сегодня, — сказал Эйрик.

В соседнем дворе он объявил об убийстве. После этого они с Колем вернулись в Эйрикову усадьбу.

У Эйольва Дерьмо был брат по имени Гейрстейн. Его хутор назывался Пески. Гейрстейна считали большим знатоком законов. Когда Гейрстейн узнал об убийстве Эйольва, он сказал:

— Теперь-то Эйрик не уйдет от ответа, как в тот раз, когда он устроил обвал на Вальтьеровов двор. Я начну тяжбу против него и добьюсь, что его объявят вне закона и изгонят из страны. И уж я постараюсь не ударить в грязь лицом, потому что дело тут верное.

Гейрстейн тотчас же начал тяжбу. Он созвал девятих соседей места убийства и двух свидетелей. Он назвал их всех по именам и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я обвиняю Эйрика, сына Торвальда, в том, что он незаконно первым напал на Эйольва, сына Хамунда, и нанес ему рану, которая оказалась смертельной и от которой Эйольв умер. Я объявляю об этом при девяти соседях места убийства и объявляю по закону.

Гейрстейн повторил это дважды, как тогда полагалось. Потом он снова назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я требую, чтобы все эти девятёро соседей места убийства поехали на альтинг и засвидетельствовали, что Эйрик, сын Торвальда, первым незаконно напал на Эйольва, сына Хамунда, и нанес Эйольву рану, которая оказалась смертельной и от которой Эйольв умер. Я требую, чтобы вы сказали все, что сказать вас обязывает закон, что я потребую от вас на суде и что относится к этому делу. Я требую этого от вас по закону, так что вы сами слышите.

И это он тоже повторил дважды.

Эйрик узнал, что Гейрстейн начал против него тяжбу, и сказал Тьодхильд:

— Найдется ли кто-нибудь среди твоих родичей, кто согласился бы оказать мне поддержку в этом деле? Сам я не слишком хорошо разбираюсь в законах и не смогу вести защиту.

— Нечего рассчитывать на помощь моих родичей. Случилось то,

о чем я тебя предупреждала. Сам теперь и выпутывайся. Не думаю, чтобы многие согласились помогать тебе, ведь ты ни с кем не желал знаться. К тому же, после того, что ты совершил, нет никакой надежды на благополучный исход дела.

— Я не часто обращался к тебе за помощью, — сказал Эйрик. — И, как теперь вижу, правильно делал.

Тогда Грелёд сказала:

— Обратись к Торбьёрну, сыну Вивилия. Он не откажет тебе в поддержке. Человек он мудрый и уважаемый, и вряд ли кто-то лучше него знает законы.

— Это хороший совет, — сказал Эйрик. — Так я и сделаю.

Тьодхильд сказала:

— Запомни, Грелёд, если Эйрика изгонят, ты тоже здесь не останешься. Мне надоело, что ты все время лезешь не в свое дело и держишься так, как будто хозяйка здесь ты, а не я.

— Конечно, я не останусь, — ответила Грелёд. — Уж в этом ты можешь быть уверена.

Эйрик поехал на Купальный Склон к Торбьёрну и рассказал о случившемся.

— Дела мои, похоже, плохи. Я не знаю законов и не смогу вести тяжбу. Я всегда стремился к тому, чтобы самому выбирать законы, по которым мне жить. Теперь-то я вижу, что из этого ничего не выйдет, пока я живу в Исландии. А податься отсюда мне некуда, и придется, видно, считаться с тем, что здесь принято.

И он попросил Торбьёрна о поддержке.

— Согласен, — сказал Торбьёрн. — Я возьму на себя ведение тяжбы, потому что считаю, что твое дело правое. Но это дорого нам обойдется, и не следует особо рассчитывать на успех.

Эйрик поблагодарил Торбьёрна, как умел, и вернулся домой. Вот подошло время альтинга, и Эйрик с Торбьёрном поехали на поле тинга. Тогда у каждого рода была на поле тинга своя палатка, а вернее сказать землянка: земляные стены, которые на время тинга покрывали сукном или кожами. У Эйрика не было своей землянки, и он стал жить в землянке Торбьёрна.

Вот тинг начался. На третий день Гейрстейн поднялся на Скалу Закона, назвал своих свидетелей и сказал, что обвиняет Эйрика в убийстве Эйольва, сына Хамунда. Затем он сказал так:

— Я говорю, что за это Эйрик должен быть объявлен вне закона и изгнан, и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Я говорю, что он должен лишиться всего добра, и половина его должна отойти мне, а другая половина — тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона.

Здесь нужно сказать, что Исландия была тогда поделена на четыре четверти: северную, восточную, южную и западную, и у каждой четверти был свой суд.

Гейрстейн говорил дальше и сказал:

— Я объявляю об этом суду южной четверти, в котором по закону должно рассматриваться это обвинение. Я объявляю об этом по закону. Я объявляю об этом со Скалы Закона, так, чтобы все слышали. Я объявляю, что Эйрик, сын Торвальда, должен быть судим этим летом и объявлен вне закона.

Люди нашли, что Гейрстейн говорил хорошо и складно. Вот пришло время, когда суды должны были разбирать дела. Гейрстейн назвал свидетелей и принес присягу. Потом он изложил свое дело суду. Затем он велел соседям занять свои места.

— Гейрстейн допустил ошибку, — сказал Торбьёрн Эйрику. — Ведь один из соседей, которых он назначил, находится с ним в троюродном родстве.

Торбьёрн выступил перед судом и сказал:

— Я отвожу этого человека из числа соседей, потому что он троюродный родственник Гейрстейна. Я отвожу его законным отводом, по установлениям альтинга и общенародным законам.

Потом Торбьёрн обратился к оставшимся восьмерым соседям и сказал:

— Вы должны быть справедливы к обеим сторонам. Вы должны объявить суду, что не можете вынести решения, потому что вас восемь, а должно быть девять.

Тут Гейрстейн приуныл, а люди стали говорить, что тяжба, похоже, проиграна.

Гейрстейн отправился в землянку своего родича Одди и спросил, не знает ли он, как спасти тяжбу.

— Это не так уж сложно, — сказал Одди. — Назови своих свидетелей и дай присягу в том, что большинство соседей назначены пра-

вильно. А за того, кого Торбьёрн отвел, тебе придется заплатить три марки серебра. Тогда, по закону, тяжба может продолжаться.

Гейрстейн сделал все, как сказал Одди. Тут уж приуныл Торбьёрн.

— Не иначе, как кто-то помог Гейрстейну, — сказал он. — Я уверен, что сам он не знал этого закона.

Эйрик спросил, есть ли у них еще возможность сорвать суд.

— Нет, — сказал Торбьёрн. — Но я постараюсь добиться более мягкого приговора. Однако будь готов к тому, что дешево отделаться не удастся.

— Это не так уж важно, — сказал Эйрик. — В любом случае, я сумею постоять за себя. Мне просто хотелось узнать, насколько это сложно — добиться справедливого решения.

Торбьёрн сказал:

— Мы с тобой не так понимаем справедливость, как большинство людей.

Тяжба между тем идет своим чередом. Свидетели принесли присягу и дали свои показания. Потом Гейрстейн выступил перед судом и сказал:

— Я требую, чтобы соседи, которых я вызвал для этой тяжбы против Эйрика, сына Торвальда, вынесли бы решение, виновен он или нет. Я требую этого по закону, на суде, так что все судьи слышат это.

Соседи выступили перед судом. Один из них произнес решение, а остальные подтвердили его. Вот что он сказал:

— Мы все принесли присягу, и вынесли решение, и были единодушны в своем решении. Мы выносим решение против Эйрика и объявляем, что он виновен в том, в чем его обвиняют. Мы выносим это решение в суде южной четверти, как этого потребовал от нас Гейрстейн.

— Так я и знал, что этим кончится, — сказал Эйрик. — Не стоило и надеяться на что-то другое. Однако Гейрстейну придется еще немало потрудиться, чтобы получить то, что он себе отсудит: мою жизнь и мое добро.

Нужно сказать, что в Исландии испокон веку не было никакого войска, и исполнять приговоры суда приходилось самим истцам. Впрочем, дела это не меняло: никто из объявленных вне закона не

умер своей смертью. Говорят, один человек по имени Греттир прожил вне закона девятнадцать зим, а другой, Гисли, — тринадцать, но и они в конце были убиты.

Торбьёрн сказал Эйрику:

— Еще не все потеряно. Ведь мне должны дать слово для защиты.

Вот Гейрстейн снова выступает перед судом и говорит так:

— Я предлагаю Торбьёрну, сыну Вивиля, которому Эйрик передал защиту своего дела, изложить свои возражения против того обвинения, которое предъявлено Эйрику, сыну Торвальда. Я предлагаю по закону, на суде, так что судьи слышат.

Торбьёрн встал и назвал своих свидетелей. А это были те два работника, что пасли тогда овец с Кьяртаном и Браном. Они были свободными людьми и могли выступить в суде. Торбьёрн сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я возражаю против обвинения, которое Гейрстейн предъявил Эйрику, сыну Торвальда. Я возражаю законным возражением, на том основании, что в тот день, когда Эйрик убил Эйольва, сына Хамунда, Эйольв поехал к Эйрику с враждебными намерениями, первым незаконно напал на его людей и убил двух рабов. Я требую, чтобы эти убийства были учтены судом. Я требую, чтобы из наказания, полагающегося Эйрику за убийство свободного человека, судьи вычли то наказание, которое полагалось бы Эйольву за убийство двух рабов. Я требую этого по закону, так что судьи меня слышат.

Когда Торбьёрн кончил говорить, Эйрик спросил:

— Много ли останется от моего наказания?

— Мало, — сказал Торбьёрн. — Но подожди радоваться. По правде говоря, мое требование не вполне законно, но я надеюсь, что Гейрстейн этого не знает.

Свидетели Торбьёрна принесли присягу и подтвердили слова Торбьёрна. Они сказали, что Эйольв убил двух рабов Эйрика, Кьяртана и Брана.

Гейрстейн не стал отводить возражение. Он сказал:

— Что верно, то верно. Хотя никто не скажет, что Эйольв убил этих рабов без причины. Пусть судьи теперь вынесут приговор. Но если вы, Торбьёрн и Эйрик, и дальше будете юлить, я начну против вас тяжбу за умышленный обвал на усадьбу Вальтёва.

И Гейрстейн сказал судьям, чтобы они судили. В конце дня был

вынесен приговор. Эйрика присудили к изгнанию из южной четверти, и он должен был уплатить родичам Эйольва виру в пять марок серебра. Такой же выкуп ему пришлось заплатить родичам Храфна Драчуна.

— На этот раз обошлось, — сказал Торбьёрн. — Но будь осторожен: может случиться, что в другой раз выкрутиться не удастся.

Эйрик стал благодарить Торбьёрна. Торбьёрн сказал:

— Благодарю не меня, а судьбу, что дала нам не самых мудрых противников. Гейрстейн мог бы отвести мое возражение, знай он законы получше.

— Теперь-то я увидел, на что годны эти законы, — сказал Эйрик. — Выходит по ним, кто лучше умеет молоть языком, тот и прав.

Потом Эйрик и Торбьёрн поехали по домам. Эйрик, не мешкая, грузит добро на корабль, а остальное продает, и плывет на запад, в Брейди-фьорд — Широкий фьорд. Он должен был покинуть южную четверть до середины зимы, иначе его объявили бы вне закона. Эйрик купил два острова в Широком фьорде — Пушичный и Бычий. Он сказал:

— Не очень-то хорошо я умею ладить с соседями. Для всех будет лучше, если я поселюсь на острове, пусть люди пореже попадают к мне на глаза.

После тяжбы с Гейрстейном Эйрик стал известным человеком в Исландии. Большинство считали его гордецом и забиякой, но были и такие, кто говорил, что он вел себя, как подобает мужчине. И все сходились на том, что эта тяжба принесла ему славу. Многие теперь приглашали Эйрика на пиры и звали погостить. Эйрик сдружился с некоторыми из своих новых соседей, что жили на островах Широкого фьорда: с Херьольвом, Стюром, Эйольвом и другими. Первую зиму он провел у Стюра с Южного острова. Летом он построил усадьбу на Бычьем острове и назвал ее Эйрикова усадьба. Эйрик жил, как и прежде, на широкую ногу.

Тем летом у Эйрика и Тьодхильд родился второй сын. Его называли Торстейном. Рассказывают, что Эйрик так любил своих сыновей, что нянчился с ними чуть ли не больше матери.

Осенью Эйрик позвал соседей на пир. Приехали Стюр, Эйольв со Свиного острова, Херьольв и много другого народу, а также Торгест с Широкого Двора. Этот Торгест был очень жаден до денег и любил роскошь. Говорят, он даже спал у себя дома на тюфяке из гагачьего пуха.

У Эйрика были красивые резные доски красного дерева, которые приделывали к скамьям во время праздников. Вот и теперь Эйрик велел украсить ими скамьи. Пока продолжался пир, Торгест не сводил глаз с этих досок. После пира гости стали разъезжаться. Эйрик дал каждому богатые подарки, как было принято в то время. Торгесту достался золотой перстень.

— Красивый перстень, — сказал Торгест. — Да и пир был хорош. Но люди стали бы еще больше прославлять твою щедрость, если бы ты дал мне вместо перстня вот эти скамьевые доски. Уж очень они мне приглянулись.

— Это чересчур, — сказал Эйрик. — Ведь таких досок нет больше ни у кого в Исландии. Торвальд, мой отец, добыл их в викингском походе, когда воевал на юге, в Стране Франков.

— Значит, ты не хочешь подарить мне доски?

— Не хочу, — говорит Эйрик.

— Тогда дай мне их взаймы, и я верну тебе их сразу после праздника середины зимы.

Эйрик нехотя согласился, и Торгест увез доски к себе на Широкий двор. Торбьёрн, сын Вивилия, сказал:

— Опрометчиво ты поступил. Этот Торгест так скуп, что тебе нелегко будет вытребовать назад свое добро.

— Пусть только попробует не отдать, — сказал Эйрик.

После праздника середины зимы Эйрик послал Коля, своего работника, к Торгесту за досками. Вскоре Коль вернулся ни с чем. Он сказал, что Торгест не хочет возвращать доски.

— Сначала он говорил, что вовсе не брал их, а потом, когда я увидел их у него в доме, он сказал, что получил их в подарок.

— Он поплатится за это! — говорит Эйрик и идет к ларю с оружием. Его лицо и шея побагровели, как это всегда случалось с ним, когда он гневался. Тьодхильд сказала:

— Вот ты каков, Эйрик! Готов убить человека за пару никчемных досок!

Эйрик сказал, что дело не в досках.

— Но я никому не позволю грабить меня и водить за нос, пользуясь моей добротой. Я не собираюсь убивать Торгеста: слишком много чести. Но свое добро я у него заберу.

Эйрик взял с собой шестерых работников. Они плывут на лодке,

а потом идут пешком, пока не приходят к Широкому двору. Эйрик врывается в дом и сразу видит свои доски: они стоят у стены. Торгеста в доме не было. Эйрик отталкивает людей Торгеста, берет доски и выходит.

— Едем домой, — говорит он своим людям. — У Торгеста хватило ума не попадаться мне на глаза.

Они идут к берегу, где оставили лодку. Коль говорит:

— Какие-то люди гонятся за нами. По-моему, это Торгест и его сыновья, и с ними еще четверо.

Эйрик остановился и стал ждать, пока те приблизятся. Когда первый из бегущих оказался на расстоянии полета копья, Эйрик бросил копье и пронзил этого человека насквозь. А это был один из сыновей Торгеста. Тогда Торгест крикнул своим людям, чтобы они смелее нападали и рубили изо всех сил.

— И пусть никто из них не уйдет отсюда живым!

Потом Торгест стал поносить Эйрика и называть его вором и рыжим недомерком. Эйрик сказал:

— Языком молоть всякий умеет, не то, что рубиться мечом. Что-то ты никак не решишься подойти ко мне ближе, только брешешь издалика, как трусливая собака.

Вот люди Торгеста подбегают к Эйрику. Они бьются, и Эйрик убивает другого сына Торгеста, а Коль — еще одного человека. Тут Торгест видит, что дело плохо, и велит своим отступать. Эйрик и его люди не стали их преследовать и вернулись к себе на Бычий остров. В ту же ночь еще трое умерли от ран: двое у Торгеста и один у Эйрика.

С тех пор в Эйриковой усадьбе все мужчины постоянно были при оружии. Эйольв, Стюр и Херьольв обещали Эйрику свою поддержку и готовы были приехать, как только станет известно, что Торгест готовится к нападению.

Торгест собрал у себя много народу. Ни та, ни другая сторона не нападала, и так продолжалось долго. В конце лета к Эйрику на Бычий остров приехал Торбьёрн. Эйрик встретил его с большими почестями и спросил, что слышно нового.

— Новости есть, — сказал Торбьёрн. — и все больше плохие. Торгест собирается вызвать тебя в суд за убийство сыновей, а твоих людей — за убийство двоих работников.

— Такое уже приключалось со мной, — сказал Эйрик. — Тогда все обошлось. Если ты и в этот раз поможешь мне, думаю, мы сумеем посрамить Торгеста.

Торбьёрн сказал:

— Не надейся на это. Теперь все обстоит гораздо хуже, чем тогда. Торгест заручился поддержкой многих влиятельных людей, и они намерены расправиться с тобой во что бы то ни стало. На примирение они не согласятся, даже если ты предложишь двойную виру за каждого убитого.

— Означает ли это, что ты отказываешься мне помочь?

— Нет. Я сделаю все, что смогу, но боюсь, что этого будет мало.

— Только это я и хотел узнать: что ты не откажешь мне в помощи, даже если дело безнадежно, как теперь.

Торбьён сказал:

— Ты должен передать мне право вести тяжбу, по закону и при свидетелях.

— Нет, — сказал Эйрик. — Достаточно того, что я убедился в твоём благородстве, а злоупотреблять им я не хочу. Раз дело безнадежно, не будем попусту тратить время. Я не передам тебе тяжбу, а сам и вовсе не поеду на тинг.

Тьодхильд сказала:

— Что я слышу, Эйрик! Ты отказываешься от защиты и обрекаешь себя на верную гибель! Никогда ты не отличался умом, но такой глупости я от тебя не ожидала: бросаться в бой из-за жалких скамье-вых досок и сидеть сложа руки, когда речь идет о твоей жизни! Подумал бы хоть о том, что обрекаешь своих детей на нищету: ведь объявленный вне закона лишается и земли, и всего добра.

— Это верно, — сказал Эйрик.

Потом он помолчал немного и добавил:

— Я позабочусь, чтобы моим сыновьям не пришлось ходить с сумой, когда я буду осужден.

Он обратился к Торбьёрну и сказал:

— Друг Торбьёрн! Я хочу отблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал. Я дарю тебе Пушичный остров вместе со всеми постройками и скотом, который там пасется, а также половину всего добра, что есть в доме. Я делаю это сейчас, пока еще могу распоряжаться своим добром. Я хочу передать тебе право на владение этой

собственностью по закону и при свидетелях, и пусть дарственная вступит в силу за день до суда.

Торбьёрн принялсЯ отговаривать Эйрика, но все было тщетно. Тогда Торбьёрн сказал:

— Я сберегу твое добро и верну его тебе, если будет такая возможность. И я обещаю позаботиться о твоей жене, сыновьях и всех домочадцах. Никто из них не будет терпеть нужды, пока я жив.

Торбьёрн и Эйрик расстались еще большими друзьями, чем были, если такое возможно. Эйрик раздарил много добра другим своим друзьям: Херьольву, Стюру, Эйольву и Ингольву с Островного Лежбища. Договоры вступали в силу за день до суда, а совершалось все в большой тайне, так что Торгест ни о чем не подозревал. Эйрик оставил себе только Бычий остров, свою усадьбу и корабль, а также ту часть имущества, которое являлось приданым Тьодхильд, и ее не могли отобрать по суду.

Вот приходит время тинга, и Торгест начинает тяжбу. Он хорошо ведет дело и не допускает ни одной ошибки. На тинге нет ни ответчика, ни другого человека, которому была бы поручена защита. Кончается дело тем, чего и следовало ожидать: Эйрика и его людей объявляют вне закона. Это означало, что они лишаются всего добра, всякий может безнаказанно их убить, и никто не должен давать им пищу, указывать путь и оказывать другую помощь.

Сразу после тинга Торгест едет с большим отрядом на острова, чтобы убить Эйрика и завладеть его добром.

Тем временем Эйрик узнает о случившемся, и по нему не видно, чтобы он пал духом. Он сказал:

— Не страшна та беда, к которой успел подготовиться. Не видать Торгесту ни меня, ни моего добра.

— Что ты задумал? — спрашивает Тьодхильд.

— Снаряжу корабль и уеду отсюда.

— Нет такого места, где бы тебя ждали. Если ты даже здесь не ужился, то в странах, где правят конунги, а не законы, не уживешься и подавно.

Эйрик сказал:

— Мне и не нужно, чтобы меня ждали. Я сыт по горло этой странной и ее законами. Тем более я не поеду на восток, в Норвегию или любую другую страну, где и вовсе нет правды.

— Так куда же ты собрался?

— Поплыву на запад, в открытое море.

Когда Тьодхильд услышала эти слова, она набросилась на Эйрика с бранью и стала всячески поносить его и называть глупцом.

— Ты еще более безумен, чем я предполагала. Что ты будешь делать на западе, где нет ничего, кроме моря до самого края света? Многих уносило в те воды бурей, но мало кто вернулся живым, и никто не встречал там земли.

— А я слышал, что Гуннбьёрн, сын Ульва Вороны, открыл на западе какие-то островки и видел большую землю.

— Гуннбьёрн был припадочный и к тому же глупец. Всем известно, что ему померещились эти островки, ведь он так и не смог потом отыскать их, хотя дважды пытался.

— Может, и так, и все же я остаюсь при своем решении. Я не вижу для себя другого выхода, кроме как открыть новую землю и поселиться там. Даже если я не найду земли и погибну в море, все равно это лучше, чем пасть от руки вора и труса, или жить в чужой стране и подчиняться законам, конунгам или кому-то еще.

Тьодхильд сказала:

— Вижу, тебя не убедить. Поступай, как знаешь. Мне нет дела до твоих дурацких выходок. И не надейся, что я поеду с тобой.

— Я и не надеюсь, — сказал Эйрик.

Тогда Тьодхильд забирает свое приданое и едет в Ястребиную долину к Ёрунду, своему отцу.

Но о разводе она не объявляет. Тьодхильд взяла с собой Торстейна, их младшего сына, но старшего, Лейва, Эйрик не отпустил. Рассказывают, будто они долго из-за этого бранились и только что не подрались.

В тот же день Грелёд пришла к Эйрику и завела такой разговор:

— Я слышала, тебе предстоит нелегкое плавание.

— Не известно, каким оно будет, — ответил Эйрик. — В любом случае, едва ли я поверну назад.

— Я тоже так думаю. Тебе всегда удается задуманное, и удача редко оставляет тебя, иначе ты не решился бы взять с собой сына.

— Зачем ты говоришь мне все это?

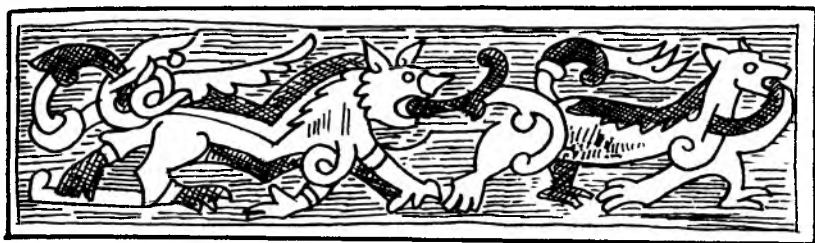
— Когда я подарила корабль тебе и твоему отцу, мы условились, что мне не будет отказано в месте на этом корабле. Я хочу воспользо-

зоваться своим правом и поплыть с тобой. Тем более, что тебе понадобится женская помощь, раз ты берешь с собой Лейва.

Эйрик сказал, что будет рад, если Грелёд поедет.

Вот стало известно, что Торгест с войском едет на Бычий остров. У Торгеста было так много народа, что они едва помещались в двадцати лодках. Эйрик тогда грузит на корабль остатки своего добра, перегоняет корабль в Эйриков залив и прячет его там. Потом он едет на Свиной остров к Эйольву, своему другу, и просит спрятать его и тех из его людей, кого объявили вне закона, на то время, пока Торгест обыскивает острова. Эйольв укрыл их в заливе Димуна. Оттуда они ходили к кораблю и тайно снаряжали его для дальнего плавания. С Эйриком остались некоторые из его домочадцев, а другие поехали на Купальный Склон к Торбьёрну. Сам Торбьёрн жил в эти дни у Стюра, эйрикова друга, чтобы быть поблизости, если Эйрику понадобится помощь.

Торгест обыскивал острова несколько дней и никого не нашел. Это его весьма опечалило, а пуще всего он огорчился, когда узнал, что добра ему достанется куда меньше, чем он рассчитывал. Торгест уехал с островов, но не прекратил поисков и искал теперь на берегу.

III

В середине лета Эйрик вышел в море у Ледника Снежной Горы. С ним поехали Грелёд и Лейв, и еще 20 человек. Его друзья Стюр, Херьольв, Торбьёрн, Эйольв и Ингольв проводили его за острова. Эйрик обещал вернуться, если найдет землю на западе, и забрать с собой тех, кто захочет туда переселиться.

Два дня корабль плыл с восточным ветром. Как только земля пропала из виду, ветер переменялся, и их стало относить к югу. Эйрик приказал убрать парус и грести на запад. Он сам сел за весла и греб вместе со всеми. Через несколько дней ветер усилился и перешел в бурю.

Когда море успокоилось, люди Эйрика заметили стаю птиц на северо-западе и решили, что там и лежит земля, которую они ищут. Они гребли два дня, а потом подул попутный ветер, и они поставили парус.

Наконец впереди показалась земля. Эйрик встал на носу корабля и не отвечал, когда к нему обращались, а Лейв стоял рядом с ним. Потом Эйрик обернулся и сказал:

— Теперь ясно: это та самая земля, которую я искал.

Они подошли к скалистому мысу, спустили лодку и высадились. Осмотревшись, они увидели, что на этой земле можно селиться. Вдоль берега тянулись пастбища, а за ними поднимался горный кряж. Вершины гор разделялись ледниками, и ледники эти ярко сверкали на солнце. У подножия гор росли низкие, кривые деревья — береза, ольха и рябина. На берегу было много прибойного леса, пригодного для постройки домов.

Эйрик и его люди вернулись на корабль и поплыли вдоль берега, выбирая место для зимовки. Они остановились на острове, который

лежал в устье длинного фьорда. Эйрик дал имена фьорду и острову и назвал их Эйриксей — Эйриков остров — и Эйриксфьорд — Эйриков фьорд. Они построили два больших дома на Эйриксее и зазимовали там. Всю зиму они ловили в море рыбу и били морского зверя, так что у них не было недостатка в пище.

Еще во время плавания Эйрик и Грелед стали жить как муж и жена, а весною Грелед родила сына. Эйрик назвал его Торвальдом в честь отца. Он сказал:

— Жаль, что с нами нет моего отца, и он никогда не увидит этих мест и не узнает, что сын не посрамил его. Пусть этот мальчик будет славным викингом, как его дед. Думаю, он достойно продолжит дело, которое я начал, недаром же он — первый, кто родился в этой стране.

Летом Грелед с сыном оставалась на Эйриксее, и с ней еще несколько человек, а Эйрик плывал в обе стороны вдоль берега и выбирал место для постройки усадьбы. Лейв был на корабле вместе с отцом. Мальчику было всего пять зим, но он уже умел определять страны света и разбирался в устройстве корабля не хуже бывалых моряков.

В то лето Эйрик достиг южной оконечности страны. Он открыл там множество островков и назвал их Эйриковы островки. На самом южном острове была высокая гора. Эйрик назвал ее Заслон-Горой, потому что под ней была удобная бухта, закрытая от ветра.

На другое лето Эйрик поплыл на запад и на север вдоль берега Грелед поехала с ним. В одном из фьордов на севере они поймали очень много рыбы, и Эйрик назвал это место Пикшевый фьорд — Люсу-фьорд. Однажды они высадились на каменистом мысу. Эйрик нашел там остатки древних построек: земляные основания стен и следы кострищ. Все заросло травой и голубикой. Возле одной из стен лежал наконечник от гарпуна. Он был вырезан из кости. Эйрик долго смотрел на эти развалины. Потом он сказал:

— Значит, мы не первые на этой земле. Кто-то нашел ее раньше нас, и вот какая судьба постигла этих людей! Как знать, не останутся ли когда-нибудь и от нас и наших домов лишь развалины и безымянные могилы.

Грелед сказала:

— Судьба сильнее наших желаний, но дела, совершенные доблестными людьми, не становятся от этого менее славными.

Они вернулись на корабль и поплыли дальше на север, заходя во фьорды. Один из фьордов вдавался далеко вглубь страны и заканчивался у подножия горы, покрытой снегом. Ледник подходил там почти к самому морю. Эйрик назвал эту гору Снежной.

В конце лета они достигли группы небольших островов. Эйрик решил не плыть дальше, потому что в море стало попадаться много плавучих льдин, и с севера дули холодные ветры. Они высадились на одном из островков и заночевали там, а на утро Эйрик и Грелед поплыли на лодке вокруг острова. Они огибают мыс и видят в воде большого белого зверя.

Зверь плывет с острова на материк, и из воды торчат только голова и часть шеи. Это был белый медведь. Ни Эйрик, ни Грелед никогда не слышали о такой диковине.

— Надо добыть этого зверя, — говорит Эйрик.

Они плывут наперерез медведю, и когда тот приблизился, Эйрик бросил копье. Острие вонзилось в шею, и вода вокруг стала красной от крови. Медведь громко заревел, повернулся и поплыл к лодке. Он с такой силой работал лапами, что высунулся из воды почти наполовину. Тут Эйрик увидел, что зверь велик и силен, и смекнул, что им не поздоровится, если он доберется до лодки. Эйрик стал грести к берегу. Все же медведь настиг их и навалился на борт. Тогда Грелед встала во весь рост и всадила второе копье медведю в загривок. Медведь отпустил лодку и плыл теперь медленнее. Грелед дважды оттолкнула его веслом, и тогда только медведь утонул.

Эйрик и Грелед вернулись на корабль и рассказали об этом случае. Все хвалили Грелед, что она не растерялась и действовала решительно. Эйрик сказал:

— Пусть эти островки зовутся Медвежьими, — и добавил, что не уедет отсюда, пока не добудет хотя бы одного медведя. Он берет с собой трех спутников, и они несколько дней плавают на лодке между островами. Наконец они увидели на льдине медведя, и Эйрик сказал, что это подходящий зверь. Охотники бросили четыре копья и убили его. Он оказался таким большим, что не помещался в лодку. Тогда Эйрик снял с него шкуру и с этой шкурой вернулся к кораблю.

Осенью Эйрик и его спутники отправились на Эйриксей и зазимовали там. Эйрик сказал:

— По-моему, мы достаточно разведали страну. Здесь немало хо-

роших мест для поселения, но самое лучшее — в глубине Эйриксфьорда, на южном его берегу. Там я построю свою усадьбу.

Этой зимой Грелёд родила дочь. У девочки были ярко-рыжие волосы, как у отца. Ее назвали Фрейдис.

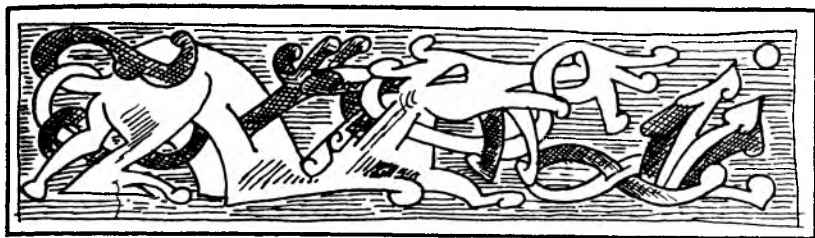
Весной они снарядили корабль и поплыли в Исландию. Во время плавания Грелёд сказала Эйрику:

— Ты многое назвал здесь, но до сих пор не дал названия самой стране. А у нее должно быть хорошее название, если ты хочешь, чтобы люди сюда поехали.

— Это верно, — сказал Эйрик. — Но, по-моему, тут нечего долго раздумывать. Страна должна называться Страной Эйрика, ведь это я ее открыл.

— Это плохое название, — сказала Грелёд. — Люди подумают, что им придется во всем тебе подчиняться, и не поедут сюда.

— Тогда пусть она зовется Гренландией — Зеленой Страной. Здесь, правда, не так много зелени, но люди охотнее поедут в страну с таким названием, чем если она будет называться Снежной или Холодной Страной.

IV

Эйрик благополучно достиг Исландии и бросил якорь в Широком фьорде. Ингольв с Островного Лежбища встретил его и сказал, что Эйрик может остановиться у него со всеми людьми и жить, сколько сочтет нужным. Эйрик принял приглашение. Он сказал:

— Я хочу, чтобы ты устроил пир в честь моего возвращения, и позвал на этот пир всех моих друзей.

— Это неразумно, — сказал Ингольв. — Ведь ты вне закона, так что лучше держать твой приезд в тайне.

— Я не собираюсь ни от кого прятаться, — сказал Эйрик. — Напротив, я хочу, чтобы обо мне знало как можно больше народу, ведь у меня есть что рассказать людям. Я открыл новую страну и думаю предложить всем, кто захочет, поехать со мной занимать там земли.

— Это другое дело, — сказал Ингольв. — Теперь, мне кажется, Торгесту стоит подумать, прежде чем нападать на тебя.

И он обещал устроить пир в середине лета. Скоро все в Исландии узнали о возвращении Эйрика и о том, что он открыл новую страну. За несколько дней до пира на Островное Лежбище приехала Тьодхильд со своим сыном Торстейном. Она увидела, что там вовсю идет подготовка к празднику и всем распоряжается Грелёд. Тьодхильд подошла к работникам и тоже стала распоряжаться, так что те не знали, кого им слушать, и ругали обеих. Потом Тьодхильд пришла к Эйрику и завела такой разговор:

— Что это за красивая рубашка, которую ты носишь? Не помню, чтобы я шила такую.

— Ее сшила Грелёд, пока мы жили в Гренландии, — ответил Эйрик. — Ты думала, когда моя одежда изнашивается, я приду к тебе? Далековато пришлось бы ездить.

— Хорошая работа, — сказала Тьодхильд. — Не скажешь, что это сделано служанкой.

— Грелёд никогда не была служанкой: ее род не менее знатен, чем твой. Если ты так уж хочешь знать, Грелёд — моя жена, она родила мне сына и дочь. И я нисколько не жалею об этом, потому что лучшей жены трудно найти.

Тьодхильд сказала:

— Ваш брак — незаконный, ведь я не давала тебе развода. А не поехала я с тобой только потому, что боялась за маленького Торстейна. Он не перенес бы всех трудностей этого плавания. И, конечно, я не ожидала, что ты так опозоришь и меня, и себя.

— Законы мне теперь не указ, — ответил Эйрик. — И мне все равно, что будут говорить люди. Я не собираюсь тебя прогонять, поскольку ты и вправду не объявляла о разводе, но и Грелёд останется со мной.

Тьодхильд пришла в большой гнев и стала кричать так, что ее слышали во всем доме:

— Я не позволю ей ехать с тобой! Ты станешь конунгом в Гренландии, и все будут судачить о том, как ты живешь. Я не хочу, чтобы я и мои дети стали посмешищем!

Эйрик сказал, что не желает больше об этом разговаривать.

— Я и сама вижу, что это бесполезно, — сказала Тьодхильд. — Но не думай, что я не найду на тебя управы.

Вот подошел день пира, и на Островное Лежбище приехали все друзья Эйрика и много другого народу. Было подано хорошее угощение. Эйрик рассказывал о Гренландии, а гости хвалили его и говорили, что рады были бы поселиться в этом благодатном краю.

Тьодхильд и Грелёд носили брагу в кувшинах и кислое молоко. После того, как убрали столы и посуду, Тьодхильд вошла в пристройку, где Грелёд складывала ножи и миски.

— Мне кажется, сегодня ты делала лишнюю работу, — сказала Тьодхильд. — Я бы и сама справилась. В другой раз лучше не выходи к гостям, если не хочешь, чтобы о тебе пошла дурная слава.

— Не понимаю, о чем ты, — говорит Грелёд.

— По-моему, ты слишком вольно держишься с моим мужем. Люди могут подумать, что Эйрик соблазнил тебя. Если так пойдет и дальше, тебе нелегко будет выйти замуж.

— Ты, кажется, смеешься надо мной, Тьодхильд. Зачем мне другой муж? Я жена Эйрика, и я родила ему двоих детей.

— В одном ты права, — говорит Тьодхильд. — Второй муж тебе действительно не понадобится.

С этими словами Тьодхильд хватает один из ножей и со всей силы рубит Грелёд по шее. Кровь заливает Грелёд грудь и лицо, и она тут же умирает. Потом Тьодхильд бросает нож, выходит во двор и ведет себя так, словно ничего не случилось.

Люди много говорили об убийстве Грелёд, и некоторые подозревали Тьодхильд в этом злодеянии. Эйрик долгое время был очень мрачен и неразговорчив. Он запретил всем рассказывать об этом событии и говорить плохо о Тьодхильд. Грелёд он похоронил на Островном Лежбище с большими почестями.

Теперь нужно рассказать о том, что Торгест с Широкого Двора узнал о возвращении Эйрика и тотчас же поехал в Длинную долину к своему родичу Аслаку.

— Я хочу, чтобы ты помог мне расправиться с Эйриком Рыжим, — сказал Торгест Аслаку. — Сделать это нужно быстро, потому что скоро он навсегда покинет страну и уедет в Гренландию. А в одиночку мне с ним не справиться, ведь у него теперь много друзей.

Аслак сказал:

— Не буду я тебе помогать. По-моему, давно пора забыть старые распри. Никто не назовет твой поступок благородным, если ты убьешь Эйрика. Ведь он открыл новую страну, а это большое дело. На мой взгляд, Эйрик принес нам больше пользы, чем вреда. Пусть он уезжает в Гренландию, а вместе с ним и все наши враги. Если же ты убьешь его, тебе придется туго, ведь Эйрика поддерживают многие знатные люди. Они его чуть не на руках носят с тех пор, как он пригласил их занимать землю в Гренландии.

Аслак долго отговаривал Торгеста. Наконец тот сказал:

— Все это верно, что ты говоришь. Но не могу же я не отомстить за своих сыновей! Раз ты не хочешь мне помочь, я попрошу других.

И Торгест ездит по дворам и уговаривает друзей и родичей оказать ему поддержку. Но все отвечают ему то же, что и Аслак. Кончилось тем, что Торгест отправился к Эйрику в одиночку.

Эйрик встретил его у дома Ингольва на Островном Лежбище. С Эйриком было тогда пятнадцать вооруженных людей, все они

стояли поблизости. Эйрик усмехнулся при виде Торгеста и спросил, чего это он вздумал пожаловать. Торгест сказал:

— Я приехал узнать, не хочешь ли ты заплатить мне виру за сыновей.

— С какой стати? Ты и так неплохо поживился моим добром.

— Теперь, говорят, ты снова разбогател, — сказал Торгест. — А мне мало что досталось из твоего имущества, и ты это знаешь не хуже меня.

— А как ты поступишь, если я все-таки не стану платить?

— Тогда я вызову тебя на поединок!

В то время поединки в Исландии еще не были запрещены.

— Не знаю, что для меня хуже, — сказал Эйрик. — Но, видно, придется все же выбирать, уж больно ты надоедлив.

Потом Эйрик подумал немного и сказал, что выбирает поединок.

— Будем биться на вершине вон того холма, — сказал он. — Там как раз есть ровное место.

Они поднимаются на горку и втыкают по краю площадки ореховые жерди, как это было принято у язычников. Потом они начали биться, и бились с большим упорством, пока не изрубили друг другу щиты. Торгест нанес Эйрику легкую рану, но тот как будто не заметил этого и продолжал бой. Потом он спросил Торгеста, не хочет ли тот передохнуть.

— Пожалуй, — говорит Торгест.

И они садятся и отдыхают.

— По-моему, сегодня я возьму верх, — говорит Торгест. — У Широкого Двора ты бился лучше.

— Что поделаешь, — говорит Эйрик. — Сказать по правде, мне сейчас нет дела ни до тебя, ни до этой распри.

Вот они бьются снова, и теперь Эйрик ранит Торгеста, но тот не хочет прекращать бой. Вскоре Эйрик говорит:

— Подожди-ка. У меня башмак развязался.

— Тем хуже для тебя, — говорит Торгест.

— Что же, ты не дашь мне завязать башмак?

— И не подумаю.

— А я все-таки завяжу, — говорит Эйрик.

И он садится и завязывает башмак, а Торгест стоит над ним с занесенным мечом. Потом он опускает меч и говорит:

— Я буду считать это твоим поражением.

— Считай это чем угодно, — отвечает Эйрик.

Тут Торгест поспешно убирает меч в ножны.

— Итак, ты побежден, — говорит он. — Так что придется все же раскошелиться.

— Будь по-твоему, — говорит Эйрик. — Есть у меня одна вещь, как раз для тебя.

Они спустились к дому, и Эйрик вынес Торгесту шкуру белого медведя.

— Это большое сокровище, — сказал Эйрик. Торгест схватил шкуру и принялся ее щупать.

— Никогда я не видел такого красивого белого меха. Что это за зверь?

— Белый медведь, — сказал Эйрик. — Он водится только в моей стране, которую я открыл.

Торгест сразу смекнул, что шкура стоит больших денег, и не мог скрыть своей радости. Тут и состоялось их примирение. Торгест и Эйрик поклялись отныне не причинять никакого вреда друг другу. Так закончилась эта распря.

Весной Эйрик стал снаряжать корабль, чтобы плыть в Гренландию. Вместе с ним собрались плыть его друзья. В начале лета они отплыли из Широкого и Городищенского фьордов на 25 кораблях. В то лето поехали в Гренландию Херьольв, Стюр, Ингольв, Храфн и многие другие.

Как только земля скрылась из виду, попутный ветер стих, а вслед за тем началась буря. Корабли разметало по морю. Гребцы налегали на весла, чтобы удержаться носом к волне, но не всем это удавалось. Никто не помнил такой бури. Она продолжалась два дня. Семь кораблей утонуло, четыре отнесло обратно к берегам Исландии. Всего четырнадцать кораблей продолжали путь.

Однажды моряки увидели: море на горизонте как будто поднялось. С юга на них двигался гигантский водяной вал, такой длинный, что концов его не было видно. Гребцы в ужасе побросали весла и стали молить богов пощадить их, а некоторые в сердцах проклинали Эйрика и его страну.

На корабле Херьольва был один христианин с Гебридских островов. Херьольв сказал ему:

— Проси своего бога спасти нас, видишь, нашим богам и дела до нас нет!

Тогда этот христианин призвал на помощь Иисуса и Святую де-ву. Водяная гора приблизилась, корабли плавно поднялись на вер-шину и медленно спустились к подножию. После этого плавание было благополучным, но многие сочли появление чудо-волны дур-ным предзнаменованием.

Вскоре все четырнадцать кораблей достигли Гренландии. Здесь многие стали выбирать землю и поступали так: бросали в море столб с изображением бога Тора. Потом плыли за столбом и высаживались там, где столб прибывало к берегу. Нужно сказать, что почти все пер-вые гренландцы были яркими язычниками и многие из них потому и поплыли в Гренландию, что в Исландии в то время уже пошли раз-говоры о новой вере и появились христианские проповедники.

Эйрик поселился в Эйриковом фьорде, как и хотел. Он построил там большие дома и назвал усадьбу Браттахлид — Крутой Склон.

Многие поселенцы заняли земли к югу и северу от Эйрикова фь-орда, и эти дворы стали называться Восточным поселением — Эс-тербюгд. Другие же поехали дальше на запад и поселились в окрест-ностях Пикшевого фьорда. Это поселение называют Западным — Вестербюгд.

Нужно сказать, что в Гренландии долгое время не было ни ко-нунга, ни тинга, ни законов. При этом там было куда меньше расп-рей и убийств, чем в других странах. Сигфус, сын Гудбранда, считает это обстоятельство странным и весьма примечательным.

Вот что рассказывают о первых гренландцах.

Жил в Исландии человек по имени Сёльви. Он был небогат и решил попытать счастья в Гренландии. В то лето, когда Эйрик соби-рал переселенцев, Сёльви пришел к нему и сказал:

— Я хотел бы поехать в Гренландию, если ты согласишься взять меня на свой корабль.

Эйрик сказал:

— Хорошее дело ты задумал, и я, конечно помогу тебе. В Грен-ландии всем хватит места. Однако этого не скажешь о моем корабле. Ведь ты не первый, кто пришел ко мне с такой просьбой. Вот как мы поступим: ты поплывешь на корабле моего друга Храфна. Думаю, он не откажет, если я сам попрошу его.

Сёльви поехал в Гренландию с Храфном. Они сошли на берег в Эйриковом фьорде. Тут Храфн стал требовать с Сёльви плату за переезд. Сёльви сказал:

— Не было у нас такого договора. И ты знаешь, что мне нечем заплатить тебе.

— Я этого так не оставлю, — сказал Храфн. — Имей в виду, я и сам могу взять то, что мне причитается.

После этого Храфн поехал выбирать место для усадьбы, а Сёльви остался на берегу, там, где они высадились. Он поставил палатку и жил там некоторое время. Работники Храфна пришли к Сёльви, когда того не было на месте, и унесли все его добро: немного серебра и полсотни локтей сукна. Сёльви сильно разгневался. Он отправился к Эйрику и все рассказал ему.

— Может, я и вправду должен был заплатить Храфну, но теперь он сам мне кое-что должен.

Тогда Эйрик позвал Храфна и сказал:

— Разве мало у тебя добра, Храфн, что ты ограбил этого бедняка? Это серебро и сукно, которое ты взял у него, не прибавят тебе богатства, а славы и подавно. И я не хочу, чтобы гренландцы враждовали между собой.

Эйрик потребовал, чтобы Храфн вернул Сёльви его добро и помирился с ним. Эйрик дал Сёльви хорошую землю в долине Сельви, а Храфну — на севере, в Храфновом фьорде.

Гренландия была заселена в лето от Рождества Христова 985.

V

Теперь нужно рассказать о том, что у Херьольва, Эйрикова друга, который также поехал в Гренландию, был сын по имени Бьярни. Он подавал большие надежды. Смолоду Бьярни ездил по чужим странам и торговал. Дела его шли так успешно, что вскоре у него был уже свой корабль.

Бьярни слыл человеком надежным и верным, и притом весьма упрямым. Его трудно было заставить изменить решение. Он продолжал держаться своего даже тогда, когда любой другой давно бы уже отступился.

У Бьярни было заведено проводить одну зиму у отца, другую в чужих краях. В ту зиму, когда Эйрик жил у Ингольва и готовился к переселению, Бьярни был в Норвегии. Летом он приехал в Исландию. Он намеревался, как обычно, провести зиму у отца, но тут узнал, что Херьольв переселился в Гренландию, оставив свой хутор. Бьярни сильно огорчился. Его люди уже разгружали корабль, но Бьярни остановил их.

— Грузите все назад, — сказал он.

Его спросили, что он собирается делать.

— Хочу плыть в Гренландию, если вы согласны меня сопровождать. Жаль, что отец не дождался меня, но я не стану из-за этого отказываться от заведенного порядка. Я проведу зиму у отца, как обычно.

Все ответили, что как он решит, так они и сделают. Бьярни был щедр и хорошо платил людям, но никогда не давал сверх того, что обещал.

Бьярни попытался найти кого-нибудь, кто плавал в Гренландском море и мог бы помочь им добраться до места. Но ему сказали,

что никто там не плавал, кроме тех, кто переселился в Гренландию этим летом.

Был среди спутников Бьярни купец-южанин по имени Тюркир. Он отговаривал Бьярни от плавания.

— Неразумно пускаться в путь, не зная дороги, — говорил он. — Лучше нам дожидаться, пока сюда приедет кто-нибудь из гренландцев.

Бьярни сказал:

— Многие назовут мой поступок неразумным. Но это лучше, чем прослыть человеком, который не держит слова и, чуть что, отказывается от своих решений. Раз уж я надумал провести зиму у отца, то так и сделаю, и ничто меня не удержит, кроме разве что смерти. А за ценой я не постою: каждому, кто поедет со мной, заплачу по марке серебра.

Люди Бьярни отнесли весь груз обратно на корабль. Они взяли запас дров, воды и пищи и сразу же вышли в море.

Они поплыли на запад с попутным ветром и плыли так три дня. Тут ветер переменялся, поднялся туман, и в продолжение многих суток они не знали, куда плывут. Наконец они снова увидели солнце и смогли определить страны света. Бьярни велел поднять парус, и они сутки плыли на запад, пока не увидели землю. Подойдя ближе, они стали обсуждать между собой, что это за страна. Бьярни сказал:

— Одно мне ясно: это не Гренландия. В Гренландии, как я знаю, большие ледники, берег гористый, а леса почти нет. А эта страна лесистая с низкими холмами. И я не замечаю здесь ни гор, ни ледников.

— Это, должно быть, неизвестная земля, — сказал Тюркир южанин. — Нам повезло. Теперь ты, Бьярни, сможешь прославиться не меньше, чем Эйрик Рыжий, а то и больше, потому что, как мне кажется, эта страна богаче Гренландии. Погляди, ведь здесь кругом лес.

— Каждому свое, — сказал Бьярни. — Как ты думаешь, Тюркир, далеко ли нас отнесло к югу?

— Далеко, — ответил тот. — Эта земля напоминает мне мою родину, а я родился на юге в Стране Саксов.

— Раз так, поворачиваем на север, — сказал Бьярни.

— Разве ты не хочешь высадиться и разведать страну?

— Я считаю, что нужно плыть на север вдоль берега.

Они так и сделали и плыли двое суток ввиду земли. Потом берег повернул на запад, а Бьярни повел корабль в открытое море, оставив землю с левого борта.

— Ты поступаешь, как глупец, — сказал Тюркир. — Да ты и есть глупец, раз отказываешься от славы и богатства, когда они сами так и лезут в руки.

— Будь добр, не указывай мне, — ответил Бьярни. — Мы и так уже сильно задержались из-за тумана, да еще сбились с пути. А если я стану вдобавок рыскать по всем незнакомым землям, которые попадают, то мы не успеем до зимы в Гренландию.

Они плывут еще двое суток с попутным ветром и снова видят землю. У Бьярни спрашивают, не думает ли он, что уж это Гренландия. Но он отвечает, что и это не Гренландия.

Они приблизились к этой земле и увидели, что она плоская и покрыта лесом. Тюркир так обрадовался, что принялся размахивать руками и бормотать что-то по-немецки. Потом он снова заговорил на северном языке и сказал:

— Вот видишь, боги снова направили твой корабль к неизвестной земле. Теперь-то ясно, что это веление судьбы. Мы должны открыть новую благодатную страну. Поскорее бы сойти на берег!

Бьярни молчал и хмурился, а корабль плыл вдоль берега на северо-запад. Тут все стали говорить, что нужно высадиться и посмотреть, чем богата эта земля. Бьярни сказал:

— Замолчите! Вы, похоже, забыли, кто главный на корабле.

И он велел поворачивать в открытое море и плыть на север. Тогда люди сказали, что нужно хотя бы запастись дровами и водой.

— У вас довольно и того, и другого, — сказал Бьярни.

Он снова приказал плыть прочь от берега, и все бранили его за это.

Тюркир сказал:

— Боги не простят тебе такой глупости. Я буду очень удивлен, если тебе когда-нибудь снова улыбнется удача.

Бьярни ответил на это:

— Напрасно ты сердишься. Видно, тебе не дает покоя слава Эйрика Рыжего. Что до меня, то мне нет дела до чьей-то славы, кроме своей собственной, и я не желаю терять свое доброе имя только потому, что мои спутники слишком любопытны и непременно хотят исследовать все, что увидят нового. Мы отправились в этот путь для

того, чтобы провести зиму у Херьольва, моего отца, а вовсе не для поиска новых земель. И я не вижу причин отказываться от своих планов. Никто не назовет дельным человека, который хватается то за одно, то за другое, смотря что подвернется, и меняет свои решения по пять раз на дню. Каждый должен заниматься своим делом, так я считаю. Покончим же с этим, и хватит разговоров.

Вот так и вышло, что им не осталось ничего другого, кроме как подчиниться.

Они плыли на север четыре дня. И вот они видят третью землю. Она была пустынна и гориста, в горах лежали ледники, а на берегу не было заметно никакой растительности.

— Это тоже не Гренландия, — сказал Бьярни. — Не понимаю, сколько это может продолжаться. И ведь мы, как будто, идем правильным курсом.

На этот раз никто уже не предлагал высадиться на берег, потому что знали, чем это кончится. Бьярни смотрел на своих спутников и видел, как они утрумы. Он сказал:

— Не будем здесь высаживаться. По-моему, в этой стране нет ничего хорошего.

Тюркир сказал:

— Брось молоть языком. Ты не сошел бы на берег, даже если бы там лежали груды золота.

Они снова плывут на север и видят четвертую землю.

— Это больше всего похоже на то, что я слышал о Гренландии, — сказал Бьярни.

Они бросили якорь у какого-то мыса и высадились. На берегу там лежала лодка. Бьярни сказал, что узнаёт ее. Это была лодка Херьольва, его отца. Мыс, где они высадились, назывался Херьольвов мыс, и оттуда было рукой подать до усадьбы Херьольва. Бьярни провел зиму у отца, как и хотел, и потом еще долго жил там и никуда не ездил.

Теперь нужно сказать, что Тюркир южанин поехал на Крутой Склон к Эйрику и рассказал ему о плавании Бьярни и о землях, которые они видели.

— Жаль, что я не могу рассказать больше, — добавил он. — Бьярни ни разу не позволил нам сойти на берег.

— Странно он поступил, — сказал Эйрик. — Мало найдется лю-

дей, столь же упрямых и недальновидных, как он. И все же не исключено, что этот поступок прославит Бьярни, хоть я и не знаю, какая это будет слава, дурная или хорошая.

Потом Эйрик спросил Тюркира, почему он поспешил с этими вестями к нему, а не к кому-то другому.

— Мне хотелось бы побывать в тех землях, — ответил Тюркир. — А кроме тебя вряд ли кто решится на такое плавание. Вот я и подумал, что ты, возможно, захочешь открыть эти новые страны и возьмешь меня с собой.

— Мне это ни к чему, — сказал Эйрик. — Ведь я уже открыл страну, в которой мы живем. К тому же мне не хочется отбирать славу у своих сыновей. Я надеюсь, что когда они вырастут, кто-то из них отправится попытать счастья в неизвестных землях. Тогда и ты сможешь поехать с ними, если не передумаешь.

Лейв, старший сын Эйрика, слышал этот разговор. Ему было тогда девять зим. Эйрик спросил его, шутя, не хочет ли он отправиться открывать новые земли.

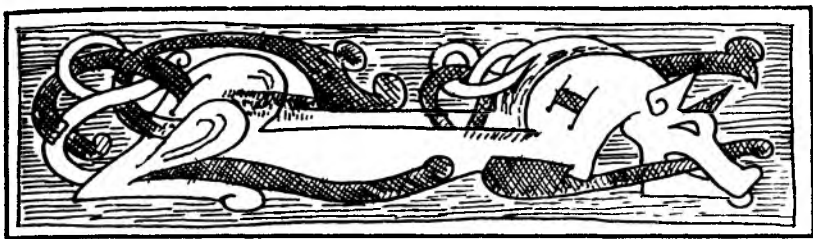
— Хочу, — ответил Лейв. — Но только если ты поедешь со мной.

Эйрик и Тюркир рассмеялись. Потом Эйрик сказал Тюркиру:

— Хороший ты человек, как я вижу. Вот что я хочу тебе предложить: оставайся у меня и будь воспитателем Лейва. У меня-то совсем нет времени на детей, ведь я здесь хоть и не конунг, но вроде старосты. А Тьодхильд, моя жена, как мне кажется, не очень хорошо их воспитывает.

Тюркир сразу же согласился и с тех пор жил на Крутом Склоне. Лейв очень привязался к Тюркиру и даже называл его отцом.

У Тюркира был крутой лоб, живые глаза и маленькое лицо. Он был небольшого роста и невзрачен на вид, но мастер на все руки.

VI

Лейв, сын Эйрика, вырос и стал ладным и сильным юношей. Люди любили его, потому что он был человеком доброго нрава, спокойным, умным и рассудительным. Лейв был сведущ в мореходных делах.

В то время в Норвегии пришел к власти конунг Олав, сын Трюгви. Этот конунг прославился тем, что боролся с язычеством и вводил христианство в северных странах. С теми, кто был упорен в своих суевериях, Олав жестоко расправлялся.

Вот Лейв приходит к отцу и говорит:

— Отец, я намерен поехать в Норвегию к Олаву конунгу. Я слышан о его подвигах и хочу послужить ему.

Эйрик не стал перечить, хотя было видно, что решение Лейва ему не понравилось. Он сказал:

— Немногого ты добьешься, прислуживая другому. Чтобы ты ни сделал на службе у конунга, вся слава достанется ему, а не тебе. По мне, так лучше самому быть себе хозяином. Но я не стану тебя отговаривать, раз уж ты так решил.

Весной Лейв отправился в Норвегию на отцовском корабле. С ним поехали 20 человек. Погода им не благоприятствовала, и корабль отнесло к Гебридским островам. Там они бросили якорь в тихой бухте. Лейв сказал, что будет ждать попутного ветра. Они снесли на берег спальные мешки и разбили шатер.

Вечером к лагерю пришла женщина. Ее сопровождали трое рабов. Она была хороша собой, волосы у нее были светлые, а глаза — зеленые. По облику ее было видно, что она знатного рода.

Она сказала, что ее имя — Торгунна и она дочь правителя острова. Некоторое время она разговаривала с Лейвом, а потом сказала остальным:

— Мой отец не жалуется чужеземцев, но вы кажетесь мне людьми достойными, и поэтому я попрошу отца позволить вам оставаться здесь.

Гренландцы узнали у нее, что остров называется Скай, а правит здесь ярл Сигурд. В то время многие области в Шотландии и Англии были захвачены викингами.

На другой день к Лейву пришел человек от Торгунны. Он передал, что ярл приглашает гренландцев в свои палаты и хочет послушать рассказы о стране, откуда они прибыли. Лейв принял приглашение и в тот же вечер пришел со своими спутниками в дом ярла Сигурда. Им подали хорошее угощение, и обращение с гостями было учтивым. Лейва посадили на почетное сидение. Пока продолжался пир, Лейв не сводил глаз с Торгунны. Она сидела по левую руку от него на женской скамье. Торгунна тоже смотрела на Лейва и улыбалась. Лейв был красив лицом и хорошо сложен.

Ярл предложил Лейву жить у него, пока тот не соберется продолжить путь. Лейв охотно согласился. Он подарил ярлу шкуру белого медведя и десять кругов гренландского сыру. Нужно сказать, что в то время нигде не делали такого хорошего сыра, как в Гренландии.

Лейв стал жить у ярла. Он подолгу беседовал с Торгунной и часто оставался с ней наедине.

Вскоре подул попутный ветер, но Лейв сказал, что еще рано выходить в море, «потому что припасы на корабле подошли к концу, а нам предстоит далекий путь». Пока они собирались, ветер снова стих. Спутники Лейва стали спрашивать, сколько он намерен здесь оставаться. Лейв сказал, что пробудет здесь столько, сколько захочет, а Олав конунг еще успеет поглядеть на него. Один гренландец сказал:

— Сдается мне, наш корабль надолго встал на якорь, а якорный канат не скоро перетрется, ведь он свит из женских юбок.

— Не беспокойся, — сказал Лейв. — Сам знаешь, такие канаты самые непрочные. Но пока мне не хочется спешить.

Лейв оставался на острове Скай до конца лета. Потом он сказал своим спутникам, что хочет плыть в Норвегию. Торгунна хотела плыть с ним, но Лейв воспротивился этому. Он сказал:

— Разве твой отец отпустит тебя со мной?

Торгунна сказала, что это не имеет значения, раз она сама хочет ехать.

— Но это имеет значение для меня, — сказал Лейв. — Потому что я не намерен затевать вражду с твоим семейством и поступать бесчестно после того, как ярл так хорошо меня принял.

Лейв тепло простился с ярлом и отправился к кораблю. Он собирался выйти в море на рассвете. Вечером к лагерю гренландцев пришла Торгунна. Она была одета в белый плащ и, казалось, светила в темноте. Она принесла кувшин с молоком и чашку из белой глины. Лейв вышел ей навстречу. Торгунна сказала:

— Я хочу на прощание рассказать тебе о твоём будущем и о том, что ждет твою страну. Но ты должен мне помочь.

— Что мне нужно сделать? — спрашивает Лейв.

Тогда Торгунна наливает в чашку молока и велит Лейву выпить половину. Другую половину она выпивает сама, а остатки молока брызгает Лейву в лицо. Потом она бросает чашку о камень, так что та разбивается на множество осколков. После этого Торгунна долго молчит и стоит очень прямо, повернувшись к морю.

— Ты что-нибудь увидела? — спрашивает Лейв.

— Да, — отвечает Торгунна. — И это тебе вряд ли понравится. Но сначала я скажу то, что знала и без колдовства. Я беременна, и когда придет срок, я рожу мальчика. Я назову его Торгильсом. Когда он вырастет, я пришлю его тебе в Гренландию, и ты примешь его, потому что у тебя не будет других детей, кроме этого сына. И другой жены у тебя тоже не будет. Потомок Торгильса будет последним в твоём роду и последним гренландцем, о котором можно будет сказать, что он настоящий мужчина. Эрлинг, его имя. Он будет рыжим, как твой отец, и с его смертью придет конец тому делу, которое начал Эйрик. А дальше я ничего не вижу, дальше — кровь и тьма.

Торгунна смолкла. Лейв и его спутники тоже молчали и не знали, что сказать, так взволновало их это предсказание. Потом Торгунна повернулась и пошла прочь. Лейв догнал ее и отдал ей свой плащ, перстень и пояс с пластинками из моржового бивня. Он попросил передать эти вещи Торгильсу, когда он поедет в Гренландию.

Утром Лейв вышел в море. Незадолго до начала зимы он прибыл к Олаву конунгу. Конунг хорошо его принял и много расспрашивал о Гренландии.

Зимой Лейв крестился по настоянию конунга, и конунг сделал его своим дружинником. Олав послал Лейва в Гаутланд собирать

дань с тамошних жителей, и Лейв хорошо справился с этим поручением. Он снискал себе большую славу и прослыл человеком достойным, умным и доблестным. Летом Лейв сказал конунгу, что хочет вернуться в Гренландию.

— Странно ты решил, — сказал конунг. — По-моему, у тебя здесь ни в чем не было недостатка. Мне жаль отпускать тебя, но все же я не буду тебя удерживать, и вот почему. Меня весьма печалит, что гренландцы до сих пор пребывают в язычестве, и я хотел бы, чтобы свет истинной веры дошел и до вашей страны. Ты сослужил бы мне хорошую службу, если бы согласился проповедовать христианство в Гренландии.

— Это благородное дело, — сказал Лейв. — Но едва ли оно мне по силам. Ведь большинство гренландцев и слышать не хотят о новой вере.

— Все же ты попытайся, — сказал конунг. — И с тобой будет твоя удача.

Лейв сказал, что этого недостаточно.

— Мне понадобится еще и ваша удача, государь. Я готов отвезти в Гренландию шестерых ваших священников, они привычнее к таким делам.

— Будь по-твоему, — сказал конунг.

Конунг подарил Лейву большой золотой крест, украшенный драгоценными камнями. Лейв вышел в море, как только снарядил корабль. Его провожали два исландца, Хельги и Финнбоги. Они были двоюродными братьями Лейва и племянниками Тьодхильд. Они тоже служили Олаву конунгу. Лейв коротко сошелся с ними, пока зимовал в Норвегии. Он пригласил их в Гренландию, и они обещали приехать, когда будет возможность.

Лейв пробыл в море все лето и благополучно достиг берегов Гренландии. Священники, которых он привез, рьяно взялись за дело. Они ездили по всем дворам и объясняли людям, почему новая вера лучше старой. Многие гренландцы тогда крестились, но были и такие, кто не захотел менять веру, и среди них Бьярни, сын Херьольва, и сам Эйрик Рыжий. Священники долго уговаривали Эйрика принять христианство.

— Нехорошо, — сказали они, — если самый уважаемый в стране человек будет язычником. Посуди сам, ведь большинство знатных

людей в Гренландии уже крестились, остались только упрямыцы вроде тебя и Бьярни. Чем, по-твоему, так хороша старая вера, что ты не хочешь от нее отказаться? Разве она лучше той, которую мы проповедуем?

— Понятия не имею, — ответил Эйрик. — Я ничего не смыслю в этих делах. А раз так, зачем мне бросать одну веру и принимать другую? У нас в Гренландии каждый свободен в выборе веры, как и во всем остальном. И я никому не позволю вводить здесь христианство силой, как это делал Олав конунг у вас в Норвегии.

— Но ты хотя бы не станешь препятствовать тем, кто хочет креститься?

— Не стану, — сказал Эйрик.

Тьодхильд приняла крещение одной из первых. Она велела построить церковь на Крутом Склоне, вдали от домов. Это было вскоре исполнено. Церковь получилась красивая. Ее называли Тьодхильдина церковь. Туда ходили молиться все гренландские христиане.

Тьодхильд сказала, что не желает больше жить с Эйриком, потому что он язычник. Эйрик был очень недоволен этим. Тьодхильд не уехала с Крутого Склона, но жила с тех пор в отдельном доме.

Из детей Эйрика крестились Лейв и Торстейн, а Торвальд и Фрейдис отказались принять новую веру. Торвальд сказал, что поступает так больше из любви к отцу, чем по убеждению, а Фрейдис сказала так:

— Все мы рыжие, и я, и отец, и бог Тор. Это неспроста, так я считаю.

И она прогнала проповедников из дома и не стала их слушать.

VII

Следующей весной Бьярни, сын Херьольва, отправился в Норвегию. Он поплыл на том же корабле, на котором приехал в Гренландию шестнадцать зим назад. В Норвегии к тому времени снова сменился конунг. Олав, сын Трюгви, погиб в битве при Свольд्रे на корабле, который назывался Длинный Дракон. Престол занял ярл Эйрик, сын Хакона Могучего.

Бьярни приезжает к Эйрику ярлу, и тот хорошо его принимает и делает своим дружинником. Бьярни рассказал ярлу и его людям о своем давнем плавании, когда он нашел на западе неизвестные земли. Тут все стали бранить его, а больше всех сам ярл. Он сказал, что не найти другого такого человека, настолько неразумного, упрямого и ко всему безразличного, чтобы даже не сойти на берег и не разведать эти новые страны. Много еще обидных слов пришлось выслушать Бьярни. Как только лед во фьордах растаял, Бьярни вышел в море и вернулся в Гренландию. С тех пор он всегда был печален и молчалив, и никуда больше не ездил до самой смерти.

Теперь надо рассказать о том, что Лейв пришел к своему отцу и сказал:

— Отец, я задумал совершить дальнейшее плавание. Наверное, ты уже знаешь, куда я хочу поплыть, потому что все к этому шло. Ты ведь сам не раз говорил мне, что надо разведать неизвестные земли, которые видел Бьярни.

— Хорошо, что ты решился, — сказал Эйрик. — Конечно, я ждал этого. Поезжай, и да будет с тобой удача.

— Я поеду, — сказал Лейв. — Но только в том случае, если ты поедешь со мной и будешь командовать этим походом. Ведь у тебя больше удачи, чем у любого другого человека, а без этого нам не обойтись.

— Ну нет, — сказал Эйрик. — Никуда я не поеду. Я уже стар и не так вынослив, как прежде. К тому же, если я поплыву с тобой, то вся слава достанется мне, а не тебе. А я этого не хочу, у меня-то славы довольно. Я уже добился всего, чего хотел, зачем же мне еще куда-то плыть?

— Разве тебе самому не хочется поехать? — спросил Лейв.

Эйрик сказал, что это не имеет значения. Лейв долго уговаривал его, но Эйрик стоял на своем.

Тогда Лейв сказал:

— Без тебя я никуда не поеду.

— И ты не изменишь своего решения?

— Нет, — сказал Лейв.

— В таком случае мне, конечно, придется согласиться, — сказал Эйрик. — Но знай, что ты меня сильно огорчил. Не думал я, что мой сын — малодушный человек.

— Раз ты согласен, я немедленно начинаю готовиться к плаванию.

Лейв поехал на Херьольвов мыс и купил у Бьярни его корабль. Он хотел плыть в те земли на корабле, который уже побывал там однажды. Потом он набрал людей для плавания. Всего их должно было ехать 35 человек, считая Лейва, Эйрика и Тюркира.

После окончания сборов Лейв с Эйриком поехали к кораблю. Ехать было недалеко. Вдруг конь под Эйриком споткнулся. Эйрик упал и повредил ногу. Это считалось очень плохой приметой. Эйрик сказал:

— Не суждено мне открыть других стран, кроме той, в которой мы живем. Видно, разошлись наши пути.

— Ты это нарочно подстроил, — сказал Лейв.

— Стану я из-за тебя ноги ломать!

— Я никуда не поеду, — сказал Лейв.

— Теперь поздно отступаться. Ты должен ехать, если не хочешь стать посмешищем.

Эйрик вернулся на Крутой Склон, а Лейв поехал к кораблю и вышел в море со своими спутниками. Тюркир говорил им, куда плыть, ведь он уже знал этот путь. Они поплыли сначала на запад вдоль берега, и так добрались до Западного поселения и дальше, до Медвежьих островков. Здесь они повернули на юго-запад и пробыли два дня в открытом море. Им помогали и ветер, и течение. На третий

день они увидели землю. Она была гориста и покрыта ледниками. Тюркир сказал, что это та земля, которую Бьярни видел последней.

Они подошли к берегу и бросили якорь. Потом спустили лодку, высадились и осмотрелись. Берег был голый и пустынный, трава нигде не росла. Вдали виднелись большие ледники. От моря до ледника все было как сплошная каменная плита. Они увидели нескольких лисиц, а больше никакого зверья. Тюркир южанин сказал:

— По-моему, в этой стране нет ничего хорошего.

— Мы хоть побывали здесь, не то что Бьярни, который даже не сошел на берег, — сказал Лейв. — Нужно дать этой стране название, пусть она зовется Хеллуланд, Страна Каменных Плит.

Все согласились, что это подходящее название. Они вернулись на корабль и поплыли на юго-восток, оставив Хеллуланд с правого борта. Спустя четыре дня они увидели вторую землю. Здесь они тоже высадились. Эта страна была плоская и покрыта лесом. Всюду по берегу был белый песок, и берег отлого спускался к воде. Тюркир сказал:

— Это, должно быть, та страна, которую мы с Бьярни увидели второй.

Лейв сказал:

— Наверное, нужно остаться здесь и получше разведать окрестности.

Тюркир сказал, что это необходимо сделать, но и так уже ясно, что хороших пастбищ здесь нет, и поэтому страна не годится для поселения.

— По-моему, из трех стран, что мы видели с Бьярни, лучше всех была первая, самая южная. Ведь я немало путешествовал, и мнение мое таково, что чем дальше на юг, тем лучше земли.

Лейв сказал:

— В таком случае не будем терять попусту время и поплывем на юг в ту, первую страну. До сих пор все у нас складывалось удачно, и можно поэтому надеяться, что мы найдем и ее. С таким проводником, как ты, отец, трудно сбиться с пути.

— Надо все же исследовать и эту страну, — сказал Тюркир. Лейв ответил, что это ни к чему. Некоторое время они спорили, и одни поддерживали Лейва, а другие Тюркира. Кончилось тем, что они вернулись на корабль и поплыли дальше на юг. Лейв сказал:

— Я дам этой стране название по тому, что в ней есть хорошего. Назову ее Маркланд, Лесная Страна.

Они плыли ввиду берегов, но далеко от них. Земля была у них по правому борту. Потом берег повернул к западу, а они взяли курс на юго-запад и пробыли в открытом море четыре дня. И вот они снова увидели землю. Они направились к ней и подошли к острову к северу от нее. Они высадились и осмотрелись. На берегу росла высокая трава. Погода была хорошая. Они увидели, что трава покрыта росой. И когда они касались росы руками, а потом подносили руки ко рту, им казалось, что они никогда не пробовали ничего слаще этой росы.

Затем они вернулись на корабль и вошли в пролив между островом и мысом, протянувшимся на север. Здесь корабль сел на мель. Шел отлив, и скоро море оказалось далеко. Лейв сказал:

— Не будем же мы ждать полдня, пока вода вернется!

Им так хотелось поскорее высадиться, что они тут же оставили корабль и побежали к берегу. В море там впадала река, вытекавшая из озера. Когда корабль снова оказался в воде, они завели его в реку, а потом в озеро и там бросили якорь. Они снесли на берег спальные мешки и сделали себе землянки.

Страна была лесистая, и деревья здесь росли не те, что в Маркланде. Никто не знал, как называются многие из этих деревьев. Одно из них, с очень прочной древесиной, стали потом называть мёсур.

От леса до моря все заросло сочной травой. Ее хватило бы прокормить большое стадо. В реке и озере водилось много лосося, такого крупного, какого они раньше и не видывали. Люди Лейва били рыбу копьями, когда она поднималась по реке в озеро, и могли добыть ее, сколько хотели. Все были довольны, что нашли такую благодатную страну, и почитали это за большую удачу.

— Здесь мы зазимует, — сказал Лейв. — Но для этого придется построить большие дома.

Они принялись за работу и сложили два длинных дома из бревен и дерновых кирпичей.

Когда дома были построены, Лейв сказал:

— Я хочу, чтобы мы разделились и разведали край. Пусть поочередно половина из нас остается дома, а другие разведают окрестности. Но пусть далеко не заходят и к вечеру возвращаются и держатся вместе.

— Так мы не много разведаем, — сказал Тюркир. — Пусть лучше разведчики уходят на несколько дней.

Но Лейв сказал, что это опасно, потому что страна им не знакома.

Они стали делать, как сказал Лейв. Сам он то оставался дома, то ходил с другими на разведку. Они нашли колосья, которые годились в пищу. Лейв считал, что это самосеянная пшеница, а Тюркир говорил, что это то зерно, которое едят сарацины на востоке.

Случилось как-то вечером, что Тюркир пропал. Люди, ходившие с ним в разведку, вернулись и сказали, что он захотел зайти подалее, а они не решились нарушить приказание Лейва возвращаться к вечеру и не стали его ждать. Лейв выбрал спутников Тюркира и отправился его искать, взяв с собой двенадцать человек. Но только они отошли от домов, как Тюркир сам идет им навстречу. Они ему очень обрадовались. Видно было, что Тюркир доволен и весел. Лейв сказал:

— Почему ты так поздно, отец, и почему отстал от других?

Тюркир сперва что-то долго говорил по-немецки, вращая глазами и корча рожи, но никто не понял ни слова. Спустя некоторое время он заговорил на северном языке.

— Я был прав. Я говорил, что не годится разведывать страну, как ты велел. Я зашел немногим дальше своих спутников, но у меня есть что рассказать. Я нашел виноград.

И он показал им гроздь ягод.

— Это правда, отец? — спросил Лейв. — Это действительно виноград?

— Конечно, правда, — сказал Тюркир. — Ведь я родился там, где вдоволь и виноградной лозы, и винограда. Он мелковат и не очень сладок, но все же это настоящий виноград. Мы можем сделать из него вино, а еще лучше засушить его побольше, чтобы хватило на всю зиму.

Тут все стали пробовать ягоды и нашли, что они хороши на вкус. Они пошли в дом и спали остаток ночи, а утром Лейв сказал:

— Теперь у нас будет два дела. Один день мы будем собирать виноград, а другой — валить деревья, чтобы был груз для моего корабля.

Этим они и занимались до самой зимы. Зима выдалась мягкая.

Морозов не было, и трава почти не завяла. Дни здесь не так различались по длине, как в Гренландии и Исландии. В самое темное время года солнце стояло в небе четверть суток.

Спутники Лейва спрашивали его, не хочет ли он здесь поселиться.

— Ведь эта страна столь благодатна, что не нужно даже заготавливать корм скоту: коровы и овцы могут пастись всю зиму.

Лейв сказал, что намерен весной вернуться в Гренландию.

— Ведь мы не собирались переселяться и не подготовились к этому, не взяли даже скота. Достаточно того, что мы разведали страну и вернемся не с пустыми руками.

Он добавил, что, возможно, переселится сюда после.

Зима прошла спокойно. Всю зиму у них было вдоволь рыбы и дичи. Лейв дал стране название по тому, что в ней было хорошего. Он назвал ее Винланд, Виноградная Страна.

VIII

Теперь нужно рассказать о том, что произошло в Исландии с Торбьёрном, сыном Вивилия, другом Эйрика Рыжего.

Торбьёрн получил много добра в подарок от Эйрика, когда того объявили вне закона, как уже было рассказано. Торбьёрн хотел вернуть Эйрику его добро, когда тот приезжал после в Исландию, но Эйрик отказался взять его. Он сказал:

— По-моему, это еще недостаточная плата за твою помощь. Отблагодарить тебя по-настоящему я сумею только, когда ты приедешь ко мне в Гренландию.

Торбьёрн не поехал с Эйриком, потому что был очень уважаемым человеком в Исландии и имел много земли. Говорят, что благодаря Эйрику богатство Торбьёрна увеличилось на треть. Теперь он жил еще более широко, чем прежде, и давал пиры не только осенью, но и весной, и на праздник середины зимы. Вскоре, однако, дела у Торбьёрна пошли хуже, и у него стало не хватать денег. Об этом никто не знал, кроме родственников, потому что Торбьёрн не желал уменьшить свои расходы и тратил на пиры и подарки все больше денег с каждым годом.

Однажды Торбьёрн в сердцах сказал, что дары Эйрика не прибавили ему богатства, а скорее наоборот.

— Как будто какое-то проклятие лежало на этих деньгах, ведь с тех пор, как я их получил, ничего у меня не ладится, и хозяйство пришло в упадок.

В то время в Исландии уже повсюду шли разговоры о новой вере. Торбьёрн и его дочь Гудрид крестились одними из первых. Торбьёрн надеялся, что Христос поможет ему сохранить богатство. Но получилось так, что дела теперь шли еще хуже прежнего.

Вскоре христианство стало законом в Исландии. Это было решено на альтинге в то самое лето, когда погиб на Длинном Драконе святой Олав конунг, и за три зимы до плавания Лейва в Винланд, по нашему летосчислению — в лето от Рождества Христова 1000. Говорят, Исландия — единственная страна, где христианство было введено не силой оружия и без кровопролития.

Язычникам разрешили справлять свои обряды в том случае, если они не будут делать этого прилюдно. Торбьёрн немало поспособствовал тому, чтобы закон о христианстве был принят на альтинге.

Жил человек по имени Орм. Он жил на Орлиной Горе. Его жену звали Халльдис. Она была колдунья и знала тайные языческие обряды. Орм был большим другом Торбьёрна. Гудрид, дочь Торбьёрна, жила у Орма на воспитании. Однажды Орм пришел к Торбьёрну и сказал:

— Один человек по имени Эйнар хочет посвататься к Гудрид, твоей дочери. Он попросил меня помочь ему со сватовством.

— Кто таков этот Эйнар? — спрашивает Торбьёрн.

— Он удачливый купец, человек весьма достойный и, главное, богатый. Правда, он сын вольноотпущенника.

Торбьёрн сказал:

— Не ждал я от тебя, что предложишь мне отдать дочь за сына раба. Значит, вы находите, что у меня становится мало денег! Плохо же ты меня знаешь.

В сватовстве было отказано, как и многим другим женихам до Эйнара. Торбьёрн так рассердился на Орма, что забрал у него Гудрид, и она провела зиму с отцом.

Весной Торбьёрн созвал друзей на пир, как это было у него заведено. Приехало много народу, и пир удался на славу. Во время пира Торбьёрн попросил внимания и сказал:

— Я прожил долгую жизнь и пользовался расположением людей и их дружбой. Можно сказать, что мы хорошо ладили. Но теперь мне стало не хватать денег. Никогда мой дом не считался бедным, и я лучше уеду отсюда, чем потеряю свое достоинство, лучше покину страну, чем обещею свой род. Я хочу принять предложение Эйрика Рыжего и этим летом поехать в Гренландию, если мне это удастся.

Люди были потрясены этим решением, ибо Торбьёрна всегда

любили. Потом пир кончился, Торбьёрн одарил гостей подарками, и все разъехались.

Торбьёрн продал свои земли и купил корабль. В начале лета он вышел в море. С ним поехала Гудрид и еще тридцать человек, и среди них Орм и другие друзья Торбьёрна, которые не захотели с ним расставаться. Едва они отошли от берега, началась буря, и их долго носило по морю, так что за много дней они почти не продвинулись вперед. На корабле началась хворь, от которой люди умирали один за другим. Умерли Орм с Орлиной Горы, его жена Халльдис и еще семеро. Когда умер Орм, Гудрид заплакала, а Торбьёрн воскликнул:

— Труден путь в Гренландию!

И они вспомнили тогда рассказы о чудо-волне и о том, как из двадцати пяти кораблей, поплывших в Гренландию девятнадцать зим назад, лишь половина добралась до места. Люди стали молить Господа, чтобы Он сжалился над ними и позволил достичь хоть какой-нибудь земли. Гудрид сказала:

— Ни к чему все это. Сам Христос не в силах спасти нас, ибо проклятие лежит на всем, что связано с Эйриком, на его деньгах и его стране, и на тех, кто хочет переселиться в эту страну. Не случайно там до сих пор так много язычников. Думаю, Гренландию ожидает горькая участь, какой не выпадало ни одной стране.

— Опомнись, Гудрид, и не говори таких слов, если не хочешь накликать на нас еще худшие беды! — сказал Торбьёрн. — Помолись лучше вместе с нами!

И они молились и боролись с ветром, как могли, и так продолжалось еще несколько дней. Наконец буря утихла, и они смогли поставить парус. Люди продолжали умирать от болезней, но теперь это происходило реже. Вскоре показались берега Гренландии. Все, кто был на корабле, возликовали и стали благодарить Бога за свое спасение. Сильный ветер гнал их прямо к берегу. Внезапно корабль налетел на подводный камень. До земли оставалось еще полдня пути. Шел отлив, и они не могли снять корабль с камня, так что его быстро разбило волнами в щепки. Многие утонули, а пятнадцать человек удержались на камне, который уже начал показываться из воды. Среди спасшихся были Торбьёрн и Гудрид. Торбьёрн приказал ловить бревна и доски, чтобы сделать плот. Но люди так окоченели,

что едва могли двигаться, и им мало что удалось поймать. Большую часть обломков отнесло к другому, более высокому камню, что находился неподалеку, и выбросило на скалу, но Торбьёрн и его люди не могли туда перебраться.

И вот они лежат на камне, в отчаянии и безо всякой надежды, и ждут, когда пойдет прилив и их смоеет в море.

IX

В то самое лето, когда Торбьёрн отправился в Гренландию, Лейв собрался плыть домой после зимовки в Виноградской Стране. Люди Лейва погрузили на корабль все, что успели добыть: лес и виноград. Бревна уложили на дно, а сушеный виноград насыпали в лодку, что была у них на корабле. Они наполнили ее виноградом до краев, а это была большая лодка.

Они вышли в море и плыли, пока не увидели Гренландию, ее высокие горы и ледники. Тут один из людей Лейва спросил его:

— Почему ты держишь так круто к ветру?

Лейв отвечает:

— Я смотрю за тем, куда идет корабль, но также и за кое-чем другим. А вы разве не видите ничего особенного?

Они пригляделись и увидели что-то, им показалось — камень. Но у Лейва глаза были зорче, он видел на камне людей.

— Надо идти круто к ветру, чтобы подойти к ним, — сказал Лейв. — Если им нужна помощь, то надо ее оказать. Если же они люди не мирные, то все преимущества на нашей стороне, а не на их.

Они подошли к камню, убрали парус и спустили маленькую, другую лодку, которая у них была. Большую-то заняли под виноград. Тюркир спросил у людей на камне, кто их предводитель.

— Один из вас мог бы меня помнить, — отозвался Торбьёрн. — Ведь я знал его ребенком.

Тут Лейв узнал Торбьёрна и вскрикнул от радости, поняв, какого достойного человека он спас. Те, на камне, радовались ничуть не меньше.

— Повезло вам, — сказал Тюркир. — Что кораблем правил Лейв, а не Бьярни, прежний хозяин этого корабля. Бьярни проплыл

бы мимо и сказал бы, что не собирался, отправляясь в путь, снимать с камней кого ни попадя.

— Мы перевезем вас на корабль, — сказал Лейв. — И доставим в Гренландию, на Крутой Склон к моему отцу. Вы можете взять с собой столько добра, сколько сочтете нужным.

Торбьёрн сказал, что это не составит труда, потому что все их добро утонуло.

— А что это за доски там на скале? — спросил Лейв.

— Это обломки нашего корабля.

— Боюсь, теперь они годятся только на дрова. Пусть пока полежат здесь, груза у нас и так довольно.

Лейв привез Торбьёрна на Крутой Склон, как и обещал.

После этой поездки Лейва стали называть Счастливым. В то время люди почитали за большое счастье спасти от смерти пятнадцать человек, особенно таких знатных и уважаемых. Открыть три новые страны считалось не меньшей удачей.

Лейв выгодно продал товары, привезенные из Винланда, и щедро расплатился со своими спутниками. Он был теперь и богат, и славен. Эйрик хвалил его и говорил, что теперь может спокойно умереть, потому что добился в жизни всего, чего хотел.

Эйрик дал Торбьёрну хорошую землю на Бревенном мысу. Первую зиму Торбьёрн и Гудрид провели на Крутом Склоне. Там Гудрид завела дружбу с Торвальдом, младшим сыном Эйрика. Они часто занимались игрой в шашки, и Торвальд все время проигрывал, потому что смотрел больше на свою противницу, чем на доску. Торвальд был рослым юношей и мастером на все руки, хоть и не очень красив лицом.

В ту зиму в Гренландии было голодно. Мужчины возвращались с промысла с небогатой добычей, и во многих домах не хватало пищи. Кроме этой напасти, в Восточном поселении распространилась хворь, от которой многие умирали. Это была та самая хворь, что началась на корабле Торбьёрна.

В то время жила в Гренландии женщина по имени Торбьёрг. Она была ворожея и знала толк в колдовских делах. Ее называли Малой Вельвой. У Торбьёрг было в обычае ходить по пирам и показывать свое искусство. Торвальд пригласил ее на Крутой Склон, чтобы она предсказала людям будущее, потому что все устали от несчастий и хотели знать, когда же они кончатся.

Торбьерг, когда она пришла к Торвальду, была одета так: синий плащ с кожаными завязками спереди, отороченный самоцветными камушками до самого подола, черная смушковая шапка, подбитая белым кошачьим мехом, мохнатые башмаки из телячьей кожи с большими пряжками из желтой меди, перчатки из кошачьего меха, белые и мохнатые изнутри. Пояс у нее был из трута, а на поясе висел большой кошель с зельями для ворожбы. Торвальд взял ее за руку и подвел к почетному сиденью. На сиденье лежала подушка, набитая куриными перьями. Перед Торбьерг поставили угощение: кашу на козьем молоке и варево из сердец всех животных, которые водились в стране. Обращались с колдуньей очень уважительно. Когда столы убрали, Торбьерг сказала, что сегодня не сможет ответить на вопросы, потому что ей нужно поспать в доме ночь, чтобы яснее увидеть будущее.

На исходе следующего дня все собрались в главном помещении и сели вдоль длинного очага. Торбьерн ушел в тот вечер из дому, сказав, что не желает оставаться здесь, пока люди предаются такому суеверию. Торбьерг сидела на специальном помосте, так что лицо ее освещалось снизу, а глаза и лоб оставались в тени. Она спросила:

— Знает ли кто-нибудь из женщин песню вардлок? Эта песня необходима для ворожбы.

Сначала никто не отвечал, а потом Гудрид сказала:

— Моя приемная мать Халльдис научила меня этой песне. Но это такая песня и такой обряд, в котором мне не пристало участвовать, ведь я христианка.

— Это меня не касается, — сказала Торбьерг. — Торвальд должен был позаботиться обо всем, раз позвал меня.

Торвальд стал уговаривать Гудрид и сказал, что она не станет хуже оттого, что поможет людям. Гудрид сперва не соглашалась, но потом уступила. Она сказала, что делает это только ради Торвальда. Она стала петь таким красивым голосом, какого никто прежде не слышал. Пока она пела, поленья в очаге задымили и затрещали. Торбьерг сказала:

— Ты хорошо спела. Теперь многие духи явились к нам, и гадание будет удачным. В Гренландии скоро кончатся несчастливое времяна. Болезнь отступит, и даже скорее, чем вы думаете. А тебя, Гудрид, я хочу отблагодарить особо и рассказать о твоей судьбе, ибо

я ясно вижу ее. Ты вступишь в Гренландии в самый почетный брак, но он не будет долог, потому что все твои пути ведут в Исландию. Там от тебя произойдет большой и славный род.

Потом люди стали подходить к колдунье по одному и задавали вопросы, какие хотели, а Торбьёрг всем отвечала, и мало что не сбылось из ее предсказаний.

Той же зимой Гудрид спустилась однажды к проруби и полоскала там одежду. Ветер подхватил и унес одну рубашку, очень красивую, вышитую разноцветными нитками от ворота до подола. Торвальд был в это время поблизости. Он побежал за рубашкой, поймал ее и принес Гудрид.

— Вот твоя рубашка, — сказал он. — Она необычайно красива, на я думаю, что есть наряд, который тебе еще больше к лицу.

— Какой же?

— Я говорю о свадебном наряде. Я собрался просить твоего отца, чтобы он дал мне тебя в жены.

Гудрид молчала, а Торвальд сказал:

— Разве тебе не понравились мои слова?

Гудрид сказала:

— Отец не согласится на этот брак, потому что мы разной веры. Бесполезно и просить его. Другое дело, если бы ты принял крещение. Это было бы для нас обоих самое лучшее.

— Не могу я этого сделать, — сказал Торвальд. — Ведь я поклялся отцу хранить верность старым богам. Он считает, что они покровительствуют нашему роду и этой стране.

— Тогда нашим желаниям не суждено сбыться.

Спустя несколько дней Торвальд снова встречается с Гудрид и говорит ей:

— Я решил, как мне поступить, и это, думаю, нам поможет. Виноградная страна, которую открыл мой брат, разведана пока очень плохо. Я поеду туда, чтобы лучше все исследовать. Если мне повезет, я вернусь с большими богатствами: привезу винограда, леса и всяких диких животных. Я стану богат и славен, как Лейв, и тогда Торбьерн не сможет мне отказать в сватовстве.

— Хорошо, — сказала Гудрид. — Делай, как задумал. Но ты должен обещать мне, что вернешься следующим летом. Этот год я буду тебя ждать. Но если ты не вернешься в условленный срок, может

случится так, что отец захочет выдать меня за кого-то другого, и я не смогу противиться его воле.

— Конечно, я вернусь, — сказал Торвальд.

Весной, как только сошел лед, Торвальд идет к Лейву и просит у него корабль. Еще он хочет, чтобы Лейв отдал ему свои дома в Виноградной Стране.

— Я не отдам тебе дома насовсем, — сказал Лейв. — Но готов их одолжить, так же как и корабль. Но сначала корабль пойдет за дровами, которые остались на камне, когда я спас Торбьерна.

Торвальд отправился в Винланд, как только Лейв привез дрова с камня. С ним поехало 30 человек. Тюркир южанин очень хотел поехать с Торвальдом, но его поразила тяжкая болезнь. Тюркир не смог даже проводить корабль. Когда Торвальд отплывал, Гудрид вышла на берег и стояла на скале до тех пор, пока корабль не пропал из вида.

Тюркир вскоре умер. Вслед за ним заболел Эйрик Рыжий. Он пролежал в болезни несколько дней и тоже умер. Оба они, Тюркир и Эйрик, умерли от той хвори, которую привез в Гренландию Торбьерн.

Гудрид оплакивала Эйрика вместе с другими женщинами, и люди слышали, как она сказала:

— Вот умер Эйрик Рыжий, и некому похоронить его, как подобает, и утешить меня в моем горе.

Фрейдис сказала:

— Если ты о том, что Лейв и Торстейн христиане, а Торвальд уехал, то ведь у Эйрика есть еще и дочь. Я провожу отца в этот путь с честью.

Эйрик был похоронен в кургане, по языческому обычаю.

Х

О плавании Торвальда ничего не рассказывают до того, как они приплыли к домам Лейва в Виноградной Стране. Половина людей и корабль остались там, а остальные поехали на лодке разведывать берега на северо-востоке. Они увидели, что страна красива и лесиста, а по берегам всюду белый песок и большие мели. Они нигде не встретили человеческого жилья. Осенью разведчики вернулись. Корабль они вытащили на берег и провели зиму, ловя рыбу себе на пищу.

Весной Торвальд отправился на корабле на восток, а потом на север вдоль берега. Они заплыли очень далеко. Однажды они попали в сильную бурю, и корабль выбросило на каменистый мыс. У корабля оказался сломан киль. Торвальду пришлось долго оставаться на этом мысу, пока вместо сломанного кия был поставлен новый. Торвальд назвал это место Килевым мысом — Кьяларнес. Он сказал:

— Из-за этой задержки мне придется нарушить свое обещание и зазимовать здесь еще один раз. Не могу же я уехать, когда мы еще так мало разведали.

Они отправились обратно к домам Лейва, но плыли другим путем, огибая с востока ту землю, которую они обошли с запада на пути к Килевому мысу. Однажды они вошли в устье двух фьордов, разделенных длинным мысом. По берегам росла густая трава и цвели яркие цветы, холмы были покрыты лесом, а вдали виднелись горы. Торвальд сказал:

— Здесь красиво, здесь я хотел бы поселиться.

Они высадились и обошли окрестности. Они заметили на песке какие-то бугорки и подошли к ним. Это оказались перевернутые кожаные лодки. Под каждой из них спали три человека. Торвальд и его спутники долго их разглядывали, потому что никто никогда не видел

таких людей. Они были низкорослы и некрасивы, с грубыми волосами и широкими скулами. Одеты они были в шкуры, и рядом с каждым лежал короб с костным мозгом, смешанным с кровью.

— Как мы поступим с этими людьми? — спросил один из спутников Торвальда.

Тот ответил:

— Разумнее всего будет их убить. Раз люди спят в таком жалком виде, без крова и всякого добра, значит, они объявлены вне закона и изгнаны. Мы поступим по справедливости, если убьем их, и местные жители будут нам благодарны.

— О каком законе ты говоришь? — спрашивает один из гренландцев. — Здесь могут быть совсем другие законы, нежели те, которые нам известны.

— Это вряд ли, — говорит Торвальд.

Гренландцы обнажили мечи и убили восьмерых туземцев, а девятый вскочил и бросился наутек. Люди Торвальда не смогли его догнать.

Потом гренландцы вернулись на корабль. Здесь их всех одолел сон, и они заснули. Вот Торвальду снится, будто он и Гудрид стоят на этом мысу возле большого дома. На Гудрид прекрасные белые одежды. Она берет Торвальда за руку и ведет по тропе через лес. Вдруг Торвальд видит, что они пришли на Крутой Склон к дому Эйрика в Гренландии.

— Зачем мы здесь? — говорит Торвальд. — Ведь мой дом в Виноградной Стране. Я построил там большой и красивый дом в удивительном месте.

— Но я хочу, чтобы ты был со мною в Гренландии. А ты разве не хочешь этого?

— Хочу, — говорит Торвальд. Тут Гудрид меняется в лице и кричит:

— Тогда просыпайся, Торвальд, и уезжай из этой страны! Просыпайся скорей, если хочешь сохранить жизнь!

Торвальд тут же очнулся от сна и увидел, что огромное множество лодок плывет к кораблю из глубины фьорда. Тут проснулись остальные. Торвальд сказал:

— Поставим вдоль борта щиты и будем обороняться, а сами не станем нападать.

Так и сделали. Туземцы начали стрелять в них из луков, но стрелы отскакивали от щитов. Постреляв какое-то время, туземцы уплыли. Торвальд сказал:

— Видите, как мы разумно поступили. Никто из нас не ранен. Одному мне не повезло. Стрела пролетела между бортом и моим щитом и попала мне в подмышку. Вот эта стрела. У нее зазубренный наконечник. Она принесет мне смерть.

Потом он сказал им, что видел вещий сон, и велел поскорее уезжать из этой страны.

— И я хочу, чтобы меня похоронили на этом мысу, где мне так хотелось поселиться. Похороните меня по обычаю христиан. Гудрид будет довольна, когда узнает об этом. Поставьте кресты в ногах и головах моей могилы. А это место пусть зовется Крестовым мысом.

Торвальд умер, и его люди сделали все, как он просил. Потом они вернулись к домам Лейва и зазимовали там. Весной они нагрузили корабль виноградом, виноградной лозой и лесом, вышли в море и благополучно прибыли в Гренландию.

XI

В Гренландии между тем случилось вот что. Год прошел после отъезда Торвальда, и он не вернулся в условленный срок. Летом Торстейн, сын Эйрика, пришел к Тьодхильд, своей матери, и сказал:

— Не думаешь ли ты, мать, что мне пора жениться?

— Конечно, — ответила Тьодхильд. — Но в этом деле главное — выбрать подходящую невесту.

— У меня есть кое-кто на примете, — сказал Торстейн. — Но я не уверен, что поступлю правильно, если посватаюсь к этой девушке.

— Ты, должно быть, говоришь о Гудрид, дочери Торбьёрна.

— Верно, — сказал Торстейн. — В Гренландии нет девушки красивее и искуснее.

— Это хорошая невеста, — сказала Тьодхильд. — И я не понимаю, почему ты сомневаешься. Вряд ли Торбьёрн откажет тебе в сватовстве.

— Дело в том, что, как мне кажется, Торвальд тоже собирался жениться на Гудрид, а мне не хотелось бы становиться на пути у брата.

— Пусть тебя это не беспокоит, — сказала Тьодхильд. — Никто ведь не гнал Торвальда в чужие страны. Ему следовало бы сначала уладить свои дела здесь, и уже потом уезжать. К тому же он обещал вернуться этим летом, но его до сих пор нет. Возможно, он вообще не вернется.

Торстейн поблагодарил мать и сказал, что хочет все же посоветоваться еще с Лейвом и Фрейдис. Лейв сказал:

— В таких делах опасно давать советы. Ты должен сам решить, что для тебя лучше. А я не хочу, чтобы обо мне говорили, что я предпочел одного брата другому.

Тогда Торстейн пошел к Фрейдис и рассказал ей о своем деле. Фрейдис сильно разгневалась. Она так громко кричала, что ее слышали во дворе.

— Пусть падут стыд и срам на твою голову! Как ты можешь так поступить с собственным братом! Пусть не будет тебе удачи ни в чем, мерзавец!

Торвальд сказал:

— Дело в том, что Торвальд, судя по всему, не вернется. Он, наверное, утонул в море или погиб в чужих странах.

— Замолчи, собака! — вскричала Фрейдис. — Я знаю, чьи слова ты повторяешь! Видно, Тьодхильд очень уж хочется отправить Торвальда вслед за его матерью, вот она и говорит так нарочно, чтобы накликать на него беду!

Торвальд сказал:

— Не понимаю, о чем ты.

— Можно подумать, ты не слышал, что говорят люди о Тьодхильд и о том, как она уезжала из Исландии. Тогда она показала, на что способна.

— Не смей вспоминать эти сплетни! — воскликнул Торстейн. — Вижу, с тобой бесполезно говорить: слишком много в тебе злобы. Теперь я уж точно женюсь на Гудрид, хотя бы для того, чтобы досадить тебе.

С тех пор Торстейн и Фрейдис не разговаривали друг с другом. Торстейн отправился на Бревенный мыс к Торбьёрну и посватался к Гудрид. Торбьёрн сказал, что согласен отдать дочь за Торстейна. Они договорились устроить свадебный пир на Крутом Склоне в начале зимы. Потом Торстейн уехал.

Торбьёрн позвал Гудрид и сказал:

— Торстейн, сын Эйрика, приходил просить тебя в жены. Это для тебя прекрасное предложение. Я дал свое согласие, и мы назначили свадьбу на начало зимы. Вас обвенчают в церкви с соблюдением всех христианских обычаев.

Гудрид заплакала, услышав эти слова.

— Что ты наделал, отец! Я не хочу выходить замуж за этого человека. Разве ты не мог посоветоваться со мной, или мое мнение для тебя ничего не значит?

— Трудно было бы сделать большую глупость, чем отказаться от

такого предложения. Ведь это самый почетный брак, какой можно заключить в Гренландии. Или тебе больше нравилось, когда за тебя сватался Эйнар, сын раба? Торстейн — человек знатный, богатый и разумный. К тому же не забывай, что твое приданое невелико.

— У Эйрика есть еще сыновья, кроме Торстейна. — сказала Гудрид.

— Верно. Но Лейв, как ты знаешь, даже не смотрит на женщин после своего плавания в Норвегию. Говорят, его там околдовали.

— Я говорила о Торвальде, отец.

— Не смей и думать об этом язычнике! — вскричал Торбьёрн. — Не хватало еще такого позора на мою голову! Ты выйдешь за Торстейна Эйриксона, и это мое последнее слово!

Гудрид ушла в свою светлицу и долго там стонала и плакала.

В начале зимы Торстейн и Гудрид обвенчались, как и было условлено. Свадебный пир был богатым и пышным, но никто не назвал бы его веселым.

Гудрид была печальна и молчалива.

После свадьбы они стали жить на Крутом Склоне в самом большом доме, вместе с Лейвом и Фрейдис. А Тьодхильд жила отдельно с тех пор, как приняла христианство.

Гудрид оказалась расторопной хозяйкой. С Торстейном она держалась ровно и приветливо, как и подобает доброй жене.

Однажды, вскоре после свадьбы, Гудрид вскрикнула во сне и разбудила Торстейна.

— Что случилось? — спросил он.

— Мне показалось, будто мне обожгло левую подмышку, вот я и вскрикнула.

— Мало ли что приснится, — сказал Торстейн и велел ей спать.

В ту зиму умер Торбьёрн, сын Вивиля.

Следующим летом вернулись спутники Торвальда. Все сильно опечалились, узнав о его гибели.

Фрейдис сказала:

— Вот и вторая смерть. Неужели и она останется неотмщенной? Это было сказано тихо, так что услышали немногие.

Гудрид стала уговаривать Торстейна, своего мужа, плыть в Виноградную Страну. Торстейн не хотел ехать. Он сказал:

— Мало тебе, что Торвальд погиб там, ты и меня хочешь отправить в могилу.

— Вот уж не думала, что мой муж — трус, — сказала Гудрид.

— Дело не в страхе, а в благоразумии. Нам незачем ехать в Винланд: у нас и так всего довольно.

— Но там осталось тело Торвальда. Мы должны привезти его сюда и похоронить в освященной земле. Ведь он перед смертью принял христианство.

— Его и так похоронили по всем правилам, — сказал Торстейн. — Так что его душа теперь успокоилась.

— Зато моя душа беспокойна, — сказала Гудрид. — И мы все-таки поедem в Винланд, хочешь ты того или нет.

Торстейн сказал:

— Пустые это слова и неразумные. И не надейся, что я пойду у тебя на поводу.

После этого Гудрид стала говорить всем людям, которых встречала, что Торстейн задумал поехать в Винланд за телом Торвальда, чтобы похоронить его в освященной земле.

Она пошла в церковь и дала священнику денег, чтобы он молил Бога об их удачном плавании. Скоро все в округе узнали о предстоящем походе Торстейна в Винланд и хвалили его за смелость и благородство.

Торстейн сказал:

— Все-таки ты вынудила меня отправиться в это плавание. Раз уж так получилось, не будем тянуть с отъездом.

Торстейн подобрал себе спутников — самых рослых и сильных людей, и нагрузил корабль оружием, чтобы защищаться от туземцев. В начале лета они вышли в море.

Как только земля скрылась из виду, погода испортилась, начались бури и туманы. Все лето их носило по морю, и они не знали, куда плывут. За неделю до начала зимы они увидели какую-то землю. Это их очень обрадовало, потому что припасы подошли к концу, и все были измучены этим плаванием.

Торстейн спросил у Гудрид:

— Что это за земля, по-твоему?

— Не знаю, — сказала она. — Но уж верно не та, к которой мы стремились. Видно, Бог не желает, чтобы мы попали в Винланд. Придется смириться с этим.

Они подошли к земле и высадились. Тут они встретили людей и

узнали, что корабль их занесло в Пикшевый фьорд в Западном поселении Гренландии.

Они вынесли корабль на берег, и Торстейн стал ходить по дворам и подыскивать жилье себе и своим спутникам. Вышло так, что всем он нашел жилье, кроме себя и Гудрид. Тогда Торстейн с женой поставили палатку возле корабля и оставались там вдвоем несколько ночей.

Однажды рано утром к их палатке подошел человек и спросил, кто здесь.

— Двое, — сказал Торстейн. — А кто спрашивает?

— Мое имя Торстейн, а зовут меня Торстейном Черным. Я пришел, чтобы пригласить вас обоих пожить у меня.

Торстейн, сын Эйрика, говорит жене:

— Принять ли нам предложение этого человека?

— Не знаю, — отвечает Гудрид. — Очень уж он мрачен на вид, не удивительно, что его прозвали Черным. Но я хочу, чтобы ты сам решил.

— По-моему, у нас нет другого выхода.

И они согласились поехать к Торстейну Черному и провести у него зиму.

— Тогда я приеду за вами на телеге. У меня нет недостатка в средствах, чтобы вы могли безбедно жить в моем доме, но, боюсь, вам будет у меня скучно. Мы живем вдвоем с Гримхильд, моей женой, и мы оба очень нелюдимы. К тому же мы другой веры, чем вы.

Надо сказать, что в Западном поселении в то время, да и после, было очень много язычников.

Торстейн и Гудрид поехали к Торстейну Черному и жили у него в полном довольстве.

В начале зимы болезнь стала косить людей Торстейна, сына Эйрика. Он велел делать гробы и отвозить трупы на корабль, потому что собирался весной отвезти все тела в Восточное поселение и похоронить в церкви.

Вскоре болезнь пришла и в дом Торстейна Черного. Первой заболела Гримхильд, его жена. Она была высокого роста и сильная, как мужчина, но болезнь свалила и ее. Вслед за ней заболел Торстейн, муж Гудрид.

— Горе мне, — сказала Гудрид. — Видно, на этой стране и

впрямь лежит проклятие. И сама я тоже несу его, ибо вот уже второй раз болезнь уносит людей, которые плыли со мной на корабле.

Вот Гримхильд захотела выйти в отхожее место. Гудрид довела ее до двери. На пороге Гримхильд громко вскрикнула.

— Напрасно мы это сделали, — сказала Гудрид. — Тебе не следовало выходить на холод. Давай вернемся.

— Нет, я уже не вернусь. Я вижу множество мертвецов, вот они, столпились у двери. И среди них — твой муж и я сама. Как ужасно это видеть!

Тут Торстейн Черный говорит жене:

— Приглядиись, Гримхильд, не видишь ли ты еще чего-нибудь?

— Я вижу толпу черноволосых людей, узкоглазых, с широкими скулами. Мне кажется, что они стреляют в нас из луков.

Гудрид сказала:

— Должно быть, это те люди, которым Господь предначертал жить в Гренландии и Виноградной стране, а мы нарушили волю Всевышнего.

Тут Гримхильд застонала и умерла на руках у Гудрид.

Торстейн Черный положил труп на постель и вышел из дому. Его долго не было. Гудрид сидела подле больного мужа.

Вдруг Торстейн, сын Эйрика, сказал:

— Что-то неладное творится с нашей хозяйкой. Гляди, она пытается встать.

Гудрид сильно перепугалась. А труп уже свесил ноги с постели. Тут вернулся Торстейн Черный.

Гудрид сказала:

— Наконец-то ты пришел! Посмотри, мертвая Гримхильд хочет слезть с постели.

— Этого следовало ожидать. У нас и не такое случается, ведь мы живем на самом краю света. Тем более, что она была колдунья.

И он подходит к Гримхильд и всаживает ей секиру в грудь. Потом он увозит ее хоронить. Он был мужчина рослый и сильный, но и ему понадобилась вся его сила, чтобы вытащить гроб с ее телом из дома.

Здесь следует сказать, что Западное поселение Гренландии — это и впрямь край света и о его жителях издавна шла дурная слава. Там было много колдунов и творились недобрые дела, и старая вера

удерживалась там дольше, чем где бы то ни было. Кончилось все тем, что однажды гренландский епископ, приехав в Западное поселение, нашел его полностью опустевшим. Там не нашли ни живых людей, ни трупов, ни каких-либо следов побоища. Куда подевались жители, неизвестно и по сей день, если не считать того, что рассказывается в саге об Эрлинге. Монах Сигфус, сын Гудбранда, считает эту сагу лживой.

Далее случилось вот что.

Через два дня умер Торстейн, сын Эйрика. Гудрид была в большой горе. Сначала она долго плакала, а потом сидела на стуле у скамьи, на которой лежал ее муж. Торстейн Черный поднял Гудрид со стула и сел на скамью напротив, посадив Гудрид себе на колени. Он всячески успокаивал и утешал ее.

— Весной мы поедем на Эйриков фьорд, — сказал он. — И отвезем туда тело твоего мужа и всех его спутников, которые умерли этой зимой. Там их смогут похоронить по обычаям вашей веры, с отпеванием и прочим.

Надо сказать, что в Гренландии существовал обычай хоронить людей в неосвященной земле в усадьбе, где они умерли. В могилу вбивали столб, а после, когда приезжал священник, столб вынимали, в дыру от столба вливали святую воду и совершали отпевание, хотя бы это было спустя много времени. Так делали потому, что в Гренландии всегда было мало священников, а усадьбы стояли далеко одна от другой. Но люди набожные считали, что не подобает так поступать.

Торстейн Черный сдержал слово и весной отвез всех покойников и Гудрид на Эйриков фьорд. Торстейна, сына Эйрика, и его спутников похоронили в церкви. Торстейн Черный остался на Эйриковом фьорде и построил себе усадьбу. Он слыл очень доблестным человеком.

Гудрид отправилась на Крутой Склон к Лейву. Лейв хорошо ее принял, и Гудрид жила там некоторое время.

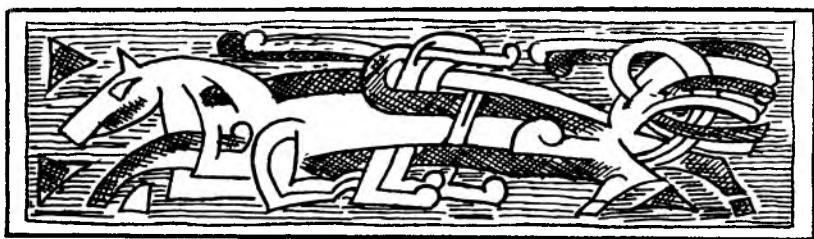
Вскоре к ней посватался Торстейн Черный. Он сказал, что готов ради нее принять крещение.

Но Гудрид отказала ему.

— У меня достаточно причин не выходить вторично замуж за гренландца. К тому же мне предсказали, что все мои пути ведут в Исландию, и я предпочитаю верить этому пророчеству.

В Гренландии тогда было много разговоров об открытии новых земель и о поездках в Виноградную Страну. Говорили, что такая поездка приносит богатство и славу. Но после гибели Торвальда и неудачного плавания Торстейна в Гренландии не нашлось охотников плыть в Виноградную Страну. Верно говорят, что всегда легче сказать, чем сделать.

XII

На другое лето в Эйриков фьорд пришел корабль из Исландии. Правил кораблем человек по имени Торфинн, по прозвищу Карлсефни. Он был знатного рода и очень богат. Торфинн совершал торговые поездки по всем северным странам. Он был хорош собой, статен и знал правила обхождения.

Карлсефни привез в Гренландию много разного товару. Он велел снести все на берег и сразу же начал торговлю. Собралось немало народу, и торговля шла бойко. Вот приходит туда Гудрид и видит красивую меховую шапку из Страны Бьярмов и спрашивает Торстейна, сколько он хочет за эту шапку.

— Я дарю ее тебе, красавица, — отвечает Карлсефни. — И возьми также других товаров, сколько хочешь. Вот уж не думал, что в Гренландии можно встретить таких женщин, как ты.

— Здесь немало достойных людей, — говорит Гудрид. — Не стоит верить сплетням, которые распускают злые люди, будто в Гренландии одни колдуны и язычники.

— Я им и не верю, — говорит Торфинн.

Потом он одарил Гудрид богатыми подарками. Гудрид сказала:

— Даже не знаю, чем тебя отблагодарить. Если ты еще не посмотрел себе жилья на зиму, можешь перезимовать у нас на Крутом Склоне. Там много больших домов, так что тебе и твоим людям будет где разместиться. А запасов у нас с лихвой хватит.

Гудрид распоряжалась четвертой частью имущества на Крутом Склоне, а другие три четверти принадлежали Лейву, Фрейдис и Тьодхильд.

Карсефни принимает приглашение и велит перевезти свои вещи на Крутой Склон.

Лейв и Торфинн быстро стали друзьями и подолгу беседовали, сидя у очага в центральном зале.

Гудрид обычно сидела рядом на женской скамье и принимала участие в беседах. Торфинна очень интересовало, какие товары можно купить в Гренландии, чтобы потом выгодно продать их в Норвегии или Дании.

Однажды Карлсефни сказал:

— Я слышал, здесь водятся белые медведи. Мне бы очень хотелось поймать одного и отвезти живьем в Норвегию.

Лейв рассмеялся и сказал:

— Что толку в живом медведе? Не собираешься же ты водить его по дворам и показывать за деньги!

— Конечно, нет, — сказал Карлсефни. — Я хочу подарить медведя конунгу.

— Вот это разумно, — сказал Лейв. — Конунг щедро отблагодарит тебя за такой подарок. И все же советую тебе хорошенько подумать, прежде чем браться за это дело. Смекни сам, сколько мороки у тебя будет с живым медведем. Не лучше ли взять другого товара, не менее выгодного и притом не требующего никаких забот?

— Что бы ты мог предложить? — спрашивает Карлсефни.

— Почему бы тебе не съездить в Виноградную Страну, которую я открыл? Там растет дерево мёсур — прекрасное дерево, оно не боится гнили. И там сколько угодно винградской лозы и винограда.

— Я уже немало слышан о Виноградской Стране. Одного не могу понять: почему ты сам не хочешь съездить туда второй раз? Если все дело в туземцах, то с ними, думаю, можно поладить, как с любыми людьми. Есть ли в Виноградской Стране еще другие опасности, о которых я не знаю?

— Нет, больше никаких, — сказал Лейв. — Что до меня, то я очень хочу туда поехать, и, может быть, даже поселюсь там спустя какое-то время. Но после смерти Эйрика я стал старостой в Гренландии. Ты сам видишь, люди то и дело приходят ко мне за советом и просят разрешить их споры. Я считаю, не годится мне оставлять Гренландию, пока мне нет здесь достойной замены.

— Если так, я, пожалуй, послушаю твоего совета, — говорит Торфинн. — И поеду в Винланд следующим летом, и поселюсь там, если будет возможно. Тогда у меня всегда будет вдоволь дерева месур

и винограда, и я буду возить эти товары сюда или в Исландию и быстро разбогатею.

Гудрид сказала:

— Торвальд тоже хотел поселиться там, и ты знаешь, чем это кончилось.

— Надеюсь, мне повезет больше, — сказал Карлсефни. — Пока что мне удавалось все, за что бы я ни брался.

— Пусть же твоя удача не оставит тебя, — сказала Гудрид.

На праздник середины зимы на Крутом Склоне был устроен большой пир. На него приехали все знатные люди Восточного поселения. Лейв и Карлсефни позаботились, чтобы и угощение, и подарки были на славу. На пиру много говорили о Виноградской Стране. Карлсефни объявил, что намерен отправиться туда следующим летом. Все хвалили его и желали удачи, а некоторые вызвались поехать с ним.

На том же пиру Карлсефни посватался к Гудрид. Он сказал:

— Лучшей невесты мне не сыскать, а в такое плавание, какое я задумал, негоже пускаться без доброй жены. Я хотел бы этой же зимой сыграть свадьбу, если, конечно, ты согласна.

— Я бы не стала тебе отказывать, но мне кажется, что я приношу несчастье тем, кто связывает со мной свою жизнь. Я уже не раз могла убедиться в этом.

Карлсефни сказал:

— Странно, что такая разумная женщина, и к тому же христианка, предается суевериям. Все это чепуха, по-моему. В любом случае моя удача сильнее твоих неудач.

Гудрид сказала, что не может сама принять решение.

— Спросим у Лейва, и как он скажет, так я и сделаю.

Лейв выслушал их и сказал:

— Я очень признателен тебе, Гудрид, что ты доверила мне решать твою судьбу. Так уж повелось у нас в Гренландии: все, чуть что, идут к Лейву за советом. Мнение же мое таково, что этот брак как раз для тебя. Можно сказать, тебе крупно повезло. Выходи за Торфинна и поезжай с ним в Винланд. А что касается приданого, то ты получишь у меня свою долю добра по первой просьбе.

Той же зимой на Крутом Склоне сыграли свадьбу. Карлсефни был доволен, да и Гудрид не казалась такой угрюмой, какой была со времени гибели Торвальда и Торстейна.

Весной Карлсефни стал снаряжать корабль и набирать людей. К нему пришел Торстейн Черный и сказал, что хочет ехать с ним.

— Я с радостью возьму тебя, — сказал Торфинн. — Я от многих слышал, какой ты доблестный человек, и мне известно, что ты оказал большую услугу моей жене позапрошлой зимой.

Карлсефни попросил Лейва отдать ему дома в Виноградской Стране. Лейв сказал, что охотно одолжит их, но только не насовсем. Карлсефни договорился со своими спутниками, что всю добычу они будут делить поровну.

Вскоре сборы были закончены, и корабль вышел в море. С Торфинном поехали 60 человек. Они взяли с собой всякого скота, потому что собирались поселиться в Виноградской Стране, если будет возможно.

Торстейн Черный все время усмехался и подмигивал Гудрид. Карлсефни это не нравилось, и он уже стал жалеть, что взял Торстейна на корабль.

Они поплыли старым путем: мимо Западного поселения к Медвежьим островкам, потом на юго-запад, пока не достигли Страны Каменных Плит. Они не стали высаживаться и поплыли на юг. Через трое суток они увидели вторую землю. Они решили, что это Лесная Страна, но не та ее часть, которую видел Лейв. Они хотели высадиться, но не смогли, потому что вдоль берега тянулись длинные песчаные отмели и был сильный прибой. Тогда они поплыли на юго-восток, держась совсем близко к берегу, и нигде не могли высадиться. Карлсефни назвал эту местность Фюрдюстрандир — Удивительные Берега, потому что так долго пришлось плыть вдоль них. Наконец они подошли к какому-то мысу и там бросили якорь и высадились. Гудрид заметила что-то среди камней и вскрикнула — не громко, но так, что услышал Карлсефни.

— Что там? — спросил Торфинн.

— Так, одна безделица, — сказала Гудрид. — Право же, не стоит и смотреть.

Тогда он подошел к ней и увидел в трещине скалы сломанный киль от корабля. Увидели его и другие, и кое-кто смекнул, что это киль от корабля Торвальда, но вслух ничего сказано не было.

— Пусть этот мыс зовется Килевым, — сказал Карлсефни.

— Трудно придумать лучшее название, — сказала Гудрид.

Один из людей Карлсефни нашел на мысу незаконченное резное украшение из дерева месур. Гудрид сказала:

— Дай мне его.

Она решила, что это украшение делал Торвальд для нее, ведь он был мастер на все руки, и она узнала его работу.

— Возьми его, — сказал тот человек. — Но смотри, как бы Карлсефни не рассердился.

— В этом нет ничего дурного, — ответила Гудрид. — Ведь я не знаюсь с мужчинами за спиной у Торфинна.

Они разведали берега и увидели, что лес повсюду подступает к самому морю, а хорошей травы для скота нигде нет. Они не нашли ни винограда, ни дерева месур. Карлсефни сказал:

— Эта страна нам не подходит, здесь нет пастбищ. Поедем дальше вдоль берега, пока не найдем чего-нибудь получше.

Они взошли на корабль и двое суток плыли на юго-восток, пока на пришли к устью какого-то фьорда. Там были сильные течения. Напротив устья находился остров. Карлсефни назвал этот фьорд Оточным — Страумфьорд, а остров — Оток — Страумей.

К востоку от устья был мысок, а за ним — удобная бухта. Здесь они высадились и осмотрелись. Эта местность показалась им более приветливой, чем та, которую они обследовали первой. Лес не подступал здесь так близко к морю, и от леса до берега всюду росла высокая трава. У самого моря берег круто поднимался, а дальше шел ровный луг, посередине которого протекала речка. На юге за лесом виднелись горы.

— Это место мне нравится, — сказал Карлсефни. — Тут мы и обоснуемся.

— Но это еще не Виноградная Страна, — сказал один моряк из тех, кто плавал с Лейвом. — Эту землю нужно обогнуть и плыть на юго-запад.

Карлсефни ответил:

— Нам уже достаточно повезло, что мы удачно добрались сюда и нашли хорошее место для поселения. Не зачем лишний раз искушать судьбу. И потом, если это и не Виноградная Страна, то какие-то ее окрестности, так я понимаю.

Гудрид сказала:

— Мне хотелось бы проплыть дальше на восток, потому что там,

как мне кажется, должен находиться Крестовый мыс и могила Торвальда.

— Не слишком ли часто ты его вспоминаешь? — сказал Карлсефни. — А я-то думал, что делаю все возможное, чтобы ты поскорее забыла о прошлом. Ведь мертвого не воротишь, а что толку в старых костях?

Гудрид сказала, что они окажут немалую услугу Лейву, если привезут в Гренландию прах его брата.

— Ведь мы оба многим обязаны Лейву.

— Это верно, — сказал Карлсефни. — И мы, конечно, постараемся найти могилу Торвальда. Но это будет следующим летом, когда мы поплывем разведывать страну. А зимовать будем здесь, как я сказал.

Люди Карлсефни перенесли на берег спальные мешки и другую кладь, и пустили скот пастись на лугу. Потом они принялись за постройку домов. Карлсефни хотел, чтобы это были большие и крепкие дома.

— Ведь мы можем остаться здесь надолго, а то и насовсем.

Они построили на правом берегу ручья два больших дома и баню. Потом они нашли болотную руду, и тогда на левом берегу построили кузницу. Они стали выплавлять железо и ковать ножи, гвозди и другие вещи, необходимые в хозяйстве.

Здесь следует рассказать о том, как добывали железо в старину, потому что ныне об этом почти никто не знает, и мы предпочитаем покупать готовые ножи и топоры у норвежских торговцев.

Шли на болото и вокруг него под дерном искали болотную руду. Это рыжие камешки, их много возле болот. Потом пережигали дерево на уголь в больших ямах, выложенных камнями и прикрытых дерном. Толкли руду и смешивали с углем. Потом такую же яму наполняли этой смесью и закрывали. Затем поджигали уголь и качали мехами воздух. Здесь нужно было немалое мастерство. Если жар будет слаб, руда не расплавится, слишком силен — выйдет не железо, а чугун. Когда уголь прогорал, яму раскрывали и вынимали слиток железа со шлаком, раскаленный до красна. Его клали на наковальню и били молотом, пока весь шлак не отлетит. И сразу же ковали из горячего железа меч или лопату, кому что нужно.

Еще мы должны сказать об этом крае, который открыл Карлсеф-

ни. Недавно южане открыли его заново и увидели развалины домов Карлсефни. Они поняли, что это не дома туземцев, и, значит, кто-то уже находил эту землю раньше. Южане тогда дали стране название — Вновь Найденная Земля, иначе Ньюфаундленд.

Постройка домов продолжалась до самой зимы. Все это время Карлсефни и его люди кормились рыбой и ягодами. Они били в ручье лосося, а на проливе вырыли ямы, и когда вода уходила, в ямах оставалась камбала. Карлсефни не позаботился о запасах на зиму, ибо считал, что зима будет мягкой и они всегда смогут найти себе пропитание. Но надежды его не оправдались. Пришла суровая зима, море замерзло на три мили от берега, и они не могли добыть ни рыбы, ни дичи. Корм был только для скота, потому что снега выпало мало и скот мог по-прежнему пастись на лугу. Дело шло к тому, что весь скот придется забить, чтобы самим не умереть с голоду. Карлсефни, Гудрид и их люди усердно молили Господа послать им какую-нибудь добычу. Но их молитвы не были услышаны так скоро, как им хотелось.

Однажды Торстейн Черный пришел к Гудрид и сказал:

— Теперь ты видишь: ваша вера никуда не годится. Я мог бы еще добавить, что от нашего предводителя толку и вовсе никакого. Вряд ли кто-то смог бы подготовиться к зиме хуже, чем он. Скоро я докажу тебе, что моя вера лучше вашей, а сам я больше гоюсь в предводители, чем Карлсефни. Может быть, ты согласишься тогда развестись с ним и стать моей женой.

— Этого я не могу обещать, — сказала Гудрид. — Но мы все будем тебе признательны, если ты добудешь какое-нибудь пропитание.

Торстейн сказал, что сделает это в ближайшие дни. Затем он ушел, и три дня его не видели. Карлсефни послал людей на поиски, и вскоре Торстейна нашли на вершине скалы. Он лежал там, глядя в небо, и что-то бормотал. Его стали бранить, но он сказал, что он не ребенок и не нуждается в их присмотре. Потом он вернулся, и на другой день к берегу прибило кита. Все очень обрадовались и тут же наварили китового мяса в больших земляных печах.

Торстейн сказал Гудрид:

— Теперь ты убедилась, что рыжебородый Тор сильнее вашего Христа. Он всегда мне помогает. Этого кита он дал мне за песнь, которую я сочинил в его честь.

— Пусть так, — сказала Гудрид. — Только не говори никому об этом.

— По-моему, тут нечего скрывать, — сказал Торстейн.

И он принялся громко похваляться и говорить, что, мол, ни Карлсефни, ни Христос не смогли накормить людей, а Тор сделал это по его, Торстейна, просьбе.

Карлсефни и другие только усмехались. А когда мясо сварилось, все набросились на еду и так наелись, что у многих разболелись животы. Тогда некоторые стали бранить Торстейна и говорить, что это дурной кит, и Торстейн выпросил его не иначе как у самого дьявола.

Карлсефни сказал:

— Что за глупые суеверия! Всем известно: если с голодухи наешься до отвала, живот будет болеть. А в китах я разбираюсь и могу сказать, что это отличный кит.

Они заготовили китового мяса впрок, так что хватило на всю зиму.

Весной Торстейн Черный сказал, что хочет плыть на поиски Виноградской Страны. Он хотел плыть на северо-запад, мимо Килевого мыса и Удивительных Берегов. Он надеялся обогнуть Лесную Страну с запада и попасть в Винланд более коротким путем, а заодно и разведать новые края. Но Карлсефни не хотел туда плыть. Люди долго спорили между собой и наконец решили разделиться. Торстейн взял большую лодку и поплыл на северо-запад с девятью спутниками, а Карлсефни остался у Оточного фьорда. Перед отплытием Торстейн сказал Гудрид:

— У тебя есть последняя возможность уехать со мной. Если ты и теперь откажешься, мы больше не встретимся.

— Я не могу поехать и тебе советую остаться, — сказала Гудрид.

— Ну и сиди тут! — сказал Торстейн. — Вари себе китов и пей воду вместо вина! А я уезжаю!

Торстейн уехал, и больше о нем ничего не известно. Либо он поселился где-то, либо погиб, и последнее вернее.

В начале лета Карлсефни решил доплыть до вершины Оточного фьорда и получше разведать страну. Они долго плыли на юг между берегами, а фьорду все не было конца. Потом берега расступились, и корабль вышел в открытое море. Тогда они поняли, что принимали за фьорд длинный и узкий пролив. Но называли его по-прежнему

Оточным фьордом. Они плыли еще двое суток и увидели землю. Это был полуостров. Они обогнули его с востока и плыли на юг вдоль берега четыре дня, пока не приплыли к домам Лейва. Здесь они оставались до осени. Они нашли поля самосеянной пшеницы, дерево месур и виноградную лозу всюду на возвышенностях. Этим летом Гудрид родила сына. Его называли Снорри.

Осенью они вернулись к своим домам у Оточного фьорда. Корабль был доверху нагружен лесом и виноградом. Карлсефни решил поселиться там, где построил свои дома. Он считал, что из Виноградной Страны слишком далеко плавать в Гренландию, и легче привозить товары с юга на Оточный фьорд, а потом уже отправлять их в Гренландию на продажу.

Этой осенью они плавали на восток и искали могилу Торвальда, но не нашли ее. На этот раз они хорошо подготовились к зиме и запасли много рыбы и мяса.

В начале зимы из леса вышли трое туземцев и направились к домам. Неподалеку пасся скот. Вдруг один бык громко замычал, туземцы испугались и бросились бежать.

— Вот и они! — воскликнул Карлсефни. — Я ждал этого. Теперь главное — не упустить их.

Он берет полкруга сыра и немного сушеного винограда и бежит за туземцами. Он догоняет их в лесу и окликает. Те останавливаются. Тогда Карлсефни отламывает кусок сыра и дает им. Они попробовали сыр, и он пришелся им по вкусу. У одного из туземцев на плече висела лисья шкура. Карлсефни жестами показал, что хочет взять эту шкуру в обмен на сыр. Туземцы тут же согласились. Они съели весь сыр сразу, как только получили его. Карлсефни дал им еще сушеного винограда, но они стали плевать и всячески показывать, что эта еда им не нравится. Тогда Карлсефни вернулся к своим. Он показывал всем лисью шкуру и говорил, что теперь-то туземцы не станут на них нападать.

— И глупо будет не извлечь выгоду из соседства с людьми, которые отдают отличные меха за кусок сыру!

Все хвалили Карлсефни и говорили, что он поступил очень храбро. Потом Карлсефни велел обнести дома высокой изгородью. И как только это было сделано, явились туземцы. Они приплыли из-за мыса на кожаных лодках. В бухте они высадились и пошли к до-

мам. Дойдя до изгороди, они стали вытряхивать из тюков свой товар: шкурки лис, белок, куниц и другого зверья. Карлсефни сказал:

— Вынесите им молока, простокваши и сыра, а больше ничего не давайте.

Так и сделали. Туземцы с жадностью набросились на еду, а свою пушнину стали перебрасывать через изгородь. Потом они увидели у людей Карлсефни оружие и стали просить, чтобы им его тоже дали в обмен на меха. Но Карлсефни запретил давать им оружие. Торговля шла своим чередом, и похоже было, что все окончится благополучно: туземцы унесут свои покупки в животах, а меха останутся у Карлсефни и его людей.

В это время Гудрид сидела у колыбели своего сына Снорри. Вдруг она увидела, как дверь открывается, и в дом входит женщина в черном.

— Кто ты? — спросила Гудрид.

Женщина не ответила.

Потом раздался как будто удар грома, и видение исчезло.

В этот самый миг произошло вот что: туземец попытался выхватить секиру из рук гренландца. Тот оттолкнул его, взмахнул секирой и зарубил этого туземца. Тогда остальные подняли громкий крик, побросали свои товары и бегом бросились к лодкам. Они тут же отчалили и уплыли за мыс, в сторону Оточного фьорда. Карлсефни сказал:

— Непросто иметь дело с этими людьми! Теперь, скорее всего, они вернуться в большем числе и с враждебными намерениями. Мы должны подготовиться к битве.

Карлсефни велел валить лес у основания мыса, чтобы вырубить прогалину от бухты до фьорда. Потом он поставил десять человек на мысу и велел им, если появятся лодки, привлечь внимание туземцев. А скот пустили пастись возле прогалины. Карлсефни сказал:

— Если нападать будут с моря, люди с мыса пусть отступают к домам, и когда они минуют прогалину, мы погоним на туземцев быка и коров. А если они придут с суши, мы дадим им бой на мысу, и опять между нами окажется прогалина и скот, а они боятся быков. Сражаться же будем там, где деревья гуще, чтобы они не могли стрелять в нас из луков.

Зима была мягкой, и море на этот раз не замерзло. В конце

зимы дозорные на мысу заметили множество кожаных лодок. Гренландцы стали кричать и размахивать оружием, чтобы туземцы увидели их. Так и вышло: туземцы направились к мысу, а люди Карлсефни стали отступать на юг, к прогалине. Когда нападавшие высадились, те уже скрылись среди деревьев. Туземцы бросились их догонять и убили одного в лесу, а другого уже на вырубке. Этому человеку в голову угодил плоский камень, пущенный из пращи. У одного из нападавших был длинный шест с синим шаром на конце. Туземец взмахнул шестом, и шар полетел на гренландцев. При этом раздался ужасный вой. Люди Карлсефни так перепутались, что едва не обратились в бегство. Но Карлсефни сумел удержать их. Синий шар упал со страшным ревом, но никто не пострадал. Тогда гренландцы погнали на врагов стадо. Бык разъярился и кинулся вперед с опущенной головой. Всё вышло, как и рассчитывал Карлсефни: туземцы бросились наутек. Гренландцы преследовали их и многих убили.

Среди туземцев выделялся один, высокого роста и могучего сложения. Люди Карлсефни решили, что это вождь. Он подбежал к убитому гренландцу, тому, которого убили в лесу. Рядом с телом лежала секира. Вождь поднял секиру, осмотрел ее, потом замахнулся и ударил одного из своих. Тот сразу упал и умер. Тогда вождь швырнул секиру далеко в море. Он, видно, решил, что опасно иметь дело с таким страшным оружием. После этого туземцы еще быстрее побежали к своим лодкам, сели в них и тотчас же уплыли.

После битвы Карлсефни сказал, что не намерен оставаться в этой стране.

— Страна красива и богата, но жизнь здесь всегда будет неспокойна из-за туземцев.

Все согласились с Торфинном. Весной они снарядили корабль и вышли в море. Корабль был полон дорогих товаров: леса, винограда и пушнины. Гудрид настояла на том, чтобы сначала плыть на поиски Торстейна Черного. Так они и сделали и направили корабль на северо-запад, за Килевой мыс и Удивительные Берега. Земля была у них с левого борта. К западу местность становилась все более суровой. Лес здесь рос низкий, а в море плавали большие льдины. На одной из них Карлсефни заметил белого медведя. Он хотел его поймать, но медведь нырнул в море с другой сторону льдины и уплыл.

Семь дней они плыли на северо-запад вдоль берегов Лесной Страны. Однажды они увидели далеко на севере землю с горами и ледниками. Карлсефни решил, что это Страна Каменных Плит. Они поняли, что вошли в пролив между Маркландом и Хеллуландом. Потом берег повернул к югу, и здесь они прекратили поиски.

На обратном пути они несколько раз высаживались в Лесной Стране. Однажды они захватили в плен двух молодых туземцев. Их взяли на корабль. С тех пор Карлсефни и Гудрид всюду возили их с собой. Они обучили их северному языку, а после крестили. Эти туземцы немало рассказали о своей стране. Люди там живут в землянках, похожих на норы, а правят страной два конунга. Еще они сказали, что неподалеку от их страны живут какие-то странные люди.

— Они белы лицом, как и вы, и ходят в белых одеждах с тряпками на шестах и громко кричат. Мы называем места, где они живут, Страной Белых Людей — Хвитрамманланд.

Гудрид, услышав это, рассмеялась и сказала:

— Да ведь это крестный ход с хоругвями и песнопениями!

И по всему выходило, что в Лесной Стране есть поселение ирландских монахов.

Осенью корабль пришел в Эйриков фьорд. Карлсефни сдержал свое слово, и добыча была поделена поровну между всеми. Доля каждого оказалась весьма велика. Карлсефни и Гудрид зазимовали на Крутом Склоне у Лейва.

XIII

Тем же летом в Эйриков фьорд пришел корабль из Норвегии. Правили кораблем два брата, Хельги и Финнбоги, племянники Тьодхильд. Лейв пригласил их в Гренландию, когда служил в Норвегии Олаву конунгу. Братья собирались поселиться в Гренландии, если им там понравится. Они отправились на Крутой Склон и остановились в доме Тьодхильд, хотя Лейв и звал их к себе.

Фрейдис сказала:

— Хорошо, что они пошли к Тьодхильд. Не хватало еще терпеть этих двух ублюдков в нашем доме.

— Слава Всевышнему, что никто не слышит твоих слов, — сказал Лейв. — Как ты можешь так говорить, ведь ты даже не знаешь этих людей. А они — люди весьма достойные.

К Фрейдис посватался человек по имени Торвард. Он был очень богат, но тихоня. Он жил в усадьбе Гардар — Дворы — на Эйнарском фьорде в Восточном поселении. Лейв поддержал сватовство и очень настаивал на этом браке. Он сказал:

— Может, ты хоть немного присмиреешь, когда выйдешь замуж за Торварда. Хотя, признаться, мне жаль его, ведь он, должно быть, не подозревает, какой у тебя злобный нрав.

Свадьбу сыграли в начале зимы. На пиру были и братья Хельги и Финнбоги. Их посадили по левую руку от Лейва, а по правую сидел Карлсефни. Он много рассказывал на пиру о своем плавании, и все хвалили его. Он сказал, что в Западных землях много богатств, но поселяться там неблагоприятно. Фрейдис тогда сказала:

— Почему бы и мне не отправиться в Винланд? Богатство и слава будут мои, а опасности пусть достаются другим.

Торвард и все остальные поддержали ее, сказав, что это хорошее

дело. Фрейдис была весела и довольна. После свадьбы она переехала к мужу на Эйнарв фьорд.

Фрейдис часто ездила в Браттахлид повидаться с Лейвом и Гудрид. Однажды она встретила там Хельги и Финнбоги.

— Вот удачная встреча, — сказала она. — Я как раз хотела поговорить с вами.

Она сказала, что не оставила мыслей о поездке в Виноградную Страну.

— Я хочу предложить вам поехать туда со мной. Посудите сами. Если вы собираетесь остаться в Гренландии, вам понадобятся деньги и лес для постройки домов. Всего этого у вас будет в избытке, если вы съездите в Винланд. Кроме того, вы заслужите уважение в округе, ведь пока про вас только и знают, что вы родственники второй жены Эйрика Рыжего. А туземцы нам будут не страшны, потому что мы поедем на двух кораблях и возьмем много народу.

Хельги и Финнбоги сказали, что подумают, но по всему было видно, что предложение пришлось им по душе. Через несколько дней они известили Фрейдис о своем согласии.

Фрейдис просит у Лейва корабль и дома, и он, как и прежде, соглашается одолжить дома, но не насовсем. Исландцы тем временем снаряжают свой корабль. Они договариваются с Фрейдис, что на каждом корабле будет по тридцать человек, способных носить оружие.

В начале лета оба корабля отплыли из Эйрикова фьорда. Они пробыли в море семь суток и бросили якоря в бухте, где стояли большие дома. Они решили, что это дома Лейва. Корабль исландцев первым достиг берега, и люди стали переносить кладь в дома. Фрейдис, увидев это, закричала:

— Что вы делаете? Выносите немедленно все, что там уже есть вашего.

— Что случилось, Фрейдис? — говорит Хельги. — Разве не так мы договаривались?

— Лейв одолжил дома мне, а не вам. Убирайтесь, куда хотите. А если не уйдете, я выгоню вас силой, ведь у меня побольше людей, чем у вас.

И она сказала, что взяла на пять человек больше, чем было уговорено.

— Не нравится мне это, — сказал Хельги. — Но я не хочу с тобой ссориться. Куда нам против твоей злобы. Мы построим дома в другом месте.

Так они и сделали, построили дома у озера подальше от берега.

Все лето люди валили лес. Ходили также на поиски винограда, но не нашли его. Однажды Хельги сказал:

— Сдается мне, что это вовсе не то место, где останавливался Лейв. Это, скорее, дома Карлсефни.

Фрейдис ответила:

— Мне безразлично, чьи это дома и найдем ли мы виноград. Меня вполне устраивает это место.

Когда наступила зима, люди отдыхали и ловили рыбу. Братья сказали, что неплохо было бы позабавиться и устроить игры в мяч на льду озера. Так и сделали. Люди Фрейдис проигрывали чаще, чем выигрывали. Фрейдис на это говорила, что Хельги и Финнбоги играют против правил, и она напоминала о тех случаях, когда игра и впрямь шла не по правилам. С этого начались раздоры между домами. Игры были оставлены, и взаимные посещения прекратились. Так продолжалось всю зиму.

В конце зимы случилось вот что. Однажды Фрейдис проснулась рано утром и, выйдя из дому, увидела множество кожаных лодок, которые плыли прямо к домам. Фрейдис крикнула:

— Просыпайтесь и вставайте! К нам едут гости, и они не очень-то похожи на купцов, слишком уж их много. Пойдем и покажем этим людишкам, каковы наши копья и секиры.

С этой вестью был послан человек к исландцам. Викинги вышли из домов и приготовились к бою. Туземцы огромным числом высыпали на берег. В руках у них были пращи. В гренландцев полетели камни, и несколько человек было убито. Гренландцы бросали копья, но ни одно из них не попало в цель. Натиск был так силен, что викинги стали отступать. Нападавшие громко вопили и свистели. Фрейдис сказала:

— Вы такие молодцы, а бежите от этих заморышей! Вы могли бы перебить их всех, как скот!

Она подбирает меч одного из убитых и идет навстречу туземцам. На ней белая рубашка. Туземцы подбегают к ней, и она кричит громко, так что все услышали:

— Как бы я хотела быть мужчиной!

С этими словами она выпрастывает из-под рубашки одну грудь и шлепает по ней мечом. Туземцев это повергло в такой страх, что они со всех ног бросились к лодкам и тотчас же уплыли.

С тех пор этих туземцев не называли иначе, как скрелингами — заморышами.

Все очень хвалили Фрейдис за мужество. Торвард сказал:

— Меткое прозвище ты придумала для здешних жителей. Теперь мы так и будем их звать, скрелингами.

— Многие из наших тоже могут носить это имя, — сказала Фейдис.

На другой день братья исландцы пришли к Фрейдис. Хельги сказал:

— Вчерашнее нападение было для нас большой неожиданностью. Если бы не ты, нас бы всех перебили.

— Это так, — продолжил Финнбоги. — Тем более, что до этого мы не встречались со скрелингами и ничем не могли их прогневить. Вероятно, им не нравится, что мы живем на их земле.

— Что из того? — спросила Фрейдис.

— Мы считаем, что нужно уезжать отсюда, и как можно скорее.

— Я бы назвала это по-другому: не уезжать, а удирать, как побитые псы.

— Называй как хочешь, — сказал Хельги. — Мы уедем, как только приготовим корабль: через неделю или раньше.

— Ваш корабль может вместить вдвое больше леса, чем вы нарубили. Стыдно уезжать, не закончив дела.

— Что это ты вздумала нас удерживать? Кажется, мы не слишком хорошо ладили. Мы не переменим решения. Ты можешь уехать с нами, если хочешь.

— Немного же времени вы мне оставляете! — сказала Фрейдис.

Той же ночью ближе к рассвету Фрейдис вышла из дому босиком, в широком мужнином плаще. Она пришла к дому Хельги и Финнбоги и осторожно проскользнула внутрь. Дверь была приоткрыта. Фрейдис подошла к месту, где спал Хельги. Тут Финнбоги проснулся и увидел ее. Он спросил:

— Что тебе здесь нужно?

Фрейдис вздрогнула и поплотнее запахнула плащ. Помедлив, она сказала:

— Я хотела разбудить Хельги, чтобы поговорить с ним.

— Странное время ты выбрала для разговора. Не надо будить Хельги, можешь поговорить со мной.

Они вышли во двор, и Фрейдис сказала:

— Я решила не уезжать с вами и хочу предложить вам поменяться кораблями. Ваш корабль больше, и в него поместится много леса. А у вас груза немного, вам хватит и моего корабля.

Финнбоги сказал:

— Твой корабль старый и подточен червями. И нам не будет никакой выгоды от этого обмена.

— Так я и знала, что с вами не договоришься по-хорошему. Слишком уж вы скупы. Но ты еще пожалеешь об этом.

Она пошла к своему дому, а Финнбоги лег спать. Фрейдис входит в дом и залезает в постель, а ноги у нее холодные, потому что в ту ночь выпала сильная роса. Торвард, ее муж, просыпается и спрашивает, почему она такая холодная и мокрая и где ее носило среди ночи.

— Я хотела поговорить с братьями, чтобы поменяться кораблями, но они не стали меня слушать и жестоко избили. На мне живого места не осталось. Но ты, жалкий человечиска, конечно, не захочешь отомстить за мой позор. Знай, что если ты не отомстишь, я разведусь с тобой.

Она говорила так громко, что многие в доме проснулись. Торвард встал и велел своим людям взять оружие. Они пошли к домам исландцев, ворвались туда и связали всех, кто там был. Те со сна не разобрались, что происходит, и не смогли защититься. Потом их стали выводить во двор по одному. Фрейдис велела убивать каждого, кого выводили. Вот настал черед братьев, и их головы полетели с плеч. Фрейдис засмеялась и сказала:

— Вот и свершилось то, о чем я мечтала: теперь моя мать Грелёд и брат Торвальд успокоятся в своих могилах. Я отомстила за них!

Рассказывают, что ее лицо так перекосило от злобы, что на нее страшно было смотреть.

Наконец все мужчины были убиты, и остались только пятеро женщин. Фрейдис велела убить и их тоже, но никто не хотел этого делать. Тогда Фрейдис взяла секиру и сама зарубила всех пятерых.

— Я и не думал, что моя жена так жестока, — сказал Торвард.

— Я давно задумала эту месть, — сказала Фрейдис. — Для того я и приехала сюда. Я не могла убить племянников Тьодхильд в Гренландии, потому что отец не хотел кровопролития в своей стране, а я чу его слово.

Фрейдис приказала всем молчать об этих убийствах и обещала щедро заплатить каждому за молчание.

— Мы скажем, что братья оставались здесь, когда мы уплывали, и нам не известно, вернутся они или поселятся в этой стране.

Они тотчас же стали собираться в обратный путь. Фрейдис велела грузить весь лес на корабль братьев. Они решили возвращаться на хорошем корабле, а свой оставить.

Они благополучно прибыли в Гренландию, и рассказали все, как было уговорено. Фрейдис поехала с Торвардом в Гардар. Она вела себя тихо и старалась показать себя хорошей хозяйкой и доброй женой.

Вот проходит зима и лето, а Хельги и Финнбоги не возвращаются. Тогда Лейв приходит к Фрейдис и говорит:

— Сдается мне, они уже не вернутся.

— Это их дело, возвращаться им или нет.

— Боюсь, что их нет в живых.

— Откуда у тебя такие мысли? — спрашивает Фрейдис.

— Мне сразу показалось мало похожим на правду то, что вы рассказали. Вряд ли братья отдали бы тебе свой корабль.

— Ты очень умен, брат, но на этот раз ты ошибаешься.

— Хорошо, — сказал Лейв. — Вижу, ты не хочешь говорить на чистоту. Но я найду способ узнать правду.

После этого Лейв велел схватить трех спутников Фрейдис. Он пригрозил им страшными карами, если они не расскажут все, как было. Те увидели, что делать нечего, и рассказали о том, как были убиты исландцы и их люди. Рассказы всех троих сошлись. Тогда Лейв вызвал Фрейдис и потребовал, чтобы она объяснила причину этих убийств.

— Тогда я решу, — сказал он, — какого наказания ты заслужи-
ваешь.

Фрейдис отвечала дерзко, гордо вскинув голову.

— Мне нечего стыдиться. Я отомстила Тьодхильд за убийство моей матери и за то, что она накликала гибель Торвальда, моего брата.

Лейв долго молчал, а потом сказал:

— Выходит, я должен еще быть тебе благодарен, что ты убила не саму Тьодхильд, а только ее племянников.

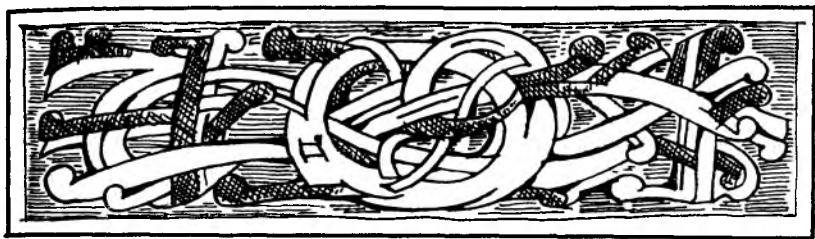
Фрейдис сказала:

— Не было смысла убивать Тьодхильд. Посуди сам, ведь она старуха. А Хельги и Финнбоги были последними в роду ее отца.

Лейв сказал:

— Я не хотел бы поступать с тобой так, как ты того заслуживаешь. Все же ты моя сестра; к тому же нельзя сказать, что у тебя не было причин так поступить, хоть мне и непонятна твоя жестокость. Но теперь все стало известно, и люди не простят тебе такого злодеяния. Единственное, что я могу сделать, — попытаться убедить людей оставить тебя в покое.

Лейв сдержал слово. Фрейдис осталась в Гренландии, но с тех пор о ней и ее семье пошла дурная слава. Не было удачи и ее потомству. Единственная дочь, которую она родила, умерла во младенчестве, а больше детей у нее не было. Фрейдис жила очень замкнуто до конца своих дней.

XIV

Теперь надо рассказать о Карлсефни и Гудрид. Они покинули Гренландию в то лето, когда Фрейдис вернулась из Виноградской Страны. Говорят, более богатый корабль, чем корабль Карлсефни, никогда не отплывал из Гренландии.

Помимо той добычи, которую они взяли в Винланде, на корабле было много гренландских товаров: сыра и масла, шкур песцов и медведей и моржовых бивней. Карлсефни раздобыл также живого белого медвежонка, как и хотел. Медвежонка везли в деревянной клетке.

Плавание было удачным, и осенью корабль пришел в Норвегию. Карлсефни выгодно продал все товары, а медвежонка подарил Эйрику ярлу. Норвежский правитель был очень доволен подарком и щедро вознаграждал Торфинна: дал ему корабль, груженный мукой, ларец с золотом и пятьсот локтей сукна.

Карлсефни и Гудрид перезимовали в Норвегии, а весной стали снаряжать корабли, чтобы плыть в Исландию. Однажды Карлсефни стоял на пристани и наблюдал за погрузкой. Вдруг к нему подходит человек и говорит:

— Не ты ли тот купец, что привез диковинные товары из Виноградской Страны?

— Да, это я, — говорит Торфинн. — А ты кто такой?

— Мое имя Вильхьяльм, — отвечает тот. — Я родом из города Бремен в Стране Саксов. Мой родич Тюркир, я слышал, тоже плавал в те земли. И я хотел бы купить какую-нибудь вещь из Винланда на память о родиче.

— Тебе бы прийти пораньше, — говорит Карлсефни. — Ведь я все уже продал.

— Давай взойдем на корабль и посмотрим, вдруг что-нибудь осталось.

— Изволь, — говорит Карлсефни. — Но только это маловероятно.

Они идут на корабль и ищут там, и Вильхьяльм находит украшение из дерева мёсур, то самое, что было обронено Торвальдом на Килевом мысу.

— Вот подходящая вещь, — говорит южанин. — Я хочу купить ее. Назови свою цену.

— Это украшение принадлежит моей жене. Я не могу его продать.

— Я дам за него полмарки золота.

— Будь по-твоему, — говорит Карлсефни. — Глупо отказываться, когда за безделицу предлагают такие хорошие деньги.

И он продал южанину украшение. Гудрид, узнав об этом, сказала:

— Видно, Богу было угодно, чтобы у меня и памяти не осталось о том времени и о тех, кто был мне дорог когда-то.

— Думаю, это к лучшему, — сказал Карлсефни.

Они приплыли в Исландию и купили богатую усадьбу, которая называлась Веселый Хутор. Карлсефни жил там до самой смерти и слыл очень знатным человеком. От него и Гудрид произошло большое и славное потомство.

После смерти Карлсефни хозяйство стали вести Гудрид и Снорри, ее сын, родившийся в Виноградной Стране. Потом Гудрид совершила паломничество в Рим, вернулась в Исландию и стала монахиней и отшельницей. Она окончила свои дни в служении Богу.

Теперь надо сказать о Лейве. Он жил на Крутом Склоне до старости и был славен и почитаем. Лейв не имел ни жены, ни детей. Однажды, когда он был уже совсем стар, в Эйриков фьорд пришел боевой корабль и бросил якорь напротив Крутого Склона. На корабле приплыли двадцать викингов с богатой добычей, которую они взяли на востоке. Предводитель викингов явился к Лейву. Тот лежал в постели и уже не мог подняться, так он был стар. Лейв посмотрел на гостя и увидел, что у того низкий лоб, близко посаженные глаза и суровый взгляд. Было в нем что-то зловещее.

— Кто ты? — спрашивает Лейв.

— Здравствуй, отец, — говорит викинг. — Мое имя Торгильс. Торгунна, моя мать, умерла прошлым летом на острове Скай. Перед смертью она велела мне ехать в Гренландию и поселиться здесь. Еще она велела показать тебе этот перстень и пояс и сказала, что ты должен узнать их. Но, по-моему, ты не очень-то рад меня видеть.

— Напротив, — сказал Лейв. — Я рад тебе, Торгильс. Ведь я думал, что умру бездетным, а теперь у меня есть наследник.

Лейв признал Торгильса своим сыном, и Торгильс остался в Гренландии. Спустя некоторое время Лейв спросил Торгильса, не хочет ли тот посетить Виноградную Страну.

— Это принесло бы тебе немалое богатство, — сказал он и добавил, что готов отдать Торгильсу свои дома.

— Я не поеду туда, — сказал Торгильс. — У меня и так всего довольно. Я уже немало поездил по чужим странам и хочу остаток дней прожить на своей земле.

Лейв сказал:

— Вот и вышло, что ни к чему было мое плавание и все эти открытия. Едва ли теперь кто-нибудь поплывет в Виноградную Страну: слишком поздно я ее нашел. Ныне не осталось людей, способных освоить и заселить новые земли, подобно Эйрику. Об одном я хочу попросить тебя, Торгильс: постарайся сделать так, чтобы память о наших плаваниях сохранилась у потомков. Не исключено, что когда-нибудь это им пригодится.

Вскоре Лейв умер. Торгильс вступил во владение его землями и усадьбой. Торгильс был единственным потомком Эйрика в третьем колене, потому что Торвальд и Торстейн погибли бездетными, а ребенок Фрейдис умер во младенчестве.

Слова Лейва Счастливого сбылись: никто из гренландцев больше не плавал в Виноградную Страну.

Здесь мы кончаем сагу о Западных Землях.

АЛЕКСАНДР МАРКОВ

Сага об Эрлинге

I

Ж

ил человек по имени Бьёрн. Его отцом был Ульв, сын Торбьёрна Ленивого, сына Эйрика, сына Барда Язычника, сына Гуннара, сына Одда, сына Торгильса Злого. Торгильс был побочным сыном Лейва Счастливого, первооткрывателя Винланда, от одной колдуньи с Гебридских островов по имени Торгунна.

Бьёрн, сын Ульва, был человек богатый и знатный. Он жил в поместье Браттахлид на Эйриксфьорде, и ему принадлежали обширные земли от вершины фьорда до самого Хьотхальдарстадира.

Однажды Хальдор епископ задумал совершить разведывательное плавание на север и предложил Бьёрну принять участие в этом походе. Бьёрну было в то время двадцать зим. Они вышли в море и все лето плыли на север и разведывали берега. В окрестностях Кроксфьордархейдра они нашли жилища скрелингов. Это их немало обеспокоило и опечалило, потому что прежде никто в Гренландии не слышал о скрелингах, если не считать того, что рассказывается в сагах о Винланде. Бьёрн хочет немедленно напасть на скрелингов и разрушить их селение, но Хальдор настрого запрещает ему это делать. Бьёрну очень не нравится такое решение, и он не упускает слу-

чая показать епископу свое недовольство. После возвращения в Аустрибюгд отношения Бьёрна с епископом ухудшаются еще более. Дело кончилось тем, что Бьёрну пришлось уехать из Восточного поселения. Он продает свой дом и земли Эйнару из Бурфьёльда и перебирается вместе с домочадцами на запад, в Вестрибюгд. Там он занимает свободный участок побережья к востоку от Стейненсна, где в то время стояла церковь. Это произошло за пять зим до того, как Гренландия стала владением норвежского конунга.

Бьёрн построил себе новый дом в Западном поселении и назвал его Бьёрнарстадир. Люди говорили, что этот двор Бьёрна был еще богаче прежнего. Возле главного строения в Бьёрнарстадире находилось еще одно, поменьше, которое называлось Тайник. Дверь там всегда была на замке, и никому не позволялось входить туда, кроме самого хозяина. Поговаривали, что Бьёрн — тайный язычник и ходит в запертый дом поклоняться идолам.

Бьёрн был человеком мрачным и нелюдимым, и во всем его облике было что-то зловещее. Соседи старались обходить его двор стороной. Бьёрн успешно вел хозяйство. У него было много овец и ячменное поле, а ячмень тогда хорошо рос в Гренландии. Бьёрн был также умелым охотником и каждое лето ездил к северным фьордам на добычу моржей. Случалось ему привозить и медведей. С тех пор, как Хальдор епископ изгнал Бьёрна из Аустрибюгда, Бьёрн перестал ходить в церковь. Так же поступали многие из его людей и некоторые другие бонды Западного поселения.

Бьёрн дожил в своем поместье до глубокой старости и никогда не возвращался на Эйриксфьорд.

Сигхватом звали сына Бьёрна Ульвсона из Бьёрнарстадира. И обликом, и нравом Сигхват походил на отца, но был немного выше ростом. Сигхват женился на Гудрид, дочери Йона священника из Исабьёрга. У Сигхвата и Гудрид было двое детей. Дочь их звали Торбьёрг, а сына — Эрлинг. Торбьёрг была старше Эрлинга на шесть зим.

Эрлинг родился в ночь на праздник середины зимы. На небе в это время было такое яркое сияние, что при его свете было видно почти как днем. Пока Гудрид рожала, Бьёрн сидел рядом с ней на скамье и резал на дощечке руны. А руны эти никто не мог разгадать, потому что, как говорили, Бьёрну были ведомы тайные руны Одина. Другую дощечку с такими знаками он положил Гудрид под изголовье.

При виде новорожденного Бьёрн рассмеялся, да так громко, что в доме чуть стены не затряслись.

— Почему ты смеешься, отец? — спрашивает Сигхват. Тогда Бьёрн берет ребенка и подносит его к очагу. Тут все увидели, что голова у мальчика покрыта длинными и густыми волосами, рыжими, как огонь.

— Сразу видно, в кого уродился этот викинг, — сказал Бьёрн. — Такие волосы были у моего предка Эйрика, открывшего эту страну. Я думаю, что твой сын, Сигхват, будет так же силен и отважен, как Эйрик, и так же удачлив во всем. Он умножит славу нашего рода.

Когда Бьёрн произнес эти слова, за стеной что-то загрохотало и послышался как будто боевой клич идущего в битву войска. Звуки эти шли с той стороны, где находился Тайник. Все, кто был в доме, сильно испугались, но Бьёрн только усмехнулся и сказал:

— Не бойтесь. Это хороший знак. Теперь-то я точно знаю, что ребенок угоден богу. Должно быть, ему уготована великая судьба: сам Рыжебородый благословил его.

Гудрид приподнялась на своем ложе и спросила:

— Отец, о каком боге ты говоришь?

Но Бьёрн сделал вид, что не услышал ее вопроса.

В ту зиму, когда родился Эрлинг, в Западном поселении началась жестокая хворь. Она не обошла стороной и Бьёрнарстадир. Вскоре после родов умерла Гудрид, а вслед за ней заболел старик Бьёрн. Однажды он позвал к себе Сигхвата и сказал:

— Похоже на то, сын мой, что мне не пережить этой зимы. Больше всего я жалею, что не умер в бою, как подобает воину. Такие уж времена настали в стране, что все теперь кончают свои дни так же, как я, и мало кто из гренландцев попадет в Вальгаллу. Но мне кажется, что недавно здесь родился человек, который сумеет все изменить к лучшему. И тогда люди станут думать, что вернулись дни, когда страна была молодой. Сейчас я так близко подошел к чертогу Хель, что мне стало видно многое в грядущем, и я могу сказать тебе, сын мой, что ты умрешь достойнее, чем твой отец. Однако лучше бы это случилось позже, ведь тебе не суждено дожить до моих лет. А теперь прикажи людям выйти, потому что мне нужно поговорить с тобой наедине.

Сигхват выгнал всех родных и домочадцев во двор, и никто не слышал, о чем он разговаривал с Бьёрном.

Вскоре после этого Бьёрн умер. Тогда Сигхват снял с него золотую цепь с ключом от Тайника и повесил себе на шею. Один работник по имени Торстейн сказал Сигхвату:

— Думаю, теперь-то мы узнаем, что хранил старый Бьёрн в своем Тайнике!

Сигхват ответил:

— Ты можешь думать, что тебе угодно, но только этому не бывать, пока я жив.

Больше никто не заговаривал с Сигхватом об этом деле. Однажды Торстейн попытался сломать замок на двери Тайника. Сигхват заметил это, схватил секиру и зарубил Торстейна. На следующее утро Сигхват отправился на лыжах в Люсу-фьорд, где жили родичи убитого, и заплатил им виру в три марки серебра. На том они и помирились. Остаток зимы в Бьёрнарстадире прошел спокойно.

Весной Сигхват похоронил всех покойников в церкви на Стейненснесе. Случилось так, что Эрлинга крестили в тот самый день, когда были похоронены его дед и мать. Рассказывают, будто священник так утомился, что, когда пришел черед крестить младенца, он уронил свой крест, и тот завалился под скамью, так что его долго не могли найти. Однако все окончилось благополучно, и Сигхват с Эрлингом возвратились в Бьёрнарстадир.

II

Торбьёрг, дочь Сигхвата, выросла и стала красивой девушкой. Она была умелая работница, мастерица на все руки. Когда ей исполнилось четырнадцать зим, она взяла на себя все хозяйство в доме. Сигхват говорил, что ему не приходилось жить в таком довольстве с тех пор, как умерла Гудрид. Торбьёрг была на полголовы выше отца и обладала такой силой, что мало кто из мужчин смог бы ее одолеть. Нрав у нее был тихий и кроткий, но иногда в нее словно вселялся дьявол, и она на короткое время становилась буйной и неукротимой. Бывало, Торбьёрг начинала говорить, что видит кругом незнакомых людей и странных животных. Когда с ней случалось такое, она могла предсказывать будущее, и мало что не сбывалось из ее пророчеств. Многие считали Торбьёрг колдуньей, и эти слухи подкреплялись тем, что она редко ходила в церковь. Надо сказать, что в то время это не считалось большим грехом в Западном поселении. Набожные люди поэтому часто жаловались епископу, когда у них была такая возможность, и говорили, что христианство приходит в упадок в Вестрибюгде. Однако епископ считал, что не стоит слишком доверять этим разговорам.

Жил человек по имени Кольбейн. Его двор назывался Альрекстадир, это у вершины Люсу-фьорда в Западном поселении. Сына Кольбейна звали Тородд. Это был красивый и сильный юноша. Осенью Тородд поехал верхом в Бьернарстадир к Сигхвату и посватался к Торбьёрг. Сигхвату очень не хотелось, чтобы Торбьёрг выходила замуж, потому что она была хорошей хозяйкой и распоряжалась всем в доме. Сигхват сказал:

— Не удивительно, что многие сейчас сватаются к моей дочери, ведь другой такой невесты не найдешь в Вестрибюгде. Но я считаю,

что она еще слишком молода для замужества. К тому же у нее совсем не такой тихий нрав, как ты, наверное, думаешь. Тебе нелегко будет с ней справиться, если вы не поладите.

Торродд ответил, что это не беда. Тогда Сигхват сказал:

— Мне известно, что твой отец — достойный человек. Про тебя же я могу сказать только то, что вижу: ты красив лицом, у тебя богатая одежда и хороший конь. Однако это не главное, что ценят в мужчине. Вот что я тебе предлагаю: оставайся у меня на зиму, а весной мы вместе поедem на промысел. Тогда я узнаю, на что ты способен.

Так они и порешили. Торбьёрг присутствовала при этом разговоре, и видно было, что Торродд ей понравился. Зимой Торбьёрг часто беседовала с Торроддом наедине. Кое-кто говорил, что это происходит даже слишком часто. Всю зиму Сигхват был мрачен и неразговорчив, а как только наступила весна, начал собираться на промысел. У него была парусная лодка на восемь человек. Вместе с Сигхватом должны были ехать пятеро его людей, Торродд, сын Кольбейна, и Эрлинг. Эрлингу в то время исполнилось девять зим. Они взяли с собой копы для охоты на моржей и длинные ножи. Сигхват взял также меч, который перешел к нему по наследству от Эйрика, сына Торвальда. Как только фьорд освободился ото льда, они спустили лодку на воду и вышли в море. Было это в пятницу перед Днем похода. У мыса Стейненснес к ним присоединилась вторая лодка. Ей правил Кольбейн из Альрекстадира, и с ним было еще шесть человек. Они подняли паруса и с южным ветром поплыли вдоль берега в сторону Кроксфьордархейдра.

У входа в Иса-фьорд Торродд заметил пару моржей и сказал, что незачем плыть дальше. На это Сигхват ответил:

— Мне кажется, в этом фьорде не так уж много добычи. Дальше на севере можно найти места побогаче.

Торродд сказал:

— Я слышал, что севернее начинаются охотничьи угодья скрелингов. Незачем нам с ними ссориться.

Сигхват сказал, что ему нет дела до каких-то скрелингов.

— По-моему, вся эта страна раньше была владением грenландцев, и я не слышал, чтобы скрелинги просили у нас разрешения занимать здесь земли.

Тородд продолжал настаивать, и тогда Эрлинг, сын Сигхвата, сказал такую вису:

*Не любит людей плосконосых
Славный даритель злата.
Турсов убийцу Одда
Не назову героем!*

Тородд сказал:

— Ты, Эрлинг, напрасно насмешничаешь. Неверно называть безрассудство отвагой, а разумные речи трусостью. Я не показался бы тебе трусом, если бы дело того стоило.

Однако после этого Тородд больше не противился желанию Сигхвата, и они поплыли дальше на север. А Кольбейн на своей лодке повернул на восток, в Иса-фьорд.

Вот Сигхват и его люди достигают острова, который называется Хальдорсей. Там они видят много тюленей. Охотники сходят на берег, берут копыя и направляются к лежбищу. В это время из-за мыса на севере появляется множество кожаных лодок. Скрелинги гребут прямо к тому месту, где высадились гренландцы. Сигхват говорит:

— Отойдем к скале и станем возле нее, чтобы они не могли напасть на нас со всех сторон.

Так они и поступили. Эрлингу Сигхват велел бежать наверх и спрятаться за скалой. Скрелинги подплыли к ним и начали кричать что-то на своем языке. Они не выходили на берег и кричали прямо из лодок. Лодки у них были такие маленькие, что в каждой помещался всего один человек, а было их не меньше двух дюжин.

Никто не понял, чего хотели скрелинги, но было ясно, что они настроены воинственно. Там, где стояли Сигхват и его люди, на берегу было немного прибойного леса. Сигхват поднял одну жердь и разрубил ее мечом, так чтобы скрелинги это видели.

— Я слышал, — сказал он своим спутникам, — что у скрелингов нет железного оружия. Может быть, они не осмелятся напасть на нас.

Когда скрелинги увидели, как Сигхват разрубил мечом шест, они перестали кричать, а потом принялись метать копыя из лодок. Сойти на берег они по-прежнему не решались. Двое гренландцев были

убиты сразу, а одно копье попало Сигхвату в правую руку. Тот с силой выдернул оружие из раны и увидел, что наконечник у копья костяной, с большими зубринами. Раны от таких наконечников самые тяжелые.

Спутники Сигхвата растерялись и первое время не отвечали на удары. Потом Тородд бросил копье и попал в одного из скрелингов. Тогда и все остальные начали делать то же самое. Но скрелинги не отступали, и вскоре только Тородд и один из людей Сигхвата могли продолжать сражение, а все остальные были ранены или убиты. Когда Сигхват увидел, что дела их плохи, он вскочил и метнул копье левой рукой в того из нападавших, который показался ему их вождем. Бросок был так силен, что оружие пронзило скрелинга насквозь, и его лодка перевернулась. Скрелинги подняли крик, развернули свои лодки и поспешно уплыли обратно за тот мыс, из-за которого появились. Всего в этом бою погибло трое гренландцев и пятеро скрелингов.

Сигхват и его люди похоронили своих товарищей у подножия скалы на острове Хальдорсей, где произошла битва, и сложили на скале каменную вышку. Во время похорон Тородд громко читал молитвы. Эрлинг сказал:

— Ты, Тородд, напрасно стараешься. Не стоит беспокоиться о душах тех, кто погиб в этом бою. Они сейчас в хорошем месте, и твои молитвы им не нужны. Лучше бы ты молился о живых.

Тогда Тородд сказал:

— По твоим речам, Эрлинг, и по речам твоего отца, можно подумать, что оба вы — некрещенные язычники. Не хочу я тебя слушать.

Сигхват сказал, что с тех пор, как христианство стало законом в Гренландии, жизнь здесь стала не намного лучше.

— В прежние времена о нашей поездке сказали бы, что она принесла нам славу. Ныне же трусы и глупцы будут говорить, что мы поступили неразумно и сами виноваты во всем.

Тородд сказал, что его-то Сигхват теперь не назовет трусом, ведь он храбро сражался. Сигхват согласился с этим, а Эрлинг сказал так:

— Верно говорят, что и трус становится храбрецом, когда защищает свою жизнь.

Тородд ответил:

— Тебе, Эрлинг, видно, сильно не хочется, чтобы я женился на твоей сестре, вот ты и насмехаешься надо мной.

Сигхват сказал:

— Довольно вам пререкаться. Нужно быстрее плыть назад, пока скрелинги не вернулись. Нас сейчас слишком мало, чтобы как следует проучить их. Но я думаю, что мы еще вернемся сюда, и тогда они пожалеют о том, что совершили.

Нужно сказать, что лодки у скрелингов устроены так, что туда не попадает вода, даже когда они переворачиваются. Поэтому та лодка, в которой сидел вождь скрелингов, не утонула, а продолжала плавать, как пузырь, а убитый висел в ней вниз головой. Сигхват подтянул эту лодку к берегу, отрубил скрелингу голову и забрал ее с собой. Тогда один из охотников по имени Хельги сказал:

— Ты, Сигхват, обещал нам другую добычу, когда мы отплывали из Вестрибюгда!

Сигхват сказал:

— Наверное, мало кто со мной согласится, но мне-то больше по душе как раз такая добыча.

Сигхват взял с собой также окровавленный плащ одного из убитых гренландцев. После этого они вышли в море и поплыли на юг. Теперь им было плыть куда труднее, потому что ветер был встречный, а гребцов осталось мало. Сигхват сначала греб одной рукой, но потом ему стало хуже, и остаток пути он пролежал на дне лодки. Они плыли четыре дня и на пятый прибыли в Бьёрнарстадир. А Тородд поехал к себе домой на Люсу-фьорд.

Когда Торбьёрг узнала, чем окончилась поездка Сигхвата, она на короткое время впала в беспамятство и билась, как будто в судорогах. Потом она очнулась и сказала, что хотела бы взглянуть на раны, которые получили охотники.

— Я никогда не видела таких ран, — сказала Торбьёрг. — Но я знаю, что скоро многие в Западном поселении получают такие же или другие, еще более тяжкие.

Хельги спросил:

— Ты думаешь, наши раны опасны?

У Хельги скрелинговое копьё проткнуло лодыжку, и вся нога распухла и онемела.

— Я постараюсь сделать так, — сказала Торбьёрг, — что и ты,

Хельги, и Сигхват, мой отец, останетесь жить. Но для этого вам придется снять кресты и две ночи спать на тех скамьях, которые я вам укажу.

Хельги сказал:

— Я готов сделать все, как ты велишь, если это поможет.

Торбьёрг взяла у отца ключ от Тайника и скрылась там на два дня. Потом она вышла и спросила раненых, не стало ли им лучше. Те ответили, что стало. Через месяц оба были уже здоровы и сильны как прежде.

III

В конце лета Тородд приехал к Сигхвату в Бьёрнарстадир. Он прогостил там три дня, а потом напомнил хозяину о своем сватовстве.

— Я думаю, — сказал Тородд. — Что теперь у тебя нет причин мне отказывать. Ведь ты испытал меня, как хотел, и мог видеть, что я не трус и умею держать в руках оружие. А ты, как мне кажется, именно в этом хотел убедиться, когда направлял лодку к землям скрелингов.

Сигхват сказал:

— Я не буду противиться вашему браку, если моя дочь согласна.

Они позвали Торбьёрг и спросили ее, хочет ли она стать женой Тородда. Та ответила:

— Это было бы очень хорошо. Но мне кажется, что Норны судили иначе. По-моему, мы расстанемся прежде, чем приготовят столы для свадебного пира.

Тородд сказал:

— Незачем печалиться о том, чего мы не знаем. Торбьёрг согласна, и это главное.

— Будь по-твоему, — сказал Сигхват. — Хотя редко бывало, чтобы предсказания моей дочери не сбывались.

Они условились играть свадьбу в Бьёрнарстадире в начале зимы. После этого Тородд вернулся в Альрексстадир к своему отцу.

Жил человек по имени Одд. Он был сыном Торкеля Исландца, а его предком в восьмом колене был Снорри, сын Торфинна Карлсефни, родившийся в Винланде. Одд жил на острове Херьольвсей в Ранга-фьорде в Западном поселении. Сыновей Одда звали Эндриди и Торфинн.

Жил еще человек по имени Торд. Его двор назывался Исабьёрг.

Торд был сыном Йона священника и сводным братом Гудрид, жены Сигхвата из Бьёрнарстадира. У Торда был сын по имени Бьёрн.

Осенью Сигхват поехал в Исабьёрг к Торду, своему родичу. Торд принял его хорошо, и Сигхват прогостил там два или три дня. У Торда было много браги. Однажды, когда все сидели за столом и пили, Сигхват достал из-за пазухи сверток и развернул его. Там был плащ гренландца, убитого скрелингами на острове Хальдорсей. Сигхват бросил плащ на стол прямо перед Тордом, так что того обсыпало засохшей кровью. Торд спросил Сигхвата, зачем он это сделал. Сигхват сказал:

— Ты, верно, слышал, родич, как мы поохотились весной в северных землях. И я хотел бы узнать, что ты об этом думаешь. Не кажется ли тебе, что мы задолжали скрелингам виру за тех пятерых, которых мы убили?

Торд сказал:

— Было бы лучше для всех нас, если бы мы жили в мире со скрелингами. Ты, Сигхват, поступаешь неразумно, и кончится это тем, что крови прольется куда больше, чем во время твоей поездки на Хальдорсей. Похоже, ты собираешься мстить за своих людей, и хочешь уговорить меня ехать с тобой. Вот мой ответ: никуда я не поеду. И то же самое скажет тебе любой бонд здесь, в Западном поселении.

Сигхват сказал:

— Приятно мне, старому дураку, послушать разумные речи. Складно ты говоришь, недаром твой отец был священником. Надеюсь, Всевышний наградит тебя за доброту, и скрелинги оставят твоим детям два-три фьорда для охоты.

После этого Сигхват швырнул на стол рог с брагой и вышел во двор. В тот же день он уехал из Исабьёрга и направился в Херьольвсей к Одду, сыну Торкеля. Там он рассказал о своем деле и предложил Одду поехать с ним и отомстить скрелингам. Одд отказался и сказал:

— Мой совет тебе, Сигхват, оставь ты эти замыслы. Думаю, мало кому из бондов понравится, что ты разжигаешь распрю со скрелингами. И я боюсь, что кое-кто может донести на тебя епископу, и тогда тебе придется худо.

Эндриди, сыну Одда, было в то время восемь зим, а его брату

Торфинну — шесть. Оба мальчика слышали этот разговор. И вот Эндриди говорит Торфинну:

— Давай играть. Я буду конунгом скрелингов, а ты — богатым бондом из Вестрибюгда. Я буду убивать твоих людей, а ты будешь платить мне виру и предлагать примирение.

Одд был сильно разгневан и приказал сыновьям замолчать. Тогда Сигхват сказал:

— Пожалуй, поеду я домой, сосед. И так уж про меня говорят, что я разжигаю вражду со скрелингами, а тут еще скажут, будто я ссору отцов с сыновьями.

Сигхват объехал еще несколько дворов и почти везде получил отказ. Согласились ехать на войну со скрелингами только Торродд из Альрекстадира и его отец Кольбейн, а также еще один бонд по имени Гуннар. Вместе со всеми их людьми, способными носить оружие, собралось тридцать пять человек.

Они отплыли из Вестрибюгда в начале октября на пяти больших лодках. Стояли сильные морозы, но фьорды были еще свободны ото льда. Сигхват и его люди гребли три дня и на четвертый достигли острова Хальдорсей. Здесь море у берегов уже замерзло, и они не могли высадиться. Тогда Сигхват приказал вытащить лодки на лед и дальше идти пешком. Они обогнули остров с западной стороны и вскоре увидели селение скрелингов. Все дома там были сделаны из снега. Кольбейн сказал:

— Надо подойти к ним так, чтобы они ничего не заметили, пока мы не нападем на них. Тогда мы потеряем меньше людей.

Сигхват ответил:

— Слышал я, что в прежние времена викинги поступали иначе. Сделаем так: прокричим боевой клич и будем врываться в дома и убивать всех мужчин, каких встретим.

Они сделали, как сказал Сигхват. Никто не вышел навстречу нападавшим. Гренландцы стали входить в дома, но там были только дети и женщины.

— Сдается мне, мы пришли не во время, — сказал Сигхват. — Должно быть, все мужчины сейчас на промысле. Я возьму половину людей и попробую разыскать их, а ты, Кольбейн, оставайся здесь.

Сигхват, и с ним семнадцать человек, направились вдоль берега на север. Как только они скрылись из виду, Кольбейн и Торродд со

своими людьми схватили двух женщин и надругались над ними. Потом они принялись ломать дома скрелингов.

Как раз в это время в Бьёрнастадире Торбьёрг и Эрлинг увидели, как в дом вошла женщина в черном. Глаза у нее были также черные и необычно большие, каких не встретишь у простых людей. Торбьёрг поздоровалась с вошедшей и сказала:

— Меня зовут Торбьёрг, а как твое имя?

— Меня зовут так же, как и тебя.

— Ты, должно быть, монахиня?

— Нет, я не монахиня, — говорит женщина. — Хотя, может быть, для тебя и для Эрлинга было бы лучше, если б я была монахиней.

Сразу после этого раздался как будто удар грома, и незнакомка исчезла. Тогда Торбьёрг, дочь Сигхвата, сказала Эрлингу:

— Видел ли ты сейчас женщину в черном?

Эрлинг сказал:

— Да, я видел ее, но не понял, что означали ее слова и почему она вдруг исчезла.

Никто, кроме Эрлинга и Торбьёрг, не видел той женщины, хотя в доме было немало народу. Торбьёрг сказала:

— Чувствую я, что отцовская поездка не кончится добром. И похоже, моя свадьба с Торроддом не состоится.

Эрлинг сказал, что это не так уж плохо.

Вечером Сигхват и его люди вернулись в селение скрелингов. Сигхват сказал, что им не удалось никого найти. Кольбейн и Торродд стали хвастать своими подвигами. Торродд сказал:

— Недурно мы здесь поработали. Сначала поймали двух плоско-носых сучек и позабавились вволю, а потом разрушили все дома.

Кольбейн сказал:

— По-моему, нам здорово повезло. Мы отомстили скрелингам и не потеряли ни одного человека.

Сигхват сказал:

— Позорное дело вы совершили. Воины не сражаются с беззащитными. Вижу теперь, что не стоило связываться с такими людьми, как вы.

После этого они забрали добро, которое было в селении: шкуры и моржовые бивни, и двинулись в обратный путь. Всю дорогу Сигхват был мрачен и не разговаривал с Кольбейном и Торроддом. Они

добрались до Бьёрнарстадира, когда фьорд был уже полностью скован льдом. Кольбейн сказал, что они с сыном переночуют у Сигхвата, а утром поедут к себе в Альрексстадир.

В тот день только и разговоров было, что о битве Кольбейна и Тородда со скрелингами. Многие называли их поступок недостойным, а Эрлинг сказал такую вису:

*Кольбейн и Тородд
Женам на радость
Рьяно рубились
У Кроксфьордархейдра.
Льдины щитов
На чресел мечи
Сменили. Смеюсь
Над доблестью Одда!*

Торбьёрг громко засмеялась, когда услышала эту вису, а потом сказала:

— Боги, спасите меня от ярости Тородда!

Ночью, когда все в доме спали, снаружи раздался громкий шум и треск, как будто множество людей перелезали через ограду. Сигхват взял огонь и вышел во двор. Очень скоро он вернулся и сказал:

— Скрелинги окружили дом. Должно быть, они плыли за нами по пятам от самого Хальдорсея. Вставайте и защищайтесь, если хотите. Впрочем, кому-то из вас, возможно, рубиться мечами покажется слишком трудным делом, хоть для этого и не нужно снимать штанов.

— Ты не ранен, отец? — спросила Торбьёрг.

Сигхват сделал несколько шагов к очагу, и тут все увидели, что в груди у него торчит стрела, а плащ залит кровью.

— Это ничего, — сказал Сигхват. — Я знаю, что у меня хорошие дети, которые не оставят неотмщенной мою смерть.

После этого Сигхват упал и умер. Гуннар из Люсу-фьорда, Хельги и другие люди Сигхвата схватили оружие и побежали к выходу. Скрелинги уже выбили дверь в сенях. Там началась схватка. Кольбейн и Тородд замешкались, а когда они были готовы к бою, скрелинги перебили больше половины людей Сигхвата. Остальных

теснили вглубь дома. Нападавших было в пять или шесть раз больше, чем защищавшихся. Торродд сказал:

— Бесплезное это дело — биться с такой толпой. По-моему, нам остался только один выход — спастись бегством.

В крыше там были окошки, которые закрывались ставнями, достаточно большие, чтобы в них мог пролезть человек. И вот Кольбейн вылезает в окно, спрыгивает на землю и убегает, а вслед за ним многие его люди. Торродд говорит своей невесте:

— Торбьёрг, бежим!

— Беги без меня, заморыш, и да возьмут тебя тролли! — отвечает Торбьёрг. Торродд выскакивает в окно и убегает. Тогда Торбьёрг зовет Эрлинга и говорит ему:

— Мы с тобой, братец, ничем не можем помочь нашим мужчинам. А если нас убьют, то некому будет отомстить за отца. Поэтому мы сейчас ляжем и притворимся мертвыми, может быть, нам удастся спастись.

Эрлинг сделал так, как велела сестра. Тем временем скрелинги убили всех, кто был в доме, и принялись рыскать повсюду в поисках добычи. Они забрали все оружие, кольчуги, одежду и даже кухонную утварь. Один скрелинг толкнул ногой Эрлинга, и тот немного пошевелился. Скрелинг закричал что-то на своем языке, а потом схватил Эрлинга и поставил его на ноги. Тут Торбьёрг вскочила и хотела было взять какое-нибудь оружие, но не нашла поблизости ничего подходящего. Тогда она с голыми руками бросилась на того воина, что держал Эрлинга, сбила его с ног и принялась душить. Но другие скрелинги оттащили ее в сторону и связали. Связали также и Эрлинга. Потом на них обоих накинули теплую одежду из той, что была в доме, выволокли во двор и потащили по снегу, как мешки.

На льду недалеко от берега было множество собак, запряженных в сани. Надо сказать, что собаки заменяют скрелингам лошадей. Эрлинга и Торбьёрг бросили на эти сани и повезли в сторону открытого моря. Спустя какое-то время скрелинги повернули вправо и поехали на север. Пленники были связаны так крепко, что не могли пошевелиться. Эрлинг сказал:

— Как ты думаешь, куда они нас везут и что собираются с нами сделать?

Торбьёрг ответила:

— Этого я не знаю, но мне кажется, что нас не убьют. Иначе я должна была бы увидеть духов-двойников, а я ничего не вижу.

— Тогда, думаю, им еще придется пожалеть, что они оставили мне жизнь, — сказал Эрлинг.

Через четыре дня они достигли селения скрелингов. Здесь пленников развязали и поселили в одном из снежных домов. Им разрешили свободно ходить по селению, но не позволяли отлучаться за его пределы. Два или три воина днем и ночью не спускали с них глаз. Эрлинг и Торбьёрг провели у скрелингов зиму, и у них ни в чем не было недостатка. К концу зимы они уже хорошо говорили на языке скрелингов.

IV

Теперь надо рассказать о тех скрелингах, которые напали на Бьёрнарстадир и захватили в плен детей Сигхвата. Люди этого племени называли себя инуитами, а гренландцев — тунитами. Инуиты не жили подолгу на одном месте и постоянно кочевали то к югу, то к северу. Зимой они строили дома из снега, а летом — палатки из шкур или землянки. У них не было никакого скота, если не считать собак, которых они запрягали в сани, как уже было сказано. Инуиты не обрабатывали землю, и у них не было ни хлеба, ни браги. Пищу они добывали только охотой. Железа они не знали, а наконечники для копий и стрел вырезали из кости. Когда им случалось найти кусок самородной меди, они расплющивали его камнем и использовали вместо ножа. Такой нож считался большим богатством. Лодки они делали из тюленьих шкур. Маленькие лодки назывались «каяк» и вмещали одного человека. Большие лодки назывались «умиак». Гребцами в них были женщины. Одевались инуиты так: на ногах — башмаки и штаны из медвежьей шкуры, сверху — куртка из шкуры оленя с длинными рукавами и капюшоном. Капюшон оторочен лисьим хвостом, а завязки сделаны из медвежьего меха.

Правил инуитами конунг по имени Нанук, что означает «медведь». У конунга было много жен и детей. После конунга самым знатным человеком в племени был колдун по имени Иггнануак. Он обладал такой силой, что мог усмирять бури, сгонять тюленей и моржей в те места, где инуиты охотились, исцелять болезни и предсказывать будущее. Говорили также, что его нельзя убить, потому что он будет воскресать всякий раз после того, как получит смертельную рану. Инуиты рассказывают, будто все колдуны их народа умирают только тогда, когда сами этого пожелают.

Самым большим почетом у инуитов пользовались молодые и сильные охотники. У скрелингов был такой порядок: чем больше человек убил медведей, тем он знатнее. Женщин они заставляли делать всю самую тяжелую работу, а стариков и вовсе не считали за людей.

Жил человек по имени Паль. Он был норвежец и приехал в Гренландию за две зимы до того, как скрелинги напали на дом Сигхвата. Паль был священником и жил при церкви на Стейненснесе в Западном поселении. В то время, о котором здесь рассказывается, в Вестрибюгде был только один священник.

Весной Кольбейн из Альрекстадира и его сын Торордд поехали на Стейненснес и пришли к Палю. Тот принял их хорошо и спросил, что слышно нового. Кольбейн сказал:

— Ты, конечно, знаешь, что произошло минувшей зимой в усадьбе Сигхвата, сына Бьёрна. Скрелинги убили там двадцать человек, и еще двое пропали.

Паль сказал:

— Это большое несчастье. Но я слышал также, что вы с Сигхватом сами накликали на себя эту беду. Разве вы забыли, что Господь учил нас быть терпеливыми и милосердными? Вы совершили тяжкий грех, и не удивительно, что Бог покарал вас.

— Истинно, святой отец, — сказал Кольбейн. — Видит Бог, я и мой сын Торордд раскаялись в своем грехе сразу же, как только его совершили. Но так же верно и то, что жизнь здесь, в Вестрибюгде, не будет спокойной, пока мы не помиримся со скрелингами.

— Чего же ты хочешь? — спросил Паль.

— Было бы хорошо, если бы ты снарядил и возглавил плавание на север, в страну скрелингов. Нужно заплатить им выкуп за тот ущерб, который мы им причинили, и заключить мир. Тогда все бонды Западного поселения вздохнут спокойно.

Паль сказал:

— Это дельный совет. Мне и самому такая мысль нередко приходила в голову. Вот как мы поступим: летом сюда придет корабль из Норвегии, и я поплыву на нем в селение скрелингов и постараюсь положить конец этой распре. И я хотел бы, чтобы ты и твой сын приняли участие в походе.

— Это неразумно, святой отец, — сказал Кольбейн. — Скрелинги могут узнать нас, и тогда уж мы вряд ли сумеем добиться

примирения. Я думаю, будет лучше, если с тобой поедет Одд, сын Торкеля, и другие знатные люди.

Так они и порешили. Кольбейн и Тородд гостили у Палья три или четыре дня. Все это время Кольбейн был молчалив и как будто чем-то озабочен. Когда гости уже собирались отправиться восвояси, Паль сказал Кольбейну:

— Сдается мне, что у тебя есть еще какое-то дело, но ты не решаешься его высказать. Оставь свои тревоги и говори все, как есть. Ты человек разумный, и я уверен, что нам будет нетрудно столкнуться.

Кольбейн сказал:

— Известно ли тебе, к кому перешло поместье Сигхвата после смерти хозяина?

Паль сказал:

— Я слышал, что там осталась одна молодая служанка по имени Тордис. Она поддерживает хозяйство и говорит, что будет сохранять все в полном порядке до тех пор, пока не вернутся законные наследники.

— Навряд ли они вернутся, — сказал Кольбейн. — Никто не видел Эрлинга и Торбьёрг с той ночи, когда скрелинги устроили побоище в Бьёрнарстадире. Только глупцы могут верить, что дети Сигхвата живы. Нехорошо, если такое богатое поместье окажется без хозяи-на.

Паль сказал:

— Видимо, у тебя или у Тородда есть какие-то права на Бьёрнарстадир, иначе ты не стал бы беспокоиться. Какие же это права?

— Торбьёрг была невестой моего сына. К несчастью, они не успели обвенчаться, но мне кажется, что это не так уж важно, если хозяйство попадет в надежные руки.

— Боюсь, этого недостаточно, чтобы законным образом вступить во владение усадьбой. Есть и еще одна трудность: Торд, сын Йона, тоже претендует на поместье Сигхвата, и дело его куда вернее, чем у тебя: его сестра Гудрид была женой прежнего хозяина.

Кольбейн сказал:

— Все это верно, но ведь законы составляются людьми, а люди порой ошибаются. К тому же я должен сказать, что у меня есть два отличных быка английской породы, и я дал обет подарить их тому, кто окажет мне поддержку в этом деле.

— Хорошо, сын мой, — сказал Паль. — Я подумаю над твоими словами и, возможно, постараюсь помочь тебе, чем сумею.

Они попрощались, и Кольбейн с Тороддом вернулись к себе домой на Люсу-фьорд. Паль священник сделал все, как обещал, и вскоре Бьёрнарстадир перешел к Тородду, сыну Кольбейна, вместе со всеми землями и тем добром, которое там осталось после набега скрелингов. В начале лета Тородд со своими людьми приехал в Бьёрнарстадир. Тордис, служанка Сигхвата, не хотела пускать их в дом. Она сказала, что это поместье принадлежит Торбьёрг и Эрлингу, и ей нет дела до того, что там решили судьи и чего желает епископ в Гардаре. Тогда Тородд приказал выломать дверь.

— Вышвырните из моего дома эту потаскуху, и пусть она убирается к скрелингам искать своих хозяев, или же прямо на тот свет, там она их вернее всего и найдет.

Люди Тородда выбили дверь и хотели схватить Тордис, но она вырвалась и сама вышла во двор. Там она обернулась и сказала:

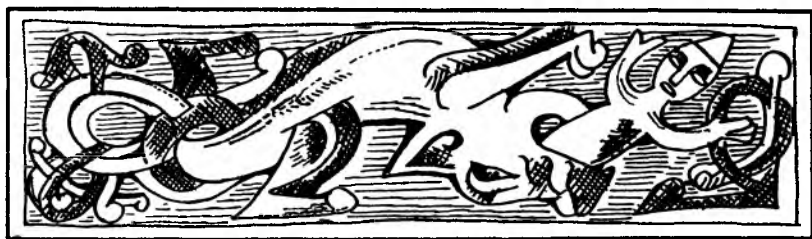
— Ты, Тородд, выглядишь сейчас таким грозным и разгневанным, что тебя можно даже принять за храбреца. И я не удивлюсь, если ты вытащишь меч и попытаешься меня зарубить. Только смотри, не ошибись, когда будешь это делать: слышала я, что ты сам не знаешь, где у тебя меч, то ли в ножнах, то ли в штанах.

После этого Тордис ушла из Бьёрнарстадира и поселилась в Исабьёрге у Торда, сына Йона.

Тородду захотелось узнать, что хранили прежние хозяева Бьёрнарстадира в своем Тайнике, но он нигде не мог найти ключа. Тогда он приказал сломать замок. Как только это было сделано, все здание обрушилось, и двоих людей Тородда задавило обломками. Тородд сказал:

— Верно говорили люди, что на Бьёрновом Тайнике лежит заклятие. Не будем раскапывать эти развалины; засыпем все землей и позовем священника, чтобы он освятил это место.

Все было сделано, как велел Тородд.

V

В середине лета в Вестрибюгд пришел корабль из Норвегии. Этот корабль назывался Трещотка и должен был, согласно повелению конунга, каждое лето привозить товары в Гренландию, однако на деле часто случалось так, что гренландцы не видели Трещотки по четыре, а то и по пять лет. Всем же прочим кораблям запрещалось ходить в гренландские воды. И вот норвежские купцы, как обычно, снесли свои товары на берег и начали торговлю. Тем временем Паль священник поднялся на корабль и спросил, кто здесь главный. Ему ответили, что правит кораблем Торстейн, сын Эйрика, конунгов дружинник. Тогда Паль пошел к Торстейну и рассказал о своем деле.

— Жизнь в Вестрибюгде стала беспокойной из-за язычников, которых здесь называют скрелингами, — сказал Паль. — Этой зимой они разграбили одну усадьбу и убили двадцать человек. Поэтому мы хотели бы воспользоваться вашим кораблем и поплыть в страну скрелингов, чтобы заключить с ними мир.

Торстейн сказал:

— По-моему, вы вернее сбережете свое добро, если перебьете этих язычников или изгоните их из Гренландии. У меня на корабле пятнадцать латников и много оружия. Соберите еще тридцать человек, и мы расправимся со скрелингами без всякого труда.

Паль сказал:

— Плохой это совет. Ведь скрелингов куда больше, чем гренландцев, и они очень воинственны. Если мы разрушим одно или два селения и перебьем там людей, остальные будут нам мстить, и дело кончится тем, что все христиане в Гренландии погибнут. Вряд ли это понравится конунгу.

Торстейн сказал, что Паль может поступать, как считает нуж-

ным. Через неделю Паль загрузил корабль товарами, которые бонды Вестрибюгда собрали в подарок скрелингам, и вышел в море. Вместе с Палем поехали Одд, сын Торкеля, Торд, сын Йона, и многие другие знатные люди. Два дня они плыли на север и на третий заметили селение скрелингов. Гренландцы бросили якорь, перенесли все товары в лодку и сошли на берег. У самого селения они остановились и не знали, что делать дальше.

Нанук, конунг скрелингов, вышел им навстречу с несколькими воинами. Нанук крикнул Палю что-то на своем языке, а Паль ответил на своем, и ни один из них не понял другого. Тогда Нанук приказал привести Эрлинга и Торбьёрг. Люди Паля тем временем сложили все подарки к ногам конунга. Там было много оружия, мехов и красивой одежды. Инuitы были очень довольны. Они бросились разглядывать товары, вырывали их друг у друга и громко кричали, пока Нанук не приказал им утомониться. На берегу уже собралась большая толпа инuitов, и они обступили гренландцев со всех сторон.

Тут привели детей Сигхвата. Четверо сильных воинов крепко держали их за одежду, чтобы они не сбежали. Торбьёрг увидела среди приехавших Торда, своего родича, и сказала ему:

— Верно ли я поняла, дядюшка, что вы привезли скрелингам все это добро, чтобы выкупить нас из плена?

— Это не совсем так, — сказал Торд. — По правде говоря, мы считали вас мертвыми. Но теперь-то мы, конечно, сделаем все возможное, чтобы вызволить вас.

Вот Нанук конунг поднял руку, и все замолчали. Конунг велел детям Сигхвата переводить его слова и сказал:

— Нанук, великий конунг народа Каладлок, принимает дары тунитов. Мне нравятся эти меха и железное оружие. Можно считать, что вы сполна заплатили за тот разбой, который учинили здесь прошлой осенью. Однако если туниты еще раз нападут на нас, Нанук уже не будет так милостив. Инuitы наколют тунитов на гарпуны, как лососей, и перестреляют, как куропаток. А теперь туниты могут уходить.

Паль священник сказал:

— Мы обещаем вам, государь, что ни один из гренландцев отныне не поднимет оружие против вас и ваших подданных. Можем ли мы надеяться, что и вы не пойдете на нас войной и наши народы будут жить в мире?

Торбьёрг и Эрлинг повторили все это на языке скрелингов. Нанук ответил:

— Инуиты не хотят войны. Но мы требуем, чтобы туниты не охотились в наших землях и не плавали сюда ни за каким другим делом, разве что вы опять захотите подарить нам какое-нибудь добро. Если туниты не нарушат этих условий, они могут спокойно жить там, где живут. Однако мудрые люди говорят, что с севера наступают большие холода. Может статься, что инуиты пожелают переселиться дальше на юг. Но пока что нам хватает добычи в этих местах. Пусть теперь туниты уйдут.

Торд, сын Йона, сказал:

— Мы хотим еще попросить вас, государь, чтобы вы отпустили этих двух пленников.

Нанук сказал:

— Они останутся у меня. Пусть пленники скажут тунитам, чтобы они уходили. Нанук не желает их больше видеть.

Тогда все гренландцы вернулись на корабль, а Торбьёрг и Эрлинг остались у скрелингов. Эрлинг взял копье и вырезал на древке руны. Потом он сказал Торбьёрг:

— Забрось-ка это копье на корабль.

Торбьёрг метнула копье с такой силой, что оно долетело до корабля и упало прямо на палубу.

— Что ты там вырезал, братец? — спрашивает Торбьёрг. Эрлинг говорит:

— Я написал хвалебную песнь нашему родичу Торду.

Торбьёрг попросила, чтобы он прочитал эту песнь. Тогда Эрлинг сказал такую вису:

*Надолго запомнят заморыши
Трусливую Торда торговлю.
Опоры меча позорно
Дрожали у кольцедробителя.*

Гренландцы подняли якорь, поплыли на юг и через три дня возвратились в Вестрибюгд. Люди много говорили об этом плавании, и большинство считало, что поездка была удачной. Однако нашлись и такие, кто говорил, что она принесла больше позора, чем славы.

VI

Торбьёрг и Эрлинг провели у скрелингов восемь зим. Торбьёрг выдали замуж за конунга. Нанук обращался с ней бережно и не заставлял так много работать, как других своих жен. Торбьёрг родила сына, которому дали два имени: мать называла его Сигурдом, а инуиты — Сигунуаком. Волосы у него были черные, как уголь, а глаза светлые. Временами в Торбьёрг по-прежнему вселялись духи и она начинала предсказывать будущее. Скрелинги не придавали этому большого значения, потому что у них это было обычным делом.

Эрлинг вырос и стал красивым и сильным юношей. Роста он был высокого, строен и очень широк в плечах. Волосы и борода у него были ярко-рыжие, поэтому инуиты называли его Нангут, что значит «огонек». Эрлинг обладал огромной силой и быстро научился всему, что умели скрелинги. Он стал хорошим охотником и прославился тем, что метал гарпуны дальше и сильнее, чем любой из инуитов. Эрлинг убил первого медведя, когда ему было тринадцать зим.

Все время, пока дети Сигхвата жили в плену, скрелинги не спускали с них глаз, так что у них не было никакой возможности убежать.

Вот однажды Эрлинг приходит к Иггнануаку колдуну и говорит:

— Позволь обратиться к тебе с просьбой, о мудрейший. Я научился управлять собачьей упряжкой, мастерить кожаные лодки — каяки, строить снежные дома — иглу — и охотиться на моржей и медведей. Теперь я хочу узнать секреты твоего ремесла. Я слышал, что ты можешь менять погоду, воскресать из мертвых и делать многое другое, чего никто, кроме тебя, не умеет. И я могу сказать, что ни у одного народа нет таких могучих колдунов, как у инуитов. Я прошу тебя взять меня в ученики.

Иггнануак отвечает:

— Ты красивый юноша, Нанавут, смелый и ловкий. Ты можешь стать лучшим охотником племени. Боги не лишили тебя и рассудительности. Ты должен знать, что стать колдуном может лишь тот, кто им родился.

Эрлинг говорит:

— Мой отец Сигхвот и мой дед Бьерн были колдунами, хотя об этом мало кто знал. Вера нашего народа запрещает колдовство, и тех, кто нарушает запрет, сжигают живьем. Но я знаю, что родился колдуном, и могу поклясться тебе в этом, если ты думаешь, что я лгу.

Иггнануак говорит:

— Я верю тебе, Нанавут. Ведь я вижу мысли людей сквозь окна их глаз, и обмануть меня невозможно. Ты сказал правду. Но мне нужно подумать, прежде чем я дам ответ.

Через два или три дня Иггнануак пришел в иглу к Эрлингу и сказал:

— Тебе известно, Нанавут, что инуиты почитают тебя как сильного и умелого охотника, и многие из нас относятся к тебе, как к своему. Но наши народы враждуют, и мы помним, что отец твой пал от руки инуита. Ты тоже не забыл этого и когда-нибудь, возможно, захочешь отомстить нам. Поэтому, если ты желаешь, чтобы я обучил тебя колдовскому делу, ты должен обещать, что никогда не используешь эти знания против народа инуитов.

Эрлинг дал клятву по обычаю скрелингов, что он не станет колдовать против них, и тогда Иггнануак взял его себе в ученики. Эрлингу и здесь сопутствовала удача, как и во всем остальном, и вскоре он стал искусным колдуном. При встречах с сестрой Эрлинг рассказывал ей все, что узнавал от своего учителя.

В племени инуитов были два молодых охотника. Звали их Атанган и Инапалук. Эрлинг очень сдружился с ними, и они всюду ходили вместе. Они побратались и дали клятву мстить друг за друга и никогда не расставаться, что бы ни случилось. Однажды Эрлинг сказал своим названным братьям:

— Ваш брат Нанавут вырос и научился всему, что умеют инуиты. Теперь мне пришла пора вернуться к своему народу. Знайте, что я собираюсь убежать, как только представится возможность. И я надеюсь, что вы мне в этом поможете.

Атанган сказал:

— Если Нанаут уйдет, он нарушит клятву, которую мы дали друг другу: не расставаться до конца дней.

Эрлинг сказал:

— Я не хочу нарушать клятву. Поэтому Атанган и Инапалук уйдут вместе со мной. Я приведу вас в страну тунитов, и я обещаю вам: если вы будете верны мне, вас ждет великая слава.

Надо сказать, что у Эрлинга было такое свойство: почти все люди, с которыми он разговаривал, верили каждому его слову. Даже его враги не могли ничего возразить ему, когда он стоял перед ними и смотрел им в глаза. Сверх того, одно его присутствие вселяло в людей такое мужество, что они могли совершать дела, на которые никогда бы не отважились, не будь рядом Эрлинга.

Атанган и Инапалук сказали, что согласны следовать за своим братом Нанаутом, куда бы он ни направился.

Однажды зимой Эрлинг отправился на охоту вместе с пятью инуитами. Они шли на лыжах вглубь страны по берегу фьорда. Вдруг один из охотников, по имени Улулик, увидел на другом берегу оленя. До него было не меньше пятисот шагов. Улулик сказал:

— Верно ли говорят, будто туниты так ловко бросают гарпуны, что с пятисот шагов без промаха попадают в цель?

Эрлинг промолчал, потому что не хотел до времени показывать скрелингам свою силу. Тогда остальные охотники стали просить и уговаривать его, чтобы он метнул в оленя гарпун. Эрлинг долго отказывался, но они не унимались. Тогда Эрлинг сказал:

— Вы словно все хотите узнать, кто я: живой человек или дух. Смотрите же. Только сдается мне, что это не принесет вам добра.

Эрлинг бросил гарпун и пронзил оленя насквозь. Инуиты были так потрясены этим броском, что на какое-то время как будто окаменели и не могли пошевелиться. Эрлинг не стал мешкать и быстро побежал вверх по склону. Когда инуиты опомнились, он уже скрылся из виду. Скрелинги громко закричали и бросились в погоню. Они преследовали Эрлинга весь день и всю ночь, но Эрлинг далеко опередил их, запутал следы и спрятался в расщелине в скалах. В том месте постоянно дули сильные ветры, и на камнях почти не было снега.

Эрлинг просидел в расщелине семь дней. За это время он только один раз выходил наружу, чтобы добыть себе пропитание. Он убил

тюленя и ел его сырым, потому что боялся разводить огонь. На седьмой день в расщелину, где прятался Эрлинг, вошли два скрелинга. Эрлинг выскочил из своего укрытия и проткнул первого воина гарпуном. Потом он бросился на второго и повалил его на землю. Скрелинг сказал:

— Не убивай меня, Нанут. Все равно я не причинил бы тебе никакого вреда, ведь ты колдун.

— Это верно, — сказал Эрлинг. — И все-таки мне придется тебя прикончить. По-моему, именно ты убил моего отца во время битвы в Бьёрнарстадире.

Скрелинг сказал:

— Ты ошибаешься. Твоего отца убили стрелой, а у меня в ту ночь не было с собой лука.

Эрлинг сказал:

— Кто может поручиться, что ты не лжешь?

После этого Эрлинг заколол скрелинга костяным ножом. Той же ночью Эрлинг покинул свое укрытие и пришел в селение инуитов, когда все жители спали. Собаки узнали Эрлинга и не залаяли. Он прокрался сначала в иглу, где жили Атанган и Инапалук. Эрлинг разбудил своих названных братьев и сказал им, чтобы они незаметно покинули селение и ждали его на льду фьорда с собачьей упряжкой. Потом он прошел в большое иглу, где спали Нанук конунг и все его жены. Эрлинг положил конунгу под изголовье кусок оленьего рога, на котором было вырезано усыпляющее заклятие. Конунг перевернулся на своем ложе и громко захрапел. Эрлинг не нарушил клятву, которую дал Иггнануаку, потому что использовал гренландское, а не инуитское заклятье. Потом Эрлинг вывел из дома Торбьёрг. Торбьёрг сказала:

— Я думала, мы не уйдем отсюда, не отомстив за отца.

Эрлинг сказал, что это уже сделано. Тогда Торбьёрг спросила, жив ли ее муж, Нанук конунг. Эрлинг сказал:

— Он будет спать дольше обычного, но все же проснется.

Они идут к берегу и встречаются с Атанганом и Инапалуком. Все четверо садятся в сани и едут на юг. С собой они взяли только немного оленьего мяса, несколько мечей и секир из того оружия, что привез Паль священник, и три инуитских лука. Эти луки были сделаны из оленьих рогов.

В половине дня пути к северу от Вестрибюгда Эрлинг повернул собак на восток и поднялся на ледниковое плато. Здесь он и его спутники построили иглу. Эрлинг сказал:

— Невозможно заранее узнать, какой прием ожидает нас в родном селении. Может статься, нам еще понадобится это тайное жилище. По правде сказать, я не совсем уверен, что мы всех здесь обрадуем своим приходом.

Утром они поехали дальше на юг по леднику и спустились к морю неподалеку от Бьёрнарстадира. Эрлинг направился прямо к дому и постучал. Ему открыл Тородд. Какое-то время оба молчали и смотрели друг на друга, а Торбьёрг и оба инуита стояли рядом с опущенными лицами и надвинутыми капюшонами. Потом Эрлинг сказал:

— Что это ты делаешь в моем доме, приятель?

Тородд ответил так:

— Дом перешел ко мне по закону, потому что все думали, что ты и Торбьёрг погибли. Но теперь, когда ты вернулся, я надеюсь, что мы сможем договориться по-хорошему. Я готов заплатить тебе выкуп за поместье, раз уж так получилось.

Эрлинг сказал:

— Видно, здесь не обошлось без большого знатока законов. Когда же ты успел стать нашим родичем?

Тут Торбьёрг откинула капюшон, и Тородд узнал ее. Торбьёрг сказала:

— Ты, наверное, всё надеялся когда-нибудь стать моим мужем. Да только ничего у тебя не выйдет. Ведь я теперь жена конунга и тебе не чета.

Тородд сказал:

— Что же вы не остались у скрелингов, если добились там такого высокого положения?

— Вот что, приятель, — говорит Эрлинг. — Убирайся-ка ты отсюда подобру-поздорову. Я хочу, чтобы через час тебя здесь не было.

— Это незаконно, — говорит Тородд. — Дом принадлежит мне, и я никуда не уйду. А если ты, Эрлинг, вздумаешь напасть на меня, то заплатишься головой. Ведь у меня здесь пятнадцать человек, готовых к бою.

После этого Тородд вернулся в дом и запер дверь на засов. Эрлинг сказал:

— Никогда мне не нравился твой жених, Торбьёрг, и теперь, я надеюсь, ты не будешь возражать, если я поступлю с ним, как он того заслуживает.

Эрлинг выбил дверь плечом и вошел в дом. Торродд и его люди сидели за столом и бражничали. Оружие висело на стенах. Эрлинг рванул на себя скамью с такой силой, что все люди попадали на пол.

— Ты, Торродд, — сказал Эрлинг, — бери оружие и защищайся. Я вызываю тебя на поединок, хоть это и незаконно.

Всем остальным, кто был в доме, Эрлинг сказал:

— Не советую вам вступаться за своего хозяина. Если вы расстанетесь с жизнью, защищая такого ничтожного человека, это принесет вам не много славы. Лучше всего для вас будет встать на мою сторону. Тогда уж вам никогда не придется молча сносить насмешки, как это обычно делает ваш хозяин.

Торродд увидел, что никто из его людей не спешит ему на помощь. Тогда он снял со стены меч, копье и щит и сказал:

— Принимаю твой вызов.

Они вышли во двор и приготовились к поединку. У Эрлинга не было щита. Торродд метнул копье, но оно не долетело до Эрлинга и воткнулось в землю. Тогда бросил Эрлинг, и его копье попало в щит Торродда и застряло в нем. Они взялись за мечи, но Торродд не долго защищался, и Эрлинг перерубил его пополам.

После этого Эрлинг, Торбьёрг и оба скрелинга поселились в Бьёрнарстадире и стали вести хозяйство, как ни в чем не бывало. Некоторые из людей Торродда ушли в Альрекссстадир к Кольбейну, но большинство предпочли остаться с Эрлингом. Той же зимой Паль священник приехал в Бьёрнарстадир и сказал Эрлингу и Торбьёрг:

— Напрасно вы думаете, что здесь будут терпеть ваши бесчинства. Ты, Эрлинг, должен заплатить Кольбейну виру и помириться с ним. Иначе об этом деле узнают в Аустрибюгде, и тогда тебе не сносить головы. Кроме того, вы должны вернуть Кольбейну его поместье. И зарубите себе на носу, что здесь не царство язычников, а христианская страна, в которой никто не посмеет безнаказанно убивать честных бондов.

Эрлинг сказал:

— Убирайся отсюда, поп, пока я не отправил тебя вслед за Торроддом. Придет время, и я еще припомню тебе, как ты спасал нас с

сестрой из плена. Из-за таких попов, как ты, гренландцы теперь унижаются перед скрелингами, которых в прежние времена и за людей-то не считали.

Паль сказал:

— За эти слова тебя бы следовало отлучить от церкви.

— Не так велика эта беда, как некоторые думают, — сказал Эрлинг.

После этого Паль уехал из Бьёрнарстадира. Он был в большом гневе. Он направился на Люсу-фьорд к Кольбейну и сказал:

— Собираешься ли ты судиться с Эрлингом, который убил твоего сына и захватил твою усадьбу?

Кольбейн сказал, что собирается.

— Жаль только, что исполнить приговор можно будет не раньше следующего прихода Трещотки. Ведь у нас в Вестрибюгде нет никакого войска.

Паль сказал:

— Не зачем так долго ждать. Да и не хочется мне предавать это дело огласке. Собери людей и убей Эрлинга, а я уж постараюсь сделать так, чтобы тебе не пришлось отвечать, даже если ты перебежишь весь народ в Бьёрнарстадире.

Кольбейн сказал, что так и поступит. В начале весны он принял-ся ездить по всем дворам на Люсу-фьорде и Ранга-фьорде и везде подбивал бондов поехать вместе с ним и расправиться с Эрлингом.

— Тогда, — говорил он, — и нам станет спокойней, и скрелинги не подумают о нас дурного.

Вот Кольбейн приезжает в Исабьёрг к Торду, сыну Йона, и рассказывает о своем деле. Торд говорит:

— Пожалуй, я поеду с тобой, хоть Эрлинг мне и племянник. Не желаю я сносить насмешки этого щенка потому только, что моя сестра Гудрид так неудачно вышла замуж. Но у меня есть одно условие.

Кольбейн просит Торда назвать его.

— Ходят слухи, — говорит Торд, — будто ты, Кольбейн, однажды очень выгодно продал пару английских быков. Ты-то тогда разбогател, а я вот лишился наследства. По-моему, будет справедливо, если ты дашь мне пять марок серебра и быка за поддержку.

Кольбейн согласился, и тогда Торд обещал присоединиться к его отряду, когда они соберутся напасть на Эрлинга. Бьёрн, сын Торда, был при этом разговоре. Он сказал:

— Почему ты согласился пойти на это неблагородное дело, отец? Ведь каждому ясно, что Эрлинг — законный наследник Сигхвата, и Бьёрнарстадир принадлежит ему по праву. Торорда же он убил по обычаю предков на честном поединке.

Торд сказал Бьёрну, что это не его ума дело. Бьёрн сказал:

— Если ты не передумаешь, я уйду к Эрлингу и буду сражаться на его стороне против тебя.

Тогда Торд ударил Бьёрна по лицу и сказал:

— Замолчи, щенок! Посмей только уйти к этому разбойнику, и я отрекусь от тебя, так что ты не получишь ни фартинга из моего наследства.

Бьёрн сказал:

— Смотри, как бы эта пощечина не обошлась тебе дороже, чем мне — твое проклятие.

Той же ночью Бьёрн убежал из Исабьёрга с тремя верными людьми. Он пришел к Эрлингу и рассказал ему, что замышляют против него бонды.

— Я хотел бы остаться с тобой, — сказал Бьёрн. — Меня теперь ничто не удерживает, ведь Торд отрекся от меня.

Эрлинг был очень доволен. Он сказал:

— Мне нечего бояться, раз лучшие люди Западного поселения переходят на мою сторону.

В тот же день в Бьёрнарстадир пришли Эндриди и Торфинн, сыновья Одда, сына Торкеля, с острова Херьольвсей. Оба юноши остались у Эрлинга, как и Бьёрн, и обещали во всем его поддерживать. Вечером Эрлинг позвал своих названных братьев, Атангана и Инапа-лука, и сказал им:

— Этой ночью мы должны рассчитаться с одним человеком. Зовут его Торд. Это совсем ничтожный человек, и я не стану вызывать его на поединок. Не заслужил он такой чести. Я думаю, нашим врагам придется не по нраву, если мы начнем наносить им урон прежде, чем они соберутся выступить против нас.

Инуиты и Эрлинг запрягли собак и выехали, как только стемнело. Лед во фьордах был еще крепок. Они ехали быстро и успели затемно добраться до Исабьёрга. Торд и его люди накануне выпили много браги и оставили дверь незапертой. Эрлинг вошел в дом, прокрался к скамье, на которой спал Торд, и проткнул его копьем. Торд

застонал и сразу умер. Какой-то работник проснулся и спросил, кто здесь ходит. Эрлинг сказал:

— Это я, Торд. Хочу выйти во двор, видно, слишком много я вчера выпил.

Эрлинг вернулся к своим братьям-инуитам, которые ждали его у дверей. Атанган спросил, почему Эрлинг не разбудил Торда и не дал ему взять оружие. Эрлинг сказал:

— Он большой трус, этот Торд. Он поднял бы такой крик, что разбудил бы всех в доме, и тогда нам пришлось бы сражаться с ними со всеми. А ведь среди них, возможно, найдется немало таких, кто потом будет стоять на нашей стороне.

После этого Эрлинг, Атанган и Инапалук поехали обратно в Бьёрнарстадир.

Через два или три дня к Эрлингу пришли восемь человек из Исабьёрга. Их привела Тордис, служанка Сигхвата. Все они остались в Бьёрнарстадире и поклялись верно служить Эрлингу. Всего у Эрлинга собралось к тому времени тридцать два человека, не считая женщин. Это были большей частью молодые люди, которые надеялись, что Эрлинг сумеет освободить страну от скрелингов.

Вокруг дома насыпали высокий вал и приготовились к защите.

VII

Вскоре до Эрлинга дошли слухи, что Кольбейн уже собрал свое войско и хочет выступить в ближайшие дни. Говорили, что у Кольбейна более сотни воинов.

— Не боюсь я этих людишек, — сказал Эрлинг. — Они все так обленились и разжирели, что едва не падают на ходу. Каждый мой человек стоит десятка этих трусливых баранов.

Торбьёрг сказала:

— И все же я не советую тебе вступать с ними в открытый бой. Никогда не следует идти навстречу желаниям врагов. Я думаю, мы причиним им больший ущерб, если спрячемся в тайном жилище и будем совершать оттуда внезапные набеги.

— Верно ты говоришь, — сказал Эрлинг. — Так мы и сделаем.

Той же ночью Эрлинг и все его люди ушли из Бьёрнарстадира и поднялись на ледник, где у них был снежный дом. С собой они взяли только собак, лошадей и оружие. Эрлинг сказал:

— Пусть бонды поживятся моим добром: недолго им радоваться этому богатству.

Они построили на леднике еще несколько иглу, так что все смогли свободно разместиться.

Вскоре Кольбейн со своим войском пришел в Бьёрнарстадир. Воины надели доспехи, прокричали боевой клич и ринулись в бой. Они перелезли через вал, ворвались в дом и только тогда поняли, что сражаются с собственной тенью. Кольбейн был очень разгневан, а многие в его войске перепугались. Они решили, что Эрлинг теперь будет появляться в любое время там, где захочет, и мстить им за это нападение. Люди Кольбейна разграбили усадьбу и забрали все добро, какое смогли унести. После этого они поехали на остров Херьольв-

сей к Одду, сыну Торкеля. Там было много жилых построек. Кольбейн решил оставаться на острове с войском до тех пор, пока не представится возможность сразиться с Эрлингом. Но его людьми овладел такой страх, что многие из них разбежались по домам прежде, чем достигли Херьольвсея.

Эрлинг часто посылал Атангана и Инапалука в Вестрибюгд на разведку. Эти скрелинги умели так тихо и незаметно прокрадываться в селение и так хорошо запутывали следы, что их почти невозможно было поймать. Они подслушивали разговоры, а потом передавали все Эрлингу. Оба инуита хорошо понимали норвежский язык. Однажды они вернулись с разведки и сказали, что Кольбейн собирается сегодня съездить по-какому-то делу в Альрекссстадир и переночует там. Эрлинг сказал:

— Вот уж поистине хорошие вести! Добыча сама просится к нам в руки.

Поздно вечером Эрлинг взял оружие и отправился верхом в Вестрибюгд. С ним поехали сыновья Одда. Они скакали всю ночь и на рассвете добрались до Альрекссстадира. Там они спешили и подошли к дому.

Кольбейн увидел их издали и велел воинам, которые с ним были, вооружиться и приготовиться к бою. Он сказал:

— На этот раз мы не будем отступать. Мы уже дали людям достаточно поводов для насмешек, когда напали на пустую усадьбу, но теперь-то Эрлингу вряд ли удастся сбежать.

Они надели тяжелую броню, взяли мечи, копья и щиты и вышли навстречу Эрлингу. Их было пятеро против троих. Кольбейн метнул копье в Торфинна, но тот подставил щит, и копье соскользнуло в сторону.

Тогда люди Кольбейна бросились в бой, и началась схватка. Эндриди зарубил одного врага, а Эрлинг ранил другого. Кольбейн ударил Торфинна по щиту с такой силой, что щит раскололся. Вторым ударом Кольбейн отрубил Торфинну два пальца на левой руке. Тогда Торфинн подпрыгнул и ударил Кольбейна обеими ногами в грудь. Кольбейн упал, и Торфинн проткнул его мечом.

Люди Кольбейна увидели, что их предводитель убит, и бросились бежать. Эрлинг метнул им вслед копье и попал одному из бегущих между лопаток. Тот сразу упал и умер. Эндриди догнал второго

и зарубил его. Эрлинг и его люди не носили брони и поэтому могли бегать гораздо быстрее, чем их противники.

Сразу после боя Эрлинг, Торфинн и Эндриди сели на коней и вернулись к себе на ледник. В этом бою враги Эрлинга потеряли четырех воинов, и еще один получил тяжелую рану. У Эрлинга же не было потерь, если не считать двух пальцев на руке Торфинна. После этой схватки Эрлинг сочинил такую вису:

*Кольбейн приколот
Железом к земле.
С Торфинном воин
Старый недаром
Сражался: срубить
Сумел два сучка
У ясеня битвы.*

Когда весть о гибели Кольбеина дошла до острова Херьольвсей, где находились враги Эрлинга, их всех обуял такой страх, что они больше не решались покидать остров. Они выставили часовых и даже ночью не снимали брони. Своим предводителем они избрали Одда, сына Торкеля. Многие из них были бы рады перейти на сторону Эрлинга, да только не знали, где его искать.

Вскоре после битвы в Альрексстадире Паль священник приказывает снарядить большую парусную лодку. Один из людей Палья спрашивает его, куда они направляются. Паль отвечает:

— Мы поедem на север, к Нануку конунгу. Быть может, он согласится оказать нам помощь.

— Стоит ли связываться со скрелингами, — говорит работник. — Не лучше ли будет попросить помощи у епископа?

Паль говорит:

— Я хочу использовать все средства, какие у меня есть, прежде чем об этом деле узнают в Аустрибюгде.

В середине лета Паль выходит в море с десятью людьми и спустя три дня прибывает в селение инуитов. Он подносит конунгу богатые подарки и спрашивает, есть ли здесь люди, понимающие норвежский язык. Нанук говорит:

— Торбьёрг, моя жена, обучила меня языку тунитов. Благодарю

тебя за подарки. Они не хуже тех, что ты привозил в прошлый раз. А теперь, если ты хочешь что-нибудь сказать мне, то говори.

Паль сказал:

— Государь, я приехал, чтобы просить вашей помощи. Эрлинг, тот юноша, которого вы захватили в Вестрибюгде еще мальчиком, вернулся в наше селение. Он оказался большим разбойником и очень досаждают нам. Он уже убил многих достойных людей, а мы никак не можем его поймать. Он скрывается где-то на ледниковом плато, но эти места нам совсем не знакомы, и мы опасаемся туда ходить. Мы просим вас, государь, помочь нам изловить этого мятежника.

Нанук сказал:

— На свою беду ушел от нас Нанаут. Он мог бы стать хорошим охотником. Инуиты любили его и считали своим. Но он отверг нашу дружбу и вернулся к своему народу. И вот теперь туниты гонятся за ним, как за бешеным псом. Жаль мне его, но он сам выбрал эту тропу. Уходи прочь, трусливый тунит. Нанук не станет тебе помогать, а самим вам никогда не одолеть Нанаута.

Паль сказал:

— Дело это касается не только нас, государь. Известно ли вам, что собирается делать Эрлинг после того, как расправится со своими врагами в Вестрибюгде? Он хочет поехать на север и изгнать из страны всех инуитов и других скрелингов. Говорят, он поклялся не стричь волос и бороды до тех пор, пока в Гренландии останется хоть один инуит.

Нанук сказал:

— По-моему, ты лжешь, тунит. Зачем Нанауту воевать с нами?

Паль сказал:

— В этом нет ничего удивительного. Ведь вы убили его отца, а у нашего народа есть такой обычай: чтобы отомстить за отца, сын должен убить не только того, кто нанес удар, но и всех его родичей и друзей. Эрлинг же считает, что все скрелинги друг другу друзья и родичи. Есть также и другая причина. Чтобы совершать свои разбойные дела, Эрлингу нужна была дружина, а он не знал, как ее собрать. И вот что он придумал: он обещал всем, кто пойдет с ним, что они сначала подчинят себе Вестрибюгд, а потом изгонят из страны скрелингов и будут одни распоряжаться во всей Гренландии. Многие

поверили Эрлингу, и он собрал большое войско. Поэтому теперь ему придется выполнять свои обещания, хочет он того или нет, ведь иначе он потеряет дружину. К несчастью, в нашем селении хватает всякого сброда, так что сила Эрлинга постоянно растет. Сейчас с ним еще можно справиться, но кто знает, что будет после? Мы должны поспешить, если хотим спасти свои народы от больших несчастий.

Нанук долго молчал, а потом сказал:

— Нелегко нам будет бороться с Нанавтом. Ведь он постиг тайны колдовского дела. Сам Иггнануак, великий колдун нашего племени, обучил его всему, что умел сам. Теперь Эрлингу не страшны никакие раны. Однако Нанук знает выход. Если мы убьем всех людей Нанавта, он останется один, а когда человек остается один, он не может прожить долго, даже если он колдун. Вот что я решил: я поеду в твоё селение и возьму с собой сорок воинов. Ты покажешь нам этот ледник, где скрывается Нанавт. Тогда мы убьем всех людей Нанавта. За это ты дашь нам столько крашеной одежды, мехов и железного оружия, чтобы хватило каждому человеку в моем племени. Но знай: я согласился не потому, что ты убедил меня, и не потому, что мне захотелось тунитского добра. Нанавт убил двух охотников и украл мою лучшую жену, так что я должен отомстить ему. А теперь уходи, тунит. Мы прибудем в начале зимы.

Паль поблагодарил конунга и отправился в обратный путь. Он пробыл в море три дня и благополучно вернулся в Вестрибюгд. Люди много говорили о его поездке, и некоторые находили странным, что священник вступил в сговор с язычниками.

VIII

Эрлинг узнал о плавании Паля к скрелингам и пришел в ярость. Он сказал:

— Не ожидал я от него такой подлости, хоть он и поп. Боги покарали меня за нерешительность. Давно надо было уничтожить в Гренландии эту заразу. Поедем сегодня же все вместе и убьем негодяя, который хочет посорить меня с инуитами!

Люди Эрлинга стали говорить, что у них не поднимется рука на священника. Тогда Торбьёрг сказала Эрлингу:

— Ты должен созвать людей и поговорить с ними начистоту. Лучше пусть те, кому с нами не по пути, уйдут теперь, чем предадут нас после.

Эрлинг сказал:

— Так я и сделаю.

Потом он собрал всю свою дружину и сказал:

— Пришло время открыть вам, кто я и каковы мои намерения. Вы мне все равно что братья, и я не хочу ничего скрывать от нас. Вы должны знать, кто наши главные враги, и для чего мы начали эту войну. Те из вас, кому не по нраву придется то, что я скажу, могут уйти: я никого не стану удерживать.

Когда мне было девять или десять зим и я еще жил с отцом в Бьёрнарстадире, мне приснился такой сон. Я увидел, как некий человек с ярко-рыжими, как у меня, волосами и бородой подъехал ко мне в золотой колеснице. Он приветствовал меня и сказал: «Вот мы и встретились, Эрлинг, возлюбленный сын мой». Я спросил этого человека: «Кто ты, чужеземец?», потому что обликом он был непохож на простых людей. Тот сказал: «Слышал ли ты о Торе, сын?» Я ответил, что мне приходилось о нем слышать. «Теперь ты можешь его

видеть, — сказал незнакомец. — Да ты и сам, верно, узнал меня, ведь я твой отец. Слушай меня внимательно, Эрлинг, и запоминай мои слова. В давние времена мне приходилось подолгу жить и в Норвегии, и в стране готов, и в Исландии. Я любил посещать и эту страну. Но вышло так, что люди забыли меня и пошли ложным путем себе на погибель. Тогда мне пришлось покинуть Мидгард и удалиться на небо. Меня долго не видел ни один человек здесь, на земле. И вот я решил вернуться в Срединный мир, и захотелось мне поселиться в Гренландии. Вот уже десять зим, как я здесь. Многие жены в Гренландии родили детей от меня, и ты — первый из них и самый любимый. Норны сулили тебе славную жизнь и великие свершения. Знай же, что тебя ждет. Пройдет немного времени, и ты попадешь в плен и будешь жить у чужого народа восемь зим. Потом ты вернешься сюда и отыщешь своих братьев, моих сыновей. Ты станешь их предводителем и поведешь их к победам и славе. Никто не устоит перед вами. А больше я ничего не скажу тебе, потому что принимать решения и действовать ты должен сам. От тебя одного зависит, останусь ли я здесь или снова удалюсь в Асгард».

Тор сказал все это и поскакал прочь, и я обернуться не успел, как он исчез.

Теперь, братья, вы узнали кое-что новое не только обо мне, но и о себе. Возможно, кто-то из вас думает, что я лгу. Пусть он встанет и скажет мне об этом, тогда я замолчу и вы не услышите от меня больше ни слова.

Воины сказали, что верят ему и хотят, чтобы он продолжал.

— Одно только странно: как это может быть, что все мы — сыновья Тора. Ведь мы знаем своих отцов, и по каждому видно, что он обликом похож на отца. Да и рыжий из нас ты один.

Эрлинг сказал:

— Я, как и вы, долго не мог этого понять. Но потом мне довелось встретиться с одним мудрым человеком, который объяснил мне, в чем тут дело. В племени инуитов, где я жил в плену, был колдун по имени Иггнануак. Я обучался у него колдовскому делу, и он любил меня, как сына. Однажды я рассказал ему об этом сне и спросил, не сможет ли он его разгадать. Ведь сны подобны кеннингам: снаружи один смысл, внутри — другой. Иггнануак ответил, что знает тайный смысл моего сна. Вот что он сказал.

Есть в небе, кроме обычных звезд, еще и другие, непохожие на остальных. Свет их невидим, а сами они черны, и поэтому мало кто из людей знает о них. Только самые мудрые и искусные колдуны могут увидеть такую звезду, когда она вспыхивает в небе. Случается это всего один раз в две или три сотни зим, и на очень короткое время. И вот что еще нужно сказать об этих звездах: они загораются только над одной страной или одним местом, тогда как прочие звезды светят повсюду. Колдуны народа инуитов называют эти звезды «Анга», что значит «дух». Там, где загорелась черная звезда, вскоре начинают рождаться люди, непохожие на своих отцов. Одни народы называют таких людей детьми божьими, другие — пророками и святыми, третьи — героями, четвертые — разбойниками. Иггнануак сказал, что правильнее называть их «дети звезды». Люди эти отличаются мужеством, великой жаждой славы и беспокойным духом. Они рождены для больших свершений. Народы, в которых они рождаются, из слабых и робких становятся воинственными и непобедимыми. Но горе тому народу, который отвергнет родившихся в нем детей звезды. Такой народ обречен на гибель или, того хуже, на жалкую и бесславную жизнь.

Иггнануак сказал мне еще много мудрых слов о черных звездах и тех людях, которые под ними рождаются. Я узнал, что одна из таких звезд вспыхнула пятьсот зим назад над страной, где в то время жили инуиты. Это отсюда далеко на юго-западе. С тех пор дети звезды и их потомки проложили инуитам путь на восток и на север, так что они покорили соседние народы и сумели освоить пустынные северные земли, где до них не жил ни один человек.

Потом речи Иггнануака сделались так темны, что я почти перестал их понимать. Тогда я напомнил ему о своем сне. Иггнануак сказал: «Вот что означает твой сон. Рыжебородый бог, которого ты называешь Тором — это Анга, то есть дух, или же черная звезда. Видимо, в давние времена Анга загорелась над страной тунитов, и ваш народ стал великим и славным. Но вскоре потомки героев утратили гордый дух своих предков и стали пугливыми, слабыми и никчемными людьми. Верно ли я сказал, Нанаут?»

Нанаутом прозвали меня скрелинги, когда я был у них в плену. Я ответил: да, все это так. Наши предки ходили в далекие морские походы, открывали новые земли и держали соседние народы в великом

страхе. Никто не мог устоять перед яростью викингов. Ныне же мы ослабели и обленились, а наше оружие заржавело и покрылось пылью.

Иггнануак сказал: «Твой сон открыл мне еще и другое. Перед тем, как ты родился, Анга вспыхнула над Вестрибюгдом. Ты — сын звезды, Нангут. Когда-нибудь ты покинешь нас и разыщешь в родном селении своих братьев-героев. Вместе вы сможете вернуть народу тунитов былую славу».

Вот что сказал мне Иггнануак. Теперь вам известно, что боги предоставили нам возможность исправить ошибки предков. Наши сила и мужество не должны пропасть даром, как это случилось с викингами прежних времен. В том, что ныне в Норвегии, Исландии и Гренландии совсем не осталось героев, повинны двое: святой Олав конунг и женщина по имени Гулльвейг. Ради золота уходили дети звезды в викингские походы, и многие сотни их погибали напрасно. Они растратили впустую тот дух, который вселила в них Анга, потому что хотели лишь одного: награть побольше добра. Но худшие времена настали, когда Олав конунг и его приспешники сделали христианство законом в северных странах. Не стало викингов, перевелись скальды, и мелки стали дела людей. Старая вера вселяла в наших предков мужество, новая же развратила и изнежила их. Я не знаю, кто в этом повинен: Христос или попы, но знаю другое: лучше нам не знаться ни с тем, ни с другими. Теперь вы можете сами увидеть, что творят ревнители новой веры. Паль священник поехал к скрелингам и оклеветал меня. Из-за него мне придется воевать с инуитами, а ведь я не держал зла на этот народ и собирался жить с ним в мире. Какие еще подлости должен совершить этот поп, чтобы мы наконец решились сделать с ним то, чего он давно заслуживает?

Мне нечего добавить к тому, что я сказал. Пускай теперь каждый из вас сам решит, что для него лучше: остаться со мной или вернуться и служить попам и предателям.

Когда Эрлинг кончил говорить эту речь, в его войске поднялся большой шум. Во многих воинов вселились духи, и они метались, кусали свои щиты и едва не начали сражаться друг с другом, словно все они в один миг стали берсерками. А надо сказать, что берсерков в Гренландии прежде никогда не бывало.

Эрлинг вытянул вперед правую руку и произнес заклинание на

языке скрелингов. Все сразу успокоились и затихли. Тогда Бьёрн, сын Торда, сказал:

— Ты, Эрлинг, велел каждому из нас выбирать свой путь. По-моему, тут нечего долго раздумывать. Мы все пойдем за тобой, куда бы ты ни повел нас, и будем вместе до самой смерти.

Все согласились с Бьёрном, и ни один из воинов не покинул Эрлинга. Те, у кого были с собой кресты и распятия, побросали их в кучу и сожгли.

Вечером следующего дня Эрлинг спустился в селение с дюжиной своих лучших воинов. Они пришли на мыс Стейненснес и ворвались в здание у церкви, где жил Паль священник. Паль был дома, и с ним десять человек в полном вооружении. Когда Паль увидел Эрлинга, он сильно побледнел и сказал:

— Не думал я, что в Вестрибюгде найдется столько людей, готовых поднять руку на святую церковь. Давно надо было мне отказаться от этого прихода.

Эрлинг сказал:

— А по-моему, это место очень тебе подходит. Ведь ты так хорошо умеешь ладить с язычниками.

Тогда Паль приказал своим людям убить Эрлинга. Те ринулись в бой, а Паль попытался улизнуть через запасную дверь. Но Торфинн, сын Одда, схватил его за рясу, втащил обратно в дом и привязал к столбу. Там он и простоял, пока продолжалась схватка. Эрлинг убил двух врагов, а Эндриди и Бьёрн — по одному. Тут остальные увидели, что дело плохо, и решили сдаться. Эрлинг отобрал у них оружие и отпустил по домам. Никто из нападавших не был ранен. Эрлинг сказал:

— Теперь надо решить, что делать с попом. Думаю, в самый раз будет принести его в жертву Одину. Повесьте-ка его на потолочной балке. Он любит язычников, и такая смерть должна прийтись ему по нраву.

Люди Эрлинга сделали, как он сказал. Потом они пошли к церкви. У нее было каменное основание и деревянный верх.

— Хорошо бы ее сжечь, — сказал Бьёрн.

Эрлинг ответил, что не стоит губить понапрасну столько хорошего леса.

— С лесом у нас туговато, а он еще может нам понадобится.

Тогда они разбили и сожгли всю церковную утварь и все распятия. Торфинн отыскал в кладовой у Паля кожаный мешок, полный золотых монет. Он принес золото Эрлингу и сказал:

— Гляди-ка, что я нашел у попа в тайнике. Видно, святая церковь недурно платила Палю за его труды. Не удивительно, что он так старался.

Эрлинг взял у Торфинна мешок, заглянул в него и сказал:

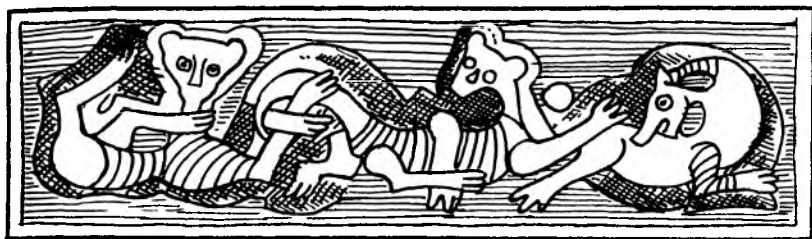
— Это большое богатство.

Потом Эрлинг поднял мешок и забросил его далеко в море.

— Ни к чему нам эти кругляшки, — сказал Эрлинг. — Если мы начнем охотиться за ними, то очень скоро не захотим ничего другого и погубим и себя, и то дело, которое начали.

После этого Эрлинг и его люди возвратились в свое тайное убежище на леднике. Эрлинг сложил песнь об убийстве Паля священника. Там были такие слова:

*Кресты обратились в прах.
Героям не ведом страх.
Язычником поп сражен,
Из мертвых не встанет он.
Битва пьяней вина.
Я рассчитался сполна
С тем, кто предать посмел
Тополя бури стрел.*

IX

Жил человек по имени Халльвард. Его двор назывался Хольт и находился прямо напротив острова Херьольвсей на Ранга-фьорде. Одд, сын Торкеля, посылал к Халльварду своих людей, когда им нужно было пополнить запасы пищи и корма для лошадей. Все кладовые на острове давно опустели, потому что более ста человек безвыездно находились там все лето, а покинуть остров и отправиться на промысел никто из них не решался.

Вскоре после убийства Паля священника Эрлинг позвал Атангана и Инапалуку и сказал:

— Что-то давно мы не получали вестей о тех храбрецах, что укрылись от нас на острове Херьольвсей. Отправляйтесь-ка в Вестрибюгд и попробуйте разузнать о них что-нибудь новое. Было бы хорошо, если бы вам удалось захватить кого-то из них живьем.

В тот же день Атанган и Инапалук спускаются к Ранга-фьорду и идут на запад вдоль побережья. Они прокрадываются во все усадьбы, и везде, где могут, подслушивают разговоры. Так они добираются до Хольта. Инуиты притаились под окном, как обычно, и вскоре услышали, как Халльвард говорит своим людям: «Приготовьте товары, которые я купил для Одда, сына Торкеля. Завтра с утра я ожидаю гостей с острова». Атанган и Инапалук пошли на берег и спрятались среди больших каменных глыб, которые лежали там повсюду. Они просидели в своем укрытии всю ночь. Утром к берегу причалила лодка с пятью воинами с острова Херьольвсей. Едва они ступили на землю, Атанган и Инапалук вышли из укрытия и метнули в них копья. Один из врагов был убит, а другому копьё воткнулось в ногу, так что он упал и не мог подняться. Остальные трое прыгнули в лодку, оттолкнули ее и принялись грести прочь от берега. Инуиты

стали стрелять в них из луков и убили двоих, а третьего ранили. Тогда Атанган и Инапалук вплавь догнали лодку и вскочили в нее. Они подплыли к берегу, связали обоих раненых и положили их на дно лодки. После этого инуиты поплыли на восток, к вершине фьорда. Здесь они оставили лодку, взвалили пленников на спины и принесли их Эрлингу. Пленники так ослабели от ран, что не могли говорить.

Эрлинг позвал Торбьёрг и сказал:

— Никто в Гренландии не умеет так хорошо лечить раны, как ты, сестра. Сейчас нам не обойтись без твоего искусства. Постарайся сделать так, чтобы я мог уже сегодня допросить этих пленников.

Торбьёрг сказала:

— Сначала пускай их обыщут и посмотрят, нет ли у них крестов или распятий, а потом отнесут в отдельное иглу.

Все было тотчас же исполнено. Торбьёрг промыла раны пленников и перевязала их. Потом она спела колдовскую песнь, которая называется Вардлок, и совершила над ранеными языческий обряд, которому научил ее Сигхват, сын Бьёрна. После этого Торбьёрг пришла к Эрлингу и сказала, что сделано все необходимое, и вскоре пленники смогут говорить. Вечером оба раненых встали со своего ложа и сами вышли из иглу. Все были очень удивлены и хвалили искусство Торбьёрг.

Пленников привели к Эрлингу. Тот принял их так, словно это были его друзья, и не насмехался над ними, как это обычно делают с пленными врагами. Он сказал:

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне все, что знаете о войске Одда, сына Торкеля. Ничего не бойтесь и говорите все, как есть. Пусть вам будет известно, что я не люблю проливать кровь и убиваю только тех, с кем невозможно договориться по-хорошему.

Пленники сказали, что их зовут Гуннбьёрн и Снорри, и что оба они — работники Одда и с малых лет живут на Херьольвсее.

— Сейчас на острове сотня и две дюжины воинов, — сказал Снорри. — Одд приказал всем держаться вместе и запретил отлучаться с острова даже на короткое время. По берегу днем и ночью ходят часовые, потому что Одд опасается внезапного нападения. Все люди на Херьольвсее пребывают в большом страхе и мечтают только об одном: как бы продержаться до осени. Осенью сюда должно прийти войско скрелингов, и Одд надеется, что они сумеют разыс-

кать тебя и перебить твою дружину. Сами же островитяне и не помышляют о вылазках. Многим в войске Одда совсем не нравится положение, в которое они попали, и про них не скажешь, что они рвутся в бой. Думаю, на Херьольвсее найдется немало таких, кто был бы рад перейти на твою сторону. Если бы островитяне знали, где ты скрываешься, у тебя очень скоро стало бы больше людей, чем у Одда.

Эрлинг поблагодарил пленников и сказал, что отпускает их и они могут идти, куда хотят. Гуннбьёрн и Снорри сказали, что предпочли бы остаться с Эрлингом.

— Вы, наверно, не знаете, что я и все мои люди оставили христианство и приняли веру предков, — сказал Эрлинг. — Если это вас не остановит, то я буду рад принять вас обоих в свою дружину.

Гуннбьёрн и Снорри сказали, что их никогда особенно не беспокоили вопросы веры и им все равно, каким богам поклоняться. После этого они поклялись верно служить Эрлингу и стали его дружинниками.

Утром Эрлинг велел своим людям готовиться к походу. Он сказал:

— Враги наши совсем одурели от страха у себя на острове. Пора заставить их немного встряхнуться. Мы отправляемся на Рангафьорд и я, надеюсь, уже завтра станем хозяевами в Западном поселении.

Эрлинг велел забрать все добро и весь скот, которые были у них на леднике. Он сказал, что им больше не придется скрываться и они смогут вернуться в свои дома.

Эрлинг и его войско спустились в Вестрибюгд и пришли к Халльварду в Хольт. Когда Халльвард увидел Эрлинга, он позеленел от страха и выронил кувшин с брагой, который был у него в руках. Эрлинг сказал:

— Что это ты льешь на землю хороший напиток? Он тебе еще понадобится. Прикажи-ка лучше готовить столы для пира: скоро у тебя будет много гостей.

Люди Эрлинга отвели лошадей в стойло и расположились на отдых. В доме уже вовсю шли приготовления к пиру. Эрлинг позвал Халльварда и сказал:

— Бери лодку и отправляйся на Херьольвсей. Там ты скажешь

Одду и его людям, какие гости к тебе пожаловали. И еще передай им, что Эрлинг ни на кого не держит зла и хорошо примет всякого, кто придет к нему с миром. И знай: если ты не выполнишь моего поручения или наговоришь глупостей, я убью всех твоих родных и не оставлю здесь камня на камне.

Халльвард сел в лодку и приплыл на остров. Там он пошел в дом, где находился Одд с большей частью войска, и сказал им все, как велел Эрлинг. Одд был сильно разгневан и запретил людям покидать остров.

— Этот проклятый язычник хочет заманить нас в ловушку, — сказал Одд. — Немногого стоят его обещания. Но ему не удастся меня перехитрить. Мы все останемся здесь и никуда не поедем.

До вечера на Херьольвсее все было спокойно. Люди не решались бежать с острова, пока Одд мог это заметить. Но едва Одд заснул, его воины принялись садиться в лодки. Они отплывали тихо, так что Одд и те люди, которые остались ему верны, ничего не услышали и не проснулись. Перебежчики приплыли к Эрлингу в Хольт и сказали, что у них никогда не было большой охоты воевать с ним и они давно уже хотели отказаться от этой затеи. Эрлинг спросил, что они теперь намерены делать: разойтись по домам или остаться с ним и сражаться со скрелингами, которые того и гляди пожалуют в Вестрибюгд.

Надо сказать, что эти бонды, которые сбежали от Одда, сына Торкеля, в большинстве своем были люди робкие и совсем не воинственные. Когда они отплывали от острова, то хотели одного: поскорее вернуться домой и мирно вести хозяйство. Однако когда они увидели Эрлинга и услышали его голос, то словно бы в один миг стали храбрецами и захотели остаться в его дружине. Произошло это потому, что у Эрлинга, как уже было сказано, имелось такое свойство: все трусы и лентяи превращались в героев, когда видели его рядом. Недоброжелатели и глупцы могут подумать, что мы рассказываем небылицы об Эрлинге, чтобы представить его более могущественным и великим, чем он был на самом деле. Мы хотим отвести эти упреки, и поэтому передаем все, что известно об Эрлинге, как хорошее, так и плохое. Многие в этой саге написано со слов самого Эрлинга, а остальное рассказали люди, которые хорошо его знали и участвовали в его походах. Поэтому мы должны также сказать и о

том, что чудесное свойство Эрлинга превращать слабых людей в отважных воинов проявлялось не везде, а только в двух местах: в Вестрибюгде и в том селении скрелингов, где он жил в плену. Почему это было так, а не иначе, не знают даже самые мудрые люди. И вот, хоть это и покажется кому-то мало похожим на правду, но все люди, приплывшие в Хольт с острова Херьольвсей, сделались дружинниками Эрлинга, и не было среди них ни одного, кто бы поступил иначе. Эрлинг позвал всех к столам, которые накрыли для них люди Халльварда, и они сели пировать. Говорят, что такого пира, как этот, не бывало в Вестрибюгде со времен первых поселенцев.

Утром Эрлинг позвал к себе нескольких воинов, которые лучше других держались на ногах, и сказал:

— Вчера мы неплохо преуспели, и теперь дело за малым. Поедем на Херьольвсей и убьем Одда, сына Торкеля, чтобы он больше не беспокоил меня, подобно гвоздю в башмаке.

Они сели в лодку и поплыли, всего семь человек. В это время Одд проснулся и увидел, что почти все его войско разбежалось, а к острову приближается лодка Эрлинга. Одд не стал терять времени и поспешно отплыл с противоположного берега вместе с теми, кто у него остался. Пока Эрлинг обыскивал остров, Одд успел дойти до устья фьорда. Там он повернул на север и после пяти дней пути прибыл в селение инуитов.

Эрлинг был сильно огорчен, когда увидел, что Одд успел сбежать с острова. Он сказал:

— Жаль, что мы упустили его. Эта хитрая лиса может натворить немало бед.

Потом он вернулся в Хольт и разослал гонцов по всему Западному поселению. Он велел передать бондам, что зовет всех жителей Вестрибюгда собраться на тинг на мысе Стейненснес.

Через некоторое время Эрлинг с дружиной поехал на Стейненснес. Там собралось много народу. Люди построили себе землянки и принялись обсуждать дела. На этом тинге произошло много важных событий.

Эрлинг каждый день поднимался на скалу, что возвышалась над полем тинга, и говорил большую речь. И всегда выходило так, что бонды соглашались со всем, что он говорил, хотя среди них было немало людей упрямых и несговорчивых. Все были весьма удивлены

этим и не могли понять, откуда у Эрлинга столько мудрости и как ему удастся каждый день говорить большую речь и при этом не сказать ничего, с чем бы они были несогласны.

Эрлинг повторил бондам все, что сказал своей дружине, когда они еще жили на леднике. Он рассказал о своем сне и о том, как истолковал этот сон Иггнануак колдун. Потом Эрлинг произнес еще много слов о тех несчастьях, что принесли народу христианская вера и жажда золота. Всем так понравилась эта речь, что бонды не стали долго раздумывать и порешили оставить христианство и сделать старую веру законом в Вестрибюге.

На другой день Эрлинг сказал о том, что гренландцы не смогут вернуть себе былую славу и многого добиться, пока страна остается владением норвежских конунгов.

— Старые люди помнят еще те времена, — сказал Эрлинг, — когда в Гренландию каждый год приходило по нескольку кораблей из Исландии, Норвегии и других стран. Здесь всегда было много купцов, и торговля процветала. Гренландскую пшеницу и масло ценили даже при дворе английского конунга. Теперь же норвежцы запретили ходить сюда всем судам, кроме конунговой Трещотки, которую мы иной раз не видим по семь или восемь зим. Мы давно забыли вкус вина и даже не знаем, какие одежды носят теперь в восточных странах. Наше хозяйство приходит в упадок, хотя кто-то, возможно, и не замечает этого, поскольку дело это медленное. Если так пойдет и дальше, то скоро мы одичаем настолько, что нас не смогут отличить от скрелингов. Конунг все время с кем-то воюет, и ему нет дела до этой страны. Одно только его заботит: как бы кто-то другой не обогатился, торгуя с нами. Я хочу, чтобы бонды подумали и сказали, нужен ли им такой конунг.

Тут все, кто был на тинге, стали говорить, что не желают больше быть норвежскими подданными и хотят, чтобы страна снова стала свободной. Дело кончилось тем, что было решено отложиться от Норвегии. Потом бонды предложили избрать Эрлинга конунгом Гренландии.

Эрлинг сказал:

— Никогда я не стремился к громким титулам, и мне все равно, как меня будут величать. Ведь один титул не принесет славы: ее добывают делами. Впрочем, вы можете поступать, как считаете нужным.

Бонды решили все же сделать, как им больше хотелось, и Эрлинга провозгласили конунгом.

В другой раз Эрлинг поднялся на скалу и стал говорить о тех делах, которые он собирается совершить в Гренландии.

— Покойный Паль священник, которого я повесил на потолочной балке в его доме, успел оклеветать меня перед скрелингами. Возможно, в скором времени они придут сюда с войском, чтобы разделаться со мной. Я прожил у скрелингов восемь зим и знаю, что эти люди ничем не хуже нас и умеют много такого, чему нам следовало бы у них поучиться. Я совсем не хочу воевать с ними, и лучше всего было бы нам заключить мир. Но мы не можем сами пойти и предложить скрелингам мировую, потому что тогда про нас скажут, что мы поступаем точно так же, как до нас поступали попы. Вряд ли стоит рассчитывать и на то, что сами скрелинги захотят примирения, хоть это и было бы для нас лучшим выходом. Похоже на то, что нам не избежать войны. Однако не стоит падать духом. Я хорошо знаю боевые приемы скрелингов, их оружие и их предводителей. И я могу сказать, что они не очень опасные противники. С такой дружиной, как у меня, можно без труда разбить войско скрелингов в две и даже три сотни воинов, а больше у них не наберется.

Главные наши враги не на севере, а на юге и на востоке. Христиане Восточного поселения придут в ужас, когда узнают, что здесь произошло. Вряд ли они осмелятся напасть на нас; скорее всего, весь их гнев уйдет на угрозы и проклятия. Но от них можно ожидать всяческих подлостей. Когда же вести о случившемся дойдут до Норвегии, нам придется совсем туго. Однако я надеюсь, что мы и тут сумеем за себя постоять. Если же дело повернется так, что у нас не будет никакой возможности спокойно жить в Вестрибюгде, то мы уедем отсюда и отправимся разыскивать такое место, где христиане не смогут нас потревожить.

Много еще речей было сказано на этом тинге. Когда же тинг был окончен, бонды разъехались по своим дворам, а некоторые остались у Эрлинга в дружине. Теперь у него было сто шестьдесят воинов. Они расположились на Стейненснесе в церкви и прилегающих постройках, а также в землянках на поле тинга. Эрлинг не распускал дружину, потому что со дня на день ожидал нападения скрелингов.

Х

Теперь надо рассказать об Одде, сыне Торкеля. Он пришел к Нануку конунгу и сказал, что хочет потолковать с ним об одном важном деле. Нанук сказал:

— Что-то зачастили ко мне туниты. Плохи, должно быть, ваши дела, если вы все время просите у меня то одного, то другого. Где же, однако, подарки, которые ты привез?

Одд сказал, что не привез подарков, потому что был вынужден поспешно бежать от мести разбойника Эрлинга.

— Напрасно ты сюда приехал, — сказал Нанук. — Советую тебя обратиться за помощью к кому-нибудь другому. Что до меня, то я не вижу больше смысла с тобой разговаривать.

Тогда Одд и его люди отдали конунгу свое оружие и все добро, которое они успели забрать с собой во время бегства. Они оставили себе только ту одежду, что на них была. Нанук был не очень доволен подарками, но все же согласился выслушать Одда.

— Я не буду вас долго задерживать, государь, — сказал Одд. — И приехал я сюда не ради себя, а для того, чтобы предупредить вас об опасности, которая вам угрожает. Эрлинг, тот вор и мятежник, что убежал от вас прошлой зимой, подчинил себе Вестрибюгд и собрал большое войско. Он собирается вскоре выступить против вас и грозится перебить всех скрелингов до единого.

Нанук сказал:

— Хорошо, что он решил сам сюда прийти. Значит, мне не придется совершать этот дальний путь и я смогу сразиться с ним прямо здесь, раз уж я все равно обещал это сделать.

Одд сказал:

— Я боюсь, государь, что вы не понимаете, какая угроза нависла

над вами и вашим народом. Эрлинг никогда не нападает открыто. Днем он прячется так, что его невозможно найти, а по ночам совершает набеги и всегда появляется там, где его меньше всего ждут. Он убьет много народу, прежде чем вы сумеете его поймать. Вам необходимо первыми нанести удар и разбить его войско в открытом бою.

Нанук сказал:

— Я вижу, туниты никак не хотят оставить меня в покое.

Потом он спросил, сколько людей в дружине у Эрлинга. Одд ответил, что больше полутора сотен. Нанук сказал:

— Как это может быть, что сами туниты не в силах справиться с каким-то разбойником?

Одд ответил, что этот разбойник очень хитер и так ловко переманивает людей на свою сторону, что найти на него управу непросто.

— Если это так, — сказал Нанук, — то на меня вам и подавно не найти управы. Слушай, тунит, что решил Нанук конунг: я пойду в Вестрибюгд и разобью Нанаута. После этого я возьму в вашем селении столько добра, сколько захочу. Сверх того я возьму два-три десятка женщин. Это лучшее, что у вас есть, тунит. Я сделаю их своими наложницами, а в те дни, когда снег нехорош для собачьих лап, они будут возить сани. Ваши женщины сильнее наших, хоть в это и трудно поверить, если поглядеть на мужчин. Моя жена Торбьерг одна стоила двух хороших упряжек. Есть у меня еще и другое условие: ты сам пойдешь впереди моего войска и первым вступишь в бой. Я никому не позволю загребать жар моими руками, а самому отсиживаться в стороне.

После того как Нанук сказал все это, Одд долго молчал. Его люди стали говорить, что позорно соглашаться на такие условия. Тогда Одд ответил, что не видит другого выхода. Дело кончилось тем, что они согласились. Одд и его люди остались в селении инуитов. Скрелинги держали их взаперти до тех пор, пока не подготовились к походу.

В начале зимы войско скрелингов отправилось на юг, в Вестрибюгд. Они ехали по льду на санях и в скором времени прибыли к мысу Стейненснес. Их было более двух сотен. Люди Эрлинга издали заметили приближение скрелингов. Эрлинг вывел войско на лед и построил его в боевом порядке. Впереди он поставил воинов в тяжелой броне с большими щитами. За их спинами стояли стрелки. Луки

у них были деревянные и били дальше, чем скрелингские луки из оленьего рога. Там было также четыре арбалетчика. Своих лучших воинов Эрлинг поставил позади. Они не надели брони и вооружились мечами и секирами.

Перед боем Эрлинг позвал своих названных братьев, Атангана и Инапалука, и сказал им:

— Я не хочу, чтобы вы участвовали в этой битве, братья. Не думайте, что я сомневаюсь в вашей верности, но было бы жестоко заставлять вас убивать своих сородичей.

Инапалук сказал:

— Мы не оставим тебя, Нанат. Мы знаем, что ты не хотел этой войны, и не будем держать на тебя зла, даже если тебе придется убить всех инуитов. В том, что случилось, виноваты только проклятые христиане. Им мы и будем мстить, ты же просто делаешь то, на что тебя обрекла судьба.

Атанган и Инапалук остались с дружиной. Как только скрелинги приблизились к войску Эрлинга, в них полетели стрелы. Тогда скрелинги остановили собак и побежали. Многие из них были убиты прежде, чем оказались на расстоянии полета копья от первых рядов гренландцев. Инуиты принялись метать копья, но костяные наконечники ломались о броню латников.

Однако у скрелингов было немало и железного оружия, которое они получили от Палы священника. Они пустили его в ход и пробили брешь в ряду латников. Тут Эрлинг приказал стрелкам отступить и бросил в бой своих лучших воинов. Оба войска сошлись, и началась жестокая сеча. Эрлинг прорубился в самую гущу скрелингов и вдруг увидел перед собой Одда, сына Торкеля.

Эрлинг сказал:

— Немалую услугу оказали вы с Палем гренландцам. Попа я уже отблагодарил; а теперь пришел твой черед.

После этого Эрлинг ударил Одда мечом и отрубил ему полголовы.

Нанук конунг сражался в первых рядах своего войска. Одет он был так: норвежская кольчуга натянута на оленью куртку, а из-под ворота кольчуги высунут меховой капюшон. Поверх капюшона конунг надел островерхий шлем из Гардарики. В руках у него был длинный меч и английский щит с изображением льва, который он

держал верхней стороной книзу. Нанук убил и ранил многих людей Эрлинга. Потом он схватился с Торфинном, сыном Одда, и нанес ему тяжелую рану. Эрлинг увидел это и крикнул конунгу:

— Оставь Торфинна, медведь, ведь это сын твоего лучшего друга.

Нанук обернулся и сказал:

— Может быть, ты сам сразишься со мной, Нанаут?

Эрлинг ответил, что не откажется от такой чести. Они схватились, и вскоре Эрлинг отрубил Нануку левую руку пониже локтя. Потом он выволок конунга с поля битвы и положил на снег. Эрлинг сказал:

— Напрасно ты слушал лжецов и верил оговорам. Теперь мы с тобой враги до самой смерти, и этого уже никак не исправить. Но я не убью тебя, потому что Торбьерг просила сохранить тебе жизнь.

После этого Эрлинг снова вступил в бой и убил многих скрелингов. Дружинники Эрлинга сражались так храбро, что в них совсем нельзя было узнать тех ленивых и трусоватых бондов, какими они были еще недавно. Вскоре они начали теснить скрелингов, и через некоторое время те побросали оружие и со всех ног побежали к своим собакам. Гренландцы бросились в погоню и захватили множество пленных, а остальные вскочили в сани и умчались на север.

В этом бою погибло сорок гренландцев и семьдесят инуитов. С обеих сторон было много раненых. Это было настоящее побоище, каких еще не бывало в Гренландии. Среди пленных, которых эрлинговы дружинники захватили в битве при Стейненснесе, оказалось несколько гренландцев. Это были люди Одда. Они сказали, что хотят поступить на службу к Эрлингу, и Эрлинг принял их в свое войско. Пленных скрелингов Эрлинг приказал выпороть плетью и отпустить.

Нанука конунга отнесли в церковь, которую теперь использовали как жилой дом. Эрлинг пришел к Нануку и сказал:

— Я отпущу тебя, как только Торбьерг вылечит твою рану.

Нанук сказал:

— Лучше бы ты убил меня, Нанаут. Ты ведь знаешь, что у инуитов не бывает одноруких конунгов.

Эрлинг сказал:

— Тогда оставайся здесь, родич. У нас не принято жестоко обращаться с калеками.

Эрлинг разрешил дружинникам разойтись по домам до весны. С ним на Стейненснесе остались лишь два десятка самых верных людей. Всю зиму Торбьёрг и Эрлинг совершали колдовские обряды, чтобы исцелить раненых. Они неплохо в этом преуспели, так что почти все раненые остались жить и многие снова могли сражаться. Поправились и Торфинн, и Нанук конунг. Нанук остался в Вестрибюгде, и Торбьёрг снова стала жить с ним как с мужем. Больше в эту зиму не произошло ничего важного.

XI

Весной Бьёрн, сын Торда, Эндриди, сын Одда, и некоторые другие воины стали подбивать Эрлинга отправиться на север в поход против скрелингов. Они говорили, что нужно отомстить им за набег и очистить от них страну, иначе Вестрибюгд всегда будет оставаться под угрозой нового нападения.

— Мы не сможем бороться с христианами Восточного поселения, — сказал Бьёрн. — Пока у нас за спиной будут стоять враги не менее опасные. Следует покончить с одними, а потом уже приниматься за других.

Эрлинг сказал, что не видит необходимости в таком походе.

— При Стейненснесе скрелинги получили такой урок, что еще долго не осмелятся выступить против нас.

Однако многие продолжали настаивать на том, что скрелингов нужно уничтожить. Однажды Торбьёрг пришла к Эрлингу и сказала:

— Я хочу забрать у скрелингов своего сына Сигурда. Ведь он теперь остался и без матери, и без отца.

Эрлинг сказал:

— Что-то ты раньше не слишком часто вспоминала о своем сыне. Почему тебе вдруг пришло в голову забрать его?

Торбьёрг ответила:

— Я ни на минуту не забывала о Сигурде. И я молчала только потому, что у нас прежде не было возможности его забрать. Теперь же такая возможность есть.

Эрлинг сказал:

— Не мне рассказывать тебе об обычаях скрелингов. Дети для них — сокровище. Ты знаешь не хуже меня, что они не захотят отдавать Сигурда. Он давно уже воспитывается в какой-нибудь семье. Ты

толкаешь меня на новую войну, которой я не хочу. Многие сейчас пытаются уговорить меня напасть на скрелингов, а теперь и ты с ними заодно.

Торбьёрг сказала:

— Дело мужчин — думать о войнах. Я же думаю только о своем сыне, и я знаю, что ему сейчас приходится несладко. Я хочу, чтобы Сигурд был со мною здесь, в Вестрибюгде.

Эрлинг сказал:

— Ты пользуешься тем, что я не могу тебе отказать. Похоже, однако, что ты больше не видишь будущего, если так настаиваешь на своем.

После этого Эрлинг выбирает сорок своих лучших дружинников и говорит им, что они поедут на север, к скрелингам, чтобы забрать у них Сигурда. В середине лета они выходят в море на шести лодках и вскоре прибывают в селение инуитов. Инуиты к тому времени уже избрали себе нового конунга. Звали его Умиак. Умиак вышел на встречу гостям и долго не говорил ни слова. Потом он сказал:

— Ты человек или дух?

— Я-то человек, — отвечает Эрлинг. — И надеюсь, что тебе этого достаточно, чтобы принять гостей как подобает.

Умиак говорит:

— Уходи, Нангут. Инуиты ненавидят тебя. Нечего приходить к нам с миром после того, как ты убил почти всех лучших охотников.

Эрлинг сказал:

— Я и не собираюсь напрашиваться вам в друзья. Я пришел, чтобы забрать Сигурда, моего племянника. Отдайте мне его, и тогда я уйду, и ноги моей больше не будет на этой земле.

Умиак сказал, что ему нужно посоветоваться с людьми.

— А вы пока стойте здесь и никуда не ходите.

Вскоре Умиак вернулся с сотней вооруженных скрелингов. Они привели Сигурда. Ему в то время было пять зим. Мальчик был очень худ и бледен. Эрлинг сказал:

— Что это случилось с инуитами, что они стали дурно обращаться с детьми? Кажется, мой племянник получал от вас больше побоев, чем мяса.

Умиак сказал:

— Нет у нас причин любить сына Нанука и племянника Эрлин-

га. Слушай теперь наши условия, Нанаут. Здесь есть немало людей, которых ты опозорил прошлой зимой, и они хотели бы отплатить тебе тем же. Сейчас ты и твои люди отдадут нам свое оружие и все добро, что есть у вас в лодках. Потом мы выпорем вас кнутами, которыми погоняют собак, и отпустим домой. Тогда вы можете забрать и своего щенка. Если же ты не согласишься на эти условия, то мы сначала убьем Сигунуака, а потом прикончим тебя самого и всех твоих воинов.

Эрлинг сказал:

— Совсем плохи дела у инуитов, если они избирают конунгами таких людей, как ты. С тобой мне не о чем говорить. Пусть позовут Иггнануака колдуна.

Умимак сказал:

— Старый Иггнануак пожелал умереть, когда узнал о нашем позоре. Потарапливайся, Нанаут.

Тогда Эрлинг сказал, что хочет поговорить с инуитами.

— Слышали мы, что ты мастер молоть языком, — сказал Умимак. — Я не позволю тебе одурачить моих людей лживыми речами.

Умимак приказал раздеть Сигурда и пытать его на глазах у гренландцев. Инуиты заколебались, но Умимак прикрикнул на них, и тогда они принялись раздевать мальчика и принесли огонь. Эрлинг сказал:

— Не будет вам этого веселья, выродки.

Он метнул копье в Сигурда и убил его. Потом он сказал своим воинам:

— Вижу теперь, что вы были правы, когда уговаривали меня очистить страну от этих псов. Должно быть, все их храбрецы остались на льду у Стейненсна, а выжили лишь трусы и предатели, что бежали с поля битвы. Идем на них и перебьем всех до единого.

Дружинники прокричали боевой клич и бросились на скрелингов. Те не ожидали столь яростного и внезапного натиска и не успели приготовиться к защите. В Эрлинга и его людей вошел боевой дух и они бились, как берсерки. У Эрлинга в руках была секира. Он рубил ей направо и налево, и скоро оружие стало красным от крови. Глаза у Эрлинга сверкали, как у дьявола, а рыжие волосы и борода встопорщились, как львиная грива. Вид его был так ужасен, что скрелинги замирали, когда встречались с ним взглядом, и не могли защищаться.

Очень скоро скрелинги обратились в бегство, но гренландцы легко настигали их, так что мало кто из врагов успел добежать до своих землянок. Потом люди Эрлинга стали врывать в землянки и убивали всех, кого видели. Они не пощадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Ярость воинов была так велика, что они не могли унять и после того, как в селении не осталось ни одного живого инуита. Тогда они разрушили все жилища и перебили собак. В этом бою погибло три или четыре сотни скрелингов, считая детей и женщин, и всего пятеро гренландцев, хотя нападавших было намного меньше, чем защищавшихся.

Дружинники сами были удивлены, отчего на них вдруг напала такая ярость и они словно бы сделались неуязвимыми. Бьёрн, сын Торда, сказал:

— Должно быть ты, Эрлинг, нарушил свою клятву и использовал против скрелингов колдовскую силу.

Эрлинг ответил:

— Не было здесь колдовства, друг Бьёрн. Это Анга вела нас в бой.

Потом Эрлинг сказал, что собирается пойти дальше на север.

— Ведь кроме этого селения есть и другие, и я не успокоюсь, пока не уничтожу их все.

Торфинн, сын Одда, сказал:

— Тогда нам следует вернуться в Вестрибюгд и хорошо подготовиться к этому походу. Ведь нас осталось только тридцать пять человек.

Эрлинг сказал:

— Вы могли убедиться в том, что победа не всегда оказывается на стороне тех, кого больше. Каждый из вас стоит сотни скрелингов. К тому же я не могу оставить Вестрибюгд совсем беззащитным, ведь от христиан Восточного поселения можно ожидать чего угодно. Впрочем, если вы считаете, что задача нам не по силам, то я готов вернуться.

Тогда все воины сказали, что пойдут с Эрлингом, куда он прикажет. Они взяли в селении скрелингов только то добро, которое было им нужно для долгого похода: меховую одежду, шкуры для палаток и запас пищи. Вскоре они вышли в море и поплыли дальше на север. Они не заходили во фьорды, потому что Эрлинг знал обычай скре-

лингов селиться на мысах и островах. После двух или трех дней пути они встретили небольшое селение. Эрлинг и его люди дождались темноты, а затем напали на скрелингов и многих убили спящими. Остальные пытались защищаться, но толку от этого было не много. Скоро все скрелинги были убиты, кроме тех, кто успел убежать и спрятаться. В этом селении викинги не взяли никакого добра и не стали разрушать жилища. Они отдыхали несколько дней, а потом двинулись дальше. Эрлинг нападал на все селения, которые им встречались, и повсюду ему сопутствовала удача. Гренландцы всегда появлялись внезапно, так что скрелинги не успевали подготовиться к бою. Лодки Эрлинга продвигались на север так быстро, что вести об их походе не могли их опередить.

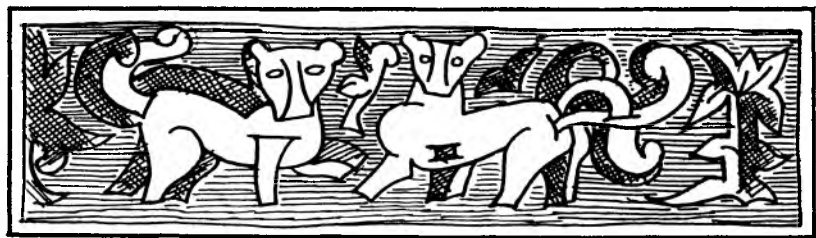
Спустя какое-то время они начали встречать в море большие льдины. Погода стояла очень холодная. Эрлинг сказал:

— Ранняя нынче выдалась зима. Похоже, нам недолго осталось плыть.

И вот льды преградили им дорогу на север. Тогда викинги вытащили лодки на берег и на лыжах добрались до ближайшего селения. Они напали на скрелингов и вновь одержали победу. К тому времени из сорока воинов, что отправились в этот поход, в живых осталось восемнадцать. Эрлинг сказал:

— Мы немало потрудились, и теперь нам пора отдохнуть. Проведем здесь зиму, а весной пойдем дальше и доведем войну до конца.

Они зазимовали в этом селении, и скрелинги не тревожили их до самой весны.

XII

Жил человек по имени Кетиль Тюлень. У него был двор на Ранга-фьорде в Западном поселении. Он был набожный христианин и друг Паля священника. Когда Эрлинг созывал бондов на тинг в Стейненснес, Кетиль сказался больным и не поехал. После тинга он объявил, что отказывается от христианства и принимает старую веру. Люди, однако, говорили, что Кетиль продолжает тайно совершать христианские обряды. Кетиль Тюлень не пошел в ополчение Кольбейна и Одда, а после не вступил в дружину Эрлинга, как сделали почти все мужчины в Вестрибюгде. Тюлень был человеком спокойным и рассудительным. Он никогда не ссорился с соседями и не связывался ни в какие распри.

В конце лета, когда Эрлинг был на севере и воевал со скрелингами, Кетиль принялся снаряжать свою лодку для дальнего плавания. Торбьёрг, дочь Сигхвата, узнала об этом и приехала к Кетилю на Ранга-фьорд с несколькими дружинниками. На Торбьёрг был алый плащ и соболя шапка из Гардарики. Она сидела на красивом коне вороной масти. Торбьёрг спросила Кетиля, куда это он собрался. Кетиль сказал:

— Хочу поехать на юг, в Аустрибюгд. Я получил там небольшое наследство и вот теперь собираюсь забрать его.

Торбьёрг спросила:

— Вернешься ли ты сюда, когда закончишь это дело? Может быть, ты хочешь остаться в Восточном поселении?

Кетиль сказал, что был бы не прочь купить в Аустрибюгде какое-нибудь жильё.

— Ведь у меня там немало родичей. Но и свой дом на Ранга-фьорде я не собираюсь продавать. Надеюсь, мы еще встретимся, Торбьёрг.

Торбьёрг спросила, велико ли это наследство, которое он получил.

— Десять марок серебра, — ответил Тюлень.

— согласишься ли ты остаться и никуда не ездить, если я дам тебе вдвое больше?

— Нет, госпожа, — сказал Кетиль. — Ведь теперь в Вестрибюгде трудно что-то купить за деньги. К тому же здесь стало слишком шумно для меня, старика. Сам я человек тихий и хотел бы провести остаток жизни в местечке поспокойнее.

Торбьёрг сказала:

— Что ж, поезжай. Надеюсь, в Аустрибюгде не станет намного шумнее после твоего приезда, раз ты такой тихий человек. Однако может случиться и такое, что скоро в Восточном поселении будет еще больше шума, чем здесь. Тогда тебе придется уехать подальше, в такое место, где тебя уж точно никто не потревожит.

После этого Торбьёрг вернулась на Стейненснес, а Кетиль вышел в море и благополучно добрался до Восточного поселения.

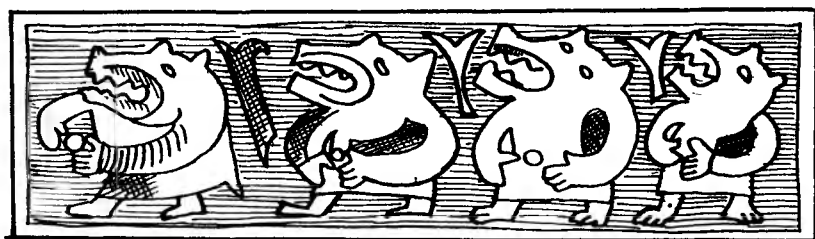
Епископом в Гренландии был в то время Ивар, сын Барда. Он жил в епископском дворце в Гардаре в Восточном поселении. Тюлень направил свою лодку в Эйнарсфьорд и причалил прямо напротив дворца епископа. Кетиль подошел к дворцу и сказал стражникам, что он из Западного поселения и хочет сообщить епископу важные новости.

— Речь идет о спасении христианства в Гренландии.

Вскоре епископ принял Кетилья, и тот рассказал ему обо всем, что произошло в Вестрибюгде. Ивар выслушал его внимательно, а потом сказал:

— Дело это очень важное и секретное. Ты, Кетиль, поступил мудро, что пришел сразу ко мне и никому больше не рассказывал об этих событиях. Я хочу, чтобы ты и твои люди остались на зиму в моем дворце, а весной мы поедem в Западное поселение и постараемся вернуть заблудших в лоно святой церкви.

Кетиль провел зиму у епископа. Он и его люди крепко держали язык за зубами, так что никто, кроме Ивара, не узнал о случившемся в Западном поселении.

XIII

Весной Эрлинг сказал своим воинам:

— Нам пора отправляться дальше на север, а море, похоже, еще не скоро освободится ото льда. Возможно, впереди нас ждут еще более холодные места, чем эти. Думаю, лучше всего нам поехать на собаках по обычаю скрелингов.

Торфинн сказал:

— Не понимаю, зачем нам ехать дальше. Мы и без того уже забрались так далеко на север, как не заходил еще ни один белый человек. Скрелинги, которые живут в этих землях, никогда не будут угрожать Вестрибюгду.

Многие дружинники поддержали Торфинна. Тогда Эрлинг сказал:

— Вы потому так говорите, что видите не дальше собственного носа. Ведь те инуиты, что напали на Западное поселение две зимы назад, еще недавно жили в этих местах. Скрелинги переселяются к югу, потому что с севера наступают холода. Если мы не доведем эту войну до конца, за наше малодушие придется расплачиваться детям и внукам.

Тогда воины согласились идти дальше на север до тех пор, пока это будет возможно. Они запрягли собак и отправились в путь. Теперь им попадалось очень мало селений. Крутом были только лед и снег. Морозы стояли такие сильные, какие редко бывают в Аустрибюгде и в середине зимы. За неделю до дня равноденствия викинги встретили большое селение и напали на него. Скрелинги храбро защищались и убили восемь гренландцев. Викингам пришлось отступить. Они отошли вглубь страны и построили иглу. Потом они стали ловить и убивать тех скрелингов, которые удалялись от селения поодиночке. Так им удалось убить десять или пятнадцать чело-

век. После этого они повторили нападение и на этот раз одержали победу.

Теперь уже все воины говорили, что продолжать поход было бы безумием. Торфинн сказал:

— Мы все устали и ослабели, и скоро в нас совсем не останется ни мужества, ни боевого духа. К тому же скрелинги здесь, на севере, куда более воинственны, чем на юге. Я думаю, что в такой суровой стране могут жить только очень мужественные и сильные люди. Я не хочу больше их убивать, тем более что они не причинили нам никакого зла.

Эрлинг сказал:

— Я отпускаю тех, кто хочет вернуться. Сам же я пойду дальше, даже если останусь один. Я должен узнать, есть ли предел у этой страны и сколько еще селений лежит на севере.

Воины долго отговаривали Эрлинга от этой затеи, но он так и остался при своем решении. Дело кончилось тем, что отряд разделился. Бьёрн и Эндриди поехали с Эрлингом дальше на север, а Торфинн и остальные пятеро отправились обратно. О походе Торфинна можно сказать только то, что ни один из его участников не вернулся в Вестрибюгд.

Эрлинг и двое его спутников ехали много дней и не встретили ни одного человека. Снег так ярко сверкал на солнце, что у викингов начали слезиться глаза и они почти ослепли. Тогда Эрлинг вырезал из кости пластинки с узкими щелями. Воины привязали пластинки к глазам и смотрели сквозь щели, и свет перестал ослеплять их. Однажды викинги увидели мыс с высокой скалой. На мысу было много снежных домов. Эндриди сказал:

— Навряд ли мы втроем справимся с этим селением.

Эрлинг сказал:

— Не будем нападать на них. Торфинн верно говорил, что в этой стране могут выжить только самые смелые и достойные люди. Поступим с ними так, как они того заслуживают.

Викинги подъехали к селению. Они были одеты как скрелинги и ехали на собаках, так что жители поначалу приняли их за своих. Эрлинг спросил, где здесь иглу конунга. Им указали дорогу, и воины пришли к конунгу. Эрлинг приветствовал его по обычаю скрелингов и сказал:

— Мы пришли с юга и называемся гренландцами. Позволь спросить тебя, конунг, давно ли твой народ поселился в этой стране, и есть ли кто-нибудь, кто живет еще дальше к северу?

Конунг ответил:

— Мы живем здесь не так давно. Наше племя пришло с запада через ледяное море. Но мы не останемся здесь надолго и будем переселяться на юг. К северу же от этих мест лежат пустынные земли, и я не слышал, чтобы там жили люди.

Эрлинг сказал:

— Если вы будете переселяться на юг, то скоро попадете во владения нашего народа. Там не хватит места и для нас, и для вас. Не лучше ли вам остаться в этих краях?

Конунг сказал:

— Зимы здесь становятся все холоднее, а зверя — все меньше. Нам нужно переселяться, и если вашему народу это не по нраву, то мы будем воевать.

— Гренландцы много воевали, — сказал Эрлинг. — И устали от войн, хоть мы и готовы в любое время дать отпор врагам. Я предлагаю вам честное состязание. Пусть ваш лучший воин померяется со мной силой и ловкостью. Если я проиграю, гренландцы уйдут далеко на юг. Если же проиграет мой соперник, инуиты останутся там, где живут, или вернутся на запад, где жили их предки.

Конунг сразу соглашается на эти условия и велит позвать молодого воина по имени Эйку. Эрлинг и Эйку поднимаются на скалу, а внизу на снег кладут шкуру мохнатого быка, который называется умимак и водится на севере Гренландии. Условия состязания были такие: кто точнее метнет копье в шкуру, тот и победил. Эрлинг бросает первым и попадает в край шкуры. Бьерн, сын Торда, шумно радуется и кричит: «Снова удача, брат!» Тогда бросает копье Эйку и попадает в самую середину цели. Тут уж гренландцы молчат, а скерлинги шумят и торжествуют вовсю.

Эрлинг спустился со скалы и сказал Бьерну и Эндриди:

— Боги отвернулись от нас. Напрасно я не послушал Торфинна.

После этого викинги уехали из селения. Эрлинг долго молчал, а потом сказал:

— Этот поход принесет нам славу, хоть в конце нас и постигла неудача. Все же мы побывали в стране, о которой никто раньше и не

слышал. Нужно сложить здесь каменную вышку в память о нашем походе.

Они повернули собак на запад, к морю. Недалеко от берега там есть остров с высоким плато. Они поехали на этот остров и поднялись на вершину. Внезапно повалил густой снег, ветер усилился, и вскоре началась ужасная буря. Ветер нес обломки льда величиной с человеческую голову. Воины и собаки легли на лед, а сани опрокинулись. Эндриди сказал:

— Видно, боги и вправду от нас отвернулись. Теперь нам не спастись.

— Я не побоюсь и с богами сразиться, — сказал Эрлинг. — Если мы и погибнем, то в бою. Не хнычь и руби лед!

Они принялись рубить лед, на котором лежали, и вскоре выкопали яму наподобие могилы. Они затащили туда собак и легли сами. Потом они все прижались друг к другу, и их быстро засыпало снегом и льдом.

Через короткое время они начали задыхаться. Бьёрн сказал:

— Ведь ты колдун, почему ты не усмиришь эту бурю?

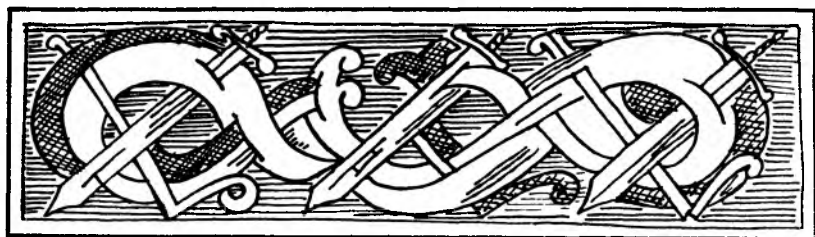
— Боюсь, колдовство здесь не поможет, — сказал Эрлинг. Все же он произнес два или три заклинания. Спустя недолгое время ветер начал стихать.

Когда буря прекратилась, викинги выбрались из ямы и принялись благодарить Эрлинга за чудесное спасение. Эрлинг сказал:

— На этот раз обошлось, но могло быть и хуже.

Они сложили на этом острове три каменные вышки и поставили камень с такой надписью: *«Эрлинг, сын Сигхвата, Бьёрн, сын Торда, и Эндриди, сын Одда, сложили эти вышки в субботу перед Днем похода и пережили ледяную бурю. Здесь кончаются населенные земли».*

У Эндриди почернели все пальцы на ногах, и Эрлинг отрубил их секирой. После этого викинги поехали на юг.

XIV

Теперь надо рассказать об Иваре, сыне Барда.

В начале лета, когда Эрлинг находился на пути в Вестрибюгд, в Гренландию пришли два боевых корабля. Их послал Магнус конунг, когда до него дошли вести о нападении скрелингов на Бьернарстадир десять зим назад. На каждом корабле было сорок латников. Правили кораблями Торстейн, сын Эйрика, и датчанин по имени Кнут. Магнус конунг велел им изгнать скрелингов из окрестностей Вестрибюгда. Корабли пришли в Восточное поселение и бросили якоря в Эйнарсфьорде напротив Гардара. Торстейн и Кнут пришли к Ивару епископу и рассказали ему о цели своей поездки.

Ивар сказал:

— Многое изменилось в Гренландии с тех пор, как здесь в последний раз побывала Трещотка. Теперь для вас найдется дело поважнее, чем охота на скрелингов. Один разбойник по имени Эрлинг захватил власть в Вестрибюгде и заставил всех жителей оставить истинную веру и обратиться в язычество. Сверх того, Эрлинг объявил себя конунгом гренландцев и отказался подчиняться Магнусу конунгу. Во имя святой церкви и славы нашего государя мы должны пойти в Вестрибюгд и свергнуть самозванца.

Кнут и Торстейн сказали, что готовы отплыть немедленно. Тогда Ивар взошел на корабль с двумя дюжинами своих стражников. С ним поехали также Кетиль Тюлень и Йон, сын Торлейва, настоятель монастыря святого Олава конунга в Ватнсдале в Восточном поселении. Они пробыли в море шесть дней и достигли мыса Стейненснес. Гуннбьёрн, дружинник Эрлинга, заметил корабли, когда они были еще далеко в море, и сообщил об этом Торбьёрг. Торбьёрг сказала:

— Я ожидала гостей с юга, но не думала, что они придут так

скоро. Христиане выбрали хорошее время посетить нас: вряд ли они решились бы на это, будь Эрлинг дома.

На Стейненснесе было в то время всего тридцать воинов, а остальные разъехались по своим дворам. Торбьёрг пошла к Нануку конунгу и сказала:

— Христиане идут на нас войной, а дружину собрать мы не успеем. Что ты посоветуешь?

Нанук сказал:

— Вот как надо поступить. Пусть те воины, что находятся сейчас здесь, укроются в церкви и в доме Паля священника. Пусть они обороняются как можно дольше. За это время надо успеть собрать войско.

Торбьёрг сделала все по совету Нанука. Пятнадцать воинов укрылись в доме Паля, и столько же — в церкви. Это были самые большие и прочные строения на Стейненснесе. Сама Торбьёрг вошла в церковь вместе с дружинниками. С ней были Атанган и Инапалук, а также Нанук конунг. В доме Паля за старшего был Гуннбьёрн. В обоих домах укрепили двери и приготовились к защите. Торбьёрг послала гонцов во все дворы Вестрибюгда, чтобы они передали дружинникам ее приказ: собраться всем вместе в Хольте на Рангафьорде и оттуда идти на Стейненснес.

Тем временем корабли норвежцев подошли к мысу и бросили якоря неподалеку от церкви. Ивар и все его войско высадились на берег и направились к строениям. По пути они не встретили ни одного человека.

Ивар сказал:

— Церковь-то, я вижу, цела.

— Язычники осквернили ее, — сказал Кетиль Тюлень. — Они разбили кресты и внесли туда идолов.

Когда Ивар подошел к церкви, Торбьёрг спросила через окно:

— Как будто вы что-то ищете, святой отец. Может быть, я смогу вам помочь.

— Кто ты такая? — говорит Ивар.

— Я Торбьёрг, сестра конунга гренландцев и жена конунга скрелинггов. Навряд ли вам приходилось встречать более знатных дам.

Кетиль Тюлень сказал:

— Молчи, Торбьёрг! Все знают, кто ты на самом деле: ведьма и

шлюха. Ты была рабыней у скрелингов и тебя запрягали в сани, как собаку.

— Хорошо сказано, Кетиль, — ответила Торбьёрг. — Я бы назвала тебя храбрецом, когда б ты не прятался за спинами сотни латников.

Ивар сказал:

— Мне нужно увидеть твоего брата, Торбьёрг. Где он?

— Говори лучше со мной: Эрлинг терпеть не может попов. Такой уж он человек.

— Значит, это правда, что вы оставили истинную веру? — спросил Ивар.

— Что ты спрашиваешь: ведь Кетиль давно тебе все рассказал, а он человек правдивый и лгать не станет.

Ивар сказал:

— Тогда я должен спасти заблудших и сурово наказать виновных. Сдадутся ли язычники добровольно, или они будут защищаться?

Торбьёрг сказала, что они будут защищаться. Потом она отошла от окна и сказала Инапалуку:

— Ты метко стреляешь, брат. Попробуй-ка подстрелить этого попа. Он сейчас стоит так, что это нетрудно сделать.

Инапалук пустил стрелу в Ивара, но один из воинов успел закрыть его щитом. Тогда язычники принялись стрелять из всех окон и убили нескольких врагов.

Ивар приказал выломать дверь и перебить всех, кто был в церкви. Норвежцы навалились на дверь, и та начала подаваться. Тогда Гуннбьёрн вывел своих воинов из дома Паля священника и ударил в тыл нападавшим. Гренландцы перебили многих латников, а Гуннбьёрн зарубил Кнута датчанина. Торстейн, сын Эйрика, собрал вокруг себя лучших воинов и напал на отряд Гуннбьёрна. Гуннбьёрн храбро защищался, но все же был убит. Погибли также и все его воины. В то время, когда погиб Гуннбьёрн, засов на церковной двери сломался, и норвежцы ворвались в церковь. Там началась схватка. Торбьёрг стояла у алтаря рядом с каменными фигурами Тора и Одина и пела колдовскую песнь. Ивар увидел ее и приказал своим стражникам схватить ведьму. Дружинники Эрлинга кольцом окружили Торбьёрг и не подпускали к ней врагов, но вскоре почти все они были убиты. Тогда Торбьёрг сказала Нануку:

— Мы все немногого стоим, когда Эрлинг нет рядом. У нас хватит мужества, чтобы достойно погибнуть, но не хватит силы и духа Анги, чтобы победить. Беги через запасной выход и иди в Хольт. Там ты скажешь дружинникам, чтобы они уходили из Вестрибюгда. Пусть дождутся возвращения Эрлинга. Тогда они смогут отомстить за всех, кто погиб сегодня на Стейненснесе.

Нанук обещал сделать все, как сказала Торбьёрг, и вышел из церкви через потайную дверь. К тому времени из защитников церкви в живых остались только Атанган и Инапалук.

Торбьёрг схватила каменного Тора и подняла его над головой, а надо сказать, что этого идола с трудом поднимали двое мужчин. Торбьёрг швырнула изваяние в нападавших и задавила троих латников.

— Кто теперь скажет, что мне не помогают боги! — говорит Торбьёрг.

Норвежцы были так потрясены этим броском, что остановились и какое-то время не двигались с места. Торбьёрг сказала скрелингам:

— Бегите в Хольт! Мне не нужна ваша помощь: ведь я колдунья.

Атанган и Инапалук ушли тем же путем, что и Нанук. После этого норвежцы схватили Торбьёрг и привели ее к Ивару. Ивар сказал:

— Теперь тебе не позавидует и раб, несмотря на всю твою знатность.

Торбьёрг сказала:

— Навряд ли я заплачу, как бы ты ни старался.

Епископ приказал связать ее и приставил к ней троих стражников. После этого войско Ивара расположилось на отдых.

Дружинники Эрлинга — всего восемьдесят человек — собрались у Халльварда в Хольте. Туда же пришли трое скрелингов: Нанук, Атанган и Инапалук. Нанук рассказал дружинникам о битве и передал волю Торбьёрг: уйти из селения и дожидаться возвращения Эрлинга. Кто-то из воинов сказал:

— Долго же нам придется ждать. Ведь Эрлинг уехал прошлым летом, и с тех пор его не видели. Наверно, его убили скрелинги.

Нанук сказал:

— Торбьёрг уверена, что Эрлинг жив. А ведь она колдунья, и ей ведомо многое из того, что скрыто от простых смертных. У инуитов принято верить колдунам во всем, что бы они не говорили, и мы знаем, что они очень редко ошибаются.

Тогда дружинники стали спешно собираться в путь. На другой день они отплыли на пятнадцати лодках и направились на север, в Иса-фьорд. Те из них, кто жил неподалеку от Хольта, успели взять с собой своих домочадцев, жен и детей, а также кое-какое добро и немного скота. Атанган и Инапалук не поехали с остальными и сказали, что придут в Исабьёрг позже.

Ночью оба скрелинга приплыли на каяках к Стейненснесу. Ночи были еще светлые, но небо затянуло тучами, и шел сильный дождь. Инуиты подкрались к одному из кораблей, взобрались на него и втащили за собой свои каяки. Вот они входят в шатер и видят там пятерых норвежцев. Все они спят. Атанган и Инапалук перерезают горло четверем воинам. Они делают это так тихо, что пятый даже не просыпается. Потом инуиты хватают пятого, затыкают ему рот и связывают. Атанган говорит пленнику:

— Сейчас мы вернем тебе дар речи, но не вздумай поднимать шум и звать на помощь. Иначе мы поступим с тобой по обычаю нашего народа. А обычай у нас такой: мы съедаем предателей живьем, сначала уши, потом нос, и так до конца.

Норвежец был бледен как снег, потому что думал, будто его сейчас начнут есть живьем. Атанган сказал:

— Теперь пускай белолицый тунит объяснит темным язычникам, что мы должны сделать с этим деревянным умиаком, чтобы он поплыл, куда нам нужно.

Пленник сказал скрелингам, как поднять якорь и поставить парус. Атанган и Инапалук хорошо справились с этим делом и направили корабль в Люсу-фьорд. Там они сошли на берег и принялись объезжать все окрестные дворы. Они говорили всем жителям, чтобы те поскорее шли к кораблю.

— Поедем в Иса-фьорд, туда, где спрятались дружинники. Ведь от этих чужеземцев, что приехали с юга, вряд ли можно ожидать чего-то хорошего.

К утру корабль был полон народу. Большей частью это были женщины, дети, хворые и калеки. Ветер стих, и над морем поднялся туман. Инуиты посадили к веслам всех, кто был способен грести, и направили корабль на север, к Иса-фьорду. Там они встретили дружинников. Беглецы построили себе землянки и стали ожидать возвращения Эрлинга. Всего там собралось более двухсот человек.

Теперь надо рассказать об Иваре епископе. Он узнал о пропаже корабля только утром и пришел в сильную ярость. Он собрал свое войско и сказал:

— Теперь ясно, что мы должны действовать куда более решительно, если хотим спасти христианство в этом селении.

Ивар приказал воинам объехать все фьорды Вестрибюгда и убить тех, кто будет оказывать сопротивление.

— Всех остальных согоните на этот мыс, и не забудьте ни стариков, ни малолетних. Здесь они либо отрекутся от язычества и вернуться в лоно святой церкви, либо отправятся напрямик к своему покровителю Сатане.

Кетиль Тюлень сказал:

— Вы так и не решили, что делать с Торбьёрг.

— Нечего тут решать, — ответил Ивар. — Ведь я своими глазами видел, как она совершала в церкви колдовские обряды и призывала на помощь чертей. Торбьёрг заслуживает того же, что и любая ведьма.

На третий день все жители Западного поселения собрались на Стейненснесе, кроме тех, кто укрылся на севере в Иса-фьорде. Некоторых пришли сами, а кое-кого привели силой. Один мальчик по имени Хельги спрятался в погребе, и норвежцы не нашли его. Хельги тоже пришел на Стейненснес и притаился среди камней, чтобы услышать все, что там будут говорить.

Ивар поднялся на скалу на поле тинга и сказал:

— Речь моя будет короткой. Вы совершили тяжкое прегрешение перед Богом и конунгом, и никакое наказание не было бы для вас слишком суровым. Однако святая церковь милостива к покаявшимся грешникам. Я готов помиловать всех, кто принародно отречется от языческой веры и поклянется впредь свято соблюдать все установления церкви христовой. Кроме того, вы должны указать мне место, где скрывается самозванец Эрлинг и все мужчины вашего поселения. Я не верю тем сказкам, которые слышал от некоторых из вас, будто бы все они погибли. Вам, вероятно, будет интересно узнать, что ожидает тех, кто откажется выполнять мои требования. Кое-кто может думать, что святая церковь карает колдунов и отступников не так уж сурово. Сейчас я помогу вам убедиться в обратном.

После этого Ивар приказал принести побольше дров и поставить у скалы высокий столб. Кетиль Тюлень сказал:

— Это будет нелегко сделать, святой отец. Видно, плохо вы знаете свою епархию. Может быть, в Аустрибюнде и топят лесом, а мы-то давно не видели настоящих дров. Здесь люди жгут в очагах одну морскую траву да тюлений жир.

— Разнесчастные вы люди, — сказал Ивар. — Пусть тогда принесут то что есть.

Воины сложили большую кучу сухой травы и принесли бочку жира. После этого Ивар крикнул, чтобы привели колдунью. Норвежцы бросились исполнять приказание и привели Торбьёрг. На ней были только длинная рубашка и ожерелье из медвежьих клыков, которое подарил ей Нанук конунг. Торбьёрг посмотрела на собравшихся людей и крикнула:

— Мужайтесь, дети звезды! Эрлинг рядом!

Торбьёрг схватили и бросили на костер. Потом ее облили тюленьим жиром и подожгли. Костер долго не разгорался и больше дымил, чем горел. Торбьёрг не сказала ни слова и ни разу не закричала, пока не умерла. После этого Ивар сказал собравшимся:

— Теперь подходите поочередно ко мне, целуйте крест и клянитесь в верности Спасителю.

Никто не двинулся с места. Какое-то время все молчали, а потом одна женщина по имени Сванхильд надавила себе пальцем на нос и крикнула:

— Мы не понимаем, что ты говоришь, тунит!

Все, кто был на этом тинге, громко захохотали. Лицо Ивара от ярости стало белым как снег. Он сказал воинам:

— Рубите всех подряд! Нечего с ними больше разговаривать.

Торстейн, сын Эйрика, сказал:

— Опомнитесь, святой отец. Здесь только женщины, дети и старики, а мои люди — не палачи, а воины.

Ивар сказал:

— Я передам конунгу, что ты защищал язычников от христианского епископа.

После этого Ивар повторил свое приказание, и воины начали рубить безоружных людей. Женщины и подростки бросали в них камни, а некоторые пытались убежать, но норвежцы окружили все поле тинга.

Вскоре там не осталось ни одного живого человека. Все время,

пока продолжались эти убийства, Торстейн стоял спиной к полю и не двигался. Ивар сказал ему:

— Любому хочется прослыть благородным человеком, однако каждый добивается этого по-своему. Пожалуй, я все же не стану доносить на тебя конунгу.

В тот день на Стейненснесе было убито без малого пять сотен человек. Всё это были люди, неспособные носить оружие, и среди них много детей.

Ивар послал разведчиков на поиски Эрлинга, но люди боялись уходить далеко от селения и все их розыски оказались безуспешными. Тогда Ивар велел собираться в обратный путь. Он сказал:

— Жаль, что я не оставил в живых нескольких язычников, чтобы выпытать у них, где скрывается самозванец. Впрочем, я не уверен, что мне удалось бы развязать им языки. Похоже, они готовы вытерпеть любые муки ради своей жалкой веры и безродного конунга.

Они поднялись на тот корабль, который у них остался, и поплыли на юг в большой тесноте. Ивар приказал воинам молчать о том, что произошло в Вестрибюгде.

— Если у вас спросят, зачем мы ездили в Западное поселение и что там нового, отвечайте так: мы должны были прогнать оттуда скрелингов. Когда мы прибыли в Вестрибюгд, там не оказалось ни одного человека, ни скрелингов, ни гренландцев. Все дворы были пусты, и кругом бродил одичавший скот. Должно быть, скрелинги напали на Вестрибюгд и перебили там всех христиан.

По возвращении в Аустрибюгд участники похода рассказали жителям эту небылицу. Поэтому простые люди в Гренландии и Норвегии и по сей день не знают правды о походе Ивара в Западное поселение.

XV

В тот день, когда Ивар учинил бойню, о которой только что было рассказано, Эрлинг и двое его спутников приплыли на лодке в Исафьорд. Там они встретились с дружинниками. Встреча была радостной. Они обменялись новостями, и Эрлинг сказал:

— Вы поступили правильно, что не стали сами нападать на Ивара. Епископ не уйдет от нашей мести, тем более что у нас теперь есть боевой корабль. Однако меня беспокоит судьба Торбьёрг. Эти попы способны на любую подлость. Мы сегодня же отправимся в Вестрибюгд, освободим Торбьёрг и так проучим христиан, что они скорее проглотят свои кресты, чем приедут сюда во второй раз.

Язычники стали собираться в обратный путь. Сборы заняли больше времени, чем хотелось Эрлингу, потому что там было много женщин, детей и всякого добра. К тому же Эндриди и Бьёрн были сильно измучены походом, а без них Эрлинг не хотел выступать против Ивара. Язычники отплыли только на четвертый день и прибыли в Западное поселение уже после того, как Ивар ушел оттуда со своим войском. Эрлинг сошел на берег у Стейненсна. Там он увидел следы побоища и свеженасыпанный курган. Дружинники обошли все поселение и нигде не нашли ни одного человека, кроме Хельги, того мальчика, который слышал разговоры на тинге и своими глазами видел побоище. Хельги пришел с дружинниками на Стейненсна и рассказал Эрлингу о сожжении Торбьёрг и о том, как погибли жители Вестрибюгда.

Многие воины плакали, когда слушали этот рассказ. Эрлинг почернел лицом и не сказал ни слова. Нанук конунг сказал:

— Что ты печалишься, Нанут? Разве ты иначе обошелся с моим народом? Боги справедливы.

Тогда Эрлинг вскакивает на коня и едет в Бьёрнарстадир. Там никто не жил с тех пор, как Эрлинг ушел оттуда в тайное жилище на леднике. Вместе с Эрлингом едет только Бьёрн, сын Торда. Они подъезжают к тому месту, где прежде стоял Тайник. Теперь там невысокий холм, поросший мхом. Эрлинг и Бьёрн начинают раскапывать этот холм и находят среди обломков Тайника длинную ореховую жердь с золотым наконечником и лошадиный череп с выжженными тайными рунами. Эрлинг говорит:

— Скоро мы раскопаем весь этот холм и найдем там немало хорошего. Пока же нам хватит и этих двух безделиц.

Бьёрн спрашивает, что это за вещи они нашли. Эрлинг говорит:

— Это большое сокровище: старинные колдовские орудия. Их привез в Гренландию Эйрик, сын Торвальда, и все поколения нашего рода бережно хранили их, пока они не перешли ко мне. Теперь настало время пустить их в ход.

Эрлинг и Бьёрн едут оттуда на северо-восток и поднимаются на вершину горы Эйяфьалль. Эрлинг вырезает рунами на ореховой жерди такие слова:

*Ворон спешит
К Аустрибюгду
Волку поведать
Вести с востока:
«Голод и мор,
Черная хворь,
Льды кораблям
Путь презградили,
Каждый четвертый
В земле не истлеет,
Бури взъярились,
Будет нам праздник!»
Я посылаю
Духов в поход.
Снова заноят
Распятого раны:
Буря мечей
Сто зим не стихает.*

*Всех его слуг
Я словом сразил.*

Бьёрн говорит:

— Я не позавидую христианам, если этот шест еще не потерял колдовской силы!

— Все будет, как я сказал, — говорит Эрлинг. Потом он надсекает себе руку и окрашивает руны кровью, укрепляет жердь стоймя между камней и насаживает на нее лошадиный череп лицом на восток. После этого Эрлинг и Бьёрн возвращаются в Вестрибюгд.

Осенью Эрлинг отпустил дружинников по домам, а сам остался на Стейненснесе с десятком воинов. В то время многие в Западном поселении хотели скорее идти на Аустрибюгд, чтобы отомстить христианам и подчинить себе всю страну. Эрлинг же говорил, что к этому походу нужно подготовиться получше. Зима была очень долгой и холодной.

Весной Эрлинг отправился с двумя дюжинами дружинников в Бьёрнарстадир. Он сказал:

— Пришло время воспользоваться тем добром, что привез мой дед из Браттахлида. Он хранил его всю жизнь бережно и в большой тайне, но ему оно так и не пригодилось; нам же придется кстати.

Они принялись раскапывать развалины Тайника и вскоре наткнулись на прочное перекрытие из дубовых досок. Под ним оказался сухой подвал длиной в сорок локтей. Там было много всякого добра. Сначала воины вытащили из подвала фигуры Одина, Тора и Фрейи. Глаза у Фрейи были сделаны из больших изумрудов. Затем они нашли много хорошего оружия и сундук с золотом. Эрлинг сказал:

— Богат был мой дед, да так и не смог воспользоваться своим богатством. Нам же оно и подавно не пригодится.

Потом воины снова спустились в подвал и нашли там крепкие паруса для большого корабля и много хорошего леса. Там была и носовая фигура корабля в виде валькирии с мечом. Все были удивлены, что лес так долго пролежал в земле и выглядит как новый.

— Это не простой лес, — сказал Эрлинг. — Это мёсур из Винланда, а привез его в Гренландию Лейв Счастливый. Здесь лежит готовый боевой корабль, который нужно только собрать. Этому дереву

не страшны ни гниль, ни морской червь. Мой дед до конца дней надеялся совершить путешествие в Винланд, да только в то время в Вестрибюгде ему было нелегко найти попутчиков.

Эрлинг созвал в Бьёрнарстадир лучших мастеров и самых толковых работников и велел им построить корабль. Те сказали, что им никогда не приходилось строить корабли и они не знают, как взяться за эту работу.

Эрлинг сказал:

— Я не верю, что люди, наделенные разумом, не смогут справиться с таким простым делом. Ведь здесь все готово, и нужно только соединить части и наложить швы. К тому же у нас уже есть один корабль, и вы можете поднять его на берег и посмотреть, как это чудо сделано.

Мастера принялись за работу и трудились все лето. Корабль получился очень большим. Однако когда его стали спускать на воду, многие швы разошлись, и Эрлинг приказал все переделывать. Он приехал в Бьёрнарстадир и стал работать вместе со всеми. Зимой постройка корабля приостановилась, и только в начале лета корабль был готов. Его спустили на воду, и на этот раз оказалось, что работа сделана на совесть. Эрлинг поднялся на корабль и сказал:

— Я думаю, никто здесь еще не видел такого большого и красивого корабля. Он будет наводить ужас на наших врагов. Я хочу, чтобы он назывался Лейвов корабль, потому что Лейв, сын Эйрика, оставил нам его в наследство.

Осенью Эрлинг сказал, что хочет испытать Лейвов корабль в ледовом плавании. Он взял с собой пятьдесят дружинников, и они отправились на север. Они доплыли до Кроксфьордархейдра и убили там много моржей и четырех медведей. Во время этого плавания льдины так и бились в борта корабля, но он ни разу не дал течи. Когда они вернулись в Вестрибюгд, корабль был доверху нагружен добычей. Этой зимой в Западном поселении было вдоволь мяса. Зима же была еще холоднее, чем прошлая.

Бьёрн, сын Торда, не раз спрашивал Эрлинга, почему он медлит с походом на Аустрибюгд.

— Дружинники начали поговаривать, будто ты хочешь оставить неотмщенными те убийства, что совершили здесь христиане две зимы назад. Говорят также, что твой корабль наводит ужас только на

моржей, а твое копье — на лососей. Смотри, как бы люди не перестали тебе верить. Еще немного, и они снова забудут о славе и утратят мужество, которое ты в них пробудил.

Эрлинг сказал:

— Мы действительно могли бы выступить раньше. Медлил же я только потому, что знаю: после похода на Аустрибюгд недолго останется нам жить в этой стране. А мне жаль покидать ее, хотя в тех землях, куда мы направимся, жизнь будет и легче, и богаче.

XVI

Летом Эрлинг созвал дружину и сказал, что они отправляются на юг, в Аустрибюгд. Воинам так хотелось поскорее отправиться в этот поход, что они побежали к лодкам еще до того, как Эрлинг приказал им подниматься на корабли. Они не взяли почти никаких запасов и в тот же день вышли в море. Эрлинг правил Лейвовым кораблем, а Бьёрн — тем, что захватили у норвежцев Атанган и Инапалук. Эрлинг прозвал этот корабль «Умиарсваг». На языке скрелингов это означает «корабль». На Лейвовом корабле было шестьдесят воинов, а на Умиарсваге — тридцать пять. Плавание продлилось пять дней, и на шестой корабли подошли к острову Эйриксей в Брейдифьорде в Восточном поселении. Там они бросили якоря и сошли на берег. Эрлинг послал Атангана и Инапалука разведать, что слышно нового в Аустрибюгде и где сейчас Ивар и другие участники побоища. Инуиты садятся в свои каяки и плывут сначала на восток в Эйриксфьорд. Потом они направляются на юг в Эйнарсфьорд и доходят до Гардара. Они прокрадываются во все усадьбы, где это возможно, и подслушивают разговоры. Затем они возвращаются к Эрлингу на Эйриксей и говорят, что разузнали много новостей. Они рассказали, что Ивар сидит в епископском дворце в Гардаре вместе с Торстейном, сыном Эйрика, и сотней норвежских латников. Их боевой корабль стоит в Эйнарсфьорде. Разведчики рассказали и о том, какие небылицы говорят люди: будто бы Западное поселение разрушено скрелингами, и Ивар во время своего похода не нашел там ни одного человека.

Эрлинг выслушал разведчиков и сказал:

— Похоже, епископ у нас в руках. Мы еще успеем отомстить ему, а сейчас я хотел бы отправиться в Эйриксфьорд. Ведь у меня там ро-

довое поместье, которое мой дед был вынужден продать из-за поповских козней.

Эндриди, сын Одда, сказал, что сейчас не время для таких поездок.

— Надо скорее идти в Гардар, пока епископ не прознал о нашем походе.

Эрлинг сказал:

— Хотя ты и прав, а все же я не переменю своего решения. Признаться, я и сам не знаю, почему меня так тянет в Браттахлид. Но ведь я колдун, и старый Иггнануак учил меня, что колдун должен верить своим предчувствиям.

На другой день Эрлинг поехал на лодке в Эйриксфьорд. С ним были Бьёрн и еще пять человек. Они приплыли в Браттахлид ночью и постучали в дверь. Им открыл какой-то горбун с черным от сажи лицом.

— В доме все спят, — сказал горбун. — Кто вы такие и по какому праву ломитесь по ночам в чужие дома?

— Есть у нас такое право, ведь мы викинги, — сказал Эрлинг. — Отвечай, кто живет в этом доме, или тебе не поздоровится.

Горбун сказал:

— Вы, должно быть, пьяны, хоть и не похожи на пьяных. Каждый знает, что здесь живет Кетиль Тюлень.

Эрлинг сказал:

— Вот это удача!

— Ты, верно, давно знал об этом, — сказал Бьёрн. — Все-то ты нас дурачишь.

— Не быть мне конунгом, если я хоть раз скажу вам неправду, — говорит Эрлинг. Потом он спрашивает горбуна, как это Кетилю удалось завладеть поместьем.

— Ведь Бьёрн, сын Ульва, продал Браттахлид Эйнару из Бурфьёльда.

Горбун сказал:

— После смерти Эйнара усадьба перешла к святой церкви, потому что у Эйнара не было наследников. Потом епископ передал ее Кетилю в награду за какие-то услуги, а уж что это были за услуги, о том знатные люди нам не рассказывали.

Эрлинг сказал:

— Теперь води нас к своему хозяину, Хримтурс. Есть у нас к нему одно дело.

Горбун повел Эрлинга в покой, где спал Кетиль. При этом он то и дело спотыкался и так шумел, что перебудил всех в доме. Жители Браттахлида перепугались, когда увидели викингов. Кетиль вскочил со скамьи и сказал:

— Прошу тебя, Эрлинг, не убивай меня. Я готов согласиться на любые твои условия.

— Напрасно ты так боишься умереть, — сказал Эрлинг. — Это было бы для тебя еще не самое худшее.

Потом он обратился ко всем домашним Кетилия и сказал:

— Этот человек повинен в смерти пятисот безоружных людей, детей и женщин. Не смотрите, что он так тих и неприметен. У него хватило подлости отдать в руки палачей целое селение, жители которого не сделали ему никакого зла. Мы не будем его убивать, потому что позорно для воинов даже прикасаться к такому трусливому псу. Вы можете сами поступить с ним, как считаете нужным.

Там была одна девушка по имени Сигрид. Ее отцом был Финнбоги, брат Кетилия Тюленя. Сигрид родилась в Вестрибюгде, а потом Финнбоги переехал в Восточное поселение и отдал Сигрид в монастырь бенедиктинок на Бафнс-фьорде. После смерти Финнбоги Кетиль забрал ее к себе в Браттахлид. У нее были длинные ноги, русые волосы и синие глаза. Сигрид сказала:

— Верно ли я догадалась, что ты Эрлинг, сын Сигхвата, конунг гренландцев?

— Ты не ошиблась, красавица, — сказал Эрлинг. — Но разве об этом так трудно догадаться?

— Здесь никто не знает о тебе, — ответила Сигрид. — Не знала бы и я, если б не подслушала однажды разговор дядюшки с епископом.

Эрлинг сказал:

— Надеюсь, когда-нибудь ты услышишь обо мне больше. Пока же скажу тебе только, что я остановился на острове Эйриксей.

После этого Эрлинг и его спутники вышли во двор. Они закололи двух быков Кетилия и погрузили их в лодку. Потом они вернулись на остров.

В ту же ночь Кетиль Тюлень сбежал из Браттахлида со всеми до-

мочадцами и всем добром, которое они смогли увезти. Кетиль отправился в Гардар и попросил у епископа разрешения остаться у него на какое-то время. Кетиль сказал:

— Этой ночью ко мне приходил Эрлинг со своими викингами. Он ограбил меня и выдал моим домашним все то, что мы хотели скрыть.

— Почему же он не убил тебя? — спросил епископ.

Кетиль ответил, что и сам этого не знает.

Кетиль остался в епископской усадьбе. Ивар решил не нападать первым на Эрлинга, «потому что нам неизвестно, сколько у него людей, а уж кораблей-то у него не меньше, чем у нас». Ивар и Торстейн приготовились к защите. Дворец и корабль надежно охранялись и днем, и ночью.

Однажды Ивар пришел к Кетилу и сказал:

— С недавних пор в Гардаре происходит нечто странное и нехорошее. Люди говорят, что здесь поселились призраки. Я сам не раз видел по ночам каких-то неизвестных людей, которые бродят по двору, словно слепые. Не будь я христианином, я бы сказал, что это духи-двойники. Но вот что страшнее всего: каждую ночь ко мне приходит та колдунья, которую мы сожгли в Вестрибюгде. Видно, сам дьявол помог ей выйти из могилы. Лицо у нее опалено и обуглено, а одета она во все черное; на голове — золотая корона с большим черным камнем, и камень этот светится, подобно звезде. Колдунья каждый раз произносит одни и те же слова.

Тут епископ прочитал ту вису, которую Эрлинг вырезал на ореховой жерди на горе Эйяфьялль. Кетиль сказал:

— Что же вы хотите от меня, святой отец? Ведь я небольшой мастер воевать с призраками.

Ивар сказал:

— Ты хорошо знал Эрлинга и Торбьёрг. Расскажи мне о них все, что знаешь, и не упускай ничего, даже если что-то покажется тебе не стоящим упоминания. Может быть, мне удастся справиться с колдовскими кознями, если я буду знать все о самих колдунах.

Кетиль сказал:

— Не стану я ничего рассказывать. Мне вовсе не хочется, чтобы Торбьёрг и ко мне являлась по ночам. Раз уж сам епископ не может изгнать оборотней из своего дома, значит, дело это не шуточное.

Ивар ушел от Кетиля ни с чем, и оба пребывали в большом страхе. Этой ночью Сигрид прокралась в покой, где спал Кетиль. Тот сразу проснулся и крикнул:

— Кто здесь?

Сигрид сказала:

— Не бойся, дядюшка, это я, Сигрид.

После этого она подошла к Кетилю и ударила его ножом в грудь. Кетиль сказал:

— Правду говорил епископ: здесь кругом одни оборотни.

Потом он умер. Сигрид отрезала ему голову и завернула ее в оборывок плаща. Затем она выбралась из дворца, села в лодку и поплыла к устью фьорда.

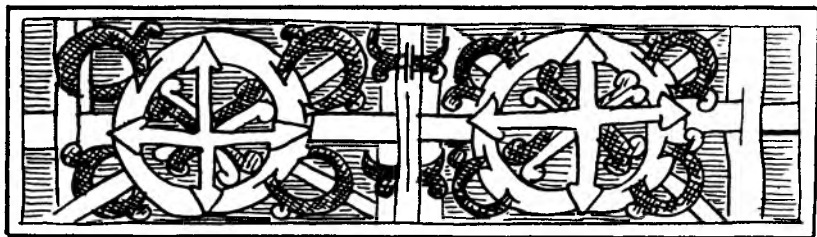
На другой день она добралась до Эйриксея и пришла в лагерь язычников. Она отдала Эрлингу голову Кетиля и рассказала ему обо всем, что произошло в Гардаре. Эрлинг сказал:

— Есть и в Аустрибюгде отважные люди!

Потом он созвал дружину и сказал, что они сейчас же отправляются в Гардар.

— Мы уже нагнали такого страху на наших врагов, что боюсь, как бы они не вздумали бежать.

Воины поднялись на корабли и поплыли на юг, к Эйнарсфьорду.

XVII

Ивар епископ узнал об убийстве Кетиля и сказал, что не намерен больше оставаться в Гренландии. Он приказал воинам немедленно собираться в путь.

— Поплывем к Магнусу конунгу. Пусть он пошлет войско побольше, если хочет сохранить христианство в этой проклятой стране. А я сюда не вернусь и за все золото конунговой казны.

Ивар, Торстейн и все их воины спешно погрузились на корабль, подняли паруса и направились на запад, в сторону открытого моря. Неподалеку от Клинингса они заметили корабли язычников, которые шли им навстречу на веслах. Ивар повернул корабль на юг, и язычники тотчас же сделали то же самое. Ветер теперь был попутный и тем, и другим. Вскоре Лейвов корабль стал настигать беглецов. Когда корабли поравнялись и сошлись бортами, люди Эрлинга стали прыгать на корабль Ивара. Борта на Лейвовом корабле были намного выше, и норвежцам было трудно защищаться. Они не успели опомниться, как весь их корабль был полон язычников. Эрлинг с половиной воинов пошел вдоль левого борта, а Эндриди — вдоль правого.

Торстейн, сын Эйрика, увидел Эндриди и крикнул своим людям:

— Неужели вы не можете остановить этого пса? Ведь он хромает на обе ноги!

Торстейн метнул копье в Эндриди, но тот отпрыгнул за мачту. Потом Эндриди ударил Торстейна мечом и разрубил ему щит, а вторым ударом отсек ему правую руку по самое плечо. Торстейн упал, и тогда Эндриди сбросил его в море.

Эта битва происходила недалеко от берега. Вот Ивар епископ видит, что дело плохо, и прыгает в воду. Он доплывает до ближайшего

мыса и выбирается на скалу. Неподалеку он видит какое-то жилье, идет туда и просит бонда спрятать его от разбойников. Бонд отводит епископа в подпол.

Тем временем язычники очистили весь корабль Ивара от кормы до носа. Там погибло более сотни норвежцев и стражников епископа. Эрлинг потерял в этом сражении двадцать человек. Умиарсваг догнал Лейвов корабль уже после того, как битва была закончена. Эрлинг сказал такую вису:

*Взял коня морского,
Не добыл победы:
Вплавь до Грандхеймсфьорда
Ивар доберется.*

— Теперь мы подчинили себе всю страну, как и хотели. Осталось узнать, как примут это известие местные жители.

Язычники вернулись на Эйриксей уже на трех кораблях. Корабль, который они захватили в битве у Клинингса, Эрлинг назвал Анга. Это был очень красивый корабль, хотя и не такой большой, как Лейвов.

На другой день Эрлинг разослал гонцов по окрестным фьордам с такими словами: *«Эрлинг, конунг гренландцев, созывает жителей Восточного поселения на тинг на остров Эйриксей»*. Гонцы обошли много дворов, однако в назначенный день никто не приехал на Эйриксей. Эрлинг сказал:

— Народ здесь куда ленивее, чем у нас. Что ж, если они не хотят идти к нам, пойдем к ним сами.

Эрлинг поехал в ближайший двор. Там жил бонд по имени Грим. Он хорошо принял Эрлинга и сказал:

— Не тот ли ты конунг, что захватил норвежский корабль и позвал всех на тинг?

Эрлинг сказал: «Да, это я», и спросил Грима, почему тот не поехал на тинг. Грим сказал:

— Ведь вы викинги, и я боялся, что вы либо потребуете денег, либо заставите меня воевать. А я человек тихий и небогатый. В воины я не гожусь, да и чужого добра мне не надо: сохранить бы то, что есть.

Эрлинг сказал:

— Разве ты не хочешь, чтобы Гренландия отложились от Норвегии? Тогда мы сможем свободно торговать, с кем захотим. Здесь станет куда больше купцов и товаров, чем теперь.

— Когда еще это будет, — сказал Грим. — К тому же, боюсь, что наши дома могут превратиться в пепел раньше, чем этот мятеж принесет нам какую-то пользу. Что до меня, то мне все равно, кто будет править нами: ты или норвежцы. До сих пор я жил мирно и не ввязывался ни в какие распри, и так же буду поступать и впредь.

Эрлинг сказал:

— Не хотел бы ты отправиться с нами на поиски новых земель?

Грим ответил, что ему незачем бросать свое хозяйство и искать счастья в далеких землях, к тому же неизвестно, намного ли там лучше, чем здесь.

— Я вижу, тебя не убедить, — сказал Эрлинг. — Поступай, как хочешь. Только смотри, как бы твоя жизнь не стала такой спокойной, что ее и не отличишь от смерти.

Эрлинг объезжал дворы Аустрибюгда до поздней осени. Почти везде бонды говорили одно и то же: они-де народ тихий и хотят только, чтобы их поменьше тревожили. Эрлинг был сильно опечален таким ходом дела. Однажды он сказал:

— Похоже, мы только напрасно потеряли время. Местные бонды — совсем никчемные люди. С героями здесь туго.

Бьёрн сказал:

— Не мешало бы проучить их хорошенько. Быть может, тогда они взбодрятся.

— Вряд ли, — сказал Эрлинг. — Да и ни к чему это. Они сами выбрали себе худшую участь.

Язычники зазимовали на Эйриксее, а весной вернулись в Вестрибюгд. Эрлинг оставил в Восточном поселении небольшой отряд и один из кораблей. За старшего там был Атанган. Они следили за тем, что происходит в Аустрибюгде, но ни во что не вмешивались. Жителям был дан строгий приказ: никто не должен под страхом смерти говорить чужеземцам, если они вдруг появятся в Гренландии, что им что-то известно о разбойниках, которые захватили норвежские корабли.

После морского сражения, о котором было рассказано, Ивар

епископ пошел пешком в Ватнсдаль, в аббатство святого Олава, и попросил Йона, сына Торлейва, спрятать его в каком-нибудь надежном месте. Йон отвел Ивара в потайную келью. Там Ивар просидел две зимы. Йон сам носил ему пищу, так что никто из монахов не знал, куда пропал их епископ. Атанган искал его по всему Восточному поселению, но так и не смог найти. Дурные сны по-прежнему мучали Ивара, к тому же в монастыре стали появляться призраки. Зимой крутом монастыря бродили стаи волков, и люди говорили, что никогда еще не видели в Аустрибюгде таких больших стай.

Летом в Восточное поселение пришла Трещотка, и Йон тотчас же сообщил об этом Ивару.

— Я сегодня же еду на Херьольвсфьорд, — говорит Ивар. — Нужно торопиться, пока язычники не захватили и этот корабль.

Той же ночью Ивар уезжает из монастыря. Он одет, как простой монах, а лицо закрыто капюшоном, так что никто не может его узнать. Он приезжает на Херьольвсфьорд, где остановилась Трещотка, и поднимается на корабль. Этой Трещоткой правил Гейр, сын Храфна. Ивар приходит к Гейру и говорит:

— Мы немедленно поднимаем якорь и плывем в Норвегию.

Гейр смеется и говорит:

— Ты помешался, монах, не иначе. Что это ты вздумал распоряжаться на корабле Магнуса конунга?

Тут Ивар показывает Гейру пергамент с печатью архиепископа Трандхеймского, в котором говорится о назначении Ивара, сына Барда, епископом Гренландии. Ивар говорит:

— Вся эта страна захвачена мятежниками. Я был вынужден скрываться в монастыре и провел там две зимы. Я должен поехать к конунгу и рассказать ему обо всем, что здесь произошло.

— Где же эти мятежники, святой отец? Почему никто из жителей не сказал нам о них ни слова? Уж не почудилось ли вам все это?

Ивар говорит:

— Люди насмерть перепуганы. Им приказано держать язык за зубами, иначе их всех убьют. А если ты не веришь мне, то ответь: где те два боевых корабля, которые конунг послал в Гренландию четыре зимы назад?

Гейр помолчал и немного погодя сказал:

— Чудная у вас страна. По-моему, она приносит конунгу больше

забот, чем пользы. Я верю вашим словам, святой отец, и все же не могу отплыть раньше, чем через десять дней. Ведь мы только начали торговлю.

Ивар сказал:

— Мятежники не упустят случая захватить еще один корабль. Возможно, они уже на пути к Херьольвсфьорду. Если мы не отплывем сегодня, завтра может случиться так, что корабль уйдет отсюда уже без твоего разрешения и совсем не туда, куда тебе хотелось бы.

Гейр сказал:

— Многие из тех, кто приплыл со мной, сейчас на берегу, и я не смогу за один день оповестить их всех о нашем уходе.

Тогда Ивар дал Гейру кошель с золотыми и сказал:

— Святая церковь окупит все твои расходы. И я обещаю, что конунг не только не разгневается, но и наградит тебя.

И вот Гейр приказывает поднять якорь и поставить паруса. Трещотка отплывает так поспешно, что все норвежские купцы остаются на берегу.

У Заслон-горы они поворачивают на восток и плывут напрямик к берегам Исландии. Во время этого плавания дурные сны совсем одолели Ивара. Он постоянно твердит, что видит кругом призраков, однако другие люди на корабле не замечают ничего необычного. Вскоре корабль натывается на сплошную полосу льда, которой конца не видно ни на севере, ни на юге. Гейр убежден, что этого льда здесь не было, когда они плыли из Норвегии. Норвежцы видят, что старым морским путем в Исландию не пройти, и поворачивают на юг. Вскоре поднимается сильная буря, и Трещотка едва не погибает. Потом они долго плывут в густом тумане и не могут понять, где находятся. Ивар совсем перестает спать и мечется по кораблю, словно помешанный. Он целыми днями молится и заставляет всех делать то же самое. Вот однажды Гейр спрашивает Ивара, почему ему так не идет.

— Нам и без того приходится несладко, а ваши поступки, святой отец, не прибавляют людям мужества.

Епископ закатывает глаза и говорит:

— Тяжела десница Господня и праведен гнев Его. Истинно говорю вам:

*Льды кораблям
Путь преградили,
Бури взъярились,
Будет нам праздник!*

Пойди, Гейр, и убей колдунью Торбьёрг: вон она взбирается к нам на корму.

Тогда Гейр связывает епископа и держит связанным до конца плавания.

Поздней осенью Трещотку отнесло к берегам Ирландии, и Гейр остался там на зиму. На берегу рассудок вернулся к Ивару. Весной они вышли в море и благополучно прибыли в Бьёргюн. Там Ивар сразу же сел на попутный корабль и приехал в Трандхейм. Прямо с корабля он направился к Эйрику архиепископу, исповедывался у него и получил отпущение грехов. Ивар хотел сразу же ехать к Магнусу конунгу, но архиепископ уговорил его провести зиму у него в Трандхейме.

Весной в Норвегии началась жестокая хворь, какой там никогда не бывало. Эта хворь называется Черная смерть. Она поразила также и другие христианские страны и дошла до Миклагарда и Гардарики. Рассказывают, что в то лето от нее умерла четверть всех христиан. Города в Норвегии совсем опустели. Ни один корабль не отходил от пристаней. Конунг запретил людям переезжать из одного селения в другое. Конунга эта напасть застала на востоке, в Вике. Он укрылся в усадьбе в Тунсберге, и к нему никого не пускали. На другой год Черная смерть начала утихать, но тут страну поразила другая болезнь, еще более тяжелая. Это была та хворь, которую называют оспой и от которой все тело покрывается черными язвами. Народ был очень напуган этими невзгодами. Говорили, что не иначе, как сам дьявол пришел в Норвегию, чтобы искоренить здесь адамово семя.

Все время, пока продолжались эти напасти, Ивар, сын Барда, жил у архиепископа в Трандхейме. Ему пришлось провести там три зимы. Наконец было разрешено свободно передвигаться по стране, и Ивар отправился к конунгу в Вик. Магнус, сын Эйрика, принял его и спросил, что нового в Гренландии. Тогда Ивар рассказал конунгу обо всем, что там произошло. Он сказал:

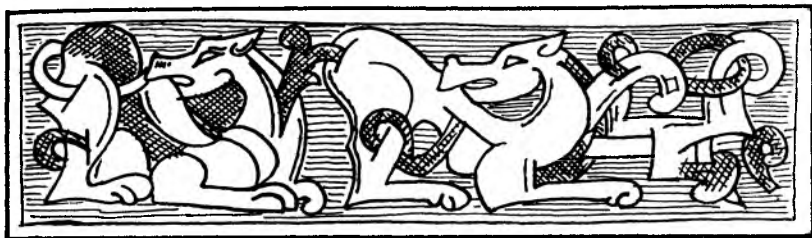
— Если вы, государь, не пошлете туда, сильное войско и не унич-

тожите мятежника Эрлинга Сигхватсона, вы не только потеряете это свое владение, но и обречете на гибель всех христиан, которые там остались.

Конунг сказал:

— Дурные это вести и тревожные. Не думал я, что в наше время кто-то еще помнит языческую веру. Теперь я вижу, что слишком мало заботился о Гренландии, хоть мне и нет от нее никакого проку. Я пошлю туда войско, как только смогу. Но это случится не раньше, чем через три или четыре зимы, потому что сейчас у моих воинов есть дела поважнее.

После разговора с конунгом Ивар уехал из Норвегии и отправился в Румаборг, чтобы сам папа отпустил ему грехи. Из этой поездки он не вернулся, и больше об Иваре ничего не рассказывают.

XVIII

Теперь надо рассказать о гренландцах.

Атанган узнал о бегстве Трещотки и сказал:

— Напрасно мы не захватили этот корабль сразу, как только он пришел, но кто мог предвидеть, что они уплывут, не закончив торговлю. Теперь, думаю, нам нечего тут больше караулить: епископ улизнул.

Тогда все язычники с острова Эйриксей поднимаются на корабль и плывут в Вестрибюгд. Там они все рассказывают Эрлингу. Эрлинг же говорит, что это не беда.

— Нет такого места, где Ивар смог бы укрыться от моего проклятия.

Потом Эрлинг собирает дружину и держит такую речь:

— Пора нам поискать такое место, куда мы все могли бы переселиться. На это есть две причины. В Норвегии скоро узнают обо всем, что здесь произошло, и тогда конунг пошлет сюда большое войско, чтобы разделаться с нами. Я не хочу доставлять ему такую радость. Лучше всего будет, если норвежцы не найдут в Вестрибюгде ни одного человека. Пусть тогда ищут нас, где хотят. Другая причина такая: зимы здесь становятся раз от раза все холоднее, и так будет продолжаться и впредь. Если мы останемся в Гренландии, очень скоро у нас будет хватать сил только на то, чтобы выжить.

Я хочу как можно скорее отправиться в разведывательное плавание на юг и на запад. Мы должны разыскать те земли, которые открыл Лейв, сын Эйрика. Мы найдем там подходящее место для поселения и вернемся, чтобы забрать остальных.

Дружинники поддержали это решение конунга. Многим из них хотелось поискать счастья в новых землях. Эрлинг выбрал для пла-

вания сорок человек, и весной они отплыли из Вестрибюгда на двух кораблях. Лейвовым кораблем правил Эрлинг, а Ангой — Бьёрн. Те из дружинников, у кого были жены, взяли их с собой. С ними поехали также несколько незамужних девушек, и среди них Сигрид, дочь Финнбоги.

Надо сказать, что после резни, которую устроил Ивар епископ, в Вестрибюгде осталось совсем мало женщин. В то время, о котором здесь рассказывается, язычники завели такой обычай: женщина могла жить сразу с двумя мужьями, и это не считалось позором. Однако соглашались на это не многие.

Лейвов корабль и Анга плыли семь дней с северо-восточным ветром и подошли к незнакомой земле. Она была почти полностью покрыта льдом. Только у самого берега было немного голых скал и камней. Нигде не было видно ни кустов, ни мха.

Эрлинг сказал:

— Похоже, мы приплыли в страну, которую Лейв открыл первой во время своего плавания. Лейв назвал ее Хеллуланд, потому что тогда здесь было много больших каменных плит, а ледники не подходили так близко к морю, как сейчас.

Викинги поплыли на юг вдоль берегов Хеллуланда, чтобы разведать страну. Во время этого плавания они добыли много морского зверя и нагрузили корабль мясом и шкурами. Они не встретили в Хеллуланде людей и не видели следов жилья. Все же Атанган и Инапалук считали, что это и есть та западная страна, откуда предки инуитов пришли в Гренландию. Люди решили, что в Хеллуланде не стоит селиться.

Эрлинг сказал:

— Лейв рассказывал об этой стране, что в ней нет ничего хорошего. Видно, с тех пор здесь лучше не стало. Поплывем на юго-восток и посмотрим, не удастся ли нам отыскать более приветливые земли.

Эрлинг повернул корабли в открытое море. Через шесть дней викинги снова увидели землю. Когда они подошли к берегу, то оказалось, что весь эта земля сплошь покрыта лесом.

Эрлинг решил, что они нашли ту страну, которую Лейв назвал Маркландом. Он сказал:

— Никогда мне еще не приходилось видеть таких красивых бе-

регов. Теперь уж никто не скажет, что мы напрасно отправились в этот поход.

Эндриди сказал, что не поверит своим глазам, пока не потрогает эти деревья. Язычники поспешно спустили лодки и высадились на берег. Там они принялись разглядывать деревья, и радовались, что нашли такое богатство. Потом они нарубили сучьев и сложили большой костер.

Эрлинг решил остаться в Маркланде на зиму и разведать страну. Воины стали валить лес и строить дома, а Атанган и Инапалук отправились на разведку вглубь страны.

Через пять дней инуиты вернулись и рассказали, что нашли селение скрелингов, в котором говорят на том же языке, что и в Гренландии. Эти скрелинги настроены очень воинственно и не терпят в своих землях чужеземцев. Потом Атанган показал Эрлингу какие-то ягоды и сказал:

— Посмотри, что мы нашли. Ты говорил, что здесь растет виноград, и мы подумали, что это он и есть.

Эрлинг долго разглядывал ягоды и пробовал их на вкус. Потом он сказал:

— Непростое это дело. Навряд ли кто-нибудь из нас сможет сказать наверняка, виноград это или что-то другое.

Пока продолжалась постройка домов, люди ночевали на кораблях.

Однажды Эрлинг, Бьёрн и еще шестеро дружинников встали раньше других и первыми приплыли на берег. С ними была Сигрид, дочь Финнбоги. Мужчины сразу же пошли за бревнами, а Сигрид направилась к домам. Там строители оставили несколько топоров. Внезапно из леса выбегают три скрелинга и бросаются к Сигрид. Она говорит на языке скрелингов:

— Остановитесь, здесь женщина, которая никому не желает зла.

Скрелинги пытаются схватить Сигрид, но она поднимает дровяной топор и рубит одного из них по голове, так что тот падает и умирает на месте. Остальные двое все же хватают ее и тащат в лес. Сигрид громко зовет на помощь.

Эрлинг и Бьёрн услышали ее и бросились в погоню за скрелингами. Вскоре они догнали их и убили. Сигрид была вся в крови, и у нее была вывихнута рука. Все же она сама дошла до домов и ни разу

не пожаловалась на боль. Эрлинг вправил ей руку, а раны и ушибы вылечил заклинаниями.

Вскоре дома были готовы, и люди перенесли туда свои спальные мешки. Неподалеку от домов текла небольшая река. В конце лета в ней начался ход лосося, и викинги заготовили на зиму много рыбы. Эрлинг несколько раз посылал разведчиков вглубь страны и в обе стороны по берегу. Разведчики заходили очень далеко, но никто из них так и не увидел конца этого леса, в котором они остановились.

В начале зимы к домам викингов подошло большое войско туземцев. Эрлинг приказал воинам надеть тяжелую броню и сказал:

— Нам нечего бояться, ведь у этих скрелингов нет железного оружия: здесь, к счастью, не было попов, чтобы снарядить наших врагов для войны с нами.

Дружинники пошли на скрелингов сомкнутым строем. Копья и стрелы скрелингов не могли пробить их броню: костяные наконечники ломались, как только ударялись в железо. После недолгой схватки скрелинги обратились в бегство. Больше они не пытались нападать и ни разу не появились поблизости за все то время, пока викинги жили в Маркланде.

Зима была короткой и теплой, и море рано освободилось ото льда.

Однажды в начале весны Бьёрн пришел к Сигрид и спросил ее, не хочет ли она стать его женой. Та ответила, что ей нужно подумать. Случилось так, что в тот же день Эрлинг пришел к Сигрид с теми же словами, что и Бьёрн. Тогда Сигрид рассказала ему о сватовстве Бьёрна. Эрлинг рассмеялся и сказал:

— Теперь у тебя есть выбор.

Сигрид сказала:

— Меньше всего мне хотелось бы стать причиной распри между вами. Попробуйте сначала сами договориться друг с другом, а я-то в любом случае не окажусь в проигрыше.

Тогда Эрлинг позвал Бьёрна и сказал:

— Я давно замечал, что мы с тобой часто и думаем, и поступаем одинаково. Теперь вот мы умудрились посвататься в один день к одной и той же женщине. Хорошо бы нам уладить это дело полюбовно.

Во время этого разговора Эрлинг держался приветливо, Бьёрн же был мрачен. Он сказал:

— Ты, Эрлинг, у нас первый во всяком деле. Но на этот раз я тебя опередил.

Эрлинг сказал, что это не имеет значения.

— В том деле, о котором мы ведем речь, не обязательно выигрывает самый торопливый.

Бьёрн сказал:

— Ты, верно, хочешь воспользоваться новым обычаем и предложить Сигрид вступить в двойной брак.

Эрлинг сказал, что не хотел бы этого, но готов согласиться и на такое, если не найдется другого выхода. Тут Сигрид сказала, что она еще не так давно перешла в язычество, чтобы привыкнуть к этим обычаям.

— Скорее я откажу вам обоим, если вы не придумаете ничего более достойного.

Эрлинг сказал:

— Тогда тебе придется уступить, Бьёрн. Все-таки не так уж плохи наши дела, чтобы даже лучшие люди не могли найти себе жен.

Бьёрн сказал:

— Ты, Эрлинг, напрасно так на меня смотришь. Сейчас тебе не помогут твои чары. Я не вижу причин, почему я должен уступать, и не увижу их, как бы ты не старался.

Эрлинг сказал:

— Теперь мне ясно, что ты не хочешь решить это дело мирно. Что же ты предлагаешь?

— Я предлагаю честное состязание. Расстелим шкуру быка и будем метать в нее копья. Кто точнее попадет, тот и победил.

Эрлинг сказал:

— Ты, конечно, думаешь, что у тебя это выйдет так же хорошо, как у того скрелинга, с которым я состязался на севере. Что ж, будет справедливо, если в споре победит сильнейший. Только сначала я попрошу тебя оказать мне одну услугу. Мое лучшее копье лежит в трюме на Анге. Привези мне его. Думаю, ты не откажешься исполнить такое незначительное поручение.

Корабли уже были спущены на воду и стояли на якорях довольно далеко от берега. Бьёрн садится в лодку, доплывает до Анги и забирается на корабль. Эрлинг стоит на мысу и смотрит ему вслед. Внезапно с берега налетает сильный ветер, и сразу же начинается буря. Эрлинг зовет нескольких дружинников и говорит:

— Бьёрн поплыл на Ангу и теперь не сможет один догрести до берега. Возьмите самую большую лодку и заберите его оттуда.

Шестнадцать воинов садятся в лодку и быстро добираются до корабля. Как только они поднимаются на палубу, сильный порыв ветра обрывает у Анги якорную цепь. Корабль уносит в море, и вскоре он исчезает из виду.

Бьёрн и его спутники долго плыли в открытом море. Небо было затянуто тучами, и они не знали, куда плывут. Во время бури они потеряли обе лодки. Через некоторое время на Анге кончилась пресная вода. Люди ловили рыбу и ели ее сырой. Многие из них так обессилели, что целыми днями лежали на палубе и не могли подняться. Наконец они подошли к какой-то земле. Бьёрн направил корабль в ближайший фьорд. Там были крутом одни скалы, и люди боялись, что корабль разобьётся, потому что с моря дул сильный ветер. Они спустили паруса, но их продолжало нести на скалы, и у них не хватало сил выгрести. Бьёрн сказал:

— Теперь понятно, почему Эрлинг отправил меня на Ангу. Ведь на Лейвовом корабле был запасной якорь!

Тут ветер неожиданно стих. Анга медленно подошла к отвесной скале и встала, точно у пристани. Бьёрн и его спутники выбрались на берег. К ним подошли какие-то люди и заговорили с ними по-норвежски. Бьёрн спросил, где они находятся, и те ответили, что в Исландии.

Место, куда они попали, называлось Страум-фьорд. Исландцы были очень удивлены, что Бьёрну удалось причалить и высадиться без якоря и лодок. Они помогли гренландцам поднять Ангу на берег, и Бьёрн заплатил им за это лесом и шкурами из того груза, что был на корабле. Днище у Анги было пробито в нескольких местах, потому что корабль долго било прибоем о камни. Бьёрн и его люди только к осени успели заделать все пробоины, и им пришлось зимовать в Исландии. На другое лето они вышли в море и благополучно прибыли в Вестрибюгд.

После того как Ангу унесло в море, Эрлинг пришел к Сигрид и сказал:

— Думаю, для нашего брака больше нет препятствий.

Сигрид сказала:

— Тут мне нечего возразить.

Они сыграли свадьбу этой же весной в Маркланде. Вскоре после этого Эрлинг собрал своих людей и сказал:

— Хорошие здесь места, но, может быть, нам удастся найти страну еще лучше этой. Поплывем отсюда на юг, потому что мудрые люди говорят: чем дальше на юг, тем лучше земли.

Гренландцы поднялись на корабль и отправились в путь. Они пробыли в море пятнадцать дней и увидели землю. В том месте, где они подошли к берегу, в море впадала большая река. Здесь тоже кругом был лес, как и в Маркланде, но деревья были другие. Они проплыли немного вверх по течению реки и попали в озеро. Там они бросили якорь и высадились. На берегу язычники нашли развалины небольшого селения: каменную церковь и остатки восьми или девяти деревянных домов.

Эрлинг сказал:

— Какие-то гренландцы успели побывать тут раньше нас. Но это не дома Лейва, хотя место и похоже на то, о котором он рассказывал. Лейв не стал бы строить церковь.

Язычники решили, что они нашли поселение Эйрика, сына Гнупа, первого епископа Гренландии. Эйрик, как говорили, поехал в Винланд двести зим назад, чтобы утвердить там христианство, и так и не вернулся.

Гренландцы остались в этом селении на зиму. Первое время они жили в церкви, а потом построили себе новые деревянные дома на месте старых. В озере и реке было полно рыбы, а в лесу — зверя. Там водились черные медведи, олени и дикие свиньи. У викингов всегда было вдоволь мяса и рыбы. Эрлинг очень хотел найти виноград, который, по рассказам, рос в этой стране. Он нашел много разных ягод и не знал, какие из них винные, а какие нет. Тогда он стал пробовать делать вино из каждого вида ягод. Так он изготовил много напитков. Один из них оказался ядовитым, и те, кто его пил, заболели. Другие же были хороши на вкус. Викинги заготовили несколько бочек этих напитков, чтобы отвезти их в Гренландию. Они нашли также дерево мёсур и загрузили им корабль.

Однажды гренландцы заметили на озере множество каяков и умиаков. Скрелинги плыли прямо к домам. В руках у них были длинные палки, и они махали ими по солнцу. Когда скрелинги высадились на берег, Эрлинг обратился к ним на языке инуитов, но вин-

ландцы не понимали этого языка. Они вынесли из лодок много пушнины и стали жестами просить оружие в обмен на меха. Эрлинг настрого запретил давать скрелингам оружие и сказал:

— Принесите лучше каких-нибудь других товаров, раз уж эти туземцы вздумали с нами торговать.

Тогда гренландцы предложили скрелингам красную ткань, которая была у них на корабле. Скрелинги охотно согласились на такой обмен. Они оставили викингам все свои меха, а с собой увезли полсотни локтей красной ткани.

Зима была очень теплая, и снега выпало совсем немного. Весной викинги стали собираться в обратный путь. Они решили переселиться в эту страну, потому что считали, что нет на свете земель лучших, чем эта. Они вышли в море и плыли четыре недели, пока не прибыли в Вестрибюгд. Эрлинг приплыл туда в один день с Бьёрном, так что многие подумали, будто они и не расставались. Эрлинг и Бьёрн никогда не вспоминали на людях о своей размолвке.

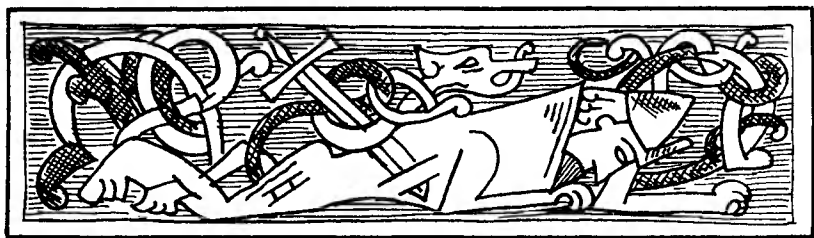
В Вестрибюгде настали очень голодные времена. Зверя и рыбы стало совсем мало, хлеб не родился, а зимы были такие холодные, что несколько человек замерзли насмерть в своих домах, когда у них кончилось топливо для очага. Язычники спешно готовились к переселению в Винланд. Они построили себе четвертый корабль из леса, который привезли Эрлинг и Бьёрн, и из верхней части стейненснесской церкви.

На четвертое лето после того, как Эрлинг вернулся из разведывательного плавания, все жители Вестрибюгда поднялись на корабли и направились на юго-запад.

Всего их было двести сорок человек. Они взяли с собой много скота, оружия и другого добра, так что корабли были нагружены доверху. Все золото и серебро, которые у них были, они свалили в кучу на Стейненснесе. На вершину этой груды Эрлинг положил крест Паля священника и голову Кетилия Тюленя.

Язычники пробыли в море два месяца и благополучно достигли берегов Винланда. Они завели корабли в озеро и высадились в поселении Эйрика Гнупсона. Гренландцы построили там много домов и обнесли селение высоким частоколом. Потом они расчистили и вспахали большое поле и посеяли там ячмень и пшеницу. Урожай был так велик, что зерно было негде хранить.

Гренландцы были очень довольны, что попали в такую благодатную страну. В первую зиму, которую они провели в Винланде, у Эрлинга и Сигрид родился сын. Его назвали Лейвом. Скрелинги несколько раз приходили в селение гренландцев торговать пушниной. Люди Эрлинга хорошо ладили с ними, так что между туземцами и викингами не было никаких стычек. Сам Эрлинг и некоторые из его дружинников выучились языку винландских скрелингов. Переселенцы считали, что будут жить в этой стране долгие годы в мире и благополучии

XIX

На службе у Магнуса конунга был человек по имени Паль, сын Кнута. Паль был лендрманом и очень знатным человеком. Он был также опытным воином и не раз побеждал врагов конунга в морских сражениях. Отец Паля, Кнут, был убит в Гренландии во время нападения Ивара на Вестрибюгд.

В то лето, когда Эрлинг и все язычники покинули Гренландию и переселились в Винланд, Магнус конунг позвал к себе Паля и сказал:

— Нам стало известно, что в Гренландии появился некий самозванец по имени Эрлинг Сигхватсон. Он объявил себя конунгом и подчинил себе всю страну. Это, однако, не главное его преступление. Хуже всего то, что он отвращает людей от истинной веры и склоняет их к язычеству. Наши предки потратили немало сил, чтобы христианство утвердилось в Гренландии и сохранилось там поныне. И мы не хотим, чтобы в наше время христианство погибло в этой стране, хоть мы и не получаем от нее ничего, кроме убытков. Я поручаю тебе, Паль, возглавить военный поход в Гренландию. Я дам тебе пять кораблей и три сотни отборных воинов. Вы должны разгромить язычников и привезти сюда самозванца, живого или мертвого. Эти мятежники умеют скрываться в самых глухих местах, но ты должен найти их, где бы они ни были. Если ты удовлетворишь эту мою волю, я сделаю тебя самым богатым человеком в стране. Если нет — не жди больше моих милостей.

На другое лето Паль вышел в море из Бьергюна с тем войском, которое ему дал конунг. Корабли Паля благополучно добрались до Исландии. Там норвежцы взяли запас воды и пищи для долгого плавания в Гренландском море. Из Исландии они направились на юг, чтобы обойти льды. В трех днях пути от Исландии они попали в

сильную бурю, во время которой корабли потеряли друг друга. Однако все они после долгих скитаний и тягот прибыли в Гренландию и встретились в Эйриксфьорде в Восточном поселении.

Паль тут же отправился на ближайший двор. Там жил человек по имени Грим, о котором было рассказано раньше. Паль сказал:

— Не знаешь ли ты, где нам найти самозванца и мятежника Эрлинга Сигхватсона?

Грим ответил:

— Рад бы я вам помочь, да не могу. Ведь я даже не слышал о таком человеке.

— Не может этого быть, — сказал Паль. — Ты, наверное, его общник, раз скрываешь от меня, где он прячется.

Грим продолжал стоять на своем. Тогда Паль приказал схватить Грима и пытать его, пока он не скажет все, что ему известно об Эрлинге. Как только Грим увидел крюки и раскаленные клещи, у него сразу развязался язык, и он сказал:

— Смилуйтесь, государь. Эрлинг и вся его дружина на западе, в Вестрибюгде. Если же вы их там не найдете, то вам придется отправиться за море в западные земли. Эрлинг говорил, что собирается туда переселиться.

Паль отпустил Грима и в тот же день отправился в Вестрибюгд. Норвежцы высадились на Стейненснесе и нашли там груды золота и серебра. Воины набросились на сокровища и стали вырывать их друг у друга. Дело дошло до драки, и несколько человек получили раны. Паль приказал дерущимся вложить мечи в ножны и отнести все золото на корабль. Он сказал:

— Мы еще не заработали это богатство. Как только Эрлинг будет у нас в руках, я выдам каждому его долю.

Норвежцы обыскали все поселение и не нашли ни людей, ни скота. Тогда Паль сказал:

— Видно, язычники сбежали за море, как и говорил этот дурень в Аустрибюгде. Нам придется плыть за ними на запад в неизвестные земли, потому что конунг велел найти Эрлинга, где бы он ни был.

Паль послал один из своих кораблей в Восточное поселение, чтобы узнать у жителей все, что рассказывают о плаваниях в Винланд. Норвежцы остались на зиму в Вестрибюгде. Зимой они сильно страдали от холода. К тому же в войске Паля началась оспа, от кото-

рой за зиму погибло пятнадцать человек. Тем не менее Паль не переменил своего решения, и в начале лета все пять кораблей отплыли из Вестрибюгда. Они направились на юго-запад и достигли берегов Хеллуланда. Здесь Паль не стал высаживаться, и они плыли дальше на юг, пока не прибыли в Маркланд. Там они нашли дома, в которых зимовали язычники во время разведывательного плавания. Паль сказал:

— Мы избрали верный путь и идем по горячему следу.

Норвежцы зазимовали в Маркланде. За лето и зиму в войске Паля погибло от оспы и других хворей тридцать человек.

Весной они поплыли дальше и благополучно добрались до Винланда. Там они принялись двигаться вдоль берега на юг, и каждый день высылали разведчиков. Вскоре они приблизились к устью реки, где выше по течению находилось селение язычников. В это время несколько гренландцев ловили в море рыбу. Они заметили корабли и спешно направились к берегу. Там они спрятали лодку и со всех ног побежали через лес к озеру. Они не останавливались, пока не добрались до селения. Там они рассказали Эрлингу о том, что увидели. Эрлинг собрал войско и сказал:

— Проклятые христиане разыскали нас и здесь. На этот раз нам придется тяжело. Никогда мы не дрожали перед христианами, и я надеюсь, что не дрогнем и теперь, потому что для героев нет ничего желаннее, чем смерть в бою. Не будем дожидаться, пока они пожалуют в селение. Встретим врагов, как подобает воинам.

Дружинники Эрлинга поднялись на корабли, вышли по реке в море и двинулись прямо на норвежцев. Эрлинг стоял на носу Лейвова корабля, Бьёрн — на носу Анги, Атанган шел на Умиарсваге, а четвертым кораблем правил Эндриди. Язычников было восемьдесят против двухсот пятидесяти.

Паль, сын Кнута, повернул свои корабли навстречу викингам. Ветра не было, так что и те, и другие шли на веслах. Лейвов корабль первым подошел к норвежцам и сошелся бортами с самым большим из вражеских кораблей. У Лейвова корабля борта были немного выше. Язычники принялись бросать в норвежцев копья и камни и убили нескольких воинов. Тогда Паль приказал своим людям взбираться на корабль Эрлинга.

— Лезьте смелее, ведь их всего жалкая горстка: по одному разбойнику на троих наших.

Норвежцы рванулись вперед. Эрлинг схватил секиру и зарубил троих латников, а остальных удалось сбросить обратно. Теперь гренландцы принялись прыгать на корабль Паля. Там началась яростная схватка. В это время три других норвежца вступили в бой с кораблями Бьёрна, Атангана и Эндриди, а четвертый стал подходить к правому борту Лейвова корабля. Атанган увидел, что Эрлингу угрожает опасность сразу с двух сторон. Тогда он позвал Инапалука, и они сели в каяки и затянули пояса. Инуиты принялись грести и подплыли к тому кораблю, что подходил к Эрлингу справа. Они подошли к самому борту и прорубили в днище большую дыру. В трюм хлынула черная, как уголь, вода, и норвежский корабль стал быстро тонуть. В это время он уже сошелся с Лейвовым кораблем, и люди Эрлинга с трудом защищали оба борта. Тут норвежцы заметили Атангана и Инапалука и принялись бросать в них копья и стрелять из луков. Инуиты не успели далеко отплыть, и оба погибли. Норвежские латники стали прыгать с тонущего корабля. Некоторые из них уцепились за борт корабля Эрлинга, но гренландцы поотрубали им руки и сбросили их в море.

Тем временем другие норвежцы ворвались на Умиарсваг. После жестокой схватки они очистили весь корабль от носа до кормы и прокричали победный клич.

Все язычники, которые прыгнули на корабль Паля, были убиты. Теперь битва продолжалась уже на Лейвовом корабле. Эрлинг посмотрел на низкие тучи, которые застилали все небо, и сказал:

— Сегодня Анга не даст им победы.

После этого он отбросил щит и ринулся в бой с одной секирой в руках. Он зарубил восемнадцать человек, а остальным пришлось отступить на свой корабль. Тут с юга налетел сильный порыв ветра, и корабли разметало по морю. Затем ветер стих так же внезапно, как начался. Воины на Лейвовом корабле принялись грести к берегу. Эрлинг приказал поднять паруса, хотя в то время был мертвый штиль. Бьёрн и Эндриди увидели паруса на корабле конунга и сделали то же самое. Тут снова подул ветер. Пока норвежцы ставили свои паруса, гренландцы успели далеко опередить их. Они поднялись по реке и вошли в озеро. На Лейвовом корабле осталось восемь воинов, у Бьёрна — шестнадцать и у Эндриди — одиннадцать. Почти все они были ранены. Эрлинг был бледен и едва держался на ногах. Он сказал:

— Эта битва отняла у меня все силы, и хуже всего то, что она еще не окончена.

После этого он произнес несколько слов, которых никто не слышал, и упал на палубу, как будто мертвый.

В это время ветер на море все усиливался и вскоре перешел в бурю. Корабли Паля еще только входили в реку. Бурей им сломало все мачты, и их выбросило на мель. Волны вскоре разбили корабли в щепки. Паль и его люди выбрались на берег и сразу принялись вылавливать из воды свое добро, которое плавало там повсюду. Норвежцы не стали дальше преследовать язычников и остались в устье реки, чтобы отдохнуть после битвы. Паль сказал:

— Мало славы принесло нам это сражение. Сказать по правде, я не ожидал такого яростного нападения. Эти язычники, как видно, отчаянные храбрецы. И все же только буря спасла их сегодня от гибели.

Паль потерял в этом сражении девяносто человек убитыми, и столько же получили раны.

Эрлинг долго лежал без памяти. Один раз кто-то из язычников сказал:

— Эрлинг умер! Посмотрите, он больше не дышит.

Тогда Бьёрн сказал:

— Этот колдун не умрет. Он не оставит нас в такое тяжелое время. Если бы не он, мы все уже лежали бы на морском дне.

Гренландцы собрались на тинг, чтобы решить, что им делать дальше. Бьёрн сказал:

— Мы храбро сражались сегодня и покрыли себя славой. Но теперь нас осталось слишком мало, чтобы вступать с христианами в открытый бой. Никто из нас не боится смерти, но мы знаем, как поступают христиане с нашими женами и детьми, когда те оказываются у них в руках. Думаю, нам нужно уходить отсюда на запад вглубь страны. Боги помогут нам уйти от погони.

Люди спешно погрузились на корабли, переплыли озеро и вошли в какую-то реку, которая в него впадала. Там было селение скрелингов, что торговали пушниной. Нанук сказал:

— Здесь я хочу сойти на берег. От меня все равно нет никакого проку с тех пор, как я лишился руки. Теперь я постараюсь сослужить вам хорошую службу. Я поступлю с христианами так же, как они когда-то поступили с вами.

Нанука отвезли на берег. Сигрид сказала:

— Вот и ты уходишь, Нанук. Теперь нас осталось совсем мало.

Язычники поплыли вверх по реке. Вскоре Эрлинг очнулся и узнал, что они покинули селение и плывут на запад. Он сказал:

— Вы поступили правильно. Слишком многих мы потеряли. До сих пор с нами была удача во всяком деле, и я так привык к этому, что пытаюсь теперь идти против судьбы. Не напрасны ли все мои дела и моя жизнь, если ноша, которую я взвалил на себя, окажется непосильной?

Бьёрн сказал:

— Что нам не по силам, того никто не сделает.

Гренландцы плыли по реке двадцать дней и попали в другое озеро, намного больше первого. Там они остановились на зиму. У входа в озеро они устроили завал из деревьев, а ниже по реке несколько воинов днем и ночью стояли в дозоре, чтобы предупредить Эрлинга о появлении норвежцев.

XX

Нанук пришел в селение скрелингов — а эти винландские скрелинги живут в шалашах из палок и шкур — и обратился к ним на их языке. Он сказал:

— Мы с вами долго жили по соседству и никогда не ссорились. Думаю, что у вас нет причин не доверять нам. Я расскажу о несчастье, которое случилось с нами и в скором времени может коснуться и вас. В эту страну пришли наши давние враги, люди жестокие и свирепые. Называются они христианами. Эти люди поклоняются кресту и постоянно воюют. Только что они напали на нас, гренландцев, и убили многих воинов. Остальные едва успели убежать. Теперь христиане намерены подчинить себе ваш народ. Надо сказать, что у них есть такой обычай: в захваченных селениях они убивают всех женщин, детей и немощных, а некоторых даже сжигают живьем для пущей забавы. Если вы хотите спастись, вам нужно напасть на христиан и перебить их всех, пока они не успели опомниться.

У скрелингов, к которым пришел Нанук, не было конунга, а правили ими судьи. Судей выбирали из самых старых и мудрых людей. Старики там были в большом почете. Один из этих стариков ответил Нануку:

— Мы благодарны тебе за предупреждение и добрый совет. Может быть, мы сделаем, как ты сказал. Только сначала нам надо самим взглянуть на этих христиан. Попробуем немного поторговать с ними: вдруг они дадут нам такую же красивую красную ткань, как и вы.

Надо сказать, что все скрелинги в селении носили на головах повязки из этой ткани.

Нанук остался у туземцев, и вскоре его стали считать там за свое-

го. Винландские скрелинги оказались людьми простоватыми, если не сказать бестолковыми. Они постоянно откладывали поход к христианам, и так продолжалось до самой зимы.

Теперь мы расскажем о Пале, сыне Кнута. Свою первую зиму в Винланде он провел там, где разбились его корабли. Норвежцы построили из обломков несколько лодок и весной поплыли вверх по реке на поиски Эрлинга. Третьей части войска не хватило места в лодках, и они пошли пешком по берегу. Вскоре они нашли покинутое селение гренландцев. Паль решил оставить здесь половину людей, а остальных послать на разведку в разные стороны. Норвежцы обыскали берега озера и нашли три реки, в которые могли войти корабли. Тогда разведчики разделились и поплыли вверх по этим рекам.

В это время скрелинги собрали свои меха и явились к Палю в селение Эйрика Гнупсона. Нанук поехал с ними. Они разложили товары на берегу и сказали Нануку:

— Спроси у христиан, дадут ли они нам в обмен какое-нибудь оружие или хотя бы красную ткань.

Нанук был одет так же, как все скрелинги. Он обратился к норвежцам на их языке и при этом сильно коверкал слова. Он сказал:

— Пусть чужеземцы дадут скрелингам за эти меха две полных лодки оружия и сотню локтей красной ткани.

Паль рассмеялся и сказал:

— Мы приехали сюда не для торговли. Нам не нужны ваши меха. Лучше уходите по-хорошему, откуда пришли. А если вы скажете, куда направились те люди, что научили вас нашему языку, я щедро награжу вас.

Нанук сказал скрелингам:

— Христиане говорят, чтобы мы оставили товары и убирались, пока они не сожгли нас заживо.

Скрелинги подняли крик, бросили свои меха и поспешно поплыли обратно на другую сторону озера.

После этого Паль приказал перестроить каменную церковь так, чтобы она могла служить одновременно и крепостью. Он сказал, чтобы ее сделали по образцу церкви святого Олава в Тунсберге. Норвежцы принялись за работу и закончили ее к началу зимы.

Весной два отряда разведчиков вернулись в Эйриково поселение.

Они сказали, что прошли много сотен миль на юг и на север по разным рекам и озерам и нигде не встретили следов гренландцев.

Третий отряд направился на запад по той реке, куда вошли корабли Эрлинга. Вскоре они достигли места, где находились дозорные язычников. Те заметили их и побежали короткой тропой через лес к селению. Эрлинг выслушал дозорных и сказал:

— Постараемся сделать так, чтобы никто из этих разведчиков не вернулся домой.

Воины идут к завалу и устраивают там засады на обоих берегах. Тут появляются норвежцы. У завала они останавливаются и подходят к берегу, чтобы перенести лодку. Они не замечают врагов до тех пор, пока те не начинают стрелять в них. Стрелы летят в христиан со всех сторон, и те не знают, куда бежать. Наконец они бросаются к своей лодке. Тогда викинги выскакивают из укрытий и обрушиваются на бегущих. Они убивают восемнадцать человек и двоих берут в плен. После этого язычники возвращаются в свой лагерь.

В середине лета старейшины скрелингов сказали Нануку:

— Мы долго обдумывали твои слова и решили, что ты был прав. Теперь мы хотим напасть на христиан и прогнать их из страны.

Нанук сказал:

— Долго вы думали, это точно.

Скрелинги сказали:

— Мы просим тебя, чтобы ты сам вел нас в бой и говорил, что делать. Ведь никто, кроме тебя, не знает, как лучше воевать с христианами и в чем их сила и слабость.

Нанук согласился командовать войском и сказал:

— Мы почти во все уступаем христианам: и в оружии, и в выучке, и в хитрости. У нас есть только одно преимущество: нас больше, и мы должны это использовать. Нужно напасть на них сразу со всех сторон и не останавливаться, пока последний враг не будет убит.

Нанук взял двести воинов и повел их по берегу к селению Эйрика. Столько же скрелингов поехали в умиаках напрямик через озеро. Они махали палками против солнца. Норвежцы заметили сначала только это второе войско. Они вооружились и вышли на берег. Там они принялись стрелять из арбалетов с опор, и многие скрелинги были убиты, но большинство все же добралось до берега. Здесь началась схватка. Оружие скрелингов не могло пробить броню нор-

вежцев, но винландцы свободнее двигались и легко уворачивались от ударов. Они бросались всемером или восьмером на одного латника, валили его на землю и разбивали ему голову камнями. Все же скрелингов погибало намного больше. В это время Нанук привел свое войско к селению со стороны леса. Скрелинги стали перелезать через изгородь, и воины Паля заметили это только, когда их лагерь был уже полон врагов. Паль повел половину своих людей на войско Нанука. Теперь битва шла уже в двух местах: на берегу и возле домов. Вскоре те скрелинги, что приехали на лодках, обратились в бегство. Немногим из них удалось добраться до лодок и отплыть от берега. Норвежцы не стали их преследовать и поспешили на помощь Палю.

Нанук конунг увидел под стеной одного из домов кучу сухих дров. Он высек огонь и поджег сучья. Вскоре весь дом запылал, и от него стали отлетать горящие головни. Скрелинги хватали их и бросали в латников. Несколько норвежцев пробились к каменной церкви, заперлись там и начали стрелять в скрелингов из окон. Паль крикнул своим воинам:

— Схватите однорукого, похоже, он тут главный.

Тогда все норвежцы разом ринулись к Нануку. Они разогнали тех скрелингов, что пытались его защитить, и схватили его. Скрелинги увидели это и бросились бежать. Почти всех их перебили, пока они перелезали через изгородь. Немногие уцелевшие скрылись в лесу.

В этой битве Паль потерял убитыми пятьдесят человек, а скрелингов погибло более трех сотен.

Паль приказал привести к нему пленного. Когда Нанука ввели в дом, он улынулся. Паль сказал:

— Чему ты радуешься? Ведь твое войско разбито.

— Не жаль мне этого войска, — сказал Нанук. — Зато Эрлинг будет доволен, когда узнает о твоих потерях.

Паль сказал:

— Так, значит, это Эрлинг натравил на нас скрелингов?

Нанук ответил:

— Ты, должно быть, очень умен, длинноносый тунит. Тогда ты, наверно, сможешь догадаться и о том, что тебя ожидают еще большие беды, если ты не уберешься из этой страны.

Паль сказал:

— Не надейся, что твоя смерть будет легкой. У тебя есть только одна возможность избежать мучений — сказать, где скрываются мятежники, которых мы ищем.

Нанук сказал:

— К старости я стал плохо слышать. Не понимаю, что ты говоришь, рябой тунит.

Паль вскочил и ударил Нанука по лицу. Потом он приказал принести орудия для пыток.

— Сейчас ты заговоришь по-другому, грязный дикарь.

— Напрасны твои старания, — сказал Нанук. — Из нас двоих ты первый заплачешь.

Норвежцы долго пытали Нанука огнем и железом, но он не сказал ни слова, пока не умер.

XXI

Весной Паль приказывает войску готовиться к походу на запад. Он говорит, что бессмысленно дальше ждать разведчиков, «но скоро Эрлинг заплатит за все».

В то время у Паля осталось восемьдесят воинов. Они отплывают на четырех больших лодках и поднимаются по реке на запад. Дозорные язычников, как и в прошлый раз, предупреждают Эрлинга об их приближении. Эрлинг хочет снова устроить засаду у завала и перебить норвежцев, когда они выйдут на берег. Но дружинники не верят, что смогут справиться с таким большим войском.

Надо сказать, что в то время гренландцы по приказу Эрлинга обучали боевому искусству всех мальчиков, едва тем исполнялось десять зим. И все же у них было куда больше детей, стариков и калек, чем воинов. И вот женщины и калеки начинают говорить, что устали от войны и готовы на все, лишь бы жить в покое и мире.

Эрлинг был сильно опечален, когда услышал эти речи.

Он сказал:

— Последнее сражение отняло у меня почти все силы, а теперь, поистине, боги лишили меня и того немногого, что еще оставалось. Я не стану вас упрекать, хоть вы и знали, что ожидает тех, кто пойдет со мной. Не стану я и настаивать на битве, которой вы не хотите. Теперь нам остается только уходить еще дальше вглубь страны. Торопитесь же: враг близко.

Язычники поднимаются на корабли и плывут на запад через озеро. Эрлинг сказал:

*Боги направят ныне
На запад корабль героев.*

*Рано делить христианам
Красную Грани кладь:
Паль навряд ли получит
Много от Магнуса конунга,
Света земли морского
Коня за свои труды.*

Норвежцы тем временем перетаскивают лодки через завал и входят в озеро. Там они видят корабли язычников. Паль говорит:

— Все же нам удалось нагнать на них страху: в прошлый раз они встречали нас по-другому.

Норвежцы плывут следом за кораблями Эрлинга, но догнать их не могут и только все больше отстают. Корабли пересекают озеро и входят в широкую реку. Сначала течение реки спокойно, но дальше к западу оно становится все более бурным. Дружинники принимают уговаривать Эрлинга бросить корабли и идти дальше пешком. Эрлинг говорит:

— Пусть все перейдут на Лейвов корабль, потому что он плывет быстрее других и не боится подводных камней.

Язычники вытаскивают два корабля на берег, а паруса и всю оснастку переносят на Лейвов корабль. И плывут дальше на запад.

Вот Лейвов корабль подходит к большому водопаду. Эрлинг говорит, что здесь они могут перезимовать, потому что норвежцы, скорее всего, не появятся до весны. Язычники строят землянки и остаются на зиму у водопада. Эрлинг посылает разведчиков узнать, где находятся Паль и его войско. Спустя месяц разведчики возвращаются и говорят:

— Норвежцы остановились в десяти днях пути ниже по реке. Неподалеку от их лагеря много свежих могил. Должно быть, у них началась какая-то хворь, и это их остановило.

Эрлинг выставил дозорных в двух днях пути ниже по реке. В эту зиму многие язычники начали тайно молиться Христу и деве Марии. Зима прошла спокойно.

В начале весны несколько гренландцев заболели оспой. Вскоре болезнь поразила половину людей. Заболел также Лейв, сын Эрлинга. Лейву в то время было шесть зим. Эрлинг постоянно совершал колдовские обряды, но люди продолжали умирать. Тогда Эрлинг сказал:

— Похоже на то, что мое оружие обратилось против меня.

Однажды Сигрид сказала Эрлингу:

— Никто, кроме тебя, не остановит эту беду. Если ты не сделаешь этого, мы все погибнем.

Эрлинг ответил:

— Есть только один способ справиться с напастью, но вряд ли он придется тебе по нраву. Впрочем, я не вижу другого выхода.

После этого Эрлинг взял Лейва, своего сына, и отнес его на корабль. Он развел на палубе большой костер и крикнул так громко, что его услышали на берегу:

— Я отдаю тебе, Анга, то, что мне дороже всего: Лейва и корабль. Пусть эта жертва умиротворит твой гнев. Одного лишь прошу: позволь мне закончить дело, которое ты призвала меня начать.

Эрлинг взял нож, заколол Лейва и бросил его в костер. Вскоре пламя охватило весь корабль. Эрлинг стоял на палубе до тех пор, пока на нем не загорелась одежда. Тогда он прыгнул в воду. Во время этого прыжка волосы и борода Эрлинга вспыхнули, как факел. Сигрид сказала:

— Недаром скрелинги прозвали его Нананом.

Вскоре хворь в лагере язычников утихла. Сигрид какое-то время не разговаривала с Эрлингом и жила в другой землянке, но это продолжалось не долго.

Летом разведчики донесли, что болезнь оставила и норвежцев, и они готовятся продолжить поход. В тот же день язычники покинули свой лагерь и пошли на запад через лес. За ними оставалась утоптанная тропа. Эрлинг каждый день оставлял на тропе одного человека, чтобы следить за продвижением норвежцев. Сначала Паль отставал от Эрлинга на двенадцать дней пути, потом христиане начали нагонять язычников.

Однажды гренландцы вышли к селению скрелингов. Люди в этом селении называли себя манданами и понимали язык жителей Винланда, хотя сами говорили не другом языке. Манданы жили в землянках, которые больше всего были похожи на звериные норы. Это был миролюбивый и тихий народ. Они охотно разрешили гренландцам остановиться на отдых в их селении. Язычники провели там два дня. Потом Эрлинг сказал, что пора идти дальше, если они не хотят попасть в руки христиан. Но людям показалась такой безза-

ботной и счастливой жизнь у манданов, что они отказались продолжать путь. Они сказали:

— Довольно с нас. Мы не хотим больше бегать по лесам, как звери от охотников. Спрячемся лучше здесь, у этих гостеприимных людей.

Эрлинг сказал:

— Не стоило и надеяться, что вашего мужества хватит надолго. Поступайте, как вам больше нравится. Но перед тем, как я вас покину, вам придется выполнить мою последнюю волю. Пусть половина из вас пройдет отсюда на юг на один день пути, а потом вернется по своим следам. Вряд ли христиане пройдут мимо этого селения, если увидят, что здесь кончается наш след.

Гренландцы проложили тропу на юг до какого-то озера. В конце тропы Эрлинг сложил костер и высек на камне такие слова: *«Эрлинг, сын Сигхвата, принес здесь в жертву богам всех женщин, детей и стариков своего народа. Теперь боги позволяют ему быстрее идти на запад и спасут от ярости христиан»*. После этого Эрлинг вернулся в селение манданов и собрал гренландцев на тинг. Он сказал:

— Сам не знаю, почему мне так хочется спасти ваши жизни. Мне нужно несколько человек, в ком еще осталось немного смелости и духа Анги, чтобы увести христиан подальше от этого места. Я не стану говорить вам о доблести и славе, и долго просить вас тоже не буду. Если добровольцев не найдется, пойду один.

Тогда Бьёрн, Эндриди и еще двенадцать воинов вызвались идти с Эрлингом. С ними пошли также Сигрид и еще одна женщина по имени Катла. Всех остальных манданы спрятали в своих землянках.

Эрлинг с отрядом обогнули озеро и направились на юг. По дороге они старались оставлять побольше следов, часто валили деревья и разжигали костры.

На другой день после ухода Эрлинга в селение манданов пришел Паль со своим войском. От этого войска к тому времени осталось всего сорок латников. Лица почти у всех были покрыты следами оспяных язв. Манданы вышли им навстречу с луками и копьями. Они постарались принять воинственный вид, но не сильно в этом преуспели. Паль сказал:

— Не будем связываться с этими скрелингами, хоть у них и дрожат колени от страха. След язычников ведет дальше на юг, и он здесь совсем свежий.

Паль жестами объяснил манданам, что не собирается на них нападать и хочет только пройти через их селение на юг. Тогда скрелинги расступились и пропустили норвежцев. На другой день христиане пришли к озеру и прочитали надпись на камне. Паль пришел в ярость и сказал:

— Не остановлюсь, пока не догоню этого пса, пусть даже мне никогда не увидеть родных берегов. Я думаю, все мы будем награждены сполна, когда увидим, как Эрлинг корчится на медленном огне.

Норвежцы пошли по следам Эрлинга, но не могли его догнать, как ни старались. Язычники все время опережали их на один день пути. Эта погоня продолжалась всю зиму. Морозов и снега в тот год не было вовсе. Однажды христиане остановились на отдых возле двух шхер на берегу небольшого озера. Паль с тридцатью людьми отправился ловить рыбу, а остальные десять остались в лагере и легли спать. В тот день Эрлинг прошел обратно по своим следам, чтобы узнать, далеко ли норвежцы. Он подкрался к их лагерю и увидел, что там всего десять человек. Тогда Эрлинг обнажил меч и зарубил их всех спящими. Затем он вернулся к своим, и они два дня шли на юг и ни разу не остановились на отдых.

Вскоре Паль вернулся с рыбной ловли и нашел десять своих людей мертвыми. Норвежцы были сильно перепуганы. Один воин по имени Торир сказал:

— Не пора ли нам вернуться к кораблям, пока этот проклятый колдун не погубил нас всех?

Некоторые поддержали Торира. Тогда Паль сказал:

— Вы не позволили бы себе таких речей, не будь мы так далеко от Норвегии. Напрасно вы думаете, что я не найду на вас управы. Я сумею поставить на место всякого, кто попытается мне перечить.

После этого Паль сказал Ториру:

— Уходи, если не хочешь остаться здесь навсегда. Мне не нужны трусы и болтуны. Отправляйся к скрелингам, они тебя, пожалуй, примут за своего.

Торир ушел обратно по тропе, а Паль повел свое войско на юг по следам Эрлинга. Теперь они останавливались на отдых только в таких местах, к которым невозможно было подкрасться незаметно, и выставляли дозорных. На первом привале они поставили камень с такой надписью: *«8 готов и 22 норвежца, участники похода из Вин-*

ланда на запад. Мы остановились у двух шхер в одном дне пути к северу от этого камня. Мы ушли на один день и ловили рыбу. Потом мы вернулись и нашли своих людей окровавленными и мертвыми. Радуйся, дева Мария, избавь нас от зла».

Эрлинг шел на юг все лето, и Паль продолжал его преследовать. Они попали в очень жаркую страну, где было много неизвестных деревьев и зверей. Однажды Эрлинг сказал:

— Мы уже завели своих врагов так далеко, что навряд ли они смогут когда-нибудь выбраться отсюда. Выйдем им навстречу и сразимся с ними. Быть может, мы все отправимся с поля битвы прямо в Вальгаллу, но и христианам придется не сладко. Они запомнят последний бой сыновей звезды.

Сигрид сказала, что пойдет сражаться вместе с викингами.

— Вы увидите, что я могу работать мечом лучше иных мужчин.

Тогда и Катла вызвалась участвовать в битве.

— Незачем мне сидеть сложа руки, раз уж вы все пойдете на христиан. Будет и от меня польза.

Все язычники, пятнадцать человек, бросили свои спальные мешки и то небольшое добро, которое они несли с собой, и пошли навстречу норвежцам. Оба отряда встретились посреди широкого ровного поля. Христиане построились свиньей, прикрылись щитами и двинулись на гренландцев. У язычников не было ни брони, ни щитов, только у Эрлинга был щит с изображением орла и змеи. Эрлинг сказал:

— Разбежимся по полю и будем нападать на них со всех сторон.

Гренландцы сделали, как сказал Эрлинг. Они смешали строй христиан, и началась жестокая сеча. Эрлинга охватила боевая ярость. Он убил пятерых врагов и прорубился к тому месту, где стоял Паль. В руках у Эрлинга был меч. Эрлинг ударил по щиту Палья с такой силой, что щит разлетелся на куски. Тогда Паль сделал глубокий выпад и проткнул Эрлингу грудь своим мечом. Паль сказал:

— Вот расплата за твои злодеяния!

У Эрлинга изо рта потекла кровь, но он устоял на ногах и сказал:

— Рано ты радуешься. Я еще жив.

После этого Эрлинг схватил меч обеими руками и ударил Палья наискось по плечу. Тот не ожидал, что Эрлинг сможет продолжать бой после такой раны, и не успел отразить удар. Меч Эрлинга разрубил его почти надвое. Паль тут же упал и умер. Эрлинг крикнул:

— Радуйтесь, викинги, удача с нами!

Тут кровь потоком хлынула у него изо рта, и он упал рядом с Палем. К тому времени в живых осталось всего пятнадцать норвежцев и девять язычников. Бьёрн убил четверых, Эндриди — троих и был убит сам. Сигрид убила двоих христиан.

Один из норвежцев крикнул:

— Довольно убивать друг друга! Глядите, оба наших предводителя мертвы.

Бьёрн сказал:

— Бросьте оружие и поклянитесь, что впредь не будете причинять нам зла открыто или тайно. Тогда мы согласимся на примирение.

Норвежцы сделали, как сказал Бьёрн. Было решено забыть о вражде и вместе подумать, что делать дальше. Вскоре язычники и христиане разговаривали друг с другом так, словно никогда не были врагами. На другое утро они принялись хоронить убитых. Сигрид сказала:

— Я хочу, чтобы Эрлинга похоронили в кургане, по обычаю предков. Пусть и меня похоронят вместе с ним.

Тут Эрлинг открывает глаза и говорит такую вису:

*Раны клевать
Ворону рано.
Новую славу
Себе добуду.
Гнили не знал
Мёсур сраженья —
Долог мой путь.
Смерти не будет.*

Все, кто видел воскресение Эрлинга, сказали, что это настоящее чудо. Сигрид рассмеялась и сказала:

— Стоило ли так долго охотиться за Эрлингом: он и дня не пролежал мертвым!

Христиане и язычники построили землянки неподалеку от места сражения и решили остаться в этой стране, пока не поправятся раненые.

Сигрид ни днем, ни ночью не отходила от ложа Эрлинга. Однажды Эрлинг сказал:

— Если бы не Паль, никогда бы мне не узнать того, что я знаю теперь. Там, где мне довелось побывать, хранятся сокровища, но это не серебро и не золото, а тайная колдовская мудрость. Я забрал с собой столько, сколько смог унести.

Сигрид сказала:

— Тогда тебе, наверное, известно, что будет со всеми нами.

Эрлинг ответил:

— Этого я не могу сказать, потому что дети звезды порой бывают сильнее богов, и сама судьба не властна над ними. Но я знаю, что ждет Гренландию.

*Последний родится
Потомок Эйрика,
Горбун и карлик,
Дурень бессильный,
В день, когда муж
Из племени готов
Южным путем
В Винланд придет.*

Такая судьба постигнет гренландцев за то, что они не переселились в западные земли, когда у них была такая возможность.

К весне все раненные поправились, кроме тех, кто умер в первые дни. Люди стали собираться в обратный путь.

— Видно, здесь мы и расстанемся, — сказал Эрлинг. — Я не пойду назад, в страну манданов: нечего мне там делать. В Винланд, Гренландию или Норвегию я и подавну не поеду. Я хочу отправиться отсюда дальше на юг. Я знаю, что там живет сильный и воинственный народ, который мог бы совершить великие дела, будь у него достойный предводитель. Пусть те из вас, кто еще слышит в своем сердце зов Анги и жаждет славы, пойдут со мной.

Бьёрн сказал:

— Ты, верно, думаешь, что многие захотят отправиться с тобой в этот поход. Но на этот раз ты ошибаешься. Что до меня, то я предпочел бы провести свою старость в таком месте, где не налетают западные бури, как у берегов Маркланда и Винланда.

Эрлинг сказал:

— Я не стану плакать, если ты не пойдешь со мной, Бьёрн, хоть это и большая потеря для меня. Я верил тебе больше, чем всем остальным.

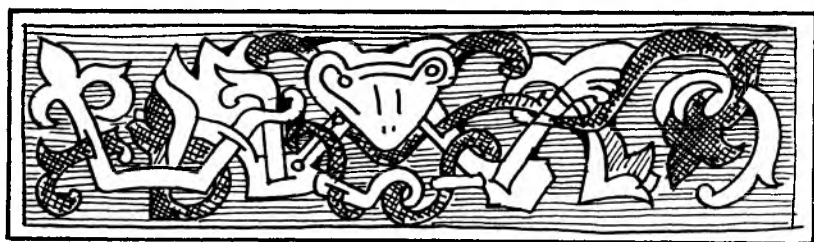
Сигрид сказала:

— Могла бы и я припомнить тебе, как ты принес в жертву нашего сына, да только не хочется мне этого делать. Пойду с тобой.

Эрлинг сказал:

— Не напрасно порой налетают бури! Вот я и получил награду за свою погубленную душу.

Еще два человека вызвались идти с Эрлингом: гренландец по имени Кетиль и Катла. Все четверо в тот же день отправились в путь. Они взяли с собой оружие и спальные мешки. Больше о них ничего не известно. Эрлингу было тридцать восемь зим, когда он покинул свой народ и ушел в неизвестные земли на юге.

XXII

Язычники и христиане отправились на север и северо-восток и пришли в селение манданов. Бьерн собрал всех гренландцев, которые там оставались, и сказал:

— Я думаю, что мы должны поехать на восток, в Винланд, и поселиться там навсегда. Теперь уже никто не побеспокоит нас там. Потом я хочу отправиться в Гренландию и забрать из Аустрибюгда всех, кто захочет переселиться, ведь Гренландия обречена на гибель.

Тут один из манданов сказал:

— Манданы просят чужеземцев остаться. Вы получите все, что только пожелаете, и будете окружены почетом во все дни вашей жизни, так же как ваши дети и дети ваших детей, а за это вы научите нас всему, что умеете. Манданы полюбили вас и не хотят с вами расставаться.

Тогда многие гренландцы сказали, что хотят остаться.

— Жизнь здесь так хороша, что незачем искать чего-то лучшего. У манданов богатые земли, и они живут в мире со всеми соседями.

Бьерн долго убеждал гренландцев пойти с ним на восток, и кончилось тем, что он ушел с двадцатью людьми. Большинство гренландцев и норвежцев остались у манданов. Надо сказать, что все гренландцы оставили язычество, как только узнали об уходе Эрлинга, и снова обратились в христианство.

Бьерн добрался до места, где были оставлены корабли, и спустился по рекам и озерам на восток в Винланд. Там он провел две зимы. После этого Бьерн со всеми своими людьми отправился в Гренландию. Их долго носило по морю. Наконец они достигли берегов Гренландии, но оба корабля разбились у мыса Херьольвснес в Восточном поселении. Бьерн с тремя людьми выбрался на скалу и

спасся. Это случилось в тот год, когда в Гренландию прибыл епископ Альф. Корабль Альфа тоже разбился, и это был последний корабль, который сумел добраться до нашей страны. С тех пор, должно быть, льды совсем закрыли морской путь из восточных стран в Гренландию.

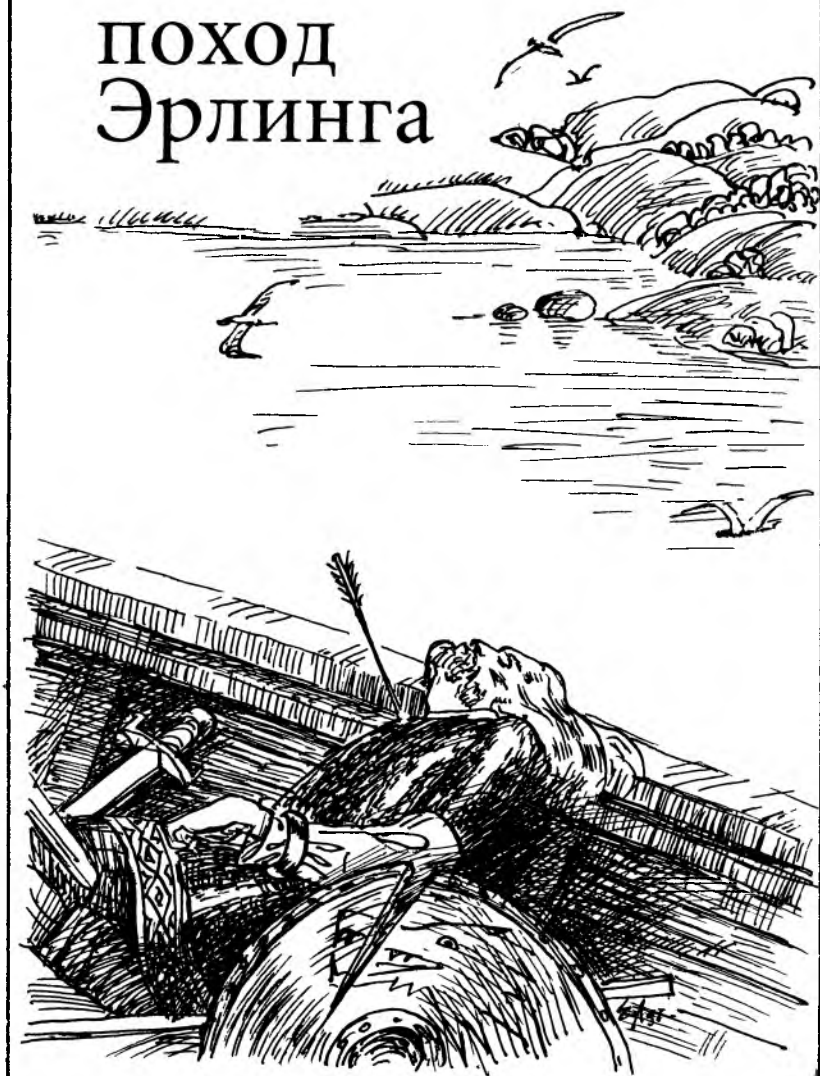
Ныне сбывается то, что предсказывал Эрлинг. Настали злые времена, когда голод и лютые зимы уносят десятки жизней, скрелинги отнимают у нас последние охотничьи уголья, а женщины рожают калек и уродов. И кто-то просит деву Марию избавить нас от зла, а другие молят богов, чтобы вернулся Эрлинг. Большинство же считает, что нам неоткуда ждать спасения. Теперь поздно раскаиваться и горевать о том, что мы потеряли.

Здесь кончается сага об Эрлинге.

АЛЕКСАНДР МАРКОВ

ЮЖНЫЙ ПОХОД Эрлинга

15 октября 1523 года
Храм Сатаны, Мешико, Новая Испания.

Благородному дону губернатору,
главнокомандующему и верховному судье

Донесение

Высокопочтимый дон Эрнан! Нижайше прошу простить мою дерзость и не судить строго, ибо не праздности ради осмелился я отрывать Вас от государственных дел, злоупотребляя Вашим долготерпением и великодушием. Всемерно уповаю на Ваше снисхождение и на милость Божию, не решаюсь, однако, указать свое подлинное имя, происхождение и должность, дабы не подвергнуться положенному наказанию за нарушение всех тех установлений и предписаний, кои мне пришлось нарушить во имя долга, чтобы найденный мною загадочный манускрипт смог попасть в руки Вашего вице-королевского величества.

Буду краток, насколько возможно. Я один из тех, кому поручено было произвести осмотр внутренних помещений главного Храма Сатаны в городе Мешико-Теночтитлане, который Ваша беспримерная доблесть сделала недавно достоянием испанской короны.

В приказе, подписанном Вашею рукою, нам предписывалось все золотые и серебряные предметы, буде таковые найдутся, подвергать

тщательному взвешиванию и описи, после чего сдать их вашему полномочному представителю дону Хуану Родригесу для последующей переплавки; что же касается вещей, не представляющих ценности, как-то глиняные, деревянные и каменные идолы и языческие книги, то их надлежало сжигать или уничтожать иным способом, без описи и не разбирая.

Признаюсь со всей откровенностью, что такое безоглядное сожжение мешикских книг представлялось мне чересчур поспешным, и, осмелюсь добавить, даже вовсе неразумным. Мне известно, что, по мнению отцов-инквизиторов, в писаниях астеков не может содержаться ничего кроме ереси, поскольку эти люди даже не слышали о Христе и Святой Троице. Многие также думают, что жители Новой Испании вовсе не являются людьми, ибо не происходят от Адама. Я же придерживаюсь иного мнения и считаю, что они люди, хоть и уступающие в разуме и могуществе нам, испанцам. Не следует забывать, что, помимо многих безобразных идолов, мешики почитают и изображение Святого Креста, а в давние времена среди них проповедовал сам святой апостол Фома, получивший здесь прозвище «Птицезмей».

Таковы были мои соображения, побудившие меня не придерживаться в точности предписаний Вашего высочества и просматривать, хотя бы бегло, мешикские манускрипты перед сожжением.

Все книги, виденные мною, представляли собой длинные, хитро сложенные листы плохой бумаги, покрытые искусно раскрашенными рисунками невразумительного содержания. Одни из них, возможно, представляли собою жития местных святых, другие же более всего походили на деяния демонов преисподней. Все эти писания я, повинувшись долгу, отдал на сожжение.

По окончании работ, когда покоренные Вашей светлостью астеки уже готовы были, следуя приказу, приступить к сносу Храма, мне пришлось на ум в последний раз осмотреть некоторые тайные покои, которые, как мне казалось, не были обследованы с должной тщательностью. В одном из помещений, весьма грязном и полузатопленном, я обнаружил незамеченный ранее свиток. Раскрыв его, я с величайшим изумлением увидел вместо привычных мешикских рисунков латинские буквы. Свою находку я сохранил в тайне и впоследствии подверг ее внимательному изучению.

Текст написан по-немецки, или, возможно, по-датски. К несчастью, я не обладаю достаточными познаниями ни в одном из упомянутых языков, чтобы понять смысл написанного. Посему я счел своим долгом передать книгу Вашему сиятельству, в надежде на то, что Вы, с Вашим несравненным могуществом, без труда найдете переводчика. Если же Вы сочтете дело слишком хлопотным, покорнейше прошу переправить манускрипт Их Величествам в Кастилию. Прошу Вас принять во внимание, что речь может идти о государственных интересах. Если некая христианская держава узнала об этих землях раньше нас и, возможно, уже ведет в тайне ото всех свою собственную конкисту, нам следовало бы приложить все возможные усилия, чтобы не быть застигнутыми врасплох.

Искренне надеясь на Ваше благоразумие, остаюсь ваш покорный слуга и доброжелатель —

Безымянный

Ниже другой рукой:

Диего, ведь это не латынь? Он пишет, что это латинские буквы, а по-моему, это говно. Найди его, кто бы он ни был, и сожги вместе с манускриптом. С нами Бог и Святая Дева.

Эрнан Кортес

I

Эрлинг, сын Сигхвата, составил и записал эту сагу о своем походе на юг из страны манданов. Я начал записывать ее здесь, в городе теночков, именуемом Мешико, в лето от рождества Христова 1369.

Сначала нужно рассказать о том, что произошло в Гренландии. Это будет сделано совсем кратко, потому что Бьёрн, сын Торда, взялся написать большую и подробную сагу о тех делах. Бьёрн обещал мне это, когда мы расставались с ним четыре зимы тому назад.

Сигхват, мой отец, жил в Западном поселении Гренландии. Когда мне было десять зим от роду, Сигхват погиб в бою, а я попал в плен к инуитам. Я вырос в плену, в стране, где правил конунг по имени Белый Медведь. Великий колдун Иггнануак обучил меня своему искусству.

Достигнув зрелости, я бежал от инуитов и вернулся в Западное поселение. К тому времени один бонд, чьего имени я не помню, завладел домом моего отца. Я убил его. Я убил также нескольких других, что были с ним заодно.

Паль священник хотел объявить меня вне закона. Бонды собрались идти на меня войной. Но нашлись и такие, кто встал на мою сторону. Многим казалось, что готовится большая битва.

Однако до этого не дошло. Вскоре все Западное поселение подчинилось мне.

Я собрал людей и сказал, что хочу вернуть стране былую славу. Я сказал, что древних викингов погубили Гулльвейг и Олав конунг — жажда золота и христианство. Когда я сказал это, люди решили оставить старую веру и обратиться к древним богам. Они провозгласили меня своим конунгом.

Вначале все было спокойно, и многие полагали, что так оно будет и впредь. Норвежцам никогда не было дела до того, что творится в Западном поселении.

Мы победили инуитов в большой битве. После этого я отправился в поход на север, чтобы отомстить инуитам за своего племянника. Я разрушил много селений и зашел так далеко на север, как не удавалось никому из гренландцев прежде.

В это время Ивар епископ привел в Вестрибюгд норвежское войско. Он хотел, чтобы жители снова приняли христианство. Его проповедь встретили насмешками. Тогда Ивар велел убить всех, кого он захватил, а это были женщины и дети. Затем он бежал в Аустрибюгд, опасаясь моей мести.

По возвращении из северного похода я вспомнил уроки Иггнауака и Сигхвата и сотворил сильное заклятье, после чего во многих христианских странах началась чума. Однако, как всегда бывает при таком колдовстве, половина моего проклятия пала на меня самого. Поэтому все, что я делаю и чего коснется моя рука, обречено на скорую гибель и вечное забвение.

Мы отправились в Аустрибюгд и победили норвежцев. После этого мы поехали в Виноградную страну, чтобы там поселиться. Мы поступили так, потому что в Гренландии наступил голод.

Нас было около двухсот человек, когда мы прибыли в Винланд. Норвежский конунг Магнус послал войско против меня. Вел войско Паль Кнутсон, отважный и достойный человек. Паль отыскал меня в Винланде.

Почти все мои воины погибли в сражении, сам я был ранен. Мы стали отступать вглубь материка. Паль преследовал нас. Так мы достигли страны манданов, что к западу от больших озер.

Манданы спрятали гренландцев в своих норах, а я с небольшим отрядом повел Паля по ложному следу. Я заманил его далеко на юг, в

Пустынную страну. Здесь мы вступили в бой. Я убил Паля, а сам получил тяжелую рану.

Много дней мой дух скитался по окраинам Страны мертвых. Я был у подножия горы Ицтепетль, и туман ослеплял меня в земле Исмиктлан Апочкалока. Но когда ветер из каменных ножей рассеял туман, мне открылось многое из того, что до сих пор оставалось сокрытым.

Когда силы вернулись ко мне, я объявил, что намерен идти дальше на юг. Те из моих людей, кто остался в живых, заключили с норвежцами мир после битвы. Пятеро вызвались идти со мной:

Кетиль, сын Эйвинда из Пикшевого фьорда;

Катла, его сестра;

Торхалль, сын Йона, норвежец из войска Паля Кнутсона;

Хельги Подкидыш из Вестрибюгда, юноша четырнадцати зим от роду;

Сигрид, моя жена, та, что отрубила голову Кетилю Тюленю.

Остальные отправились назад в Страну манданов. В тот день Бьёрн, сын Торда, обещал составить большую сагу о всех событиях, которые здесь упомянуты, а также о многих других, о которых я умолчал. Сага, которую задумал написать я, будет продолжением Бьёрновой.

**ПОУЧЕНИЕ ЮНОМУ ИЦКОАТЛЮ.
О ТОМ, ПОЧЕМУ МУДРЫЕ ЛЮДИ НИКОГДА
НЕ СПРАШИВАЮТ «ЗАЧЕМ?»**

Вот что я скажу юному Ицкоатлю, когда он станет достаточно разумен, чтобы слушать и понимать.

Внимай мне, Ицкоатль: это пойдет тебе на пользу, когда ты станешь конунгом астеков.

Деяния людей лишены смысла. Мне тоже довелось быть конунгом, и я совершил много дел, которые можно назвать великими. Вначале я полагал, что делаю это ради славы. В скором времени я понял, что слава не стоит усилий. Подчас она достается вовсе не тем, кто ее заслуживает. Совершивший подвиг в безвестности ничем не хуже того, кто сделал это при стечении народа.

Ицкоатль, слава — лишь пустые разговоры глупцов.

Было время, я думал, что живу ради блага своего народа. Теперь я смеюсь, вспоминая об этом. Очень скоро я понял, что моему народу суждены смерть и забвение, а мои дела лишь приблизили то и другое. Однако я был бы глупцом, если бы стал сожалеть о своих поступках.

Ты будешь конунгом, Ицкоатль. Ты станешь совершать великие деяния, чтобы возвеличить славу астеков, чтобы принести благо астекам. Ты мечтаешь о том, чтобы у каждого астека была янтарная губная вставка. Но астеки погибнут так же, как и гренландцы: это будет скоро. Чем больше благ ты дашь своим людям, тем ленивее станут они, и тем беззащитнее перед теми, кто придет уничтожить вас.

Ты спрашиваешь: значит ли это, о тольтекатль Эрлинг, что я должен оставить все свои гордые помыслы и покорно ждать того, что должно совершиться? Я отвечаю на это: вовсе нет.

Я, Эрлинг, пишу книгу, которую никто не прочтет, на языке, которого никто здесь не знает. Ты видишь, мой труд лишен всякого смысла. Я делаю это ради того, что больше меня и пока не может быть названо. Деяния и слава астеков — это тоже книга, которую никто не прочтет.

Поступай, как подобает конунгу. Покори окрестные народы. Завоюй всю страну от Западного моря до Восточного. Возведи храмы вышиной до небес. Принеси все сокровища земли в Теночтитлан. Делай все это, о Ицкоатль, но помни: ты трудишься не для блага астеков и не для славы астеков. Ибо для вас нет ни блага, ни славы, ни будущего.

Мудрец не станет спрашивать себя «Зачем я делаю это?» Он знает, что ответа не будет.

Человек не может трудиться, не имея цели. Разум нам дан, чтобы придавать смысл лишенному смысла. Трудись ради блага и славы, но помни, что то и другое — лишь игра, танец с бубном. Это дым, что окутывает зеркало, пока оттуда не выйдет Тескатлипока.

II

Мы шли на юг два дня и попали в страну, где было много больших диких быков. Эти быки так ленивы и глупы, что охотиться на них может и ребенок. Мы задержались там, чтобы запастись сушеного мяса.

Затем мы достигли горной страны. Там крутые склоны, глубокие ущелья, и почти нет воды. Мы шли очень медленно.

Торхалль норвежец шел впереди. Возле одной скалы он остановился и громко закричал, как будто от радости. Мы подошли к нему. Торхалль сказал:

— Вот так скала!

Он стал бить по скале камнем. Там было золото. Сигрид сказала:

— В другой раз не кричи так громко. Я подумала, ты нашел воду.

Торхалль отколол два больших куска золота и нес их с собой несколько дней. Сигрид и Катла смеялись над ним. Потом он сказал, что ему надоело слушать насмешки.

— Вы, гренландцы, дикий народ. Что ж, я брошу золото, лишь бы замолчали эти две ведьмы. Впервые в жизни я разбогател, и что это мне принесло? Но запомните: теперь мы явимся нищими к тому великому народу, о котором твердит Эрлинг.

На восьмой день пути по горной стране у Хельги Подкидыша помутился разум. Он перестал видеть нас и разговаривал с духами. Катла сказала:

— Если завтра не пойдет дождь, мальчик умрет. Если дождя не будет еще три дня, мы все тоже умрем.

Мы сделали носилки, чтобы нести Хельги, и шли теперь совсем медленно.

Вскоре мы нашли покинутое селение. Все дома в нем были каменные. Они были вырублены в большой отвесной скале из мягкого камня. Там было несколько сотен покоев, соединенных лестницами и переходами. Еще там были большие чаши, также вырезанные в камне, искусно сделанные желоба и трубы для сбора дождевой воды. Из чаш вода по желобам и трубам стекала в огромный каменный котел, глубоко в толще скалы. Вода в котле была гнилая и мутная. В ней плавали белые слепые рыбы, похожие на червей.

Мы оставались в городе три дня и пили воду из подземного котла. К Хельги вернулся рассудок. Тогда мы пошли дальше на юг.

**ПОУЧЕНИЕ ЮНОМУ ИЦКОАТЛЮ.
О ГИБЕЛИ АСТЕКОВ И О НИЧТОЖНОСТИ
БОЛИ И НАСЛАЖДЕНИЯ**

Ты говоришь: тольтекатль не убедил меня. У астеков будут и слава, и могущество. Я чувствую в себе силу. Наш народ готов к великим делам.

Ицкоатль, не тешь себя пустыми надеждами. Христиане, что живут по ту сторону Восточного моря, скоро придут сюда на больших кораблях. И вы будете бессильны остановить их.

Они придут, потому что у них уже есть корабли, чтобы долго плыть открытым морем. Им не сидится на месте. Они придут, как только узнают об этой земле. Вслед за первым придут тысячи.

Они захотят отнять у вас землю, потому что эта земля богата. Здесь слишком много золота.

Они уничтожат вас, потому что они сильнее. У них есть кони, железные мечи и тугие арбалеты. Обсидиановая булава не пробьет железный шлем, Ицкоатль. У них есть единство и общая цель. В Анауаке племена ненавидят друг друга. Ицкоатль, вам не спастись.

Не нужно быть колдуном, чтобы предвидеть это.

Ты говоришь: тольтекатль, если так, я не хочу быть конунгом. К чему труды и страдания, к чему тщетные усилия? Лучше прожить свою жизнь в покое и насладиться тем временем, что еще осталось.

О нет, Ицкоатль, ты рассуждаешь неверно. Вспомни, о чем я говорил тебе раньше. Любое усилие тщетно. Всякая цель — лжива. Труд для того, кто знает свою выгоду — не труд. Подвиг с расчетом на славу — не подвиг. Муж поистине достойный не должен уподобляться торговцу, что выменивает груз какао на груз маиса. Величайшая доблесть в том, чтобы знать о тщете своих деяний, но совершать их.

Ты спросишь: если все цели и помыслы тщетны, зачем мне тогда эта доблесть, о которой ты толкуешь? Неважно, буду я мужем достойным или недостойным — ведь и это тоже обман?

Ицкоатль, все цели, о которых я говорил: золото, слава, благополучие — ничтожны, потому что они меньше нас, они внутри нас, они — наше собственное порождение. Не так уж трудно научиться владеть ими. Так же внутри нас, и так же подвластны нам, и так же ничтожны: боль, страдание, радость и наслаждение. Ицкоатль, предоставь глупцам искать наслаждений и бежать от боли; предоставь другим глупцам искать боли, чтобы купить себе посмертное блаженство. Тот, кто постиг ничтожность боли и наслаждения, становится поистине всесилен.

Мы не станем поклоняться славе, богатству, боли или наслаждению, как не станем поклоняться собственным потрохам.

Ты скажешь: тольтекатль Эрлинг хочет поклоняться лишь самому себе, потому что все остальное, что обычно отдается богам, он объявляет своим порождением.

Правда, Ицкоатль, до сих пор я говорил тебе именно это. Но это только половина правды.

Есть одно, что находится вне нас. Одно, что больше нас. Одно, о чем стоит думать мудрецу. Одно, что не лживо. Поэтому его так трудно заметить, так тяжело нести и невозможно понять. Имя ему — Анга. Это главное, чему я должен научить тебя, Ицкоатль. Приходи завтра рано, я расскажу тебе об Анге.

III

Вскоре пошел дождь, который не прекращался четыре дня. Мы спустились с гор на равнину, где росли диковинные деревья. Стволы у них толстые, мягкие и сочные, а веток и листьев нет вовсе. Таких деревьев много здесь в Анауаке. Это кактусы.

Мы видели много мертвых городов. Потом мы подошли к городу, где еще оставались жители. Там было множество больших каменных домов. Там были также дворцы и храмы, сложенные из каменных плит размером две на полторы сажени. Все это было построено очень давно и теперь наполовину разрушено. В городе не было новых домов. Город мог вместить до пятнадцати тысяч жителей, но теперь там не было и двухсот. Многие из них лежали на улицах под открытым небом. Они едва шевелились, а тела их и лица были покрыты большими черными нарывами. Когда один из нарывов лопался, они умирали.

В трех домах мы нашли большие запасы пищи, но все было гнилое или попорченное мышами. Мы не стали ничего брать оттуда.

Мы зашли во все храмы и осмотрели их. Стены там были покрыты изображениями чудовищ, каких можно

увидеть во сне, если вечером поешь слишком сытно. Вокруг алтарей лежали человеческие черепа, а также сгнившие руки и ноги. Там были сосуды из меди, полные человеческих сердец.

Сигрид сказала:

— Эти храмы больше похожи на нужники.

Хельги ответил, что в нужнике пахнет получше. Катла сказала:

— Эти люди поклонялись дерьму и собственным потрохам.

— За это Господь покарал их, — сказал Торхалль. — Теперь они умирают от чумы.

Я, Эрлинг, сказал:

— Чума не миновала и вас, норвежцев. К тому же любой храм — это нужник, где люди оставляют отбросы своих душ. Анге не нужны храмы.

Мы покинули город и пошли дальше на юг. Мы шли по следу, который прочертила Анга своим лучом. Я увидел этот путь, когда умирал от ран в Пустынной стране. Я вижу его и сейчас. Он привел нас из Вестрибюгда и Страны инуитов в Теночтитлан. И отсюда он следует дальше на юг. Когда-нибудь я пойду туда.

ПОУЧЕНИЕ ЮНОМУ ИЦКОАТЛЮ

Анга — невидимая звезда. Она вспыхивает лишь один раз в сто или в тысячу лет. Она посылает тонкий луч, который чертит по земле невидимые дуги. Луч Анги проникает в сердца людей и преображает их. Он подобен зернам маиса, падающим на вспаханное поле, и дождю, что делает землю плодородной.

Ты спросишь, каковы из себя люди, отмеченные Ангой? Их трудно узнать. Они отважны и безрассудны. Многим они кажутся безумцами. Они совершают дела, которые раньше были под силу только богам. Они прилагают величайшие усилия и радостно идут на смерть ради того, что прочие считают вздором, пустой забавой или чем-то невероятным. Они не могут жить, как жили их отцы, и хотят все изменить, чтобы было как уютно, но иначе. Они, как и все люди, пытаются оправдать свои поступки разумом, но разум их тот же, что и у прочих, а поступки необыкновенно безумны. Поэтому цели, которыми дети Звезды прикрывают нелепость своих деяний, вызывают лишь смех. Эти люди подобны медведю, что хочет спрятаться за травинкой.

Их объяснения призрачны, Ицкоатль. Дым вокруг зеркала становится реже. Тескатлипока — глашатай Черной Звезды. Мгла стала прозрачной: ты видишь сияние Анги.

Ты спросишь: тольтекатль, как люди узнали об Анге, если она невидима? Как можно заметить сияние Черной Звезды?

Я отвечу: ее свет кажется черным, потому что он слишком могуч и неистов для людских глаз. Слишком холодное может казаться горячим; слишком много боли — наслаждение; избыток добра порождает зло; избыток ненависти — любовь. В этом суть Анги. В ней слишком много всех качеств, поэтому одно неотличимо от другого,

и наши глаза видят лишь мрак, но кожа чувствует ветер. Анга — это Омейокан, тринадцатое небо, где сливается свет и тьма, добро и зло, любовь и ненависть.

Я видел Ангу, когда умирал от ран в Пустынной стране. Она явилась как ослепительный бесконечный свет, словно весь мир превратился в огонь, и не осталось ничего, кроме этого могучего сияния. Я сам был частью этого света.

Ицкоатль, ты можешь верить всему, что я говорю об Анге, потому что я сам — Анга.

В Анге заключено все. В ней нет только неподвижности и небытия.

Анга — это жизнь. Смерти не существует, Ицкоатль.

Анга — это та прекрасная женщина, которую можно увидеть лишь во сне. Это та женщина, которую мы любим и ненавидим больше всего на свете. Мы любим и ненавидим только ее, потому что все прочее — лишь игра теней ее платья. Она не различает добра и зла, потому что добра и зла не существует.

Ицкоатль, теперь ты понял, почему все наши цели лживы. Деяния детей Звезды — движение Анги. Это — первая и последняя цель и причина всего. Все, что мы делаем, мы делаем ради движения Анги, потому что движение Анги — это жизнь, а жизнь — это Анга.

Подумай теперь о янтарных губных вставках, конунг астеков. Ну, вот видишь, ты уже смеешься.

IV

Мри или четыре дня мы шли по пустыне, где не было ничего, кроме кактусов и камней. У нас совсем не осталось еды. Мы шли медленно, потому что ослабели от голода и жаркого солнца. Сигрид сказала:

— Лучше бы я вернулась в Страну манданов. Я не пошла бы с тобой, если бы знала, что поход принесет столько страданий.

Я сказал:

— Страдания существуют только внутри нас. Мы сами создаем их. Это обман. Не стоит поклоняться собственным потрохам, как делали жители чумного города.

— Если так, — ответила Сигрид, — то обман и то, что слышат сейчас мои уши. Почему должна верить тебе?

— Почти все в мире — обман. Ты сама вольна выбирать, во что верить. Но если ты поверишь мне, идти станет легче.

После этого мы шли на юг еще два дня. Потом мы увидели большую каменную пирамиду. Она стояла посреди пустыни, и кругом не было никакого жилья. На вершине пирамиды стояли фигуры воинов, высеченные из камня.

Мы остановились отдохнуть в тени пирамиды.

Кетиль нашел растения, похожие на круглые серые камни. Он набрал много таких растений, принес их нам и сказал, что они съедобны. Мы съели все, что он принес.

Пища прояснила наше зрение. Тогда мы увидели в четверти мили от нас большой костер и людей, сидящих вокруг него. Мы вооружились и пошли к тем людям. Мы думали отнять у них пищу, потому что голод мешал нам продолжать поход.

Когда мы приблизились настолько, чтобы рассмотреть лица сидящих, мы увидели, что эти люди более всего напоминают скелеты. Некоторые из них были наги, другие едва прикрыты обрывками шкур. Они отрезали друг у друга куски мяса от рук и ног, жарили их на костре и ели. Я понял, что это великие колдуны, построившие пирамиду много веков назад.

Потом они увидели нас. Они вскочили и бросились к нам. В руках у них были острые каменные ножи, называемые «ицтли». Они хотели съесть нас живыми, чтобы взять себе нашу силу. Я сказал:

— Зачем вам еще сила, глупцы! У вас ее и так слишком много: вы даже не можете умереть, хотя давно пора.

Колдуны напали на нас. Мы стали защищаться. Мы защищались вчетвером: я, Кетиль и обе женщины. Торхалль и Хельги упали, хотя не были ранены, и лежали неподвижно. Скоро мы порубили нападавших в куски. Тогда Хельги поднял голову и сказал:

— Не знаю, как мне теперь смыть с себя этот позор. Когда оборотни повернулись к нам, меня охватил такой страх, что я стал точно мертвец и не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Здесь не обошлось без колдовства.

— Уж это точно, — сказал Торхалль норвежец. — Либо меня околдовали, либо я рехнулся. С чего бы мне терять голову от страха при виде этих уродов?

Сигрид сказала:

— По-моему, нам следует идти дальше на юг. Мне не хочется здесь оставаться.

Мы пошли вперед и шли еще три дня, не встречая ничего необычного.

ПОУЧЕНИЕ ЮНОМУ ИЦКОАТЛЮ

Жизнь большинства людей пуста. Они не делают ничего. Лучшие из них делают то, что хотят. Лучшие из лучших делают то, что могут. Но только дети Звезды делают то, что должны.

Со временем свет Анги в людях слабеет, и ее движение замирает. Жизнь тогда становится подобна увядшему цветку, от которого нет никакого проку. Это происходит быстрее, когда люди хотят накопить богатства или могущества, и когда пытаются во всем поступать разумно. Свет Анги нельзя накопить; чем больше его третишь, тем сильнее он разгорается. Пусть твои поступки будут безумны, Ицкоатль.

V

ты пришли к большому и красивому городу, где было множество жителей в разноцветных одеждах. Никто из нас не видел прежде таких больших городов. Торхалль сказал, что народу здесь куда больше, чем в Осло или Бергене.

Когда мы приблизились к городской стене, навстречу нам вышел большой отряд воинов. В руках у них были копья, дубинки и украшенные перьями щиты. Их предводитель обратился к нам на языке, которого мы не знали. Я ответил на языке винландских скрелингов, но они не поняли ни слова. После этого они подняли щиты и пошли на нас. По всему было видно, что они собираются нападать. Тогда я указал мечом на их предводителя и объяснил, как мог, жестами, что вызываю его на поединок.

Это они поняли; предводитель выступил вперед и издал боевой клич. Я отразил удар его копья, а потом рассек его пополам вместе со щитом.

Тогда остальные воины легли на землю перед нами. Так они выражали свою покорность. Я показал, что хочу войти в город. Они принесли носилки, украшенные перьями, и хотели уложить нас на них. Но я запретил им приближаться.

Нас провели в город и поселили в большом доме. Нам дали старого и уродливого раба по имени Куитлатль. От него мы научились языку науа.

Мы провели в городе десять дней. Вокруг дома, где мы жили, все время стояли пятьдесят или более воинов. Мы были начеку и спали по очереди. Мы не знали, гости мы здесь или пленники. Когда мы выходили из дома, воины следовали за нами, а жители обсыпали нас разноцветными перьями птицы кецаль. Куитлатль приносил нам пищу: зерна маиса и собачье мясо. В этом городе, как и у северных скрелингов, не было никакого скота, кроме собак. Собак растили на мясо.

Когда мы стали немного понимать местный язык, Куитлатль объяснил нам, что правитель города не может решить: то ли мы боги, то ли люди, которых боги назначили себе в жертву. Сейчас правитель склоняется к последнему, потому что мы не совершаем никаких чудес.

Я спросил, почему правитель не хочет сам встретиться с нами. Куитлатль в ответ стал тыкать себе пальцем в лицо и корчить рожи. Я понял это так, что правитель города страдает некой тяжелой болезнью вроде оспы.

Тогда мы решили уйти из этого города. Мы убили одного стражника, а остальные разбежались. Потом мы беспрепятственно вышли из города. Мы взяли с собой Куитлатля и много маиса.

Мы ушли в безлюдные холмы и жили там до тех пор, пока не выучились языку науа. После этого мы отправились дальше на юг.

БЕСЕДА С ИЦКОАТЛЕМ

Ицкоатль сказал:

— После твоих уроков, тольтекатль Эрлинг, мне стало яснее мое предназначение. Наша гибель неизбежна, но я хочу сделать так, чтобы мой народ встретил смерть достойно. Я должен подготовить астеков к гибели. Для этого я сделаю их великим народом.

Эрлинг сказал:

— Как ты добьешься этого, Ицкоатль?

— Я покорю весь Анауак. Все народы Анауака сделаю рабами астеков. Все богатства страны я принесу в Теночтитлан.

— Зачем тебе это, Ицкоатль?

— Чтобы наши убийцы, которые придут разрушить Мешико, сказали друг другу: «Смотри, какой богатый город, какой великий город мы уничтожили!» Я хочу, чтобы гром от падения Мешико долетел до дальних окраин мира, чтобы от него содрогнулись боги и демоны.

Эрлинг сказал:

— Вот слова сына Анги! Тебе удастся все, что ты задумал, Ицкоатль. Я видел свет Анги в твоих глазах. Тебе больше не нужны мои уроки. Скоро я покину Мешико, мой ученик. Мне пора идти дальше на юг.

Ицкоатль сказал:

— Не оставляй меня, тольтекатль Эрлинг! Не оставляй Мешико! Разве ты не хочешь увидеть, как свершится задуманное мной, как вознесется Теночтитлан между всеми городами Анауака?

Эрлинг сказал:

— Для меня это все равно что уже свершилось. Я здесь больше не нужен. У меня свой путь.

Ицкоатль сказал:

— Прощай, учитель.

VI

Куитлатль сказал:
— Мы почитаем бога по имени Кецалькоатль, Пернатый Змей. Давным-давно он пришел с востока из-за моря к людям Исчезнувшего народа. Он построил город, называемый Теотиуакан — Место, Где Родились Боги. После он жил у тольтеков в Туле. Он являлся также народу Ица. Он возвел города и пирамиды майя — Чичен-Ица и Майяпан. Везде, где появлялся Кецалькоатль, он давал людям знание, силу и волю к жизни. Он научил нас выращивать маис и какао, плавить золото и медь, строить большие дома из камней и украшать одежды цветными перьями.

— Это не так уж много, — сказала Сигрид. — Он мог бы сделать для вас и побольше. Ему следовало научить вас ковать железо, разводить скот, строить корабли и делать повозки на колесах.

— Это не так уж много, — сказала Катла. — Ему следовало научить вас предвидеть будущее. Тогда бы вы не стали пожирать друг друга и гнить от чумы.

Куитлатль сказал:

— Мудрецы говорят, у Кецалькоатля рыжие волосы и светлая кожа. Поэтому я вначале думал, что ты, Эрлинг — Кецалькоатль. И многие в нашем городе думали так же.

Но Кецалькоатль знает наш язык, а ты не знал его. Хотя в остальном ты не уступаешь богам.

Я, Эрлинг, помолчал немного и сказал:

— Ваш язык стал другим с тех пор, как я был здесь в последний раз. Вот мне и пришлось учить его заново. Я — Кецалькоатль, и это мой последний приход в вашу страну. Я пришел приготовить ее к смерти.

Куитлатль упал передо мной и сказал:

— Как я мог сомневаться!

Торхалль усмехнулся. Катла сказала:

— Хорошие слова, Кецалькоатль, и во время сказаны!

Хельги Подкидыш сказал:

— Не понимаю, о чем вы.

Кетиль сказал:

— Давно бы пора догадаться, что это бог, а не человек.

Сигрид сказала:

— Ты побеждал богов, еще когда был человеком. Зачем теперь меняться с ними местами?

Я сказал на северном языке:

— Отныне во всех городах, что нам встретятся, я буду называться Кецалькоатлем. Туземцам тогда не захочется съесть нас или принести в жертву. Нам не придется убегать из плена и биться со стражей. Так мы быстрее доберемся до того города, который нам нужен.

Все согласились, что так будет лучше.

Мы пришли в город, где люди веселились и пели под бой деревянных бубнов. Посреди города было большое торжище. Там было много золота, но для туземцев оно не служило деньгами. Золотые вещи ценились лишь за их красоту. Купцы не продавали товар, а только меняли.

Когда мы пришли на торжище, нау окружили нас и стали предлагать самые лучшие товары в обмен на наше оружие и одежду. Один торговец увидел мой щит с орлом и змеей и сказал:

— Вы, верно, из города астеков. Дивные вещи теперь делают в городе астеков. Да и люди там не похожи на прочих людей.

Другой торговец сказал:

— Я Коатепетатль из Теночтитлана. Эти люди не из наших. У них светлая кожа и волосы, а один из них и вовсе рыжий, словно огонь.

Я поднял щит, чтобы все его увидели, и сказал:

— Запомните этот день, о науа! Я Кецалькоатль, и я пришел в вашу страну в последний раз. Я пришел, чтобы предупредить вас о тяжелых временах, что скоро настанут.

Тут поднялся большой шум. Одни кричали от радости, другие от страха, третьи падали ниц. Самые же хитрые воспользовались сумятицей, чтобы украсть какой-нибудь мелкий товар.

Вскоре появились воины. Они разогнали толпу, что нас окружила, и пригласили нас пойти к правителю города. Они говорили с нами почтительно, как и подобает обращаться к богам.

Мы пришли во дворец конунга. Конунг со своими советниками вышел нам навстречу. Он приветствовал меня, как Кецалькоатля, и спросил, каковы мои намерения.

— Я направляюсь в Теночтитлан, — сказал я, ибо к тому времени уже знал имя нужного мне города.

— Не хочет ли мудрый Кецалькоатль остаться у нас? Здесь ему будет оказан лучший прием, чем у теночков.

Я сказал, что охотно задержусь здесь на несколько дней. Нас поселили в красивом дворце. Мы жили там в полном довольстве.

На другой день к нам пришел один из старших жрецов. Он спросил, не научу ли я жителей города какой-нибудь премудрости. Я обещал исполнить его просьбу.

— Чему же ты их научишь? — спросила Сигрид.

Я сказал, что еще не решил.

— Мы могли бы научить их строить хорошие корабли, но здесь нет ни моря, ни озера.

Торхалль сказал:

— У них нет лошадей, и они таскают все грузы на спине. Наверное, они будут рады, если мы смастерим для них телегу. А я знаю толк в этом деле.

Мы все решили, что это хорошее предложение.

Мы получили все необходимое, а также десяток толковых работников. Мы сделали телегу за один день.

Правитель города и все старейшины пришли посмотреть телегу. Они долго разглядывали и ощупывали ее, а потом сказали:

— Мы не можем постичь, что за дар дает нам мудрый Кецалькоатль. Мы не знаем, для чего он служит и какая от него польза.

Я сказал:

— Сколько носильщиков необходимо, чтобы перенести правителя с одного конца города на другой?

— Четверо, — ответили науа. — Четверо тламеме и носилки правителя, украшенные перьями кецаля.

— На этих носилках, которые я даю вам, один тламеме сможет перенести четырех правителей через весь город, даже не почувствовав усталости.

Я предложил им испытать телегу. Старший жрец сказал:

— Мы не решаемся, о Кецалькоатль, сразу показаться народу в твоих носилках. Пусть сначала нас перенесут через этот покой.

Четверо из них взошли на телегу. Надо сказать, что были они весьма тучны. Один из работников-науа, который вместе с нами мастерил телегу, прокатил их по каменному полу через весь покой, туда и обратно, несколько раз.

— Поистине, это чудесный дар, — сказал правитель. — Я заметил, что нас не несли, а волокли по земле, однако носилки двигались так же легко, как лодка скользит по воде.

— Хвала мудрому Кецалькоатлю, — сказал жрец. — Наше удивление и благодарность так велики, что, будь они сделаны из камня, они превысили бы гору Истаксиуатль. Однако, сдается мне, что от этого дара больше пользы носильщикам, чем правителям.

— Вовсе нет, — сказал я. — Вы получите большую выгоду. Городу не нужно будет кормить так много носильщиков.

— Куда же мы денем лишних тламеме, о мудрейший?

— Они могут стать воинами или земледельцами.

— Это нарушит порядок, установленный отцами и дедами. Может начаться смута, Кецальткоатль. Земледельцы и воины будут обижены, если мы поставим носильщиков вровень с ними.

Я сказал:

— Бросьте молот чепуху. Вы получили добрую вещь и полезное знание. Теперь сами распоряжайтесь этим, насколько у вас хватит ума.

Потом я сказал, что намерен завтра же отправиться в Мешико. Я сказал, что хочу взять с собой половину из тех десяти работников, что помогали строить телегу, а также запас пищи в дорогу. Правитель ответил, что я могу взять все, что пожелаю.

На другой день мы покинули город и двинулись дальше на юг.

СОВЕТЫ ЮНОМУ ТЛАКАЭЛЕЛЮ

— Тлакаэлель, ты был на всех моих беседах с Ицкоатлем. Я позволил тебе слушать, потому что ты — живое подобие Анги. Хотя ты и мал, твой взгляд проникает в сердце, как луч Черной Звезды. У тебя есть сила, чтобы стать верховным жрецом и учителем всех астеков. Многие пойдут по твоему слову даже на смерть. Хочешь ли ты этого?

— Да.

— Так будет. Веришь ли ты в богов?

— Нет, тольтекатль.

— Чему ты веришь?

— Себе, Анге и тебе, тольтекатль.

— Недурной выбор. Ты прав, богов не существует. Боги — лишь тени людей, сны детей Анги. Каждый может стать богом. Не так ли?

— Ты — Кецалькоатль. А я — Уицилопочтли.

— Поэтому ты носишь высушенную птичку колибри на левой стороне груди?

— Ты смеешься надо мной и думаешь, что я еще мал. Но ты ведь и сам носишь щит с орлом и змеей.

— Ты рассмешил меня, маленький сын Звезды, но ты прав. Тебя непросто победить в споре. Ты убедишь любого даже в том, что кажется рассудку нелепым.

— Не ты ли говорил, что все видимое и мыслимое нами существует лишь внутри нас? Не ты ли говорил, что важна только Анга, а для Анги нет правды и лжи?

— Довольно, Тлакаэлель. Ты достойный соперник даже для меня. По-моему, я ничему не научил тебя сегодня.

— Ты ошибаешься, тольтекатль. Я многое понял.

— Тогда приходи завтра.

— Я приду.

VII

ты миновали еще три селения, где меня встречали как Кецалькоатля. Весть обо мне разошлась по всей стране. На торжище в одном из селений какой-то купец рассказал Кетилю и Катле о том, что в городе, где мы смастерили телегу, был большой праздник.

— Кецалькоатль подарил городу крылатые носилки, которые скользят по земле, как лодка по воде. Правители сказали, что ездить на таких носилках пристало богам, но не людям.

— Что они сделали с носилками? — спросил Кетиль.

— Их украсили перьями кецаля и отдали богам. Пятерых горожан, которых Кецалькоатль призвал себе в помощники, и которым он объяснил, как делать носилки — этих пятерых тоже отдали богам. Был большой праздник, большой пир для богов, много жертвенной крови.

Кетиль пришел ко мне и рассказал о том, что узнал. Тогда мы решили, что не будем более учить науа ничему полезному, поскольку им это не впрок. Катла сказала:

— Эти люди не многим отличаются от неразумного скота. Они достойны того, чтобы их всех пожрали их же собственные боги.

Я сказал, что именно так оно и будет.

— И мы поможем этому совершиться. Мы сделаем это руками мешиков, когда придем в Теночтитлан.

Мы шли еще какое-то время, пока не достигли озера Тескоко. Посреди озера был остров, а на нем стоял город астеков, называемый Мешико, или Теночтитлан. Остров соединялся с берегом дамбами. Вокруг него плавали большие плоты, засыпанные плодородной землей. На этих плотях астеки выращивали себе пищу.

Мы перешли озеро по дамбе и беспрепятственно вступили в город. Город был так могуществен, что не опасался чужеземцев, и стражи на входах не ставили.

Дома здесь были велики и красивы, а жители ходили в богатых одеждах. У воинов были крепкие круглые щиты и тяжелые дубины, усаженные острыми осколками камня ицтли. Кое-кто из горожан приветствовал нас, как богов, другие проходили мимо.

Торхалль сказал:

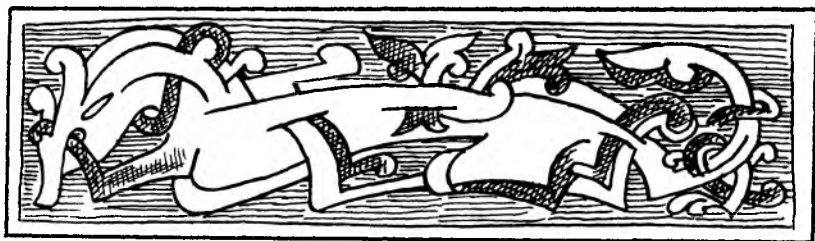
— Похоже, многие здесь принимают нас за самозванцев. Тебе, Эрлинг, придется потрудиться, чтобы доказать свою божественность этим богачам.

Мы поселились в доме, где жили купцы, приходящие из окрестных селений. Мы отдали хозяину дома полмешка какао за один обширный покой. Науа делают из какао напитков, называемый шоколатль. Он очень хорош на вкус. Мы не притрагиваемся к нему, чтобы не потерять боевого духа.

На другой день мы осмотрели город. Он был очень велик. Мы увидели поле для игры в мяч. Игра была не та, в которую играют в Гренландии. Игроки ходили на согнутых ногах вприсядку. Побеждал тот, кто попадал мячом в кольцо на столбе. После игры победитель отрубал побежденному голову. Я спросил у Куитлатля, всякий ли может принять участие в игре. Мне хотелось самому испытать свои силы. Куитлатль ответил, что это вовсе и не игра, а священный обряд, к которому жрецы готовят участников по несколько зим.

— Мяч — это солнце Тонатиу, — сказал Куитлатль. — Голова — это мяч. Кольцо — это солнце. Голова в кольце — человек стал солнцем. Теперь солнце накормлено и сможет завтра снова взойти.

— Этих науа не стоит обижать, — сказала Сигрид. — Без них солнце ходило бы голодным.

БЕСЕДА С ТЛАКАЭЛЕЛЕМ

— Тлакаэлель, знание об Анге доступно мудрецам и героям. Всем прочим требуются боги.

— Уж здесь я не поскуплюсь, тольтекатль. Они получают столько богов, сколько захотят, а возможно и больше.

— Боги суть тени людей. Они отрывка людей. Но они же и пища людей. Люди пожирают богов, чтобы обрести силу.

— Люди пожирают самих себя, тольтекатль. Они подобны змею, что глотает собственный хвост.

— Верно. А боги пожирают людей. У трусов и глупцов нет иного пути, чтобы освободить силу Анге.

— Я накормлю и людей, и богов, тольтекатль. Я накормлю их так, что они навсегда забудут о голоде. Я накормлю их до рвоты.

— Ты полагаешь, тогда они поумнеют?

— Я сделаю это во имя движения Анге.

VIII

В дом, где мы жили, пришел человек в богатых одеждах, в яркой причудливой шапке из цветных веревок и перьев. — Я Омейотеоатль, старейший из жрецов Тлалока и советник тлатоани Ицтейакатля. Кто из вас называет себя Кецалькоатлем?

Я сказал, что Кецалькоатль — это я.

Пришедший сказал:

— Тлатоани астеков хочет знать твое природное имя.

— Тлатоани неглуп, как видно. Эрлингом называли меня прежде, когда моя божественность еще не открылась людям.

— О Эрлинг Кецалькоатль! Наш правитель Ицтейакатль желает взять в жены одну из женщин, что пришли с тобой. Он предлагает тебе за нее два мешка какао и почести, достойные такого бога, как ты. Он предлагает тебе все это за женщину с белыми волосами.

— Это моя жена, жрец Тлалока.

— Ицтейакатль даст тебе другую жену взамен этой

Я сказал:

— Вот тебе пояс из тюленьей кожи, Омейотеоатль. Видишь, какой он красивый? Передай его правителю взамен женщины с белыми волосами.

— Разве ты не понял, Эрлинг Кецалькоатль? Верно, ты пришел издалека. Ицтейакатль берет эту женщину в жены, хотя, по-моему, это слишком большая честь для тебя.

— Пожалуй, я выкину тебя отсюда, как вышивую собаку. Хотя, вероятно, это слишком большая честь для тебя.

Я сделал, как сказал.

— Мне это не нравится, — сказала Сигрид. — Теперь они придут с оружием, чтобы взять меня силой. Не лучше ли нам уйти из этого города?

Я сказал, что ей нечего бояться.

Катла сказала:

— Разве ты не видишь, что удача сама идет тебе в руки, Эрлинг? Ведь это хорошая возможность для нас захватить город. Если Сигрид попадет во дворец конунга, ей не составит труда убить его, когда он придет к ней. А мы уж постараемся сделать так, чтобы место правителя не занял какой-нибудь скрелинг.

Сигрид сказала:

— Это хороший совет. Глупо упускать такую возможность.

Я сказал:

— Вы правы: так и нужно поступить. На этот раз женщины оказались мудрее меня, а я напрасно поддался гневу.

Мы тотчас же взяли все свои припасы и вышли из дома. Хельги и Куитлатль направились в ту часть города, где жил тлатоани, чтобы разузнать все необходимое. Остальные пошли на торжище. Там мы отдали почти все, что у нас было, в обмен на оружие для наших шестерых рабов-науа. Мы купили дротики, тяжелые дубинки с каменными зубцами и крепкие щиты. Мы взяли также красивую одежду для Сигрид и Катлы, потому что их платье сильно обветшало за время похода.

Торжище было шумным и многолюдным. Торговля часто переходила в драку, а порой в ход шло и оружие. Видно было, что астеки предпочитают спорить не словами, а копьями и дубинками.

Один богач, которого несли четверо тламеме, окликнул меня и сказал:

— Кецалькоатль! Ты умеешь предсказывать будущее? Скажи, долго ли еще мы будем платить дань владыке Аскапоцалько за право жить на этой земле?

Я ответил, что уже его дети, возможно, будут собирать дань со всех городов Анауака.

— Хотел бы я, чтобы твое предсказание сбылось, — сказал астек на носилках. — Прорицателей теперь много, но не все говорят одинаково. Как узнать, что ты не обманщик?

Я сказал, что мне нет дела до того, верит ли он моим словам.

— Но я берусь одолеть в поединке любого, кто осмелится выйти против меня, если ты сочтешь это достаточным подтверждением моей силы.

Вокруг нас столпилось много народа. Один иноземный купец сказал:

— Вы, астеки, слишком возгордились. Пора вас проучить. Мой носильщик Коатекстли одним ударом убивает двоих. Он покажет этому прорицателю дорогу в Миктлан.

Коатекстли вышел против меня с тяжелой палицей и круглым щитом. Он был выше меня на целый локоть и на вид очень силен. Я увернулся от его удара и отрубил ему правую ногу выше колена. Он устоял на одной ноге и нанес такой удар, что мой щит треснул, а левая рука потеряла всю силу. Я ударил его в живот, так что потроха вывалились наружу. Коатекстли упал и умер.

Астеки стали громко прославлять меня. Они говорили:

— Боги даровали ему победу над таким силачом. Значит, его предсказание верное.

— Он подлинный Кецалькоатль! Поглядите на его волосы, на его щит, на его длинный нож!

— Астеки будут повелевать всеми народами науа!

— Бей миштеков! Кецалькоатль, веди нас в бой!

— Пусть будет Кецалькоатль правителем города! Пусть он ведет нас в бой!

Сигрид сказала:

— Вот ты и обошелся без моей помощи, Эрлинг. Видно, очень не хотелось тебе отдавать меня в жены другому.

Я сказал:

— Мне не хочется быть правителем города, потому что тогда придется остаться здесь надолго.

— Не вижу в этом ничего дурного, — сказала Сигрид. — Помогите, это хороший город.

— Достаточно и того, что у меня есть такая возможность. Но я не собираюсь совсем отказываться от власти.

Я обратился к астекам и сказал, что пришел к ним из далекой страны. Я сказал также, что звезды указали мне путь в теночтитлан, потому что астекам суждено стать величайшим из народов. Я говорил им то, что они хотели услышать, и то, что вселяло в них боевой дух. Вокруг собралась большая толпа астеков, и видно было, что они готовы сделать все, что я скажу.

Я говорил до тех пор, пока на торжище не появились Хельги и Куитлатль. тогда я обратился к Хельги на северном языке и спросил, удалось ли им что-нибудь разузнать.

— Не только разузнать, — сказал Хельги, — но и сделать кое-что получше. Недаром я прослыл самым большим пронырой в Вестрибюгде, когда мальчишкой таскался по дворам.

У здешнего правителя есть младший брат Попокаситлальин, который должен стать конунгом после смерти Ицтейакатля. Мы разыскали этого наследника. По-моему, он не слишком умен и думает только о том, как бы занять место брата. Он обещал нам любую поддержку и дал мне вот это золотое украшение в знак того, что не обманет.

В это время мы увидели воинов, которые шли прямо к нам. Они велели толпе расступиться.

— Эти чужеземцы нарушили законы. Тлатоани велел казнить их.

Тогда я снова обратился к астекам и сказал:

— Вы спрашивали, что нужно сделать, чтобы вознести Мешико над городами Анауака. Для этого нужно многое, но прежде всего вы должны сменить правителя. Ицтейакатль захотел отобрать у меня жену, а когда я воспротивился этому, он послал войско, чтобы убить меня. Правителю следует сдерживать свое вождение. Если человек не может одолеть сам себя, покорятся ли ему народы?

Когда я сказал это, толпа обратилась против воинов тлатоани. Те, у кого не было оружия, стали подбирать камни. Воины не стали сражаться с толпой и поспешно отступили. Тогда люди направились к дворцу правителя. Нас окружили так плотно, что мы не могли бы выйти из толпы без кровопролития. Многие кричали, чтобы я сам стал правителем. Но я сказал, что не хочу этого.

Возле дома тлатоани нас встретила дружина Ицтейакатля. Там было триста или более отборных воинов, рослых и могучих. Началась битва. Мы, гренландцы, стояли посреди толпы мятежников и не могли пробиться к врагам, чтобы показать силу своего оружия.

Я взял у Хельги золотое ожерелье и поднял его на острие меча.

— Вот ожерелье Попокаситлальина, — сказал я громко, так что все услышали. — Он дал его мне в залог того, что он убьет Ицтейакатля и сам станет правителем, и будет во всем слушать моих советов. Пусть будет правителем Попокаситлальин! Пусть Попокаситлальин сдержит свое слово и теперь же вынесет на крыльцо дома правителя голову Ицтейакатля!

Тогда астеки с удвоенной силой стали теснить стражу и прижали ее к воротам. Несколько десятков стражников повернулись и вошли в дом. Кто-то в толпе крикнул:

— Они убьют Попокаситлальина! Держи их!

Сигрид сказала:

— Зачем ты, Эрлинг, ведешь опасную игру и рискуешь нашими головами, когда можно действовать наверняка? Что, если Попокаситлальин струсит или не сумеет сдержать слово?

Я сказал:

— Мне все это и вправду кажется игрой. Науа просты, как дети, и управлять ими так же легко, как стадом овец. Куда труднее было покорить Вестрибюгд, хотя здесь людей не меньше ста тысяч, а там и двух тысяч не набралось бы.

Стражники тем временем собрались с духом и отбросили толпу от дома. У ворот осталось лежать сто или более трупов. Сигрид сказала:

— Сейчас народ разбежится, и наше дело будет проиграно.

Торхалль сказал:

— Пускай разбегаются, от них все равно никакого проку. Если бы они так не толкали и не теснили нас, мы могли бы сами вступить в бой, и тогда стражникам пришлось бы туго.

Над главным входом в дом правителя была другая дверь, которая вела в верхние покои. Под ней было подобие каменного крыльца из трех ступеней. Нижняя ступень нависала над воротами. Когда толпа обратилась в бегство, из этой верхней двери выступил правитель Ицтейакатль. Его легко было узнать по причудливому одеянию

и пестрой шапке из разноцветных перьев. У него были толстые губы и нос, а во рту не хватало половины зубов. Он указал рукой на меня и крикнул стражникам:

— Убейте этого чужеземца! Он не Кецалькоатль. Он самозванец. Убейте всех его спутников, кроме женщины с белыми волосами. Женщину приведите ко мне.

— Легче сказать, чем сделать! — крикнул Хельги.

Толпа разбегалась, и стражники подступали к нам. Мы обнажили мечи и встали плечом к плечу. Наши рабы-науа стояли по обе стороны от нас с оружием наготове. Но я понимал, что их мужества не хватит надолго.

Стражники бросились на нас всей гурьбой, размахивая обсидиановыми палицами. Мы выдержали первый натиск и убили пятерых, но наши рабы разбежались.

— Убейте их! — снова крикнул Ицтейакатль. — Но не трогайте женщину с белыми волосами!

— Замолчи, ты, старая беззубая собака! — ответила ему Сигрид. — Ты меня не получишь! И тем лучше для тебя, потому что я вырвала бы все янтарные кольца из твоих пухлых губ, а потом задушила бы тебя голыми руками.

Стражники окружили нас и теперь нападали сразу со всех сторон. Мы защищались стойко и убили многих врагов, но было ясно, что в конце концов они одолеют нас числом.

— Похоже, наш друг Попокаситлальин упустил случай стать конунгом, — сказал Кетиль.

Ицтейакатль громко вскрикнул, раскинул руки и упал ничком на ступени, так что его голова свесилась над главными воротами. В тот же миг на спину ему вспрыгнули два мальчика лет семи от роду. В руках у них были обсидиановые топоры.

Один из мальчиков отсек голову Ицтейакатля и показал ее людям на площади.

— Ицтейакатль умер! — крикнул он. — Теперь правителем будет Попокаситлальин!

Стражники перестали нападать на нас, опустили оружие и теперь во все глаза смотрели на мертвого конунга и его юных убийц. Разбежавшиеся астеки вернулись к дому тлатоани, так что теперь вся площадь снова была заполнена народом.

Сигрид спросила на языке науа:

— Кто этот мальчик, что отсек голову правителя?

Ей ответил стражник, стоявший неподалеку. Только что он пытался ударить Сигрид палицей, а она закрывалась щитом. Теперь они уже не были врагами. Стражник сказал:

— Это Ицкоатль, сын Попокаситлальина.

Катла сказала:

— Теперь понятно, почему мешкал Попокаситлальин: он отдал все свое мужество сыну.

Я сказал:

— Я возьму этого мальчика в ученики. Я сделаю из него настоящего правителя.

Второй мальчик тем временем распорол убитому спину и вытащил сердце. Он протянул его Ицкоатлю с такими словами:

— Великий бог Уицилопочтли забрал жизнь Ицтейакатля. Птичка колибри прилетела с юга и унесла его душу в Миктлан. Возьми это сердце и съешь его, Ицкоатль!

Ицкоатль принял сердце и начал рвать его зубами. Кровь текла по его щекам. Народ на площади громко кричал от радости.

— Кто этот второй? — спросил я.

— Тлакаэлель, сын жреца Уицилопочтли, — ответили люди.

— Его я тоже возьму в ученики. Он станет главным жрецом и верным помощником Ицкоатля.

В тот же день Попокаситлальин был провозглашен конунгом астеков. Я стал его первым советником, и не было случая, чтобы он поступил наперекор моему совету. Я взял в обучение Ицкоатля и Тлакаэллея. С тех пор минуло много зим. В Анауаке ход времени не так заметен, как у нас на севере, потому что зима здесь немногим отличается от лета.

Мои ученики возмужали. Ицкоатль не уступит теперь в бою мне самому. Скоро он станет конунгом и завоюет всю страну от Западного моря до Восточного. Я не буду больше задерживаться здесь в ожидании его побед, потому что они уже неминуемы. Анга ведет меня дальше на юг.

РЕЧИ ТЛАКАЭЛЕЛЯ

Тлакаэзель сказал:

— Свет Анги озаряет меня. Он превращает мой разум в чистую мудрость, мой дух — в чистую волю. Мне ведомо все. Я всемогущ.

Эрлинг сказал:

— Похоже, тебе не нужны больше мои уроки.

— Мне не нужно более ничего ни от людей, ни от богов. Я вижу весь свой путь и путь моего народа. Я вижу его ясно до самого конца.

— Скажи, что будет с тобой и с твоим народом.

— Астеки погибнут, но погибнут не так, как другие племена, покоряемые сильнейшими соседями. Астеки примут смерть спокойно, так, словно она ничего не значит для них. Они будут готовы. Астеки уйдут в Миктлан молча, в потоках крови и в сиянии Анги.

— Как ты добьешься этого, Тлакаэзель?

— Я велю построить огромный храм, и на вершине его я принесу в жертву богам сорок тысяч человек. Это будут лучшие из лучших, достойнейшие из достойнейших, гордость и слава Мешико. Сто шестьдесят помощников будет у меня, и они будут вспарывать тела жертв и бросать их сердца и печенки вниз, в толпу ликующего народа. Я сделаю так, чтобы лучшие из нас погибли, а остальные дрались за право сожрать их потроха. И все астеки украсят свои головы венками из омытых кровью цветов. Я совершу еще много подобных дел. И когда из-за Восточного моря придут беспощадные христиане, им достанутся только тела, но не души астеков. Ибо души их будут мертвы задолго до того дня. Кровавые реки унесут их в Миктлан, и они сольются с Ангой в невидимом страшном сиянии.

— Многие назовут тебя безумцем, Тлакаэзель, услышав такие речи.

— Только не ты, тольтекатель!

— Только не я, мой ученик.

* * *

НАПУТСТВИЕ ТЛАКАЭЛЕЛЯ

Эрлинг сказал:

— Я ухожу сегодня, прощай.

Тлакаэльель сказал:

— Куда ты пойдешь, учитель?

— Я пойду дальше на юг.

— Как далеко ты намерен идти?

— Насколько хватит жизни.

— Ты хочешь и другие народы этой земли подготовить к гибели?

— Только самые достойные.

— Ты многому научил меня, тольтекатль. Я в долгу перед тобой, и поэтому дам тебе один совет. Мудрость, которую я открою тебе, не менее истинна, чем та, что ты открыл мне.

— Говори же.

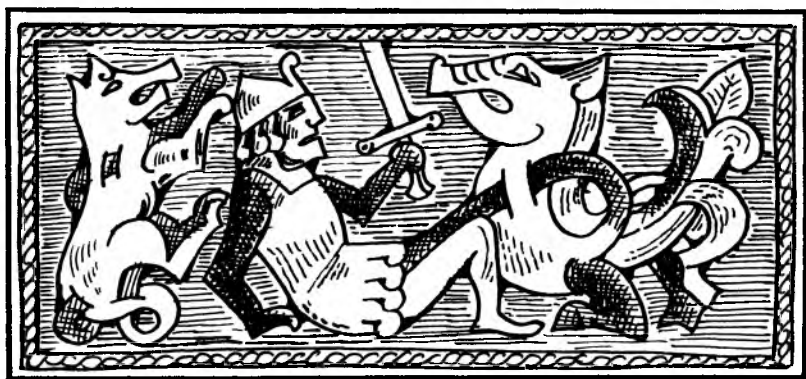
— Ты учил меня, что Анга объемлет весь мир, и весь мир — это Анга, и все сущее — игра лучей Анги. Ты говорил, что Анга — это Омейокан, где сливаются и неразличимы свет и тьма, любовь и ненависть, жар и холод. Ты пришел с севера из холодной страны, покрытой льдом, который не тает даже летом. Двигаясь на юг, ты заметил, что зимы становятся короче и теплее, а летнее время — длительнее и жарче. Но наш мир — это Анга. Ты пойдешь дальше на юг, и попадешь в еще более жаркие страны. Но когда-нибудь — такой день неизбежно придет — жар станет настолько велик, что начнет превращаться в холод. Таково тайное знание, которое я хотел открыть тебе, Эрлинг. Если идти очень долго на юг, в конце концов попадешь на север. Ибо наш мир — это Анга. Он подобен шару. Так ты сможешь вернуться в свою страну.

— То, что ты сказал, похоже на правду, Тлакаэльель.

— Не менее, чем то, что ты говорил мне.

— Я пойду на юг и буду идти до тех пор, пока не приду в Гренландию. Тогда мой путь охватит весь мир кольцом, словно змей Йормунганд из древних сказаний. Вот поистине замысел, достойный сына Анги! Я благодарен тебе за совет, мой ученик. Ты превзошел мудростью своего учителя.

— Прощай, брат мой Эрлинг. Анга зовет тебя в путь.

IX

Сегодня я уйду на юг в Гренландию. Я непременно приду туда, потому что мир — это Анга. Тлакаэлель прав. Эту рукопись я отдам ему, чтобы он спрятал ее в надежное место. Он дал мне в дорогу горшок с сушеным грибом теонананкатль, что значит «пища богов». Эта пища проясняет зрение колдунам, и она поможет мне не сбиться с пути. Я всегда буду видеть свой путь, прочерченный Ангой. Со мной пойдут Сигрид, Хельги и Торхалль, а также семеро астеков. Кетиль останется в Мешико. Он сдружился с Тлакаэлем и не хочет покидать его. Он стал жрецом в храме Уицилопочтли. Катла умерла три зимы тому назад. Это случилось во время священного обряда, когда она прорицала перед народом, выкурив четыре трубки толченого гриба теонананкатль.

На этом кончается моя сага.

Слава узревшим
в сумрачном небе,
во тьме бездонной
испепеляющий,
грозный, невидимый
Анги огонь,
в котором зло
и добро едины,

жар или холод,
жизнь или смерть —
не все ли равно вам?
Хеймдалля горн
давно отзвучал,
боги мертвы,
Анга сияет.
Пора мне идти
дорогой огня
в Омейокан —
южным путем —
в северный край,
к Эйрика детям,
мрущим от голода —
глаза слепящим
черным лучом
Анга герою
путь прочертила,
круг земной
кольцом опоясала.
Птицей лечу,
змеем стремлюсь —
Кецалькоатль —
навстречу сиянию,
круг замыкая,
сам стану огнем,
стану Вселенной,
Я — Анга.

* * *

Губернатору в собственные руки
По делу о латинских буквах

Вы правы, сеньор, это не по-испански и даже не по латыни. Подозреваемые сознались в измене и казнены. Манускрипт уничтожен.

Диего

P.S. Из достоверных источников мне стало известно, что некоторые богатые бездельники в Кастилии интересуются мешикскими книгами. Эти каракули здорово подскочили в цене. Возможно, следует унять пыл уважаемых святых отцов и не жечь все подряд. Мы теряем деньги, мой сеньор.

Варяжский пленник

Редактор
Н. Будур
Художественный редактор
Т. Хрычёва
Технический редактор
Н. Привезенцева
Корректор
Е. Выборнова
Компьютерная верстка
Т. Дианова

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.
Подписано в печать 10.11.97 г.
Гарнитура Миньон. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 34,62. Цена 32 700 р. (С 01.01.98 г. цена 32 р. 70 к.).
Цена для членов клуба 29 700 р.
(С 01.01.98 г. цена для членов клуба 29 р. 70 к.)

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб.,
18/1, а/я 27.

Варяжский пленник

В18 Вронский Ю. Кукуша, варяжский пленник; Марков А. Сага о Харальде Мореходе; Сага об Эрлинге; Южный поход Эрлинга; Марковы Е. и А. Сага о западных землях. — М.: ТЕРРА, 1997. — 608 с.: ил. — (Викинги).

ISBN 5-300-01494-X

В сборник вошли пять замечательных произведений о северных разбойниках. Повесть Юрия Вронского рассказывает о судьбе юного представителя словенского племени, еще ребенком похищенного викингами. Произведения молодых авторов — Елены и Александра Марковых — саги о войнах-северянах: Харальде, Эйрике Рыжем, Лейве и Эрлинге.

УДК 882
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

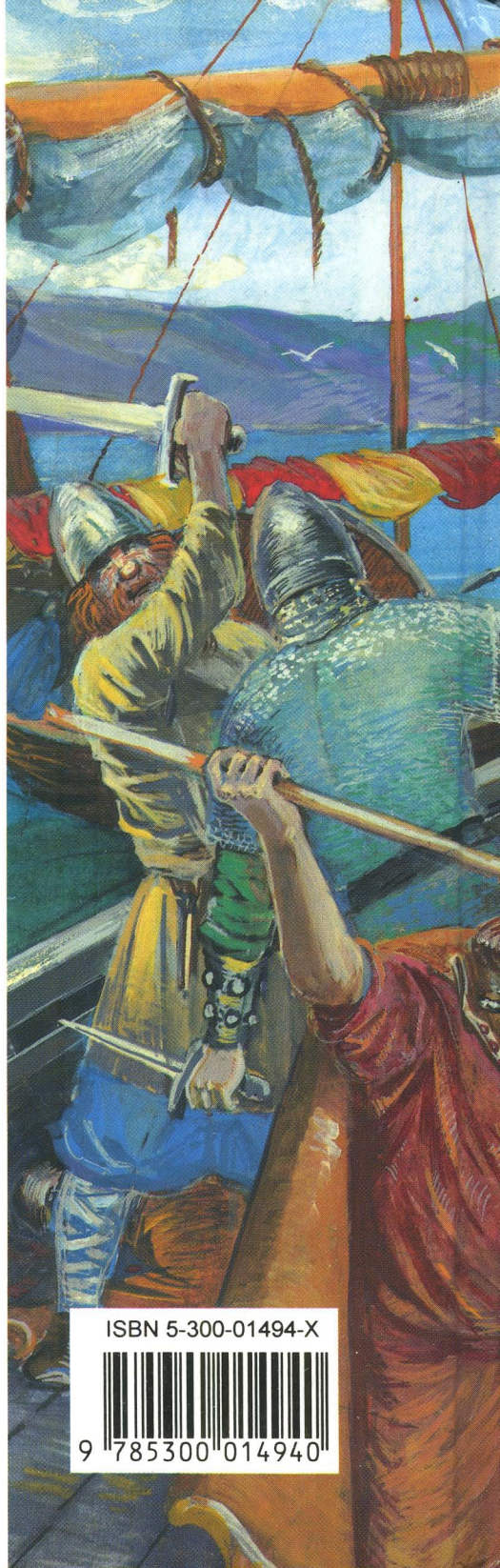

Викинги

«В Южной Швеции имеется много золота, привезенного из разбойничьих морских поездок. Эти морские разбойники, которых они называют викингами, мы же — ясеневыми людьми, дают, однако, конунгу данов дань, чтобы им можно было продолжать свои походы за добычей против варваров; во множестве живут они по берегу этого моря. Но случается, что они злоупотребляют предоставленной им свободой не только против врагов, но и против своих. Не знают они никакой верности по отношению друг к другу и без сострадания продают один другого, если тот ими захвачен, как несвободного слугу своему другу или варварам».

Адам Бременский

Впервые в мировой книгоиздательской практике «ТЕРРА» издает серию «ВИКИНГИ», в которой представляет литературные произведения, повествующие о славных подвигах и приключениях морских разбойников Средневековья.

ISBN 5-300-01494-X

9 785300 014940